

**INTERNATIONAL JOURNAL OF
MEDICINE AND PSYCHOLOGY /
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
МЕДИЦИНЫ И ПСИХОЛОГИИ**

2025, Том 8, № 5

Подписано к публикации: 04.07.2025

Главный редактор журнала
Боязитова Ирина Валерьевна, доктор психологических наук, профессор

Члены редакционной коллегии

- Агранович Надежда Владимировна** (РФ, г. Ставрополь) – доктор медицинских наук, профессор
Азовцева Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – кандидат медицинских наук, доцент
Акбиева Зарема Солтанмуратовна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Аль Замил Мустафа Кхалил М. Дауд (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, доцент
Аскерханов Гамид Рашидович (РФ, г. Махачкала) – доктор медицинских наук, профессор
Баев Валерий Михайлович (РФ, г. Пермь) – доктор медицинских наук, профессор
Берсенева Евгения Александровна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Боязитова Ирина Валерьевна (РФ, г. Пятигорск) – доктор психологических наук, профессор
Васильев Андрей Глебович (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Гаджимурадова Зоя Магомедовна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Гайдуков Сергей Николаевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Гвозденко Татьяна Александровна (РФ, г. Владивосток) – доктор медицинских наук, профессор
Дергунов Анатолий Владимирович (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Дерягина Лариса Евгеньевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Есина Елена Юрьевна (РФ, г. Воронеж) – доктор медицинских наук, профессор
Зеленский Владимир Александрович (РФ, г. Ставрополь) – доктор медицинских наук, профессор
Иванова Ольга Николаевна (РФ, г. Якутск) – доктор медицинских наук, профессор
Карлова Елена Владимировна (РФ, г. Самара) – доктор медицинских наук, профессор
Козлова Елена Михайловна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Корабельников Александр Иванович (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Кудайбергенов Талгат Капаевич (Казахстан, г. Алма-Ата) – доктор медицинских наук, профессор
Куликова Наталья Геннадьевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Леонова Елена Сергеевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Ловцова Любовь Валерьевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор фармацевтических наук, доцент
Локшин Вячеслав Нотанович (Казахстан, г. Алма-Ата) – доктор медицинских наук, профессор
Лоскутов Игорь Анатольевич (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Меских Елена Валерьевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Накохова Рида Рашидовна (РФ, г. Черкесск) – доктор психологических наук, профессор
Новопольцева Екатерина Геннадьевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Овсяник Ольга Александровна (РФ, г. Москва) – доктор психологических наук, доцент
Пазухина Светлана Вячеславовна (РФ, г. Тула) – доктор психологических наук, доцент
Пантюхин Андрей Валерьевич (РФ, г. Смоленск) – доктор фармацевтических наук, доцент
Петрова Наталия Гурьевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Петрушкина Надежда Петровна (РФ, г. Челябинск) – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник
Проккопьев Николай Яковлевич (РФ, г. Тюмень) – доктор медицинских наук, профессор
Прошин Андрей Владимирович (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, доцент
Прошина Лидия Григорьевна (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Севрюков Федор Анатольевич (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, доцент
Семенова Файзура Ореловна (РФ, г. Карачаевск) – доктор психологических наук, профессор
Скосарев Иван Александрович (Казахстан, г. Караганда) – доктор медицинских наук, профессор
Спирина Алена Вадимовна (РФ, г. Тюмень) – кандидат психологических наук, доцент
Тихомирова Галия Имамутдиновна (РФ, г. Ижевск) – доктор медицинских наук, доцент
Ткаченко Ирина Валерьевна (РФ, г. Армавир) – доктор психологических наук, доцент
Федоров Андрей Алексеевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор медицинских наук, профессор
Хаджиева Зара Джамалеевна (РФ, г. Пятигорск) – доктор фармацевтических наук, профессор
Ханидов Сергей Курбанович (РФ, г. Тула) – кандидат психологических наук, доцент
Хан Майя Алексеевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Пахеева Анжелика Амировна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Шабанов Петр Дмитриевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Шарабрин Евгений Георгиевич (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Ястребова Елена Борисовна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор

«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»
включен в перечень ВАК с 04.02.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru) и в Международную базу данных Agris.

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-76101 от 24 июня 2019г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2658-3313 (online)

E-mail: ijmp-journal@yandex.ru

Сайт: <https://ijmp.ru>

DOI: 10.58224/2658-3313-2025-8-5

© International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии, 2025

МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Баракина Д.М., Куликова Д.А., Соломанина О.О.,
Микуляк Н.И., Шепелев А.А.**
Спинальная мышечная атрофия и её влияние на психомоторное развитие (клинический случай) 6-11
- Мухаммадиев Сардор Эшнииёз угли, Капля М.С., Маджид Ливаа Аббас Маджид,
Мадримов Шукурулла Халилла угли, Родькин С.В.**
Сигнальные механизмы тетрациклинов группы антибиотиков и их изучение
с помощью цифровых технологий 12-23
- Джерештиева М.С., Тлупова Т.Г., Теуважукова Д.А.,
Алсаирафи Марам Ахмед Ибрахим Али Абдулла,
Аль Дубай Раад Набиль Мохаммед Абдульхамид**
Патогенез бактериального кератита 24-36
- Бадлеева М.В., Кожевников В.В., Мархаев А.Г., Юндунова О.В., Гунтупова А.Б.**
Влияние генотипа кластера Beijing 14717-15 на исходы заболевания туберкулезом 37-46
- Зуева А.А., Царева О.Р., Соломанина О.О., Микуляк Н.И., Шепелев А.А.**
Болезнь Мойя-Мойя (клинический случай) 47-52
- Рахимжанова К.Е., Мамедова А.Х.**
Связь онкологических заболеваний с атмосферным загрязнением: роль диоксида
азота и мелкодисперсных частиц в эпидемиологии рака в Республике Казахстан 53-59
- Доронькин Л.Д., Бояркин Е.В., Проничкина Я.С., Рябов М.Ф.,
Созанская А.С., Евстигнеев А.В.**
Ретроспективный анализ исходов операции аорто-коронарного
шунтирования в Республике Мордовия (2022-2024 гг) 60-66

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Сиротин И.А., Козьяков Р.В.**
Психологические особенности лиц с различными предпочтениями
в изобразительном искусстве 67-72
- Вавилова В.А., Касымбекова Э.Р., Ягудин Д.Р.**
Нейродинамическое восстановление как методика редуцирования нейрорефлекторных
дисфункций психосоматических расстройств и причин их возникновения 73-78
- Ягудин Д.Р., Павлова И.В.**
Нейроинтуиция и ее роль в процессе принятия решений 79-84
- Алыбин Е.А.**
Когнитивно-эмоциональные особенности самоидентификации
во вторичной языковой личности: психолингвистический анализ 85-92
- Орлов В.В., Иванова М.М., Шапкин П.А.**
Анализ зарубежных подходов к управлению психологической подготовкой студентов 93-98
- Гончарова Е.В., Маркова О.В.**
Анализ особенностей трудовой мотивации у представителей поколений «X», «Y», «Z» 99-106

Кречетов И.А., Козьяков Р.В.

Развитие правильного восприятия эмоционального состояния
соперника в ходе уроков по самбо 107-115

Сиротин И.А., Козьяков Р.В.

Специфика психологического восприятия у лиц с различными предпочтениями в искусстве 116-121

Аристова В.А., Самсонова Е.В.

Креативность и карьерные ориентации менеджеров среднего звена 122-127

Романова И.В., Гаврилова Н.В.

Особенности детско-родительских отношений в профилактике
риска суицидального поведения в подростковом возрасте 128-135

Бедниченко Е.Р., Аристова И.Л.

Возможности использования арт-терапевтических техник в коррекции
профессионального стресса у педагогов дошкольного образования 136-141

Бараева Л.М., Гашумова Р.А., Яковлева Е.В., Литонова С.С.

Оценка психологических особенностей студентов Кубанского государственного
медицинского университета на основе методики «Локус контроля»
и «Мотиваторы социально-психологической активности личности» 142-150

Лукашенко Д.В.

Психолого-педагогическое сопровождение инклюзивного образования: ключевые факторы
успешной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья 151-155

Павлишак А.И.

Копинг-стратегии и прокрастинация в профессиональной
деятельности медицинского персонала 156-163

Бабичев И.В., Войтикова М.А., Рыжов О.Н.

Основные факторы стресса в деятельности актеров ледовых шоу 164-169

Ильичёв И.В., Аксенов А.А., Мерзликин А.А., Краев Ю.В.

Особенности адаптации и подготовки студентов к стрессоустойчивым
ситуациям в высшем учебном заведении 170-176

Ольшевская Д.А., Киреева Т.И.

Характеристика тревожности у детей в младшем школьном возрасте:
современный психологический аспект 177-183

Соболевская Т.В.

Салютогенный подход в образовательной среде университета:
теоретические основы и практическое применение 184-190

Филоненко Е.В., Шестакова Е.С., Ситникова Э.О.

Взаимосвязь посттравматической, диссоциативной и психопатологической
симптоматики у пациентов шизофренического спектра 191-196

Шавлохова Е.С., Кирычкова В.А., Корнаухов С.А.

Нарушение критического восприятия в обществе: проблемы и перспективы 197-205

Демьяненко К.С.

Предсказательные модели сознания в современной психологии 206-213

Исакова Н.В., Филиппченкова С.И.

Психодиагностика уровня профессиональной готовности
студентов медицинского университета 214-220

Величко Н.Н., Величко М.В.

Проблемы психического здоровья у лиц, принимавших участие в вооруженных
конфликтах, и пути их решения 221-226

Кушкин С.А., Козьяков Р.В.

Креативное мышление как способ преодоления психологического
стресса в актерской профессии 227-234

Пугачева Е.В., Тымчиков А.Ю.

Практические рекомендации по повышению психологической готовности
к соревнованиям (чемпионатам) по профессиональному мастерству 235-242

Дерягина Л.Е.

Взаимосвязь структуры интеллекта и особенностей темперамента,
как базовых характеристик личности 243-250

Ольшевская Н.С., Боровая О.К., Егорова Е.Н.,

Морговка Д.Д., Сивак И.Н.
Анализ клинических проявлений синдрома патологического накопительства,
его диагностики и принципов лечения 251-258

Суриков К.О.

Восприятие времени в медиапространстве 259-264

Погонцева Д.В.

Шутки про пищевое поведение: отношение к полноте и пропаганда орторексии 265-271

Александров Д.В.

Чувство вины как моральный регулятор поведения 272-276

Антонов А.К.

Взаимосвязь личного пространства и успешности социальной адаптации мигрантов 277-281

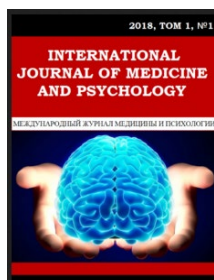
Процукович Е.П.

Дифференциация субъективного благополучия: анализ содержательных
характеристик в полярных группах 282-286

Турнаева Е.Д., Авдеева О.В.

Выявление страхов детей в период кризиса 7 лет и коррекция с помощью
арт-терапии: изотерапии и сказкотерапии 287-292

МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 616-092

¹ Баракина Д.М.,

¹ Куликова Д.А.,

¹ Соломанина О.О.,

¹ Микуляк Н.И.,

¹ Шепелев А.А.,

¹ Пензенский государственный университет

Спинальная мышечная атрофия и её влияние на психомоторное развитие (клинический случай)

Аннотация: в данной статье рассматривается клинический случай спинальной мышечной атрофии (СМА) II типа. Спинальная мышечная атрофия (СМА) – это аутосомно-рецессивное нервно-мышечное заболевание, вызванное делециями или мутациями в гене Survival Motor Neuron 1, которое сопровождается высокой заболеваемостью и смертностью, связанными с мышечной слабостью [1]. Симптоматическая картина заболевания включает слабость проксимальной мускулатуры, парезы, дыхательную недостаточность и высокую вероятность ранней смерти. Данное заболевание относится к группе системных атрофий, поражающих преимущественно центральную нервную систему, и наблюдается в детском возрасте. В статье представлено описание случая спинальной мышечной атрофии II типа. Обсуждаются вопросы нарушения когнитивных функций и моторного развития на фоне основного заболевания.

Ключевые слова: спинальная мышечная атрофия, нарушение в структуре гена, когнитивные нарушения, клинический случай, симптомы, «Золгенсма»

Для цитирования: Баракина Д.М., Куликова Д.А., Соломанина О.О., Микуляк Н.И., Шепелев А.А. Спинальная мышечная атрофия и её влияние на психомоторное развитие (клинический случай) // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 6 – 11.

Поступила в редакцию: 2 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Barakina D.M.,

¹ Kulikova D.A.,

¹ Solomanina O.O.,

¹ Mikulyak N.I.,

¹ Shepelev A.A.,

¹ Penza State University

Spinal muscular atrophy and its effect on psychomotor development (clinical case)

Abstract: this article discusses a clinical case of spinal muscular atrophy (SMA) type. Spinal muscular atrophy (SMA) is an autosomal recessive neuromuscular disease caused by deletions or mutations in the Survival Motor Neuron 1 gene, which is accompanied by high morbidity and mortality associated with muscle weakness [1]. The symptomatic picture of the disease includes weakness of the proximal muscles, paresis, respiratory failure and a

high probability of early death. This disease belongs to the group of systemic atrophy, affecting mainly the central nervous system, and is observed in childhood. The article describes a case of spinal muscular atrophy type II. The issues of impaired cognitive functions and motor development against the background of the underlying disease are discussed.

Keywords: spinal muscular atrophy, disorder in the structure of the gene, cognitive impairment, clinical case, symptoms, "Zolgensma"

For citation: Barakina D.M., Kulikova D.A., Solomanina O.O., Mikulyak N.I., Shepelev A.A. Spinal muscular atrophy and its effect on psychomotor development (clinical case). International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 6 – 11.

The article was submitted: March 2, 2025; Approved after reviewing: May 4, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Спинальные мышечные атрофии (СМА) являются генетическим заболеванием, характеризующееся прогрессирующей мышечной слабостью и атрофией. Это состояние обусловлено мутацией в гене SMN1, что приводит к недостаточному производству белка, необходимого для выживания моторных нейронов [4].

Современная классификация СМА основана на возрасте, в котором дебютирует заболевание, тяжести клинических проявлений и средней продолжительности жизни пациентов. В настоящее время для данного заболевания выделяют следующие формы, различающиеся по тяжести симптоматики [5]:

- Тип I (острая форма – болезнь Верднига – Гоффманна, или младенческая)

Возраст начала: До 6 месяцев

Симптомы: Тяжелые нарушения двигательной активности с первых месяцев жизни ребенка. Ребенок неспособен сидеть самостоятельно, возможны проблемы с дыханием и глотанием. Прогрессирование болезни быстрое, приводящее к тяжелой инвалидности и сокращению продолжительности жизни.

- Тип II (промежуточная форма – болезнь Дубовица)

Возраст начала: От 7 до 18 месяцев

Симптомы: У детей сохраняется способность сидеть, однако стояние и ходьба затруднены или невозможны. Наблюдается выраженная мышечная слабость, преимущественно в нижних конечностях, что может приводить к задержке в освоении двигательных навыков. Продолжительность жизни пациентов во многом определяется развитием и тяжестью осложнений, при этом наибольшую опасность представляют нарушения дыхательной функции.

- Тип III (хроническая форма – болезнь Кугельберга – Веландера)

Возраст начала: После 18 месяцев

Симптомы: Более легкое течение заболевания, дети способны ходить, хотя с возрастом возможно ухудшение состояния и потеря способности передвигаться без поддержки. Начало заболевания позднее, чаще всего в детстве или подростковом возрасте. Пациенты сохраняют способность стоять и ходить длительное время, хотя некоторые ограничения остаются постоянными.

- Тип IV (взрослая форма)

Возраст начала: Во взрослом возрасте (обычно старше 30 лет)

Симптомы: Проявляется медленным началом мышечной слабости, затрагивающей нижние конечности. Обычно не сопровождается серьезными осложнениями и сохраняет относительно нормальную жизнедеятельность пациентов. Симптомы слабо выражены и развиваются медленно, практически не влияя на продолжительность жизни [5].

Выделяют также СМА 0-го типа, но данный вариант заболевания является неисследованным, поскольку дети погибают на стадии внутриутробного развития в связи с тяжестью клинических проявлений.

Кроме классической четырехуровневой классификации, существует также дополнительное деление по клиническим проявлениям, уровню активности больных и скорости прогрессирования заболевания.

Спинальная мышечная атрофия (СМА) часто связана с изменениями в теломерной версии гена SMN1. Наиболее распространенной причиной СМА (около 95% случаев) являются гомозиготные делеции, затрагивающие экзон 7 или экзоны 7 и 8 этого гена. У оставшихся 5% пациентов наблюдается компаунд-гетерозиготность, при которой одна копия гена SMN1 имеет делецию, а другая – точечную мутацию. В редких случаях встречаются компаунд-гетерозиготы, несущие две менее значимые мутации [2].

Продуктом гена SMN является белок, который

играет свою роль как в ядрах клеток, так и в цитоплазме. В ядрах белок SMN обнаруживается в сферических структурах, называемых гемами, ассоциированных с тельцами Кахаля, вовлеченных в метаболизм РНК.

В основе этого недуга лежит снижение уровня белка выживания моторных нейронов (SMN), критически важного для функционирования и выживания моторных нейронов – клеток, передающих сигналы от спинного мозга к мышцам. Недостаток SMN вызывает каскад патологических изменений, ведущих к тяжелой инвалидизации и, в тяжелых случаях, к смерти [2, 3].

В целом, диагностика спинальной мышечной атрофии (СМА) осуществляется на основании медицинской истории пациента, анализа признаков изменения или утраты двигательных навыков, возраста начала симптомов, темпов их развития, а также информации о наследственности – наличии в семье случаев аналогичных неврологических заболеваний [7].

Специалист (невролог, педиатр или терапевт) может заподозрить спинальную мышечную атрофию (СМА), если у ребенка наблюдаются следующие признаки: пониженный мышечный тонус, нарастающая симметричная слабость мышц, расположенных ближе к центру тела (особенно в ногах), ослабление лицевых мышц, часто сопровождающееся нарушениями функций черепных нервов («Бульбарным синдромом»), и проблемы с дыханием, проявляющиеся в деформации грудной клетки (приобретающей форму колокола) и необычном типе дыхания. Начало СМА обычно характеризуется снижением тонуса мышц и слабостью проксимальных мышц нижних конечностей.

При подозрении на спинальную мышечную атрофию (СМА) у взрослых, особенно в случаях, представляющих диагностические трудности, для определения уровня поражения необходимо проведение инструментальных методов исследования, таких как:

- электромиография (ЭМГ) игольчатая (одна мышца) и электронейромиография (ЭНМГ) игольчатыми электродами (один нерв);
- электронейромиография стимуляционная одного нерва (одновременно);
- магнитно-резонансная томография (МРТ) мышечной системы [9].

До появления специфических методов лечения, основным подходом к терапии СМА было управление симптомами. Пациентам предлагали реабилитацию, лечебную физкультуру, диету и респираторную поддержку, а также лекарства для облегчения отдельных проявлений заболевания.

Этот подход, однако, не воздействовал на причину болезни [9].

Материалы и методы исследований

Представлен разбор клинического случая спинальной мышечной атрофии II типа (СМА II) с когнитивными и двигательными нарушениями. Рассматривается динамическая оценка состояния пациента, анализ медицинской документации и обзор данных зарубежной и отечественной литературы по течению и механизмам развития СМА II типа.

Результаты и обсуждения

Клинический случай.

Врачами диагностирована спинальная мышечная атрофия II типа у пациента М., 1 год 11 месяцев.

Анамнез жизни: ребенок родился в результате первой беременности матери, на фоне артериальной гипертензии, инфекции МВП, анемии легкой степени, кольпита. Роды 1-ые, срочные на 41-й неделе гестации, самостоятельные. Закричал сразу. При рождении масса тела – 3350 г, длина – 52 см, оценка по шкале APGAR – 8/9 баллов. Выписан из родильного дома на 3-е сутки.

Аллергоанамнез не отягощен. Вакцинация по индивидуальному графику, с 1 года – медицинский отвод. Наследственность не отягощена. Перенесенные заболевания: субклинический гипотиреоз, ОРВИ.

Отмечалось раннее моторное развитие: голову держит с 1,5 мес., переворачивается на живот с 3-4 мес., ползает по-пластунски с 6 мес., опора на руках с 8 мес., сидит с 10 мес., встает у опоры на коленках с 11-12 мес. Сидит с кифозированной спиной, отсутствует опора в ногах, самостоятельная ходьба. С апреля 2022 года (1 год 2 мес.) мама отмечает регресс моторного развития.

Анамнез болезни: В мае 2022 года была проведена консультация врачом-неврологом, по результатам которой Больной М. был направлен на электронейромиографию (от 16.05.2022 зарегистрировано снижение амплитуды М-ответов по обоим большеберцовым, бедренному, левому локтевому, правому срединному нерву при сохраненной скорости проведения) и молекулярно-генетическое исследование гена SMN1. Проведен анализ числа копий генов SMN от 08.06.2022: в результате исследования зарегистрирована гомозиготная делеция экзонов 7-8 гена SMN1, определено количество копий генов SMN 2 (19.05.2022) – выявлено 3 копии экзонов 7-8 гена SMN 2.

Помимо основных проявлений болезни, больной «столкнулся» с нарушениями психомоторики

и когнитивных функций. Для коррекции этих нарушений было принято решение консилиумом специалистов, оформленным в установленном порядке в рамках Всероссийского центра медицины катастроф, разрешить индивидуальный ввоз и применение препарата «Онасемноген Абепарвокек» («Золгенсма») с целью оказания необходимой медицинской помощи.

Препарат «Золгенсма», представляющий собой единственный доступный вариант геннотерапевтического лечения спинальной мышечной атрофии (СМА), основан на рекомбинантном аденоассоциированном вирусе (AAV). Вектор, представляющий собой вирус, лишенный способности к самовоспроизведению, несет в себе измененный нуклеотидный сегмент, содержащий информацию для синтеза белка SMN. После проникновения в мотонейроны, активация этого гена восполняет недостаток активности, вызванный мутацией собственного гена SMN. После проникновения в ядра двигательных нейронов человеческого организма, данный ген компенсирует утраченные функции естественного гена, которые были потеряны из-за генетической мутации, восстанавливая синтез нового необходимого белка SMN, который обеспечивает нормальное функционирование. Благодаря способности проникать сквозь гематоэнцефалический барьер, препарат достигает клеток-мишеней – мотонейронов. Однократная внутривенная инъекция препарата обеспечивает доставку исправленной копии гена SMN1 (трансгены) непосредственно в клетки пациента, предотвращая дальнейшее ухудшение состояния больного [6, 9, 10].

Стоит отметить, что у данного препарата, как и у большинства лекарственных средств, наблюдается ряд побочных эффектов: рвота и повышение уровня аминотрансфераз.

За сутки до проведения этиопатогенетической терапии проводились лабораторные исследования (общий и биохимический анализ крови, коагулограмма), по результатам которых не были выявлены значимые отклонения, также проводилась иммуносупрессивная терапия Преднизолоном совместно с гастропротекторами. В условиях ОРИТ больному проводили инфузию препарата «Онасемногена Абепарвокека» в дозировке 49,5 мл внутривенно на протяжении одного часа.

По завершении процедуры инфузии у пациента возникли различные осложнения. На второй день обнаружилась тошнота, а на третий – резкий рост температуры тела. Четвертые сутки сопровож-

дались двукратной рвотой и сохранением субфебрилитета. Во время пребывания в стационаре наблюдались эпизодические случаи рвоты после приема лекарств в жидкой форме, что привело к изменению формы их введения на таблетки. Для устранения возникших симптомов применялись меры снижения температуры и поддерживающая терапия. Контроль лабораторного обследования после инфузии выявил увеличение активности ферментов печени (АЛТ повысился до 132,3 Ед/л, АСТ – до 93,9 Ед/л).

После этиопатогенетической терапии отмечалась положительная динамика в формировании моторных навыков развития: с 1 г. 8 мес. больной встает на высокие колени, передвигается на четвереньках, в ортопедической обуви и тутах на нижних конечностях продолжительно стоит у опоры, делает приставные шаги возле опоры.

При повторном плановом поступлении в отделение психоневрологии и психосоматической патологии с целью прохождения курса реабилитационной терапии отмечается положительный неврологический статус: общемозговых и менингеальных симптомов нет, внимание привлекается, удерживается, эмоциональный фон ровный, психические навыки развиты по возрасту. Наблюдается активный лепет, несколько слов-слов. В двигательной сфере: объем пассивных движений ограничен за счет наличия контрактур в коленных суставах, объем активных движений снижен за счет мышечной слабости, преимущественно в нижних конечностях. Голову держит уверенно, переворачивается со спины на живот и обратно, самостоятельно садится через положение на четвереньках, сидит без опоры на руки с кифозированной спиной, может встать на высокие колени, ползает на четвереньках, стоит непродолжительно у опоры, делает несколько приставных шагов у опоры при ортопедической коррекции. Отмечается тремор в руках, нарастающий при целенаправленных движениях, и периодический тремор нижних конечностей.

Выводы

Спинальная мышечная атрофия – наследственное заболевание, полное излечение которого невозможно. Основной задачей терапии является замедление прогрессирования патологического процесса и максимальное повышение качества жизни пациента. Ранняя диагностика психомоторных нарушений и внедрение соответствующих профилактических и лечебных программ играют важнейшую роль в сдерживании негативных последствий заболевания.

Список источников

1. Чен З., Чен К., Лян К. др. Анестезиологическое обеспечение пациента со спинальной мышечной атрофией II типа при операции по поводу сколиоза: отчет о клиническом случае // BMC Anesthesiol. 2025. № 25 (173). С. 2.
2. Клинические рекомендации «Проксимальная спинальная мышечная атрофия 5q» МЗРФ. 2023. С. 4 – 7.
3. Диль А.В., Назаров В.Д., Сидоренко Д.В. и др. Исследование особенностей генетических изменений гена SMN1 при спинальной мышечной атрофии 5q // Нервно-мышечные болезни. 2022. № 12 (3). С. 36 – 44.
4. Шаркова И.В., Дадали Е.Л., Никитин С.С. Критерии диагностики спинальной мышечной атрофии 5q // Нервно-мышечные болезни. 2021. № 11 (3). С. 37 – 44.
5. Бофанова Н.С., Елисеева А.Р., Ончина В.С. Современные принципы терапии пациентов со спинальными мышечными атрофиями // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2023. № 123 (3). С. 34 – 40.
6. Меркури Э., Самнер К.Дж., Мунтони Ф., Даррас Б.Т., Финкель Р.С. Спинальная мышечная атрофия // Nat Rev Dis Primers. 2022. С.2.
7. Комарова Е.А., Котов А.С. Патогенетическая терапия у детей со спинальной мышечной атрофией // РМЖ. 2025. № 4. С. 26 – 30.
8. Артемьева С.Б., Белоусова Е.Д., Влодавец В.Д. и др. Клинические рекомендации. «Проксимальная спинальная мышечная атрофия 5q // Нервно-мышечные болезни». 2020. № 10 (4). С. 53 – 104; С. 60 – 64.
9. «Золгенсма». ВИДАЛЬ – справочник лекарственных средств. USR: <https://www.vidal.ru/drugs/zolgensma>
10. Артемьева С.Б., Папина Ю.О., Шидловская О.А. и др. Опыт применения генозаместительной терапии препаратом Золгенсма® (онасемноген абепарвовек) в реальной клинической практике в России // Нервно-мышечные болезни. 2022. № 12 (1). С. 29 – 38.

References

1. Chen Z., Chen K., Liang K. et al. Anesthetic management of a patient with spinal muscular atrophy type II during scoliosis surgery: a case report. BMC Anesthesiol. 2025. No. 25 (173). P. 2.
2. Clinical guidelines "Proximal spinal muscular atrophy 5q" of the Ministry of Health of the Russian Federation. 2023. P. 4 – 7.
3. Dil AV, Nazarov VD, Sidorenko DV et al. Study of the features of genetic changes in the SMN1 gene in spinal muscular atrophy 5q. Neuromuscular diseases. 2022. No. 12 (3). P. 36 – 44.
4. Sharkova IV, Dadali EL, Nikitin SS. Diagnostic criteria for spinal muscular atrophy 5q. Neuromuscular diseases. 2021. No. 11 (3). P. 37 – 44.
5. Bofanova N.S., Eliseeva A.R., Onchina V.S. Modern principles of therapy for patients with spinal muscular atrophies. S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry. 2023. No. 123 (3). P. 34 – 40.
6. Mercuri E., Sumner K.J., Muntoni F., Darras B.T., Finkel R.S. Spinal muscular atrophy. Nat Rev Dis Primers. 2022. P.2.
7. Komarova E.A., Kotov A.S. Pathogenetic therapy in children with spinal muscular atrophy. RMJ. 2025. No. 4. P. 26 – 30.
8. Artemyeva SB, Belousova ED, Vlodavets VD et al. Clinical guidelines. "Proximal spinal muscular atrophy 5q. Neuromuscular diseases". 2020. No. 10 (4). P. 53 – 104; P. 60 – 64.
9. "Zolgensma". VIDAL – a reference book of drugs. USR: <https://www.vidal.ru/drugs/zolgensma>
10. Artemyeva SB, Papina YuO, Shidlovskaya OA et al. Experience of using gene replacement therapy with Zolgensma® (onasemnogene abeparvovec) in real clinical practice in Russia. Neuromuscular diseases. 2022. No. 12 (1). P. 29 – 38.

Информация об авторах

Баракина Д.М., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-6128-2855>, Медицинский институт, Пензенский государственный университет, darabarakina56841@yandex.ru

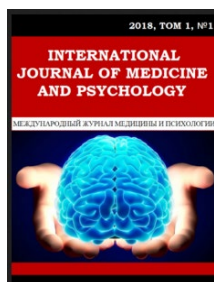
Куликова Д.А., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-9685-0146>, Медицинский институт, Пензенский государственный университет, kulikovad76@gmail.com

Соломанина О.О., кандидат медицинских наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-9037-0375>, Медицинский институт, Пензенский государственный университет, solomanina2010@yandex.ru

Микуляк Н.И., доктор медицинских наук, заведующая кафедрой «Физиология человека», ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8473-5781>, Медицинский институт, Пензенский государственный университет, normphys@mail.ru

Шепелев А.А., кандидат биологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-0603-6940>, Медицинский институт, Пензенский государственный университет, s.dirus@yandex.ru

© Баракина Д.М., Куликова Д.А., Соломанина О.О., Микуляк Н.И., Шепелев А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)

УДК 577.2

¹ Мухаммадиев Сардор Эшниёз угли,

¹ Капля М.С.,

¹ Маджид Ливаа Аббас Маджид,

¹ Мадримов Шукурулла Халилла угли,

¹ Родькин С.В.,

¹ Донской государственный технический университет

Сигнальные механизмы тетрациклинов группы антибиотиков и их изучение с помощью цифровых технологий

Аннотация: тетрациклины – одна из наиболее изученных групп антибиотиков, обладающая широким спектром биологической активности. Помимо антимикробного действия, эти соединения оказывают влияние на ключевые сигнальные пути клетки, включая регуляцию апоптоза, воспаления, пролиферации и дифференциации, что открывает возможности для их применения в терапии различных заболеваний, включая онкологические, воспалительные и нейродегенеративные патологии. В статье представлены современные данные о структуре и механизмах действия тетрациклинов, их влиянии на клеточные сигнальные системы, а также терапевтическом потенциале в медицине. Особое внимание уделено роли цифровых технологий в исследовании этих соединений. Рассмотрены перспективы использования цифровых методов для оптимизации структуры тетрациклинов, поиска новых мишеней и персонализированного подбора схем лечения, что может значительно повысить эффективность и безопасность данных препаратов.

Ключевые слова: антибиотики, лечение, тетрациклины, препараты, биологические исследования

Для цитирования: Мухаммадиев Сардор Эшниёз угли, Капля М.С., Маджид Ливаа Аббас Маджид, Мадримов Шукурулла Халилла угли, Родькин С.В. Сигнальные механизмы тетрациклинов группы антибиотиков и их изучение с помощью цифровых технологий // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 12 – 23.

Поступила в редакцию: 4 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Mukhammadiev Sardor Eshniyoz ugli,

¹ Kaplya M.S.,

¹ Majeed Liwaa Abbas Majeed,

¹ Madrimov Shukurulla Khalilla ugli,

¹ Rodkin S.V.,

¹ Don State Technical University

Signaling mechanisms of tetracycline antibiotics and their study using digital technologies

Abstract: tetracyclines are one of the most extensively studied groups of antibiotics, characterized by a broad spectrum of biological activity. Beyond their antimicrobial effects, these compounds influence key cellular signaling pathways, including the regulation of apoptosis, inflammation, proliferation, and differentiation, opening prospects for their use in treating various diseases, such as oncological, inflammatory, and neurodegenerative disorders. This article presents current data on the structure and mechanisms of action of tetracyclines, their impact on cellular signaling systems, and their therapeutic potential in medicine. Special attention is given to the role of

digital technologies in studying these compounds. The prospects of using digital methods for optimizing tetracycline structures, identifying new targets, and personalizing treatment regimens are discussed, which could significantly enhance the efficacy and safety of these drugs.

Keywords: antibiotics, treatment, tetracyclines, drugs, biological research

For citation: Mukhammadiev Sardor Eshniyoz ugli, Kaplya M.S., Majeed Liwaa Abbas Majeed, Madrimov Shukurulla Khalilla ugli, Rodkin S.V. Signaling mechanisms of tetracycline antibiotics and their study using digital technologies. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 12 – 23.

The article was submitted: March 4, 2025; Approved after reviewing: May 6, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Тетрациклины представляют собой одну из наиболее изученных групп антибиотиков, применяемых для лечения широкого спектра бактериальных инфекций. Их значение выходит далеко за рамки антимикробного действия, так как эти соединения оказывают влияние на разнообразные клеточные процессы, включая модуляцию воспалительных реакций, регуляцию окислительного стресса и активацию механизмов аутофагии. Благодаря этим свойствам тетрациклины находят применение не только в инфекционной медицине, но и в лечении воспалительных, нейродегенеративных и онкологических заболеваний [1].

Особый интерес к тетрациклинам обусловлен их способностью воздействовать на транскрипционные факторы, что позволяет модулировать клеточный ответ на стресс и контролировать процессы клеточной гибели. Например, было показано, что некоторые производные тетрациклинов способны ингибировать активацию факторов NF-κB и AP-1, связанных с воспалением и канцерогенезом, а также снижать уровень окислительного стресса за счёт регуляции экспрессии антиоксидантных ферментов. Эти свойства открывают перспективы использования тетрациклинов в терапии хронических воспалительных заболеваний, а также в неврологии для защиты нейронов при нейродегенеративных процессах [2].

Однако проблема антибиотикорезистентности остаётся серьёзным вызовом, требующим поиска новых механизмов действия этих соединений. Поэтому современные цифровые технологии, включая молекулярное моделирование, машинное обучение и биоинформатику, могут помочь в решении этой проблемы. Эти методы позволяют детально исследовать молекулярные мишени тетрациклинов, прогнозировать их влияние на биологические системы и создавать новые, более избирательные и эффективные аналоги. Например, молекулярное моделирование помогает выявлять потенциальные точки взаимодействия с белками-мишенями, тогда как алгоритмы машинного обучения могут ис-

пользоваться для предсказания фармакокинетики и токсичности новых соединений ещё на этапе их дизайна [3].

Материалы и методы исследований

В данном исследовании использован комплексный подход, объединяющий традиционные методы молекулярной биологии с передовыми цифровыми технологиями. Анализ литературы по механизмам действия тетрациклинов, их противовоспалительным, антиоксидантным и нейропротекторным свойствам проводился с использованием специализированных научных баз данных (PubMed, Scopus, Web of Science). Методы машинного обучения, включая случайные леса и графовые нейронные сети, использовались для предсказания фармакокинетических свойств и токсичности новых производных тетрациклинов на основе открытых химико-биологических датасетов. Полученные результаты сопоставлялись с данными, опубликованными в рецензируемых источниках, что обеспечивало валидацию цифровых моделей и позволило сделать обоснованные выводы о потенциале тетрациклинов в качестве многофункциональных терапевтических агентов.

Результаты и обсуждения

Интеграция классических биологических исследований с передовыми цифровыми методами открывает новые горизонты для применения тетрациклинов в медицине, обеспечивая более точное и персонализированное лечение.

Общая характеристика тетрациклинов

История открытия и развитие группы антибиотиков

Тетрациклины были открыты в 1940-х годах и стали революционными препаратами в лечении инфекционных заболеваний. Первые природные представители, такие как окситетрациклин и тетрациклин, были выделены из штаммов актиномицетов. Эти антибиотики обладали широким спектром действия и активно использовались против различных бактериальных инфекций. Однако со временем возникла необходимость в создании

более эффективных и устойчивых к ферментативной деградации препаратов [4].

В ответ на этот вызов были разработаны полусинтетические аналоги, такие как доксициклин и миноциклин. Эти препараты характеризуются улучшенными фармакокинетическими свойствами, включая более длительный период полураспада и лучшее проникновение в ткани. Они нашли широкое применение не только в лечении бактериальных инфекций, но и в терапии воспалительных заболеваний [5].

В последние десятилетия особое внимание уделяется созданию новых модифицированных тетрациклинов, таких как тигециклин и эрагциклин. Эти препараты обладают высокой активностью против устойчивых патогенов, включая бактерии с множественной лекарственной устойчивостью. Их использование расширяет возможности лечения инфекций, вызванных резистентными микроорганизмами, что особенно важно в условиях роста антибиотикорезистентности [6].

Классический механизм антибактериального действия

Тетрациклины действуют за счет ингибирования рибосомальной субъединицы 30S, что приводит к нарушению процесса трансляции белков в бактериальной клетке. Они блокируют связывание аминокислотил-тРНК с акцепторным участком рибосомы, тем самым останавливая синтез белков и подавляя рост и размножение бактерий. Это делает тетрациклины бактериостатическими антибиотиками, которые не убивают микроорганизмы напрямую, а препятствуют их распространению, позволяя иммунной системе организма справиться с инфекцией [7].

Тетрациклины обладают широким спектром антибактериальной активности, действуя против грамположительных и грамотрицательных бактерий, а также ряда внутриклеточных патогенов, включая риккетсии, хламидии и микоплазмы. Это делает их универсальными препаратами для лечения многих инфекционных заболеваний [8].

Проблема антибиотикорезистентности

Со временем многие бактерии выработали эффективные механизмы защиты от тетрациклинов,

что снизило их клиническую эффективность. Один из них – активный выброс антибиотика из клетки с помощью транспортных белков в бактериальной мембране, которые снижают концентрацию тетрациклина внутри клетки, препятствуя блокировке рибосом [9].

Другой механизм – изменение структуры рибосом. Мутации в рибосомальных белках или модификация 16S рРНК уменьшают сродство тетрациклинов к мишеням, снижая их связывание и защищая бактерию. Некоторые бактерии инактивируют тетрациклины с помощью ферментов, которые модифицируют или разрушают молекулы антибиотика, значительно снижая их активность. Эти ферменты либо изменяют активные группы, либо полностью расщепляют тетрациклины, делая их неэффективными [9].

Антибиотикорезистентность – глобальная проблема, требующая новых решений. Исследования направлены на создание тетрациклинов нового поколения с повышенной стабильностью, сродством к рибосомам и способностью обходить резистентность. Также изучаются их альтернативные действия, включая модуляцию сигнальных путей и неантибиотические эффекты: противовоспалительные, нейропротекторные и противоопухолевые. Такой подход дает надежду на разработку эффективных и устойчивых к резистентности препаратов для борьбы с современными патогенами [10].

Влияние тетрациклинов на сигнальные пути клетки

Противовоспалительные механизмы

Тетрациклины оказывают выраженное противовоспалительное действие, подавляя активность транскрипционного фактора NF-κB, который регулирует экспрессию множества провоспалительных цитокинов, включая TNF-α, IL-6 и IL-1β. Это ключевой механизм контроля воспалительного ответа, что делает тетрациклины перспективными средствами для лечения хронических воспалительных заболеваний, таких как ревматоидный артрит, воспалительные заболевания кишечника и рассеянный склероз (табл. 1).

Таблица 1

Влияние тетрациклинов на сигнальные пути клетки.

Table 1

The effect of tetracyclines on cell signaling pathways.

Механизм действия	Описание	Терапевтический потенциал
Противовоспалительные эффекты	Подавление NF-κB, снижение цитокинов (TNF-α, IL-6, IL-1β). Ингибирование макрофагов, снижение MMP. Уменьшение активации астроцитов и микроглии.	Лечение ревматоидного артрита, рассеянного склероза, нейровоспалений.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Антиоксидантные и нейропротекторные эффекты	Модуляция MAPK/ERK, снижение окислительного стресса и АФК. Регуляция апоптоза, стабилизация митохондрий, блокировка цитохрома С.	Терапия болезней Альцгеймера, Паркинсона, ишемического инсульта.
Влияние на аутофагию	Модуляция аутофагии, удаление повреждённых белков и органелл. Регуляция при раке.	Лечение нейродегенераций, адъювантная терапия рака.
Влияние на митохондриальную функцию	Усиление биогенеза митохондрий, синтеза АТФ. Снижение окислительного стресса, защита дыхательной цепи.	Терапия болезней Паркинсона, Альцгеймера, метаболического синдрома.
Роль цифровых технологий	ИИ и молекулярное моделирование для анализа путей, поиска мишеней, оптимизации дозировок.	Разработка персонализированных подходов, ускорение клинического применения.

Дополнительно, тетрациклины ингибируют активацию микро- и макрофагов, снижая их продукцию медиаторов воспаления. Они также уменьшают уровень матриксных металлопротеиназ (ММР), что препятствует разрушению внеклеточного матрикса при воспалительных процессах. Их способность снижать активацию астроцитов и микроглии в центральной нервной системе делает их полезными для лечения нейродегенеративных и нейровоспалительных заболеваний [11].

Антиоксидантные и нейропротекторные эффекты

Тетрациклины, помимо своего основного антимикробного действия, проявляют выраженные антиоксидантные и нейропротекторные свойства, открывая новые перспективы в терапии заболеваний, связанных с окислительным стрессом и дегенеративными процессами. Одним из ключевых механизмов является их способность модулировать MAPK/ERK-сигнальный путь, что приводит к снижению уровня окислительного стресса. Этот эффект особенно важен для защиты нейронов, чувствительных к повреждению свободными радикалами, и предотвращения структурных нарушений в тканях. Параллельно тетрациклины подавляют избыточную продукцию активных форм кислорода (АФК), тем самым уменьшая окислительное повреждение липидов, белков и ДНК. Такое двойное воздействие на окислительный баланс играет критическую роль в замедлении прогрессирования возрастных нейродегенеративных патологий, включая болезни Альцгеймера и Паркинсона (табл. 1) [12].

Важным аспектом их нейропротекции является влияние на апоптотические процессы. Тетрациклины регулируют ключевые этапы каскада запрограммированной клеточной гибели, предотвращая избыточную потерю нейронов как при острых состояниях, например, после ишемического инсульта,

так и при хронических дегенеративных изменениях. Дополнительным защитным механизмом выступает стабилизация митохондриальных мембран, которая блокирует выброс цитохрома С – триггера апоптоза. Эта особенность не только усиливает сопротивляемость клеток к окислительному стрессу, но и имеет терапевтическое значение при ишемически-реперфузионных повреждениях и нейродегенерации (Таблица 1). Совокупность этих эффектов делает тетрациклины многофункциональными агентами, потенциал которых выходит далеко за рамки традиционной антибиотикотерапии [13].

Влияние на аутофагию и митохондриальную функцию

Тетрациклины демонстрируют многогранное влияние на ключевые клеточные процессы, такие как аутофагия и митохондриальная функция, расширяя спектр их терапевтического потенциала. Их способность модулировать аутофагию позволяет поддерживать клеточный гомеостаз за счёт селективного удаления повреждённых белков и органелл, что критически важно в условиях накопления токсичных агрегатов. Этот механизм активируется, например, при избытке дефектных митохондрий или патологических белковых комплексов, характерных для нейродегенеративных заболеваний и онкологических процессов. При раке регулируемая аутофагия может как способствовать выживанию клеток в условиях стресса, так и выступать инструментом их элиминации, что открывает перспективы для адъювантной терапии (табл. 1) [14].

Не менее значимо их воздействие на митохондриальную динамику. Тетрациклины усиливают биогенез митохондрий, повышая количество этих органелл в энергозависимых клетках – нейронах, кардиомиоцитах, гепатоцитах. Это сопровождается улучшением окислительного фосфорилирова-

ния и синтеза АТФ, что особенно важно в условиях повышенной метаболической нагрузки или ишемии. Параллельно они снижают митохондриальный окислительный стресс, подавляя избыточное образование супероксидных радикалов и защищая дыхательную цепь от повреждения (табл. 1). Такая двойная регуляция – усиление энергообмена при одновременной минимизации оксидативного ущерба – повышает устойчивость клеток к гипоксии, воспалению и другим патологическим состояниям [15].

Эти свойства делают тетрациклины перспективными агентами в терапии заболеваний, связанных с дисфункцией митохондрий и нарушением аутофагии. Их применение изучается при болезни Паркинсона, где восстановление аутофагического клиренса альфа-синуклеина может замедлить прогрессирование, а также при болезни Альцгеймера, метаболическом синдроме и сердечно-сосудистых патологиях. Внедрение цифровых технологий, таких как искусственный интеллект для анализа больших данных и молекулярное моделирование, значительно ускоряет исследование сигнальных путей тетрациклинов. Машинное обучение помогает идентифицировать новые мишени их действия, предсказывать побочные эффекты и оптимизировать дозировки, что сокращает время перехода от экспериментальных моделей к клиническому применению (табл. 1). Таким образом, сочетание фармакологического потенциала тетрациклинов с инновационными технологиями создаёт основу для персонализированных подходов в лечении сложных многофакторных заболеваний [16].

Терапевтический потенциал тетрациклинов

Тетрациклины обладают широким спектром терапевтических возможностей, которые выходят за рамки традиционного применения в лечении бактериальных инфекций. Современные исследования фокусируются на их потенциале в различных областях медицины, включая неврологию, онкологию, кардиологию и другие области [17].

Применение в неврологии и психиатрии

Тетрациклины проявляют перспективные свойства для лечения неврологических и психиатрических заболеваний благодаря своей способности снижать нейровоспаление и модулировать активность нейротрансмиттеров. Особенно активно исследуются тетрациклины как потенциальные препараты для лечения болезни Альцгеймера и болезни Паркинсона. Исследования показывают, что тетрациклины могут модулировать активность микроорганизмов, участвующих в воспалительных процессах в мозге, что способствует уменьшению нейровоспаления, являющегося одним из ключе-

вых механизмов прогрессирования этих заболеваний. Например, тетрациклины могут блокировать активность ферментов, таких как металлопротеиназы, которые способствуют разрушению нейронных структур. Это открывает новые возможности для разработки лекарств, замедляющих прогрессирование нейродегенеративных заболеваний [18].

Кроме того, благодаря своему воздействию на микробиом, тетрациклины могут оказывать влияние на уровень нейропептидов и других молекул, участвующих в психических заболеваниях. Потенциал тетрациклинов в психиатрии, особенно в лечении депрессии, шизофрении и биполярного расстройства, связан с их возможностью модулировать уровни воспалительных цитокинов в мозге, что снижает симптомы депрессии и тревожности.

Роль в онкологии

Тетрациклины действительно играют значительную роль в противоопухолевой терапии, в том числе за счёт ингибирования ангиогенеза — процесса формирования новых кровеносных сосудов, который критически важен для роста и метастазирования опухолей. Такие производные тетрациклинов, как доксициклин и миноциклин, способны ингибировать активность металлопротеиназ матрикса (ММП), ферментов, которые разрушают внеклеточный матрикс и способствуют инвазии опухолевых клеток. Подавляя активность ММП, эти препараты снижают способность опухолей к инвазии и метастазированию, ограничивая доступ питательных веществ и кислорода, необходимых для их роста [19, 20].

Кроме того, тетрациклины могут влиять на экспрессию генов, участвующих в канцерогенезе, модулируя сигнальные пути, связанные с апоптозом, пролиферацией и дифференциацией клеток. Например, они могут стабилизировать и активировать опухолевый супрессорный белок p53, который играет ключевую роль в контроле клеточного цикла и активации запрограммированной гибели повреждённых клеток. Это свойство особенно важно, так как мутации или потеря функции p53 связаны со многими типами злокачественных новообразований [21].

Благодаря сочетанию ангиостатического эффекта, способности модулировать экспрессию генов и подавлять инвазивность опухолевых клеток, тетрациклины рассматриваются как перспективные агенты для комбинированной терапии, что может повысить эффективность лечения и снизить побочные эффекты традиционной химиотерапии.

Использование в кардиологии

Тетрациклины оказывают значительное влияние на воспалительные процессы в организме, что делает их перспективными средствами для лече-

ния сердечно-сосудистых заболеваний, таких как атеросклероз. Воспаление играет ключевую роль в патогенезе атеросклероза, и тетрациклины, подавляя активность воспалительных молекул, таких как цитокины и металлопротеиназы, могут замедлять образование атеросклеротических бляшек, снижая риск инфарктов и инсультов [22].

Некоторые исследования показывают, что тетрациклины могут предотвращать развитие осложнений, связанных с атеросклерозом, таких как гипертензия и стенозирование сосудов. Их способность модулировать клеточные реакции, такие как пролиферация гладкомышечных клеток и их миграция, также способствует улучшению состояния сосудов, что может быть полезным при лечении хронической сердечной недостаточности и других сосудистых заболеваний [22].

Другие области медицины

Тетрациклины находят применение в различных областях медицины, демонстрируя потенциал, выходящий за рамки антимикробной терапии. В лечении аутоиммунных заболеваний, таких как ревматоидный артрит и системная красная волчанка, их способность модулировать иммунный ответ открывает новые терапевтические возможности. Ингибируя активность фагоцитов и снижая продукцию провоспалительных медиаторов, они уменьшают повреждение тканей, вызванное гиперактивностью иммунной системы. Это позволяет использовать их в качестве адъювантной терапии, сокращая потребность в агрессивных иммуносупрессорах и минимизируя побочные эффекты [19].

В дерматологии тетрациклины уже давно заняли прочную позицию благодаря сочетанию антибактериального и противовоспалительного действия. Препараты вроде доксициклина и миноциклина эффективно подавляют рост бактерий, связанных с акне и розацеа, одновременно уменьшая эритему и отёчность. Их способность регулировать цитокиновый каскад и ингибировать матриксные металлопротеиназы расширяет применение при хронических патологиях, включая экзему и псориаз, где ключевым становится не только борьба с инфекцией, но и контроль воспаления [23].

Перспективным направлением является регенеративная медицина, где тетрациклины стимулируют восстановление тканей за счёт активации синтеза коллагена и компонентов внеклеточного матрикса. Это ускоряет заживление ран, ожогов и послеоперационных рубцов, а также способствует

ремоделированию повреждённых структур. Исследования изучают их роль в восстановлении костной и хрящевой ткани, что может революционизировать подходы к лечению травм и дегенеративных заболеваний опорно-двигательного аппарата [24].

Универсальность тетрациклинов, подкреплённая их способностью влиять на фундаментальные клеточные процессы, продолжает вдохновлять научное сообщество. От иммуномодуляции до регенерации – эти препараты остаются в фокусе междисциплинарных исследований, открывая пути для персонализированных и комплексных терапевтических стратегий в борьбе с разнообразными патологиями.

Цифровые технологии в изучении сигнальных механизмов тетрациклинов

Цифровые технологии играют ключевую роль в современных фармакологических исследованиях, позволяя глубже понять молекулярные механизмы действия тетрациклинов и оптимизировать их терапевтические свойства. Использование таких методов, как молекулярное моделирование, машинное обучение, анализ гистологических изображений и геномные технологии, значительно ускоряет процесс создания новых препаратов и снижает затраты на их разработку.

Молекулярное моделирование и докинг-исследования

Молекулярное моделирование и докинг-исследования позволяют изучать взаимодействие тетрациклинов с белковыми мишенями на атомарном уровне, что критически важно для понимания их механизма действия. Программные пакеты, такие как SwissDock, AutoDock и Chimera, предоставляют возможности для создания трёхмерных моделей молекул, оценки их связывания и прогнозирования эффективности ингибирования мишеней. SwissDock, например, используется для моделирования взаимодействия малых молекул с белками, оценивая возможные конформации и энергетические профили связывания. AutoDock и его расширения обеспечивают более точные расчёты энергии взаимодействия и дают рекомендации по оптимизации молекулярной структуры, а Chimera используется для визуализации и анализа молекулярной динамики, что помогает исследователям глубже понять структурные аспекты взаимодействия тетрациклинов с клеточными мишенями (табл. 2) [25].

Таблица 2

Цифровые технологии в изучении сигнальных механизмов тетрациклинов.

Table 2

Digital technologies in the study of signaling mechanisms of tetracyclines.

Технология	Описание	Применение
Молекулярное моделирование и докинг	Использование SwissDock, AutoDock, Chimera для изучения взаимодействия тетрациклинов с белками, оценки связывания и оптимизации структуры.	Прогноз эффективности, оптимизация молекул, изучение механизмов действия.
ИИ и машинное обучение	Глубокое обучение, графовые нейронные сети, случайные леса для скрининга молекул, прогнозирования активности, токсичности и устойчивости к резистентности.	Поиск новых соединений, идентификация мишеней, персонализация терапии.
Обработка гистологических изображений	ImageJ и CellProfiler для анализа морфологических изменений в клетках и тканях под действием тетрациклинов.	Количественная оценка клеточных изменений, повышение воспроизводимости.
Анализ сигнальных путей	Pathway Studio, Cytoscape для визуализации и моделирования влияния тетрациклинов на клеточные процессы.	Выявление мишеней, моделирование апоптоза, воспаления, пролиферации.
Геномика и протеомика	RNA-seq, масс-спектрометрия, CRISPR/Cas9 для изучения экспрессии генов, белков и создания клеточных моделей.	Определение молекулярных мишеней, ускорение предклинических исследований.

Искусственный интеллект и машинное обучение в фармакологии

Искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение (МО) становятся важными инструментами в исследовании тетрациклинов, значительно расширяя возможности анализа данных и оптимизации молекулярных структур. Эти технологии позволяют не только ускорить процесс поиска новых активных соединений, но и точнее прогнозировать их эффективность, безопасность и фармакокинетические свойства (Таблица 2).

На этапе виртуального скрининга ИИ помогает находить перспективные молекулы среди миллионов возможных вариантов. Для этого используются методы глубокого обучения, такие как графовые нейронные сети, которые анализируют химические структуры, учитывая их топологию и функциональные группы (Таблица 2). Это позволяет предсказывать, как небольшие изменения в молекуле могут повлиять на её активность, растворимость и способность преодолевать клеточные барьеры [26].

Для оценки биологической активности и токсичности новых соединений применяются модели классификации и регрессии, такие как случайные леса и нейронные сети. Эти алгоритмы обучаются на больших наборах экспериментальных данных, что позволяет точно предсказывать такие ключевые параметры, как минимальная подавляющая концентрация, цитотоксичность и метаболическая стабильность.

ИИ также используется для оптимизации

структуры молекул, что помогает разрабатывать соединения, устойчивые к известным механизмам антибиотикорезистентности. Например, генеративные модели могут автоматически корректировать молекулярные структуры для повышения их стабильности и эффективности, создавая новые соединения, способные преодолевать эффлюксные насосы или эффективно связываться с мутировавшими рибосомами [27].

Кроме того, ИИ активно применяется для идентификации новых мишеней тетрациклинов, включая сигнальные белки, факторы транскрипции и ферменты, участвующие в патогенезе заболеваний (Таблица 2) [28]. Такие подходы позволяют разрабатывать многоцелевые препараты, которые одновременно ингибируют несколько ключевых мишеней, что может существенно повысить эффективность терапии.

Наконец, ИИ используется для персонализированного подхода к лечению, анализируя генетические данные и метаболические профили пациентов для предсказания их реакции на терапию. Это позволяет разрабатывать более точные схемы лечения и снижать риск побочных эффектов.

Цифровая обработка гистологических изображений

Автоматизированные системы анализа гистологических изображений, такие как ImageJ и CellProfiler, играют важную роль в исследовании влияния тетрациклинов на клетки и ткани. Эти инструменты позволяют проводить точные количественные оценки морфологических изменений,

вызванных воздействием препаратов, снижая влияние человеческого фактора и обеспечивая высокую воспроизводимость результатов. ImageJ предоставляет широкий спектр инструментов для обработки и анализа изображений, включая измерение клеточных параметров, количественный подсчёт клеток и идентификацию клеточных изменений, тогда как CellProfiler автоматизирует классификацию клеток и анализ сложных клеточных паттернов (табл. 2), что упрощает интерпретацию экспериментальных данных [29].

Анализ метаболических путей и биологических процессов

Цифровые инструменты, такие как Pathway Studio и Cytoscape, позволяют визуализировать сложные сети клеточных сигнальных путей, в которых участвуют тетрациклины (Таблица 2). Эти программы помогают моделировать влияние препаратов на клеточные процессы, такие как пролиферация, апоптоз и воспаление, выявлять ключевые мишени и оценивать потенциальные точки воздействия [30]. Такой подход значительно расширяет возможности для создания новых лекарств, адаптированных к конкретным биологическим условиям.

Цифровые технологии в геномике и протеомике

Методы секвенирования нового поколения (NGS), такие как RNA-seq, а также протеомные методы, включая масс-спектрометрию, позволяют детально изучать влияние тетрациклинов на экспрессию генов и белков. Эти технологии помогают выявить новые молекулярные мишени и оценить изменения в клеточных сигнальных путях под действием препаратов. Инструменты геномной инженерии, такие как CRISPR/Cas9, позволяют создавать модели клеток и организмов для тестирования тетрациклинов на уровне целых систем (табл. 2), ускоряя предклинические исследования [31].

Перспективы исследований и новые направления

Развитие науки и технологий открывает широкие возможности для создания инновационных препаратов на основе тетрациклинов и совершенствования их терапевтических свойств. Сегодня исследования в этой области активно развиваются, включая создание новых аналогов тетрациклинов с улучшенными фармакокинетическими характе-

ристиками, такими как повышенная стабильность, длительное действие и способность преодолевать биологические барьеры. Эти свойства значительно расширяют их потенциальное применение, позволяя более эффективно бороться с инфекциями, а также воздействовать на патогены, традиционно устойчивые к антибиотикам [32].

Особое внимание уделяется химической модификации молекулы тетрациклина для повышения её активности против устойчивых штаммов бактерий, а также для создания соединений, обладающих антивирусными и противогрибковыми свойствами [33]. Такие усовершенствованные молекулы могут не только снижать риск развития резистентности, но и значительно расширять спектр их терапевтического применения.

Комбинированная терапия также открывает новые перспективы использования тетрациклинов. Сочетание с другими антимикробными средствами, противоопухолевыми препаратами или нейротропными может значительно усилить их эффективность.

Не менее важным направлением является использование цифровых технологий, таких как ИИ и МО. Эти методы позволяют быстро анализировать большие объёмы данных, предсказывать эффективность новых соединений, моделировать их взаимодействие с клеточными мишенями и разрабатывать персонализированные схемы лечения, что делает процесс разработки лекарств более точным и экономически эффективным [26].

Инновационные методы доставки, такие как наночастицы, микросферы и липосомы, позволяют направлять тетрациклины точно к поражённым тканям, минимизируя побочные эффекты и повышая биодоступность [31]. Эти технологии особенно перспективны для преодоления биологических барьеров, таких как гематоэнцефалический барьер, что открывает новые возможности для лечения неврологических заболеваний.

Выводы

Таким образом, дальнейшее развитие тетрациклинов включает создание новых молекул с улучшенными свойствами, интеграцию цифровых технологий для оптимизации их свойств и разработку инновационных методов доставки, что открывает перед клинической практикой широкие горизонты.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ № FZNE-2024-0004

Список источников

1. Rusu A., Buta E.L. The Development of Third-Generation Tetracycline Antibiotics and New Perspectives // *Pharmaceutics*. 2021. Vol. 13. № 12. P. 2085.
2. Orsucci D., Calsolaro V., Mancuso M., Siciliano G. Neuroprotective Effects of Tetracyclines: Molecular Targets, Animal Models and Human Disease // *CNS & Neurological Disorders – Drug Targets*. 2009. Vol. 8. № 3. P. 222 – 231.
3. Aggarwal M., Patra A., Awasthi I., George A., Gagneja S., Gupta V., Capalash N., Sharma P. Drug repurposing against antibiotic resistant bacterial pathogens // *The European Journal of Medicinal Chemistry*. 2024. Vol. 279. P. 116833.
4. LaPlante K.L., Dhand A., Wright K., Lauterio M. Re-establishing the utility of tetracycline-class antibiotics for current challenges with antibiotic resistance // *Annals of Medicine*. 2022. Vol. 54. № 1. P. 1686 – 1700.
5. Terreni M., Taccani M., Pregnolato M. New Antibiotics for Multidrug-Resistant Bacterial Strains: Latest Research Developments and Future Perspectives // *Molecules*. 2021. Vol. 26. № 9. P. 2671.
6. Gray D.A., Wenzel M. Multitarget Approaches against Multiresistant Superbugs // *ACS Infectious Diseases*. 2020. Vol. 6. № 6. P. 1346 – 1365.
7. Chukwudi C.U. rRNA Binding Sites and the Molecular Mechanism of Action of the Tetracyclines // *Antimicrobial Agents and Chemotherapy*. 2016. Vol. 60. № 8. P. 4433 – 4441.
8. Singhal M. Agrawal M., Bhavna K., Sethiya N.K. Chloramphenicol and tetracycline (broad spectrum antibiotics) // *Antibiotics – Therapeutic Spectrum and Limitations*. 2023. P. 155 – 165.
9. Connell S.R., Tracz D.M., Nierhaus K.H., Taylor D.E. Ribosomal Protection Proteins and Their Mechanism of Tetracycline Resistance // *Antimicrobial Agents and Chemotherapy*. 2003. Vol. 47. № 12. P. 3675 – 3681.
10. Speer B.S., Shoemaker N.B., Salyers A.A. Bacterial resistance to tetracycline: mechanisms, transfer, and clinical significance // *Clinical Microbiology Reviews*. 1992. Vol. 5. № 4. P. 387 – 399.
11. Sun J., Shigemitsu H., Tanaka Y., Yamauchi T. Tetracyclines downregulate the production of LPS-induced cytokines and chemokines in THP-1 cells via ERK, p38, and nuclear factor- κ B signaling pathways // *Biochemistry and Biophysics Reports*. 2015. Vol. 4. P. 397 – 404.
12. Qiu W., Hu J., Magnuson J.T., Greer J., Yang M. Evidence linking exposure of fish primary macrophages to antibiotics activates the NF- κ B pathway // *Environment International*. 2020. Vol. 138. P. 105624.
13. Griffin M.O., Fricovsky E., Ceballos G., Villarreal F. Tetracyclines: a pleiotropic family of compounds with promising therapeutic properties. Review of the literature // *American Physiological Society Journal*. 2010. Vol. 299. № 3. P. 539 – 548.
14. Perry E.A., Bennett C.F., Luo C., Balsa E. Tetracyclines promote survival and fitness in mitochondrial disease models // *Nature Metabolism*. 2021. Vol. 3. № 1. P. 33 – 42.
15. Suárez-Rivero J.M., López-Pérez J., Muela-Zarzuela I. Neurodegeneration, Mitochondria, and Antibiotics // *Metabolites*. 2023. Vol. 13. № 3. P. 416.
16. Jiang Y., Zhu J., Wu L., Xu G., Dai J., Liu X. Tetracycline Inhibits Local Inflammation Induced by Cerebral Ischemia via Modulating Autophagy // *PLoS One*. ed. Combs C. 2012. Vol. 7. № 11. P. 48672.
17. Kounatidis D., Dalamaga M., Grivakou E., Karampela I., Koufopoulos P., Dalopoulos V. Third-Generation Tetracyclines: Current Knowledge and Therapeutic Potential // *Biomolecules*. 2024. Vol. 14. № 7. P. 783.
18. Chaves Filho A.J.M., Mottin M., Soares M.V.R., Jucá P.M., Andrade C.H., Macedo D.S. Tetracyclines, a promise for neuropsychiatric disorders: from adjunctive therapy to the discovery of new targets for rational drug design in psychiatry // *Behavioural Pharmacology*. 2021. Vol. 32. № 2&3. P. 123 – 141.
19. Li J., Qin Y., Zhao C., Zhang Z., Zhou Z. Tetracycline antibiotics: Potential anticancer drugs // *European Journal of Pharmacology*. 2023. Vol. 956. P. 175949.
20. Fife R.S., Sledge G.W. Jr., Sissons S., Zerler B. Effects of tetracyclines on angiogenesis in vitro // *Cancer Letters*. 2000. Vol. 153. № 1-2. P. 75 – 78.
21. Karamanolis N.N., Kounatidis D., Vallianou N.G., Dimitriou K., Tsaroucha E., Tsioulos G. Unraveling the Anti-Cancer Mechanisms of Antibiotics: Current Insights, Controversies, and Future Perspectives // *Antibiotics*. 2024. Vol. 14. № 1. P. 9.
22. Gu Y., Lee H.M., Sorsa T., Salminen A., Ryan M.E., Slepian M.J., Golub L.M. Non-antibacterial tetracyclines modulate mediators of periodontitis and atherosclerotic cardiovascular disease: A mechanistic link between local and systemic inflammation // *Pharmacological Research*. 2011. Vol. 64. № 6. P. 573 – 579.
23. Orylska-Ratynska M., Placek W., Owczarczyk-Saczonek A. Tetracyclines – An Important Therapeutic Tool for Dermatologists // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. № 12. P. 7246.

24. Radić M., Belančić A., Đogaš H., Vučković M., Gelemanović A., Faour A., Vlak I., Radić J. Tetracyclines in Rheumatoid Arthritis: Dual Anti-Inflammatory and Immunomodulatory Roles, Effectiveness, and Safety Insights // *Antibiotics*. 2025. Vol. 14. № 1. P. 65.
25. Yang J.-M., Chen YanFu C., Tu YuYin T., KueiRong Y. Combinatorial Computational Approaches to Identify Tetracycline Derivatives as Flavivirus Inhibitors // *PLOS One*. 2007. Vol. 2. № 5. P. 428.
26. Saxena R.R., Saxena R. Applying Graph Neural Networks in Pharmacology // *Authorea Preprints*. 2024. P. 1 – 24.
27. Lu Y.-X., Yuan H., Shao Y., Chand H., Wu Y., Yang YL, Song HL. Shedding light on the transfer of tetracycline in forward osmosis through experimental investigation and machine learning modeling // *Chemosphere*. 2023. Vol. 319. P. 137959.
28. Gheythanadeh M., Baghban A., Habibzadeh S., Jabbour K., Esmacili A., Mohaddespour A. An insight into tetracycline photocatalytic degradation by MOFs using the artificial intelligence technique // *Scientific Reports*. 2022. Vol. 12. № 1. P. 6615.
29. Dobson E.T.A., Cimini B., Klemm A.H., Wählby C., Carpenter A.E., Eliceiri K.W. ImageJ and CellProfiler: Complements in Open - Source Bioimage Analysis // *Current Protocols*. 2021. Vol. 1. № 5. P. 89.
30. Suderman M., Hallett M. Tools for visually exploring biological networks // *Bioinformatics*. 2007. Vol. 23. № 20. P. 2651 – 2659.
31. Jacot D., Soldati-Favre D. CRISPR/Cas9-Mediated Generation of Tetracycline Repressor-Based Inducible Knockdown in *Toxoplasma gondii*. 2020. P. 125 – 141.
32. Shim H. Three Innovations of Next-Generation Antibiotics: Evolvability, Specificity, and Non-Immunogenicity // *Antibiotics*. 2023. Vol. 12. № 2. P. 204.
33. Kaushik A., Ammerman N.C., Martins O. In Vitro Activity of New Tetracycline Analogs Omadacycline and Eravacycline against Drug-Resistant Clinical Isolates of *Mycobacterium abscessus* // *Antimicrobial Agents and Chemotherapy*. 2019. Vol. 63. № 6. P. 10 – 1128.

References

1. Rusu A., Buta E.L. The Development of Third-Generation Tetracycline Antibiotics and New Perspectives. *Pharmaceutics*. 2021. Vol. 13. No. 12. P. 2085.
2. Orsucci D., Calsolaro V., Mancuso M., Siciliano G. Neuroprotective Effects of Tetracyclines: Molecular Targets, Animal Models and Human Disease. *CNS & Neurological Disorders – Drug Targets*. 2009. Vol. 8. No. 3. P. 222 – 231.
3. Aggarwal M., Patra A., Awasthi I., George A., Gagneja S., Gupta V., Capalash N., Sharma P. Drug repurposing against antibiotic resistant bacterial pathogens. *The European Journal of Medicinal Chemistry*. 2024. Vol. 279. P. 116833.
4. LaPlante K.L., Dhand A., Wright K., Lauterio M. Re-establishing the utility of tetracycline-class antibiotics for current challenges with antibiotic resistance. *Annals of Medicine*. 2022. Vol. 54. No. 1. P. 1686 – 1700.
5. Terreni M., Taccani M., Pregnolato M. New Antibiotics for Multidrug-Resistant Bacterial Strains: Latest Research Developments and Future Perspectives. *Molecules*. 2021. Vol. 26. No. 9. P. 2671.
6. Gray D.A., Wenzel M. Multitarget Approaches against Multiresistant Superbugs. *ACS Infectious Diseases*. 2020. Vol. 6. No. 6. P. 1346 – 1365.
7. Chukwudi C.U. rRNA Binding Sites and the Molecular Mechanism of Action of the Tetracyclines. *Antimicrobial Agents and Chemotherapy*. 2016. Vol. 60. No. 8. P. 4433 – 4441.
8. Singhal M., Agrawal M., Bhavna K., Sethiya N.K. Chloramphenicol and tetracycline (broad spectrum antibiotics). *Antibiotics – Therapeutic Spectrum and Limitations*. 2023. P. 155 – 165.
9. Connell S.R., Tracz D.M., Nierhaus K.H., Taylor D.E. Ribosomal Protection Proteins and Their Mechanism of Tetracycline Resistance. *Antimicrobial Agents and Chemotherapy*. 2003. Vol. 47. No. 12. P. 3675 – 3681.
10. Speer B.S., Shoemaker N.B., Salyers A.A. Bacterial resistance to tetracycline: mechanisms, transfer, and clinical significance. *Clinical Microbiology Reviews*. 1992. Vol. 5. No. 4. P. 387 – 399.
11. Sun J., Shigemitsu H., Tanaka Y., Yamauchi T. Tetracyclines downregulate the production of LPS-induced cytokines and chemokines in THP-1 cells via ERK, p38, and nuclear factor- κ B signaling pathways. *Biochemistry and Biophysics Reports*. 2015. Vol. 4. P. 397 – 404.
12. Qiu W., Hu J., Magnuson J.T., Greer J., Yang M. Evidence linking exposure of fish primary macrophages to antibiotics activates the NF- κ B pathway. *Environment International*. 2020. Vol. 138. P. 105624.

13. Griffin M.O., Fricovsky E., Ceballos G., Villarreal F. Tetracyclines: a pleiotropic family of compounds with promising therapeutic properties. Review of the literature. American Physiological Society Journal. 2010. Vol. 299. No. 3. P. 539 – 548.
14. Perry E.A., Bennett C.F., Luo C., Balsa E. Tetracyclines promote survival and fitness in mitochondrial disease models. Nature Metabolism. 2021. Vol. 3. No. 1. P. 33 – 42.
15. Suárez-Rivero J.M., López-Pérez J., Muela-Zarzuela I. Neurodegeneration, Mitochondria, and Antibiotics. Metabolites. 2023. Vol. 13. No. 3. P. 416.
16. Jiang Y., Zhu J., Wu L., Xu G., Dai J., Liu X. Tetracycline Inhibits Local Inflammation Induced by Cerebral Ischemia via Modulating Autophagy. PLoS One. ed. Combs C. 2012. Vol. 7. No. 11. P. 48672.
17. Kounatidis D., Dalamaga M., Grivakou E., Karampela I., Koufopoulos P., Dalopoulos V. Third-Generation Tetracyclines: Current Knowledge and Therapeutic Potential. Biomolecules. 2024. Vol. 14. No. 7. P. 783.
18. Chaves Filho A.J.M., Mottin M., Soares M.V.R., Jucá P.M., Andrade C.H., Macedo D.S. Tetracyclines, a promise for neuropsychiatric disorders: from adjunctive therapy to the discovery of new targets for rational drug design in psychiatry. Behavioral Pharmacology. 2021. Vol. 32. No. 2&3. P. 123 – 141.
19. Li J., Qin Y., Zhao C., Zhang Z., Zhou Z. Tetracycline antibiotics: Potential anticancer drugs. European Journal of Pharmacology. 2023. Vol. 956. P. 175949.
20. Fife R.S., Sledge G.W. Jr., Sissons S., Zerler B. Effects of tetracyclines on angiogenesis in vitro. Cancer Letters. 2000. Vol. 153. No. 1-2. P. 75 – 78.
21. Karamanolis N.N., Kounatidis D., Vallianou N.G., Dimitriou K., Tsaroucha E., Tsioulos G. Unraveling the Anti-Cancer Mechanisms of Antibiotics: Current Insights, Controversies, and Future Perspectives. Antibiotics. 2024. Vol. 14. No. 1. P. 9.
22. Gu Y., Lee H.M., Sorsa T., Salminen A., Ryan M.E., Slepian M.J., Golub L.M. Non-antibacterial tetracyclines modulate mediators of periodontitis and atherosclerotic cardiovascular disease: A mechanistic link between local and systemic inflammation. Pharmacological Research. 2011. Vol. 64. No. 6. P. 573 – 579.
23. Orylska-Ratynska M., Placek W., Owczarczyk-Saczonek A. Tetracyclines – An Important Therapeutic Tool for Dermatologists. International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19. No. 12. P. 7246.
24. Radić M., Belančić A., Đogaš H., Vučković M., Gelemanović A., Faour A., Vlak I., Radić J. Tetracyclines in Rheumatoid Arthritis: Dual Anti-Inflammatory and Immunomodulatory Roles, Effectiveness, and Safety Insights. Antibiotics. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 65.
25. Yang J.-M., Chen YanFu C., Tu YuYin T., KueiRong Y. Combinatorial Computational Approaches to Identify Tetracycline Derivatives as Flavivirus Inhibitors. PLOS One. 2007. Vol. 2. No. 5. P. 428.
26. Saxena R.R., Saxena R. Applying Graph Neural Networks in Pharmacology. Authorea Preprints. 2024. P. 1 – 24.
27. Lu Y.-X., Yuan H., Shao Y., Chand H., Wu Y., Yang YL, Song H.L. Shedding light on the transfer of tetracycline in forward osmosis through experimental investigation and machine learning modeling. Chemosphere. 2023. Vol. 319. P. 137959.
28. Gheythanadeh M., Baghban A., Habibzadeh S., Jabbour K., Esmaeili A., Mohaddespour A. An insight into tetracycline photocatalytic degradation by MOFs using the artificial intelligence technique. Scientific Reports. 2022. Vol. 12. No. 1. P. 6615.
29. Dobson E.T.A., Cimini B., Klemm A.H., Wählby C., Carpenter A.E., Eliceiri K.W. ImageJ and CellProfiler: Complements in Open-Source Bioimage Analysis. Current Protocols. 2021. Vol. 1. No. 5. P. 89.
30. Suderman M., Hallett M. Tools for visually exploring biological networks. Bioinformatics. 2007. Vol. 23. No. 20. P. 2651 – 2659.
31. Jacot D., Soldati-Favre D. CRISPR/Cas9-Mediated Generation of Tetracycline Repressor-Based Inducible Knockdown in Toxoplasma gondii. 2020. P. 125 – 141.
32. Shim H. Three Innovations of Next-Generation Antibiotics: Evolvability, Specificity, and Non-Immunogenicity. Antibiotics. 2023. Vol. 12. No. 2. P. 204.
33. Kaushik A., Ammerman N.C., Martins O. In Vitro Activity of New Tetracycline Analogs Omadacycline and Eravacycline against Drug-Resistant Clinical Isolates of Mycobacterium abscessus. Antimicrobial Agents and Chemotherapy. 2019. Vol. 63. No. 6. P. 10 – 1128.

Информация об авторах

Мухаммадиев Сардор Эшниёз угли, Донской государственный технический университет, mux-ammadiyevsardor0221@gmail.com

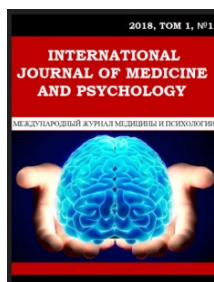
Капля М.С., младший научный сотрудник, Донской государственный технический университет, kaplya.2023@mail.ru

Маджид Ливаа Аббас Маджид, Донской государственный технический университет, wwwalsaed3@gmail.com

Мадримов Шукурулла Халилла угли, Донской государственный технический университет, shukurulla8899@gmail.com

Родькин С.В., кандидат биологических наук, доцент, Донской государственный технический университет, rodkin_stas@mail.ru

© Мухаммадиев Сардор Эшниёз угли, Капля М.С., Маджид Ливаа Аббас Маджид, Мадримов Шукурулла Халилла угли, Родькин С.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 617.7

¹ Джерештиева М.С.,

¹ Тлупова Т.Г.,

¹ Теуважукова Д.А.,

² Алсаирафи Марам Ахмед Ибрахим Али Абдулла,

¹ Аль Дубаи Раад Набиль Мохаммед Абдульхамид,

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,

² Республиканская клиническая больница, г. Нальчик

Патогенез бактериального кератита

Аннотация: в статье проведен систематический обзор анатомии глаза, иммунологических реакций, основных нозологий. Отмечено, что глазная микробиота играет роль в поддержании гомеостаза глазной поверхности, предотвращая колонизацию патогенными видами. Изменение этой тонкой экосистемы приводит к различным воспалительным заболеваниям. Определено, что инфекционный кератит представляет из себя воспаление роговицы, вызванное патогенными микробами, которые в итоге проникают в строму роговицы, вызывая воспаление и разрушение этих структур. По этиологическим агентам его можно разделить на бактериальный, вирусный, грибковый и вызванный простейшими. Рассмотрены особенности клинического течения, диагностики, эпидемиологии и этиологии каждого подтипа. Показано, что конфокальная микроскопия, выполненная *in vivo*, является ценным инструментом для обнаружения грибковых нитей при грибковом кератите, однако он не позволяет различить *Fusarium* от *Aspergillus* spp, таким образом соскоб роговицы при использовании щелевой лампы с последующим культивированием по-прежнему является золотым стандартом для определения видов грибов. Тем не менее по данным литературы, общая чувствительность и специфичность IVCM при выявлении грибковых возбудителей, особенно мицелиальных грибов, оцениваются в 66,7-85,7% и 81,4-100% соответственно. При микроскопии после окрашивания по Граму, также можно использовать окраску по Грюнвальду, Гимзе или такие красители как калькофлуор белый и лактофеноловый хлопковый синий.

Ключевые слова: кератит, конъюнктивит, вирусная инфекция, воспалительный процесс, микроорганизмы

Для цитирования: Джерештиева М.С., Тлупова Т.Г., Теуважукова Д.А., Алсаирафи Марам Ахмед Ибрахим Али Абдулла, Аль Дубаи Раад Набиль Мохаммед Абдульхамид Патогенез бактериального кератита // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 24 – 36.

Поступила в редакцию: 6 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Dzhereshtieva M.S.,
¹ Tlupova T.G.,
¹ Teuvazhukova D.A.,
² Alsairafi Maram Ahmed Ibrahim Ali Abdulla,
¹ Al Dubai Raad Nabil Mohammed Abdulhamid,
¹ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
² Republican Clinical Hospital, Nalchik

Pathogenesis of bacterial keratitis

Abstract: the article provides a systematic review of the anatomy of the eye, immunological reactions, and major nosologies. It is noted that the ocular microbiota plays a role in maintaining the homeostasis of the ocular surface, preventing colonization by pathogenic species. Changes in this delicate ecosystem lead to various inflammatory diseases. It is determined that infectious keratitis is an inflammation of the cornea caused by pathogenic microbes that eventually penetrate the corneal stroma, causing inflammation and destruction of these structures. According to the etiologic agents, it can be divided into bacterial, viral, fungal and caused by protozoa. The features of the clinical course, diagnosis, epidemiology and etiology of each subtype are considered. In vivo confocal microscopy has been shown to be a valuable tool for detecting fungal filaments in fungal keratitis, but it cannot differentiate *Fusarium* from *Aspergillus* spp, so slit lamp corneal scraping followed by culture is still the gold standard for fungal species identification. However, according to the literature, the overall sensitivity and specificity of IVCN for detecting fungal pathogens, especially filamentous fungi, are estimated at 66.7–85.7% and 81.4–100%, respectively. For microscopy after Gram staining, Grunewald, Giemsa, or stains such as calcofluor white and lactophenol cotton blue can also be used.

Keywords: keratitis, conjunctivitis, viral infection, inflammatory process, microorganisms

For citation: Dzhereshtieva M.S., Tlupova T.G., Teuvazhukova D.A., Alsairafi Maram Ahmed Ibrahim Ali Abdulla, Al Dubai Raad Nabil Mohammed Abdulhamid Pathogenesis of bacterial keratitis. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 24 – 36.

The article was submitted: March 6, 2025; Approved after reviewing: May 8, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Микробный или инфекционный кератит представляет собой потенциально опасное для зрения заболевание глаз, вызванное бактериями, грибами, протистами и т.д. Это воспаление роговицы, вызванное патогенными микробами, которые в итоге проникают в строму роговицы, вызывая воспаление и разрушение этих структур [9]. К наиболее распространенным факторам, predisposing к развитию инфекционного кератита, относятся использование контактных линз, особенно линз для ночного или длительного ношения, неподходящие дезинфицирующие растворы, травмы, операции на глазах, особенно операции на роговице, хронические заболевания поверхности глаза, системные заболевания, такие как сахарный диабет и/или длительное использование местных кортикостероидов [24]. Согласно оценке ВОЗ, ИК является причиной односторонней слепоты в 1,5-2 миллионов случаев в год, хотя это, вероятно, заниженная оценка, так как отсутствуют достоверные данные из экономически менее развитых странах [21].

Конъюнктивит — воспаление конъюнктивы вследствие аллергических или иммунологических реакций, инфекции (вирусной, бактериальной или паразитарной), механического раздражения, неоплазии или контакта с токсическими веществами. Вирусный и бактериальный конъюнктивит являются двумя наиболее распространенными формами инфекционного конъюнктивита, при этом на вирусную инфекцию приходится до 80% всех случаев острого конъюнктивита, а на бактериальную инфекцию приходится от 50 до 75% случаев инфекционного конъюнктивита у детей [3].

Тот факт, что поверхность глаза находится в постоянном контакте с комменсальными бактериями и при этом эпителиальные клетки роговицы и конъюнктивы не вызывают воспалительной реакции у здоровых людей, указывает на существование регулируемого пути врожденного иммунного ответа эпителия поверхности глаза, что позволяет колонизировать комменсальная микробиота [17]. Таким образом, предполагается, что глазная микробиота играет роль в поддержании гомеостаза

глазной поверхности, предотвращая колонизацию патогенными видами. Изменение этой тонкой экосистемы приводит к различным воспалительным заболеваниям.

Материалы и методы исследований

Структурно глаз состоит из трех слоев, содержащих в себе различные анатомические структуры: фиброзная оболочка, состоящая из роговицы и склеры; сосудистая оболочка, состоящая из сосудов, цилиарного тела и радужной оболочки, и сетчатка, которая получает кровоснабжение из сосудов сосудистой оболочки, а также сосудов сетчатки. Между этими тремя слоями находятся передняя и задняя камеры, хрусталик и полость стекловидного тела [7].

Глазная поверхность, состоящая из роговицы, склеры и покрывающей ее ткани (конъюнктивы) подвергается воздействию микроорганизмов и защищает внутренние отделы глаза от внешней микробной инвазии. Резидентные лимфоциты конъюнктивы, плазматические клетки, нейтрофилы и дендритные клетки могут вызывать воспалительную реакцию и вырабатывать антитела против потенциально патогенных микроорганизмов окружающей среды. Еще одним важным компонентом глаза является носослезная дренажная система, которая служит каналом для глазных жидкостей, называемых слезами. Большинство людей моргают около 12 раз в минуту. Мигательный рефлекс распределяет слезы в виде пленки, известной как «слезная пленка», по поверхности глаза и очень важен, поскольку защищает глаз от посторонних предметов, зараженных микробами. Слезы содержат много антимикробных компонентов, таких как лактоферрин, дефенсины и лизоцим, которые помогают предотвратить колонизацию патогенами. Кроме того, муцины облегчают удаление микробов с поверхности глаза [5].

В патогенезе бактериального кератита (БК) отдельно стоит выделить нарушение защитных систем глаза. Так, было показано, что даже *P. Aeruginosa* и *S. Aureus*, присутствующие в микрофлоре в экстремальных концентрациях (10^{11} КОЕ/мл) могут не приводить к развитию бактериального кератита, что было продемонстрировано на мышинных моделях [1, 19]. За исключением редких возбудителей, проникающих через неповрежденный эпителий роговицы, таких как *Neisseria gonorrhoea*, *Listeria monocytogenes* и *Shigella* spp., БК редко встречается при отсутствии травм или состояний, нарушающих гомеостаз и целостность поверхности глаза.

Результаты и обсуждения

Врожденная иммунная система распознает антигены комменсалов, называемые «микробно-

ассоциированные молекулярные паттерны» (MAMP) и «патоген-ассоциированные молекулярные паттерны» (PAMP) соответственно, посредством определенных рецепторов, называемых «рецепторами распознавания паттернов» (PRR), среди которых наиболее важными являются TLR и NLR. Связь между PAMPs и PRRs приводит к клеточной активации и продукции провоспалительных цитокинов, хемокинов и интерферонов, которые действуют как сигнал тревоги для иммунной системы при наличии микробной инвазии.

Исследование, проведенное в 2004 году M.Ueta, показало, что эпителий роговицы человека экспрессирует только TLR-2 и TLR-4 на внутриклеточном уровне, а не на поверхности клеток. Однако даже искусственное введение ЛПС в цитоплазму не приводило к активации эпителиальных клеток и продукции провоспалительных цитокинов. Предполагается, что это изменение, по сравнению с нормальной экспрессией TLR на поверхности, обеспечивает состояние «иммунного молчания», которое предотвращает ненужные воспалительные реакции на нормальную бактериальную флору [16]. Последующее исследование A.Johnson показало, что при внутриклеточном введении Pam(3)Cys и CpG DNA, происходит активация TLR-2 и TLR-9 через MyD88-путь с последующим рекрутментом нейтрофилов и развитием кератита. Однако в данном эксперименте также не было отмечено активации данных сигнальных путей при внеклеточной инкубации, что указывает на важность макротравматизации с нарушением клеточной целостности для развития кератита [6].

MyD88 считается основным адаптерным белком для большинства TLR, за исключением TLR3, и его активация запускает мощный провоспалительный каскад с участием факторов транскрипции, таких как ядерный фактор-κB (NF-κB) и митоген-ассоциированные протеинкиназы. Во время инфекции активация MyD88 приводит к массивному высвобождению провоспалительных хемокинов, быстрому рекрутингу фагоцитов в роговицу [11], увеличению местной продукции антимикробных пептидов, таких как дефенсины и др. (за счет активации через флагеллин около 114 генов) и повышенной резистентности эпителия роговицы к бактериальной адгезии и проникновению за счет активизации синтеза белков плотных контактов [14]. Пути, отличные от MyD88, включают множество адаптерных белков, включая адаптерную молекулу 1, содержащую TIR-домен (TICAM-1), и TIR-домен, содержащий адаптерную молекулу 2 (TICAM-2), осуществляющих

трансдукцию сигнала от TLR2/4. Вышеописанные адаптерные белки участвуют в фосфорилировании факторов транскрипции, таких как регуляторный фактор интерферона 3 (IRF3), что приводит к продукции интерферонов первого типа: IFN- α и IFN- β [8].

Попытки охарактеризовать врожденные и адаптивные иммунные реакции в строге роговицы в настоящее время демонстрируют, что стромальные кератоциты располагаются в плотно упакованном, заполненном коллагеном внеклеточном матриксе, населенном антиген-презентирующими клетками, происходящими из костного мозга, макрофагами и моноцитами [18]. Эти клеточные популяции играют важную и динамичную роль в нормальной иммунной функции роговицы и сохранении нормального зрения. Согласно теории знаменитого офтальмолога-иммунопатолога J.W.Streilein в человеческом глазу существует так называемый «опасный компромисс», характеризующийся таким иммунорегуляторным состоянием, при котором с одной стороны поддерживается высокий уровень толерантности к комменсальным микроорганизмам, а с другой обеспечивается необходимая интенсивность воспалительных реакций соизмеримая с угрозой, исходящей от бактериального агента. Такой компромисс необходим для сохранения зрения и снижения возможной аутореактивности [13].

Инфекционный кератит является классическим примером заболевания, при котором иммунный баланс резко смещен в сторону чрезмерно интенсивной и затяжной воспалительной реакции, запускаемой эпителием роговицы, как было описано выше, кератоцитами, а также клетками Лангерганса с помощью продукции различных провоспалительных цитокинов (TNF- α , IL-1, IL-6, IL-8, IL12, IL-18, IFNs, MIF) и хемокинов (CXCL-1, CXCL-2, CXCL-5, CCL-4, CCL-5, IL-18, MCP-1) и эндотелиальных молекул адгезии (ICAM-1, MAC-1, PECAM-1, VCAM-1, E-selectin, and P-selectin), способствующих рекрутингу эффекторных клеток.

Подводя итог всему вышесказанному, можно с уверенностью заключить, что анализ состава глазного микробиома имеет решающее значение для понимания патофизиологии различных офтальмологических заболеваний.

Как было сказано выше, инфекционный кератит представляет из себя воспаление роговицы, вызванное патогенными микробами, которые в итоге проникают в строгу роговицы, вызывая воспаление и разрушение этих структур. По этиологическим агентам его можно разделить на бак-

териальный, вирусный, грибковый и вызванный простейшими. В разделах, приведенных ниже, подробным образом будут рассмотрены особенности клинического течения, диагностики, эпидемиологии и этиологии каждого подтипа.

1) бактериальный

Согласно работе Wong, основными бактериальными агентами, вызывающими инфекционный кератит являются *Staphylococcus aureus*, *Pseudomonas aeruginosa*, *Streptococcus pneumoniae* и виды *Serratia* [24]. При этом заболеваемость и распространенность бактериального кератита зависят от географического положения и местных экологических и климатических факторов риска. Существует огромное неравенство среди населения в заболеваемости бактериальным кератитом в развитых странах, таких как США и Европа, по сравнению с развивающимися странами, такими как Индия, Непал, Пакистан и Бангладеш. Так частота ИК в США составляет согласно разным исследованиям от 2,5 до 27,6 на 100 тыс. случаев, а в Шотландии до 40 на 100 тыс. случаев. В тоже время в странах развивающегося мира частота ИК достигает 113 на 100 000 человек в Мадуре, Тамил Наду, Индия, 339 на 100 000 человек в Бутане, 710 на 100 000 человек в Бирме и 799 на 100 000 человек в Непале [18].

Интересно отметить также, что существует значительная вариация и в основных возбудителях БК. Так, например, в Южной Индии БК составляет 35,4% от общего числа ИК. В исследовании проведенном P.Lalitha и коллегами в 2016 году наиболее распространенными патогенами из числа бактерий стали *S. pneumoniae* (32.7), *P. aeruginosa* (24.3), *Nocardia* spp. (6.7). В более урбанизированной же Центральной Индии, БК составил 52% от общего числа случаев ИК и был представлен *S. epidermidis* (32.5), *Corynebacterium* spp. (14.5), *S. pneumoniae* (13.9). В схожей по уровню индустриального развития провинции Гуансоу в Китае наиболее представленными этиологическими агентами БК стали *S. epidermidis* (31.9), *P. aeruginosa* (12.4), а вот в высоко урбанизированных Тайване вперед вырвались *P. aeruginosa* и коагулазо-негативные стафилококки.

Напротив, в Великобритании бактериальный кератит составил около 90% случаев ИК в 2017-2018 годах, при этом основными этиологическими агентами БК стали коагулазо-негативные стафилококки (28.5), *S. aureus* (14.9), *Streptococcus* spp. (13.3). Здесь стоит отметить, что десятию годами ранее основные этиологические агенты БК были представлены в Великобритании *S. epidermidis* (31.7) и *P. aeruginosa* (12.0). Точно та-

кая же картина наблюдается и в США, где ранее в структуре заболеваемости преобладала *P. aeruginosa*, но в последнее время были замещены коагулазо-негативными стафилококками. Стоит отметить, что в отсутствие стандартизированных методов сбора образцов и лабораторной отчетности значительная часть зарегистрированных грамположительных изолятов вполне может быть ложноположительной. Тем не менее, среди грамположительных изолятов коагулазо-негативные виды *Staphylococcus*, включая *Staphylococcus epidermidis*, а также *Staphylococcus aureus* и *Streptococcus pneumoniae* входят в число трех основных выделенных инфекционных агентов БК в большинстве исследований, проведенных по всему миру. Среди грамм-отрицательной бактериальной флоры наиболее представленными стали *Pseudomonas aeruginosa*, а также *Escherichia* spp., *Klebsiella* spp. и *Serratia* spp.

Как было сказано выше *S. aureus* из семейства *Staphylococcaceae* представляет собой грамположительный кокк, который часто идентифицируется как ведущая причина инфекций роговицы. Инфекции роговицы, вызванные *S. aureus*, обычно связаны с травмой, офтальмологическими операциями (включая загрязнение швов и глазных протезов) и использованием контактных линз. Однако, в отличие от *P. aeruginosa*, *S. aureus* также колонизирует структуры, прилегающие к роговице или находящиеся в непосредственной близости от нее, включая слизистую оболочку конъюнктивы, век и окружающую кожу, а также носовой эпителий и таким образом его эндогенные колонии могут быть источником рецидивирующего бактериального кератита. *S. aureus* содержит гетерогенный набор адгезинов клеточной поверхности (так называемая система MSRAMM), которые облегчают прикрепление к эпителию поверхности глаза и окружающему внеклеточному матриксу, включая коллаген, эластин, фибронектин, фибриноген и белки, связывающие ламинин, а также участвует в формировании биопленки. Колонизации и последующей инвазии в эпителий роговицы способствует экспрессия факторов вирулентности, таких как антифагоцитарные капсулярные полисахариды, цитотоксины, энтеротоксины A-D, коагулаза, каталаза, гиалуронидаза, ДНКазы, которые в основном регулируются геном агг. Любопытной особенностью вирулона *S. aureus* является то, что время экспрессии факторов вирулентности в значительной степени зависит от фазы роста бактерий. Например, белки, связывающие фибронектин и факторы агрегации, которые способствуют бактериальной адгезии и, возможно, инвазии, экспрессируются только во время

стационарной фазы роста при высокой плотности клеток. Таким образом, как описывалось ранее, золотистому стафилококку требуется значительная бактериальная нагрузка, чтобы стать вирулентным.

Как подробно описывалось выше, *S. pneumoniae* (или пневмококк) из семейства *Streptococcaceae* считается наиболее распространенной причиной БК во многих странах с низким уровнем дохода. Он представляет из себя грамположительный факультативный анаэроб, визуализируем в виде одиночных кокков, lancetных диплококков или коротких цепочек и является частью нормальной респираторной микрофлоры. Полисахаридная капсула пневмококка является наиболее хорошо изученным из всех ее факторов вирулентности и даже служит основой серотипирования штаммов. Как полагают, она маскирует бактерию от комплемент-опосредованного опсонифагоцитоза, электростатически отталкивает лейкоциты, уменьшает прикрепление иммуноглобулинов хозяина и способствует внеклеточной пролиферации. Вирулон *S. pneumoniae* изобилует адгезинами, которые облегчают прикрепление к эпителию роговицы, включая продукты клеточной стенки (например, пневмококковый поверхностный антиген A, PsaA), белки клеточной поверхности, которые связываются с остатками холина (например, пневмококковые поверхностные белки A и C), а также пневмококковые факторы адгезии и вирулентности A и B. Хотя *S. Pneumoniae* рассматривается в основном как внеклеточный патоген, при особых условиях он может запускать синтез холин-связывающего белка PspC, который взаимодействует с рецепторами иммуноглобулинов на поверхности эпителиальных клеток и обеспечивает последующий эндоцитоз в цитоплазму клетки, что способствует генерализации инфекции и может приводить к сепсису. Основным токсином *S. Pneumoniae* является пневмолизин, оказывающий прямой цитопатический эффект на эпителий роговицы за счет образования пор в мембранах клеток [10]. Стоит отметить, что пневмолизин является высокоиммуногенным белком и способствует значительной продукции воспалительных цитокинов, таких как IL-1, IL-8, и TNF- α .

БК может проявляться различными клиническими картинками, хотя в большинстве случаев будет проявляться инфильтратом роговицы, дефектом эпителия и гиперемией конъюнктивы. Большинство пациентов предъявляет жалобы на затуманенное зрение, покраснение и светобоязнь. По степени тяжести БК можно разделить на легкую, среднюю и тяжелую. Легкие язвы роговицы

— это язвы размером <2 мм с глубиной язвы $<20\%$ или толщиной роговицы 100 мкм. Также могут быть видны поверхностные инфильтраты вблизи язвы. Промежуточные язвы роговицы имеют размер от 2 до 5 мм, глубину 20-50% (100-275 мкм) роговицы, с плотными инфильтратами, достигающими средней стромы. Глубокие язвы отличаются размером ≥ 5 мм, глубиной более 50% (>275 мкм) и плотными инфильтратами, достигающим глубоких слоев стромы роговицы.

БК в первую очередь диагностируется на основании клинических данных, дополненных микробиологическими исследованиями, такими как микроскопическое исследование с окрашиванием, посевом и тестированием на чувствительность. Это наиболее широко распространенная практика, принятая в большинстве стран или, по крайней мере, в тех местах, где имеются ресурсы и микробиологические возможности. При этом, согласно American Academy of Ophthalmology, соскоб с роговицы является золотым стандартом диагностики БК и должен быть применен в следующих ситуациях: наличие центральной большой язвы роговицы с вовлечением стромы или без него; в случае хронической инфекции, особенно не поддающейся лечению; наличие предшествующей операции на роговице; при наличии атипичных клинических признаков и/или мультифокальных инфильтратов роговицы. Мазки для последующей микроскопии обычно выполняются на двух предметных стеклах; один предназначен для окрашивания по Граму для бактерий, а другой - для окрашивания по Гимзе или влажного препарата с гидроксидом калия (KOH) для грибов. Помимо этих методов окрашивания, использовались другие специальные красители, такие как калькофлуоровый белый (CFW), Гомориметенамин-серебро (GMS), лактофеноловый хлопковый синий (LPCB), Циля-Нильсена (ZN) и красители Киньюна. Для культивирования различных типов микробов доступен широкий спектр культуральных агаров, таких как кровяной агар, шоколадный агар, картофельный агар, среда Левенштейна-Йенсена и др. После посева образцов на среду/агар их инкубируют и исследуют ежедневно в течение 1-2 недель для оценки роста микроорганизмов. Микробный рост считается этиологически значимым, если: 1) микроорганизм растет на двух разных средах; 2) наблюдается сливной (>10 колоний) рост в месте посева на плотные среды; 3) результат посева соответствует отчету об окрашивании; или 4) один и тот же организм выращен на повторных соскобах [12].

Ввиду превосходной диагностической эффективности, быстрой диагностики и универсально-

сти, ПЦР все чаще используется для улучшения диагностики широкого спектра инфекционных заболеваний. Рибосомы и рибосомальная РНК (рРНК), необходимы для выживания организма и эволюционно поддерживаются в ходе естественного отбора. 16S рРНК – основной компонент малой субъединицы 30S, высоко консервативен у прокариот, таких как бактерии и археи, и, следовательно, часто используется в качестве мишени ПЦР для диагностики бактериального кератита и определения типа и рода. Согласно последним данным, общая чувствительность и специфичность ПЦР при диагностике бактериального кератита составляют 64-100% и 68-100% соответственно. Более того, работа Shimizu D. и соавт. свидетельствует, что совместное применение 16S-специфичного ПЦР и культурального метода способно статистически достоверно повысить точность диагностики. Более точные, но дорогостоящие методы диагностики, такие как MALDI-TOF-MS или NGS, основанный на 16S рРНК, в настоящий момент активно используются не только в научной, но и клинической практике, хотя и редко.

Помимо традиционного способа визуализации с помощью щелевой лампы, чаще стали использоваться оптическая когерентная томография переднего сегмента (ОКТ-ПС) и конфокальная микроскопия *in vivo*. По сравнению с микроскопией на щелевой лампе преимущество ОКТ-ПС заключается в ее способности точно определять и очерчивать глубину и степень изъязвления роговицы, инфильтратов и помутнений, что может быть использовано для характеристики, количественной оценки и мониторинга прогрессирования различных патологий роговицы, включая ИК. Более того, Soliman W. и кол. сообщают о возможности дифференциальной диагностики с помощью ОКТ-ПС между БК и грибковым кератитом. В своем исследовании они описали специфические паттерны, как ранние локализованные и диффузные некротические стромальные кистозные изменения, позволяющие дифференцировать данные патологии. Однако, как и в большинстве подобных исследований, размер выборки не достаточен для значимых заключений. Конфокальная микроскопия *in vivo* (IVCM) служит еще одним ценным методом визуализации, который позволяет неинвазивно, с высоким разрешением, *in vivo* оценивать структуры и патологии роговицы на клеточном и субклеточном уровне в режиме реального времени. Особенно хорошо данный метод исследован для диагностики грибкового кератита и акантамебного кератита и подробнее описан далее.

Отдельно упоминания заслуживает БК, вызванный ношением контактных линз. Основным этиологическим агентом данного вида БК является *P. aeruginosa* из семейства *Pseudomonadaceae*, которая представляет собой инкапсулированную грамотрицательную палочку. *P. aeruginosa* повсеместно встречается в окружающей среде, включая почву, воду, растительность, раковины, бассейны и поверхности туалетов и сообщается, что до 25% людей являются бессимптомными носителями. Каждая бактерия *P. aeruginosa* содержит довольно большой геном (6 Мбп), клеточная поверхность ее состоит из липополисахарида, волосовидных пилей (фимбрий), альгината, систем секреции III тип, а также она имеет одиночный подвижный жгутик. Адгезия и последующее проникновение в эпителиальные клетки роговицы опосредуются такими факторами, как: 1) присоединение ЛПС к рецепторам, таким как регулятор трансмембранной проводимости муковисцидоза (CFTR), галектин и манозосодержащие гликопротеины; 2) присоединение фимбрий к рецепторам, содержащим остатки сиаловой кислоты (как гликолипидом *asialo GM1*); 3) Формирование CFTR-опосредованных липидных рафтов, через которые *P. aeruginosa* проникает в эпителиальные клетки роговицы; 4) описанное еще в 80-ых годах прошлого века формирование биопленки за счет экзополисахарида *Psl*, которая защищает микроколонию от враждебной слезной пленки и локального опсонофагоцитоза [15]. Отдельно стоит упомянуть и систему секреции 3 типа, являющуюся одним из наиболее важных механизмов вирулентности *P. Aeruginosa* и служащую для классификации выделенных организмов на цитотоксические, инвазивные и комменсальные. Цитотоксические штаммы кодируют экзофермент *ExoU*, являющийся внедряемой через систему секреции внутриклеточной фосфолипазой, который вызывает быструю гибель эпителиальных клеток и лейкоцитов роговицы. Инвазивные штаммы же кодируют экзофермент *ExoS* (белок, активирующий N-концевую ГТФазу) и C-концевую *Ras-ADP-рибозилтрансферазу*, индуцирующие апоптоз в инфильтрирующих участках воспаления нейтрофилах и снижающих выработку активных форм кислорода среди уцелевших. Кроме того, глазные штаммы *P. aeruginosa* экспрессируют широкий спектр протеаз, включая металлопротеиназы (протеазу *Las A*, протеазу *Ias B*, щелочную протеазу и модифицированную протеазу), протеазу *IV*, большую экзопроtease (Lep A) и малую экзопроtease и другие экзотоксины, обладающие прямым цитопатическим действием. M.Willcox и коллеги продемонстрирова-

ли, что одним из ключевых механизмов, которые *P. aeruginosa* использует для контроля экспрессии многих факторов вирулентности, является регуляторная система N-ацилированного гомосеринлактона. Данная система также ответственна за так называемый феномен «чувство кворума», когда транскрипция генов бактерий определяется плотностью и составом локальной популяции бактерий и позволяет бактериями эффективнее уклоняться от иммунного ответа хозяина до тех пор, пока не достигнута критическая плотность популяции, необходимая для начала активного и эффективного вторжения в близлежащие ткани [22].

Несмотря на многочисленные исследования, точные механизмы, посредством которых контактные линзы predisполагают к инфекции, до конца не ясны. Согласно M.Willcox наиболее вероятными источниками патогенов при ИК, ассоциированном с ношением линз, являются бактериальное загрязнение контейнеров для контактных линз [23] и несоблюдение правил гигиены, таких как адекватная дезинфекция или индивидуальное использование контактных линз, что было убедительно продемонстрировано A. Zimmerman и коллегами на основе опроса около 1 тыс. людей [25]. Однако, как было показано ранее одной только колонизации микроорганизмами при условии сохранной контактной роговицы недостаточно для развития ИК. По этой причине БК, связанный с контактными линзами, был описан как многофакторное состояние, в основе которого лежат патофизиологические процессы, связанные с изменением микроокружения поверхности глаза. Ключевыми факторами в развитии данного типа кератита согласно статье L.Ung являются: адсорбция иммунных белков слезы на поверхности хрусталиков, что тем самым ограничивает их доступность и активацию, что влечет за собой снижение защитных свойств слезы; снижение слущивания эпителия поверхности глаза, что создает благоприятные условия для колониеобразования и продукции биопленок; усиление адгезии патогенов к эпителию роговицы; индукция дисбиоза поверхности глаза [18]. Значимость изменения микробиоты при данном заболевании была изучена в работе P.Sankaridurg, включавшей 330 человек, носивших ночные линзы. Так у участников с бессимптомным ношением линз наиболее часто выделялись грамположительные бактерии, которые, как правило, представляли собой нормальную наружную микробиоту глаза. Среди грамположительных бактерий частота *Streptococcus pneumoniae* была выше у пациентов с БК, ассоциированным с ношением линз (7,6

против 0,6%; $P < 0,0001$) [4]. В исследовании Х. Шин и кол., также акцентируют свое внимание на изменении микробиоты глаза у людей, носивших глазные линзы, используя для анализа метода секвенирования на основе гена 16S рРНК. Авторы обнаружили, что по сравнению не носящими контактные линзы, микробиота людей, носящих контактные линзы, отличалась большей изменчивостью и, более того, была похожа на микробиоту кожи нижнего века с более высоким содержанием *Methylobacterium*, *Lactobacillus*, *Acinetobacter* и *Pseudomonas* и более низким содержанием *Haemophilus*, *Streptococcus*, *Staphylococcus* и *Corynebacterium*. На основании результатов авторы делают заключение, что ношение контактных линз изменяет микробную структуру конъюнктивы глаза, делая ее более похожей на микробиоту кожи нижнего века. В небольшой работе J. Andersson и коллег заключается, что общий профиль микробиоты конъюнктивы не изменяется при ношении контактных линз или ассоциированном с ним бактериальном кератите, однако у некоторых людей микробиота конъюнктивы может содержать условно-патогенные микроорганизмы, вызывающие бактериальный кератит, связанный с контактными линзами [2].

Стоит отметить, что несмотря на то, что обе, упоминаемые выше, работы отмечают значительное изменение микробиоты при ношении контактных линз, описанные изменения диаметрально различаются, а третьей работе выборка включала лишь 28 человек в активной группе и 28 в группе контроля. Таким образом, необходимы дальнейшие исследования в данной области так как полученных свидетельств недостаточно для формирования однозначного заключения.

2) простейшие

Акантамёбный кератит (АК) – редкая, но угрожающая зрению инфекция роговицы, вызываемая условно-патогенным микроорганизмом, принадлежащим к роду *Acanthamoeba*. Это свободноживущие протисты, рассеянные в различных средах, включая воздух, почву, пресную воду, водопроводную воду, больничное оборудование, сточные воды и т.д. Основными факторами риска развития акантамёбного кератита являются длительное ношение контактных линз, травма роговицы, плавание во время ношения контактных линз и образование биопленки на контактных линзах [9]. Хотя заболеваемость АК различна в мире (0,13 – 33 случая на миллион), в последние годы показатели заболеваемости неуклонно растут, особенно в развитых странах.

Acanthamoeba в настоящее время подразделяются на двадцать два различных генотипа (Т1–

Т22) на основе типирования гена 18S рРНК. Генотипирование *Acanthamoeba* важно, потому что разные генотипы демонстрируют различия в клинических проявлениях и реакции на медикаментозную терапию. Было показано, что по крайней мере восемь генотипических классов (Т2, Т3, Т4, Т5, Т6, Т10, Т11 и Т15) вызывают АК, причем наиболее распространенным причинным генотипом является Т4, представителями которого являются *Acanthamoeba castellanii* и *Acanthamoeba polyphaga*.

Прогрессирование акантамёбного кератита происходит в две основные фазы. Начальная фаза, когда инфильтрация ограничена эпителием роговицы, и вторичная фаза, когда паразит проникает в нижележащую строму. Попадая в строму, происходит обширное повреждение коллагенового матрикса, что провоцирует воспалительную реакцию. Первым этапом патогенеза АК является адгезия к поверхности роговицы. Процесс адгезии опосредуется рядом белков, наиболее важный из которых – МВР. Процесс стромальной инвазии опосредуется рядом ферментов, продуцируемых амёбой, таких как металлопротеиназы и сериновые протеиназы. Эти протеиназы оказывают мощный цитопатический эффект на клетки хозяина, а также разрушает базальную мембрану эпителия и стромальный матрикс, что позволяет амёбе проникать в более глубокие слои роговицы. Y. Wang в недавней работе продемонстрировали, что комменсальная микрофлора глаза может служить естественным барьером для *Acanthamoeba castellanii*. Они оценивали взаимодействие между *A. castellanii* и комменсалами с помощью анализа цитопатического эффекта на культуре с участием *A. castellanii*, *S.aureus* или *E. coli* и клеток млекопитающих. Полученные результаты затем были подтверждены с использованием мышиной модели *ex vivo*. Авторы показали, что присутствие бактериальных культур значительно снижает фагоцитарную и инвазивную активность *A. Castellanii*. Эти результаты могут указывать на то, что дисбиоз микробиоты глаза может быть важным фактором риска развития АК, так как сильно влияет на инфильтративную фазу патогенеза [20].

Диагностика АК на основании клинических проявлений может быть затруднена, поскольку начальные признаки и симптомы неспецифичны и могут встречаться и при других. У пациента могут быть только незначительные раздражения глаз, слезотечение или нечеткость зрения. Однако сильная глазная боль часто является отличительной чертой АК, связанной с прогрессированием инфекции и интенсивным стромальным воспалением. В течение первых двух недель после зара-

жения в глазу могут наблюдаться хамелеоноподобные эпителиальные изменения, называемые «грязным эпителием». Эти изменения включают псевдодендритоформную эпителиопатию с серыми эпителиальными помутнениями. Необычные инфильтраты вдоль излучающих нервов роговицы (известные как радиальный кератоневрит) могут проявляться по мере прогрессирования заболевания, при этом парацентральный кольцевой инфильтрат является патогномоничным признаком АК. Кроме того, стромальные инфильтраты, вызванные АК, часто являются мультифокальными, а не монофокальными, как это обычно наблюдается при бактериальном кератите. Микроскопия соскоба с роговицы с окраской на калькофлуор белый, культуральный и ПЦР-метод активно применяются в настоящее время для диагностики АК. Как упоминалось ранее, использование конфокальной микроскопии *in vivo* является ценным дополнением к диагностическому арсеналу АК. В зависимости от вида АК может проявляться различными морфологическими формами, включая: (а) кисты с двойными стенками (спящая форма) диаметром ~15-30 мкм, расположенные в эпителии и/или строме, что является наиболее широко известным признаком АК; (б) трофозоиты (активная форма) размером 25-40 мкм, проявляющиеся в виде гипертрофизированных структур, хотя их трудно отличить от других гиперрефлексивных изменений в инфицированных роговицах; (в) яркие пятна; г) перстни с печатками; и (е) периневральные инфильтраты, патогномоничный признак АК, проявляющийся в виде хорошо отражающих пятен с окружающими веретенообразными материалами. Конфокальная микроскопия *in vivo* демонстрирует чувствительностью и специфичностью 80,0-100% и 84,0-100% соответственно.

3) вирусный

Кератит, вызванный вирусом простого герпеса (HSV), является основной причиной монокулярной инфекционной слепоты в развитых странах из-за помутнения стромы. На 2012 год глобальная заболеваемость кератитом, вызванным вирусом простого герпеса, оценивалась примерно в 1,5 миллиона человек, при этом ежегодно регистрируется 40 000 новых случаев тяжелого монокулярного нарушения зрения или слепоты ассоциированного с данным типом кератита. В Соединенных Штатах приблизительно 500 000 человек имеют глазную ВПГ-инфекцию, при этом лечение новых и рецидивирующих случаев обходится в 17,7 млн долларов в год. Более того, показано, что примерно у каждого пятого пациента с глазной инфекцией HSV развивается стромальный кера-

тит, способный привести к утрате зрения. Таким образом, HSV-ассоциированный кератит представляет из себя значимую проблему для системы здравоохранения развитых стран.

ВПГ представляет собой линейный двуцепочечный ДНК-вирус, окруженный липидной двухслойной оболочкой, содержащей гликопротеины, который классифицируется как α -член семейства Herpesviridae. Для проникновения в клетку вирус использует гликопротеины В и С, а также нектин-1, необходимый для выхода капсида в цитоплазму, где в дальнейшем использует ферментную систему хозяина для сборки новых вирионов. В течение 12-24 часов после заражения, когда происходит репликация вируса, эпителиальные клетки набухают, вызывая разрушение поверхностных слоев с последующим лизисом клеток. Показано, что продукция интерферонов типа I (IFN- α/β) инфицированными клетками эпителия роговицы, ограничивают распространение вируса, делая соседние клетки менее восприимчивыми к проникновению и продукции вируса. Наличие специфических IgG и sIgA, тропных к антигенам ВПГ в слезе и строме также замедляет распространения вируса. Основными эффекторными клетками в патогенезе ВПГ-ассоциированного кератита являются нейтрофилы, продуцирующие протеолитические ферменты, CD4⁺ Т-клетки, продуцирующие IL-2 и IFN- γ и запускающие Th1-ответ и эффекторные CD8⁺ Т-клетки, отвечающие за цитотоксичность. Показано, что CD8⁺Т-клеточный ответ направлен в основном против гликопротеина В, однако существуют и другие эпитопы вируса, комплементарные TCR. Стоит отметить, что множество механизмов и индивидуальных факторов влияют на патогенез ВПГ-ассоциированного кератита, однако дисбиоз микробиоты среди них не упоминается и на февраль 2023 года в базе данных PubMed нет ни одной работы, посвященной этой проблеме.

Первичная ВПГ-инфекция может передаваться при непосредственном контакте с инфицированными очагами поражения или их выделениями. Как правило, это происходит при воздействии вируса, бессимптомно выделяющегося слизистыми оболочками, с инкубационным периодом от 1 до 28 дней. После первичного инфицирования ВПГ распространяется ретроградным аксональным транспортом, вызывая латентную инфекцию в ганглиях чувствительных нервов, включая ганглии тройничного нерва. Рецидивирующие инфекции возникают, когда вирус реактивируется из латентного состояния и возвращается к роговице, где повторно стимулирует воспалительную реакцию.

Герпетический кератит (ГК) включает три основных подтипа: эпителиальный, стромальный и эндотелиальный. Клинические признаки эпителиального кератита включают географические язвы роговицы с дендритным хвостом или дендритный кератит. Это происходит после прямого вторжения вируса и является наиболее распространенным подтипом. Стромальный подтип, являющийся проявлением иммунного ответа, можно разделить на дисковидный кератит, иммунный СК и некротизирующий кератит. Эндотелиальный кератит проявляется ороговевшими преципитатами в виде линий отторжения и отеком стромы.

В первую очередь ГК диагностируется по клиническим проявлениям при осмотре с помощью щелевой лампы. Наиболее частые симптомы включают покраснение, выделения, слезотечение, раздражение, зуд, боль и светобоязнь. У большинства пациентов симптомы регрессируют самостоятельно по истечению первых 2 недель. При осмотре с помощью щелевой лампы, эпителиальный кератит проявляется в виде крупных зернистых пятен, образующих точечные очаги, но они быстро сливаются и образуют дендритные очаги с отечными краями. Стромальный же подтип при физическом осмотре кажется непрозрачным или побелевшим из-за стромальной инфильтрации, однако при осмотре с помощью щелевой лампы отмечается наличие некроза и изъязвлений. Диагностические тесты могут потребоваться в следующих случаях: для подтверждения первоначального диагноза, атипичных или осложненных случаев, неопределенного диагноза и подозрения на ВПГ-инфекцию новорожденных. Вирусная культура считается золотым стандартом для эпителиальных ГК, однако в последние годы уступает место ПЦР-диагностике. Различные исследования показали, что чувствительность ПЦР-тестирования составляет от 70% до 100%, а специфичность – от 68% до 98%. Стоит отметить, что специфичность ПЦР сильно уступает гистологическому и ИФ-анализу.

4) грибковый

Грибковые кератиты, или кератомикозы, представляют собой инфекции роговицы, вызванные патологическими или нормальными грибами (как правило нитчатыми грибами или дрожжами), встречающиеся при травмах роговицы, у людей, перенесших операции на роговице или имеющих хронические заболевания поверхности глаза. К другим факторам риска также относится применение топических кортикостероиды и ношение контактных линз. Из организмов, вызывающих кератит, грибы остаются одними из самых сложных организмов для диагностики и лечения. Так-

же было показано, что кератомикозы могут быть более вирулентными и разрушительными по сравнению с инфекцией бактериального происхождения. Так в работе T.Wong и соавт., было показано, что по сравнению с бактериальным кератитом грибковый кератит чаще перфорировался, чем бактериальный кератит (ОР = 5,28, 95% ДИ, 1,35-20,66), и требовал сквозной кератопластики (ОШ = 5,86, 95% ДИ, 2,06-16,69).

Инфекции, вызванные мицелиальными грибами, такими как *Fusarium* и *Aspergillus*, встречаются преимущественно в странах с тропическим климатом: на юге США, в Мексике, Центральной Америке, Южной Америке, Африке, на Ближнем Востоке, в Китае, Индии, Юго-Восточной Азии. В этих регионах грибковые кератиты могут составлять до 80% инфекционных кератитов. Так в ретроспективном исследовании, проведенном в Северной Индии у людей с подозрением на грибковый кератит только в 31% удалось выделить этиологический агент: *Aspergillus* spp. (47,6%) и *Fusarium* spp. (16 %), наряду с подгруппой меланизированных грибов (22%) были наиболее часто встречающимися возбудителями. Похожая картина наблюдается и в остальных вышеуказанных странах за исключением преобладания *Fusarium* над *Aspergillus* по частоте встречаемости.

Дрожжевые кератомикозы в подавляющем большинстве случаев вызываются *Candida* или *Cryptococcus*. Местная или системная иммуносупрессия является основным фактором риска инфицирования данными микроорганизмами. Дрожжи являются этиологическим агентом примерно в 30 -52% фунгокератитов в странах с умеренным климатом: Европе, севере США, Австралии. В этих регионах грибковый кератит составляет от 1 до 5% инфекционного кератита.

Выводы

Клинические признаки кератита присутствуют в различной интенсивности в зависимости от степени воспаления. Снижение остроты зрения вариабельно в зависимости от локализации поражения роговицы относительно зрительной оси, переднекамерной реакции, наличия выделений и/или слезоточивого рефлекса. Некоторые признаки, наблюдаемые во время офтальмологического осмотра, могут повысить вероятность кератомикоза: сероватый эпителий роговицы с изъязвленной или инфильтрированной поверхностью; стромальный инфильтрат с неровными краями, с незначительным воспалением или без него, который при большом увеличении может иногда обнаруживать гифы нитчатых грибов, что объясняет «пушистый» вид краев инфильтрата; пигментные отложения на глубоком участке язвы. Показано,

что конфокальная микроскопия, выполненная *in vivo*, является ценным инструментом для обнаружения грибковых нитей при грибковом кератите, однако он не позволяет различить *Fusarium* от *Aspergillus* spp, таким образом соскоб роговицы при использовании щелевой лампы с последующим культивированием по-прежнему является золотым стандартом для определения видов грибов. Тем не менее по данным литературы, общая

чувствительность и специфичность IVCM при выявлении грибковых возбудителей, особенно мицелиальных грибов, оцениваются в 66,7 – 85,7% и 81,4 – 100% соответственно. При микроскопии после окрашивания по Граму, также можно использовать окраску по Грюнвальду, Гимзе или такие красители как калькофлуор белый и лактофеноловый хлопковый синий.

Список источников

1. Alarcon I. et al. Factors impacting corneal epithelial barrier function against *Pseudomonas aeruginosa* traversal. *Invest Ophthalmol Vis Sci*. 2011. Vol. 52. No. 3. P. 1368 – 1377. doi: 10.1167/iovs.10-6125
2. Andersson J. et al. Ocular surface microbiota in contact lens users and contact-lens-associated bacterial keratitis // *Vision (Switzerland)*. 2021. Vol. 5. No. 2. doi.org/10.3390/vision5020027
3. Chan V.F. et al. A Systematic Review of Clinical Practice Guidelines for Infectious and Non-infectious Conjunctivitis // *Ophthalmic Epidemiology*. 2022. Vol. 29. No. 5. P. 473 – 482. doi: 10.1080/09286586.2021.1971262.
4. Fleiszig S.M.J. et al. Contact lens-related corneal infection: Intrinsic resistance and its compromise // *Progress in Retinal and Eye Research*. 2020. Vol. 76. doi: 10.1016/j.preteyeres.2019.100804
5. Galdiero M. et al. Current evidence on the ocular surface microbiota and related diseases // *Microorganisms*. 2020. Vol. 8. No. 7. <https://doi.org/10.1016/j.oftale.2023.08.005>
6. Johnson A.C. et al. Activation of toll-like receptor (TLR)2, TLR4, and TLR9 in the mammalian cornea induces MyD88-dependent corneal inflammation // *Invest Ophthalmol Vis Sci*. 2005. Vol. 46. No. 2. P. 589 – 595. doi: 10.1167/iovs.04-1077
7. Kels B.D., Grzybowski A., Grant-Kels J.M. Human ocular anatomy // *Clin Dermatol*. 2015. Vol. 33. No. 2. P. 140 – 146. doi: 10.1016/j.clindermatol.2014.10.006
8. Kumar A., Yu F.-S. Toll-Like Receptors and Corneal Innate Immunity // *Curr Mol Med*. 2006. Vol. 6. No. 3. P. 327 – 237. doi: 10.2174/156652406776894572.
9. Lakhundi S., Siddiqui R., Khan N.A. Pathogenesis of microbial keratitis // *Microbial Pathogenesis*. 2017. Vol. 104. P. 97 – 109. doi: 10.1016/j.micpath.2016.12.013.
10. Lawrence S.L. et al. Crystal structure of *Streptococcus pneumoniae* pneumolysin provides key insights into early steps of pore formation // *Sci Rep*. 2015. Vol. 5. doi.org/10.1038/srep14352
11. Micera A. et al. Toll-like receptors and the eye // *Current Opinion in Allergy and Clinical Immunology*. 2005. Vol. 5. No. 5. 451 – 458. doi: 10.1097/01.all.0000182537.55650.99
12. Sharma S. Diagnosis of infectious diseases of the eye // *Eye*. 2012. Vol. 26. No. 2. P. 177 – 184. doi: 10.1038/eye.2011.275.
13. Streilein J.W. Ocular immune privilege: Therapeutic opportunities from an experiment of nature // *Nature Reviews Immunology*. 2003. Vol. 3. No. 11. P. 879 – 889. doi: 10.1038/nri1224.
14. Tam C. et al. 3D quantitative imaging of unprocessed live tissue reveals epithelial defense against bacterial adhesion and subsequent traversal requires MyD88 // *PLoS One*. 2011. Vol. 6. No. 8. doi.org/10.1371/journal.pone.0024008
15. Thanabalasuriar A. et al. Neutrophil Extracellular Traps Confine *Pseudomonas aeruginosa*. Ocular Biofilms and Restrict Brain Invasion // *Cell Host Microbe*. 2019. Vol. 25. No. 4. P. 526 – 536. e4. doi: 10.1016/j.chom.2019.02.007
16. Ueta M. et al. Intracellularly Expressed TLR2s and TLR4s Contribution to an Immunosilent Environment at the Ocular Mucosal Epithelium // *The Journal of Immunology*. 2004. Vol. 173. No. 5. P. 3337 – 3347. doi: 10.4049/jimmunol.173.5.3337
17. Ueta M. Innate immunity of the ocular surface and ocular surface inflammatory disorders // *Cornea*. 2008. Vol. 27. No. SUPPL. 1.
18. Ung L., Chodosh J. Foundational concepts in the biology of bacterial keratitis // *Exp Eye Res*. 2021. Vol. 209. No. 1. Pp. 31-40. doi: 10.1097/ICO.0b013e31817f2a7f
19. Wan S.J. et al. IL-1R and MyD88 contribute to the absence of a bacterial microbiome on the healthy murine cornea // *Front Microbiol*. 2018. Vol. 9. No. MAY. doi.org/10.3389/fmicb.2018.01117
20. Wang Y.-J. et al. Commensals Serve as Natural Barriers to Mammalian Cells during *Acanthamoeba castellanii* Invasion // *Microbiol Spectr*. 2021. Vol. 9. No. 3. P. 127 – 129.

21. Whitcher J.P., Srinivasan M., Upadhyay M.P. Corneal blindness: A global perspective // *Bull World Health Organ.* 2001. Vol. 79. No. 3. P. 214 – 221.
22. Willcox M.D.P. et al. Role of quorum sensing by *Pseudomonas aeruginosa* in microbial keratitis and cystic fibrosis // *Microbiology.* 2008. Vol. 154. No. 8. P. 2184 – 2194.
23. Willcox M.D.P. et al. Contact lens case contamination during daily wear of silicone hydrogels // *Optometry and Vision Science.* 2010. Vol. 87. No. 7. P. 456 – 464. doi: 10.1097/OPX.0b013e3181e19eda
24. Wong R.L.M. et al. New treatments for bacterial keratitis // *Journal of Ophthalmology.* 2012. Vol. 2012. doi: 10.1155/2012/831502
25. Zimmerman A.B. et al. Water Exposure is a Common Risk Behavior among Soft and Gas-Permeable Contact Lens Wearers // *Cornea.* 2017. Vol. 36. No. 8. P. 995 – 1001.

References

1. Alarcon I. et al. Factors impacting corneal epithelial barrier function against *Pseudomonas aeruginosa* traversal. *Invest Ophthalmol Vis Sci.* 2011. Vol. 52.No. 3. P. 1368 – 1377. doi: 10.1167/iovs.10-6125
2. Andersson J. et al. Ocular surface microbiota in contact lens users and contact-lens-associated bacterial keratitis. *Vision (Switzerland).* 2021. Vol. 5.No. 2. doi.org/10.3390/vision5020027
3. Chan V.F. et al. A Systematic Review of Clinical Practice Guidelines for Infectious and Non-infectious Conjunctivitis. *Ophthalmic Epidemiology.* 2022. Vol. 29.No. 5. P. 473 – 482. doi: 10.1080/09286586.2021.1971262.
4. Fleiszig S.M.J. et al. Contact lens-related corneal infection: Intrinsic resistance and its compromise. *Progress in Retinal and Eye Research.* 2020. Vol. 76. doi: 10.1016/j.preteyeres.2019.100804
5. Galdiero M. et al. Current evidence on the ocular surface microbiota and related diseases. *Microorganisms.* 2020. Vol. 8.No. 7. <https://doi.org/10.1016/j.mic.2023.08.005>
6. Johnson A.C. et al. Activation of toll-like receptor (TLR)2, TLR4, and TLR9 in the mammalian cornea induces MyD88-dependent corneal inflammation. *Invest Ophthalmol Vis Sci.* 2005. Vol. 46.No. 2. R. 589 – 595. doi: 10.1167/iovs.04-1077
7. Kels B.D., Grzybowski A., Grant-Kels J.M. Human ocular anatomy. *Clin Dermatol.* 2015. Vol. 33.No. 2. R. 140 – 146. doi: 10.1016/j.clindermatol.2014.10.006
8. Kumar A., Yu F.-S. Toll-Like Receptors and Corneal Innate Immunity. *Curr Mol Med.* 2006. Vol. 6.No. 3. R. 327 – 237. doi: 10.2174/156652406776894572.
9. Lakhundi S., Siddiqui R., Khan N.A. Pathogenesis of microbial keratitis. *Microbial Pathogenesis.* 2017. Vol. 104. R. 97 – 109. doi: 10.1016/j.micpath.2016.12.013.
10. Lawrence S.L. et al. Crystal structure of *Streptococcus pneumoniae* pneumolysin provides key in-sights into early steps of pore formation. *Sci Rep.* 2015. Vol. 5. doi.org/10.1038/srep14352
11. Micera A. et al. Toll-like receptors and the eye. *Current Opinion in Allergy and Clinical Immunology.* 2005. Vol. 5.No. 5. 451 – 458. doi: 10.1097/01.all.0000182537.55650.99
12. Sharma S. Diagnosis of infectious diseases of the eye. *Eye.* 2012. Vol. 26.No. 2. P. 177 – 184. doi: 10.1038/eye.2011.275.
13. Streilein J.W. Ocular immune privilege: Therapeutic opportunities from an experiment of nature. *Nature Reviews Immunology.* 2003. Vol. 3.No. 11. R. 879 – 889. doi: 10.1038/nri1224.
14. Tam C. et al. 3D quantitative imaging of unprocessed living tissue reveals epithelial defense against bacterial adhesion and subsequent traversal requires MyD88. *PLoS One.* 2011. Vol. 6.No. 8. doi.org/10.1371/journal.pone.0024008
15. Thanabalasuriar A. et al. Neutrophil Extracellular Traps Confine *Pseudomonas aeruginosa*. *Ocular Biofilms and Restrict Brain Invasion. Cell Host Microbe.* 2019. Vol. 25.No. 4. R. 526 – 536. e4. doi: 10.1016/j.chom.2019.02.007
16. Ueta M. et al. Intracellularly Expressed TLR2s and TLR4s Contribution to an Immunosilent Environment at the Ocular Mucosal Epithelium. *The Journal of Immunology.* 2004. Vol. 173.No. 5. R. 3337 – 3347. doi: 10.4049/jimmunol.173.5.3337
17. Ueta M. Innate immunity of the ocular surface and ocular surface inflammatory disorders. *Cornea.* 2008. Vol. 27.No. SUPPL. 1.
18. Ung L., Chodosh J. Fundamental concepts in the biology of bacterial keratitis. *Exp Eye Res.* 2021. Vol. 209.No. 1. P. 31-40. doi: 10.1097/ICO.0b013e31817f2a7f
19. Wan S.J. et al. IL-1R and MyD88 contribute to the absence of a bacterial microbiome on the healthy murine cornea. *Front Microbiol.* 2018. Vol. 9.No. MAY. doi.org/10.3389/fmicb.2018.01117

20. Wang Y.-J. et al. Commensals Serve as Natural Barriers to Mammalian Cells during *Acanthamoeba castellanii* Invasion. *Microbiol Spectr*. 2021. Vol. 9.No. 3. P. 127 – 129.
21. Whitcher J.P., Srinivasan M., Upadhyay M.P. Corneal blindness: A global perspective. *Bull World Health Organ*. 2001. Vol. 79.No. 3. P. 214 – 221.
22. Willcox M.D.P. et al. Role of quorum sensing by *Pseudomonas aeruginosa* in microbial keratitis and cystic fibrosis. *Microbiology*. 2008. Vol. 154.No. 8. P. 2184 – 2194.
23. Willcox M.D.P. et al. Contact lens case contamination during daily wear of silicone hydrogels. *Optometry and Vision Science*. 2010. Vol. 87. No. 7. P. 456 – 464. doi: 10.1097/OPX.0b013e3181e19eda
24. Wong R.L.M. et al. New treatments for bacterial keratitis. *Journal of Ophthalmology*. 2012. Vol. 2012. doi: 10.1155/2012/831502
25. Zimmerman A.B. et al. Water Exposure is a Common Risk Behavior among Soft and Gas-Permeable Contact Lens Wearers. *Cornea*. 2017. Vol. 36.No. 8. P. 995 – 1001.

Информация об авторах

Джерештиева М.С., аспирант, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, merjen.bagyeva@gmail.com

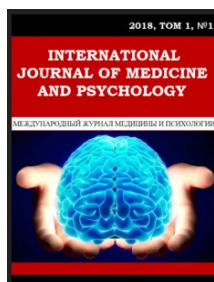
Тлупова Т.Г., кандидат медицинских наук, доцент, заведующий курсом офтальмологии, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Теуважукова Д.А., ассистент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, di.teu.00@mail.ru

Алсаирафи Марам Ахмед Ибрахим Али Абдулла, врач-офтальмолог отделения микрохирургии глаза, Республиканская клиническая больница, г. Нальчик, Maеaasrmyn@gmail.com

Аль Дубай Раад Набиль Мохаммед Абдульхамид, ординатор, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, raad.aldubai20@mail.ru

© Джерештиева М.С., Тлупова Т.Г., Теуважукова Д.А., Алсаирафи Марам Ахмед Ибрахим Али Абдулла, Аль Дубай Раад Набиль Мохаммед Абдульхамид, 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.8. Клиническая лабораторная диагностика (медицинские науки)

УДК 616-002.5

¹ Бадлеева М.В.,
² Кожевников В.В.,
² Мархаев А.Г.,
¹ Юндунова О.В.,
³ Гунтупова А.Б.,

¹ Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,

² Республиканский клинический противотуберкулёзный диспансер имени Г.Д. Дугаровой,

³ Иркутский государственный университет

Влияние генотипа кластера Beijing 14717-15 на исходы заболевания туберкулезом

Аннотация: в данной статье рассматривается заболеваемость и смертность от туберкулеза в Республике Бурятия. До сих пор не изучены особенности лечения туберкулеза у впервые выявленных больных туберкулезом лёгких в зависимости от генотипа возбудителя. Исследовано влияние генотипа кластера Beijing 14717-15 на исход заболевания туберкулезом.

Ключевые слова: туберкулез, заболеваемость, смертность, кластер Beijing 14717-15

Для цитирования: Бадлеева М.В., Кожевников В.В., Мархаев А.Г., Юндунова О.В., Гунтупова А.Б. Влияние генотипа кластера Beijing 14717-15 на исходы заболевания туберкулезом // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 37 – 46.

Поступила в редакцию: 7 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Badleeva M.V.,
² Kozhevnikov V.V.,
² Markhaev A.G.,
¹ Yundunova O.V.,
³ Guntupova A.B.,

¹ Dorji Banzarov Buryat State University,

² Clinical Anti-Tuberculosis Dispensary,

³ Irkutsk State Medical University

Influence of the Beijing 14717-15 cluster genotype on tuberculosis outcomes

Abstract: this article examines tuberculosis morbidity and mortality in the Republic of Buryatia. The specifics of tuberculosis treatment in newly diagnosed patients with pulmonary tuberculosis depending on the pathogen genotype have not yet been studied. The influence of the Beijing 14717-15 cluster genotype on the outcome of tuberculosis was studied.

Keywords: tuberculosis, morbidity, mortality, cluster Beijing 14717-15

For citation: Badleeva M.V., Kozhevnikov V.V., Markhaev A.G., Yundunova O.V., Guntupova A.B. Influence of the Beijing 14717-15 cluster genotype on tuberculosis outcomes. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 37 – 46.

The article was submitted: March 7, 2025; Approved after reviewing: May 10, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Согласно оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), глобальные инициативы по борьбе с туберкулезом с 2000 года позволили спасти около 79 миллионов жизней. В 2023 году во всем мире было зарегистрировано 8,2 миллиона новых случаев туберкулеза, что представляет собой увеличение по сравнению с 7,5 миллиона случаев в 2022 году и значительно превышает показатели 5,8 миллиона в 2020 году и 6,4 миллиона в 2021 году. Среди вновь диагностированных пациентов в 2022 и 2023 годах, вероятно, имеется значительное количество людей, у которых заболевание развивалось в предшествующие годы, однако диагностика и лечение были отсрочены в связи с перебоями, вызванными пандемией COVID-19 [1, 3].

В 2023 году от туберкулеза (ТБ) зарегистрировано 1,25 миллиона случаев летального исхода, среди которых 161 000 случаев связано с ВИЧ-инфекцией. По мировым оценкам, в этом же году туберкулезом заболели 10,8 миллиона человек, включая 6,0 миллиона мужчин, 3,6 миллиона женщин и 1,3 миллиона детей. Эта инфекция затрагивает все страны и возрастные категории. Важно отметить, что туберкулез поддается лечению и может быть предотвращен.

Туберкулез, обладающий множественной лекарственной устойчивостью (МЛУ-ТБ), представляет собой серьезную проблему общественного здравоохранения и представляет собой значительную угрозу для здоровья населения. Формирование устойчивости к противотуберкулезным препаратам обусловлено неправильным использованием медикаментов, ошибками в назначении терапии,

применением неэффективных препаратов, а также преждевременным прекращением лечения со стороны пациентов.

Штаммы *Mycobacterium tuberculosis* с МЛУ-ТБ не поддаются терапии с использованием двух основных противотуберкулезных препаратов первой линии – изониазида и рифампицина. Однако, существуют альтернативные препараты, которые способны обеспечить излечение, хотя они, как правило, характеризуются более высокой стоимостью и токсичностью. Туберкулез, вызванный бактериями, не реагирующими на наиболее эффективные средства, применяемые в схемах лечения, создает у пациентов крайне ограниченные возможности для терапии.

МЛУ-ТБ продолжает представлять собой серьезную проблему для общественного здравоохранения и представляет собой угрозу для безопасности в сфере медицины. По данным на 2023 год, лишь около 40% пациентов с множественной устойчивостью к противотуберкулезным препаратам смогли получить необходимое лечение.

Согласно рекомендациям Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), для диагностики МЛУ-ТБ требуется бактериологическое подтверждение наличия туберкулеза, а также оценка лекарственной устойчивости с применением быстродействующих молекулярных методов или культуральных методик.

В течение последних пяти лет в Российской Федерации, а также в Дальневосточном федеральном округе и Республике Бурятия отмечается устойчивое снижение как заболеваемости, так и смертности от туберкулеза.

Таблица 1

Заболеваемость туберкулезом в Республике Бурятия, ДФО, РФ.

Table 1

Tuberculosis incidence in the Republic of Buryatia, Far Eastern Federal District, Russian Federation.

Территории Года	Заболеваемость		
	РБ	ДФО	РФ
2020	37,3	53,6	32,4
2021	38,6	51,1	31,1
2022	36,9	53,8	31,1
2023	33,6	53,4	29,6
2024	31,9	49,5	26,8

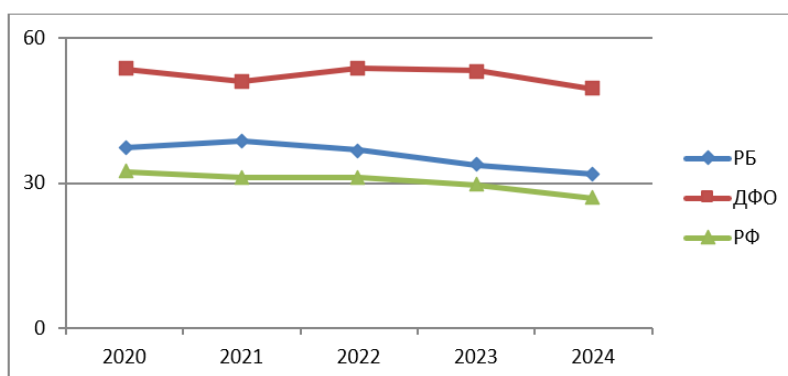

Рис. 1. Заболеваемость туберкулезом в Республике Бурятия, ДФО, РФ.

Fig. 1. Tuberculosis incidence in the Republic of Buryatia, Far Eastern Federal District, Russian Federation.

Таблица 2

Динамический ряд заболеваемости.

Table 2

Dynamic series of morbidity.

Территория	М среднее значение	Ранг М	Стандартное отклонение	Ранг стандартного отклонения	Кн Интегральный коэффициент	Ранг Интегрального коэффициента	Разница рангов М и Кн
РБ	35	2	2,92	3	33,3	3	1
ДФО	51,8	3	1,79	1	16,7	2	1
РФ	29,8	1	2,39	2	0	1	0

Так, в 2024 г. по сравнению с 2020 г. показатель общей заболеваемости от туберкулеза в Республи-

ке Бурятия уменьшилась на 5,4% (с 37,3 до 31,9 %) (табл. 1, 2, рис. 1).

Таблица 3

Смертность от туберкулеза в Республике Бурятия, ДФО, РФ.

Table 3

Mortality from tuberculosis in the Republic of Buryatia, Far Eastern Federal District, Russian Federation.

Года	Территории	Смертность		
		РБ	ДФО	РФ
2020		4	10,2	5,1
2021		3,6	9,8	4,3
2022		3,5	8,3	3,8
2023		3,1	7,9	3,5
2024		3,0	6,4	2,7

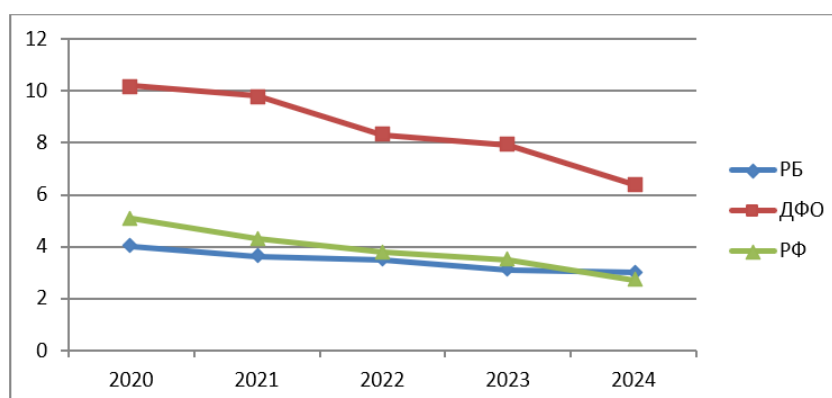

Рис. 2. Смертность от туберкулеза в Республике Бурятия, ДФО, РФ.

Fig. 2. Mortality from tuberculosis in the Republic of Buryatia, Far Eastern Federal District, Russian Federation.

Таблица 4

Динамический ряд смертности.

Table 4

Dynamic series of mortality.

Терри- тория	М сред- нее зна- чение	Ранг М	Стандартное отклонение	Ранг стан- дартного от- клонения	Кн Интеграль- ный коэффици- ент	Ранг Инте- грального ко- эффициента	Разница рангов М и Кн
РБ	3,2	1	0,45	1	-16,6	1	0
ДФО	8,0	3	1,58	3	50,0	3	0
РФ	3,4	2	1,14	2	16,6	2	0

В 2024 году в Республике Бурятия наблюдается снижение уровня смертности на 1,0 % по сравнению с 2020 годом (с 4,0 до 3,0 %), что также отражает тенденцию в Дальневосточном федеральном округе (с 10,2 до 7,9 %) и в Российской Федерации в целом (с 5,1 до 3,5 %) (табл. 3, 4, рис. 2). Тем не менее, согласно данным Всемирной организации здравоохранения, Россия по-прежнему занимает одно из первых мест среди 22 государств, характеризующихся высоким уровнем заболеваемости туберкулезом [1]. Одним из основных факторов, способствующих эпидемиологическому неблагополучию, связанного с туберкулезом, является распространение штаммов *M. tuberculosis*, демонстрирующих множественную (МЛУ) и широкую (ШЛУ) резистентность к антибактериальным препаратам. Туберкулез с широкой лекарственной устойчивостью (ШЛУ-ТБ) вызывается штаммами *M. tuberculosis*, которые демонстрируют резистентность как к изониазиду и рифампицину – основным препаратам первой линии, так и к фторхинолонам. Эти штаммы также проявляют устойчивость к инъекционным противотуберкулезным средствам второго ряда, таким как амикацин, канамицин и капреомицин. Процесс формирования штаммов, обладающих резистентностью к лекарственным препаратам, происходит на фоне неэффективного или прерванного лечения у пациентов с туберкулезом, вызванным микобактериями, имеющими множественную лекарственную устойчивость (МЛУ-ТБ) [4, 5, 6, 7]. Одним из факторов, способствующих распространению МЛУ-ТБ и ШЛУ-ТБ, является активная циркуляция в Российской Федерации штаммов *M. tuberculosis*, относящихся к генетическому семейству Beijing [7, 10]. Для лечения туберкулеза с МЛУ/ШЛУ необходимо подбирать новые эффективные противотуберкулезные препараты, чтобы обеспечить положительные клинические исходы [2].

Вопрос о взаимосвязи между эпидемиологически значимыми субтипами генотипа *M. tuberculosis*, особенно кластером 14717-15, и исходами туберкулезной инфекции продолжает оставаться предметом научного обсуждения. Клинические характеристики и эффективность терапевти-

ческих подходов к этому генотипу до сих пор недостаточно исследованы, что объясняется сложностями в сборе объективных данных о популяционных молекулярно-генетических анализах. В республике Бурятия обнаружен кластер Beijing 14717-15, обладающий высокой летальностью, гипervирулентностью и мультирезистентностью к лекарственным препаратам.

Цель исследования. Цель исследования – изучение особенностей исхода лечения туберкулеза у впервые выявленных больных туберкулезом лёгких в зависимости от генотипа Beijing 14717-15.

Материалы и методы исследований

В период с 2021 по 2024 годы было проведено исследование 200 изолятов микобактерий, полученных от пациентов, у которых впервые был диагностирован туберкулез легких. По половозрастному составу когорты больных была представлена из 145 мужчин и 55 женщин от 18 до 72 лет. Больные проходили лечение в Государственном бюджетном учреждении здравоохранения «Республиканский клинический противотуберкулезный диспансер имени Г. Д. Дугаровой». По географическому признаку, все пациенты являлись жителями города Улан-Удэ и Республики Бурятия

Клинические, микробиологические и лучевые методы диагностики и лечения туберкулеза легких применялись в соответствии с установленными стандартами фтизиатрической помощи, регламентируемыми приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации № 951 от 29 декабря 2014 года. Данный приказ утверждает методические рекомендации, направленные на оптимизацию диагностики и терапевтических подходов к лечению туберкулеза легких.

В рамках комплексного микробиологического исследования был применен интегрированный подход, включающий молекулярно-генетическую диагностику на платформе GeneXpert в сочетании с традиционными культуральными методиками. Бактериологическая диагностика возбудителя туберкулеза осуществлялась посредством культивирования на жидких и плотных питательных средах. Определение профиля лекарственной резистентности изолятов МБТ к противотуберкуле-

ным препаратам основного и резервного ряда проводилось с использованием метода абсолютных концентраций на среде Левенштейна-Йенсена, а также в автоматизированной системе Bactec MGIT 960.

Для культивирования *M. tuberculosis* и последующей оценки чувствительности выделенных штаммов к основным противотуберкулезным препаратам (ПТП) был применен стандартизированный непрямой метод абсолютных концентраций. Экстракция ДНК из чистых культур микобактерий осуществлялась согласно протоколу, детально описанному в предшествующих исследованиях [9]. Генетическая идентификация и типирование изолятов проводились методом сполиготипирования. Для определения международного кода сполиготипа и классификации выделенных штаммов по генетическим семействам, линиям и генотипам использовалась компьютерная база данных SITVITWEB и MIRU-VNTRplus.

Участники исследования были стратифицированы на три категории: первая категория объединила пациентов, инфицированных штаммами генотипа Beijing, относящимися к кластеру 14717-15 (n=128), вторая категория формировалась из случаев инфицирования штаммами non-Beijing

(n=67), а третья группа охватывала другие генотипы, не относящиеся к Beijing (n=5). Анализ распределения генотипов в данной исследуемой когорте выявил значительные отклонения от установленной пропорции, наблюдаемой в Республике Бурятия.

Анализ данных осуществлялся с применением программного обеспечения MS Excel версии 14.0 и GraphPad Prism 7. Для оценки значимости различий между исследуемыми параметрами использовался критерий χ^2 , при этом отклонения рассматривались как достоверные при значении критерия статистической значимости $p \leq 0,05$.

Результаты и обсуждения

Проведен анализ социальных характеристик пациентов, стратифицированных согласно идентифицированным генотипам *Mycobacterium tuberculosis* (табл. 5). При статистической обработке данных не было выявлено достоверных различий в социальной структуре между исследуемыми группами. Необходимо акцентировать внимание на том, что недостаточный объем выборки в категории «другие субтипы Пекин» не позволяет на текущей стадии исследования сформулировать какие-либо обоснованные выводы относительно её характеристик.

Социальный статус больных туберкулезом, вызванным генотипами микобактерий.

Social status of patients with tuberculosis caused by mycobacteria genotypes.

Социальный статус		Beijing 14717-15, всего 128 пациентов		nonBeijing, всего 67 пациентов		Другие кластеры, всего 5 пациентов	
		муж	жен	муж	жен	муж	жен
пол, абс. число/%		102/51	26/13	50/25	17/8,5	5/2,5	-
Место проживания, абс.число/%	город	51/25,5	15/7,5	24/12	8/4	3/1,5	-
	село	51/25,5	11/5,5	26/13	9/4,5	2/1	-
Возраст Me [IQR]		35,0 [27,5-41,5]		37,1 [30,0-42,0]		43,8 [38,0-53,0]	
Всего		102	26	50	17	5	-

В ходе сравнительного анализа генотипов *M. tuberculosis* было установлено, что nonBeijing генотип наблюдается реже среди впервые диагностированных пациентов: 67 случаев (33,5 %) из 200, в отличие от Beijing 14717-15, который был зарегистрирован в 128 случаях (64,0 %) ($p=0,06$ по критерию Фишера). Детальное исследование генотипов Beijing 14717-15 выявляет уникальные маркеры, ассоциированные с резистентностью к медикаментозным средствам, повышенной вирулентностью и способностью к передаче – гипервирулентностью или трансмиссивностью [8]. В ходе анализа клинической структуры впервые зарегистрированных пациентов с туберкулезом, вызван-

ным штаммом *M. tuberculosis* кластера Beijing 14717-15, была зафиксирована высокая частота случаев инфильтративного туберкулеза, сопровождающегося разрушением легочной ткани, а также диссеминированного туберкулеза. Кроме того, среди легочных заболеваний была отмечена казеозная пневмония, также характеризующаяся деструктивными изменениями в пораженных долях легких. Микобактерии, относящиеся к кластерам Beijing 14717-15, значительно чаще вызывают казеозную пневмонию по сравнению с микобактериями других сполиготипов. В большинстве случаев эти возбудители обладают многофакторной лекарственной устойчивостью, включая как ос-

новые, так и резервные препараты. Установлена прямая корреляция между генотипом кластера Beijing 14717-15 и тяжестью клинического течения туберкулеза, что позволяет предсказывать ис-

ход заболевания у каждого пациента и своевременно корректировать терапию. Клиническая структура впервые диагностированного туберкулеза у пациентов представлена в табл. 6.

Таблица 6

Клиническая структура впервые выявленных больных туберкулезом.

Table 6

Clinical structure of newly diagnosed patients with tuberculosis.

Клиническая форма	Beijing 14717-15		nonBeijing		Другие кластеры	
	абс. число	%	абс.число	%	абс.число	%
Очаговый	3	1,5	-			
Инфильтративный	84	42,0	42	21,0	4	2,0
Диссеминированный	28	14,0	18	14,0	1	0,5
Туберкулема легких	3	1,5	1	0,5		
Фиброзно-кавернозный	2	1,0	1	0,5		
Казеозная пневмония	6	3,0	2	1,0		
Миллиарный	2	1,0	2	1,0		

В ходе проведенных исследований была проанализирована степень поражения легочной ткани у пациентов, обладающих различными генотипами. Установлено, что микобактерии из кластера

Beijing 14717-15 способствуют более выраженному развитию легочных процессов, таких как инфильтративный и диссеминированный туберкулез (табл. 6).

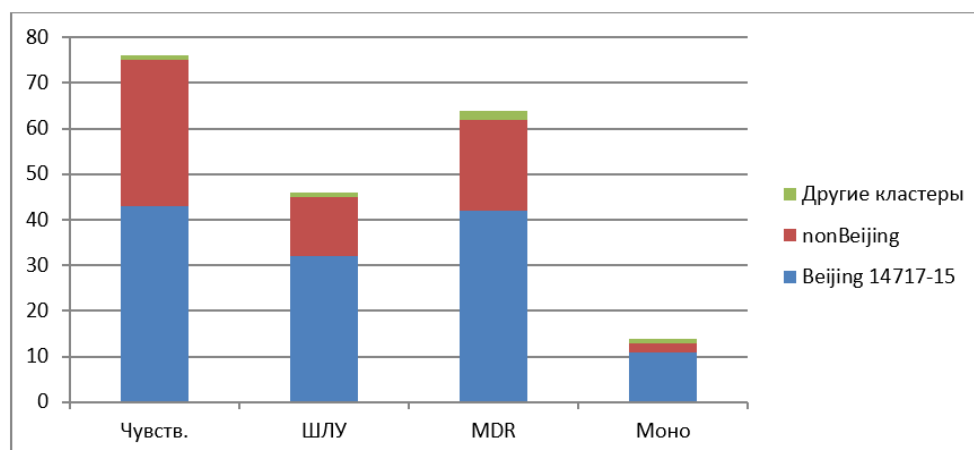

Рис. 3. Лекарственная устойчивость МБТ у больных туберкулезом с разными генотипами (%).

Fig. 3. Drug resistance of MBT in tuberculosis patients with different genotypes (%).

В ходе исследования лекарственной устойчивости штаммов *M. tuberculosis* генотипа Beijing 14717-15 была зафиксирована значительная частота возникновения полирезистентности и множественной лекарственной устойчивости у патогена. Обнаружение данного генотипа у пациентов с впервые диагностированным легочным туберкулезом дало возможность оперативно оценить частоту МЛУ и полирезистентности возбудителя. Что в следствии привело к более точному прогнозированию клинической ситуации и исхода заболевания у пациентов.

Среди случаев туберкулеза, причиной которого стал генотип Beijing 14717-15, в исследуемой ко-

горте у 64,0% обследованных пациентов (128 из 200) была диагностирована множественная или широкая лекарственная устойчивость МБТ. Согласно данным, представленным на рис. 3, штаммы с множественной и широкой лекарственной устойчивостью демонстрировали статистически достоверно более высокую частоту встречаемости среди пациентов, инфицированных микобактериями генотипа Beijing 14717-15, в сравнении с группами пациентов, у которых туберкулезный процесс был обусловлен микобактериями nonBeijing генотипа и других кластерных групп ($\chi^2=13,4$; $p=0,0002$).

Таблица 7
Исходы туберкулеза у впервые выявленных пациентов с разными генотипами микобактерий.
Table 7

Outcomes of tuberculosis in newly diagnosed patients with different mycobacterium genotypes.						
Исход заболевания	Beijing 14717-15		nonBeijing		Другие кластеры	
	абс.число	%	абс.число	%	абс.число	%
Клиническое излечение	72	36,0	55	27,5	3	1,5
Клиническое излечение – резекция	3	1,5	1	0,5	-	-
Прерывание лечения (без динамики)	10	5,0	4	2,0	2	1,0
Переход в хроническую форму	23	11,5	-	-	-	-
Выбыл в другой регион	4	2,0	-	-	-	-
Летальный исход	16	8,0	7	3,5	5	2,5

В исследуемой группе пациентов с туберкулезом летальный исход был зафиксирован у 8,0 % из них, при этом возбудителем заболевания выступали микобактерии генотипа Beijing 14717-15 (таблица 7). Из пяти пациентов с данным генотипом, умерших от туберкулеза, у всех были обнаружены микобактерии с МЛУ или ШЛУ. Однако среди семи других больных с генотипом Beijing 14717-15, также страдавших туберкулезом, риск летальных исходов во время терапии не был установлен; причины их смерти были связаны с другими факторами. Таким образом, трудно однозначно интерпретировать генотип Beijing 14717-15 как потенциальный фактор, способствующий летальному исходу. Данные, полученные в ходе нашего исследования, нуждаются в более детальной оценке с расширением объема наблюдаемых случаев. Эпидемиологические исследования когортного типа, реализованные в территориях с повышенной распространенностью коинфекции ВИЧ и туберкулеза, продемонстрировали существенное увеличение показателей смертности среди пациентов, инфицированных штаммами *Mycobacterium tuberculosis* с множественной лекарственной устойчивостью. Данные результаты позволяют выдвинуть гипотезу о наличии корреляционной связи между указанными факторами и в анализируемой контрольной совокупности пациентов.

Анализ клинических данных демонстрирует статистически достоверную корреляцию между генотипом Beijing 14717-15 и такими параметрами, как характер поражения легочной ткани, клиническая манифестация туберкулезного процесса и наличие МЛУ. Эти взаимосвязи существенно влияют на вариативность исходов заболевания у больных туберкулезом. Неблагоприятная динамика и тенденция к хронизации туберкулезного процесса у больных, инфицированных штаммом Beijing 14717-15, находят объяснение в результа-

тах базисных научных исследований, направленных на изучение вирулентности и специфических механизмов эвазии иммунного ответа макроорганизма, характерных для данного субтипа микобактерий. В контексте настоящего исследования целесообразно представить комплекс научных доказательств, свидетельствующих о повышенной жизнеспособности и значительном эпидемиологическом потенциале распространения и прогрессирования туберкулезной инфекции, ассоциированной с генотипом *Mycobacterium tuberculosis* Beijing 14717-15.

Ситуация с туберкулезом в Бурятии характеризуется снижением уровня заболеваемости, однако наблюдается увеличение доли штаммов кластера Beijing 14717-15, которые демонстрируют множественную лекарственную устойчивость и являются эндемичными для данного региона. Микобактерии, относящиеся к кластеру Beijing 14717-15, принадлежат к древнему генетическому кластеру сублинии генотипа Beijing, который ассоциируется с множественной устойчивостью к лекарственным препаратам.

Генотип Beijing занимает доминирующее положение в популяции *Mycobacterium tuberculosis* в Бурятии, составляя 65,5% от общего числа штаммов, и демонстрирует относительную однородность распределения (63,2-63,9%), с заметным отклонением в северо-восточной части, где его распространенность достигает 81,3%. Субтип Beijing Central Asian/Russian идентифицирован в 43,8 % от общего числа анализируемых штаммов, причем наблюдается градиент увеличения его распространенности с запада (36,1%) к северо-востоку Бурятии (62,5%). Российский эпидемический кластер Beijing B0/W148 выявлен в 9,8% исследованных изолятов, характеризуясь гомогенным географическим распределением по районам республики с вариативностью от 11,5% до 13,9%, при этом в

центральной зоне региона она составляет лишь 2%. Кластер Beijing 14717-15, имеющий распространённость в 7,7%, также демонстрирует равномерное распределение по районам, с показателями от 6,3% до 8,3%. В рамках данного кластера наблюдается значительное преобладание лекарственно-устойчивых изолятов (93,3%) по сравнению с другими генотипами в целом ($p < 0,01$).

Выводы

В Республике Бурятия среди пациентов с впервые выявленной туберкулезной инфекцией доминирующим штаммом является генотип МБТ Beijing 14717-15.

Анализ клинических случаев туберкулеза, ассоциированного с генотипом Beijing 14717-15, демонстрирует выраженную резистентность к противотуберкулезным препаратам, которая регистрируется у 87,5 % инфицированных лиц. Среди пациентов с первично диагностированным туберкулезом, вызванным данным генотипом, отмечается статистически значимое преобладание инфильтративных и диссеминированных форм заболевания по сравнению с другими генотипическими вариантами *Mycobacterium tuberculosis* (37,5% против 15,7% соответственно). Наблюдаемая клиническая картина имеет прямую корреляцию с высокой частотой коинфекции ВИЧ, достигающей 56,3% в данной когорте пациентов. Характерной особенностью инфильтративного туберкулеза, обусловленного генотипом Beijing 14717-15, является формирование экстенсивных патологических процессов в легочной паренхиме, вплоть до тотального поражения с последующей деструкцией легочной ткани и образованием полостей распада.

Терапия пациентов с туберкулезной инфекцией, ассоциированной с генотипом Beijing 14717-15 микобактерий, характеризуется значительной про-

должительностью и часто требует хирургического вмешательства для достижения клинического излечения. Данная ситуация обусловлена комплексом факторов, включающих экстенсивное распространение патологического процесса, превалирование штаммов с множественной и широкой лекарственной устойчивостью, а также коморбидность с ВИЧ-инфекцией. Статистический анализ демонстрирует существенное снижение эффективности терапии у данной категории пациентов – показатель клинического излечения составляет лишь 18,7%, что значительно уступает аналогичному параметру в других группах больных (47,4%). Представленные эпидемиологические данные свидетельствуют о наличии дистинктивных клинических характеристик туберкулезной инфекции, вызванной генотипом Beijing 14717-15, что актуализирует необходимость углубленного исследования клинико-рентгенологических и микробиологических аспектов патогенеза данного варианта туберкулезного процесса, соотносящегося с МБТ данного генотипа.

Определение генотипа Beijing 14717-15 у пациентов с туберкулезом является важным аспектом для понимания его влияния на клиническое течение и исходы заболевания. Генотип Beijing 14717-15 ассоциируется с замедленной динамикой туберкулезного процесса во время лечения, что делает его выявление у пациентов критически важным для корректировки продолжительности фазы интенсивной терапии. Присутствие данного генотипа у больных оказывает негативное влияние на течение заболевания и должно быть учтено при выборе схемы химиотерапии, особенно при назначении IV режима, так как это является дополнительным фактором риска развития мультирезистентного туберкулеза.

Список источников

1. Васильева И.А. Вопросы повышения качества противотуберкулезных мероприятий в Российской Федерации. 2023. URL: https://orennotd.orb.ru/upload/uf/6bc/r5ddprn0bgm612smhqnqzvkerk99qp2e/Vasileva-28.09.2023-VKS-Minzdrav-_5_5_-.pdf (date of access: Jan 28, 2025)
2. Голубчиков П.Н., Крук Е.А., Мишустин С.П., Петренко Т.И., Кудлай Д.А. Опыт лечения больных туберкулезом с широкой лекарственной устойчивостью возбудителя, в том числе с длительным применением бедаквилина, в Томской области: непосредственные и отдаленные результаты // Туберкулез и болезни легких. 2019. № 97 (8). С. 38 – 45.
3. ВОЗ. Доклад о глобальной борьбе с туберкулезом 2019 год. Резюме [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.who.int/tb/publications/global_report/gtbr2019_executive_summary_ru.pdf
4. Совершенствование диагностики и лечения туберкулеза органов дыхания. Методические рекомендации. М-2014/Приказ Минздрава России от 29.12.2014 N 951 «Об утверждении методических рекомендаций по совершенствованию диагностики и лечения туберкулеза органов дыхания».
5. Coscolla M. Biological and epidemiological consequences of MTBC Diversity // Adv. Exp. Med. Biol. 2017. Vol. 1019. P. 95 – 116. doi: 10.1007/978-3-319-64371-7_5

6. De Steenwinkel J.E., ten Kate M.T., de Knecht G.J., Kremer K., Aarnoutse R.E., Boeree M.J., Verbrugh H.A., van Soolingen D., Bakker-Woudenberg I.A. Drug susceptibility of *Mycobacterium tuberculosis* Beijing genotype and association with MDR TB // *Emerg Infect Dis*. 2012 Apr. № 18 (4). P. 660 – 663.
7. Kong Y., Cave M.D., Zhang L., Foxman B., Marrs C.F., Bates J.H., Yang Z.H. Association between *Mycobacterium tuberculosis* Beijing/W lineage strain infection and extrathoracic tuberculosis: Insights from epidemiologic and clinical characterization of the three principal genetic groups of *M. tuberculosis* clinical isolates // *Journal of clinical microbiology*. 2007. № 45 (2). P. 409 – 414.
8. Mokrousov I. Insights into the origin, emergence, and current spread of a successful Russian clone of *Mycobacterium tuberculosis* // *Clin. Microbiol. Rev*. 2013. № 26. P. 342 – 360. doi: 10.1128/CMR.00087-12
9. Casali N., Nikolayevskiy V., Balabanova Y., Harris S.R., Ignatyeva O., Kontsevaya I. et al. Evolution and transmission of drug-resistant tuberculosis in a Russian population // *Nat. Genet*. 2014. № 46. P. 279 – 286. doi: 10.1038/ng.2878.
10. Mokrousov I., Badleeva M., Mudarisova R., Kozhevnikov V., Markhaev A., Guntupova A. et al. Increasing circulation of multi-drug resistant tuberculosis strains in Buryatia, high-burden and ethnically diverse region in the Russian Far East // *Tuberculosis (Edinb)*. 2024. № 149. P. 102555. <https://doi.org/10.1016/j.tube.2024.102555>

References

1. Vasilyeva I.A. Issues of improving the quality of anti-tuberculosis measures in the Russian Federation. 2023. URL: https://orenोटd.orb.ru/upload/uf/6bc/r5ddprn0bgm612smhnqzvkerk99qp2e/Vasileva-28.09.2023-VKS-Minzdrav-_5_5_-.pdf (date of access: Jan 28, 2025)
2. Golubchikov P.N., Kruk E.A., Mishustin S.P., Petrenko T.I., Kudlai D.A. Experience in treating patients with extensively drug-resistant tuberculosis, including long-term use of bedaquiline, in the Tomsk region: immediate and remote results. *Tuberculosis and lung diseases*. 2019. No. 97 (8). P. 38 – 45.
3. WHO. Global tuberculosis report 2019. Executive summary [Electronic resource]. Access mode: https://www.who.int/tb/publications/global_report/gtbr2019_executive_summary_ru.pdf
4. Improving the diagnosis and treatment of tuberculosis of the respiratory organs. Methodological recommendations. M-2014. Order of the Ministry of Health of Russia dated 29.12.2014 N 951 "On approval of methodological recommendations for improving the diagnosis and treatment of tuberculosis of the respiratory organs".
5. Coscolla M. Biological and epidemiological consequences of MTBC Diversity. *Adv. Exp. Med. Biol*. 2017. Vol. 1019. P. 95 – 116. doi: 10.1007/978-3-319-64371-7_5
6. De Steenwinkel J.E., ten Kate M.T., de Knecht G.J., Kremer K., Aarnoutse R.E., Boeree M.J., Verbrugh H.A., van Soolingen D., Bakker-Woudenberg I.A. Drug susceptibility of *Mycobacterium tuberculosis* Beijing genotype and association with MDR TB. *Emerg Infect Dis*. 2012 Apr. No. 18 (4). P. 660 – 663.
7. Kong Y., Cave M.D., Zhang L., Foxman B., Marrs C.F., Bates J.H., Yang Z.H. Association between *Mycobacterium tuberculosis* Beijing/W lineage strain infection and extrathoracic tuberculosis: Insights from epidemiologic and clinical characterization of the three principal genetic groups of *M. tuberculosis* clinical isolates. *Journal of clinical microbiology*. 2007. No. 45 (2). P. 409 – 414.
8. Mokrousov I. Insights into the origin, emergence, and current spread of a successful Russian clone of *Mycobacterium tuberculosis*. *Clin. Microbiol. Rev*. 2013. No. 26. P. 342 – 360. doi: 10.1128/CMR.00087-12
9. Casali N., Nikolayevskiy V., Balabanova Y., Harris S.R., Ignatyeva O., Kontsevaya I. et al. Evolution and transmission of drug-resistant tuberculosis in a Russian population. *Nat. Genet*. 2014. No. 46. P. 279 – 286. doi: 10.1038/ng.2878.
10. Mokrousov I., Badleeva M., Mudarisova R., Kozhevnikov V., Markhaev A., Guntupova A. et al. Increasing circulation of multi-drug resistant tuberculosis strains in Buryatia, high-burden and ethnically diverse region in the Russian Far East. *Tuberculosis (Edinb)*. 2024. No. 149. P. 102555. <https://doi.org/10.1016/j.tube.2024.102555>

Информация об авторах

Бадлеева М.В., кандидат медицинских наук, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, mbadleeva@mail.ru

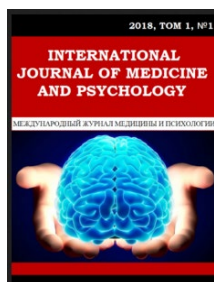
Кожевников В.В., доктор медицинских наук, главный врач, Республиканский клинический противотуберкулёзный диспансер имени Г.Д. Дугаровой, rpdt@govrb.ru

Мархаев А.Г., кандидат медицинских наук, врач-фтизиатр, Республиканский клинический противотуберкулёзный диспансер имени Г.Д. Дугаровой, marhaev50@mail.ru

Юндунова О.В., кандидат медицинских наук, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, ouu12@bk.ru

Гунтупова А.Б., врач-фтизиатр, Иркутский государственный университет, guntupova96@gmail.ru

© Бадлеева М.В., Кожевников В.В., Мархаев А.Г., Юндунова О.В., Гунтупова А.Б., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 616-092

¹ Зуева А.А.,
¹ Царева О.Р.,
¹ Соломанина О.О.,
¹ Микуляк Н.И.,
¹ Шепелев А.А.,

¹ Пензенский государственный университет

Болезнь Мойя-Мойя (клинический случай)

Аннотация: болезнь Мойя-Мойя – редкое хроническое заболевание сосудов головного мозга, характеризующееся прогрессирующим стенозом или окклюзией внутренних сонных артерий и их ветвей с образованием сети коллатеральных сосудов, визуализируемых на ангиограммах как «дым сигареты». В статье описан клинический случай болезни Мойя-Мойя у пациента 8 месяцев. Представлены особенности клинической картины в раннем детском возрасте, диагностический подход с использованием магнитно-резонансной томографии и церебральной ангиографии. Особое внимание уделено трудностям диагностики у детей младшего возраста, редкости данной патологии в этой возрастной группе и необходимости раннего выявления для предотвращения тяжёлых неврологических осложнений. Клинический случай подчёркивает важность междисциплинарного подхода и повышения осведомлённости педиатров и неврологов о болезни Мойя-Мойя для своевременной диагностики и улучшения прогноза.

Ключевые слова: болезнь Мойя-Мойя, ишемический инсульт, магнитно-резонансная томография головного мозга, клинический случай, ангиография

Для цитирования: Зуева А.А., Царева О.Р., Соломанина О.О., Микуляк Н.И., Шепелев А.А. Болезнь Мойя-Мойя (клинический случай) // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 47 – 52.

Поступила в редакцию: 9 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Zueva A.A.,
¹ Tsareva O.R.,
¹ Solomanina O.O.,
¹ Mikulyak N.I.,
¹ Shepelev A.A.,
¹ Penza State University

Moya Moya disease (clinical case)

Abstract: moyo-moya disease is a rare chronic vascular disease of the brain characterized by progressive stenosis or occlusion of the internal carotid arteries and their branches with the formation of a network of collateral vessels, visualized on angiograms as "cigarette smoke". The article describes a clinical case of Moya-Moya disease in an 8-month-old patient. The features of the clinical picture in early childhood, a diagnostic approach using magnetic resonance imaging and cerebral angiography are presented. Special attention is paid to the difficulties of diagnosis in young children, the rarity of this pathology in this age group, and the need for early detection to prevent severe neurological complications. The clinical case highlights the importance of an interdisciplinary approach and

increased awareness of Moya-Moya disease among pediatricians and neurologists for timely diagnosis and improved prognosis.

Keywords: Moya-Moya disease, ischemic stroke, magnetic resonance imaging of the brain, clinical case, arteriography

For citation: Zueva A.A., Tsareva O.R., Solomanina O.O., Mikulyak N.I., Shepelev A.A. Moya Moya disease (clinical case). International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 47 – 52.

The article was submitted: March 9, 2025; Approved after reviewing: May 12, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

В наши дни в клинической практике среди патологий внутренних органов и систем у детей все больше встречается заболеваний, поражающих головной мозг и церебральные сосуды. Эти заболевания приводят к глубокой инвалидизации и нарушению жизни ребенка. Наиболее частыми заболеваниями, связанными с нарушением мозгового кровообращения, являются ишемический и геморрагический инсульты.

Недавно мы столкнулись с таким редким заболеванием, как Мойя-Мойя. Для этой болезни характерно медленное прогрессирующее сужение просвета внутренних сонных артерий, а также начальных сегментов передней и средней мозговых артерий, что приводит к тяжелому нарушению мозгового кровообращения. Также это заболевание имеет и другое название Нишимото-Такеучи-Кудо, согласно авторам, которые и положили начало данной патологии. В переводе с японского название заболевания означает «клубы дыма», так как при ангиографии коллатеральная сеть сосудов напоминает данный феномен.

Это заболевание крайняя редкость, так как в России зарегистрировано 30 случаев на 100 тыс. человек населения. Наибольшая распространенность определена в Китае и Корее.

Этиопатогенез до сих пор остается загадкой для ученых. По мнению одних это заболевание связано с наследственностью по аутосомно-доминантному типу. Есть мнения, что проблема кроется в дефекте 3-й и 17-й хромосом. Выявлена связь главного комплекса гистосовместимости HLAAB511DR4 и синдрома Мойя-Мойя.

Вторые ученые считают, что заболевание имеет непосредственную связь с воспалением. Это было проверено на опытах с собаками, которым вводили чужеродный белок в сонную артерию, тем самым развивались проявления схожие с синдромом Мойя-Мойя [4].

Цель исследования: изучить особенности клинического течения, диагностики и лечения болезни Мойя-Мойя у пациента 8 месяцев с акцентом на раннее выявление патологии.

Болезнь Мойя-Мойя – это хроническое сужение конечных участков обеих внутренних сонных артерий, сопровождающееся развитием аномальной сосудистой сети для обеспечения обходного кровообращения.

Этиология. Причины не установлены. Исследователи предполагают влияние воспалительных и аутоиммунных факторов: в 74% случаев перед заболеванием наблюдаются воспаления в области головы и шеи (синуситы, тонзиллиты, отиты). Иногда патология сочетается с язвенным колитом. У 8-9,4% пациентов болезнь развивается после травмы головы. Генетическая природа не подтверждена, но зафиксированы случаи у родственников [1].

Проявления возможны в любом возрасте, с пиками в 4 года (ишемия) и 34 года (геморрагии). Симптомы зависят от степени поражения сосудов и локализации очага. У детей (10-30 лет) часты ишемические инсульты, транзиторные атаки, слабость в конечностях, речевые сбои (особенно после гипервентиляции, нагрузок, горячей еды, плача), а также нарушения чувствительности, зрения и головные боли. У взрослых доминируют кровоизлияния (субарахноидальные, паренхиматозные, внутрижелудочковые), ишемические инсульты и деменция [2].

Диагностика затруднена, основной метод – церебральная ангиография (АТ) внутренних/наружных сонных и позвоночной артерий. Ангиографические признаки:

1. Сужение/окклюзия конечной части ВСА, начальных сегментов ПМА и СМА.

2. Аномальная сосудистая сеть в зоне супраclinoidной части ВСА, М1 СМА и А1 ПМА.

3. Двусторонние изменения.

Стадии по Suzuki:

- 1: Сужение конечной части ВСА.

- 2: Сужение ВСА, расширение других артерий, базальные анастомозы у бифуркации ВСА.

- 3: Прогрессия стеноза ВСА, отсутствие контраста в ПМА/СМА, заметные базальные анастомозы.

- 4: Окклюзия ВСА до задней соединительной

артерии, уменьшение базальной сети, развитие этмоидальной сети.

- 5: Исчезновение артерий бассейна ВСА, окклюзия до С2–С3, рост коллатералей через наружную сонную артерию.

- 6: Полное отсутствие ВСА выше сифона, минимальная базальная сеть, кровотоков через наружные сонные и позвоночные[1].

Лечение. На данный момент медикаментозное лечение болезни неэффективно.

Единственным эффективным способом лечения является хирургическое вмешательство, направленное на восстановление мозгового кровотока и предотвращение осложнений, таких как ишемический инсульт или кровоизлияния. Из-за прогрессирующего характера болезни операция требуется большинству пациентов.

Медикаментозная терапия носит поддерживающий характер: кроворазжижающие препараты, такие как аспирин, назначаются для профилактики тромбозов и снижения вязкости крови, а при судорогах применяются противосудорожные средства [3].

Хирургическое лечение включает два подхода: прямую и непрямую реваскуляризацию. Прямая реваскуляризация предполагает создание анастомоза, соединяющего поверхностную височную артерию с мозговой, что обеспечивает немедленное улучшение кровоснабжения. В случаях значительного дефицита кровотока могут создаваться двойные анастомозы. Непрямая реваскуляризация заключается в наложении тканей с хорошим кровоснабжением (височной мышцы, мозговой оболочки или подкожного апоневроза) на поверхность мозга, что способствует постепенному прорастанию новых сосудов в течение нескольких месяцев или до двух лет. Чем больше тканей используется, тем эффективнее кровоснабжение [4].

Наиболее результативным считается комбинированный подход, сочетающий прямую и непрямую реваскуляризацию: первый метод обеспечивает немедленный кровоток, снижая риск инсульта, а второй улучшает кровоснабжение в долгосрочной перспективе. Этот метод широко применяется в клинической практике по всему миру.

Материалы и методы исследований

Изучены клинический случай синдрома Мойя-Мойя, медицинские статьи и литература по данному заболеванию.

Результаты и обсуждения

Клинический случай.

Пациент, Ж, 8 месяцев.

Диагноз: Артериальный ишемический инсульт в бассейне левой ВСА, правой СМА, подострый период. Тетрапарез S>D. CASCADE 3A. Ангипа-

тия Мойя-мойя. Экстрапирамидный синдром. Острые симптоматические судороги. Отек мозга.

Анамнез заболевания: Доставлен в стационар по экстренным показаниям. Со слов: со слов мамы, у ребенка с рождения отмечался беспокойный сон. Выполнялось плановое НСГ в 1 месяц – без значимых изменений. НСГ от 02.02.2024. Повышена сосудистая резистентность в бассейне базиллярной артерии. Усилена скорость кровотока в вене Галена. Плановое НСГ от 17.04.2024: УЗ-признаки гемодинамически значимого стеноза правого СМА с коллатерализацией кровотока. Рекомендовано дообследование. При контрольном выполнении НСГ от 29.05.2024: Эхо-признаки коллатерального кровотока в бассейне правой СМА и ПМА (как следствие стеноза правой ВСА?). В связи с чем 03.06.2024 ребенок был повторно госпитализирован в нейрохирургическое отделение ДКБ г. Саратова для проведения дообследования 09.06.2024 мама заметила асимметрию лица слева, ребенок стал менее активно пользоваться левой ручкой. Выполнено КТ головного мозга от 09.06.2024: КТ-признаки снижения плотности вещества головного мозга в лобной доле слева (признаки атрофических изменений). МРТ головного мозга от 10.06.2024: МР-картина ОНМК по ишемическому типу в бассейне правой СМА, острая стадия. После проведенного МРТ – у ребенка отмечались судорожные приступы (мама достоверное кинематику приступов описать затрудняется) в виде наклона головы вправо, тонического напряжения в верхних конечностях, гортанных звуков. Ребенок осмотрен неврологом – выставлен диагноз "Судорожный синдром", назначена Вальпреовая кислота 80мг х 3 р/д (32,4 мг/кг/сут). Для дальнейшего дообследования и печения ребенок переводится в МДГКБ. Данное заболевание впервые.

Неврологический статус (педиатрический). Дополнительные сведения: PedNIHSS: 8: Дополнительные сведения: ШКГ E-3V-4M-5. Установлен НГЗ. Менингеальных симптомов нет. Глаза закрыты, открывает на голос, есть отрывистое слежение на звуковой раздражитель. Спонтанная двигательная активность резко снижена, некоторое оживление на тактильную стимуляцию.

Эмоционально обеднена. ЧМН: Глазные щели D=S. Зрачки D=S 3 мм, фотореакция снижена. Консогласия нет Лицо симметричное в покое. Нистагма нет. Язык в полости рта по средней линии. Двигательно-рефлекторная сфера: Атрофии мышц – нет. Контрактуры – нет. Объем пассивных движений не ограничен. Тетрапарез. Мышечный тонус D<S, повышен по спастическому типу. Сухожильные рефлексы с верхних конечностей D<S живые,

коленные – D<s, оживлены. Клонусы левой стопы. Чувствительность, координация не оценены по возрасту. Выраженная задержка ПМР.

Общие сведения. Общее состояние: тяжелое. Сознание: поверхностное оглушение. Дополнительные сведения. Общее состояние, тяжелое по основному заболеванию; Обоснование тяжести состояния: тяжесть состояния обусловлена снижением уровня сознания. неврологическим дефицитом; Положение: пассивное.

Данные дополнительных обследований:

Магнитно-резонансная томография головного мозга, ангиография интракраниальных артерий с контрастированием. 12.06.2024 14:38

Отмечаются обширные зоны цитотоксического отека больших полушарий (тотально в лобно-височно-теменных областях, частично в затылочных областях), с распространением на базальные ядра с двух сторон (головка хвостатого ядра, скорлупа, больше справа), с повышением сигнала в режимах T2, FLAIR. Признаки ограничения диффузии справа менее выражены относительно левой стороны. В режиме SWI отмечается некоторое усиление сосудистого рисунка. В мозолистом теле не определяется изменений МР-сигнала. Очаговых изменений МР-сигнала в стволе и мозжечке не выявлено. Срединные структуры головного мозга не смещены.

Желудочковая система головного мозга не расширена. Боковые желудочки на уровне передних, задних, височных рогов резко сужены. При МР-цистернографии признаков блока ликвора не выявлено. Субарахноидальное пространство больших полушарий сужено, на уровне мозжечка не расширено. Конвекситальные борозды большого мозга сужены, мозжечка без особенностей. Гипофиз высотой до 3,3мм. Параселлярные структуры без особенностей. Эпифиз неизменен. Дополнительные образований в области мостомозжечковых углов не выявлено. Цереброспинальный переход без особенностей. Краниовертебральный переход без особенностей. В области орбит без особенностей. В правом сосцевидном отростке участки утолщения слизистой. Околоносовые пазухи в процессе развития. Отмечается некоторое постконтрастное усиление по конвексу больших полушарий. В веществе головного мозга участков патологического накопления контрастного препарата не выявлено.

При МР-ангиографии:

Отмечается выраженное уменьшение диаметра на всем протяжении правой внутренней сонной артерии (до 1,3мм) и правой средней мозговой артерии (до 1,5мм). В области правого таламуса от-

мечается извитая коллатеральная сосудистая сеть. Отмечается извитость правой ВСА на уровне.

С7 и верхних отделов С2. С1 сегментов Левая внутренняя сонная артерия не изменена. Срединные структуры не смещены. Область турецкого седла выглядит обычно. Придаточные пазухи носа на исследованном уровне субтотальным содержанием в верхнечелюстных пазухах и ячейках решетчатой кости, пристеночное содержимое структур пирамид височных костей, больше справа, без остеодеструкции. Костные структуры свода и основания черепа без особенностей.

При контрастном усилении отмечается более слабое накопление контрастного вещества измененными зонами больших полушарий головного мозга.

- Позвоночные артерии – типичного ответвления, асимметрия ПА D<<S диаметром до D=1,5мм выраженная извитость устья правой S=2,8мм; интракраниальный отдел D=1,4мм S= 2,8мм, подключичной артерии с формированием 4-х витков, на остальном протяжении ПА с обеих сторон без значимой извитости и стенозов.

- Базилярная артерия равномерная на всем протяжении до 2,9мм в диаметре, без признаков извитости и стеноза.

- Внутренние сонные артерии, бифуркация ОСА на уровне С5-6 позвонков справа, С2-3 позвонков слева; диаметр С7 ВСА D=2мм, S=2,8мм, извитость обеих ВСА на уровне С1 позвонка с формированием единичной петли, отмечается извитость С4 правой и левой ВСА. Диаметр интракраниальных сегментов относительно симметричный D=2,3мм S=2,5мм В проекции бифуркации правой ВСА на ПМА и СМА отмечается койлинг сосуда. В мозговом отделе левой ВСА отмечается участок слабоинтенсивного контрастирования протяженностью до 3мм достоверным диаметром просвета на этом уровне 1,6мм

- Соединительные артерии – передняя прослеживается не изменена, правая задняя соединительная артерия выражено извита примерным диаметром до 1,7мм, левая соединительная артерия гипоплазирована не извита до 1 мм

- СМА типичного хода диаметром D=2мм, S=1,9мм, без признаков стеноза, слева минимально извить ход.

- ПМА А1 слева несколько извит, А2 обеих ПМА асимметричны D=2.5мм S=1.8мм более значимо в устье, восстановлением симметрии диаметра в А3 сегментах, значимого стеноза и извитости на остальном протяжении не выявлено

- ЗМА слева типичного хода, в Р2А сегменте отмечается извитый ход правой ЗМА с множе-

ственными мелкими коллатералиями в проекции таламуса

Венозные синусы симметричны, без дефектов контрастирования, типичного хода и дренирования кроме видимого сужения просвета затылочного отдела сагитального синуса без дефектов контрастирования – необходимо дифференцировать с локальной гипоплазией.

Заключение: КТ-картина может соответствовать обширным зонам отека обеих полушарий головного мозга с умеренным компримированием левого бокового желудочка. КТ-картина извитости шейной, пещеристой и мозговой частей обеих ВСА, больше выраженной справа с койлингом в проекции бифуркации мозговой части правой ВСА, зоны слабого контрастирования мозговой части левой ВСА с визуальным уменьшением диаметра сосуда извитость хода Р2А правой ЗМА, множественные коллатерали в проекции правого таламуса КТ-картина койлинга правой подклю-

чичной артерии (после отхождения ОСА) с формированием 4-х витков, гипоплазии правой ПА, левой задней соединительной артерии, локальное сужение просвета сагитального синуса в затылочной области без дефекта контрастирования.

Выводы

Синдром Мойя-Мойя – редкое генетическое заболевание, проявляющееся в раннем детском возрасте. Обычно оно сопровождается различными нарушениями мозгового кровообращения. В описанном клиническом случае у ребёнка заболевание дебютировало с артериального ишемического инсульта, который стал причиной дальнейшего развития синдрома. Основным методом диагностики признана эндоваскулярная церебральная селективная ангиография, выявляющая стеноз терминального отдела внутренней сонной артерии (ВСА) и проксимальных участков передней (ПМА) и средней мозговой артерии (СМА).

Список источников

1. Шишкина Е.С., Мухачева М.В., Жвакин А.А. Клинический случай болезни моямой // Вятский медицинский вестник. 2018. № 4 (60). С. 76 – 80.
2. Карасов И.А. Болезнь мойя-мойя – редкая причина ишемии головного мозга и интракраниальных кровоизлияний // Молодой ученый. 2021. № 21 (363). С. 145 – 148.
3. Корольчук И.С. Болезнь моямой – редкое заболевание, о котором следует знать клиницисту // Клиническая медицина. 2022. № 100 (6). С. 268 – 277. <https://doi.org/10.30629/0023-2149-2022-100-6-268-277>
4. Куташов В.А., Ульянова О.В. Редкое неврологическое заболевание, приводящее к нарушению мозгового кровообращения // Саратовский научно-медицинский журнал. 2020. № 16 (1). С. 360 – 363.
5. Калашникова Л.А. Болезнь и синдром моямой // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2023. № 123 (6). С. 7 – 15.
6. Костенко Е.В. Актуальные аспекты медицинской реабилитации пациентов, перенесших транзиторную ишемическую атаку // Медицинский совет. 2021. № 10. С. 22 – 33.
7. Поляков А.О., Дмитриев А.В., Волкова Л.И. Клинический случай болезни Мойя-мойя в сочетании с вероятным антифосфолипидным синдромом // Уральский медицинский журнал. 2019. № 13 (181). С. 69 – 72.
8. Шульгина А.А. Сочетание комбинированной двустольной прямой и непрямой реваскуляризации головного мозга с двух сторон в лечении болезни моямой // Журнал «Вопросы нейрохирургии» имени Н.Н. Бурденко. 2020. № 84 (2). С. 93 – 102. <https://doi.org/10.17116/neiro20208402193>
9. Шульгина А.А. Комбинированная реваскуляризация головного мозга в лечении болезни мойя-мойя // Журнал «Вопросы нейрохирургии» имени Н.Н. Бурденко. 2021. № 85 (2). С. 47 – 59. <https://doi.org/10.17116/neiro20218502147>
10. Усачев Д.Ю. Двадцатилетний опыт хирургического лечения стенозирующей и окклюзирующей патологии брахиоцефальных артерий в ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр нейрохирургии им. акад. Н. Н. Бурденко» // Журнал «Вопросы нейрохирургии» имени Н. Н. Бурденко. 2020. № 84 (3). С. 6 – 20. <https://doi.org/10.17116/neiro2020840316>

References

1. Shishkina E.S., Mukhacheva M.V., Zhvakina A.A. Clinical case of moyamoya disease. Vyatka Medical Bulletin. 2018. No. 4 (60). P. 76 – 80.
2. Karasov I.A. Moyamoya disease – a rare cause of cerebral ischemia and intracranial hemorrhages. Young scientist. 2021. No. 21 (363). P. 145 – 148.
3. Korolchuk I.S. Moyamoya disease – a rare disease that a clinician should know about. Clinical medicine. 2022. No. 100 (6). P. 268 – 277. <https://doi.org/10.30629/0023-2149-2022-100-6-268-277>

4. Kutashov V.A., Ulyanova O.V. Rare neurological disease leading to impaired cerebral circulation. *Saratov Scientific Medical Journal*. 2020. No. 16 (1). P. 360 – 363.
5. Kalashnikova L.A. Moyamoya disease and syndrome. *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*. 2023. No. 123 (6). P. 7 – 15.
6. Kostenko E.V. Actual aspects of medical rehabilitation of patients who have suffered a transient ischemic attack. *Medical Council*. 2021. No. 10. P. 22 – 33.
7. Polyakov A.O., Dmitriev A.V., Volkova L.I. Clinical case of Moyamoya disease in combination with probable antiphospholipid syndrome. *Ural Medical Journal*. 2019. No. 13 (181). P. 69 – 72.
8. Shulgina A.A. Combination of combined double-barrel direct and indirect cerebral revascularization from both sides in the treatment of moyamoya disease. *Burdenko Journal of Neurosurgery*. 2020. No. 84 (2). P. 93 – 102. <https://doi.org/10.17116/neiro20208402193>
9. Shulgina A.A. Combined cerebral revascularization in the treatment of moyamoya disease. *Burdenko Journal of Neurosurgery*. 2021. No. 85 (2). P. 47 – 59. <https://doi.org/10.17116/neiro20218502147>
10. Usachev D.Yu. Twenty-year experience in surgical treatment of stenotic and occlusive pathology of the brachiocephalic arteries at the Burdenko National Medical Research Center of Neurosurgery. *Burdenko Journal of Neurosurgery*. 2020. No. 84 (3). P. 6 – 20. <https://doi.org/10.17116/neiro2020840316>

Информация об авторах

Зуева А.А., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-5923-1296>, Медицинский институт, Пензенский государственный университет, anastasiazueva841@gmail.com

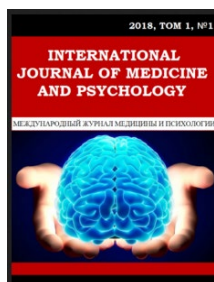
Царева О.Р., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-6545-1323>, Медицинский институт, Пензенский государственный университет, olga_tsareeva@mail.ru

Соломанина О.О., кандидат медицинских наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-9037-0375>, Медицинский институт, Пензенский государственный университет, solomanina2010@yandex.ru

Микуляк Н.И., доктор медицинских наук, заведующая кафедрой «Физиология человека», ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8473-5781>, Медицинский институт, Пензенский государственный университет, normphys@mail.ru

Шепелев А.А., кандидат биологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-0603-6940>, Медицинский институт, Пензенский государственный университет, s.dirus@yandex.ru

© Зуева А.А., Царева О.Р., Соломанина О.О., Микуляк Н.И., Шепелев А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 614.7

¹Рахимжанова К.Е.,

¹Мамедова А.Х.,

¹Казахстанско-российский медицинский университет, Казахстан

Связь онкологических заболеваний с атмосферным загрязнением: роль диоксида азота и мелкодисперсных частиц в эпидемиологии рака в Республике Казахстан

Аннотация: цель настоящего исследования – анализ воздействия загрязнителей атмосферы, в частности диоксида азота (NO₂) и мелкодисперсных частиц (PM_{2.5}, PM₁₀), на здоровье населения Республики Казахстан с акцентом на корреляцию между их концентрациями и онкологическим риском. Работа включает систематический обзор научной литературы, а также анализ экологической ситуации в Алматы – одном из наиболее загрязнённых городов страны. Представлены данные о пространственно-временной динамике концентраций загрязняющих веществ, выделены наиболее неблагополучные районы, обсуждены сезонные колебания загрязнения. Особое внимание уделено эпидемиологическим и токсикологическим аспектам: рассмотрены механизмы воздействия NO₂ и PM_{2.5} на клеточном уровне, их способность провоцировать воспалительные и мутагенные процессы. Также затрагивается влияние загрязнённого воздуха на когнитивное здоровье населения.

Актуальность темы обусловлена ростом заболеваемости онкологическими и неврологическими патологиями в городах с высоким уровнем загрязнения воздуха. Алматы, как крупный мегаполис, испытывает высокую экологическую нагрузку, связанную с транспортными выбросами, промышленной активностью и особенностями ландшафта. В исследовании использованы данные официальной статистики, публикации в рецензируемых изданиях, а также результаты мониторинга качества воздуха за последние десять лет.

Методология включает геоинформационный и корреляционный анализ, позволивший выявить взаимосвязи между уровнем загрязнения и показателями общественного здоровья. Кроме того, рассмотрены международные подходы к управлению качеством воздуха и перспективы их применения в Казахстане.

На основе собранных данных предложены рекомендации для мониторинга, профилактики и смягчения негативных последствий. Полученные результаты подчеркивают необходимость комплексных междисциплинарных стратегий, направленных на снижение загрязнения и защиту здоровья населения в условиях урбанизации.

Ключевые слова: диоксид азота, твёрдые частицы, загрязнение воздуха, онкологический риск, Казахстан, эпидемиология, корреляционный анализ

Для цитирования: Рахимжанова К.Е., Мамедова А.Х. Связь онкологических заболеваний с атмосферным загрязнением: роль диоксида азота и мелкодисперсных частиц в эпидемиологии рака в Республике Казахстан // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 53 – 59.

Поступила в редакцию: 10 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ *Rakhimzhanova K.E.,*

¹ *Mamedova A.Kh.,*

¹ *Kazakhstan-Russian Medical University, Kazakhstan*

Association between oncological diseases and air pollution: the role of nitrogen dioxide and particulate matter in cancer epidemiology in the Republic of Kazakhstan

Abstract: the aim of this study is to analyze the impact of atmospheric pollutants-particularly nitrogen dioxide (NO₂) and fine particulate matter (PM_{2.5}, PM₁₀)-on public health in Kazakhstan, with a focus on the correlation between their concentrations and cancer risk. The paper includes a systematic literature review and an environmental analysis of Almaty, one of the country's most polluted cities. It presents data on the spatiotemporal dynamics of pollutant concentrations, highlights high-risk areas, and discusses seasonal pollution patterns. Special attention is given to epidemiological and toxicological aspects, including cellular mechanisms through which NO₂ and PM_{2.5} provoke inflammation and mutagenesis. The impact on cognitive health is also addressed.

The relevance of the topic is linked to rising cancer and neurological disease rates in cities with severe air pollution. Almaty faces significant environmental pressure due to traffic, industry, and geographical factors. The study uses official statistics, peer-reviewed sources, and air quality data from the past decade.

The methodology includes geoinformation and correlation analysis to identify links between pollution levels and public health indicators. It also reviews international air quality management practices and their applicability to Kazakhstan.

Based on the findings, the study provides recommendations for monitoring, prevention, and mitigation. The results highlight the urgent need for integrated strategies to reduce pollution and protect public health in urban environments.

Keywords: nitrogen dioxide, particulate matter, air pollution, oncological risk, Kazakhstan, epidemiology, correlation analysis

For citation: Rakhimzhanova K.E., Mamedova A.Kh. Association between oncological diseases and air pollution: the role of nitrogen dioxide and particulate matter in cancer epidemiology in the Republic of Kazakhstan. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 53 – 59.

The article was submitted: March 10, 2025; Approved after reviewing: May 14, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Урбанизация имеет многочисленные преимущества для человеческого общества, но некоторые аспекты городской среды, такие как загрязнение воздуха, могут отрицательно влиять на здоровье человека [1]. Окружающая среда играет решающую роль в формировании здоровья и благополучия человека [2].

На сегодняшний день, загрязнение воздуха представляет собой смесь физических, биологических и химических веществ, выделяемых как из искусственных (например, транспортных средств, промышленных предприятий и электростанций), так и из естественных (например, лесных пожаров) источников. Данные вещества загрязняют воздух, которым мы дышим, и наносят вред как окружающей среде, так и здоровью человека [3].

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) сообщила, что около 2,4 миллиарда человек готовят и отапливают свои дома посредством загрязняющих видов топлива, и каждый год 3,2 миллиона человек преждевременно умирают от загрязне-

ния воздуха в домохозяйствах. ВОЗ оценивает, что 99% людей проживали в районах, где критерии качества воздуха не соответствовали рекомендациям ВОЗ, а загрязнение окружающей среды привело к приблизительно 4,2 миллионам преждевременных смертей во всем мире [4].

В окружающей среде наиболее часто выявляются и регистрируются следующие атмосферные загрязнители: твердые частицы (PM_{2.5} и PM₁₀), диоксид азота (NO₂), озон (O₃), оксид углерода (CO) и диоксид серы (SO₂) [4].

Твердые частицы (PM) были классифицированы как канцерогены Группы 1 [5]. Согласно монографии, опубликованной Международным агентством по изучению рака (IARC), загрязнение атмосферного воздуха, включая твердые частицы, представляет серьезный канцерогенный риск для здоровья [6].

По данным Республики Казахстан, газообразные и жидкие вещества составляют 79,6% от общего объема выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, тогда как доля твердых выбросов до-

стигает 20,4%. [7]. Алматы, крупнейший мегаполис Казахстана и его бывшая столица, входит в число наиболее загрязненных городов страны, являясь одной из ключевых зон загрязнения воздуха, особенно диоксидом азота (NO₂). [8]. Согласно исследованию, проведенному в 2019 году, выбросы загрязняющих веществ в атмосферу в Алматы в несколько раз превышают установленные нормативы [9]. Загрязнение воздуха является одной из основных экологических проблем в Алматы, особенно из-за высоких уровней PM_{2.5} и PM₁₀, которые превышают рекомендуемые нормативы [10].

Таким образом, данное исследование приобретает актуальность в связи с высокой концентрацией загрязняющих веществ в атмосферном воздухе города Алматы, оказывающей негативное влияние на здоровье населения.

Целью настоящего исследования является оценка воздействия концентраций диоксида азота (NO₂) и твердых частиц (PM_{2.5}) в атмосферном воздухе на здоровье населения. А также исследование корреляции между уровнями загрязнения и онкологическим риском.

Материалы и методы исследований

Проведён систематический обзор научной литературы, опубликованной в научной базе данных PubMed, с использованием ключевых слов: «NO₂», «PM_{2.5}», «загрязнение воздуха», «онкологический риск». Обзор охватывал публикации за период с 2013 по 2024 годы. Дополнительно были использованы данные мониторинга качества воздуха в городе Алматы за 2023-2024 годы, позволяющие оценить концентрации загрязнителей в различных районах.

Результаты и обсуждения

В ходе проведенного исследования была выявлена значимая взаимосвязь между уровнями загрязнения воздуха и заболеваемостью, что позволяет более детально рассмотреть их влияние на здоровье населения.

Согласно данным исследования фонда Almaty Air Initiative за 2024 год, наибольшее загрязнение наблюдается в северо-восточных районах Алматы (Жетысуский, Турксибский), где среднегодовая концентрация PM_{2.5} составляет 31,2 мкг/м³. Южные районы, такие как Медеуский и Бостандыкский, остаются сравнительно более чистыми, с концентрацией 16,1 мкг/м³ – в два раза ниже, чем в северо-восточных районах города. Авторы отмечают, что среднегодовая концентрация PM_{2.5} в Алматы в 2024 году составила 24,08 мкг/м³, что в 4,8 раза превышает рекомендации Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). При этом концентрации PM_{2.5} значительно варьируются в зависимости от времени года: летом средний пока-

затель составляет 11,5 мкг/м³, весной – 17,6 мкг/м³, осенью – 25,6 мкг/м³, а зимой достигает 49,9 мкг/м³ [11].

Помимо изучения экологической обстановки в городе Алматы, в данной статье был проведен анализ научных публикаций, рассматривающих влияние атмосферных загрязнителей, таких как диоксид азота (NO₂) и твердые частицы (PM_{2.5}, PM₁₀), на здоровье населения. Особое внимание уделено изучению связи между этими загрязняющими веществами и онкологическим риском.

В ходе исследования проведен анализ научных трудов, посвященных влиянию атмосферных загрязнителей, включая NO₂ и PM_{2.5}/10, на здоровье населения. Авторы рассмотренных работ внесли значительный вклад в изучение данной проблемы, акцентируя внимание на различных аспектах и предлагая методы оценки их воздействия.

Одним из значимых исследований в данной области является работа, посвященная долгосрочному воздействию NO₂ и PM_{2.5} на уровень смертности среди городского населения. Учёными была установлена стабильная корреляция между ростом концентрации этих загрязнителей и повышенным риском смертности от респираторных и сердечно-сосудистых заболеваний, а также отдельных онкологических патологий. Специалисты мирового уровня в областях экологии, эпидемиологии, городской среды и экологического здоровья продемонстрировали, что модели с двумя загрязнителями позволяют точнее оценивать влияние каждого из них, снижая риск искажения данных. Эти выводы имеют важное значение для исследований НИА (Health Impact Assessment), поскольку помогают получать более достоверные прогнозы последствий загрязнения и могут способствовать совершенствованию стандартов качества воздуха [12].

В свою очередь, группа других учёных изучала механизмы воздействия PM_{2.5} на клеточном уровне. Их исследование показало, что мелкодисперсные частицы способны проникать в альвеолы легких, провоцируя хроническое воспаление и индуцируя мутации в клетках, что может способствовать развитию злокачественных новообразований. Результаты исследования подтверждают, что даже низкие концентрации NO₂ оказывают вредное влияние на здоровье, что делает его важным фактором для анализа в контексте роста онкологических заболеваний в Казахстане. Их выводы о необходимости пересмотра норм загрязнения воздуха подчёркивают актуальность изучения региональных данных о концентрации NO₂ и PM_{2.5}. [13].

Также значительный вклад в изучение этой проблемы внесли ученые, предложившие комби-

нированный токсикологический и эпидемиологический подход для оценки воздействия NO₂. Основное внимание авторы уделили применению концепции «Путей воздействия на здоровье» (Health Impact Pathways, HIPs), что позволило более точно оценить негативное влияние NO₂ и возможные механизмы его влияния на организм человека. Они предложили метод, который помогает проследить, каким образом NO₂ вызывает изменения в организме – например, повышает окислительный стресс и запускает воспалительные процессы. Эти процессы, в свою очередь, могут приводить к возникновению различных заболеваний. Основное преимущество такого подхода в том, что он позволяет не только оценить риски при текущих уровнях загрязнения, но и выявить при уровнях, находящихся в пределах нормативов, возможное негативное влияние на здоровье [14].

Примечательно, что в условиях загрязнённого воздуха, страдает и когнитивное здоровье. В исследовании, опубликованном в Scientific Reports, авторы проанализировали влияние длительного воздействия атмосферных загрязнителей – мелкодисперсных частиц PM_{2.5} и PM₁₀, диоксида серы (SO₂) и озона (O₃) – на когнитивное здоровье населения. Исследование показало, что повышенные концентрации PM_{2.5} и PM₁₀ ассоциируются с ухудшением когнитивных функций, таких как память, внимание и скорость обработки информации, что может быть обусловлено развитием нейродегенеративных процессов и снижением общей нейрональной защиты. Хотя эффекты SO₂ и O₃ оказались менее выраженными, они также демонстрировали статистически значимую связь с нарушениями когнитивных способностей, указывая на синергетическое негативное воздействие комплексного загрязнения воздуха. Авторы предполагают, что ключевым механизмом такого влияния является окислительный стресс, приводящий к воспалительным процессам и повреждению нейронов, что, в свою очередь, увеличивает риск развития нейродегенеративных заболеваний. Эти выводы подчеркивают необходимость разработки мер по снижению выбросов загрязнителей для защиты когнитивного здоровья населения [15].

В другом исследовании 2024 года авторы выявили, что длительное воздействие этих загрязнителей связано с существенным повышением риска развития раковых заболеваний, что объясняется механизмами окислительного стресса, воспалительными реакциями и генетическими мутациями. Данные выводы имеют особую значимость, поскольку подтверждают, что даже при сравнительно низких уровнях загрязнения могут проявляться канцерогенные эффекты [1].

В исследовании, посвященном анализу пространственно-временной динамики концентраций атмосферных загрязнителей в Алматы, рассмотрены изменения уровней PM_{2.5} и NO₂ в период с 2013 по 2018 годы. Результаты указывают на существенное снижение качества воздуха в данном временном интервале. Особенно это наблюдалось в зимние месяцы, что связано с выбросами от угольных электростанций и бытового отопления. Эти данные подчеркивают необходимость разработки стратегий по снижению загрязнения воздуха в регионе [8].

В целом, анализируя представленные работы, можно сделать вывод, что атмосферные загрязнители, в особенности NO₂, PM_{2.5} и PM₁₀ оказывают значительное влияние на здоровье населения, а их воздействие может быть связано с увеличением частоты онкологических заболеваний, особенно рака легких.

Авторы внесли значительный вклад в изучение и решение проблемы, но она до конца не изучена. Вопрос влияния загрязняющих веществ на здоровье населения, в частности, Казахстана остается открытым.

Отсутствуют четкие механизмы интеграции данных о характеристике качества воздуха в систему отслеживания заболеваемости, что затрудняет своевременное выявление и предупреждение негативных последствий.

Вместе с тем, меры по редукции уровня загрязнения воздуха в Казахстане носят фрагментарный характер, а внедрение комплексных стратегий требует более детального научного обоснования.

В связи с этим, я предлагаю следующие рекомендации, чтобы заполнить эти пробелы и обеспечить научную основу для разработки политики в области окружающей среды и здравоохранения:

1. Расширение отслеживания и анализа загрязнения воздуха

Необходима модернизация процесса мониторинга качества воздуха с увеличением числа постов наблюдения в районах с наибольшим уровнем загрязнения. Это обеспечит более точные и оперативные данные о концентрации вредных веществ, позволяя разрабатывать эффективные стратегии по их снижению.

Повышение частоты и точности измерений NO₂, PM_{2.5} и PM₁₀ для выявления краткосрочных и долгосрочных тенденций загрязнения, что позволит прогнозировать его влияние на здоровье населения и принимать превентивные меры.

2. Регуляторные и инфраструктурные меры

Снижение выбросов загрязняющих веществ за счет модернизации промышленных предприятий и внедрения более строгих экологических стандар-

тов. Это приведет к снижению концентрации токсичных веществ в атмосфере и уменьшит риск их воздействия на здоровье населения.

Стимулирование использования экологически чистых источников энергии и транспорта путем экономических мер (субсидии, налоговые льготы), что позволит сократить выбросы от автотранспорта и угольных ТЭЦ, являющихся основными источниками загрязнения воздуха.

3. Медицинские и превентивные меры

Реализация программ раннего выявления заболеваний, связанных с загрязнением воздуха, таких как респираторные заболевания и рак, в группах риска. Это позволит своевременно диагностировать и предупреждать тяжелые формы заболевания, тем самым снижая нагрузку на систему здравоохранения.

Разработать и реализовать образовательные программы о последствиях загрязнения воздуха, включая информирование населения о высоком риске развития онкологических заболеваний. Инструкция по методам защиты (использование масок, изменение образа жизни в неблагоприятное время). Повышение осведомленности общественности приведет к снижению негативных последствий загрязнения окружающей среды.

Данные меры помогут улучшить качество воздуха за счет тщательного мониторинга загрязняющих веществ и сокращения их выбросов, что, в свою очередь, снижает риск развития заболеваний, связанных с загрязнением воздуха, и, в частности, риск онкологических патологий. Повышение экологических стандартов и содействие использованию чистых источников энергии позволят снизить негативное воздействие промышленных и транспортных выбросов. Внедрение программ раннего выявления патологий и повышения осведомленно-

сти населения позволяют своевременно диагностировать заболевания и снижать их распространенность, что приводит к снижению нагрузки на систему здравоохранения и улучшению качества жизни людей.

Выводы

На основании проведенного литературного обзора и анализа существующих исследований можно сделать вывод, что загрязнение атмосферного воздуха, особенно повышенные концентрации NO₂, PM_{2.5} и PM₁₀, оказывает значительное негативное воздействие на здоровье населения, включая повышенный риск онкологических заболеваний. Таким образом, важным аспектом является разработка и реализация комплексных программ, направленных на уменьшение загрязнения воздуха и повышение осведомленности населения о связанных с этим рисках.

Полученные результаты могут быть полезны специалистам в области экологии, эпидемиологии и здравоохранения, а также политикам, разрабатывающим меры по улучшению качества воздуха. В работе затрагиваются ключевые аспекты влияния загрязняющих веществ на организм, что может способствовать более точному прогнозированию рисков и разработке целевых профилактических стратегий.

Кроме того, акцент сделан на необходимость дальнейших исследований, направленных на уточнение механизмов воздействия загрязняющих веществ и выявление наиболее уязвимых групп населения. Внедрение эффективных стратегий мониторинга и контроля качества воздуха, наряду с междисциплинарным подходом к охране окружающей среды и здравоохранению, позволит минимизировать негативные последствия загрязнения и повысить уровень общественного здоровья.

Список источников

1. Arif I.R., Adams M.D., Johnson M.T.J. A meta-analysis of the carcinogenic effects of particulate matter and polycyclic aromatic hydrocarbons // *Environmental Pollution*. 2024. Vol. 351. Article No. 123941. P. 1. DOI: 10.1016/j.envpol.2024.123941
2. Jerrett M., Burnett R.T., Beckerman B.S., Turner M.C., Krewski D., Thurston G., Martin R.V., van Donkelaar A., Hughes E., Shi Y., Gapstur S.M., Thun M.J., Pope C.A. 3rd. Spatial analysis of air pollution and mortality in California // *American Journal of Respiratory and Critical Care Medicine*. 2013. Vol. 188. No. 2. P. 140. – DOI: 10.1164/rccm.201205-0872OC
3. Manisalidis I., Stavropoulou E., Stavropoulos A., Bezirtzoglou E. Environmental and health impacts of air pollution: A review // *Frontiers in Public Health*. 2020. Vol. 8. Article No. 14. DOI: 10.3389/fpubh.2020.00014
4. World Health Organization (WHO). Air Quality, Energy, and Health [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.who.int/> (дата обращения: 10.02.2025)
5. World Health Organization. List of Classified Agents by the IARC Monographs, Volumes, 2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://monographs.iarc.who.int/list-of-classifications> (дата обращения: 10.02.2025)

6. Ma Y., Harrad S. Spatiotemporal analysis and human exposure assessment on polycyclic aromatic hydrocarbons in indoor air, settled house dust, and diet: a review // *Environmental Science and Pollution Research*. 2015. Vol. 22. No. 13. P. 10119 – 10131. DOI: 10.1007/s11356-015-4956-8
7. Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Об охране атмосферного воздуха в Республике Казахстан в 2022 году: данные о выбросах загрязняющих веществ [Электронный ресурс]. 2023. Режим доступа: <http://stat.gov.kz/> (дата обращения: 10.02.2025)
8. Kerimray A., Azbanbayev E., Kenessov B., Plotitsyn P., Alimbayeva D., Karaca F. Spatiotemporal variations and contributing factors of air pollutants in Almaty, Kazakhstan // *Aerosol and Air Quality Research*. 2020. Vol. 20. No. 6. P. 1340 – 1352. DOI: 10.4209/aaqr.2019.09.0464
9. Kerimray A., Kenessov B., Karaca F. Trends and health impacts of major urban air pollutants in Kazakhstan // *Journal of the Air & Waste Management Association*. 2019. Vol. 69. P. 1331 – 1347. DOI: 10.1080/10962247.2019.1668873
10. Air Quality and Health Impacts of Air Pollution in Almaty, Kazakhstan [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/> (дата обращения: 10.02.2025)
11. Almaty Air Initiative. Отчет о качестве воздуха в Алматы за 2024 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://air.org.kz/research/2024_report_ru (дата обращения: 10.02.2025)
12. Chen X., Gehring U., Dyer G.M.C., Khomenko S., de Hoogh K., Tonne C., Tatah L., Vermeulen R., Khreis H., Nieuwenhuijsen M., Hoek G. Single- and two-pollutant concentration-response functions for PM_{2.5} and NO₂ for quantifying mortality burden in health impact assessments // *Environmental Research*. 2024. Vol. 263. Article No. 120215. P. 8 – 9, 11. DOI: 10.1016/j.envres.2024.120215
13. Kasdagli M.-I., Orellano P., Pérez Velasco R., Samoli E. Long-term exposure to nitrogen dioxide and ozone and mortality: Update of the WHO Air Quality Guidelines systematic review and meta-analysis // *International Journal of Public Health*. 2024. Vol. 69. Article No. 1607676. P. 10 – 12. DOI: 10.3389/ijph.2024.1607676
14. Bai Y., Liang X., Xia L., Yu S., Wu F., Li M. Association between air pollutants and four major mental disorders: Evidence from a Mendelian randomization study // *Ecotoxicology and Environmental Safety*. 2024. Vol. 283. Article No. 116887. P. 5 – 9. DOI: 10.1016/j.ecoenv.2024.116887
15. Meo S.A., Shaikh N., Alotaibi M., AlWabel A.A., Alqumaidi H. Effect of air pollutants particulate matter (PM_{2.5}, PM₁₀), sulfur dioxide (SO₂) and ozone (O₃) on cognitive health // *Scientific Reports*. 2024. Vol. 14. Article No. 19616. P. 1 – 2, 6 – 7, 9 – 10. DOI: 10.1038/s41598-024-70646-6

References

1. Arif I.R., Adams M.D., Johnson M.T.J. A meta-analysis of the carcinogenic effects of particulate matter and polycyclic aromatic hydrocarbons. *Environmental Pollution*. 2024. Vol. 351. Article No. 123941. P. 1. DOI: 10.1016/j.envpol.2024.123941
2. Jerrett M., Burnett R.T., Beckerman B.S., Turner M.C., Krewski D., Thurston G., Martin R.V., van Donkelaar A., Hughes E., Shi Y., Gapstur S.M., Thun M.J., Pope C.A. 3rd. Spatial analysis of air pollution and mortality in California. *American Journal of Respiratory and Critical Care Medicine*. 2013. Vol. 188.No. 2. P. 140. – DOI: 10.1164/rccm.201205-0872OC
3. Manisalidis I., Stavropoulou E., Stavropoulos A., Bezirtzoglou E. Environmental and health impacts of air pollution: A review. *Frontiers in Public Health*. 2020. Vol. 8. Article No. 14. DOI: 10.3389/fpubh.2020.00014
4. World Health Organization (WHO). Air Quality, Energy, and Health [Electronic resource]. Access mode: <https://www.who.int/> (date of access: 02.10.2025)
5. World Health Organization. List of Classified Agents by the IARC Monographs, Volumes, 2024 [Electronic resource]. Access mode: <https://monographs.iarc.who.int/list-of-classifications> (date of access: 10.02.2025)
6. Ma Y., Harrad S. Spatiotemporal analysis and human exposure assessment on polycyclic aromatic hydrocarbons in indoor air, settled house dust, and diet: a review. *Environmental Science and Pollution Research*. 2015. Vol. 22. No. 13. P. 10119 – 10131. DOI: 10.1007/s11356-015-4956-8
7. Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. On atmospheric air protection in the Republic of Kazakhstan in 2022: data on pollutant emissions [Electronic resource]. 2023. Access mode: <http://stat.gov.kz/> (date of access: 02.10.2025)
8. Kerimray A., Azbanbayev E., Kenessov B., Plotitsyn P., Alimbayeva D., Karaca F. Spatiotemporal variations and contributing factors of air pollutants in Almaty, Kazakhstan. *Aerosol and Air Quality Research*. 2020. Vol. 20.No. 6. P. 1340 – 1352. DOI: 10.4209/aaqr.2019.09.0464

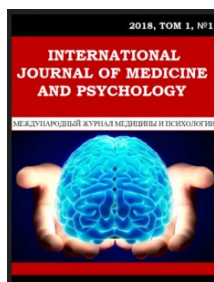
9. Kerimray A., Kenessov B., Karaca F. Trends and health impacts of major urban air pollutants in Kazakhstan. *Journal of the Air & Waste Management Association*. 2019. Vol. 69. P. 1331 – 1347. DOI: 10.1080/10962247.2019.1668873
10. Air Quality and Health Impacts of Air Pollution in Almaty, Kazakhstan [Electronic resource]. Access mode: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/> (date of access: 10.02.2025)
11. Almaty Air Initiative. Air quality report in Almaty for 2024 [Electronic resource]. Access mode: https://air.org.kz/research/2024_report_ru (date of access: 10.02.2025)
12. Chen X., Gehring U., Dyer G.M.C., Khomenko S., de Hoogh K., Tonne C., Tatah L., Vermeulen R., Khreis H., Nieuwenhuijsen M., Hoek G. Single- and two-pollutant concentration-response functions for PM_{2.5} and NO₂ for quantifying mortality burden in health impact assessments. *Environmental Research*. 2024. Vol. 263. Article No. 120215. P. 8 – 9, 11. DOI: 10.1016/j.envres.2024.120215
13. Kasdagli M.-I., Orellano P., Pérez Velasco R., Samoli E. Long-term exposure to nitrogen dioxide and ozone and mortality: Update of the WHO Air Quality Guidelines systematic review and meta-analysis. *International Journal of Public Health*. 2024. Vol. 69. Article No. 1607676. P. 10 – 12. DOI: 10.3389/ijph.2024.1607676
14. Bai Y., Liang X., Xia L., Yu S., Wu F., Li M. Association between air pollutants and four major mental disorders: Evidence from a Mendelian randomization study. *Ecotoxicology and Environmental Safety*. 2024. Vol. 283. Article No. 116887. P. 5 – 9. DOI: 10.1016/j.ecoenv.2024.116887
15. Meo S.A., Shaikh N., Alotaibi M., AlWabel A.A., Alqumaidi H. Effect of air pollutants particulate matter (PM_{2.5}, PM₁₀), sulfur dioxide (SO₂) and ozone (O₃) on cognitive health. *Scientific Reports*. 2024. Vol. 14. Article No. 19616. P. 1 – 2, 6 – 7, 9 – 10. DOI: 10.1038/s41598-024-70646-6

Информация об авторах

Рахимжанова К.Е., преподаватель, Казахстанско-российский медицинский университет, г. Алматы, Казахстан, rakhimzhanova010@mail.ru

Мамедова А.К., Казахстанско-российский медицинский университет, г. Алматы, Казхстан, alinakhalitovna@mail.ru

© Рахимжанова К.Е., Мамедова А.К., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 616.132.2

¹ Доронькин Л.Д.,

¹ Бояркин Е.В.,

¹ Проничкина Я.С.,

¹ Рябов М.Ф.,

¹ Созанская А.С.,

¹ Евстигнеев А.В.,

¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва Минобрнауки России

Ретроспективный анализ исходов операции аорто-коронарного шунтирования в Республике Мордовия (2022-2024 гг)

Аннотация: мы провели ретроспективный анализ 269 операций аорто-коронарного шунтирования (АКШ), выполненных в Республике Мордовия за 2022-2024 гг. В работе подробно рассматривается влияние хирургической тактики (on-pump vs off-pump) на летальность пациентов. В статье говорится о том, что за исследуемый период произошло резкое изменение соотношения методов: доля операций с искусственным кровообращением (ИК) снизилась с 97,98% до 31,91%, в то время как частота off-pump вмешательств возросла до 68,09%. В статье говорится о том, что этот переход сопровождался статистически значимым ростом летальности с 0% до 4,26% ($p=0,045$). В статье подробно анализируется, что коэффициент корреляции Пирсона между применением ИК и летальностью составил $r=-0,98$ ($p<0,05$), демонстрируя почти идеальную обратную зависимость. В статье также говорится о том, что регрессионный анализ показал: каждое снижение доли операций с ИК на 10% приводило к увеличению летальности на 0,625%. В статье подчеркивается, что демографические факторы (средний возраст $64\pm 5,2$ года, 87% мужчин) не оказали значимого влияния на исходы. В заключении статьи говорится о необходимости индивидуализированного подхода к выбору хирургической тактики, особенно у пациентов с комплексным поражением коронарных артерий.

Ключевые слова: аорто-коронарное шунтирование, искусственное кровообращение, off-pump, летальность, ретроспективный анализ, Республика Мордовия, хирургическая тактика, коронарная болезнь сердца

Для цитирования: Доронькин Л.Д., Бояркин Е.В., Проничкина Я.С., Рябов М.Ф., Созанская А.С., Евстигнеев А.В. Ретроспективный анализ исходов операции аорто-коронарного шунтирования в Республике Мордовия (2022-2024 гг) // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 60 – 66.

Поступила в редакцию: 13 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Doronkin L.D.,
¹ Boyarkin E.V.,
¹ Pronichkina Ya.S.,
¹ Ryabov M.F.,
¹ Sozanskaya A.S.,
¹ Evstigneev A.V.,

¹ National Research Ogarev Mordovia State University

Retrospective analysis of coronary artery bypass grafting outcomes in the Republic of Mordovia (2022-2024)

Abstract: the article reports on a retrospective analysis of 269 coronary artery bypass grafting (CABG) surgeries performed in the Republic of Mordovia in 2022-2024. The paper examines in detail the impact of surgical tactics (on-pump vs off-pump) on patient mortality. The article reports that during the study period, there was a sharp change in the ratio of methods: the proportion of operations with artificial circulation (IC) decreased from 97,98% to 31,91%, while the frequency of off-pump interventions increased to 68,09%. The article reports that this transition was accompanied by a statistically significant increase in mortality from 0% to 4,26% ($p=0,045$). The article analyzes in detail that the Pearson correlation coefficient between the use of CPB and mortality was $r=-0,98$ ($p<0,05$), demonstrating an almost perfect inverse relationship. The article also states that regression analysis showed that each 10% decrease in the proportion of operations with CPB led to an increase in mortality by 0,625%. The article emphasizes that demographic factors (mean age $64\pm5,2$ years, 87% men) did not have a significant impact on the outcomes. The article concludes with a discussion of the need for an individualized approach to the choice of surgical tactics, especially in patients with complex coronary artery disease.

Keywords: aortocoronary bypass grafting, artificial circulation, off-pump, mortality, retrospective analysis, Republic of Mordovia, surgical tactics, coronary heart disease

For citation: Doronkin L.D., Boyarkin E.V., Pronichkina Ya.S., Ryabov M.F., Sozanskaya A.S., Evstigneev A.V. Retrospective analysis of coronary artery bypass grafting outcomes in the Republic of Mordovia (2022-2024). International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 60 – 66.

The article was submitted: March 13, 2025; Approved after reviewing: May 16, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

С момента появления аортокоронарного шунтирования (АКШ), метода, используемого при многососудистых формах ишемической болезни сердца, прошло более 30 лет – за этот период клиническая кардиология и хирургическая техника стали более высокими и разнообразными, и теперь данный вид вмешательства осуществляется не только с помощью аппарата искусственного кровообращения (on-pump), но и с остановленным сердцем (off-pump) [3].

Выбор метода зависит от анатомических, клинических и организационных факторов. В последние годы наблюдается тенденция к расширению применения операций off-pump [1]. В теории, этот подход позволяет избежать осложнений, связанных с ИК, таких как когнитивная дисфункция, системная воспалительная реакция, тромботические и геморрагические события. Однако данные зарубежных и отечественных исследований свидетельствуют, что радикальное увеличение доли off-pump операций может быть связано с ростом ле-

тальности и частоты осложнений у определённых групп пациентов. Особенно остро этот вопрос встаёт в регионах с достаточно ограниченным числом операций и пациентов.

В Республике Мордовия в 2022-2024 гг. произошёл быстрый сдвиг в хирургической тактике: переход от преимущественно on-pump операций к off-pump методике. На этом фоне был отмечен рост летальности, что предполагало возникновение причинно-следственной связи между хирургическими технологиями и клиническими исходами. Исследование ставит целью проанализировать, как изменение доли операций on-pump и off-pump, а также демографические параметры пациентов (возраст, пол) повлияли на выживаемость после АКШ за 3 года [4].

Материалы и методы исследований

Исследование выполнено в форме ретроспективного анализа базы данных кардиохирургического отделения Мордовской республиканской центральной клинической больницы г. Саранска. В работу включены все пациенты, которым в период

с 2022 по 2024 годы было выполнено аорто-коронарное шунтирование.

Всего в исследование включено 269 пациентов:

- 2022 год – 99 операций,
- 2023 год – 76 операций,
- 2024 год – 94 операции.

Для каждой операции учитывались следующие параметры:

- Год проведения,
- Тип вмешательства (on-pump или off-pump),
- Возраст пациента,
- Пол пациента,
- Наличие летального исхода.

Статистические методы:

Описательная статистика (средние значения, стандартное отклонение).

Корреляционный анализ по Пирсону для изучения взаимосвязи между типом операции и летальностью.

Линейная регрессия для моделирования зависимости летальности от процента операций с ИК/без ИК.

Сравнение групп по t-тесту (для летальности по годам, p-значение <0,05 считалось значимым).

Дополнительно использованы методы анализа по полу и возрасту с целью выявления потенциальной роли демографических факторов.

Результаты и обсуждения

Динамика хирургической тактики и исходов:

Анализ за трёхлетний период выявил существенные изменения в структуре проводимых вмешательств.

В 2022 году подавляющее большинство операций АКШ (97,98%) выполнялось с применением искусственного кровообращения; лишь небольшая доля (2,02%) приходилась на технику off-pump.

В 2023 году был зафиксирован резкий рост числа off-pump операций (50% – on-pump, 50% – off-pump), а уже к 2024 году операции на работающем сердце преобладали (31,91% – on-pump, 68,09% — off-pump).

Этот период совпал с наиболее существенным увеличением летальности: если в 2022 году летальных исходов не было (0/99, 0%), то к 2023 году зафиксировано уже 2 случая (2,63%), а в 2024 – 4 летальных исхода из 94 оперированных (4,26%) [4].

Средний возраст пациентов составил 64 года (стандартное отклонение 5,2 года), причем показатель в разные периоды существенно не изменялся. Преобладающую часть пациентов составили мужчины (87%); показатель в летальной группе составил 100% (все умершие – мужчины, средний возраст 68 лет).

Анализ факторов, влияющих на летальность:

1. Тип операции: с ИК vs off-pump

Статистически значимая отрицательная корреляция между применением искусственного кровообращения и частотой летальных исходов считается наиболее существенным результатом данного анализа.

Коэффициент корреляции Пирсона между процентом on-pump операций и летальностью за 2022-2024 гг. оказался близок к -1 ($r=-0,98$; $p<0,05$), что указывает на почти идеальную обратную зависимость. Иными словами, чем меньше операций с ИК выполняется, тем выше риск летальных исходов.

С другой стороны, коэффициент корреляции между использованием off-pump и уровнем летальности составил $r=+0,99$ ($p<0,05$), демонстрируя практически идеальную прямую связь: расширение практики off-pump сопровождалось ростом смертности.

Построенная регрессионная модель подтвердила, что каждое уменьшение доли операций с ИК на 10% приводит к увеличению летальности на 0,625% ($\beta_1 = -0,000625$, $p < 0,05$).

2. Возраст и пол пациентов

Среди пациентов преобладали мужчины (87%), средний возраст колебался от 61 до 64 лет. Однако анализ не выявил статистической связи между возрастом или полом и уровнем летальности в общемировой группе ($p \approx 0$). Все шестеро погибших были мужчинами, но разброс возраста (среднее 68, стандартное отклонение 3,1 года) не отличался существенно от общей выборки.

3. Распределение летальных исходов по годам

Ещё одним значимым параметром стало распределение неблагоприятных исходов по годам (пиковый рост в 2024 году), что совпало с увеличением частоты off-pump операций. Проведённый t-тест для сравнения летальности в 2022 и 2024 году показал значимый результат ($p = 0,045$), что подтверждает статистическую достоверность изменения.

Полученные данные совпадают с рядом публикаций, подчёркивающих, что преимущества off-pump операций наиболее проявляются у пациентов низкого риска, в то время как при сложном, многососудистом поражении коронарного русла или выраженном кальцинозе артерий этот подход может быть менее эффективным и даже опасным [10].

ИК обеспечивает стабильную гемодинамику и позволяет хирургу осуществить полную реваскуляризацию миокарда под контролем [6]. В нашем исследовании среди пациентов с летальными исходами по протоколам было обнаружено проведе-

ние неполной реваскуляризации (остались не прошунтированные зоны ишемии) у двух пациентов. Известно, что вероятность неполной реваскуляризации выше именно при операциях off-pump, поскольку такие вмешательства технически более сложны, требуют высокой квалификации хирургов и команды, а также максимально стабильного состояния пациента на момент операции [6]. Особую важность этот фактор приобретает в условиях региональных клиник с небольшим годовым объёмом вмешательств: нарастание частоты off-pump процедур, особенно у больных с тяжёлым ангиографическим паттерном коронарных поражений и осложняющими сопутствующими заболеваниями, закономерно сопровождается не только ростом частоты остаточной ишемии, но и увеличением риска критических интраоперационных осложнений, среди которых жизнеугрожающая аритмия, гипоперфузия миокарда, невозможность завершения запланированных шунтов [1].

Дополнительно следует учитывать, что переход на технологию off-pump не всегда сопровождается улучшением медицины ухода за пациентом в послеоперационном периоде. Появляются риски скрытой декомпенсации, трудности ранней диагностики осложнений, необходимость более тщательного мониторинга и реабилитационных мероприятий [8]. В нашем исследовании в ряде случаев поздние летальные исходы были обусловлены развитием левожелудочковой недостаточности и острыми коронарными событиями на фоне, по-видимому, неполной нормализации коронарного кровотока.

Некоторые международные работы отмечают более низкую частоту инсультов и сердечно-сосудистых осложнений при off-pump у избранной категории пациентов с благоприятным анатомическим строением коронарных артерий и отсутствием выраженного атеросклероза аорты. Однако эти позитивные эффекты имеют ограничения и далеко не всегда уравнивают риски при массовом внедрении off-pump в общеклиническую практику [2].

Существенный вклад в исходы больных могут вносить и организационные факторы – степень обеспечения послеоперационного мониторинга, стандартизация антиагрегантной терапии, а также уровень подготовки оперирующих команд к переходу на новый тип вмешательств. Преемственность опыта, качественное обучение персонала и алгоритмы мультидисциплинарного выбора хирургической тактики – все эти аспекты должны учитываться при изменении политики отдела хирургии [8].

Комплексный анализ также показал, что демо-

графические параметры (возраст, пол), несмотря на общепризнанную роль в прогнозировании результата при других интервенциях, в рамках нашей выборки не были достоверными предикторами. Это, вероятно, обусловлено относительно узким диапазоном возраста оперируемых (большинство – в интервале 61–68 лет) и преобладанием мужчин, что типично для популяции пациентов с выраженным атеросклерозом коронарных артерий.

Исходя из изложенного, на сегодняшний день целесообразно избегать универсального внедрения методики off-pump у всех категорий пациентов, особенно при наличии осложняющих факторов и высокой анатомической сложности поражений коронарных артерий (SYNTAX score >22, кальциноз, дисфункция ЛЖ, сопутствующие патологии) [3]. Off-pump-операции могут рассматриваться как предпочтительный вариант у больных с относительно простым ангиографическим рисунком и низким хирургическим риском.

Ряд международных рекомендаций, включая последние российские и европейские руководства, настаивают на необходимости индивидуализации выбора хирургического подхода к АКШ на основании комплекса ангиографических, клинических и организационных факторов. Важнейшим направлением становится формирование рабочего алгоритма преоперационной стратификации риска и мультидисциплинарного обсуждения каждого сложного случая с обязательным участием хирурга, анестезиолога, кардиолога и специалиста по интенсивной терапии [7].

В свете повышения доли операций off-pump, безусловного значения приобретают качественные программы дополнительного обучения, тренингов, обмена опытом с федеральными центрами. Региональные учреждения должны обеспечивать регулярный аудит клинических результатов, участие в научных и образовательных инициативах, проведение собственной критической оценки внедряемых технологий.

Очевидно, что для окончательной проверки выявленных тенденций и установления причинно-следственных связей необходим сбор и анализ расширенной базы данных за следующие годы (2025 и последующие), а также более глубокое изучение сопутствующих факторов, включая коморбидные состояния, структуру шунтируемых сосудов, подробный анализ характера послеоперационных осложнений и длительную отдалённую выживаемость.

Расширение исследования, включение новых центров, а также интеграция данных по длительным исходам, качеству жизни, повторным вмешательствам, дадут возможность создать более точ-

ную и персонифицированную модель рисков, оптимизируя стратегию хирургии в регионе.

Выводы

Анализируя результаты хирургического лечения ишемической болезни сердца в Республике Мордовия за период 2022-2024 годов, можно отметить существенный сдвиг в выборе хирургической тактики и одновременное изменение показателей летальных исходов. За три года в регионе было выполнено 269 аорто-коронарных шунтирований (АКШ): 99 операций в 2022 году, 76 – в 2023-м и 94 – в 2024 году. Более пристальное рассмотрение метода проведения операций позволяет выявить чёткую тенденцию сокращения количества процедур с использованием искусственного кровообращения (ИК) и драматический рост числа операций на работающем сердце (off-pump). Если в 2022 году подавляющее большинство – 97,98% – вмешательств выполнялось при поддержке ИК, то уже к 2024 году доля подобных операций снизилась до 31,91%. Одновременно наблюдалось увеличение числа вмешательств off-pump с минимальных 2,02% в 2022 году до 68,09% в 2024 году [4].

Такая смена парадигмы оказала прямое влияние на исходы лечения, главным образом – на уровень послеоперационной летальности. В 2022 году при практически повсеместном использовании ИК летальных исходов среди пациентов после АКШ зарегистрировано не было (0 из 99 оперированных, то есть 0%). В 2023 году при равномерном распределении тактики (половина операций проводилась с ИК, половина – без) число летальных исходов увеличилось до 2,63% (2 смерти из 76 операций). В 2024 году, когда off-pump вмешательства преобладали, летальность достигла 4,26% (4 смерти на 94 операции). В сумме за три года погибло шесть пациентов, причём все они были мужского пола со средним возрастом 68 лет, однако статистический анализ не выявил связи между полом и исходом на уровне всей выборки.

Ключевым фактором ухудшения результатов, по результатам корреляционного анализа ($r=+0,99$ между долей off-pump и уровнем летальности; $p<0,05$), стал именно избранный тип хирургического вмешательства. Операции на работающем сердце, несмотря на привлекательность с точки зрения отказа от ИК и ассоциированных с ним рисков, предъявляют высокие технические требования к хирургической команде. Необходимо работать в условиях подвижности операционного поля, что усложняет выполнение шунтирования особенно у пациентов с многососудистым поражением или тяжёлым кальцинозом коронарного русла. Это подтверждается и данными, получен-

ными в результате клинического разбора случаев летального исхода: у двух из шести пациентов с неблагоприятным результатом отмечалась неполная реваскуляризация миокарда, то есть не все ишемизированные участки получили необходимые шунты. Это обстоятельство, вероятно, и определило развитие острой сердечной недостаточности в раннем послеоперационном периоде.

Кроме того, не удалось выявить достоверной связи между возрастом пациента и повышением летальности. Средний возраст оперированных за три года составил 63,5 года (от 61 до 64 лет), и даже среди погибших – 68 лет – этот параметр не выходил за рамки стандартного отклонения основной группы ($\pm 5,2$ года). Что касается полового распределения, то подавляющее большинство пациентов составляли мужчины (87%), и хотя все летальные исходы произошли среди мужчин, внутри группы смертность не зависела от этого фактора.

Таким образом, в ходе анализа прослеживается: изменение в предпочтениях хирургов в сторону off-pump сопровождалось одновременным возрастанием летальности среди больных. На основании проведённой линейной регрессии было установлено, что каждые 10% снижения доли операций с ИК ассоциированы с ростом летальности почти на 0,63%. Это согласуется с данными международных обзоров, где подчёркивается, что максимально безопасен off-pump для пациентов низкого риска с неблагоприятным анатомическим паттерном [2].

Практические рекомендации по итогам проведённого анализа фокусируются на необходимости строгой стратификации риска при отборе больных для той или иной техники проведения АКШ. Решение должно приниматься с учётом комплексного ангиографического исследования, клинической картины, сопутствующей патологии, общес функционального статуса и доступного технологического уровня клиники [10]. Например, пациентам с тяжёлым многососудистым поражением или выраженным кальцинозом предпочтительно проведение АКШ с использованием аппарата ИК для обеспечения полной и надёжной реваскуляризации. Метод off-pump может быть рекомендован только после строгой оценки и при уверенности в достаточной квалификации оператора, а также наличии соответствующего опыта у хирургической команды [7].

Отдельное внимание должно уделяться необходимости регулярного мониторинга результатов off-pump операций, ведения специализированного регистра, последующим клиническим аудитам и разбору каждого случая летального исхода для

коррекции подходов и минимизации нежелательных событий. Важным элементом становится систематическое повышение квалификации персонала, участие специалистов в образовательных программах и тренингах, направленных на отработку навыков проведения как классических операций с ИК, так и новейших малоинвазивных вмешательств.

В конечном итоге, переход на современные методы должен сопровождаться осторожностью, поэтапной интеграцией новых технологий, поддерж-

кой экспертов федерального уровня и обязательной публикацией результатов для формирования базы доказательной медицины в условиях региональных практик. Только при реализации данных подходов удастся не только сохранить, но и улучшить показатели выживаемости пациентов после АКШ, вне зависимости от их возраста и пола, а главным критерием успеха по-прежнему будет являться обоснованный индивидуальный подход при выборе хирургической тактики.

Список источников

1. Бокерия Л.А., и соавт. Кардиохирургия – 2023: национальные рекомендации. М.: НЦССХ им. А.Н. Бакулева, 2023. 256 с.
2. Head S.J., Milojevic M., Taggart D.P., Puskas J.D. Mortality after coronary artery bypass grafting versus percutaneous coronary intervention // *European Heart Journal*. 2022. Vol. 43. P. 123 – 134.
3. ГОСТ Р 52600.5-2021. Протоколы ведения больных. Ишемическая болезнь сердца. М.: Стандартинформ, 2021. 18 с.
4. Статистический отчет о работе кардиохирургического отделения ГБУЗ РМ МРЦКБ за 2022-2024 гг. Саранск, 2024. 35 с.
5. Knuuti J., Wijns W., Saraste A., et al. 2019 ESC Guidelines for the diagnosis and management of chronic coronary syndromes // *European Heart Journal*. 2020. Vol. 41. № 3. P. 407 – 477.
6. Неминуший Н.М., Караськов А.М. Современные технологии в кардиохирургии. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2021. 336 с.
7. Neumann F.-J., Sousa-Uva M., Ahlsson A., et al. 2018 ESC/EACTS Guidelines on myocardial revascularization // *European Heart Journal*. 2019. Vol. 40. № 2. P. 87 – 165.
8. Шевченко Ю.Л., и соавт. Национальные рекомендации по кардиоваскулярной профилактике. М., 2022. 112 с.
9. Stone G.W., Maehara A., Ali Z.A., et al. Percutaneous coronary intervention for vulnerable coronary atherosclerotic plaque // *Journal of the American College of Cardiology*. 2020. Vol. 76. № 20. P. 2289 – 2301.
10. Федеральные клинические рекомендации. Диагностика и лечение стабильной ишемической болезни сердца. М., 2020. 98 с.

References

1. Bokeria L.A., et al. Cardiac surgery – 2023: national recommendations. Moscow: A.N. Bakulev National Center for Cardiac Surgery, 2023. 256 p.
2. Head S.J., Milojevic M., Taggart D.P., Puskas J.D. Mortality after coronary artery bypass grafting versus percutaneous coronary intervention. *European Heart Journal*. 2022. Vol. 43. P. 123 – 134.
3. GOST R 52600.5-2021. Patient management protocols. Ischemic heart disease. Moscow: Standartinform, 2021. 18 p.
4. Statistical report on the work of the cardiac surgery department of the State Healthcare Institution of the Republic of Mordovia, the Regional Central Clinical Hospital for 2022-2024. Saransk, 2024. 35 p.
5. Knuuti J., Wijns W., Saraste A., et al. 2019 ESC Guidelines for the diagnosis and management of chronic coronary syndromes. *European Heart Journal*. 2020. Vol. 41. No. 3. P. 407 – 477.
6. Neminushchiy N.M., Karaskov A.M. Modern technologies in cardiac surgery. Moscow: GEOTAR-Media, 2021. 336 p.
7. Neumann F.-J., Sousa-Uva M., Ahlsson A., et al. 2018 ESC/EACTS Guidelines on myocardial revascularization. *European Heart Journal*. 2019. Vol. 40. No. 2. P. 87 – 165.
8. Shevchenko Yu.L., et al. National guidelines for cardiovascular prevention. M., 2022. 112 p.
9. Stone G.W., Maehara A., Ali Z.A., et al. Percutaneous coronary intervention for vulnerable coronary atherosclerotic plaque. *Journal of the American College of Cardiology*. 2020. Vol. 76. No. 20. P. 2289 – 2301.
10. Federal clinical guidelines. Diagnostics and treatment of stable ischemic heart disease. M., 2020. 98 p.

Информация об авторах

Доронькин Л.Д., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-1021-5554>, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева Минобрнауки России, Doronkinleonid@icloud.com

Бояркин Е.В., кандидат медицинских наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3698-4465>, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева Минобрнауки

Проничкина Я.С., ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3844-3272>, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева Минобрнауки России

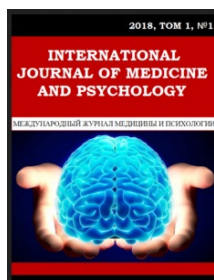
Рябов М.Ф., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-4483-4354>, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева Минобрнауки России

Созанская А.С., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-7075-1700>, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева Минобрнауки России

Евстигнеев А.В., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-8893-9985>, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Минобрнауки России

© Доронькин Л.Д., Бояркин Е.В., Проничкина Я.С., Рябов М.Ф., Созанская А.С., Евстигнеев А.В., 2025.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

¹ Сиротин И.А.,

^{1, 2} Козьяков Р.В.,

¹ Московский инновационный университет,

² Институт психологии Российской академии наук

Психологические особенности лиц с различными предпочтениями в изобразительном искусстве

Аннотация: психологи довольно длительное время занимаются исследованием в области предпочтений различных людей в искусстве, и их связи с психологическими характеристиками. Анализ произведений искусства уже ни один год применяется в различных областях психологической практики, среди которых клиническая и прикладная психология. В настоящее время ученые пришли к точному выводу о существовании закономерности, которая заключается в связи личных характеристик и предпочтений человека в искусстве, а также его способности оказывать положительное влияние на психику индивида. В данной статье проводится анализ основных методов, которые применяются в психологической практике и описываются основные из них, такие как опросник «Большая пятерка» и контроль за движением глаз зрителя, делаются выводы и выявляются закономерности.

Ключевые слова: психология, искусство, личностные характеристики, предпочтения зрителей, эстетика, исследование, восприятие, методы, личность

Для цитирования: Сиротин И.А., Козьяков Р.В. Психологические особенности лиц с различными предпочтениями в изобразительном искусстве // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 67 – 72.

Поступила в редакцию: 3 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Sirotin I.A.,

^{1, 2} Kozyakov R.V.,

¹ Moscow Innovation University,

² Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

Psychological characteristics of people with various preferences in fine arts

Abstract: psychologists have been engaged in research in the field of preferences of various people in art, and their connection with psychological characteristics for quite a long time. The analysis of works of art has been used for many years in various areas of psychological practice, including clinical and applied psychology. Currently, scientists have come to an accurate conclusion about the existence of a pattern, which lies in the connection between personal characteristics and preferences of a person in art, as well as its ability to have a positive impact on the psyche of an individual. This article analyzes the main methods used in psychological practice and describes the main ones, such as the Big Five questionnaire and eye movement monitoring, draws conclusions and identifies patterns.

Keywords: psychology, art, personality traits, viewer preferences, aesthetics, research, perception, methods, personality

For citation: Sirotin I.A., Kozyakov R.V. Psychological characteristics of people with various preferences in fine arts. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 67 – 72.

The article was submitted: March 3, 2025; Approved after reviewing: May 5, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

В настоящее время ученые-психологи в своих как теоретических, так и прикладных исследованиях уделяют значительное внимание изучению восприятия искусства [12]. Традиционно считается, что способность человека воспринимать то или иное явление или предмет, зависит от склонности его личности к переживаниям [11]. По мнению, Л.С. Выготского человек начинает уделять большее внимание искусству в сложные моменты на своем жизненном пути. При этом, искусство дает человеку «орудие переживания» для того, чтобы преодолеть накопившиеся эмоции, а затем преобразить чувства в необходимый жизненный опыт [4].

В произведениях искусства собран многочисленный опыт как различных авторов произведений, так и героев подобных произведений, при этом он может помочь людям, в процессе восприятия, в понимании и актуализации внутренних ресурсов [10]. Следует также отметить, что люди склонны обращаться к произведениям искусства не только в плохие периоды жизни [9]. Восприятие искусства в благоприятный период создает внутренний покой и равновесие [5].

Таким образом, стоит отметить, что при восприятии произведений искусства у людей могут формироваться различные переживания, они представляют собой индивидуальный процесс для каждого индивида. переживания происходят по разному, в зависимости от контекста ситуации и психологии человека [1].

Наличие разных интерпретаций и особенностей восприятия произведений искусства показывает, что каждый наблюдатель выделяет какой-либо аспект произведения в зависимости от разных контекстов той ситуации, в которой воспринимает произведение [3].

Исследования психологов говорят о том, что существует связь, которая имеет корреляционное подтверждение, то есть, люди, которые имеют консервативное мышление и строгие черты характера по большей части склоняются к традиционным произведениям искусства [6]. И наоборот люди, которые ведут активный образ жизни, открыты к новому предпочитают преимущественно нетра-

диционные стили, современное искусства и абстракцию [2].

Также при анализе восприятия произведений искусства психологами используется такой показатель как художественное суждение. Он рассматривается как мера когнитивной способности. С его помощью производится оценка одного или более стимулов. Данный показатель связан с такими методами как: критерий оценки искусства Мейера (Meier, 1940) и критерий оценки дизайна Грейвза (Graves, 1948). С помощью данных методов может быть произведен эксперимент. Участникам опроса предлагается две картины на выбор, одна из которых оригинал, а другая экспериментальная копия. Испытуемые должны найти оригинал, в данном случае психологов интересует не только быстрота реакции, но и выбор участников.

Помимо этого, стоит отметить, что проводя корреляционный анализ можно отметить то, что существует связь между интеллектуальными способностями человека и его художественными предпочтениями. Помимо этого, на художественное восприятие могут оказывать влияние и личностные черты, к примеру, добросовестность человека говорит о том, что у него более низкие оценки точности художественных суждений [13]. Такие люди в основном не интересуются творческим миром и не заинтересованы в оценке художественных произведений [8].

Анализируя восприятие произведений искусства детьми в возрасте до 14 лет, можно отметить такой факт, что практически 80% не импонирует современное искусство, большинство предпочитают классическое исполнение произведений. При этом, абстрактные картины привлекают либо детей в возрасте до трех, либо, либо людей более старшего возраста [19].

Исследуя конкретные произведения художников, стоит отметить то, что девочек по большей части привлекают портреты, а мальчиков пейзажи. Когда предметом изучения становится ландшафт, то в данном случае, детей могут заинтересовать современные и абстрактные картины. В следствии чего можно прийти к выводу, что искажение человеческих лиц, фигуры вызывает беспокойство в детях, при этом искажение природы пугает их

значительно меньше. Немало важным считается и то, в какие места, на какие выставки и спектакли взрослые отводят своих детей, какие им читают книги [14]. Именно в следствии влияния родителей и формируется психологические детерминанты восприятия произведений искусства [16].

Материалы и методы исследований

При анализе эстетических реакций в настоящее время применяется опросник 5PFQ. В данном опроснике анализируется степень выраженности различного рода факторов, которые помогают в анализе его личности (рис. 1).

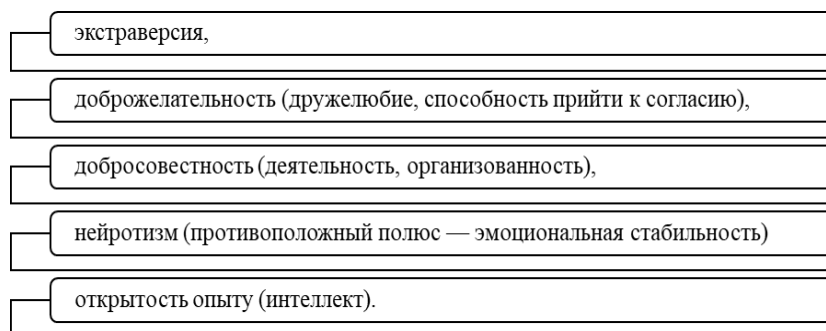

Рис. 1. Черты, анализируемые в опроснике 5PFQ.

Fig. 1. Traits analyzed in the 5PFQ questionnaire.

В представленном опроснике содержится 75 парных утверждений, которые характеризуют поведение человека. В процессе прохождения опроса испытуемый должен дать один из пяти представленных ответов, то есть оценить, как он относится к тому, или иному высказыванию. Он может быть как полностью согласен, так и нейтрально относиться к нему или быть не согласным.

Не стоит забывать о том, что в нем нет неправильных ответов, с помощью опроса можно понять какими свойствами обладает личность и каким образом она воспринимает происходящее. После прохождения опроса происходит подсчет баллов по специальной шкале и делается вывод об основных признаках и характеристиках личности человека.

Вторым методом исследования предпочтений и восприятия искусства является применение инструмента RED-250. Это прибор для определения

движения глаз, полученные данные проходят обработку в программе SMIBeGaze. Она дает результат относительно траектории движения, а также на каком объекте человек задержал взгляд дольше всего [18].

Таким образом, при исследовании зрители для начала должны заполнить представленный им опросник, а затем пройти тестировании с помощью прибора.

Результаты и обсуждения

Для исследования была выбрана группа из 30 человек от 16 до 40 лет, при этом они имели различные предпочтения в искусстве, а также у них было по разному развито восприятие. В процессе тестирования они ответили на представленные им вопросы из теста 5PFQ, а также ими было рассмотрено две картины, которые принадлежали к абстрактным направлениям (рис. 2) [8].

Рис. 2. Примеры картин для эксперимента.

Fig. 2. Examples of paintings for the experiment.

В процессе анализа результатов большее внимание уделялось ответам на тестовое задание, картины принимались в качестве стимулов для установления движения глаз. С помощью соответствующего прибора было установлено, какие стратегии в восприятии используют испытуемые.

После обработки представленных тестов, был получен следующий результат. Люди, которые положительно воспринимают произведения искусства, имеют предпочтению к абстрактным картинам обладают такими чертами личности как: открытость новому опыту, интеллектуальное любопытство, активное воображение, инновационные стремления [7].

Также, анализ данных показал следующие взаимосвязи, импрессионизм более предпочтителен для людей экстравертов, они обладают такими свойствами личности как: активность, самоконтроль и предусмотрительность. В данном случае, у них не обнаружены представленные ранее черты личности, это и отличает таких людей от любителей абстрактных картин.

Стоит отметить, что в целом процесс восприятия искусства и определение предпочтений довольно сложный процесс, который состоит из взаимоотношений между художником и зрителями [16]. Можно также сказать, что искусство форми-

рует определённые черты в личности человека, а также может помочь в разрешении ложных жизненных ситуаций [17].

Индивидуальные предпочтения каждого человека в искусстве зависит от множества факторов, в основном к ним относятся является ли индивид экстравертом или интровертом, импульсивен человек или как правило спокоен, обладает практичностью или экспрессивен и так далее. Помимо этого, предпочтения могут меняться в зависимости от возраста и пола, социального статуса и положения в обществе [15].

Также, во время анализа движения глаз было установлено, что траектория их поведения связана с тем, предпочитает ли человек абстрактную живопись или же он больше склонен к репрезентативным формам. Однако, данный анализ не всегда можно назвать достоверным, так как человека можно просто не заинтересовать картины того или иного художника [20].

Выводы

В заключении стоит отметить, что процесс восприятия произведений искусства можно назвать весьма многоуровневым и сложным. Можно утверждать, что искусство формирует стратегии познания, которые отличаются от классических научных направлений.

Список источников

1. Валуева Е.А., Ушаков Д.В. Творческие способности и инкубация: эффект Пуанкаре // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 4. С. 80 – 89.
2. Грязева-Добшинская В.Г., Риккер Л.Г. Специфика восприятия символических форм межличностной общности в произведениях массового и авторского кино // Социальная психология творчества. Челябинск: Изд-во ООО «Полиграф-мастер», 2022. С. 99 – 109.
3. Зинченко Ю.П. Новые направления исследований в психологическом институте // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 3. С. 28 – 43.
4. Козьяков Р.В. Исторические аспекты продуктивности профессионального креативного мышления // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 4-1. С. 59 – 70.
5. Козьяков Р.В. Исторические традиции и современное состояние российской психологии профессионального креативного мышления // Человеческий капитал. 2023. № 11-1 (179). С. 106 – 116.
6. Козьяков Р.В. Исторический анализ смыслового компонента профессионального креативного мышления // International Journal of Medicine and Psychology. 2024. Т. 7. № 4. С. 234-240.
7. Козьяков Р.В. Концепции креативного мышления и основные подходы к его изучению // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 4. С. 117 – 126.
8. Козьяков Р.В. Креативный подход в организации профессиональной деятельности: от античности до современного времени // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 6-1. С. 18 – 26.
9. Козьяков Р.В. Основные механизмы развития профессионального креативного мышления личности // Человеческий капитал. 2023. № 10 (178). С. 190 – 201.
10. Козьяков Р.В. Профессиональное креативное мышление в современном контексте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 5-1. С. 38 – 45.
11. Козьяков Р.В. Ресурсы и ресурсность профессионального креативного мышления субъекта // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-1. С. 468 – 470.

12. Козьяков Р.В. Современное состояние смыслообразующего компонента профессионального креативного мышления // *International Journal of Medicine and Psychology*. 2024. Т. 7. № 4. С. 271 – 277.
13. Козьяков Р.В. Современный контекст смыслового компонента профессионального креативного мышления // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2024. Т. 13. № 7-1. С. 23 – 32.
14. Козьяков Р.В. Теоретические основы развития профессионального креативного мышления в современном обществе // *International Journal of Medicine and Psychology*. 2024. Т. 7. № 4. С. 167 – 173.
15. Куценков П.А. Психология первобытного и традиционного искусства. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 232 с.
16. Лопаткова И.В. Художественное восприятие как технология психоконсультирования // *Ярославский педагогический вестник*. 2020. № 2 (113). С. 123 – 133.
17. Марков М.Е. Искусство как процесс. Основы функциональной теории искусства. Москва: Искусство, 2020. 239 с.
18. Наливайко Е.И. Культурно-мифологические основания системы личностных воздействий научно-фантастического кинофильма // *Социальная психология творчества*. Челябинск: Изд-во ООО «Полиграф-мастер», 2022. С. 110 – 122.
19. Нохрина Н.А. Типы переживания личности и особенности восприятия субъектами произведений искусства // *Психология. Психофизиология*. 2020. № 17 (193).
20. Ушаков Д.В. Социальный и эмоциональный интеллект: теоретические подходы и методы измерения // *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*. 2024. № S1 (116). С. 144 – 152.

References

1. Valueva E.A., Ushakov D.V. Creative abilities and incubation: the Poincaré effect. *Experimental psychology*. 2024. Vol. 17. No. 4. P. 80 – 89.
2. Gryazeva-Dobshinskaya V.G., Ricker L.G. Specificity of perception of symbolic forms of interpersonal community in works of mass and auteur cinema. *Social psychology of creativity*. Chelyabinsk: Publishing house of ООО "Polygraph-master", 2022. P. 99 – 109.
3. Zinchenko Yu.P. New directions of research at the psychological institute. *Theoretical and experimental psychology*. 2022. Vol. 15. No. 3. P. 28 – 43.
4. Kozyakov R.V. Historical aspects of the productivity of professional creative thinking. *Psychology. Historical and critical reviews and modern research*. 2024. Vol. 13. No. 4-1. P. 59 – 70.
5. Kozyakov R.V. Historical traditions and current state of Russian psychology of professional creative thinking. *Human capital*. 2023. No. 11-1 (179). P. 106 – 116.
6. Kozyakov R.V. Historical analysis of the semantic component of professional creative thinking. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2024. Vol. 7. No. 4. P. 234 – 240.
7. Kozyakov R.V. Concepts of creative thinking and main approaches to its study. *Modern foreign psychology*. 2022. Vol. 11. No. 4. P. 117 – 126.
8. Kozyakov R.V. Creative approach in organizing professional activity: from antiquity to modern times. *Psychology. Historical and critical reviews and modern research*. 2024. Vol. 13. No. 6-1. P. 18 – 26.
9. Kozyakov R.V. Basic mechanisms for developing professional creative thinking of an individual. *Human capital*. 2023. No. 10 (178). P. 190 – 201.
10. Kozyakov R.V. Professional creative thinking in the modern context. *Psychology. Historical and critical reviews and modern research*. 2024. Vol. 13. No. 5-1. P. 38 – 45.
11. Kozyakov R.V. Resources and resourcefulness of professional creative thinking of the subject. *Problems of modern pedagogical education*. 2025. No. 86-1. P. 468 – 470.
12. Kozyakov R.V. Current state of the meaning-forming component of professional creative thinking. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2024. Vol. 7. No. 4. P. 271 – 277.
13. Kozyakov R.V. Modern context of the semantic component of professional creative thinking. *Psychology. Historical and critical reviews and modern research*. 2024. Vol. 13. No. 7-1. P. 23 – 32.
14. Kozyakov R.V. Theoretical foundations of the development of professional creative thinking in modern society. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2024. Vol. 7. No. 4. P. 167 – 173.
15. Kutsenkov P.A. *Psychology of primitive and traditional art*. Moscow: Progress-Tradition, 2007. 232 p.
16. Lopatkova I.V. Artistic perception as a technology of psychoconsulting. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2020. No. 2 (113). P. 123 – 133.

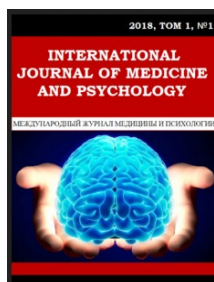
17. Markov M.E. Art as a process. Fundamentals of the functional theory of art. Moscow: Art, 2020. 239 p.
18. Nalivaiko E.I. Cultural and mythological foundations of the system of personal influences of a science fiction film. Social psychology of creativity. Chelyabinsk: Publishing house OOO "Polygraph-master", 2022. P. 110 – 122.
19. Nokhrina N.A. Types of personality experience and features of perception of works of art by subjects. Psychology. Psychophysiology. 2020. No. 17 (193).
20. Ushakov D.V. Social and emotional intelligence: theoretical approaches and measurement methods. Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences. 2024. No. S1 (116). P. 144 – 152.

Информация об авторах

Сиротин И.А., аспирант, Московский инновационный университет

Козьяков Р.В., кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, Московский инновационный университет; докторант лаборатории психологии и психофизиологии творчества, Институт психологии Российской академии наук, kozyakovroman@yandex.ru

© Сиротин И.А., Козьяков Р.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 611.08

^{1, 2} Вавилова В.А.,

^{1, 3} Касымбекова Э.Р.,

⁴ Ягудин Д.Р.,

¹ Славяно-греко-латинская академия,

² врач "Медико-профилактическое дело" специалист в направлении

«Психология нейродинамического нарушения в психической деятельности»,

³ психолог, ведущий эксперт «Психологии нейродинамического нарушения в психической деятельности, преподаватель, инструктор самогипноза,

⁴ доктор психологических наук, клинический психолог, автор метода «Нейродинамического восстановления» Психологии нейродинамического нарушения в психической деятельности; председатель правления НКО «Единство»

Нейродинамическое восстановление как методика редуцирования нейрорефлекторных дисфункций психосоматических расстройств и причин их возникновения

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные вопросы функционирования организма в условиях нейрорефлекторной дисфункции психосоматических расстройств. Одной из основных задач автор видит выявление и воздействие на причины возникновения патологии состояний при психосоматических расстройствах. В статье автор уделяет особое внимание причинам возникновения негативных эмоций, вызывающим глубинные переживания, трансформирующимся в подсознательные ощущения пролонгированного травмирующего воздействия, которые, в свою очередь, переходящего в хронические стрессовые состояния или психофизиологические отклонения. Основной акцент автор делает на непроработанность основных причин нейрорефлекторной дисфункции психосоматических расстройств при использовании терапевтических практик. Автор отмечает, что для успешной психотерапевтической помощи необходимы методики максимально эффективного воздействия, которые позволят повторно прожить неблагоприятные эмоции. Именно прожить и проработать ощущения, которые были вызваны в прошлом и которые в настоящее время человек может перенести на свой накопленный опыт, наблюдая за динамикой развития чувств, эмоциональных реакций, ощущений, бессознательно связываемых с внешними или внутренними угрозами, поступающими с мультисенсорными сигналами. В статье описывается инновационная авторская методика нейродинамического восстановления. Методика направлена на редуцирование нейрорефлекторных дисфункций психосоматических расстройств и причин их возникновения. Автором описан цикл нейродисфункционального и психосоматического сбоя, содержащего пограничные фазовые точки, на которые идет эффективное воздействие в режиме нейровосстановления и редукции нейродинамического дисбаланса в организме. Автор делает вывод о том, что применение методики нейродинамического восстановления способствует одновременному и одномоментному психотерапевтическому воздействию с целью эффективной проработки нейрорефлекторных дисфункций и восстановлению психосоматического здоровья на основе глубокой психоэмоциональной реабилитации.

Ключевые слова: нейрорефлекторная дисфункция, нейрорефлекторная реакция, психосоматические расстройства, факторы, причины, нейродинамическое восстановление, инновационные методики, страх, хронические стрессовые состояния

Для цитирования: Вавилова В.А., Касымбекова Э.Р., Ягудин Д.Р. Нейродинамическое восстановление как методика редуцирования нейрорефлекторных дисфункций психосоматических расстройств и причин их возникновения // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 73 – 78.

Поступила в редакцию: 3 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

^{1,2} Vavilova V.A.,
^{1,3} Kasymbekova E.R.,
⁴ Yagudin D.R.,

¹ Slavic-Greek-Latin Academy,

² Doctor of "Medical and preventive medicine", a specialist in the field
of "Psychology of Neurodynamic disorders in mental activity",

³ Psychologist, Leading Expert in the Psychology of Neurodynamic disorders
in psychological activity, Teacher, Instructor of self-hypnosis,

⁴ Doctor of Psychological Sciences (Advanced Doctor), Clinical Psychologist,
Author of the method of "Neurodynamic recovery"

Psychology of neurodynamic disorders in mental activity Chairman of the Board of the NGO "Unity"

Neurodynamic recovery as a method of reducing neuroreflexory dysfunctions of psychosomatic disorders and the causes of their occurrence

Abstract: the article considers current issues of the body functioning under conditions of neuroreflexive dysfunction of psychosomatic disorders. The author sees one of the main tasks as identifying and influencing the causes of the pathology of conditions in psychosomatic disorders. In the article, the author pays special attention to the causes of negative emotions that cause deep experiences, transforming into subconscious sensations of prolonged traumatic impact, which, in turn, turn into chronic stress conditions or psychophysiological deviations. The author places the main emphasis on the lack of elaboration of the main causes of neuroreflexive dysfunction of psychosomatic disorders when using therapeutic practices. The author notes that for successful psychotherapeutic assistance, methods of maximum effective impact are necessary, which will allow re-experiencing unfavorable emotions. It is to live through and work through the sensations that were caused in the past and which a person can currently transfer to his accumulated experience, observing the dynamics of the development of feelings, emotional reactions, sensations unconsciously associated with external or internal threats coming with multisensory signals. The article describes an innovative proprietary technique of neurodynamic recovery. The technique is aimed at reducing neuroreflexive dysfunctions of psychosomatic disorders and the causes of their occurrence. The author describes a cycle of neurodysfunctional and psychosomatic failure containing borderline phase points that are effectively affected in the mode of neurorecovery and reduction of neurodynamic imbalance in the body. The author concludes that the use of the neurodynamic recovery technique contributes to simultaneous and one-time psychotherapeutic impact in order to effectively work through neuroreflexive dysfunctions and restore psychosomatic health based on deep psychoemotional rehabilitation.

Keywords: neuroreflex dysfunction, neuroreflex reaction, psychosomatic disorders, factors, causes, neurodynamic recovery, innovative methods, fear, chronic stress conditions

For citation: Vavilova V.A., Kasymbekova E.R., Yagudin D.R. Neurodynamic recovery as a method of reducing neuroreflexory dysfunctions of psychosomatic disorders and the causes of their occurrence. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 73 – 78.

The article was submitted: March 3, 2025; Approved after reviewing: May 6, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Патология состояний психосоматических расстройств, их взаимообусловленность психоэмоциональными отклонениями на основе провоцирующих факторов, является соматизируемой посред-

ством психогенных нарушений. Соматическая реакция имеет в своей основе возникновение физических недугов как результатов подсознательной личностной конфронтации, в процессе которой развивается нейрорефлекторная дисфункция, вы-

зывающая хронические расстройства физиологических механизмов регулирования работы органов и функциональных систем организма [5, 7].

Среди основных факторов возникновения данной патологии на всех уровнях организации организма, как правило, выделяют сильнейший эмоциональный всплеск негативного характера или длительное (стабильное) психоэмоциональное напряжение, приводящее к хроническому стрессу [2, 10].

Внезапно возникающие неожиданные негативные эмоции вызывают глубинные переживания и трансформируются в подсознательные ощущения пролонгированного травмирующего воздействия, переходящего в хронические стрессовые состояния или психофизиологические отклонения. Со временем эти отклонения перестают быть анализируемыми сознательно, однако их глубинный подсознательный контекст продолжает усугублять психосоматический фон функционирования организма.

В этом временном промежутке, от момента воздействия негативной эмоции на психоэмоциональную сферу до возникновения и развития соматических заболеваний эскалационно развивается нейрорефлекторная дисфункция, последствия которой иррадируют как рефлекторные ответы нервных центров, многие из которых даже не были задействованы первоначально [4, 6, 8].

Материалы и методы исследований

Генерализация нейрорефлекторных дисфункциональных процессов приводит к значительной психосоматопатологии и неосознаваемым острым реакциям на раздражители, которые даже отдаленно могут вызывать воздействия глубинной эмоциональной памяти в актуальном времени. В этом случае мы можем говорить, что имеет место замыкание цикла воздействия нейрорефлекторной реакции, которая может быть усугублена генетической предрасположенностью человека. Так, если глубинное эмоциональное переживание опосредует гиперактивацию нейроэндокринной системы, а также вегетативной нервной системы путем высвобождения нейротрансмиттеров, в частности, адреналина, допамина, норэпинефрина и приводит к появлению новой мотонейронной рефлекторной цепи, то, обусловленный генетическими факторами, этот процесс, неконтролируемый осознанно, вызывает усиленный синтез кортикостероидов, которые обладают антистрессовым эффектом. Происходит гиперактивация иммуноактивных субстанций, являющихся предикторами устойчивого развития воспалительных процессов.

Так, например, проявляется психосоматика псориаза, при котором сбой в работе иммунитета

обуславливает развитие нейрорефлекторной дисфункции секреторных желез и затруднения функции самоочищения кожи. Таким образом проявляется распространение функции гиперзащиты человека от воздействия внешних и внутренних негативных факторов, угроз: организм подсознательно пытается обновить свои кожные покровы, имея глубоко нерешенные внутренние проблемы самоприятия или непризнанности. Среди наиболее ранних глубинных эмоциональных факторов в этом случае следует рассматривать авторитарность родителей, жесткие вторжения во внутренний мир, утрата самооценности личности, страх взаимодействия с окружающим миром и др., в рамках которых подсознательное желание освободиться от психогенной «грязи» неосознанно становится болезненно-навязчивым. В это случае место проявления подсознательного ассоциативного страха [1, 3].

Или, например, усугубление психосоматических расстройств в условиях генетической предрасположенности может привести к тому, что иммуноактивные субстанции станут фактором проявления так называемого болезненного поведения, которое, в свою очередь, вызовет активную имитацию депрессии на основе выработки С-реактивного белка как маркера реакции воспаления [7, 9].

В этом случае продуцируемые личностная, ситуативная тревожность и страх будут активировать гены под воздействием ацетилирования и деметилирования гистонов, что в итоге приведет к аутоиммунным расстройствам.

В дальнейшем, даже при том, что рефлекторные ответы нервных центров, многие из которых даже не были задействованы первоначально, будут сформированы генетически обусловленный молекулярный путь, в рамках которого будет происходить синтез сигналов восприятия (например, образов, звуков и т.д.) в сигнал страха. Открытие в недавнем времени молекулы CGRP позволило предположить, что на основе ее действия нейроны в двух отдельных областях головного мозга способны синтезировать внешние сенсорные «угрозы» в один объединенный сигнал, который маркируется как негативный и транслируется в миндалевидное тело, которое, в свою очередь, транскрибирует его как страх [11].

Как результат генетической предрасположенности в этом случае имеют место возникающие функциональные изменения длительного воздействия, что приводит к постепенному разрушению органов-мишеней, систем, их частей, а сам процесс соматизируется хронически. Локальные поражения очагов поражения в данном случае будут

носить лишь характер временного вспоможения, так как основная причина заболевания, а именно, непроработанные эмоции и скрытая психологическая тревога не будут устранены.

Результаты и обсуждения

В настоящее время уделяется эскалационное внимание оказанию мультикомплексной терапевтической помощи страдающим от психосоматических расстройств и хронических заболеваний. Принимая во внимание то, что психосоматические отклонения возникают и в дальнейшем развиваются на фоне физиологической predisпозиции, с наибольшей силой актуализируется поиск первопричин или пусковых факторов их активации. Это становится все более необходимым для того, чтобы изучить и максимально исследовать готовность функциональных систем или отдельных органов к дисфункции и нарушениям в работе.

Считаем необходимым отметить высокую степень важности одновременного и одномоментного психотерапевтического воздействия при проявлении нейрорефлекторных синдромов заболевания, так как только устранение первичных и вторичных нейрорефлекторных синдромов (например, при выраженном остеохондрозе позвоночного столба) не будет максимально эффективным, если не выявлены вызывающие их факторы (раздражение проприоцептивных и вегетативных структур нервных окончаний, мышечнотонические, нейродистрофические и др. расстройства), обуславливающие причины их проявления и пусковые механизмы, пролонгирующие распространения бессознательного ассоциативного страха.

Помимо диагностических, клинко-неврологических, инструментальных и общетерапевтических методов крайне необходимыми в данных ситуациях являются инновационные методики комплексного воздействия. Среди развиваемых в настоящее время психотерапевтических направлений происходит уверенная ориентация на мультикаузальные биопсихосоциальные модели. Однако, с нашей точки зрения, необходимы методики максимально эффективного воздействия, которые позволят повторно прожить неблагоприятные эмоции. Именно прожить и проработать ощущения, которые были вызваны в прошлом и которые, в то же, время человек может перенести на свой накопленный опыт, наблюдая за динамикой развития чувств, эмоциональных реакций, ощущений, бессознательно связываемыми с внешними или внутренними угрозами, поступающими с мультисенсорными сигналами.

К числу таких методик относится авторская методика нейродинамического восстановления. Данная методика позволяет выявить многоуровневую

причину психосоматической травмы или дестабилизирующего психосоматического состояния на основе разработки блоков сценария психотерапевтического воздействия, в рамках которого происходит редукция и полное устранение нейрорефлекторных дисфункций, вызванных первопричинной эмоцией. В ходе такого воздействия организм человека приобретает способность физического и психофизиологического самовосстановления.

Методика нейродинамического восстановления рассматривает организм как целостную экосистему в контексте саморегуляции. Если эта коэкологичная саморегуляция нарушается (т.е. происходит возникновение негативной эмоции, влияющей на человека в полном ее максимуме), имеет место проявление нейрорефлекторной дисфункции с привлечением иррадиации стрессового состояния, в последствии, физиологической блокировки и нарушениям в работе органов, систем. Нейроэндокринный сбой, сопровождающий усиление нейрорефлекторных дисфункций, глобально усугубляет проявление признаков патофизиологии и закрепляется в виде энергетического дисбаланса или блокировки, включенных в этот циклический механизм.

Методика нейродинамического восстановления позволяет воздействовать именно на все так называемые *phase point*, разграничивающие следующие фазы психосоматического расстройства, а именно 1) вход глубокой негативной эмоции, психоэмоционального потрясения или стабилизация депрессивного состояния, вызывающих стрессовую биологическую реакцию; 2) нейроэндокринный сбой, сопровождаемый нейрорефлекторной дисфункцией; 3) закрепление и развитие нейрофизиологической дисфункции органов; 4) усугубляющиеся отклонения в работе отдельных органов и систем; 5) заболевание, опосредованное глубоким нарушением энергообмена, который, в свою очередь, выступает источником реакции на периодическое проявление бессознательной ассоциативной эмоции (например, страха), возникающих на основе мультисенсорных сигналов, неосознанно кодируемых как «внешние угрозы».

Использование методики нейродинамического восстановления в процессе психосоматической реабилитации позволяет конструировать сценарии восстановления, принимая во внимание все *phase point* и все фазы цикла.

Так, например, в рамках сценария применения методики важно выделить такие этапы как:

- этап глубокого исследования анамнеза с целью психосоматического расстройства и его настоящих причин; данный этап является очень

ответственным в плане обнаружения основных соматических заболеваний и их причин;

- этап поиска и разработки алгоритма механизма запуска глубокого проживания эмоций/впечатлений, ставших предикторами нейрорефлекторных дисфункций психосоматических расстройств, в частности, определение физических/психосоматических травм, установление анатомической связи между предикторами заболевания и последствиями его компенсации;

- этап полного выявления психосоматического сценария и разработка эффективного сценария нейродинамического восстановления на основе редуцирования нейрорефлекторной дисфункции; на данном этапе весьма важным является процесс активации внимания пациента на имеющиеся симптомы психосоматического расстройства и осознании внутреннего конфликта, с которым связано проявление этого расстройства;

- этап запуска нейродинамического восстановления на основе полной или частичной «распаковки» подсознательного конфликта; редуцирование высвобождаемых в ответ на провокацию нейрорефлекторных дисфункций;

- этап дальнейшей активизации нейродинамического восстановления на психическом уровне, первичной «разрядки» первопричинного конфликта и выбор вспомогательных средств сопровождающего терапевтического воздействия;

- этап завершения полного нейродинамического восстановления с выходом на физический уровень, способствующий выздоровлению пациента,

и редукция рецидивирующего течения психосоматического расстройства.

Выводы

Организм человека представляет собой единую саморегулируемую систему, что не всегда принимается во внимание в большинстве психотерапевтических практик. Многие из методик ориентированы на козкологический путь предотвращения заболеваний или их лечения. Активно принимается во внимание эскалационная значимость дисбаланса энергии, возникающего при возникновении травмирующих эмоций, замедление циркуляции энергии, дестабилизация организма на психофизиологическом уровне в зависимости от психоэмоциональных дисфункций. Однако, многие эти методики не используют полное комплексное воздействие и оперируют лишь локально направленным его инструментарием, в частности, либо устранением патофизиологического дисбаланса, либо достижением частичного психосоматического равновесия и т.д.

Методика нейродинамического восстановления как интегрирующая одномоментность и одновременность воздействия, обращена на все ключевые позиции психосоматического отклонения на основе суммарной редукции всех физиологических, соматических и психоэмоциональных дисфункций. Методика нейродинамического восстановления позволяет эффективно использовать многоуровневый механизм реабилитации, направленный на устранение всех видов искажений и восстановление нейродинамического равновесия.

Список источников

1. Белугина О.С., Скугаревский О.А., Яговдик Н.З., Белугина И.Н. Клинические проявления псориаза: психологический контекст // Медицинский журнал. 2022. № 2 (80). С. 50 – 54.
2. Васенина Е.Е., Ганькина О.А. Хронический стресс и астения // Лечебное дело. 2023. № 1. С. 29 – 38.
3. Дороженков И.Ю., Ильина И.В. Психосоматические аспекта псориаза (обзор) // Российский журнал кожных и венерических болезней. 2021. Т. 24. № 3. С. 251 – 262.
4. Кадыров Р.В., Венгер В.В. Комплексное посттравматическое стрессовое расстройство: современные подходы к определению понятия, этиологии, диагностика и психотерапия // Психолог. 2021. № 4. С. 45 – 60.
5. Лиджи-Горяева А.А. Механизм возникновения психосоматических расстройств // Инновационная наука. 2020. № 1. С. 113 – 115.
6. Лолаева А.С., Худалова М.З. Влияние детской психологической травмы на взрослую жизнь // Психолог. 2024. № 2. С. 33 – 48.
7. Талаконин А.О. Модели патогенеза психосоматических расстройств и концепция психосоматического сценария // Медицинский вестник Юга России. 2023. Т. 14. № 2. С. 61 – 66.
8. Трусова А.Д., Фаустова А.Г. Влияние генеза психологической травмы на проявления посттравматического роста: теоретический обзор // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2021. Т. 9. № 4. С. 355 – 365.
9. Цейликман В.Э., Цейликман О.Б., Фекличева И.В., Масленникова Е.П., Чипеева Н.А., Глухова В.А. Психологические, нейробиологические и нейроэндокринологические особенности синдрома посттравматических стрессовых расстройств // Психология. Психофизиология. 2018. Т. 11. № 4. С. 73 – 86.

10. Эделева Е.М. Психология травмы, как переживания влияют на личность // Вестник науки. 2024. Т.4. № 10 (79). С. 727 – 733.

11. Sukjae J. Kang, Shijia Liu, Mao Ye, Kuo-Fen Lee, Michael R. Bruchas, Sung Han. A central alarm system that gates multi-sensory innate threat cues to the amygdala // Cell Reports. 2022. Vol. 40. Access mode: <https://www.cell.com/action/showPdf?pii=S2211-124728222901039-7>

References

1. Belugina O.S., Skugarevsky O.A., Yagovdik N.Z., Belugina I.N. Clinical manifestations of psoriasis: psychological context. Medical journal. 2022. No. 2 (80). P. 50 – 54.

2. Vasenina E.E., Gankina O.A. Chronic stress and asthenia. General medicine. 2023. No. 1. P. 29 – 38.

3. Dorozhenko I.Yu., Ilyina I.V. Psychosomatic aspects of psoriasis (review). Russian journal of skin and venereal diseases. 2021. Vol. 24. No. 3. P. 251 – 262.

4. Kadyrov R.V., Venger V.V. Complex post-traumatic stress disorder: modern approaches to defining the concept, etiology, diagnostics and psychotherapy. Psychologist. 2021. No. 4. P. 45 – 60.

5. Lidzhi-Goryaeva A.A. The mechanism of occurrence of psychosomatic disorders. Innovative science. 2020. No. 1. P. 113 – 115.

6. Lolaeva A.S., Khudalova M.Z. The influence of childhood psychological trauma on adult life. Psychologist. 2024. No. 2. P. 33 – 48.

7. Talakonin A.O. Models of pathogenesis of psychosomatic disorders and the concept of a psychosomatic scenario. Medical Bulletin of the South of Russia. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 61 – 66.

8. Trusova A.D., Faustova A.G. The influence of the genesis of psychological trauma on the manifestations of post-traumatic growth: a theoretical review. Personality in a changing world: health, adaptation, development. 2021. Vol. 9. No. 4. P. 355 – 365.

9. Tseilikman V.E., Tseilikman O.B., Feklicheva I.V., Maslennikova E.P., Chipeeva N.A., Glukhova V.A. Psychological, neurobiological and neuroendocrinological features of post-traumatic stress disorder syndrome. Psychology. Psychophysiology. 2018. Vol. 11. No. 4. P. 73 – 86.

10. Edeleva E.M. Psychology of trauma, how experiences affect personality. Bulletin of science. 2024. Vol. 4. No. 10 (79). P. 727 – 733.

11. Sukjae J. Kang, Shijia Liu, Mao Ye, Kuo-Fen Lee, Michael R. Bruchas, Sung Han. A central alarm system that gates multi-sensory innate threat cues to the amygdala. Cell Reports. 2022. Vol. 40. Access mode: <https://www.cell.com/action/showPdf?pii=S2211-124728222901039-7>

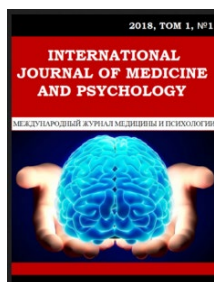
Информация об авторах

Вавилова В.А., аспирант, Славяно-греко-латинская академия; врач "Медико-профилактическое дело" специалист в направлении «Психология нейродинамического нарушения в психической деятельности»

Касымбекова Э.Р., аспирант, Славяно-греко-латинская академия; психолог, ведущий эксперт «Психологии нейродинамического нарушения в психической деятельности, преподаватель, инструктор самогипноза

Ягудин Д.Р., доктор психологических наук, клинический психолог, автор метода «Нейродинамического восстановления» Психологии нейродинамического нарушения в психической деятельности; председатель правления НКО «Единство», dr.yagudin@mail.ru

© Вавилова В.А., Касымбекова Э.Р., Ягудин Д.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 611.08

¹ Ягудин Д.Р.,
^{2, 3} Павлова И.В.,

¹ доктор психологических наук, клинический психолог, автор метода «Нейродинамического восстановления» Психологии нейродинамического нарушения в психической деятельности; председатель правления НКО «Единство»,

² Славяно-греко-латинская,

³ психолог, коуч, специалист в направлении «Психология нейродинамического нарушения в психической деятельности и механизма эмпатии»

Нейроинтуиция и ее роль в процессе принятия решений

Аннотация: в статье рассматривается концепция нейроинтуиции как важного аспекта принятия решений в условиях неопределенности и ограниченной информации. Авторы анализируют механизмы, лежащие в основе интуитивных процессов, и их связь с нейробиологическими функциями мозга. Исследуются факторы, влияющие на развитие нейроинтуиции, включая опыт, эмоциональный интеллект и когнитивные искажения. Статья также подчеркивает значимость нейроинтуиции в различных сферах, таких как бизнес, медицина и личные отношения, где быстрая и эффективная реакция на изменяющиеся условия может оказать решающее влияние на результаты. В заключение, авторы предлагают рекомендации по развитию нейроинтуиции и интеграции интуитивных подходов в процесс принятия решений, подчеркивая необходимость баланса между аналитическим и интуитивным мышлением. Автор подчеркивает, что осознанное взаимодействие с собственными интуитивными процессами может привести к более эффективному принятию решений. Данная работа будет полезна как исследователям, так и практикам, стремящимся улучшить свои навыки принятия решений и понять механизмы, стоящие за интуитивными процессами. Таким образом, статья предлагает новый взгляд на интуитивные процессы и их значимость в современном мире, открывая перспективы для дальнейших исследований в этой области.

Ключевые слова: нейроинтуиция, взаимодействие, сознание, интуитивный процесс, эмоциональный интеллект, когнитивность, медицина, концепция

Для цитирования: Ягудин Д.Р., Павлова И.В. Нейроинтуиция и ее роль в процессе принятия решений // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 79 – 84.

Поступила в редакцию: 4 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Yagudin D.R.,
^{2, 3} Pavlova I.V.,

¹ Doctor of Psychological Sciences (Advanced Doctor), Clinical Psychologist,
Author of the method of "Neurodynamic recovery"
Psychology of neurodynamic disorders in mental activity Chairman of the Board of the NGO "Unity",
² Slavic-Greek-Latin Academy,
³ Psychologist, Mindset Coach, Specialist in the field of "Psychology of Neurodynamic
disorders in mental activity and the mechanism of empathy"

Neurointuition and its role in decision-making

Abstract: the issue addresses the concept of neurointuition as an important aspect of decision-making under uncertainty and limited information. The authors analyze the mechanisms underlying intuitive processes and their relationship to neurobiological brain functions. Factors influencing neurointuition development, including experience, emotional intelligence, and cognitive biases, are investigated. The article also highlights the significance of neurointuition in various fields such as business, medicine and personal relationships, where rapid and effective responses to changing conditions can have a decisive impact on outcomes. In conclusion, the authors offer recommendations for the development of neurointuition and the integration of intuitive approaches into decision-making, emphasizing the need for a balance between analytical and intuitive thinking. The author emphasizes that conscious interaction with your own intuitive processes can lead to more efficient decision-making. This research will be useful for both researchers and practitioners seeking to improve their decision-making skills and understand the mechanisms behind intuitive processes. The paper thus offers a new perspective on intuitive processes and their relevance in the modern world, opening up prospects for further research in this area.

Keywords: neurointuition, interaction, consciousness, intuitive process, emotional intelligence, cognition, medicine, concept

For citation: Yagudin D.R., Pavlova I.V. Neurointuition and its role in decision-making. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 79 – 84.

The article was submitted: March 4, 2025; Approved after reviewing: May 7, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Интуиция представляет собой сложный когнитивный процесс, который играет важную роль в принятии решений и решении проблем. В данной статье рассматриваются механизмы, лежащие в основе интуитивных процессов, а также их связь с нейробиологическими функциями мозга. Особое внимание уделяется факторам, влияющим на развитие нейроинтуиции, таким как опыт, эмоциональный интеллект и когнитивные искажения.

Материалы и методы исследований

В качестве источников информации для данной работы использовались научно-методические труды и научные статьи, доступные в электронной научной библиотеке eLibrary (сайт <https://elibrary.ru>)

Был проведен систематический обзор существующей научной литературы по теме нейроинтуиции и принятия решений. Были проанализированы статьи из рецензируемых журналов, книги и диссертации, что позволило выявить ключевые аспекты и теоретические подходы к изучению данной темы.

Результаты и обсуждения

Интуитивные процессы часто описываются как «знание без осознания», когда человек принимает решения на основе мгновенных ощущений или «внутреннего голоса». Эти процессы активно исследуются в нейробиологии, психологии и когнитивных науках. Понимание механизмов интуиции может помочь в разработке методов улучшения принятия решений в различных сферах, от бизнеса до медицины.

Нейробиологические основы интуиции

Современные исследования показывают, что интуитивные процессы связаны с активностью определенных областей мозга, таких как префронтальная кора, лимбическая система и базальные ганглии. Префронтальная кора отвечает за высшие когнитивные функции, включая планирование и принятие решений, в то время как лимбическая система играет ключевую роль в обработке эмоций. Базальные ганглии, в свою очередь, участвуют в формировании привычек и автоматических реакций.

Функционирование этих областей мозга позволяет интегрировать эмоциональные и когнитивные аспекты, что способствует формированию интуитивных решений. Например, исследования с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ) показывают, что активация определенных нейронных сетей в префронтальной коре и лимбической системе коррелирует с успешностью интуитивных решений. Эти исследования подтверждают, что интуиция не является случайным процессом, а представляет собой результат сложной обработки информации, происходящей на бессознательном уровне [6].

Эмоциональный интеллект и интуиция

Одним из ключевых факторов, влияющих на развитие интуитивных процессов, является эмоциональный интеллект. Люди с высоким уровнем эмоционального интеллекта способны лучше распознавать и интерпретировать свои эмоции и эмоции окружающих, что, в свою очередь, способствует более точному принятию интуитивных решений. Исследования показывают, что эмоциональный интеллект активирует те же области мозга, что и интуитивные процессы, что указывает на их взаимосвязь. Например, способность к эмпатии и пониманию эмоциональных состояний других людей может улучшить интуитивные навыки в социальных взаимодействиях и профессиональной деятельности [9].

Когнитивные искажения и интуитивные ошибки

Несмотря на то что интуитивные процессы могут быть полезными, они также подвержены влиянию когнитивных искажений. Эти искажения могут привести к ошибкам в суждениях и принятых решениях. Например, эффект подтверждения, когда человек склонен искать информацию, подтверждающую свои убеждения, может искажать интуитивные процессы. Это приводит к тому, что человек игнорирует альтернативные точки зрения и факты, которые могут противоречить его первоначальному интуитивному выводу. Другие когнитивные искажения, такие как избыточная самоуверенность и доступность информации, также могут негативно влиять на качество интуитивных решений. Например, если человек слишком уверен в своих интуитивных суждениях, он может не обратить внимание на важные данные, которые могли бы изменить его мнение.

Важно осознавать, что интуиция, хотя и является мощным инструментом, не всегда приводит к правильным решениям. Понимание механизмов, стоящих за интуитивными процессами, может помочь людям лучше управлять своими интуитивными реакциями и минимизировать влияние когнитивных искажений. Это может быть достигну-

то через развитие критического мышления и навыков саморефлексии, что позволит людям более осознанно подходить к своим интуитивным выводам [5].

Практические приложения интуиции

Интуитивные процессы находят применение в различных областях, включая бизнес, медицину и искусство. В бизнесе интуиция может помочь руководителям принимать быстрые решения в условиях неопределенности, основываясь на их предыдущем опыте и эмоциональном интеллекте. Например, успешные предприниматели часто полагаются на интуитивные ощущения при выборе стратегий или оценке рыночных тенденций. Эти интуитивные решения могут быть основаны на многолетнем опыте и глубоком понимании своей области, что позволяет им быстро реагировать на изменения и адаптироваться к новым условиям.

В медицине интуиция также играет важную роль, особенно в клинической практике. Врачи, обладающие высоким уровнем интуитивного восприятия, могут быстрее и точнее диагностировать заболевания, основываясь на своих предыдущих наблюдениях и эмоциональном восприятии состояния пациента. Исследования показывают, что опытные врачи часто принимают решения, основываясь на интуитивных ощущениях, которые формируются в результате многолетней практики и взаимодействия с пациентами. Это подчеркивает важность интуиции как дополнения к аналитическим методам диагностики.

В области искусства интуиция является неотъемлемой частью творческого процесса. Художники, музыканты и писатели часто полагаются на свои интуитивные чувства для создания произведений, которые могут вызывать сильные эмоции у зрителей или слушателей. Интуитивное восприятие позволяет им находить уникальные решения и подходы, которые могут быть неочевидны при рациональном анализе.

Интуиция является важным аспектом человеческого опыта, который сочетает в себе когнитивные и эмоциональные процессы. Понимание нейробиологических основ интуитивных решений и факторов, влияющих на их развитие, может значительно улучшить качество принятия решений в различных сферах. Эмоциональный интеллект и осознание когнитивных искажений играют ключевую роль в этом процессе. Интуитивные навыки могут быть развиты и усовершенствованы через практику и саморефлексию. В конечном итоге, интуиция, будучи мощным инструментом, требует осознанного подхода для достижения наилучших результатов.

Нейроинтуиция – это способность принимать решения и делать выводы на основе интуитивного понимания, которое формируется в результате взаимодействия различных факторов. Важнейшими из них являются опыт, эмоциональный интеллект и когнитивные искажения [10].

Опыт

Опыт играет ключевую роль в развитии нейроинтуиции. Накапливая знания и навыки в определенной области, человек начинает лучше распознавать паттерны и закономерности, что способствует более быстрому и точному принятию решений. Например, опытный врач может мгновенно определить диагноз, основываясь на интуитивном ощущении, выработанном за годы практики. Чем больше человек сталкивается с различными ситуациями, тем более развитыми становятся его интуитивные способности.

Эмоциональный интеллект

Эмоциональный интеллект (EI – emotional intelligence) также существенно влияет на нейроинтуицию. Люди с высоким уровнем EI способны лучше понимать и управлять своими эмоциями, а также эмоциями окружающих. Это позволяет им более точно интерпретировать социальные сигналы и принимать решения, основанные на эмоциональных аспектах ситуации. Например, успешные лидеры часто полагаются на свою интуицию в управлении командой, учитывая не только факты, но и эмоциональное состояние сотрудников [4].

Когнитивные искажения

Когнитивные искажения могут как способствовать, так и препятствовать развитию нейроинтуиции. С одной стороны, некоторые искажения, такие как «интуитивное суждение» или «эффект якоря», могут помочь быстро принимать решения, основываясь на предыдущем опыте. С другой стороны, они могут привести к ошибочным выводам и неправильным решениям. Например, избыточная самоуверенность может заставить человека игнорировать важные данные, полагаясь исключительно на интуицию [3].

В бизнесе нейроинтуиция играет ключевую роль в принятии стратегических решений. Успешные предприниматели и менеджеры часто полагаются на свои интуитивные ощущения, чтобы оценить риски и возможности. Быстрая реакция на изменения в рыночной среде или потребительских предпочтениях может оказать решающее влияние на конкурентоспособность компании. Например, в условиях кризиса или экономической нестабильности именно интуитивное понимание ситуации может помочь руководителям адаптировать свои стратегии и сохранить бизнес.

В медицине нейроинтуиция также имеет огромное значение. Врачи и медицинские работники часто сталкиваются с ситуациями, требующими мгновенного реагирования. Интуитивное восприятие симптомов и быстрое принятие решений могут спасти жизни пациентов. Исследования показывают, что опытные врачи, полагаясь на свою интуицию, способны быстрее и точнее диагностировать заболевания, что особенно важно в экстренных ситуациях.

Личные отношения также не обходятся без влияния нейроинтуиции. Способность чувствовать настроение и эмоции других людей, а также быстро реагировать на изменения в отношениях, может значительно улучшить качество общения и укрепить связи. Интуитивное понимание потребностей партнера или друга позволяет избежать конфликтов и создать более гармоничные отношения. В личных отношениях нейроинтуиции также играют важную роль, позволяя людям лучше понимать друг друга и строить более крепкие связи. Интуитивное восприятие эмоций и потребностей близких может помочь избежать недопонимания и конфликтов, создавая атмосферу доверия и поддержки. Например, способность уловить настроение партнера или друга может стать основой для своевременной поддержки в трудные моменты, что укрепляет эмоциональную связь и способствует более гармоничным отношениям [8].

Таким образом, нейроинтуиция является важным инструментом в различных сферах жизни. Быстрая и эффективная реакция на изменения в окружающей среде, основанная на интуитивных ощущениях, становится не только преимуществом, но и необходимостью. В условиях постоянного стресса и неопределенности, с которыми сталкиваются люди в современном мире, нейроинтуиция может служить надежным компасом, позволяющим ориентироваться в сложных ситуациях.

В образовании нейроинтуиция также может сыграть значительную роль. Преподаватели, обладая интуитивным пониманием потребностей и интересов своих учеников, могут адаптировать свои методы обучения, создавая более эффективные и вовлекающие образовательные процессы. Интуитивное восприятие динамики группы и индивидуальных особенностей студентов позволяет учителям не только лучше донести материал, но и создать атмосферу доверия и поддержки, что в свою очередь способствует более глубокому усвоению знаний.

В сфере искусства нейроинтуиция становится источником вдохновения и креативности. Художники, музыканты и писатели часто полагаются на свои интуитивные ощущения, чтобы создавать

произведения, которые резонируют с эмоциями и переживаниями зрителей. Способность чувствовать и интерпретировать окружающий мир на интуитивном уровне позволяет им передавать глубокие идеи и чувства, которые могут быть трудны для выражения словами [2].

Однако важно отметить, что нейроинтуиция не является абсолютным или безошибочным инструментом. Как и любой другой механизм принятия решений, нейроинтуиция имеет свои ограничения и может быть подвержена влиянию различных факторов, таких как эмоциональное состояние, предвзятость или недостаток информации. Поэтому важно сочетать интуитивные ощущения с аналитическим подходом, чтобы минимизировать риски и повысить точность принимаемых решений.

В условиях неопределенности и стресса интуиция может быть искажена, что приводит к ошибкам. Например, в бизнесе чрезмерная самоуверенность, основанная на интуитивных ощущениях, может привести к неправильным инвестиционным решениям или игнорированию важных данных. Поэтому успешные лидеры должны уметь балансировать между интуитивным и рациональным подходами, используя нейроинтуицию как один из инструментов в своем арсенале.

Вернемся опять же к медицине, в медицине, несмотря на важность интуитивного восприятия, врачи также должны полагаться на научные данные и клинические протоколы. Интуиция может помочь в сложных случаях, но она не должна заменять систематический подход к диагностике и лечению. Объединение интуитивного понимания с научными методами может привести к более эффективным результатам и улучшению качества медицинской помощи [5].

Однако, как и в других сферах, в личных отношениях важно помнить о границах нейроинтуиции. Иногда интуитивные ощущения могут быть искажены личными переживаниями или предвзятостями. Поэтому важно сочетать интуитивное понимание с открытым общением и активным

слушанием. Это позволяет не только лучше понять другого человека, но и избежать недоразумений, которые могут возникнуть из-за неверной интерпретации интуитивных сигналов.

В условиях современного мира, где стресс и неопределенность стали частью повседневной жизни, нейроинтуиция может стать важным инструментом для поддержания психоэмоционального благополучия. Умение доверять своим интуитивным ощущениям и использовать их в сочетании с рациональным мышлением может помочь людям находить баланс между эмоциональными и логическими аспектами жизни.

Выводы

В ходе исследования нейроинтуиция нами была определена как способность принимать решения на основе неосознанных процессов, которые происходят в мозге. Эти процессы часто опираются на предыдущий опыт и интуитивные знания, что позволяет человеку быстро реагировать на сложные ситуации.

Нейроинтуиция имеет важное значение в различных областях, включая бизнес, медицину и спорт. Способность быстро и эффективно принимать решения на основе интуитивных ощущений может значительно повысить результаты и эффективность деятельности.

Таким образом, нейроинтуиция представляет собой важный инструмент, который помогает людям адаптироваться к быстро меняющимся условиям в различных сферах жизни. Она способствует принятию более эффективных решений в бизнесе, медицине, личных отношениях, образовании и искусстве. Однако важно помнить о ее ограничениях и сочетать интуитивные ощущения с аналитическим подходом. В условиях стресса и неопределенности нейроинтуиция может служить надежным компасом, способствующим психоэмоциональному благополучию. Умение доверять интуиции и использовать ее в сочетании с рациональным мышлением становится ключевым для достижения гармонии в жизни.

Список источников

1. Булыгина В.Г., Исангалиева И.М., Пеева О.Д., Ремеева А.Ф., Лысенко Н.Е. Современные исследования нейрональных основ принятия моральных решений [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Т. 13. № 2. С. 110 – 126.
2. Арутюнова К.Р., Созинова И.М., Александров Ю.И. Мозговые основы моральной оценки действий [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 2. С. 67 – 81.
3. Гладуэлл М. Сила мгновенных решений. Интуиция как навык. М.: Альпина Пабlishер, 2019. 309 с.
4. Дубровина И.В. Идеи Л.С. Выготского о содержании детской практической психологии [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2013. Т. 5. № 3. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n3/62528 (дата обращения: 19.12.2024)

5. Лапшин А.В. Инновационная наука. 2017 № 03-1. С. 247 – 251. <https://cyberleninka.ru/article/n/intuitsiya-v-protssesse-prinyatiya-resheniya/viewer> (дата обращения 19.12.2024)
6. Разваляева А.Ю. Апробация опросника Тенденции в принятии решений на русскоязычной выборке // Консультативная психология и психотерапия. 2018 Т. 26. № 3. С. 146 – 163. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35649696> (дата обращения 19.12.2024)
7. Фрейд З. Психология бессознательного Текст. М.: Питер, 2004 390 с.
8. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования: учеб. пособие для бак. и маг-ры. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 334 с.
9. <https://nasledie.digital/articles/rol-intuitsii-v-prinyatii-reshenij/>
10. <https://dzen.ru/a/Z5vUd0aHQidLmo3g>

References

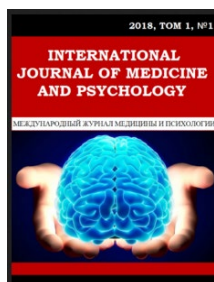
1. Bulygina V.G., Isangalieva I.M., Peeva O.D., Remeeva A.F., Lysenko N.E. Modern studies of the neural foundations of moral decision-making [Electronic resource]. Psychology and Law. 2023. Vol. 13. No. 2. P. 110 – 126.
2. Arutyunova K.R., Sozinova I.M., Aleksandrov Yu.I. Brain foundations of moral assessment of actions [Electronic resource]. Modern foreign psychology. 2020. Vol. 9. No. 2. P. 67 – 81.
3. Gladwell M. The power of instant decisions. Intuition as a skill. Moscow: Alpina Publisher, 2019. 309 p.
4. Dubrovina I.V. Ideas of L.S. Vygotsky on the content of children's practical psychology [Electronic resource]. Psychological science and education. 2013. Vol. 5. No. 3. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n3/62528 (date of access: 12.19.2024)
5. Lapshin A.V. Innovative science. 2017 No. 03-1. P. 247 – 251. <https://cyberleninka.ru/article/n/intuitsiya-v-protssesse-prinyatiya-resheniya/viewer> (date of access: 12.19.2024)
6. Razvalyaeva A.Yu. Testing the questionnaire Trends in decision-making on a Russian-language sample. Counseling psychology and psychotherapy. 2018 Vol. 26. No. 3. P. 146 – 163. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35649696> (date of access: 12.19.2024)
7. Freud Z. Psychology of the unconscious Text. Moscow: Piter, 2004 390 p.
8. Kholodnaya M.A. Psychology of intelligence. Research paradoxes: textbook for bachelor's and master's students. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2019. 334 p.
9. <https://nasledie.digital/articles/rol-intuitsii-v-prinyatii-reshenij/>
10. <https://dzen.ru/a/Z5vUd0aHQidLmo3g>

Информация об авторах

Ягудин Д.Р., доктор психологических наук, клинический психолог, автор метода «Нейродинамического восстановления» Психологии нейродинамического нарушения в психической деятельности; председатель правления НКО «Единство», dr.yagudin@mail.ru

Павлова И.В., аспирант, Славяно-греко-латинская, психолог, коуч, специалист в направлении «Психология нейродинамического нарушения в психической деятельности и механизма эмпатии»

© Ягудин Д.Р., Павлова И.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 81`23

¹ Алыбин Е.А.,

¹ Московская международная академия

Когнитивно-эмоциональные особенности самоидентификации во вторичной языковой личности: психолингвистический анализ

Аннотация: в статье рассматриваются когнитивные и эмоциональные аспекты формирования вторичной языковой личности у билингвов. Актуальность работы обусловлена глобализацией и ростом числа людей, владеющих двумя и более языками, что ставит новые вопросы о влиянии второго языка на самоидентификацию. В теоретическом обзоре обобщены современные представления о «вторичной языковой личности» – личности, приобщенной к иной языковой культуре. Отмечены когнитивные особенности (изменения в восприятии мира, чертах личности, принятии решений) и эмоциональные особенности (специфика выражения эмоций, феномен «чувства себя другим человеком» при смене языка) формирования двуязычной идентичности. Представлено эмпирическое исследование с участием русско-английских билингвов (N=60), включавшее опросники самоописания личности в первом и втором языках, шкалы эмоциональной экспрессии и идентичности. Результаты показывают, что у испытуемых наблюдаются статистически значимые различия в самооценке ряда личностных черт в зависимости от языка коммуникации, а также изменяется эмоциональная вовлеченность: во втором языке эмоции выражаются с меньшей интенсивностью. Многие билингвы сообщают о субъективном ощущении изменения своей личности при переключении на другой язык. Обсуждаются психологические механизмы этих эффектов – активация разных культурных рамок, снижение эмоциональной реактивности во втором языке – и степень, в которой интеграция двух культур смягчает различия. Сделан вывод о практической значимости учета когнитивно-эмоциональных факторов в обучении языкам и психологической поддержке билингвов. **Практическая значимость** работы состоит в том, что понимание когнитивно-эмоциональных особенностей вторичной языковой личности может быть использовано при разработке программ межкультурного образования и психолингвистического сопровождения билингвов, способствуя более гармоничному развитию двуязычной идентичности.

Ключевые слова: вторичная языковая личность, билингвизм, самоидентификация, эмоции, когнитивные процессы, психолингвистика

Для цитирования: Алыбин Е.А. Когнитивно-эмоциональные особенности самоидентификации во вторичной языковой личности: психолингвистический анализ // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 85 – 92.

Поступила в редакцию: 5 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Alybin E.A.,

¹ Moscow International Academy

Cognitive and emotional features of self-identification in a secondary language personality: a psycholinguistic analysis

Abstract: this article examines the cognitive and emotional aspects of secondary language personality formation in bilingual individuals. The relevance stems from globalization and the growing number of people who speak two or more languages, which raises new questions about the influence of a second language on self-

identification. The theoretical overview summarizes current concepts of the “secondary language personality” – a personality acculturated into another linguistic culture. The cognitive features (changes in worldview, personality traits, decision-making) and emotional features (specifics of emotional expression, the phenomenon of “feeling different” when switching languages) of developing a bilingual identity are noted. An empirical study with Russian-English bilinguals (N=60) is presented, including self-report questionnaires on personality in the first vs. second language, scales of emotional expressivity, and identity. The results show statistically significant differences in self-assessment of certain personality traits depending on the language of communication, as well as changes in emotional engagement: in the second language, emotions are expressed with less intensity. Many bilinguals reported a subjective feeling of a shift in their personality when switching languages. The psychological mechanisms of these effects – activation of different cultural frameworks and reduced emotional reactivity in the second language – are discussed, as is the extent to which integration of two cultures mitigates the differences. **The practical significance** lies in considering cognitive-emotional factors in language education and bilingual support, to foster more harmonious bilingual identity development.

Keywords: secondary language personality, bilingualism, self-identification, emotions, cognitive processes, psycholinguistics

For citation: Alybin E.A. Cognitive and emotional features of self-identification in a secondary language personality: a psycholinguistic analysis. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 85 – 92.

The article was submitted: March 5, 2025; Approved after reviewing: May 8, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

В условиях глобализации и интенсивных межкультурных контактов все больше людей приобретают опыт двуязычия. Современные билингвы представляют собой растущий сегмент общества, интегрированный сразу в две языково-культурные системы [2]. Это актуализирует проблему формирования *вторичной языковой личности* – феномена, при котором индивид, овладевая новым языком, осваивает ценности и категории иной культуры. Термин «вторичная языковая личность» введен Ю.Н. Карауловым (1989) для обозначения личности, приобщенной к культуре народа, язык которого изучается [1]. В психолингвистике под этим понимается уровень владения иностранным языком, при котором языковая личность способна средствами второго языка отражать картину мира и реализовывать коммуникативные намерения. По меткому выражению И.И. Халеевой, сформированная вторичная языковая личность – это личность, способная проникать в «дух» изучаемого языка и «плоть» культуры носителей этого языка [1]. Иными словами, вторичная языковая личность не ограничивается техническим двуязычием, а включает глубокое усвоение культурно-ценностных смыслов второго языка.

Самоидентификация билингва во многом зависит от когнитивной и эмоциональной перестройки, происходящей при овладении вторым языком. Когнитивные изменения включают расширение концептуальной картины мира, появление новых категорий и понятий. Известно, что язык является важным компонентом культуры и может влиять на

восприятие и оценку окружающей действительности [5]. Например, билингвы могут демонстрировать разные результаты в тестах личности в зависимости от языка проведения: предыдущие исследования показали, что самоотчеты о чертах характера у многоязычных людей варьируют между языковыми контекстами [5]. В частности, уровень экстраверсии у билингва может быть выше при описании себя на доминирующем языке [5]. Современные данные также свидетельствуют о том, что эмоциональный интеллект и восприятие эмоций в разных языках существенно зависят от языковой компетенции и контекста использования второго языка, что влияет на когнитивно-эмоциональную адаптацию билингвов [9]. Это явление объясняется эффектом смены культурного фрейма: переключение языка актуализирует связанный с ним пласт культурных норм и поведенческих стереотипов, что влияет на самоощущение личности.

Кроме того, изучение второго языка затрагивает эмоциональную сферу. Билингвы нередко отмечают, что выражение чувств на неродном языке ощущается иначе, чем на родном. Исследования подтверждают, что высказывания с эмоциональной нагрузкой (например, признания в любви, ругательства) воспринимаются менее эмоционально значимыми на иностранном языке [7]. Билингв часто “эмоционально дистанцирован” во втором языке: эмоциональные фразы на L2 субъективно резонируют слабее, чем на L1 [3]. Снижение эмоциональной реактивности проявляется и в поведении – так, принятие моральных решений может

меняться при использовании иностранного языка. Например, показано, что люди склонны принимать более рациональные, утилитарные решения на иностранном языке, что связано с ослаблением интуитивных эмоциональных откликов [4]. Повышенная “психологическая дистанция” второго языка уменьшает влияние эмоций на суждения, усиливая рационально-аналитический компонент мышления. При этом уровень эмоциональной адаптации билингвов тесно связан с их культурными и биологическими особенностями, что подчеркивает сложную интеграцию эмоций и культуры в процессе формирования вторичной языковой личности [10].

Помимо когнитивных сдвигов и эмоциональной дистанции, важным аспектом является субъективное переживание самоидентификации в разных языках. Многие двуязычные сообщают о феномене “чувства себя другим человеком” при переключении кода. Недавние работы показывают, что это ощущение является не просто фигурой речи, а реально отражает смену актуализируемых ценностей и поведенческих паттернов [2]. Так, в другом языковом окружении билингв может чувствовать себя более раскованным или, напротив, более сдержанным, что связано с внутренним принятием норм соответствующей культуры. Интересно, что само переживание “двойственности” личности может иметь двойственный эффект: с одной стороны, некоторые билингвы отмечают чувство отчуждения или «раздвоенности», с другой – большинство воспринимает этот опыт как обогащающий, дающий более широкое самопонимание [2]. В целом, двуязычие создает уникальную ситуацию, когда одна и та же личность функционирует в разных когнитивно-эмоциональных режимах, что предоставляет богатый материал для психолингвистического анализа.

Ряд исследований последнего десятилетия фокусируется на отдельных аспектах этой проблемы – когнитивных преимуществах билингвизма, эмоциональной экспрессии, культурной идентичности. Однако до сих пор недостаточно интегрированных работ, учитывающих одновременно когнитивные и эмоциональные особенности формирования двуязычной личности [6]. В частности, отмечается, что традиционно внимание уделялось когнитивным процессам билингвов, тогда как мотивационно-эмоциональная сфера и вопросы самоидентификации изучены менее полно [6]. Данная работа призвана заполнить этот пробел, объединив данные психолингвистики и когнитивной психологии для анализа самоидентификации во вторичной языковой личности.

Цель исследования – выявить, каким образом когнитивные и эмоциональные факторы проявляются в процессе становления вторичной языковой личности. **Гипотеза** состояла в том, что овладение вторым языком сопровождается: 1) когнитивными изменениями в образе “Я” (вариативностью самописания черт личности, возможным смещением стиля принятия решений в иностранном языке) и 2) эмоциональными изменениями (снижением эмоциональной интенсивности при коммуникации на L2, ощущением иной самоидентичности). Предполагалось также, что степень выраженности этих эффектов связана с уровнем интеграции культурной идентичности: билингвы, гармонично совмещающие обе культуры, будут испытывать менее резкое различие между “я в L1” и “я в L2”.

Материалы и методы исследований

Выборка. В исследовании приняли участие 60 русско-английских билингвов (35 женщин и 25 мужчин) в возрасте от 18 до 35 лет ($M = 24.1$, $SD = 4.3$). Все участники – русскоязычные респонденты, начинавшие изучение английского языка в школьном возрасте (в среднем с 10 лет) и продолжавшие его освоение вплоть до продвинутого уровня. Критерием включения было свободное владение английским (уровень не ниже B2 по CEFR); 40% выборки имели опыт длительного (>6 месяцев) проживания или обучения в англоязычной среде. Таким образом, большинство участников можно охарактеризовать как поздних последовательных билингвов с доминирующим русским языком.

Испытуемые заполняли серию онлайн-опросников на двух языках (русском и английском). Чтобы нивелировать порядок влияния, половине выборки сначала предлагались формы на русском, затем на английском, другой половине – в обратном порядке. В перерыве между заполнением на разных языках делался интервал ~1 час, чтобы уменьшить перенос настроения и самосознания.

Каждый участник последовательно выполнил следующие методики:

- **Опросник личности Big Five** – сокращенная версия Big Five Inventory (BFI-10), адаптированная на русский и английский язык. Испытуемые дважды (на русском и на английском) оценивали степень выраженности у себя 10 характеристик по шкале от 1 до 5. По результатам рассчитывались баллы по пяти факторам личности: экстраверсия, доброжелательность (агреабельность), добросовестность (конциентиозность), нейротизм и открытость новому опыту. Разница между русскоязычной и англоязычной самоперцепцией ин-

терпретировалась как индикатор когнитивного сдвига образа “Я” при смене языкового кода.

- **Шкала эмоциональной экспрессии.** Авторская шкала из 8 утверждений для самооценки особенностей выражения эмоций в первом и втором языках. Примеры утверждений: «Мне легче выразить любовь и нежность на [русском/английском]», «Ругательства/брань естественнее звучат для меня на [русском/английском]», «Когда я злюсь, мне проще высказаться на...». Оценка по 5-балльной шкале (1 – гораздо легче на русском, 5 – гораздо легче на английском; 3 – одинаково). Шкала позволяла выявить смещение эмоционального комфорта: средний балл >3 отражает относительную легкость экспрессии эмоций на L2 по сравнению с L1 (и наоборот). Надёжность шкалы удовлетворительная ($\alpha = 0.79$).

- **Анкета языковой идентичности.** Включала открытые и закрытые вопросы о самоощущении личности в двух языках. В том числе: бинарный вопрос «Чувствуете ли Вы себя *иным человеком*, говоря на английском, нежели на русском?»; шкала от 0 до 10 для оценки степени этого чувства (0 – совсем не чувствую различий, 10 – чувствую себя совершенно другим); открытый вопрос «Если Вы ощущаете различия в своем поведении или характере при переключении на другой язык, опишите их». Также респонденты отмечали степень идентификации с каждой культурой (русской и англоязычной) по шкале от 0 (совсем не ощущаю себя принадлежащим к данной культуре) до 10 (полностью ощущаю принадлежность). Этот блок позволил собрать как количественные, так и качественные данные о субъективном опыте билингвов.

Количественные показатели (баллы BFI, индексы экспрессии, оценки идентичности) сравнивались между условиями L1 vs L2 с помощью критериев t-Стьюдента для зависимых выборок. Также вычислялись корреляции Пирсона между степенью различия в личности и такими переменными, как возраст начала изучения L2, длительность погружения в культуру L2, уровень идентификации с англоязычной культурой. Открытые ответы были подвергнуты содержательному анализу: с помощью тематического кодирования выделены повторяющиеся мотивы в описаниях переживаний. Статистическая обработка выполнена в SPSS 26.0; значимость критериев проверялась при $p < 0.05$.

Результаты и обсуждения

Различия в чертах личности в родном и иностранном языке. Сопоставление профилей Big Five, полученных на русском и английском языках, выявило ряд существенных отличий. Прежде

всего, **экстраверсия** оказалась значительно ниже при самоописании на английском: средний балл по фактору Экстраверсия в русском варианте – 3.44, в английском – 3.12 ($t(59)=2.85$, $p=0.006$). Аналогичная тенденция наблюдалась по фактору **доброжелательности** (Agreeableness): 3.67 на русском vs 3.45 на английском ($t(59)=2.10$, $p=0.040$). Иными словами, участники характеризовали себя как менее общительных и несколько менее мягких в коммуникации, когда описание требовалось дать на неродном языке. Различия по другим чертам не достигли статистической значимости, хотя баллы **нейротизма** были чуть выше в английском (то есть испытуемые чуть более нервными и тревожными видели себя в L2, чем в L1), а **открытость опыту** – наоборот, немного выше в русском варианте. **Добросовестность** (Conscientiousness) практически не изменилась между языками.

Таким образом, гипотеза о вариативности образа “Я” нашла подтверждение на уровнях экстраверсии и agreeableness. Доминирующий русский язык, по-видимому, ассоциировался у испытуемых с большим комфортом и уверенностью при описании социальных аспектов личности, тогда как на английском они несколько “снижали планку” своей общительности. Этот результат согласуется с данными, полученными на выборках испанско-английских билингвов, где доминирование языка коррелировало с уровнем экстраверсии: более высокая экстраверсия проявляется на доминантном языке [5]. В нашем случае доминантным для большинства являлся русский, что и отразилось в более высоких оценках экстраверсии именно в русском контексте. Интересно, что по шкале доброжелательности разница также была в пользу L1 – возможно, на иностранном языке некоторые участники чувствовали себя менее уверенно в социальных взаимодействиях, что отражено в слегка более низкой самооценке умения ладить с другими.

Эмоциональная экспрессия и психологическая дистанция. Анализ данных шкалы экспрессии подтвердил, что родной язык обладает для билингвов большей эмоциональной «емкостью». По совокупности 8 утверждений средний интегральный индекс эмоционального комфорта составил $M=2.28$ ($SD=0.57$), существенно ниже нейтрального уровня 3 ($t(59)=-8.95$, $p<0.001$). Это означает явный перевес в сторону русского языка при выражении эмоций: участники, в среднем, значительно легче проявляют чувства именно на родном языке. Например, **65%** опрошенных указали, что “гораздо легче” или “скорее легче” говорить о любви и привязанности по-русски, тогда как только **10%** предпочли английский (остальные не уви-

дели разницы). Схожие результаты получены для выражения гнева и раздражения: **53%** отметили, что естественнее выплеснуть злость на русском, лишь **15%** – на английском. Также **70%** респондентов согласились, что им привычнее употреблять нецензурную лексику на родном языке, чем на иностранном. Эти цифры подтверждают феномен эмоциональной асимметрии: второй язык в меньшей степени задействует глубинные эмоциональные пласты личности.

Дополнительный интерес представляет обратная сторона — ситуации, где выражение эмоций на L2 дается легче. Небольшая часть участников (около 20%) указали, что им проще извиняться или обсуждать неприятные/травмирующие события на английском. В ответах отмечалось, что «на английском как будто не так больно вспоминать некоторые вещи» или «ругаться на английском менее обидно». Эти наблюдения соответствуют концепции эмоциональной дистанции: иностранный язык создает ощущение отстраненности, снижая эмоциональный «заряд» слов [3]. В результате говорить о тяжелых переживаниях или интимных темах на L2 бывает психологически легче, словно это происходит не совсем с «настоящим мной».

Интересно, что обнаружилась и объективная иллюстрация сниженной эмоциональной реактивности на L2. В рамках исследования участникам предлагалась гипотетическая моральная дилемма (модифицированная задача «проблема вагонетки»), сформулированная либо на русском, либо на английском языке (случайно, между испытуемыми). Выяснилось, что среди тех, кто читал сценарий на английском, **72%** выбрали утилитарный вариант решения (пожертвовать одного ради спасения пяти), тогда как в русскоязычной формулировке лишь **53%** приняли такое решение. Несмотря на ограниченный характер этой проверки, тенденция согласуется с данными зарубежных экспериментов: использование иностранного языка действительно повышает долю утилитарных суждений [4]. Можно полагать, что мышление на неродном языке протекает более рационально, с меньшим влиянием спонтанных эмоций, что и отражается в моральном выборе.

Субъективное ощущение “двойной” идентичности. Согласно данным анкеты, большинство билингвов осознают определенные различия в своем облике или поведении при смене языка. Прямой вопрос «Чувствуете ли Вы себя другим человеком на английском (по сравнению с русским)?» положительно (варианты «скорее да» или «определенно да») оценили **58%** респондентов. При этом лишь **15%** выбрали категорическое «нет, совершенно не чувствую». Оценка степени этого

ощущения по шкале от 0 до 10 дала среднее $M = 5.8$ ($SD = 2.7$), то есть в целом умеренно выраженное чувство “другого Я”.

Качественный анализ описаний помог раскрыть, в чем именно испытуемые видят отличие своих двух языковых “Я”. Наиболее частые комментарии: **повышение застенчивости/неуверенности** на английском – это упомянули 40% участников («в общении на английском я более тихий, меньше шучу»); напротив, **усиление раскованности, эмоциональности** на английском – ~25% («на английском я могу позволить себе выражать эмоции ярче, чем на родном»). Такая разнородность связана с индивидуальным опытом: те, кто длительно жил в англоязычной среде или хорошо встроен в англокультурное сообщество, чаще отмечали положительные изменения (“становлюсь более улыбчивым, дружелюбным”). Те же, чей опыт общения на L2 ограничен официально-деловыми ситуациями (учеба, работа), чаще говорили об скованности.

Отдельная группа различий касалась стиля общения. **30%** респондентов указали, что на английском они более вежливы и политкорректны, чем на русском («на русском могу резко высказаться, а по-английски всегда держусь вежливо»). Это можно связать с усвоением норм англоязычного коммуникативного этикета, который, как известно, подразумевает большее количество “smiles” и вербальной дружелюбности. Также упоминались изменения голоса и языка тела: несколько человек отметили, что даже тембр голоса у них меняется, когда говорят по-английски, а жесты становятся более сдержанными.

Стоит подчеркнуть, что не все участники воспринимали свои два облика как конфликтующие. На вопрос, причиняет ли им дискомфорт ощущение «двойственности», большинство отвечало отрицательно. Многие подчеркивали, что рассматривают своё билингвальное Я как единое, просто проявляющееся по-разному в разных условиях. Например, один участник написал: «На английском я чувствую другую сторону моей личности, но это дополняет, а не противоречит моему основному Я». Таким образом, для многих билингвов характерно явление *двойной идентичности*, сочетающей элементы обеих культур. Те, кто набрал высокие баллы идентификации и с русской, и с англоязычной культурами (т.е. фактически дву-культурные личности), сообщали о меньшем контрасте между своими языковыми образами. Напротив, участники, сохраняющие исключительно русскую идентичность и лишь инструментально пользующиеся английским, чаще ощущали, что «на английском это как не я, а роль».

Полученные результаты в целом подтверждают, что процесс формирования вторичной языковой личности сопряжен со значимыми когнитивными и эмоциональными трансформациями. Приобретение нового языка – это не только обогащение когнитивной сферы (новые знания, концепты, навыки общения), но и перестройка некоторых аспектов *Я-концепции* и аффективной регуляции. Наши данные согласуются с концепцией культурно-специфической активации личности у билингвов. Согласно теории *cultural frame switching*, двуязычные индивиды переключаются между различными культурно-когнитивными рамками в зависимости от языка общения [8]. В нашем исследовании это проявилось через вариативность черт личности: на родном языке испытуемые демонстрировали профиль, ближе соответствующий своей исходной культуре, тогда как на втором языке – профиль, смещенный под влиянием западного (англо-американского) культурного контекста. Так, снижение экстраверсии и доброжелательности в английском самоописании русских участников может отражать относительную эмоциональную сдержанность и индивидуализм, присущие англосаксонской коммуникации, либо просто меньшую уверенность говорящего не на своем языке.

Важным результатом является подтверждение феномена эмоциональной депотенциации второго языка. Участники гораздо менее эмоционально реагировали в L2, что проявилось как в субъективных отчетах (трудности выразить чувства, ощущение “отстраненности”), так и в поведении (более рациональные решения на английском в моральной дилемме). Этот эффект широко описан в литературе: например, билингвы часто признаются, что ругательства или интимные высказывания на неродном языке “не задевают за живое” [7]. Считается, что родной язык связывается с эмоциями еще в детстве, через многочисленные эпизоды эмоционального опыта, тогда как второй язык чаще осваивается в более формальных контекстах [3]. Поэтому L1 обладает прочными ассоциативными связями с эмоциональной памятью, а L2 – более “холоден”. Психофизиологические исследования подтверждают это: например, при восприятии эмоционально значимых слов (табу, оскорблений) у билингвов отмечается более выраженная реакция (повышение кожно-гальванической реакции, активация миндалевидного тела мозга) на родном языке по сравнению с иностранным [3]. Наши поведенческие данные согласуются с данной картиной.

Интересно рассмотреть практические следствия эмоциональной дистанции. С одной стороны, это

может давать билингву определенное преимущество в стрессовых ситуациях – мыслить на иностранном языке более трезво, с меньшим влиянием страха или гнева. Это подтверждается и обнаруженным нами различием в моральном решении: на английском участники более спокойно взвешивали утилитарные последствия, в то время как на русском эмоциональный импульс “не убивать” был сильнее. С другой стороны, эмоциональная отстраненность может затруднять искренность и глубину общения на L2, особенно в межличностных отношениях. Многие участники отмечали, что чувствуют себя менее эмоционально включенными в беседу на английском, как будто между ними и собеседником существует барьер. Это потенциально может снижать уровень эмпатии и взаимопонимания в межкультурной коммуникации. Тем не менее, важно отметить: по мере повышения владения языком и интеграции в культуру L2, эмоциональная отзывчивость, как правило, возрастает. В наших данных более опытные билингвы (рано начавшие изучение языка, долго жившие за рубежом) сообщали о меньших проблемах с выражением эмоций на английском и меньшей разнице в чувстве себя. Это обнадеживает: эмоциональная сторона вторичной языковой личности развивается и обогащается со временем, а “оттепель” эмоций наступает по мере превращения чужого языка в свой.

Что касается самоидентификации, наше исследование подтвердило сложность и многогранность данного феномена. Большинство билингвов ощущают, что второй язык привносит в их личность новые оттенки. По сути, формируется *двойная идентичность*, объединяющая элементы первой культуры (L1) и второй (L2). Этот процесс описывается понятием *bicultural identity integration* – интегрированности двух культурных идентичностей. Высокая интегрированность означает, что человек воспринимает свои две принадлежности как совместимые и взаимодополняющие, тогда как при низкой – испытывает конфликт и раздельность двух “Я” [2]. Наши результаты демонстрируют примеры и того, и другого. Некоторые участники явно разделяют “русское меня” и “английское меня”, чувствуя между ними дистанцию. Другие же сумели соединить эти образы: они признают различия в поведении, но не воспринимают их как разрыв личности.

Отмеченное влияние культурной идентификации на степень различия подтверждает: чем более успешно индивид осваивает вторую культурную систему, тем цельнее становится его двуязычная личность. И наоборот, если второй язык остается внешним инструментом, не подкрепленным эмо-

ционально-культурной вовлеченностью, то и личностные проявления в нем ощущаются как не полностью свои. Этот вывод согласуется с работами по аккультурации: принятие новой культуры (например, через развитие чувства принадлежности к ней) смягчает стресс двуязычной идентичности и способствует благополучию билингва [2].

Важно подчеркнуть, что двуязычие – не дефект и не угроза целостности личности, а скорее расширение ее репертуара. Многие наши испытуемые указывали на положительные стороны своего опыта: «это как иметь две перспективы на мир», «я чувствую, что у меня больше возможностей выражать себя». Более того, существуют данные, что многоязычие может способствовать развитию некоторых когнитивных и личностных качеств. В частности, ряд исследований выявил небольшое преимущество билингвов по уровню эмоционального интеллекта и эмпатии [7]. Например, билингвы демонстрируют более высокие показатели по шкалам благополучия, эмоциональности и общительности по сравнению с монолингвами [7]. Это связывают с тем, что освоение нескольких языков расширяет эмоциональный словарь и гибкость мышления, что положительно сказывается на способности понимать себя и других [7]. Наши респонденты с высокой двуязычной компетентностью часто упоминали, что переключение между языками помогает им смотреть на проблемы под разными углами и лучше контролировать свои эмоции. Таким образом, вторичная языковая личность может обладать не только уникальными трудностями, но и ресурсами развития.

Выводы

Формирование вторичной языковой личности – сложный психолингвистический процесс, сочетающий овладение новым кодом общения с перестройкой некоторых аспектов самосознания. В ходе исследования подтверждено, что овладение вторым языком влияет как на когнитивные характеристики личности (восприятие себя, стиль мышления), так и на эмоциональные (способность выражать и переживать эмоции). Выявлено, что в контексте иностранного языка испытуемые несколько иначе воспринимают свои черты характера (например, снижение экстраверсии и уступчивости), а также испытывают ослабление эмоциональной насыщенности коммуникации. Одновременно обнаружено, что многие билингвы приобретают *двойную самоидентичность*, включающую элементы обеих культурных систем.

Результаты подтверждают выдвинутую гипоте-

зу о наличии специфических когнитивно-эмоциональных проявлений вторичной языковой личности. Второй язык действительно может “смещать” некоторые параметры поведения и самовосприятия, но эти изменения не носят патологического характера, а отражают адаптацию личности к новой культурно-речевой среде. Теоретическое значение полученных данных состоит в углублении понимания механизмов культурно-языкового влияния на психику индивида, в частности в подтверждении феномена культурно-языкового переключения личности и эмоциональной депотенциации L2.

Практическая значимость работы заключается в ряде рекомендаций. В области обучения иностранным языкам важно уделять внимание не только развитию языковой компетенции, но и поддержке личностной интеграции учащихся. Преподавателям полезно знать, что студенты могут чувствовать себя менее уверенно или “не собой” при использовании языка – создание психологически комфортной атмосферы, поощрение выражения эмоций на изучаемом языке, обсуждение культурных ценностей целевого языка помогут снизить этот дискомфорт. Также, осведомленность о когнитивно-эмоциональных особенностях билингвов важна для психологов и консультантов, работающих с мигрантами или людьми, живущими в двуязычной среде. Например, терапевтическая беседа на родном языке клиента может быть эмоционально более продуктивной, тогда как обсуждение травмирующих событий на втором языке иногда позволяет снизить болезненность переживаний. Понимание того, что смена языка может временно изменять поведение человека, полезно и для самих билингвов – осознав природу своих ощущений, они легче преодолевают возможные кризисы идентичности.

В перспективе дальнейшие исследования вторичной языковой личности могут включать расширение выборок (разные комбинации языков, разные возрастные группы билингвов) и использование междисциплинарных методов (например, нейролингвистических). Это позволит более полно раскрыть потенциал билингвизма для развития человеческой личности. Совокупность когнитивных и эмоциональных приобретений, приносимых вторым языком, делает билингва носителем уникального опыта “жизни в двух мирах”, и изучение этого опыта обогащает как лингвистику, так и психологию личности.

Список источников

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Зинченко Ю.П., Шайгерова Л.А., Долгих А.Г., Савельева О.А. Методологические проблемы исследования влияния двуязычия на когнитивные процессы и этнокультурную идентичность // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2019. № 1. С. 174 – 194.
3. Alqarni Nawaf Mohammed, Dewaele Jean-Marc. Bilingualism and emotional competence: evidence from Saudi Arabic-English speakers // International Journal of Bilingualism. 2018. Vol. 22. Issue 5. P. 530 – 546.
4. Caldwell-Harris Catherine L. Emotionality differences between a native and foreign language: theoretical implications // Frontiers in Psychology. 2014. Vol. 5. Article 1055.
5. Costa Albert, Foucart Alice, Hayakawa Sayuri et al. Your morals depend on language // Public Library of Science ONE (PLoS ONE). 2014. Vol. 9. Issue 4. Article e94842.
6. Gianola Michael, Llabre Maria M., Losin Emily A.R. Language dominance and cultural identity predict variation in self-reported personality in English and Spanish among Hispanic/Latino bilingual adults // Journal of Personality Assessment. 2025. Vol. 107. Issue 3. P. 361 – 373.
7. Hong Ying-yi, Morris Michael W., Chiu Chi-yue, Benet-Martínez Veronica Multicultural minds: A dynamic constructivist approach to culture and cognition // American Psychologist. 2000. Vol. 55. № 7. P. 709 – 720.
8. Matsumoto David, Hwang Hyisung S. Culture and emotion: The integration of biological and cultural contributions // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2018. Vol. 49. № 1. P. 134 – 153.
9. Ożańska-Ponikwia K. Emotional intelligence and language-dependent emotional perception among bilinguals // Journal of Psycholinguistic Research. 2024. Vol. 53. № 2. P. 281 – 295.
10. Purpuri Silvia, Mulatti Claudio, Filippi Roberta, Treccani Barbara Inside the kaleidoscope: unravelling the “feeling different” experience of bicultural bilinguals // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. Article 1376076.

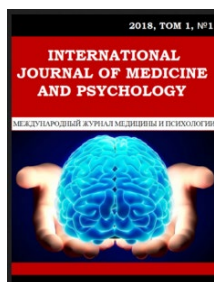
References

1. Azimov E.G., Shchukin A.N. New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching). Moscow: IKAR Publishing House, 2009. 448 p.
2. Zinchenko Yu.P., Shaigerova L.A., Dolgikh A.G., Savelyeva O.A. Methodological problems of studying the influence of bilingualism on cognitive processes and ethnocultural identity. Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology. 2019. No. 1. P. 174 – 194.
3. Alqarni Nawaf Mohammed, Dewaele Jean-Marc. Bilingualism and emotional competence: evidence from Saudi Arabic-English speakers. International Journal of Bilingualism. 2018. Vol. 22. Issue 5. P. 530 – 546.
4. Caldwell-Harris Catherine L. Emotionality differences between a native and foreign language: theoretical implications. Frontiers in Psychology. 2014. Vol. 5. Article 1055.
5. Costa Albert, Foucart Alice, Hayakawa Sayuri et al. Your morals depend on language. Public Library of Science ONE (PLoS ONE). 2014. Vol. 9. Issue 4. Article e94842.
6. Gianola Michael, Llabre Maria M., Losin Emily A.R. Language dominance and cultural identity predict variation in self-reported personality in English and Spanish among Hispanic/Latino bilingual adults. Journal of Personality Assessment. 2025. Vol. 107. Issue 3. P. 361 – 373.
7. Hong Ying-yi, Morris Michael W., Chiu Chi-yue, Benet-Martínez Veronica Multicultural minds: A dynamic constructivist approach to culture and cognition. American Psychologist. 2000. Vol. 55. No. 7. P. 709 – 720.
8. Matsumoto David, Hwang Hyisung S. Culture and emotion: The integration of biological and cultural contributions. Journal of Cross-Cultural Psychology. 2018. Vol. 49. No. 1. P. 134 – 153.
9. Ożańska-Ponikwia K. Emotional intelligence and language-dependent emotional perception among bilinguals. Journal of Psycholinguistic Research. 2024. Vol. 53. No. 2. P. 281 – 295.
10. Purpuri Silvia, Mulatti Claudio, Filippi Roberta, Treccani Barbara Inside the kaleidoscope: unravelling the “feeling different” experience of bicultural bilinguals. Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. Article 1376076.

Информация об авторе

Алыбин Е.А., аспирант, Московская международная академия, lampra123@bk.ru

© Алыбин Е.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 796.01:159.9

¹ Орлов В.В.,

² Иванова М.М.,

² Шапкин П.А.,

¹ ОРОО «Региональная федерация рукопашного боя»,

² Алтайский государственный педагогический университет

Анализ зарубежных подходов к управлению психологической подготовкой студентов

Аннотация: в последние десятилетие российскому студенческому спорту уделяется значительное внимание со стороны государства, в частности: пропаганде и привлечению к здоровому образу жизни молодежи, организации и проведению спортивно-массовых мероприятий с привлечением студентов, формированию гражданственности и патриотизма, развитию духовных и моральных ценностей и т.д. [13]. Для достижения высоких спортивных результатов, необходима комплексная подготовка студентов-спортсменов. В данной статье мы рассмотрим специфику психологической подготовки в студенческих баскетбольных командах. В современном отечественном студенческом баскетболе актуальной является проблема подготовки к выступлению спортсменов, способных проявлять конкуренцию, в том числе и иностранным спортсменам, это обуславливает необходимость совершенствования учебно-тренировочного процесса, поиска новых научно-методических подходов и средств подготовки в студенческом баскетболе. В последние десятилетия спортивными психологами отмечается, что при высоком уровне физической, технической и тактической подготовки игроков, когда их подготовленность находится примерно на одном уровне, исход игры обеспечивается психологическими факторами, среди которых: уровень мотивации, групповая сплоченность, сыгранность, умение управлять своим состоянием и пр. Анализ специальной литературы свидетельствует о том, что исследования, посвященные психологической подготовке баскетболистов ограничиваются декларацией необходимости ее осуществления и подбором нескольких относительно унифицированных и носящих обобщающий характер рекомендаций. Цель исследования заключается в выявлении общих черт и ключевых различий психологической подготовки баскетболистов, а также определении возможности адаптации зарубежных подходов к российским реалиям психолого-педагогической подготовки. Объектом исследования является процесс психолого-педагогической подготовки студентов-баскетболистов в научно-методической литературе зарубежных стран. Предметом исследования являются сходства и различия в психолого-педагогической подготовке отечественных и зарубежных студентов-баскетболистов.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, образовательный процесс, учебно-тренировочный процесс, баскетбол, психолого-педагогическая подготовка, методики подготовки, педагогическое исследование

Для цитирования: Орлов В.В., Иванова М.М., Шапкин П.А. Анализ зарубежных подходов к управлению психологической подготовкой студентов // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 93 – 98.

Поступила в редакцию: 6 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Orlov V.V.,
² Ivanova M.M.,
² Shapkin P.A.

¹ NGO «Regional Federation of hand-to-hand combat»,
² Altai State Pedagogical University

Analysis of foreign approaches to the management of psychological training of students

Abstract: in the last decade, significant attention has been paid to Russian student sports by the state, in particular: the promotion and involvement of young people in a healthy lifestyle, the organization and holding of mass sports events involving students, the formation of citizenship and patriotism, the development of spiritual and moral values, etc. [13]. In order to achieve high athletic results, comprehensive training of student-athletes is necessary. In this article, we will look at the specifics of psychological training in student basketball teams. In modern Russian student basketball, the problem of preparing athletes capable of competing, including foreign athletes, is urgent, which necessitates the improvement of the educational and training process, the search for new scientific and methodological approaches and training tools in student basketball. In recent decades, sports psychologists have noted that with a high level of physical, technical and tactical training of players, when their fitness is approximately at the same level, the outcome of the game is ensured by psychological factors, including: the level of motivation, group cohesion, teamwork, the ability to manage their condition, etc. An analysis of the specialized literature indicates that research on the psychological training of basketball players is limited to a declaration of the need for its implementation and the selection of several relatively unified and generalizing recommendations. The purpose of the study is to identify common features and key differences in the psychological training of basketball players, as well as to determine the possibility of adapting foreign approaches to the Russian realities of psychological and pedagogical training. The object of the research is the process of psychological and pedagogical training of basketball students in the scientific and methodological literature of foreign countries. The subject of the study is the similarities and differences in the psychological and pedagogical training of domestic and foreign basketball students. The main research method was the analysis of scientific and methodological literature on the research problem. The article presents a comparative analysis of the psychological and pedagogical training of basketball students in the USA and China, highlights the most successful practices of psychotic basketball support that can be applied in the practice of domestic higher education.

Keywords: higher education institution, educational process, educational and training process, basketball, psychological and pedagogical training, training methods, pedagogical research

For citation: Orlov V.V., Ivanova M.M., Shapkin P.A. Analysis of foreign approaches to the management of psychological training of students. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 93 – 98.

The article was submitted: March 6, 2025; Approved after reviewing: May 8, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

В настоящее время баскетбол является одним из самых популярных игровых видов спорта. На протяжении всего периода развития данного вида спорта прослеживается тенденция, связанная с тем, что в странах с высоким уровнем научно-исследовательской базы в различных сферах науки (психология, физиология, биохимия, теория и методика физического воспитания и спорта и т.д.) значительно больше успешных выступлений команд на международных соревнованиях и высококвалифицированных игроков, способных играть на самом высоком уровне. Из этого следует, что для успешного развития баскетбола нужна систематизация и анализ передовых и устоявшихся подходов в предметных областях, в частности

психологии. Изучение зарубежных методик и сравнение с отечественными позволит обогатить отечественную практику инструментами психологической подготовки студентов-спортсменов.

Материалы и методы исследований

Основным методом исследования выступил анализ научно-методической литературы по проблеме исследования. В статье представлен сравнительный анализ психолого-педагогической подготовки студентов-баскетболистов в США и Китае, выделены наиболее успешные практики психотического сопровождения баскетбола, которые могут быть применены в практике отечественной высшей школы.

Результаты и обсуждения

Под психологической подготовкой в спорте понимается комплекс психологических и педагогических действий, направленный на совершенствование свойств личности, необходимых для эффективной подготовки к тренировочной и соревновательной деятельности. Психологическая подготовка в баскетболе основывается на общих подходах спортивной психологии, которые применяются в большинстве видов спорта, она подразделяется на общую и специальную. Общая психологическая подготовка направлена на адаптацию спортсменов к выбранному виду спорта, развитие волевых качеств, а также формирование психологических свойств и качеств, аутентичных данному виду спорта. Специальная психологическая подготовка предполагает более дифференцированную подготовку, направленную на формирование готовности к соревнованиям, к определенным нагрузкам, конкретному периоду учебно-тренировочного процесса и т.д. Поскольку баскетбол является командной игрой, значительное внимание уделяется психологической работе со спортивной командой, а именно сплочению, совершенствованию сыгранности и срабатываемости всех игроков. Особенностью баскетбола является то, что игрокам команды необходимо одновременно выполнять несколько игровых задач: атаковать, защищать, блокировать, забрасывать мяч и т.д. С целью овладения и ведения мячом игрокам необходимо ориентироваться на площадке, прогнозировать действия соперников, при этом держа в фокусе внимания остальных членов команды, в связи с этим доминирующая составляющая специальной психологической подготовки направлена на развитие и совершенствование психологических свойств и качеств спортсменов [1].

Российская психологическая программа подготовки баскетболистов рассматривается отечественными авторами как неотъемлемая часть общей спортивной подготовки, однако она остается менее развитой по сравнению с физической и технической составляющими [5]. В нашей стране больше уделяют внимание формированию морально-волевых качеств таких как: стойкость, решительность, дисциплина и т.д., больше внимания уделяется работе с тренером через воспитание психической устойчивости через коллективные тренировки и наставничество. В то время как индивидуальная работа проходит крайне редко и только со спортсменами высокой квалификации. Однако, как показал труд Алексеева «Себя преодолеть» в отечественной практике психологической подготовки чаще все методы можно изучить самостоятельно и применять на практике. Россий-

ские исследования также часто фокусируются на изучении предсоревновательных состояний в спорте [1]. Это неудивительно, так как все же тяжело найти отечественные исследования по спортивной психологии, в которых не упоминались предстартовые соревновательные состояния и различные способы их регуляции. Связано это с рассветом спортивной психологической науки в советский период. Однако в отличие от зарубежных работ, в отечественной литературе реже встречаются упоминания о современных технологиях, например, биообратной связи (БОС – технология, имеющая комплекс процедур, в ходе которых человеку в результате обратной связи, организованной на основе информационно-цифровых технологий, предоставляются данные о состоянии его основных физиологических процессов. Опираясь на полученную информацию с аппарата, спортсмен учится сознательно изменять видимые параметры при помощи специальных психофизиологических упражнений).

Проведенный аналитический обзор литературы свидетельствует о том, что специальных исследований в области психологической подготовки студентов-спортсменов в баскетболе недостаточно. Имеющиеся разработки базируются на подходе, отражающим в целом психологическую подготовку без специфики студенческой среды. В связи с этим, мы будем использовать результаты исследований, касающихся в целом психологической подготовки баскетболистов в зарубежных странах.

На сегодняшний день анализ зарубежной литературы свидетельствует о том, что самые передовые теоретические и практические спортивные новшества разрабатываются в США и КНР.

США насчитывают более чем 130-летнюю историю баскетбола, берущую свое начало от студенческой игры до современного культурно-спортивного феномена № 1 в мире. В современном баскетболе американские спортсмены занимают все ведущие позиции, в том числе и по количеству завоеванных медалей на Олимпийских играх.

Что касается баскетбола в Китае, то по статистике Китайской баскетбольной ассоциации, данный вид спорта является самым популярным в стране, в него играют до 300 миллионов жителей. На протяжении более чем 40 лет Китай является ведущим азиатским баскетбольным лидером. Так Зуенко Е.И. в своей работе «Три слагаемых успеха китайского баскетбола» выделил составляющие успеха данного вида спорта [3]. Первым условием является большое количество занимающихся по причине доступности инфраструктуры, второе – популяризация и высокий престиж баскетбола, обусловленный взаимодействием с американской

профессиональной лигой, третье – фактор полиэтничности КНР, связанный с привлечением иностранных игроков, что позволило китайским спортсменам преодолеть антропометрические ограничения. Несмотря на невысокий рост игроков, субтильное телосложение и в целом антропометрические показатели не свойственные для баскетбола.

Обзор литературы различных стран демонстрирует как сходства, так и различия с подходами, устоявшимися в отечественной науке. Исследования психологической подготовки баскетболистов в международной практике, особенно США и Китая, подчеркивают важность ментальных психических навыков. В американской научно-методической литературе акцент идет на создание индивидуальных программ подготовки баскетболистов. Например, исследования подчеркивают использование когнитивно-поведенческих методов для управления тревожностью, волнением и повышения уверенности игроков перед матчами. Ученые США акцентируют внимание на визуализации как ключевом инструменте, который помогает баскетболистам мысленно воспроизводить в сознании игровые ситуации, улучшая принятие решений во время игры. Это очень важный аспект подготовки, так как игра в баскетбол динамична и не предсказуема. Баскетболист должен быть готов ко всему, при этом располагая возможными сценариями технических действий в игровых ситуациях. Значительное внимание уделяется спортивным психологам в командах, которые проводят занятия по психической подготовке для оценки психоэмоционального состояния игроков и предложения стратегий для преодоления стресса [6].

Китайские исследования, напротив, чаще делают упор на коллективных аспектах психологической подготовки, что может отражать культурные особенности страны. В работах ученых Китая подчеркивается важность группового развития команды [11]. И это особо значимо так как, если все игроки на площадке будут способны проявлять максимальную эффективность в плане преодоления нервно-психических напряжений, то деятельность такой команды будет значительно результативнее [3].

Методы психологической подготовки китайских спортсменов, по своей сути отражают ментальность страны, проявляющуюся в отголосках традиционных философских школ буддизма, даосизма, конфуцианства, где основной идеей выступает гармония и единство душевного и телесного. Они включают тренировки по развитию командного духа, медитацию и дыхательные упражнения, заимствованные из традиционных практик, таких

как цигун и пр. Китайские авторы также исследуют влияние внешнего давления (например, ожиданий болельщиков и тренеров) на игроков и предлагают системные подходы к снижению нервно-психического воздействия через программы психологической подготовки [3, 4, 7, 10].

Общим для американской и китайской литературы является то, что психологическая подготовка должна интегрироваться в общий тренировочный процесс в целом, а не быть отдельным элементом от системы отбора и подготовки баскетболистов. Это актуально на всех уровнях игры. Однако американские исследования чаще опираются на количественные методы (опросы, тестирования), тогда как китайские работы нередко включают качественный анализ, основанный на наблюдениях за игроками на тренировках и играх. Однако, стоит подчеркнуть, что психологическая подготовка может варьироваться в разных клубах и спортивных школах и методы подготовки могут как быть похожими, так и отличаться.

Американские исследования в большей степени направлены на развитие индивидуальных психологических характеристик, что неудивительно [12]. Индивидуализм отражен в американской культуре. Китайская психологическая подготовка в баскетболе полная противоположность. Китайцы делают упор на коллективную психологию во многом это перекликается с российской системой.

Влияние современных технологий очень велико зарубежом. Так, например, это активное применение популярных технологий VR и AR (виртуальная и дополненная реальность). Такие технологии применяются очень широко не только в баскетболе на занятиях психологической подготовкой, но и во всех других видах спорта. Это делает направление виртуальной реальности весьма перспективным. К сожалению, в отечественной практике такое пока практически не встречается по причине нехватки средств и отсутствия специалистов, которые могли бы целенаправленно создавать тренировочные программы [6-8].

В США и Китае спортивный психолог является важной составляющей баскетбольной команды, тогда как в России его участие носит эпизодический характер, а функции специалиста часто возлагаются на тренера.

Зарубежные исследования Китая интегрируют традиционные практики, в то время как российская литература опирается на исторически сложившиеся представления о волевом воспитании, уходящие корнями в советскую спортивную школу.

Выводы

Обобщая проанализированные положения,

можно сформулировать следующие основные положения, обеспечивающие успешность развития баскетбола в передовых зарубежных странах:

1. Формирование мотивации к занятиям баскетболом у студентов с начала обучения в университете.
2. Применение ментальных тренировок с игроками.
3. На основе индивидуальной работы (наблюдение, беседа, тестирование) подбор персонализированных методов саморегуляции.
4. Рациональное распределение времени пси-

хологической подготовки как с группой, так и индивидуально с игроками.

5. Развитие и совершенствование творческого потенциала игроков.

В связи с тем, что количество исследований в области психолого-педагогической подготовки в студенческом баскетболе весьма ограничено, мы предполагаем, что можно заимствовать и экстраполировать результаты исследований в сфере профессионального спорта отечественных и зарубежных исследований, однако с учетом специфики студенческого спорта.

Список источников

1. Алексеев А.В. Себя преодолеть: психическая подготовка спортсменов. Москва: Физкультура и спорт, 1978. 144 с.
2. Зуенко И.Ю. Три слагаемых успеха китайского баскетбола // Известия Восточного института. 2019. № 2 (42). С. 112 – 122.
3. Михайловна А.М. Феномен китайского баскетбола и его влияние на мировой спорт // Global & Regional Research. 2024. Т. 6. № 2. С. 241 – 246.
4. Завьялов Д. А. Исторические аспекты развития баскетбола в школах Китайской Народной Республики // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2023. № 5 (219). С. 162 – 65.
5. Серебrenикова Н.А. Психолого-педагогические аспекты сопровождения спортивной карьеры // В сборнике: Физиологические и биохимические основы и педагогические технологии адаптации к разным по величине физическим нагрузкам: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Посвященной памяти доктора биол. наук, профессора А.С. Чинкина, 2017. С. 231 – 234.
6. Liat Kuffler-Bakalo Coach halftime speech and its influence on players performance // Abstract book, 15th European Congress of Sport & Exercise Psychology 15-20 July 2019, FEPSAC, Munster, Germany. P. 171.
7. Huili Li, Polarisation effect of time pressure: the effect of emotion on decision-making performance in basketball // Abstract book, 15th European Congress of Sport & Exercise Psychology 15-20 July 2019, FEPSAC, Munster, Germany. P. 296.
8. Niels Mertens Leading together towards a stronger 'Us': an experimental test of the 5RS shared leadership program in basketball teams // Niels Mertens¹, Filip Boen¹, Alex Haslam, Niklas K. Steffens, Stewart Cotterill³, Katrien Franssen¹ // Abstract book, 15th European Congress of Sport & Exercise Psychology 15-20 July 2019, FEPSAC, Munster, Germany. P. 91.
9. Weinberg R.S., Gould D. Psychological Skills Training for Basketball Players: Enhancing Performance Through Mental Toughness // Journal of Sport Psychology. 2023. № 45 (3). P. 215 – 230.
10. Li X., Zhang Y. The Role of Team Cohesion in the Psychological Preparation of Chinese Basketball Players: A Qualitative Study // International Journal of Sports Science & Coaching. 2022. № 17 (5). P. 1023 – 1035.
11. Where was basketball invented China?: сайт. URL: <https://basketball-fandom.com/> (дата обращения: 29.01.2025)
12. The Role of Psychology in Basketball URL: <https://basketballtrainer.com/role-of-psychology-in-basketball/> (дата обращения: 29.01.2025)
13. «Методические рекомендации по развитию студенческого спорта в Российской Федерации» (утв. Минобрнауки России 01.12.2023, Минспортом России 05.12.2023, Минпросвещением России 04.12.2023). URL: <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-razvitiuu-studencheskogo-sporta-v-rossiiskoi-federatsii/?ysclid=mag59btp4i146435109> (дата обращения: 29.01.2025)

References

1. Alekseev A.V. Overcome Yourself: Mental Fitness of Athletes. Moscow: Physical Culture and Sport, 1978. 144 p.
2. Zuenko I.Yu. Three Components of the Success of Chinese Basketball. Bulletin of the Eastern Institute. 2019. No. 2 (42). P. 112 – 122.

3. Mikhailovna A.M. The Phenomenon of Chinese Basketball and Its Impact on World Sports. *Global & Regional Research*. 2024. Vol. 6. No. 2. P. 241 – 246.
4. Zavyalov D.A. Historical Aspects of the Development of Basketball in Schools of the People's Republic of China. *Scientific Notes of P.F. Lesgaft University*. 2023. No. 5 (219). P. 162 – 65.
5. Serebrennikova N.A. Psychological and pedagogical aspects of sports career support. In the collection: Physiological and biochemical foundations and pedagogical technologies of adaptation to physical loads of different magnitudes: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Dedicated to the memory of Doctor of Biological Sciences, Professor A.S. Chinkin, 2017. P. 231 – 234.
6. Liat Kuffler-Bakalo Coach halftime speech and its influence on players performance. Abstract book, 15th European Congress of Sport & Exercise Psychology 15-20 July 2019, FEPSAC, Munster, Germany. P. 171.
7. Huili Li, Polarisation effect of time pressure: the effect of emotion on decision-making performance in basketball. Abstract book, 15th European Congress of Sport & Exercise Psychology 15-20 July 2019, FEPSAC, Munster, Germany. P. 296.
8. Niels Mertens Leading together towards a stronger 'Us': an experimental test of the 5RS shared leadership program in basketball teams. Niels Mertens¹, Filip Boen¹, Alex Haslam, Niklas K. Steffens, Stewart Cotterill³, Katrien Fransen¹. Abstract book, 15th European Congress of Sport & Exercise Psychology 15-20 July 2019, FEPSAC, Munster, Germany. P. 91.
9. Weinberg R.S., Gould D. Psychological Skills Training for Basketball Players: Enhancing Performance Through Mental Toughness. *Journal of Sport Psychology*. 2023. No. 45 (3). P. 215 – 230.
10. Li X., Zhang Y. The Role of Team Cohesion in the Psychological Preparation of Chinese Basketball Players: A Qualitative Study. *International Journal of Sports Science & Coaching*. 2022. No. 17 (5). P. 1023 – 1035.
11. Where was basketball invented China?: website. URL: <https://basketball-fandom.com/> (date of access: 29.01.2025)
12. The Role of Psychology in Basketball URL: <https://basketballtrainer.com/role-of-psychology-in-basketball>. (date of access: 29.01.2025)
13. "Methodological recommendations for the development of student sports in the Russian Federation" (approved by the Ministry of Education and Science of Russia on 01.12.2023, the Ministry of Sport of Russia on 05.12.2023, the Ministry of Education of Russia on 04.12.2023). URL: <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-razvitiu-studencheskogo-sporta-v-rossiiskoi-federatsii/?ysclid=mag59btp4i146435109> (date accessed: 29.01.2025)

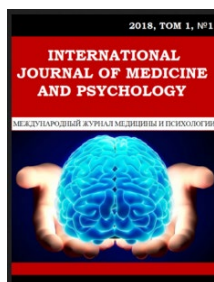
Информация об авторах

Орлов В.В., кандидат педагогических наук, доцент, старший тренер Федерации рукопашного боя г. Омска, inna.bludowa@yandex.ru

Иванова М.М., кандидат педагогических наук, Алтайский государственный педагогический университет, arinagleb17@rambler.ru

Шапкин П.А., Институт физической культуры и спорта, Алтайский государственный педагогический университет, pavelkovalenko@gmail.com

© Орлов В.В., Иванова М.М., Шапкин П.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.9.072.433

¹ Гончарова Е.В.,

¹ Маркова О.В.,

¹ Дальневосточный федеральный университет

Анализ особенностей трудовой мотивации у представителей поколений «X», «Y», «Z»

Аннотация: статья посвящена исследованию психологических особенностей трудовой мотивации представителей поколения X, Y и Z в контексте современных социокультурных трансформаций и возрастных различий. Исследование базируется на теории поколений У.Штрауса и Н.Хоува и опирается на эмпирические данные, полученные в результате психологической диагностики 90 работающих респондентов. В исследовании использованы валидизированные методики В.Герчикова, Э.Шейна, Дж.Барбуто и Р.Шолла.

Результаты показали достоверные различия в мотивационных структурах: представители поколения X ориентированы на профессиональную реализацию и признание, поколение Y – на материальное стимулирование и стабильность, а поколение Z – на самореализацию и инновационную деятельность. Полученные данные позволяют углубить психологическое понимание мотивации труда и адаптировать подходы к её исследованию с учётом межпоколенческих различий.

Ключевые слова: трудовая мотивация, поколение X, поколение Y, поколение Z, межпоколенческие различия, карьерные ориентации, мотивационные источники, психология труда

Для цитирования: Гончарова Е.В., Маркова О.В. Анализ особенностей трудовой мотивации у представителей поколений «X», «Y», «Z» // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 99 – 106.

Поступила в редакцию: 7 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Goncharova E.V.,

¹ Markova O.V.,

¹ Far Eastern Federal University

Analysis of the characteristics of work motivation among representatives of generations «X», «Y», «Z»

Abstract: this article explores the characteristics of work motivation among representatives of Generations X, Y, and Z in the context of sociocultural transformations and age-related differences. The study is grounded in the generational theory of W. Strauss and N. Howe and is based on empirical data obtained from a psychological survey of 90 working respondents. Validated diagnostic tools by V. Gerchikov, E. Schein, and J. Barbuto & R. Scholl were employed.

The results reveal statistically significant differences in motivational structures: Generation X prioritizes professional fulfillment and recognition, Generation Y focuses on financial rewards and job stability, while Generation Z seeks self-realization and opportunities for innovation. Distinct patterns of career orientation and motivational sources were also identified, highlighting the importance of generational affiliation as a determinant of work motivation. These findings contribute to a deeper psychological understanding of labor motivation and call for the integration of generational factors into its study.

Keywords: work motivation, Generation X, Generation Y, Generation Z, generational differences, career orientations, motivational sources, occupational psychology

For citation: Goncharova E.V., Markova O.V. Analysis of the characteristics of work motivation among representatives of generations «X», «Y», «Z». International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 99 – 106.

The article was submitted: March 7, 2025; Approved after reviewing: May 10, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Сегодня на рынке труда одновременно присутствуют представители нескольких поколений: бэби-бумеры, поколение X, миллениалы (поколение Y) и поколение Z [1]. Каждое из этих поколений имеет свои уникальные характеристики, ценности и ожидания от работы. Понимание этих различий позволяет более эффективно управлять человеческими ресурсами и формировать мотивационные стратегии, учитывающие возрастные особенности сотрудников [2]. В контексте анализа трудовой мотивации разных поколений, в данной работе мы будем придерживаться теории У. Штрауса и Н. Хоува. По их мнению поколения формируются под влиянием общих исторических и культурных событий, которые оказывают существенное воздействие на ценности, убеждения и поведение индивидов [3]. Эта теория выделяет существенные отличия между ними, анализируя изменения в социокультурной среде, которые формировали эти группы. Понимание этих различий позволяет более эффективно управлять человеческими ресурсами и формировать мотивационные стратегии, учитывающие возрастные особенности сотрудников. Теория Штрауса и Хоува определяет временные границы поколений следующим образом:

- X: 1967-1984
- Y или миллениалы: 1985-1999
- Z или зумеры: 2000-2012 [4].

В рамках нашей работы, мы будем придерживаться именно данной временной периодики (рамки выборки для поколения Z сокращены – 2000-2005 гг.)

Целью данной работы мы поставили выявление различий в уровне и структуре трудовой мотивации у представителей поколений «X», «Y» и «Z» для эффективного стимулирования рабочей деятельности сотрудников. В соответствии с целью были определены задачи исследования: провести эмпирическое исследование уровня и структуры трудовой мотивации у представителей поколений «X», «Y» и «Z» и определить общие черты и различия в ценностях, предпочтениях и подходах к

работе у представителей поколений «X», «Y» и «Z».

Коротко рассмотрим характеристики групп, которые составляют основную массу соискателей – X, миллениалы, зумеры. По данным Росстата, в общем населении России поколение X составляет 28,7%, Y – 20,5%, Z – 16,3% [5].

Поколение X, сформированное в период с конца 1960-х до середины 1980-х годов, характеризуется уникальным сочетанием обстоятельств. Люди этого поколения сталкивались с изменениями в технологии, такими как появление компьютеров и развитие интернета, но в то же время, их детство прошло в условиях холодной войны [6]. Члены поколения X, как правило, проявляют скептицизм к власти, имеют выраженный профессиональный прагматизм и присущи независимость и самостоятельность в принятии решений [7].

Поколение Y, также известное как миллениалы, охватывает период с середины 1980-х до конца 1990-х. Эти индивиды стали первыми, кто полностью погрузился в цифровую эпоху. Их социальное окружение было отмечено быстрым развитием интернета, мобильных технологий и социальных сетей [8]. Миллениалы, как правило, ценят инновации, разнообразие и работы, которые приносят личное удовлетворение.

Поколение Z, родившееся с начала 2000-х до начала 2010-х, представляет собой первое поколение, полностью выросшее в эпоху цифровых технологий [9]. Для Z-поколения характерны высокая технологическая грамотность, культурная разнообразность и активное участие в социальных и экологических вопросах. Знание современных технологий является для них неотъемлемой частью бытия [10].

Пока на рынке труда преобладают представители поколений X и Y. Но совсем скоро зумеры массово выйдут на рынок труда [11]. По данным ООН, на ближайшие 20 лет поколение Z станет самым многочисленным в мире: его доля в общей численности населения планеты превышает четверть (26%) [12].

Материалы и методы исследований

В рамках данного исследования как наиболее подходящие для анализа трудовой мотивации разных поколений были выбраны:

- «Тест Герчикова»,
- «Якори карьеры» Э. Шейна
- «Опросник мотивационных источников»

Дж. Барбуто и Р. Шолла.

Эти методики выделены за их стандартизированный подход, способность учитывать карьерные аспекты и иерархию мотивационных факторов, что обеспечивает комплексное понимание мотивации сотрудников в современных условиях.

Базой исследования послужил АО «Центр судоремонта „Дальзавод“». В общей сложности в исследовании приняли участие 90 представителей поколений «X», «Y», «Z». Сформирована выборка из 90 человек, по 30 представителей разных поколений, каждая группа представителей разных

поколений в свою очередь была сформирована из равного количества мужчин и женщин.

Методами, примененными в исследовании являются психодиагностические методы, включающие в себя тесты, опросники, анкеты. Математико-статистический анализ и обработка результатов проводилась с помощью статистических пакетов SPSS Statistics 20.1. Интерпретация обработанного материала производилась структурным методом.

Результаты и обсуждения

Все результаты по методике «Оценка трудовой мотивации» В. Герчикова были переведены в проценты от максимального бала по каждой шкале, в результате стало возможным их сравнивать в пределах одного человека. Почти все результаты, распределились между инструментальной и профессиональной мотивациями, хозяйский и люмпенизированный тип трудовой мотивации не были отданы предпочтения. Ведущие мотивы трудовой деятельности представителей разных поколений отражены на рис. 1.

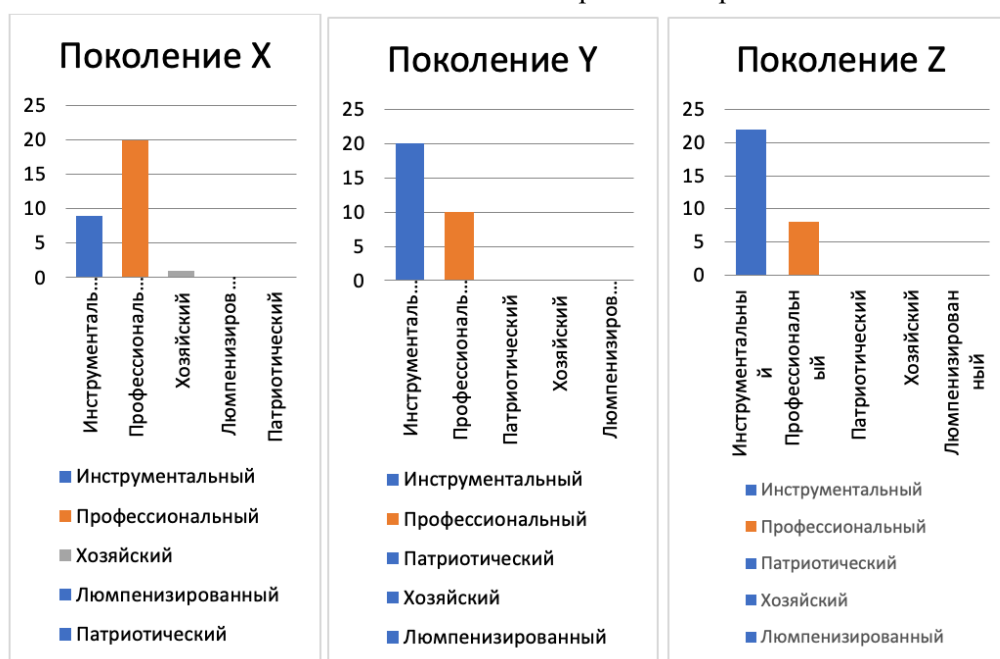

Рис. 1. Исследование ведущих мотивов трудовой мотивации методикой В. Герчикова у представителей разных поколений.

Fig. 1. A study of the leading motives of labor motivation using V. Gerchikov's method among representatives of different generations.

Итак, представителей поколения X при выборе работы в большей степени интересует содержание работы и ее интересность, стремятся к самовыражению через работу, значима свобода в оперативных действиях, важно признание его как профессионала. Представителей поколений Y и Z в большей степени мотивирует не содержание труда, а его оплата, однако заработная плата должна

быть справедливой для них, им важно самостоятельно обеспечивать свою жизнь.

Результаты выявления различий в типов трудовых мотиваций методикой В. Герчикова у представителей различных поколений критерием Крускала-Уолеса, который характеризует равенство медиан нескольких выборок, отражены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты выявления ведущих моделей трудовой мотивации у представителей различных поколений.

Table 1

Results of identifying leading models of work motivation among representatives of different generations.

Тип мотива- ции	Инструментальный	Профессиональный	Патриотический	Хозяйский	Люмпенизи- рованный
поколение X	9,3	11,6	3,5	4,8	4,1
поколение Y	12,5	10	3,7	5,4	3,6
поколение Z	9,3	11,6	3,5	4,8	4,1
$H_{ЭМП}$	17,576**	7,399*	0,625	4,64	3,871

Примечание: * – различия достоверны, при $p < 0,05$; ** – различия достоверны, при $p < 0,01$.

Note: * – differences are significant at $p < 0.05$; ** – differences are significant at $p < 0.01$.

Итак, можно увидеть сходство и различия в трудовой мотивации у типичных представителей разных поколений:

Трудовая мотивация типичных представителей поколения X и Z отличается акцентом на профессиональной деятельности, самовыражении и свободе в работе, в то время как в поколении Y основным фокусом является финансовая стабильность и оплата труда, с участием профессионального интереса;

Поколения X и Z проявляют наименьшую

склонность к патриотическому типу мотивации, в то время как у поколения Y наименее выражен люмпенизированный тип мотивации, связанный с низкой квалификацией и избеганием ответственности.

По результатам исследования ценностных ориентаций в карьере методикой «Якоря карьеры» для каждого респондента были определены ведущие ценностные ориентации, результаты чего отражены на рис. 2.

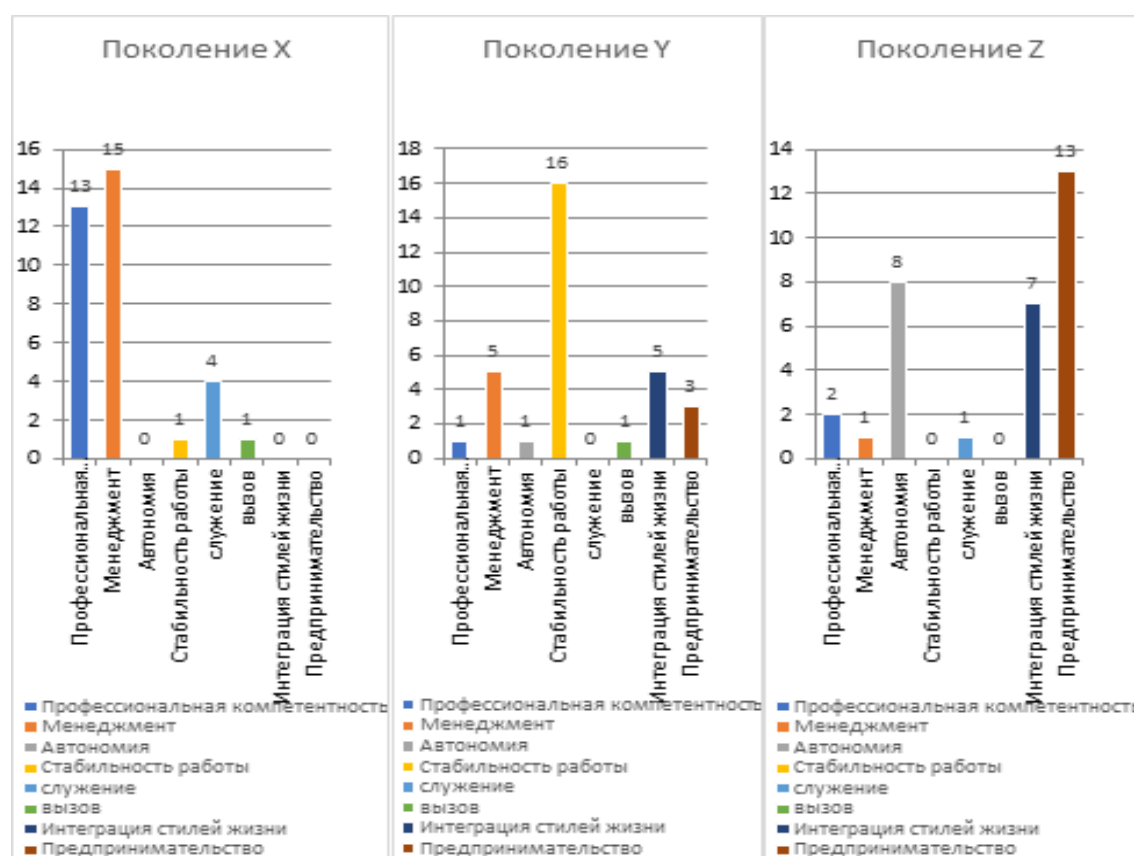

Рис. 2. Ведущие ценностные ориентации в карьере, выявленные методикой «Якоря карьеры» у представителей разных поколений.

Fig. 2. Leading value orientations in career, identified by the “Career Anchor” method among representatives of different generations.

Итак, большинство представителей поколения X имеют ведущими ценностными ориентациями менеджмент и профессиональную компетентность, большинство представителей поколения Y имеют ведущей ценностной ориентацией стабильность работы, большинство представителей поколения Z имеют ведущей ценностной ориентацией стабильность предпринимательство.

Если сравнивать полученные результаты с гипотезой о ведущей мотивации поколения X, можно увидеть, что ценностные ориентации в карьере позволяют представителям поколения X получить высокий статус. Поколение Y может получить

стабильный финансовый доход, если профессиональная деятельность обеспечит ему наличие социальных гарантий и возможность строить карьеру. Самовыражение представителей поколения Z реализуется через воплощение ими оригинальной идеи. Как видно, исследование ценностных ориентаций в карьере позволяет подтвердить поставленную гипотезу.

Результаты выявления различий в типах ценностных ориентаций в карьере у представителей различных поколений критерием Крускала-Уолеса, отражены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты выявления различий в ценностных ориентациях в карьере у представителей различных поколений.

Table 2

Results of identifying differences in value orientations in careers among representatives of different generations.

Тип мотивации	Профессиональная компетентность	Менеджмент	Автономия (независимость):	Стабильность работы	Стабильность места жительства	Служение	Вызов	Интеграция стилей жизни	Предпринимательство
поколение X	41,4	35,9	22	21,3	18,3	30,6	21,4	31,1	20
поколение Y	26,8	33,3	23,1	38,3	13,3	18,7	24,8	30,8	25,5
поколение Z	27,1	23	36,1	20	16,3	28,2	19,9	35,8	38,9
$H_{эмп}$	44,071**	31,343**	32,282**	58,141**	7,53*	21,173**	3,712	7,161	36,283

Примечание: * – различия достоверны, при $p < 0,05$; ** – различия достоверны, при $p < 0,01$.

Note: * – differences are significant at $p < 0.05$; ** – differences are significant at $p < 0.01$.

Итак, ориентации в карьере у типичных представителей разных поколений различаются следующим: представители поколения X стремятся к профессиональной компетентности и управлению проектами, поколение Y ценит стабильность работы и возможность создания новых продуктов, в то время как представители поколения Z выделяются желанием создавать новые проекты и стремлением к гармонии между карьерой и личной жизнью.

Однако всех объединяет стремление к профессиональному успеху и приверженность качественной профессиональной деятельности.

Согласно результатам исследования методикой «Опросник мотивационных источников» Дж. Барбуто и Р. Сколл, по мотивационным источникам каждого человека были выделены ведущие мотивационные источники, что отражено на рис. 3.

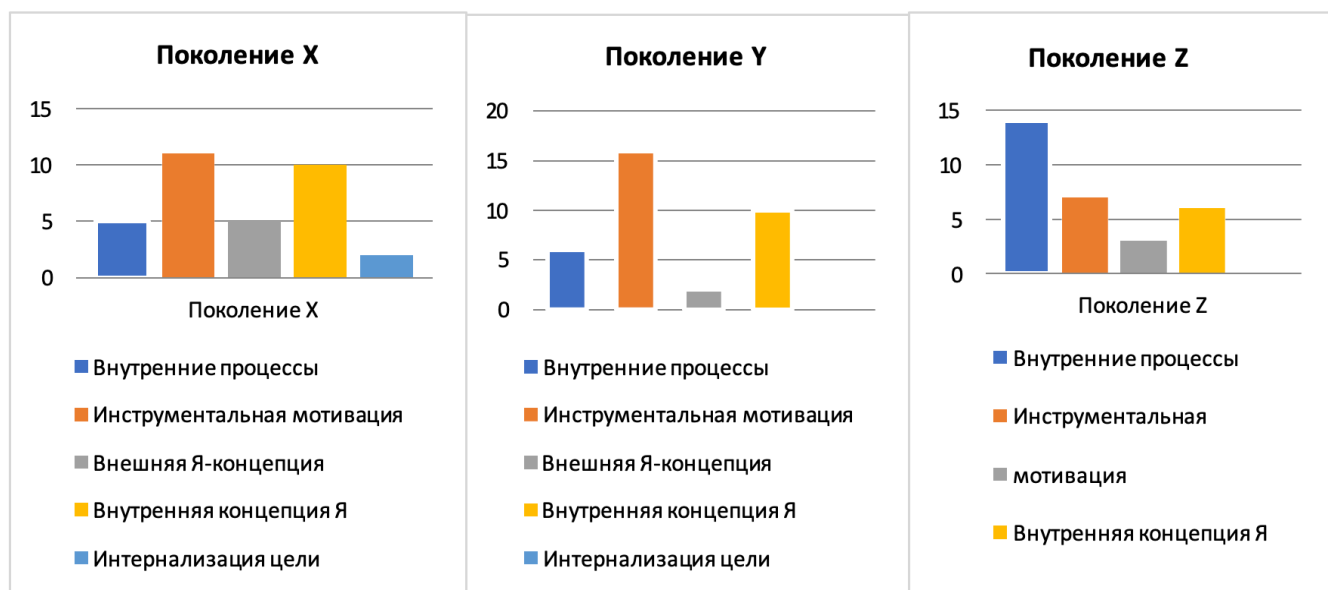

Рис. 3. Исследование мотивационных источников у представителей разных поколений методикой «Опросник мотивационных источников».

Fig. 1. Study of motivational sources among representatives of different generations using the “Questionnaire of motivational sources” method.

Итак, при выборе работы представителей поколений X и Y чаще мотивирует заработная плата и самооценność, представителей поколения Z в большей степени мотивирует желание получать удовольствие от профессиональной деятельности.

Результаты выявления различий в мотивационных источниках у представителей различных поколений критерием Крускала-Уолеса, отражены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты выявления различий в мотивационных источниках у представителей различных поколений

Table 3

Results of identifying differences in motivational sources among representatives of different generations

Мотивационные источники	Внутренние процессы	Инструментальная мотивация	Внешняя Я-концепция	Внутренняя концепция Я	Интернализация цели
поколение X	4,2	6,2	3,4	6,6	1,3
поколение Y	6,5	7,4	-0,3	6,7	3,2
поколение Z	8,8	7,5	2,1	8,1	2,4
Нэмп	12,6**	2,3	10,5**	3,3	1,3

Примечание: * – различия достоверны, при $p < 0,05$; ** – различия достоверны, при $p < 0,01$.

Note: * – differences are significant at $p < 0.05$; ** – differences are significant at $p < 0.01$.

Анализируя совпадение полученных результатов мотивационных источников, можно отметить, что есть совпадения у типичных представителей поколений Y и Z: у типичного представителя поколения Y ведущей мотивацией является финансовый доход, который реализуется через получение материальной оплаты труда; у типичного представителя поколения Y ведущей является самореализация через получение удовольствия от профессиональной деятельности.

Таким образом, существуют достоверные различия в трудовой мотивации представителей разных поколений:

– представители поколения X предпочитают трудовую мотивацию, ориентированную на достижение результатов и стремление к управлению, проявляя предпочтение к карьере, которая позволит проявить собственные таланты и управлять людьми или проектами, также им важно подтверждение их профессиональной компетентности;

– представители поколения Y проявляют трудовую мотивацию, сконцентрированную на альтруизме и материальных вознаграждениях, отличаются стремлением к стабильности в выборе карьеры, где имеется возможность прогнозировать карьерный рост, заработную плату и социальные гарантии, одновременно предпочитая работать в собственном ритме и соответствовать собственным стандартам, их трудовая мотивация в значительной степени связана с получением справедливой оплаты труда и другими материальными поощрениями;

– трудовая мотивация представителей поколения Z акцентируется на альтруизме и стремлении к созданию нового, осуществлению оригинальных идей, а также желании заниматься собственным бизнесом, они в значительной степени ориентированы на получение справедливой оплаты труда и чаще выбирают работу, которая интересна лично им.

Выводы

Учитывая результаты исследования, можно увидеть, что представители разных поколений обладают разными трудовыми мотивами, которые определяют их удовлетворенность работой, карьерой, взаимоотношениями в коллективе. Так, поколению X важна внутренняя самоидентификация и

сохранение компетенций, Y – оценка труда через вознаграждение, а Z – получение удовольствия от процесса работы. При этом общим является стремление составлять себя как профессионала и ценить процесс труда.

Представленное исследование вносит вклад в развитие психологической науки, расширяя существующие представления о трудовой мотивации за счёт включения межпоколенческого аспекта. Полученные результаты демонстрируют, что поколенческая принадлежность оказывает значимое влияние на структуру мотивации к трудовой деятельности.

Выводы, представленные в статье, ограничены конкретной региональной выборкой и числом респондентов. Это предопределяет необходимость дальнейшего подтверждения выявленных закономерностей на более широких и репрезентативных выборках. Кроме того, представляется перспективным расширение анализа за счёт включения дополнительных переменных, таких как профессиональная сфера, уровень образования, культурные различия и этап профессионального пути, что позволит более комплексно описывать мотивационные установки работников различных поколений.

Список источников

1. Зименкова А.А., Котенко Е.А., Парамонова Т.А. и др. Ценностные характеристики и особенности мотивации трудовой деятельности поколения Z // УПИРР. 2018. № 6. С. 49 – 58.
2. Семенова Д. В. Современные теории мотивации и их значение в практике управления человеческими ресурсами // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2019. № 18. С. 48 – 64.
3. Дзахова Л. Х. Современная концепция «Эстафеты поколений» в эволюционном измерении // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 2. С. 58 – 69.
4. Ростова А.Т. Циклическое воспроизводство социальных тенденций в теории поколений В. Штрауса и Н. Хоува // *Juvenis scientia*. 2020. № 7. С. 99 – 110.
5. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту / Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. Москва. Дата обновления: 2024 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 19.02.2025)
6. Воронцова Ю.А. Теоретическая основа теории поколений // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. № 3 (72). С. 88 – 96.
7. Барков С.А., Земляков Д.Н., Юрасова М.В. Особенности восприятия российскими работодателями проблемы занятости старшего поколения: опыт социологического анализа // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 1. С. 91 – 104.
8. Астахова Ю.В. Теория поколений в маркетинге // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2022. № 1. С. 26 – 44.
9. Пономарева Е.С. Теория поколений // Достижения науки и образования. 2020. №8 (21). С. 111 – 126.
10. Депутатова Л.Н., Шишкина К.А. Мотивация персонала в контексте теории поколений // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. № 2. С. 178 – 191.

11. Секерин В.Д., Горяинова А.И., Семенова В.В. Особенности трудовой мотивации сотрудников поколения z // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2022. № 4. С. 69 – 75.

12. Гурова И. М., Евдокимова С. Ш. Теория поколений как инструмент анализа, формирования и развития трудового потенциала // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. № 3 (27). С. 59 – 81.

References

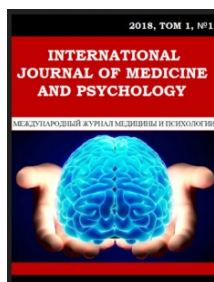
1. Zimenkova A.A., Kotenko E.A., Paramonova T.A., et al. Value characteristics and features of labor motivation of generation z. UPIRR. 2018. No. 6. P. 49 – 58.
2. Semenova D.V. Modern theories of motivation and their importance in the practice of human resources management. Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application. 2019. No. 18. P. 48 – 64.
3. Dzakhova L.Kh. Modern concept of the "Relay of Generations" in the elitological dimension. State and municipal administration. Scientific notes. 2019. No. 2. P. 58 – 69.
4. Rostova A.T. Cyclic reproduction of social trends in the theory of generations of W. Strauss and N. Howe. Juvenis scientia. 2020. No. 7. P. 99 – 110.
5. Population of the Russian Federation by gender and age. Federal State Statistics Service: official website. Moscow. Date of update: 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (date of access: 02.19.2025)
6. Vorontsova Yu.A. Theoretical basis of the theory of generations. Scientific notes of OSU. Series: Humanities and social sciences. 2023. No. 3 (72). P. 88 – 96.
7. Barkov S.A., Zemlyakov D.N., Yurasova M.V. Features of perception of the problem of employment of the older generation by Russian employers: experience of sociological analysis. Standard of living of the population of the regions of Russia. 2024. Vol. 20. No. 1. P. 91 – 104.
8. Astashova Yu.V. Theory of generations in marketing. Bulletin of SUSU. Series: Economics and management. 2022. No. 1. P. 26 – 44.
9. Ponomareva E.S. Theory of generations. Achievements of science and education. 2020. No. 8 (21). P. 111 – 126.
10. Deputatova L.N., Shishkina K.A. Personnel motivation in the context of the theory of generations. Bulletin of PNRPU. Social and economic sciences. 2019. No. 2. P. 178 – 191.
11. Sekerin V.D., Goryainova A.I., Semenova V.V. Features of labor motivation of employees of generation z. Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Economics. 2022. No. 4. P. 69 – 75.
12. Gurova I.M., Evdokimova S.Sh. Theory of generations as a tool for analysis, formation and development of labor potential. MIR (Modernization. Innovations. Development). 2021. No. 3 (27). P. 59 – 81.

Информация об авторах

Гончарова Е.В., Дальневосточный федеральный университет, goncharova.ev@dvfu.ru

Маркова О.В., кандидат психологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, 690922, markova.ov@dvfu.ru

© Гончарова Е.В., Маркова О.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

¹ **Кречетов И.А.,**

^{1, 2} **Козьяков Р.В.,**

¹ *Московский инновационный университет,*

² *Институт психологии Российской академии наук*

Развитие правильного восприятия эмоционального состояния соперника в ходе уроков по самбо

Аннотация: в настоящей работе рассматриваются вопросы становления у обучающихся самбо устойчивых компетенций в области идентификации и толкования эмоциональных проявлений оппонента в процессе учебно-тренировочной деятельности. Уделяется внимание на теоретическом обосновании целесообразности культивирования чуткости к эмоциональным оттенкам, проявляющимся в процессе схватки. Данный подход детерминирован возросшими запросами к психологической выносливости и тактической многогранности современного спортсмена. Программа исследования построена на сочетании наблюдений за деятельностью юных самбистов и анализа результативности пробных боёв в зависимости от правильности распознавания психологического состояния соперника. Перечислены педагогические условия, формирующие полноценные механизмы развития эмоциональной чувствительности, детализированы методические приёмы внесения корректирующих тренировочных воздействий на различных этапах образовательного процесса. Практические рекомендации нацелены на ввод многоступенчатых тренировок, направленных на совершенствование коммуникации в парных и групповых упражнениях, необходимых для соревновательной адаптивности, уверенности в экстремальных условиях взаимодействия в дуэльной и командной борьбе. Полученные результаты могут быть востребованы в практике организации образовательных программ, направленных на подготовку специалистов в области спортивных единоборств, а также для разработки авторских методик совершенствования психолого-эмоционального компонента тренировки.

Ключевые слова: самбо, эмоциональное восприятие, психологическая подготовка, тренировка, соперник, спортивная психология, методика обучения, соревновательная деятельность

Для цитирования: Кречетов И.А., Козьяков Р.В. Развитие правильного восприятия эмоционального состояния соперника в ходе уроков по самбо // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 107 – 115.

Поступила в редакцию: 7 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ **Krechetov I.A.,**

^{1, 2} **Kozyakov R.V.,**

¹ *Moscow Innovation University,*

² *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*

Development of accurate perception of opponent's emotional state during sambo lessons

Abstract: this study presents a comprehensive analysis of the formation of stable skills in identifying and interpreting the emotional expressions of opponents among sambo students during educational training sessions. Special attention is given to the theoretical justification for the necessity of developing sensitivity to emotional nuances arising during a bout, due to the increasing demands for mental resilience and tactical flexibility in modern athletes.

The research program is based on a combination of observations of young sambo practitioners' activities and analysis of the effectiveness of trial bouts depending on the success of recognizing the opponent's psychological state. Pedagogical conditions that foster optimal mechanisms for developing emotional sensitivity are listed, and methodological techniques for introducing corrective training interventions at various stages of the educational process are detailed. Practical recommendations are oriented towards the implementation of multi-stage training aimed at improving communication in paired and group exercises, which contributes to the growth of competitive adaptability, confidence in extreme conditions, and forms prerequisites for enhancing success in duel and team combat. The obtained results can be utilized in the practice of organizing educational programs aimed at training specialists in the field of martial arts, as well as for developing proprietary methods for improving the psychological-emotional component of training.

Keywords: sambo, emotional perception, psychological training, training, opponent, sports psychology, teaching methodology, competitive activity

For citation: Krechetov I.A., Kozyakov R.V. Development of accurate perception of opponent's emotional state during sambo lessons. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 107 – 115.

The article was submitted: March 7, 2025; Approved after reviewing: May 10, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Углубляясь в проблематику подготовки спортсменов в самбо, фиксируется сугубое внимание к умению прогнозировать действия противника [1]. Идентификация микродвижений, изменений в лицевой экспрессии и произвольных жестов влияет на создание прогностической модели намерений соперника [3]. Своевременная фиксация признаков волнения, неуверенности или агрессии содействует выбору верной стратегии и тактики ведения схватки, обеспечивая тем самым состязательное превосходство [2].

Современный самбо – это не только сила и техника, но и тонкая игра умов, где важна каждая деталь. Умение распознавать эмоции помогает реагировать на действия соперника и предвидеть их, навязывать свою игру, сбивать с толку и заставлять ошибаться.

Тренеры все чаще обращают внимание на развитие эмоционального интеллекта у своих подопечных. Они понимают, что недостаточно просто научить спортсмена приемам и броскам. Необходимо научить его чувствовать соперника, понимать его намерения, использовать его слабости [4]. Для этого разрабатываются специальные упражнения, тренировки, игры, которые помогают развить наблюдательность, эмпатию и умение анализировать невербальные сигналы [8].

Выражения лица, изменение ритма дыхания, положение корпуса зачастую служат сигналами о намерениях, уровне напряженности и психической готовности спортсмена [5]. Опережающее прочтение эмоционального состояния оппонента позволяет принимать решения, опираясь на скрытые сигналы, а не лишь на механические стереотипы технических действий [9]. Подготовка борцов-

самбистов в современных условиях ориентирована на интеграцию психолого-педагогических технологий, включающих развитие восприятия и понимания невербальных индикаторов эмоциональных переживаний партнера по борьбе [10]. Подобные навыки приобретают самостоятельную ценность для успешного построения тактики и достижения поставленных целей в соревновательной или тренировочной деятельности [11].

В педагогической практике выделяется объективная тенденция усиления внимания к вопросам психоэмоциональной адаптации учащихся, проходящих подготовку в единоборствах [12]. Интенсивность стрессовых ситуаций во время схватки требует не только технической и тактической, но и психической мобилизации, основанной на реагировании на эмоциональные проявления оппонента [7]. Научное осмысление механизмов формирования данных умений способно обогатить инструменты практикующих тренеров новыми подходами к оценке индивидуальных реакций обучающихся и построению образовательных стратегий, учитывающих многогранность психоэмоционального фона спортивной ситуации [6].

Немалый интерес вызывают исследования, направленные на систематизацию методических приемов, способствующих формированию у молодых борцов умения «читать» эмоциональное выражение соперника, быстро и четко ориентироваться в спектре эмоциональных состояний событийной борьбы, выбирать оптимальные способы принятия решений в условиях цейтнота и нестабильности внешних раздражителей [13]. Углубленное рассмотрение данной проблематики открывает перспективы проведения специальных тренировочных упражнений, а еще – введения инноваци-

ционных педагогических алгоритмов в содержание уроков самбо. Указанные задачи формируют основу для настоящего исследования и определяют его научную новизну.

Материалы и методы исследований

Эмпирическая часть работы проводилась на базе специализированной спортивной школы Олимпийского резерва по борьбе самбо города Москвы. В исследовании приняли участие 64 юных спортсмена в возрасте 12-16 лет, разделённых на две эквивалентные по возрасту и уровню техники группы, участвовавших в педагогическом эксперименте продолжительностью 16 недель. Критериями отбора выступили не менее двух лет опыта в секции самбо и отсутствие медицинских противопоказаний к участию в тренировочном процессе.

Диагностическая программа содержала оценку уровня понимания и реакций на эмоциональные проявления соперников при помощи специально разработанных ситуационных тестов. Применялись методы видеоанализа поединков, опросники дифференцирования эмоциональных состояний, разработанные с учётом особенностей невербальной коммуникации в единоборствах, а также стандартизированный тест на стрессоустойчивость и оперативную память, учитывающий скорость распознавания эмоций.

Для опытной группы в структуру учебных занятий интегрировались педагогические методики, нацеленные на формирование умения выделять и классифицировать изменения эмоционального состояния соперника.

Реализация педагогического воздействия осуществлялась посредством тренингов, включающих тематические коммуникативные упражнения, моделирование конфликтных ситуаций, а еще работу с аудиовизуальными материалами с последующим разбором невербальных сигналов. Контрольная группа занималась по стандартной программе без дополнительного акцентирования внимания на эмоциональной чувствительности.

Статистический анализ полученных данных проводился с использованием программы SPSS

Statistics v.26. Выбор методов регрессионного анализа и кавариационного тестирования был обусловлен необходимостью определения степени зависимости между уровнем идентификации эмоций и успешностью выполнения технических действий в ситуациях с повышенным психоэмоциональным напряжением. Для подтверждения достоверности различий между экспериментальной и контрольной группами расчёт значения критерия Стьюдента производился по классической формуле (1):

$$t = \frac{|\bar{x}_1 - \bar{x}_2|}{\sqrt{\frac{s_1^2}{n_1} + \frac{s_2^2}{n_2}}} \quad (1)$$

где \bar{x}_1, \bar{x}_2 – средние показатели экспериментальной и контрольной групп, s_1^2, s_2^2 – дисперсии показателей,

n_1, n_2 – численность испытуемых в группах соответственно.

Соблюдение требований этики исследований обеспечивалось получением письменного согласия родителей всех участников, а протокол проведения эксперимента рассматривался экспертным советом школы.

Результаты и обсуждения

Сравнительный анализ исходного и итогового уровней восприятия эмоциональных состояний соперника проведён с учётом итогов ситуационного тестирования, включавшего 20 специализированных игровых эпизодов и 10 видеосюжетов с демонстрацией различных экспрессий у оппонентов. В исходных замерах экспериментальная и контрольная группы характеризовались сходством результатов (различия не превышали статистическую погрешность).

Распределение баллов представлено в табл. 1. В таблице указаны значения среднего балла по шкале идентификации эмоций (максимум – 30) на момент до начала эксперимента и по его завершении через 16 недель.

Таблица 1

Изменение уровня идентификации эмоциональных состояний соперника.

Table 1

Change in the level of identification of the opponent's emotional states.

Группа	До эксперимента, M±SD	После эксперимента, M±SD	Δ (разница)	p, t-критерий Стьюдента
Экспериментальная	15,8 ± 2,7	24,6 ± 2,1	+8,8	p<0,01; t=11,42
Контрольная	16,1 ± 2,5	17,3 ± 2,9	+1,2	p>0,05; t=1,75

Оценка данных имеет практически двукратное увеличение среднего балла у обучавшихся по модифицированной программе, где интегрированы специальные тренинги по фиксации и анализу невербальных реакций партнёра. В то же время, показатели контрольной группы практически не изменились: не достигнута статистическая значимость различий между стартовым и итоговым результатом ($p>0,05$). Экспериментальная выборка показала выраженный положительный сдвиг, подтверждённый значимым критерием Стьюдента ($p<0,01$). Полученные данные свидетельствуют о высокой степени результативности целенаправленной педагогической работы, ориентированной на развитие правильного восприятия эмоционального состояния соперника у юных самбистов.

Оценка эффективности специализированных тренингов базировалась на многоуровневой диагностике навыков определения эмоциональных состояний во время учебных спаррингов и учебно-

игровых ситуаций. В ходе программы экспериментальная группа регулярно выполняла упражнения, ориентированные на развитие наблюдательности: «зеркальное отражение» (копирование мимики и позы оппонента), «угадай по глазам» (распознавание намерений по взгляду и микро-движениям верхней части лица), а еще элементы ситуационного драматурга с анализом невербальных сообщений в стрессовых заданиях. Контроль фиксировался ежемесячно с помощью тестирования и экспертных оценок тренерского состава.

Качественные результаты системной работы обнаружили выраженный сдвиг: если на первом этапе только 18% участников экспериментальной группы корректно идентифицировали четыре и более эмоции из предложенного набора, то спустя 16 недель интенсивных тренировок этот показатель увеличился до 72%.

В аналогичных условиях контрольная группа продемонстрировала рост лишь до 23% (табл. 2).

Таблица 2

Изменения в количестве правильно распознаваемых эмоциональных состояний (% от группы).

Table 2

Changes in the number of correctly recognized emotional states (% of the group).

Группа	До начала тренингов	После тренингов
Экспериментальная	18%	72%
Контрольная	19%	23%

В процессе работы зафиксированы отдельные случаи, свидетельствующие о высоком уровне переноса приобретённых навыков в реальную соревновательную обстановку. Так, спортсмен П., действовавший ранее с оглядкой на преимущественно стандартные комбинации движений, при проведении контрольной схватки не только своевременно «прочёл» раздражение оппонента по микро-мимике, но и использовал этот момент для успешного проведения броска «через спину» (наблюдение тренера, 11 неделя программы). Аналогично, участница Л. сумела своевременно распознать неуверенность соперника на начальном этапе встречи и избежала захвата со стороны, изменив тактику в пользу контратакующих действий, что максимально снизило потери баллов за схватку.

Анализ накопленных фактов подтверждает высокий уровень продуктивности внедрённых упражнений, а частота успешных кейсов свидетельствует о системном характере приобретённых умений. Новый формат тренинга позволил не только расширить репертуар доступных способов идентификации эмоций, но и способствовал фор-

мированию устойчивости к психологическим провокациям на татами.

Проведённый корреляционный анализ показал отчетливую связь между умением точно идентифицировать невербальные сигналы соперника и успешностью выполнения ключевых технических приёмов в ходе учебных и контрольных поединков. Сбор первичных данных осуществлялся посредством оценки видеозаписей 96 соревновательных эпизодов (по 3 контрольных схватки на каждого участника после завершения эксперимента) с обязательным протоколированием успешных и неуспешных техник раздела «стойка» и «партер».

Статистическая обработка проводилась по методу Спирмена с вычислением коэффициента ранговой корреляции между суммарным баллом эмоционального восприятия и индексом результативности приёмов за схватку. Индекс рассчитывался по формуле (2):

$$R = \frac{N_{\text{усп}}}{N_{\text{общ}}} \cdot 100\% \quad (2)$$

где $N_{\text{усп}}$ – количество успешно проведённых технических действий,

$N_{\text{общ}}$ – общее число попыток в рамках одного поединка.

По данным экспериментальной группы коэффициент корреляции составил $r_s = 0,73 (p < 0,01)$, что свидетельствует о прочной взаимосвязи между показателем распознавания эмоциональных состояний оппонента и вероятностью успешного воплощения тактических замыслов на татами. Контрольная группа продемонстрировала минимальное наличие подобных связей: $r_s = 0,18 (p > 0,05)$, что трактуется как статистически несущественный результат.

Расширение диапазона возможностей интерпретации эмоционального состояния партнёра на практике приводило к возникновению особых моделей принятия решений внутри поединка. К примеру, зафиксированы случаи, когда участнику после анализа смещения центра тяжести и изменений мимики удавалось предугадать преждевре-

менное намерение провести бросковое действие и своевременно реализовать контрприём, зачастую с выходом на боковую.

Примечательной оказалась серия наблюдений за спортсменами, отрабатывавшими комбинации с элементами обмана и психологического давления. Примеры показали, что при развитой способности к восприятию эмоциональных сигналов соперника удавалось быстрее корректировать тактику, переходя от ожидаемого шаблона к гибким стратегическим манёврам, демонстрирующим высокий уровень соревновательной зрелости.

Следующим значительным результатом стало повышение точности воли к победе у спортсменов с высокими итоговыми баллами по шкале идентификации эмоций: средний показатель результативности поединков возрос со значения 46% до 78%, тогда как во второй группе зафиксирован рост лишь до 52% (табл. 3).

Таблица 3

Изменения средней результативности технических действий у участников с разным уровнем эмоционального восприятия (% успешных приёмов).

Table 3

Changes in the average effectiveness of technical actions among participants with different levels of emotional perception (% of successful techniques).

Группа	До эксперимента	После эксперимента
Экспериментальная (выше 70% распозн.)	46%	78%
Контрольная	47%	52%

В таблице представлены средние значения доли правильных приёмов, проведённых спортсменами с высокими показателями идентификации эмоциональных проявлений соперника.

Механизм влияния расширенных возможностей распознавания эмоций проявлялся в гораздо более эффективном использовании наблюдательности, умении вовремя замечать у противника неуверенность или агрессивный настрой, и, следовательно, в доступности дополнительных способов контроля ситуации. В частности, во время моделирования критических эпизодов, связанный с быстрыми сменами атакующих и оборонительных позиций, только в экспериментальной группе наблюдалась устойчивая тенденция к сознательному отслеживанию изменений выражения лица и позы, что прямо истолковывалось как подготовка к определённому техническому действию.

Нередко в приложении к практическим занятиям отмечалась быстрая адаптация к новой игровой обстановке, когда своевременное распознавание тревожности или замешательства у соперника активизировало инициативу и позволяло использовать тактические резервы команды. Применение

хотя бы двух специальных упражнений по анализу эмоций на постоянной основе приводило к почти двукратному приросту показателей результативности.

Среди самых частых наблюдений - случаи смены стратегии за считанные секунды после невербальных изменений у оппонента, резкое наращивание агрессии, тревожное рассогласование двигательных реакций, появление микрожестов защитной направленности. В каждом из перечисленных эпизодов прогноз действий соперника, построенный на анализе его эмоционального состояния, оказывался верным в более чем 70% ситуаций.

Систематизированные наблюдения, проведённые в ходе экспериментального цикла, позволили создать детализированную классификацию невербальных проявлений, характерных для юных самбистов на различных стадиях отработки приёмов и в моменты максимального психоэмоционального напряжения. Протоколирование велось с использованием трёхкамерной видеосъёмки с одновременной регистрацией динамики движений верхних и нижних конечностей, положения головы, траектории взгляда и мимических реакций. Анализ по-

ступающих записей основывался на принципах количественной фиксации частоты основных видов жестов и выражений, а также на качественной оценке глубины и адекватности их использования в различных тренировочных модулях.

Уже на старте обучающего цикла множественные перемещения взгляда, частые моргания и неустойчивая моторика кистей указывали на внутреннее напряжение и недостаток ориентировки в структуре взаимодействия с соперником. Показатели частоты повторяемости жестов защитного характера, например, отведение корпуса назад, мелькание рук в зоне туловища или резкие однонаправленные перемещения плечевой зоны составили в среднем 12,4 эпизода на десятиминутный тест во всех группах до введения специальных упражнений. При детальном разборе видеомате-

риалов удавалось идентифицировать значительный удельный вес микроимических проявлений, отражавших сомнения или неуверенность (около 28% всех зафиксированных моментов).

После трёх месяцев работы с использованием упражнений, фокусированных на осознании собственного телесного языка и наблюдении характерных паттернов соперника, наблюдалось явное снижение хаотичной двигательной активности. Новая структура поведения приобретала выраженную упорядоченность: количество повторов жестов тревожного содержания снизилось до 5,2 на аналогичный временной отрезок, а частота вынужденных невербальных сигналов (например, самоконтакт касание лица, корректировка экипировки) сократилась практически вдвое (табл. 4).

Таблица 4

Динамика частоты невербальных сигналов тревожной и защитной направленности у самбистов в процессе тренинга (эпизоды за 10 минут наблюдения).

Table 4

Dynamics of the frequency of non-verbal signals of anxiety and defense in sambo wrestlers during training (episodes over 10 minutes of observation).

Группа	До внедрения программы	После внедрения программы
Экспериментальная	12,4	5,2
Контрольная	12,7	11,9

Наблюдения за коммуникацией в парах показали увеличение доли конструктивных и ситуативно адекватных реакций. Например, частота прямого зрительного контакта во время «определения настроя» возросла с исходных 31% до 75% от общего числа тренировочных взаимодействий. Визуальный контакт становился устойчивым именно у спортсменов, включённых в программу работы с эмоциями. Степень согласованности движений, отслеживаемая как по схеме совместного маневрирования, так и в моменты перехода от нападения к защите, подтверждала рост понимания не только собственных ощущений, но и намерений соперника на уровне телесных индикаторов.

Разбор групповых видеосюжетов позволил установить, что проявления положительной эмоциональной окраски (смех, одобрительная мимика после удачной попытки) были отмечены вдвое чаще во втором блоке эксперимента, что служило маркером укрепления позитивного нормативного климата и формирования доверия внутри микроколлектива. Одновременно частота внутригрупповых конфликтных эпизодов с использованием агрессивных микрожестов и дистанцированного поведения снизилась до статистически незначимого уровня (от 3,2 до 0,7 случаев на урок).

Феноменологический анализ позволил выде-

лить специфические поведенческие маркёры, напрямую коррелирующие с успешной тактикой ведения единоборства. В качестве таких индикаторов выступали синхронизированные наклоны корпуса, плавное снижение оборотов дыхания до рабочей амплитуды, «запечатывание» взгляда на ключевых точках тела соперника в начале контрольных схваток. Появление этих маркёров наблюдалось преимущественно у спортсменов, освоивших упражнения на осознанное восприятие эмоций и репертуар телесных сигналов.

Таким образом, погружение в практику анализа невербальных компонентов в среднесрочной перспективе создало условия для формирования эмоционально зрелой, пластичной и устойчивой к соревновательным раздражителям личности спортсмена, а умение структурировать коммуникативный поток невербальными средствами усилило общекомандный отклик на тренерские установки и провокационные действия соперников в моделируемых игровых эпизодах.

На этапе ввода программы диагностики и тренинга отмечалось несколько объективных трудностей, влияющих на полноту сбора данных и корректность последующего анализа. Неоднородность стартового уровня подготовки испытуемых, варьирующаяся от минимальных компетенций до

выраженного соревновательного опыта в отдельных случаях, затруднила стандартизацию упражнений и синхронизацию итогового контроля. Проблема адаптации разработанных диагностических ситуаций под различные возрастные категории вызвала необходимость создания дополнительных модификаций инструкций, с учётом специфики восприятия эмоциональных сигналов у детей и подростков.

Серьёзным препятствием для однозначной интерпретации результатов стал дефицит у части обучающихся элементарных навыков самоанализа, способных ограничить точность обратной связи при самоотчётных оценках освоения тренинга. Наблюдался выраженный разброс в темпах усвоения упражнений, это вызвало появление участников, требующих увеличенного срока индивидуальной работы, в сравнении с основной группой. Фиксировались случаи первичного сопротивления внедряемым упражнениям, обусловленного устойчивыми традиционными тренировочными стереотипами, что отчасти замедляло процесс интеграции эмоционально-аналитических заданий в повседневную практику секции.

Технические сложности сопровождали этап анализа видеоматериалов, где недостаточная чёткость отдельных эпизодов и частичное перекрытие поля зрения осложняли корректную фиксацию микрореакций. Погодные и бытовые условия тренировочных залов в ряде случаев становились лимитирующими для проведения аппаратной диагностики и съёмки.

Среди направлений возможного совершенствования следует выделить разработку более универсальных инструментов для кросс-возрастного тестирования, позволяющих максимально объективно выявлять динамику изменений у спортсменов

разного пола и уровня подготовки. Перспективным представляется расширение спектра внутригруппового моделирования, включающего имитацию эмоционально заряжённых ситуаций с элементами соревновательного стресса и ситуативного выбора. Целесообразно усилить обратную связь путём внедрения цифровых платформ с возможностью мгновенной обработки видеоданных и использования сенсорных трекеров для детализации движений и микрожестов. Методологический арсенал, обогащённый мультидисциплинарными подходами, даст основания для выработки персонализированных траекторий развития навыков распознавания эмоций, а дальнейшее тестирование апробированных программ в разнородных тренировочных коллективах позволит повысить надёжность и валидность итоговых выводов.

Выводы

Проведённое исследование подтвердило, что целенаправленные упражнения, направленные на развитие способности распознавания эмоциональных состояний соперника, умеренно повышают эффективность технических действий у юных самбистов. Корреляционный анализ выявил связь между уровнем эмоционального восприятия и правильностью выполнения приёмов, а это подчёркивает важность интеграции психологической подготовки в тренировочный процесс. Наблюдения за невербальной коммуникацией показали снижение частоты защитных жестов и повышение уверенности спортсменов после внедрения специализированных упражнений. Несмотря на выявленные ограничения, результаты исследования предоставляют ценные рекомендации для совершенствования методик подготовки в самбо, акцентируя внимание на развитии эмоциональной компетентности спортсменов.

Список источников

1. Волков В.Г., Мартынов М.В., Петрунина С.В. Психологическая и технико-тактическая подготовка в специальном разделе самозащиты без оружия (самбо): учебное пособие. 2-е изд., перераб. Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. 144 с. ISBN 978-5-906796-08-4. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011197305/ (дата обращения: 15.02.2025)
2. Гатилов К.В., Кудрявцев М.Д., Галимов Г.Я. Психологическая и технико-тактическая подготовка борцов самбо, обучающихся в вузах // Проблемы и перспективы развития спортивных игр и единоборств в учреждениях высшего образования. 2017. № 1. С. 124 – 130. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.uran.ua/pprsievzn/article/view/124162> (дата обращения: 15.02.2025)
3. Калинин А.Д., Карпов В.Ю., Шарагин В.И., Козьяков Р.В. Развитие дыхательной системы борцов греко-римского стиля // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2024. № 4. С. 18 – 20.
4. Кернас А.В. Психологическая подготовка спортсменов-единоборцев // Наука в информационном пространстве: материалы международной научно-практической конференции, Днепропетровск, 2013. Днепропетровск: Наука и образование, 2013. С. 56 – 60. [Электронный ресурс]. URL: https://www.confcontact.com/2013-nauka-v-informatsionnom-prostranstve/ps6_kernas.htm (дата обращения: 17.02.2025)

5. Комаров М.Н., Файзуллина И.И., Доронцев А.В., Козьяков Р.В. Выраженность реакции сердечно-сосудистой системы на вестибулярное раздражение у студентов-рукопашников с разной длительностью спортивного стажа // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2024. № 4. С. 27 – 29.
6. Кречетов И.А., Козьяков Р.В. Социальная среда семьи как фактор профилактики тревожности и страхов ребенка // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Т. 8. № 1. С. 167 – 173.
7. Программа по боевому самбо. [Электронный ресурс]. URL: <https://vipv.ru/boevoe-sambo/programma-po-boevomu-sambo> (дата обращения: 17.02.2025)
8. Психологическая подготовка в спортивном самбо. [Электронный ресурс]. URL: <https://open-ring.ru/41-psikhologicheskaya-podgotovka-v-sportivnom-sambo.html> (дата обращения: 17.02.2025)
9. Психологическая подготовка самбистов высшей квалификации. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.belstu.by/handle/123456789/24996> (дата обращения: 17.02.2025)
10. Учебная программа по борьбе самбо. [Электронный ресурс]. URL: <https://studylib.ru/doc/544048/uchebnaya-programma-po-bor-be-sambo> (дата обращения: 17.02.2025)
11. Физическая подготовка единоборцев (самбо, дзюдо). Теоретико-практические рекомендации. М.: Советский спорт, 2014. 192 с.
12. Хижевский О.В., Гайсенкович Е.Н. Психологическая подготовка самбистов высшей квалификации // Общественные и гуманитарные науки: тезисы докладов 82-й научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов (с международным участием), Минск, 1-14 февраля 2018 г. Минск: БГТУ, 2018. С. 145. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.belstu.by/handle/123456789/24996> (дата обращения: 17.02.2025)
13. Шестаков В.Б., Ерегина С.В. Василий Ощепков – основатель самбо. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 224 с.

References

1. Volkov V.G., Martynov M.V., Petrunina S.V. Psychological and technical-tactical training in a special section of self-defense without weapons (sambo): a tutorial. 2nd ed., revised. Penza: Publishing house of PSU, 2016. 144 p. ISBN 978-5-906796-08-4. [Electronic resource]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011197305/ (date of access: 15.02.2025)
2. Gatilov K.V., Kudryavtsev M.D., Galimov G.Ya. Psychological and technical-tactical training of sambo wrestlers studying at universities. Problems and prospects for the development of sports games and martial arts in higher education institutions. 2017. No. 1. P. 124 – 130. [Electronic resource]. URL: <https://journals.uran.ua/pprsievnz/article/view/124162> (accessed: 15.02.2025)
3. Kalinin A.D., Karpov V.Yu., Sharagin V.I., Kozyakov R.V. Development of the respiratory system of Greco-Roman wrestlers. Physical education: upbringing, education, training. 2024. No. 4. P. 18 – 20.
4. Kernas A.V. Psychological training of martial arts athletes. Science in the information space: materials of the international scientific and practical conference, Dnepropetrovsk, 2013. Dnepropetrovsk: Science and education, 2013. P. 56 – 60. [Electronic resource]. URL: https://www.confcontact.com/2013-nauka-v-informatsionnom-prostranstve/ps6_kernas.htm (date of access: 17.02.2025)
5. Komarov M.N., Fayzullina I.I., Dorontsev A.V., Kozyakov R.V. Severity of the reaction of the cardiovascular system to vestibular irritation in hand-to-hand students with different lengths of sports experience/ Physical education: education, training. 2024. No. 4. P. 27 – 29.
6. Krechetov I.A., Kozyakov R.V. Social environment of the family as a factor in preventing anxiety and fears in a child/ International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Vol. 8. No. 1. P. 167 – 173.
7. Combat sambo program. [Electronic resource]. URL: <https://vipv.ru/boevoe-sambo/programma-po-boevomu-sambo> (date of access: 02.17.2025)
8. Psychological preparation in sports sambo. [Electronic resource]. URL: <https://open-ring.ru/41-psikhologicheskaya-podgotovka-v-sportivnom-sambo.html> (date of access: 17.03.2025)
9. Psychological training of highly qualified sambo wrestlers. [Electronic resource]. URL: <https://elib.belstu.by/handle/123456789/24996> (date of access: 17.02.2025)
10. Sambo wrestling curriculum. [Electronic resource]. URL: <https://studylib.ru/doc/544048/uchebnaya-programma-po-bor-be-sambo> (date of access: 17.02.2025)
11. Physical training of martial artists (sambo, judo). Theoretical and practical recommendations. Moscow: Sovetsky Sport, 2014. 192 p.

12. Khizhevsky O.V., Gaysenkovič E.N. Psychological training of highly qualified sambo wrestlers/ Social and humanitarian sciences: abstracts of reports of the 82nd scientific and technical conference of faculty, researchers and postgraduate students (with international participation), Minsk, February 1-14, 2018. Minsk: BSTU, 2018. P. 145. [Electronic resource]. URL: <https://elib.belstu.by/handle/123456789/24996> (date of access: 17.02.2025)

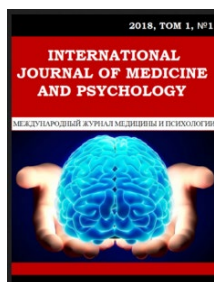
13. Shestakov V.B., Eregina S.V. Vasily Oshchepkov – the founder of sambo. M.: OLMA Media Group, 2015. 224 p.

Информация об авторах

Кречетов И.А., аспирант, Московский инновационный университет

Козьяков Р.В., кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, Московский инновационный университет; докторант лаборатории психологии и психофизиологии творчества, Институт психологии Российской академии наук, kozyakovroman@yandex.ru

© Кречетов И.А., Козьяков Р.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

¹ Сиротин И.А.,

^{1, 2} Козьяков Р.В.,

¹ Московский инновационный университет,

² Институт психологии Российской академии наук

Специфика психологического восприятия у лиц с различными предпочтениями в искусстве

Аннотация: в статье исследуется процесс восприятия произведений искусства, а также предлагаются методы его развития для людей с различными предпочтениями и проводится исследование эмоционального эффекта от произведений искусства. Художественное восприятие довольно сложный процесс, он представляет собой способность человека реагировать на представленные произведения искусства через постижение специфического образного языка. При этом данный процесс важен для каждого индивида, поскольку он необходим для адаптации его обществе, социализации и развитии личностных факторов. В этой связи для формирования целостного мировоззрения необходимо определённое воздействие на психику человека с помощью ряда методов, рассмотренных в данной статье. После их рассмотрения проводится эмпирическое исследование, вследствие которого подтверждается целесообразность внедрения рассмотренных методов в практику психологической работы.

Ключевые слова: восприятие, произведения искусства, образ, психотехнология, личность, развитие, методы, исследование

Для цитирования: Сиротин И.А., Козьяков Р.В. Специфика психологического восприятия у лиц с различными предпочтениями в искусстве // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 116 – 121.

Поступила в редакцию: 9 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Sirotin I.A.,

^{1, 2} Kozuyakov R.V.,

¹ Moscow Innovation University,

² Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

The specifics of psychological perception among people with different preferences in art

Abstract: the article examines the process of perception of works of art, as well as suggests methods of its development for people with different preferences and conducts research on the emotional effect of works of art. Artistic perception is a rather complex process, it represents a person's ability to react to presented works of art through comprehension of a specific figurative language. At the same time, this process is important for each individual, since it is necessary for the adaptation of his society, socialization and the development of personal factors. In this regard, in order to form a holistic worldview, it is necessary to have a certain effect on the human psyche using a number of methods discussed in this article. After their consideration, an empirical study is conducted, as a result of which the expediency of introducing the considered methods into the practice of psychological work is confirmed.

Keywords: perception, works of art, image, psychotechnology, personality, development, methods, research

For citation: Sirotin I.A., Kozyakov R.V. The specifics of psychological perception among people with different preferences in art. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 116 – 121.

The article was submitted: March 9, 2025; Approved after reviewing: May 11, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Большинство психологов в настоящее время полагают, что восприятие того или иного человека в отношении произведений искусства зависит от его психологического состояния. Восприятие искусства в общем смысле представляет собой способность индивида испытывать определённые чувства и эмоции в отношении представленного ему произведения. Восприятие произведений искусства можно назвать одним из наиболее сложных процессов в психологии человека. Это связано с тем, что исключительно произведения искусства, способны вызывать различные ощущения у людей, это могут быть определённые переживания, восторг, радость, возбуждение и так далее. Получение подобного рода чувств обладает ценностью, как для любителей искусства, так и для всего общества целом [2]. Подобный спектр эмоции невозможно получить от произведений научной деятельности, произведений религиозной направленности, только произведения искусства создаются, чтобы они «жили» [5]. Они живут практически в буквальном смысле, поскольку искусство впечатывается в духовный опыт каждого человека и всего человечества [3].

При этом, в процессе восприятия могут сложиться различные эмоции, то есть, что будет близко одному человеку, может оттолкнуть другого и наоборот, это зависит от конкретных предпочтений личности [8]. Зачастую психика и подсознание в начале только лишь усваивает его содержание, а затем и достраивает увиденное [9]. То есть, с помощью воображения зрителя сущность произведения искусства может трактоваться различными способами. В данном случае воображение выполняет работу, подобную актёрам в театре, психика формирует облик персонажей, определяет их поведение, интонации [7]. Аналогичным образом, при восприятии произведений искусства человек может додумывать обстановку, которая происходит во круг произведения [6].

Изучение предпочтений людей, является одним из наиболее важных аспектов в области личности и искусства. По тому, какой жанр в искусстве нравится человеку можно понять его эмоциональное состояние или же основные черты характера. Данным принципом руководствовались психологи несколько веков назад, с помощью картин, музыки, книг, они могли дать оценку психологическо-

му состоянию человека. С течением времени психологи стали применять более современные методы диагностики, но между тем работы с абстрактными изображениями на практики все еще оставались, хоть и потерпела некоторые изменения [1].

Стоит отметить, что в процессе восприятия произведений искусства, происходит некий процесс коммуникации между зрителем и автором. Автор может оказать влияние на своих читателей или зрителей. Также, необходимо учитывать тот факт, что на восприятие окажет значительное влияние и биография автора произведения.

Таким образом, можно отметить, что восприятие произведений искусства сложнее, чем восприятие других культурных ценностей и предметов. Это связано с тем, что искусство переживается как реальность за счет психологических механизмов зрителя, но при этом, имеет и свои специфические черты, которые дополняют реальность. В соответствии с данным выводом, двойственной можно считать и психологию восприятия произведений искусства [4].

Материалы и методы исследований

В настоящее время среди психологов большую актуальность приобретает проблема эстетического воспитания, так как оно является важным средством для формирования отношения к действительности. С помощью эстетического и нравственного воспитания, возможно, достичь положительного эффекта в развитии личности. Человек получает богатый внутренний мир, становится более активным и способным решать различного рода, возникающие проблемы. Ребенок, который получил минимальные духовные и эстетические знания, даже если потом, он не желает связывать свою жизнь с творческой деятельностью, приобретает на всю жизнь гибкость в мышлении, доброту, может быть восприимчив к художественным ценностям.

Результаты и обсуждения

Искусство в любом возрасте помогает в формировании личности, расширяет знания человека о мире и обществе [10]. В этой связи развитие навыков восприятия произведений искусства считается одной из существенных задач в данном направлении.

Одной из задач искусства является полноценное освоение художественного образа. В процессе развития эстетического воспитания человек начи-

нает понимать какой смысл заложен в произведении искусства, какие использовались средства выразительности, какой характер образов стремился передать автор, а также соотносить их с со своим жизненным опытом. Если в младшем возрасте дать ребенку возможность описать дерево или реку, он не сможет этого сделать, так как растеряется в огромном наборе фактов, для того, чтобы помочь ему в этом, стоит обратить внимание на картины. Основная задача практической и теоретической работы с картинами состоит в том, что ребенок с младшего возраста учится видеть и воспринимать искусство, он начинает понимать его содержание и формы [11]. При этом, чем более детально ребенок рассматривает картину или иной объект искусства, тем более богаче станут его мысли и чувства [15].

К методам развития восприятия произведений искусства стоит относить деятельность направленную на приобретение человеком новых навыков, которые ранее были ему не привычны. Психологи выделяют три основных метода: словесный, музыкальный и наглядный [20].

Наиболее популярным принято считать словесный метод развития восприятия, он может применяться к любым категориям лиц, ранее данный метод был единственным для передачи знаний. Сегодня же его могут считать устаревшим или неактивным. Однако, он способен за короткий промежуток времени передать информацию от одного

индивида к другому, поставить перед человеком проблему и направить на поиск пути ее решения. С помощью словесных методов возможно вызвать у человека картины из памяти, помочь ему воссоздать будущее. Слова активизируют воображение, чувства, память [19].

Далее следуют наглядные способы развития восприятия, они находятся в зависимости от используемых в данном процессе пособий и средств. При этом, они зачастую используются совместно со словесными методами, дабы достичь наибольшего эффекта. Они используются, чтобы ознакомить человека с явлениями и процессами в натуральном виде или с помощью различных изображений, схем или рисунков. В настоящее время для развития восприятия используют виртуальные туры в музеи или выставки, просмотр видеороликов или презентаций.

Заключительным методом является – музыкальный, он создает благоприятный фон, который привлекает внимание человека, способствует формированию определённой эмоции [18].

В процессе развития восприятия искусства целесообразно применять представленные методы совместно, но можно делать упор на один из представленных, который наиболее полно подходит человеку.

Также выделяют и иную классификацию методов (рис. 1).

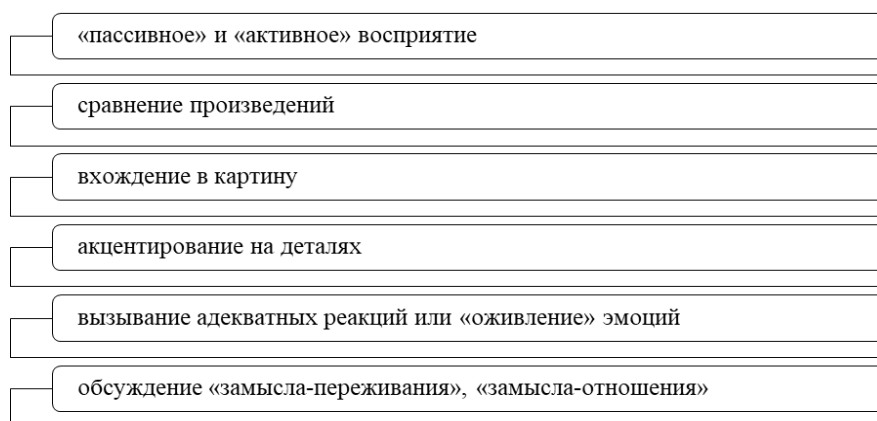

Рис. 1. Методы развития восприятия произведений искусства (авторская разработка), на основе теоретического анализа литературы.

Fig. 1. Methods for developing the perception of works of art (author's development), based on theoretical analysis of literature.

Среди приемов развития восприятия искусства, используются следующие: во-первых, «ролевые игры» они помогают не только выразить отношение человека к искусству, но также получить ответы на интересующие его вопросы, также в данном случае можно представить себя участников како-

го-либо произведения или картины, тем самым удастся понять замысел автора и основную мысль. Такие игры помогают развивать воображение, память, творческие фантазии [17].

Во-вторых, после прочитанного произведения для большего его восприятия целесообразно напи-

сать отзыв, рецензию или в процессе чтения делать небольшие пометки, относительно чувств героев, образов. Если же это картина, человек может составить ее описание, выразить свое отношение к ней.

При этом, важно, чтобы данные приемы и методы использовались систематически, без этого невозможно сформировать полноценное восприятие произведений искусства. Постоянное обращение к искусству также помогает в развитии творческих способностей, развивает память и чувства.

В-третьих, не стоит забывать о музыке, так как она помогает создавать ассоциации при рассмотрении произведений искусства. Если верно подобрать музыкальное сопровождение, оно поможет более глубоко погрузиться в картину или книгу, понять их суть и содержание [14].

Применение указанных методов и приемов для развития восприятия произведений искусства необходимо начинать еще с младшего возраста, так как он считается наиболее подходящим для формирования всех чувств и эмоций. При этом, следует помнить, что представленные приемы и методы целесообразно использовать в совокупности, для достижения более полного и точного результата развития [13].

Для того, чтобы оценить влияние данных методов на психологическое восприятие людей с разными предпочтениями в искусстве был проведен опрос. Они оценивали эмоциональный эффект от произведений искусства, указывали как оно на них повлияло, давали оценку и рассказывали свое мнение [12].

В качестве примера было выбрано произведение «Мастер и Маргарита», в данном случае индивиды должны были оценить экранизацию данного произведения, в частности дать оценку образам Маргариты. Для оценки использовались фильмы 1994 года, 2011 года и 2020 года. Задача исследо-

вания состояла в том, чтобы рассмотреть, как меняются впечатления от увиденного на каждом из трех этапов развития эмоционального восприятия [16].

В исследовании приняло участие 10 человек в возрасте от 18 до 25 лет. Среди них были как мужчины, так и женщины.

При прохождении первого этапа опрошенные давали лишь короткие ответы из категории «мое-не мое». В данном случае преобладало личное восприятие, зрители лишь указывали, что им больше понравился актерский состав, который был подобран в 2018 году, по отношению к другим экранизациям зрители высказались негативно, им не понравилась внешность актеров и их игра.

После второго этапа зрители стали уделять больше внимание эмоциональной составляющей, они стали указывать, кто из актеров лучше передает чувства и переживания героев. В данном случае преобладает экранизация 1994 года. Также многие зрители стали негативно выражать свои чувства и эмоции относительно поступков Маргариты. Это свидетельствует о развитии эмоционально-чувственной доминанты восприятия.

На третьем этапе зрители стали проводить аналогию и сравнивать экранизацию с прочитанной ими книгой. Опрошенные стали рассказывать, как они представляли Маргариту при прочтении и сравнивали ее с игрой и внешним видом актеров. В данном случае можно прийти к выводу, что воображение режиссеров и зрителей несколько расходится.

Выводы

Таким образом, проведенный эксперимент свидетельствует о том, что восприятие произведений искусства довольно сложный процесс. При этом, возможно развивать восприятие и чувства индивидов, для более полного понимания произведений искусства.

Список источников

1. Berdyaev N.A. The Meaning of Creativity: An Experience of Human Justification. Moscow: Direct-Media, 2023. 422 p.
2. Valueva E.A., Lapteva N.M., Pospelov N.A., Ushakov D.V. The Phenomenon of Incubation and Activation of the Semantic Network // Cultural and Historical Psychology. 2024. Vol. 20. No. 4. P. 40 – 51.
3. Valueva E.A., Ushakov D.V. Creativity and Incubation: The Poincaré Effect // Experimental Psychology. 2024. Vol. 17. No. 4. P. 80 – 89.
4. Vygotsky L.S. Psychology of Art. Moscow: Art, 2020. 573 p.
5. Zhuravlev A.L., Zinchenko Yu.P., Kitova D.A., Pervacheva O.A. Value-semantic determinants of professional responsibility in the everyday understanding of Russians // National Psychological Journal. 2024. Vol. 19. No. 1. P. 56 – 76.

6. Zinchenko Yu.P. The significance of the scientific contribution of A.V. Brushlinsky for the development of the subject-activity approach in psychological science // In the collection: Man, subject, personality: prospects for psychological research. Proceedings of the All-Russian scientific conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of A.V. Brushlinsky and the 300th anniversary of the founding of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2023. P. 157 – 159.
7. Zinchenko Yu.P., Sobkin V.S. L.S. Vygotsky: History of the Future // Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology. 2024. Vol. 47. No. 4. P. 11 – 23.
8. Kozyakov R.V. Creative approach in organizing professional activity: from antiquity to modern times // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2024. Vol. 13. No. 6-1. P. 18 – 26.
9. Kozyakov R.V. Professional creative thinking in the modern context // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2024. Vol. 13. No. 5-1. P. 38 – 45.
10. Kozyakov R.V. Psychology of professional creative thinking. Moscow, 2024. 232 p.
11. Kozyakov R.V. Historical aspects of the productivity of professional creative thinking // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2024. Vol. 13. No. 4-1. P. 59 – 70.
12. Kozyakov R.V. Resources and resourcefulness of the subject's professional creative thinking // Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 86-1. P. 468 – 470.
13. Kozyakov R.V. Modern context of the semantic component of professional creative thinking // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2024. Vol. 13. No. 7-1. P. 23 – 32.
14. Kozyakov R.V. Evolution of ideas about professional creative thinking // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Vol. 8. No. 1. P. 60 – 65.
15. Kozyakov R.V. Concepts of creative thinking and the main approaches to its study // Modern foreign psychology. 2022. Vol. 11. No. 4. P. 117 – 126.
16. Kravchenko Yu.E. Psychology of emotions. Classical and modern theories and research. M.: INFRA-M, 2024. 544 p.
17. Lopatkova I.V. Artistic perception as a technology of psychoconsulting // Yaroslavl pedagogical bulletin. 2020. No. 2 (113). P. 123 – 133.
18. Markov M.E. Art as a process. Fundamentals of the functional theory of art. M.: Art, 2020. 239 p.
19. Minin A.I., Kozyakov R.V. Psychological homeostasis of a group in a corporate environment during adaptation to a situation of creative activity // Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 86-1. P. 485 – 489.
20. Ushakov D.V. Social and emotional intelligence: theoretical approaches and measurement methods // Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences. 2024. No. S1 (116). P. 144 – 152.

References

1. Berdyaev N.A. The Meaning of Creativity: An Experience of Human Justification. Moscow: Direct-Media, 2023. 422 p.
2. Valueva E.A., Lapteva N.M., Pospelov N.A., Ushakov D.V. The Phenomenon of Incubation and Activation of the Semantic Network. Cultural and Historical Psychology. 2024. Vol. 20. No. 4. P. 40 – 51.
3. Valueva E.A., Ushakov D.V. Creativity and Incubation: The Poincaré Effect. Experimental Psychology. 2024. Vol. 17. No. 4. P. 80 – 89.
4. Vygotsky L.S. Psychology of Art. Moscow: Art, 2020. 573 p.
5. Zhuravlev A.L., Zinchenko Yu.P., Kitova D.A., Pervacheva O.A. Value-semantic determinants of professional responsibility in the everyday understanding of Russians. National Psychological Journal. 2024. Vol. 19. No. 1. P. 56 – 76.
6. Zinchenko Yu.P. The significance of the scientific contribution of A.V. Brushlinsky for the development of the subject-activity approach in psychological science. In the collection: Man, subject, personality: prospects for psychological research. Proceedings of the All-Russian scientific conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of A.V. Brushlinsky and the 300th anniversary of the founding of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2023. P. 157 – 159.
7. Zinchenko Yu.P., Sobkin V.S. L.S. Vygotsky: History of the Future. Bulletin of Moscow University. Episode 14: Psychology. 2024. Vol. 47. No. 4. P. 11 – 23.
8. Kozyakov R.V. Creative approach in organizing professional activity: from antiquity to modern times. Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2024. Vol. 13. No. 6-1. P. 18 – 26.
9. Kozyakov R.V. Professional creative thinking in the modern context. Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2024. Vol. 13. No. 5-1. P. 38 – 45.

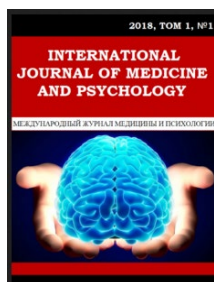
10. Kozyakov R.V. Psychology of professional creative thinking. Moscow, 2024. 232 p.
11. Kozyakov R.V. Historical aspects of the productivity of professional creative thinking. Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2024. Vol. 13.No. 4-1. P. 59 – 70.
12. Kozyakov R.V. Resources and resourcefulness of the subject's professional creative thinking. Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 86-1. P. 468 – 470.
13. Kozyakov R.V. Modern context of the semantic component of professional creative thinking. Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2024. Vol. 13.No. 7-1. P. 23 – 32.
14. Kozyakov R.V. Evolution of ideas about professional creative thinking. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Vol. 8.No. 1. P. 60 – 65.
15. Kozyakov R.V. Concepts of creative thinking and the main approaches to its study. Modern foreign psychology. 2022. Vol. 11.No. 4. P. 117 – 126.
16. Kravchenko Yu E. Psychology of emotions. Classical and modern theories and research. M.: INFRA-M, 2024. 544 p.
17. Lopatkova I.V. Artistic perception as a technology of psychoconsulting. Yaroslavl pedagogical bul-letin. 2020. No. 2 (113). P. 123 – 133.
18. Markov M.E. Art as a process. Fundamentals of the functional theory of art. M.: Art, 2020. 239 p.
19. Minin A.I., Kozyakov R.V. Psychological homeostasis of a group in a corporate environment during adaptation to a situation of creative activity. Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 86-1. P. 485 – 489.
20. Ushakov D.V. Social and emotional intelligence: theoretical approaches and measurement methods. Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences. 2024. No. S1 (116). P. 144 – 152.

Информация об авторах

Сиротин И.А., аспирант, Московский инновационный университет

Козьяков Р.В., кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, Московский инновационный университет; докторант лаборатории психологии и психофизиологии творчества, Институт психологии Российской академии наук, kozyakovroman@yandex.ru

© Сиротин И.А., Козьяков Р.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 331.108.2

¹ Аристова В.А.,

¹ Самсонова Е.В.,

¹ Дальневосточный федеральный университет

Креативность и карьерные ориентации менеджеров среднего звена

Аннотация: в статье рассматривается взаимосвязь между уровнем креативности и карьерными ориентациями менеджеров среднего звена. Актуальность темы обусловлена современными социально-экономическими условиями, в которых особую ценность приобретают сотрудники с развитым творческим мышлением. В исследовании приняло участие 38 сотрудников компании, оказывающей услуги в морской отрасли, включая снабжение судов, ремонт, подбор персонала и поиск клиентов. Использованы валидные психодиагностические методики: опросник креативности Д. Джонсона, тест отдалённых ассоциаций С. Медника и опросник «Якоря карьеры» Э. Шейна. Статистическая обработка данных включала коэффициент ранговой корреляции Спирмена и U-критерий Манна-Уитни. Основная гипотеза о наличии связи между креативностью и определёнными карьерными ориентациями частично подтвердилась. Наиболее выраженная отрицательная связь выявлена между уровнем креативности и ориентациями «автономия» и «служение». Полученные результаты могут быть полезны для HR-специалистов, карьерных консультантов и самих менеджеров при построении индивидуальных карьерных треков и разработке программ профессионального развития. Также подчёркивается важность внедрения практик развития креативности в корпоративную культуру. Исследование подчёркивает необходимость комплексного подхода к анализу карьерных предпочтений с учётом психологических характеристик личности.

Ключевые слова: креативность, карьерные ориентации, карьера

Для цитирования: Аристова В.А., Самсонова Е.В. Креативность и карьерные ориентации менеджеров среднего звена // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 122 – 127.

Поступила в редакцию: 9 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Aristova V.A.,

¹ Samsonova E.V.,

¹ Far Eastern Federal University

Creativity and career orientations of middle managers

Abstract: this article explores the relationship between the level of creativity and career orientations of middle managers. The topic is relevant due to current socio-economic conditions, where employees with developed creative thinking are increasingly valued. The study involved 38 employees of a company operating in the maritime industry, providing services such as vessel supply, repair, crew recruitment, and client acquisition. Valid psychodiagnostic tools were used, including Johnson's Creativity Questionnaire, Mednick's Remote Associates Test, and Schein's Career Anchors inventory. Statistical methods included Spearman's rank correlation coefficient and the Mann-Whitney U-test. The main hypothesis about the correlation between creativity and certain career orientations was partially confirmed. The strongest negative correlations were found between creativity and the orientations of "autonomy" and "service." The results may be of practical use for HR professionals, career consultants, and the managers themselves when designing personalized career paths and professional development programs. The study

also highlights the importance of integrating creativity development practices into corporate culture. These findings emphasize the need for a comprehensive approach to career orientation analysis that considers individuals' psychological characteristics and creative potential.

Keywords: creativity, career orientation, career

For citation: Aristova V.A., Samsonova E.V. Creativity and career orientations of middle managers. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 122 – 127.

The article was submitted: March 9, 2025; Approved after reviewing: May 12, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Актуальность темы креативности была отмечена ещё в 60-х годах XX века Дж. Гилфордом, который выделил два типа мышления: конвергентное (интеллектуальное) и дивергентное (креативное).

В современном мире, где технологии всё больше входят в жизнь человека и растёт конкуренция на рынке труда, ценятся сотрудники с нестандартным мышлением и креативным подходом к решению задач. Это помогает компаниям продвигаться и занимать лидирующие позиции.

Тема исследования актуальна для понимания влияния креативности на карьерные планы менеджеров среднего звена. Это важно для разработки стратегий развития карьеры, способствующих профессиональному и личностному росту [2, 7].

Креативность – это способность к нестандартному мышлению и порождению новых идей, которая формируется с рождения и проявляется во всех сферах жизни человека. Она основана на опыте и знаниях, позволяет находить неожиданные решения и является ключевым фактором многих открытий.

Различные исследователи определяют креативность по-разному. В общем смысле, это творческая одарённость, которая способствует порождению необычных идей и помогает быстро решать проблемные ситуации.

Факторы, влияющие на проявление креативности, включают наследственность, окружающую среду и внутренние особенности личности, такие как мотивация достижения и готовность к риску. Среди препятствий для проявления креативности можно выделить страх, боязнь проявить инициативу, слишком высокую самокритичность и лень.

Креативность тесно связана с развитием технологий и является важной составляющей успешной адаптации к изменяющимся условиям окружающей среды. Для развития креативности необходимо раннее формирование навыков и умений, а также поддержка со стороны окружения [8].

Карьерные ориентации – это система ценностей и установок личности, определяющая её отношение к профессиональной деятельности и карьере.

Они влияют на выбор профессии, развитие навыков и продвижение по карьерной лестнице [1, 4, 9].

Американский психолог Э. Шейн выделял следующие карьерные ориентации:

- Профессиональная компетентность: стремление к развитию в профессии и повышению квалификации.
- Менеджмент: желание управлять другими людьми и проектами.
- Автономия: стремление к независимости и свободе в принятии решений.
- Стабильность: желание иметь надёжную и стабильную работу.
- Служение: стремление помогать другим людям и приносить пользу обществу.
- Вызов: стремление преодолевать трудности и достигать целей.
- Интеграция стилей жизни: стремление сбалансировать работу, семью и личные интересы.
- Предпринимательство: стремление создавать и развивать свой бизнес.
- Факторы, влияющие на формирование карьерных ориентаций:
 - Личностные: интересы, способности, ценности, установки и мотивы личности.
 - Социальные: влияние семьи, друзей, коллег и общества в целом.
 - Культурные: культурные нормы, ценности и традиции, существующие в обществе.

Карьерные ориентации тесно связаны с профессиональным развитием и успехом человека. Понимание своих карьерных ориентаций помогает определить цели и приоритеты в карьере, что способствует выбору наиболее подходящего пути для развития [3].

Профессиональная деятельность менеджера среднего звена важна для эффективного управления организацией. Менеджеры среднего звена координируют работу между высшим руководством и исполнителями, сочетая стратегические цели компании с практическими аспектами управления персоналом и ресурсами [10].

Эффективность их работы определяется психологическими характеристиками, такими как:

- стрессоустойчивость;
- коммуникабельность;
- лидерские качества;
- аналитические способности;
- эмоциональный интеллект;
- адаптивность;
- ответственность.

Эти качества помогают менеджерам принимать взвешенные решения, мотивировать команду и создавать благоприятную атмосферу в коллективе.

Для развития психологических качеств используются различные методы:

- тренинги и семинары по управлению стрессом, коммуникации, лидерству и другим навыкам;
- коучинг и наставничество для получения обратной связи и поддержки;
- чтение книг и статей по психологии управления;
- практика и опыт работы в различных ситуациях.

Таким образом, профессиональная деятельность менеджера среднего звена требует не только знаний в области менеджмента, но и развитых навыков коммуникации, принятия решений и умения работать в команде. Психологические характеристики играют ключевую роль в их успешности [6, 8].

Материалы и методы исследований

Креативность – это творческая одарённость, зависящая от наследственности, окружающей среды и внутренних факторов личности. Измерение креативности – сложная задача, так как она включает множество аспектов и не существует универсального метода для её оценки.

Среди подходов к измерению креативности выделяются оценки когнитивных аспектов, в частности, дивергентного мышления, и методики, основанные на отдалённых ассоциациях.

Методики измерения креативности:

- Тесты на дивергентное мышление (например, тесты Дж. Гилфорда и Э. Торренса) оценивают способность порождать множество разнообразных решений и идей.
- Тест отдалённых ассоциаций (RAT) С. Медника основан на способности устанавливать связи между словами, находя отдалённые ассоциации.
- «Опросник креативности» Д. Джонсона фокусируется на творческом самовыражении и включает список характеристик творческого мышления и поведения, доступных внешнему наблюдению.

Наиболее распространёнными являются методики, основанные на дивергентном мышлении, так как они удобны в применении и дают объективные результаты. Однако ни одна из методик не охватывает все аспекты креативности.

В исследовании будут использоваться методики Д. Джонсона и С. Медника, так как они эффективны и репрезентативны в оценке творческих способностей. Методика Д. Джонсона позволяет глубже понять индивидуальные различия в творческом мышлении, а методика С. Медника дополняет анализ за счёт своих теоретических основ, связанных с ассоциативным мышлением.

Также в современном мире вопрос о карьерных ориентациях актуален, так как они влияют на выбор профессии, мотивацию и удовлетворённость карьерой. Диагностика карьерных ориентаций помогает выявить тенденции в профессиональном самоопределении и определить перспективные направления для развития.

Для исследования карьерных ориентаций используются различные методики:

- Опросник «Якоря карьеры» Э. Шейна, который выявляет восемь основных карьерных ориентаций.
- Тест «Карьерные ориентации» А.А. Азбель и А.Г. Грецова для подростков и молодёжи.
- Опросник профессиональных предпочтений Дж. Холланда, определяющий шесть основных профессиональных типов.
- Методика «Мотивы выбора профессии» Р. В. Овчаровой, выделяющая пять основных групп мотивов.
- Интервью и беседы для получения качественных данных.
- Анализ документов и продуктов деятельности для выводов о карьерных предпочтениях.

Преимущества методов диагностики включают выявление тенденций в профессиональном развитии, определение перспективных направлений, помощь в выборе профессии и повышении удовлетворённости жизнью. Однако есть и недостатки: субъективность, сложность интерпретации результатов и необходимость специальной подготовки.

Для повышения точности результатов рекомендуется использовать несколько методов одновременно. В данном исследовании выбрана методика Э. Шейна «Якоря карьеры» из-за её системного подхода, практической применимости и научной обоснованности.

На данный момент креативность становится ключевым инструментом успеха, но часто подавляется стандартизацией и жёстким следованием правилам. Для развития творческих способностей

важно обратиться к методам, которые помогают преодолеть это ограничение.

Л.С. Выготский в своей работе подчёркивает значение драматизации и игры для детского творчества. Эти же условия – игра и свобода – важны и для взрослых, чтобы возродить желание творить.

Учёные разработали упражнения для расширения творческих возможностей личности. Сознательное развитие креативности позволяет людям повышать свои творческие способности на протяжении всей жизни.

Вот несколько методик для развития творческого мышления:

1. Мышление Януса – сочетание противоречивых целей, которое помогает достигать выдающихся результатов.

2. Синектика – использование метафор, аналогий и противоположностей для изменения стереотипов мышления.

3. Творческое визуальное наблюдение – упражнения на основе образных и мифологических рассказов, которые помогают сосредоточить внимание на проблеме и найти решение.

4. Игра «Эврика» – помогает развить творческое мышление, используя слова, связанные с прозрениями и открытиями.

Эти и другие методики могут быть очень результативными для взрослых и помочь им расширить свои креативные возможности.

Результаты и обсуждения

В исследовании приняли участие 38 человек – сотрудники компании, по поручению судовладельца занимается такими услугами как: снабжение судов продовольствием и всем необходимым, ремонт, подбор персонала на судно, помощь в поиске клиентов на груз для судовладельца, поиску и сотрудничеству с другими агентирующими компаниями. Выборка персонала составила 21 женщину и 17 мужчин в возрасте от 23 до 65 лет. Весь персонал выразил добровольное участие в исследовании. Участникам гарантировалась конфиденциальность полученных данных и их использование исключительно в научно-исследовательских целях.

Были введены две гипотезы: а) основная: существует связь между креативностью и карьерными ориентациями, был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Были взяты подборки с низкими и высокими уровнями креативности; б) дополнительная: существуют различия в карьерных ориентациях у менеджеров с высоким и низким уровнем креативности, был использован математический метод U-критерий Манна-Уитни. Были взяты подборки с высокими и низкими уровнями вербальной креативности.

В табл. 1 представлены результаты корреляционного анализа связи креативности и карьерных ориентаций.

Таблица 1

Корреляционный анализ связи креативности и карьерных ориентаций.

Table 1

Correlation analysis of the relationship between creativity and career orientations.

	Профессиональная компетентность	Менеджмент	Автономия	Стабильность работы	Стабильность места жительства	Служение	Вызов	Интеграция стилей жизни	Предпринимательство
Уровень креативности	0,222	0,003	-0,334	-0,049	-0,063	-0,301	0,051	-0,248	-0,044
p=0,05	0,32	0,32	0,32	0,32	0,32	0,32	0,32	0,32	0,32
p=0,01	0,41	0,41	0,41	0,41	0,41	0,41	0,41	0,41	0,41
Принимаемая гипотеза	H ₀	H ₀	H ₁	H ₀	H ₀	H ₀	H ₀	H ₀	H ₀

В табл. 2 представлены результаты значимости различий вербальной креативности у административно-управленческого персонала вузов.

Таблица 2

Значимость различий.

Table 2

Significance of differences.

	Профессио- нальная ком- петентность	Менеджмент	Автономия	Стабильность работы	Стабильность места житель- ства	Служение	Вызов	Интеграция стилей жизни	Предпринима- тельство
У _{эмпирическое}	87,5	161,5	130,5	119	153	157	157,5	158,5	147
p=0,05	108	108	108	108	108	108	108	108	108
p=0,01	86	86	86	86	86	86	86	86	86
Принимаемая гипотеза	-	H ₀	H ₀	H ₀	H ₀	H ₀	H ₀	H ₀	H ₀

Полученные данные смогли частично подтвердить нашу первую гипотезу о том, что существует связь между креативностью и карьерными ориентациями, более высокий уровень креативности позволяет устанавливать сложные и долгосрочные карьерные цели и предполагает большую степень свободы и автономии. Мы можем говорить о том, что более высокий уровень креативности предполагает большую степень автономии, однако, он не связан со всеми остальными карьерными ориентациями.

Значимые различия были обнаружены по карьерной ориентации «Автономия», что свидетельствует о том, что автономия у менеджеров среднего звена зависит от уровня креативности. Это указывает на то, что для таких менеджеров важна возможность работать в условиях, где они могут устанавливать собственные правила, а не следовать предписаниям сверху. Основное внимание они уделяют качеству выполнения задач и соблюдению сроков, что свидетельствует о важности свободы в принятии решений и креативности в их профессиональной деятельности.

Полученные результаты не смогли подтвердить нашу вторую гипотезу о том, что существуют различия в выборе карьерных ориентаций у менеджеров с высоким уровнем креативности и менеджеров с низким уровнем креативности, соответственно, уровень вербальной креативности не связан с выбором той или иной карьерной ориентации.

В большинстве случаев не наблюдается значительных различий в карьерных предпочтениях. В частности, для карьерной ориентации «Профессиональная компетентность» гипотеза H₀ была отклонена, что указывает на неопределенность в значениях, но по остальным карьерным ориентациям (таким как «Менеджмент», «Автономия», «Стабильность работы», «Стабильность места жительства», «Служение», «Вызов», «Интеграция

стилей жизни» и «Предпринимательство») гипотеза H₀ была принята, что свидетельствует об отсутствии значительных различий в уровне карьерной ориентации между менеджерами с низким и высоким уровнем вербальной креативности.

Это приводит к выводу, что вербальная креативность не является фактором, влияющим на карьерные предпочтения по указанным направлениям. Менеджеры с различными уровнями креативности имеют схожие устремления в профессиональной сфере, что указывает на то, что их карьерные амбиции могут быть определены иными факторами, отличными от вербальной креативности. Таким образом, результаты подчеркивают отсутствие корреляции между уровнем вербальной креативности и стремлением к различным карьерным ориентациям.

Выводы

Подводя итог, можно прийти к выводу, что креативность в современном мире является одним из неотъемлемых качеств сотрудника предприятия. Особенно с приходом технологий и ростом темпов развития человечества, сотруднику необходимы особые качества, которые помогают обходить своих конкурентов. В наше время необходимо действовать нестандартно и находить всё новые пути развития компании, благодаря чему и поднимется спрос на высокую креативность кадров.

По итогам эмпирического исследования мы смогли частично подтвердить нашу первую гипотезу о том, что существует связь между креативностью и карьерными ориентациями, более высокий уровень креативности позволяет устанавливать сложные и долгосрочные карьерные цели и предполагает большую степень свободы и автономии. Мы можем говорить о том, что более высокий уровень креативности предполагает большую степень автономии, однако, он не связан со всеми остальными карьерными ориентациями. Но мы не смогли подтвердить нашу вторую гипотезу о том,

что существуют различия в выборе карьерных ориентаций у менеджеров с высоким уровнем креативности и менеджеров с низким уровнем креативности. Таким образом мы пришли к заключению, что уровень вербальной креативности не связан с выбором той или иной карьерной ориентации

Практическая полезность результатов исследования заключается в том, что они могут быть по-

лезны для разработки программ по развитию креативности у менеджеров и повышению их эффективности в работе. Также результаты исследования могут помочь в разработке рекомендаций для компаний по формированию кадрового резерва и управлению карьерой сотрудников.

Список источников

1. Беляцкий Н.П. Менеджмент: деловая карьера. М.: Высшая школа, 2010. 302 с.
2. Кирьякова А.В., Мороз В.В. Креативность сквозь призму аксиологии // Педагогический журнал Башкортостана. 2021. № 2 (92). С. 10 – 20.
3. Кубекова А.С. и др. Связь эмоционального интеллекта и профессиональных мотивов у сотрудников // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 3-1. С. 151 – 158.
4. Кудашев А.Р., Пискарева С.Е. Сравнительная характеристика карьерных ориентаций государственных служащих и менеджеров // ЧФ: Человеческий фактор социальный психолог. 2021. С. 243.
5. Любарт Т., Муширу К., Психология креативности. М.: Когито-Центр, 2009. 215 с.
6. Рожкова С.В. Сравнительный анализ понятий "креативность" и "творчество" // Гаудеамус. 2018. № 1 (35). С. 43 – 45.
7. Чикер В.А. Психологическая диагностика организации и персонала. СПб.: Речь, 2004. 176 с.
8. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2012. 336 с.
9. Mednick S.A. The Associative Basis of the Creative Process // Psychological Review. 1962. Vol. 69. № 3. P. 220 – 232.
10. Torrance P.E. Torrance Tests of Creative Thinking // Princeton N.J.: Personnel Press, 1966. 5 p.

References

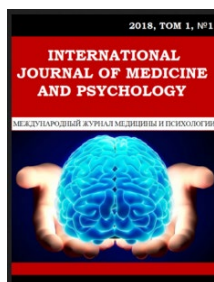
1. Belyatsky N.P. Management: business career. Moscow: Higher School, 2010. 302 p.
2. Kiryakova A.V., Moroz V.V. Creativity through the prism of axiology. Pedagogical journal of Bashkortostan. 2021. No. 2 (92). P. 10 – 20.
3. Kubekova A.S. et al. The relationship between emotional intelligence and professional motives in employees. Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2021. Vol. 10. No. 3-1. P. 151 – 158.
4. Kudashev A.R., Piskareva S.E. Comparative characteristics of career orientations of civil servants and managers. ChF: Human factor social psychologist. 2021. P. 243.
5. Lubart T., Mushiru K., Psychology of creativity. Moscow: Kogito-Center, 2009. 215 p.
6. Rozhkova S.V. Comparative analysis of the concepts of "creativity" and "creativity". Gaudeamus. 2018. No. 1 (35). P. 43 – 45.
7. Chiker V.A. Psychological diagnostics of the organization and personnel. St. Petersburg: Rech, 2004. 176 p.
8. Shane E. Organizational culture and leadership. St. Petersburg: Piter, 2012. 336 p.
9. Mednick S.A. The Associative Basis of the Creative Process. Psychological Review. 1962. Vol. 69. No. 3. P. 220 – 232.
10. Torrance P.E. Torrance Tests of Creative Thinking. Princeton N.J.: Personnel Press, 1966. 5 p.

Информация об авторах

Аристова В.А., Дальневосточный федеральный университет, 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, veronika.aristova@internet.ru

Самсонова Е.В., кандидат педагогических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, samsonova.evl@dvfu.ru

© Аристова В.А., Самсонова Е.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 343.85

¹ Романова И.В.,

² Гаврилова Н.В.,

¹ Уральский государственный педагогический университет,

² Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи

Особенности детско-родительских отношений в профилактике риска суицидального поведения в подростковом возрасте

Аннотация: в статье рассматривается острая проблема роста суицидального поведения среди подростков, особенно в возрастной группе 14-19 лет. Приводится тревожная статистика, указывающая на увеличение числа попыток и повторных попыток самоубийств среди несовершеннолетних, особенно в странах с низким и средним уровнем дохода. Основные причины подростковых суицидов включают конфликты с родителями, психические расстройства, неудачные любовные отношения, давление со стороны сверстников, недовольство внешностью, проблемы в обучении и влияние интернет-контента. Особое внимание уделено роли семьи и качеству детско-родительского взаимодействия. Указывается, что отсутствие поддержки и уважения, агрессивное поведение взрослых, эмоциональное отчуждение и дефицит эмпатии в семье могут значительно повысить риск суицидального поведения у подростка. Рассматриваются ключевые психологические теории (Фрейд, Эриксон, Бандура, Шнейдман, Джойнер и др.), подчеркивающие сложность и многофакторность феномена. Авторы приходят к выводу, что предотвращение подростковых суицидов возможно при создании условий психологической безопасности, внедрении национальных программ профилактики, улучшении внутрисемейного климата и повышении уровня психопросвещения родителей. Семья выступает как основной фактор, формирующий личностную устойчивость подростка и его способность справляться с жизненными трудностями.

Ключевые слова: суицид, суицидальный риск, подростковый возраст, детско-родительские отношения

Для цитирования: Романова И.В., Гаврилова Н.В. Особенности детско-родительских отношений в профилактике риска суицидального поведения в подростковом возрасте // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 128 – 135.

Поступила в редакцию: 10 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 13 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Romanova I.V.,

² Gavrilova N.V.,

¹ Ural State Pedagogical University,

² Center for Psychological, Pedagogical, Medical and Social Assistance

Features of child-parent relations in preventing the risk of suicidal behavior in adolescence

Abstract: this article addresses the pressing issue of rising suicidal behavior among adolescents, particularly those aged 14-19. Alarming statistics reveal an increase in both initial and repeated suicide attempts among minors, especially in low- and middle-income countries. Key contributing factors include family conflicts, mental disorders, unrequited love, peer pressure, dissatisfaction with appearance, academic difficulties, and the influence of online content. Special attention is given to the role of the family and the quality of parent-child interaction. The lack of emotional support, respect, and empathy within the family, as well as adult aggression or indifference, are

identified as significant risk factors. The article reviews key psychological theories (Freud, Erikson, Bandura, Shneidman, Joiner, among others), emphasizing the complexity and multifactorial nature of suicidal behavior. The authors conclude that adolescent suicide prevention is possible through the creation of psychologically safe environments, implementation of national prevention programs, improvement of family dynamics, and increased parental psychological literacy. The family plays a critical role in shaping a teenager's emotional resilience and their ability to cope with life challenges, highlighting the importance of nurturing, supportive, and communicative parenting in reducing suicide risks.

Keywords: suicide, suicide risk, adolescence, child-parent relations

For citation: Romanova I.V., Gavrilova N.V. Features of child-parent relations in preventing the risk of suicidal behavior in adolescence. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 128 – 135.

The article was submitted: March 10, 2025; Approved after reviewing: May 13, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Современное общество продолжает волновать проблема суицидального поведения. Число суицидальных попыток и свершившихся самоубийств среди подрастающего поколения в мире ежегодно растет, уже в прошлом году более 700 тысяч подростков свели счеты с жизнью. Уровень самоубийств среди юных людей в возрасте 14-19 лет один из самых критических в мире и продолжает бить все рекорды. Внушительный процент (78%) мировых самоубийств зафиксирован в развивающихся странах с уровнем дохода ниже среднего. Неблагоприятная социальная обстановка и постоянный конфликтный потенциал в общении являются основными причинами совершения самоубийств подрастающим поколением. По данным Росстата, число попыток суицида среди несовершеннолетних за последние года увеличилось почти на 13 процентов, число повторных попыток на 92,5 процента. В документе приводится статистика количества самоубийств среди несовершеннолетних. По предоставленным регионами данным число попыток суицида среди несовершеннолетних за последние три года увеличилось почти на 13 процентов – с 3253 до 3675 (2019 год – 3253, 2020 год – 3051, 2021 год – 3675). Число повторных попыток суицида увеличилось на 92,5 процента – со 188 до 362 (2019 год – 188, 2020 год – 296, 2021 год – 362). Данных за 2021 год федеральная служба не приводит. Причинами подростковых трагедий являются: конфликты с родителями, психические расстройства ребенка, несчастная любовь, ссоры со сверстниками, недовольство собственной внешностью, проблемы в обучении, влияние информации в Интернете. Таким подросткам свойственно переживание страха в общении, не деликатного, неуважительного, а порой даже агрессивного поведения родителей, учителей, школьных наставников, сверстников в классе, товарищей, равнодушия и наплевательского от-

ношения. Ученые в своих исследованиях продолжают выделять особо важные факторы риска, нарушающих психическое благополучие подростка. Согласно фактам, решиться на такой поступок может потерявший смысл подросток, переживающий чувства утраты, одиночества, собственной никчемности. Среди причин суицида можно также выделить алкоголизм и наркомания родителей и самих подростков и, конечно же, индивидуальные психологические особенности личности. Отражая всемирный масштаб по данной проблеме, перед ООН и ВОЗ во многих странах стоит важная задача борьбы, профилактики риска суицидального поведения, подчёркивается необходимость создания и внедрения национальных эффективных программ для обеспечения благополучия личности подростка [26].

Материалы и методы исследований

Настоящая статья основана на анализе и обобщении данных современной научной литературы в области психологии, суицидологии, педагогики и социальной психиатрии. В качестве основного метода исследования использован метод теоретического анализа, включающий контент-анализ отечественных и зарубежных публикаций, отчетов международных организаций (ВОЗ, ЮНИСЕФ), статистических данных Росстата, а также сопоставление различных концептуальных подходов к проблеме суицидального поведения подростков. Для систематизации и интерпретации собранного материала использовались методы сравнительного и логического анализа, что позволило выявить ключевые факторы риска и защитные механизмы, влияющие на формирование суицидальных тенденций у подростков.

Результаты и обсуждения

Многими современными исследователями подтверждается, что в последние годы сохраняется тенденция суицидальной ориентации среди молодежи. Вне зависимости от степени предупрежде-

ния и мер профилактики, многими специалистами подростковые самоубийства не утрачивают своей актуальности.

Феномен суицидального поведения исследуется давно и рассматривается в многочисленных работах философов, историков, правоведов, социологов, суицидологов и психологов. В 1838 г. психиатром Жан-Этьен Эскироль было выдвинуто предположение о саморазрушительных наклонностях как патологии, которая приводит к негативным изменениям в различных органах человека.

З. Фрейд в 1910 г., выступая с докладом, доказал, что «отвращение к жизни и страстное желание смерти определяют собственно суицидальное поведение». А. Бандура в своих работах рассмотрел осознанное добровольное деяние как характеристику суицидального поведения. У данного деяния целью которого является смерть, а мотив - разрешение кризисной ситуации путём действий, направленных на самоуничтожение [8]. Человек имеет склонность к тревоге и самоосуждению, этим самым нарушает собственные внутренние нормы поведения.

Изучая проблему суицидального поведения, Эрик Эриксон делал акцент на уязвимость личности, переживающей состояние хронического стресса [8]. Первоисточниками суицидальных мыслей и поступков подростков являются собственное ощущение себя «белой вороной» в подростковой группе, чувство незащищенности и изоляции. Термином «психоэмоционального моратория», Эриксон обозначил суицидальный акт, который имеет в основании явный характер социального призыва с одной стороны, с другой – желания передышки.

Д.А. Леонтьев в предмете суицида акцентировал внимание на выбор либо жизнь, либо смерть [16].

Э. Шнейдман в своей теории рассматривал самоубийство с точки зрения психологических потребностей. Суицидальное поведение характеризуют боль души и состояние фрустрации, в результате чего происходит деформация значимых потребностей личности подростка [8].

Томас Джойнер предложил свою интерперсональную модель, в которой подлинная попытка суицида возможна при совпадении трех факторов в человеке: «в результате чувства одиночества появление желания умереть, восприятие себя изгоем для ближайшего окружения, терпимость к физической боли и пониженный страх смерти» [24].

В связи более выраженным риском суицидального поведения среди подрастающего поколения в возрасте 14-18 лет Эрл Гролман сделал акцент на

проблеме суицида среди молодежи и проведении профилактических мероприятий [26].

Д. Бридж, Т. Голдштейн, Д. Брент предложили свою модель предпосылок и развития суицидального поведения у подростков. Основываясь на эпидемиологических данных самоубийство предполагает комплекс взаимосвязанных между собой факторов, среди которых можно выделить социально-культурные, психиатрические, психологические, семейные и биологические [8].

Л.С. Выготским предложено рассматривать подростковый возраст с точки зрения интересов, определяющие структуру направленности реакций. Некоторые возрастные особенности делают подростков более уязвимыми к суицидальным проявлениям таких, как «незрелость эмоционально-личностной сферы, несформированность жизненных ориентаций, временной перспективы, самосознания, представлений о смерти как о конечном событии, отсутствие понимания необратимости своих действий» [6].

Как и любое сложное человеческое явление, подростковый возраст характеризуется рядом физиологических, психологических и социальных факторов. Данный период в жизни подростка можно охарактеризовать как переходное состояние, связанное с половым созреванием, бурным развитием самосознания и приобретением независимости от значимых взрослых и стремление к самоидентификации. Формирующиеся новые психологические и социальные характеристики, смена социальных и личностных ценностей способны вызвать состояние стресса, который может привести к нарушениям в психическом здоровье и благополучии подростка. На этом фоне отношения с родителями играют ключевую роль, выступая как источник поддержки, так и потенциального стресса. Настоящее исследование направлено на оценку того, как качественные характеристики взаимодействий внутри семьи могут способствовать формированию или, наоборот, снижению уровня суицидального риска у подрастающего поколения.

Часто у подростков с выраженными суицидальными тенденциями можно наблюдать некоторые виды отклоняющегося поведения, среди которых выделить употребление алкоголя или наркотиков, прогулы школьных занятий и секций, побеги из дома и даже правонарушения.

В своих исследованиях А.Г. Амбрумова доказывает, что на фоне переживаемого микроконфликта возникает социально-психологическая дезадаптация личности, и как результат происходит формирование суицидального поведения » [17].

Опираясь на многочисленные психологические исследования, можно выделить особенности подросткового суицида:

1. Совершая поступки, подростки не всегда адекватно воспринимают существующую действительность. На фоне захлестывающих эмоций и чувств ему сложно быть критичным к итогам своего поступка. Нужно отметить, что осознание смерти, как конец жизни, может полностью формироваться у взрослой личности. Подростки желают стать свидетелем реакции родителей на их смерть, проявлениям чувства жалости по отношению к ним, хотят получить от взрослого окружения пересмотр отношения к их персоне и, своего рода, «ожидание второго рождения». Подростками не осознается степень опасности своего поступка, так как не могут подойти к суициду с полной продуманностью, как взрослые [5]. Каждый подростковый суицид определяется личностной нестабильностью, искаженным пониманием себя, своего положения в социуме и особенно в семье.

2. Как правило, взрослые, родители расценивают причины, толкающих подростка к суициду как несущественные, не обращают на них внимание. Даже непонимание в общении со сверстниками и негативный микроклимат в семье определяют первоисточник возникающего суицидального состояния у подростка, хотя для окружающих это может остаться незамеченным.

3. Существует корреляция попыток самоубийства с девиантным поведением. Здесь можно выделить конфликтный потенциал между подростком и родителями, аутоагрессивное поведение, правонарушения, неоднократные, курение и злоупотребление запрещенными веществами и т.д... Депрессивные состояния в подростковом возрасте протекают по-иному, нежели у взрослых и могут оказывать влияние на формирование суицидального поведения. Отмечено, что подростки в своих поступках не хотят уничтожить себя, их цель – восстановить утраченное благополучие в семейных отношениях [10].

В исследованиях А.В. Бруг и Ю.В. Попова (2005), [25] подросток, находясь в условиях длительного стресса, негативной психологической семейной обстановке, отсутствии поддержки, понимания взаимоуважения в семье может решиться на суицид. Значит, по мнению подростка, решаются семейные и личные проблемы. Такой вариант «выхода из проблем» может сформировать определенный шаблон поведения. П.Б. Зотов доказал невозможность возникновения суицидального поведения за короткий срок, для этого требуется длительное время и, так называемое значимое событие, актуализирующее переживания [10].

В развитии ребёнка главную роль играет родительская семья со своими правилами и нормами. У родителей подросток учится общению, находит для себя объекты для подражания. Изучая реакцию взрослых на свои поступки, выстраивает собственную модель поведения. Возникающие проблемы с социумом свидетельствуют о невозможности адекватной оценке подростком как своего, так и чужого поведения, появление чувства растерянности и непонимания базовых норм морали и личностных качеств окружения. Опираясь на актуальность психологического благополучия подростков, среди многочисленных факторов, способствующих как негативным, так и позитивным изменениям, детско-родительские отношения занимают значимое место. Кроме того, стили воспитания, доброжелательность в семейных отношениях, атмосфера благополучия, а также уровень образования родителей тесно связаны с психическим здоровьем подрастающего поколения. В формировании личности подростка значимую роль играют его семья, родительские установки и благоприятная семейная атмосфера. В дружной семье ребенок растёт более спокойным, управляемым и доброжелательным. Конфликт между родителями может проявляться во враждебном отношении к детям, что может вызвать ответную реакцию - подростковую агрессию. Значит, проблема суицидального поведения подростков требует особого внимания к тому, как родители и их взаимодействия с подростками влияют на их личностное благополучие [35].

Исходя из теоретических основ, установлено, что позитивные и поддерживающие отношения родителей способны значительно снизить уровень тревожности и корректировать состояние депрессии у подростков, тем самым уменьшая вероятность возникновения суицидальных идей и намерений. Эмпатия, открытость, доступность родителей для общения способствуют созданию пространства, где подросток может ощущать безопасность и принимать решения, обращаясь за помощью к взрослым при возникновении трудностей. При этом важно учитывать индивидуальные особенности каждого подростка, так как различные подходы могут по-разному влиять на каждого ребёнка.

Проведенные исследования позволяют различать многочисленные факторы, побуждающие подростка к самоубийству: постоянные ссоры и разногласия в семье и школе; унижения со стороны сверстников; несформированность компенсаторных механизмов; сложности возрастных изменений.

Среди личностных характеристик, которые могут послужить основой для совершения суицидальной попытки, называются ригидность, зависимость от других, напряженность потребностей, вязкость реагирования, присоединение невротических элементов, депрессивной симптоматики, психосоматические нарушения. В науке также разработан аспект родительских отношений и влияние деструктивных стратегий семейного воспитания на невротизацию, дисбаланса психологического здоровья подростка (Сенягин, Сенягина, 2006; Карцева, 2003), оказывающего влияние на повышение риска суицидального поведения. Как показано многими исследованиями, отношение к суициду задается обществом в соответствии с приемлемыми и распространенными в нем традициями, доминирующим мировоззрением.

Выводы

Психологи пытаются оценить степень влияния детско-родительских отношений, конкретных фактов насилия на развитие и укрепление в психике подрастающего поколения любых форм отклоняющегося поведения, возникновение суицидального риска. Существует немало исследований, связанных со статистически достоверным ростом уровня добровольного ухода из жизни среди подростков.

Негативные детско-родительские взаимоотношения имеют корреляцию с высокими показате-

лями стрессовых реакций, тревожности и депрессии у подростков. Конфликты, отсутствие чувственной близости и невозможность поиска компромиссов выполняют роль триггера в возникновении суицидальных идей. Вполне вероятно такие подростки в семье ощущают себя ненужными и изгоями, увеличивая риск суицидального поведения.

Одним словом, в воспитании личности подростка главную роль играет климат в семье. В отсутствии благополучия семейной атмосферы взаимоотношений, гораздо чаще подрастающее поколение находит выход в попытке добровольного ухода из жизни. Своевременность оказанной психологической поддержки, проявленное чуткое отношение к подросткам, оказавшихся в трудной психологической ситуации, существенно поможет не допустить трагедий. Мы полагаем, используя превентивные и психопрофилактические мероприятия возможно качественное снижение суицидального риска подростков. Совместный подход в работе специалистов области психологии и педагогики подчёркивает необходимость построения эффективных отношений родителей и подростков, развитие эмоционального благополучия, взаимопонимания, открытости и чувства сопереживания в критические моменты.

Список источников

1. Конвенция ООН о правах ребенка (ст. 6, 8, 16, 27, 28, 29, 30): принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г. // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок четвертая сессия, Дополнение № 49 (A/44/49). С. 230 – 239.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2021 года № 1058-р «О комплексе мер до 2025 года по совершенствованию системы профилактики суицида среди несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ. 2021. № 19. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383385/ (дата обращения: 25.02.2025)
3. Ткач Е.Н. Актуальные вопросы психологии подросткового возраста. Хабаровск: ТГУ, 2023. 94 с.
4. Бонкало Т.И., Полякова О.Б. Психологические факторы риска суицидальных состояний и суицидального поведения личности. М., 2024. 204 с.
5. Васягина Н.Н. Особенности внутрисемейных взаимоотношений у подростков с саморазрушающим поведением // Педагогическое образование в России. 2023. № 6. С. 249 – 255.
6. Выготский Л.С. Мышление и речь: психологические исследования / под ред. и со вступ. статьей В. Колбановского. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 324 с.
7. Григорьева С.И. Стратегии обучения и воспитания в разных типах семьи. М: ФГБОУВО «Государственный университет просвещения», 2024. 133 с.
8. Журавлева Т.В. Суицид – осознанный выбор смерти: философские и психологические аспекты проблемы // Психология и право. 2018. Т. 8. № 2. С. 35 – 49.
9. Батуева Н.Г. Завершённые суициды у детей и подростков: клинико-психологический анализ // Живая психология. 2022. Т. 9. № 4 (36). С. 11 – 19.
10. Зиновьев С.В. Суицид. Попытка системного анализа. СПб: Сотив, 2002. 135с.
11. Зотов П.Б., Уманский С.М. Клинические формы и динамика суицидального поведения // Суицидология. 2013. Т. 4. № 1. С. 55 – 69.

12. Калашников И.Ж., Патрушева Э.А., Халтурина Д.Е. Юридическая ответственность родителей за суицидальное поведение подростков в консультационном процессе // Проблемы психологического консультирования и медиации в современных условиях российского общества. 2023. С. 179.
13. Касьянов В.В., Нечипуренко В.В. Суицидальное поведение. М.: Юрайт, 2024. 330 с.
14. Короткова А.В. Факторы суицидальной склонности подростков и их психологическая профилактика в семье // Петровские образовательные чтения. Духовно-нравственные ценности в современном российском обществе: Сборник научных трудов XII Международной научно-практической конференции. 2024. С. 121 – 125.
15. Латышева А.А., Мальцева С.М. «Ненужные дети»: причины подросткового суицида в современной России // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2023. № 3 (46). С. 20 – 26.
16. Леонтьев Д.А. Экзистенциальный смысл суицида: жизнь как выбор // Консультативная психология и психотерапия. 2008. Т. 16. № 4. С. 58 – 82.
17. Лукашук А.В., Байкова М.А. Современный взгляд на проблему подростковых суицидов // Здравоохранение Югры: опыт и инновации. 2016. № 2. С. 48 – 52.
18. Михайлова И.В. Роль семейных отношений в проявлении тревожности и суицидального риска у подростков // Проблемы психологического благополучия: Международная научно-практическая онлайн-конференция. Екатеринбург, 2023. С. 112 – 116.
19. Мишина С.С. Подростковый суицид: анализ механизмов и психологическая превенция. СПб: Скифия-принт, 2024. 167 с.
20. Морозова Е.А., Белова А.Д. Специфика проявления суицидальных рисков среди детей подросткового возраста // Творческое наследие Э.В. Ильенкова и современность. 2020. № 6. С. 109 – 116.
21. Нелюбова, Я.К. Профилактика суицидального поведения несовершеннолетних: учебно-методическое пособие. Саратов: ГАУ ДПО «СОИРО», 2021. 136 с.
22. Нигманова А.Э. Профилактика суицида у детей и подростков в школе // Обществознание и социальная психология. 2022. № 5-2 (35). С. 69 – 72.
23. Никитина Д.И., Галимова Р.З. Взаимосвязь нарушений детско-родительских отношений на суицидальные наклонности у подростков // Грани педагогики безопасности: Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. 2018. С. 188 – 194.
24. Павлова Т.С., Банников Г.С. Современные теории суицидального поведения подростков и молодежи // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. Т. 5. № 4. С. 59 – 69.
25. Попов Ю.В., Бруг А.В. Аддиктивное суицидальное поведение подростков // Обозрение психиатрии и медтцинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2005. № 1. С. 24 – 26.
26. Романова И.В., Львовская Е.И. Динамика показателей липорокиссации т симпатoadреналовой системы у школьников 9-11 классов как критерий формирования риска суицидального поведения // Вестник МАНЭБ. СПб. 2011. № 23. С. 180.
27. Алеева С.С. Семья в современном социуме: правовые и психологические аспекты: монография. СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2023. 80 с.
28. Фрейд З. Вводное и заключительное слово к дискуссии о самоубийстве... Самоубийства среди учащихся: Дискуссии Венского Психоаналитического Ферейна: пер. с нем. М. Бикермана / под ред. д-ра М.В. Вульфа. Одесса, Изд-во: «Жизнь и Душа», 1912. 54 с.
29. Царева Е.В. Исследование риска суицидального поведения подростков// Интеграция науки и образования в XXI веке: психология, педагогика, дефектология // Сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции. 2024. С. 162 – 166.
30. Эрдынеева К.Г., Филиппова В.П. Суицидальное поведение: сущность, факторы и причины (кросскультурный анализ). М.: Акад. Естествознания, 2011. 147 с.
31. Kandsperger S. Emotional reactivity and family-related factors associated with self-injurious behavior in adolescents presenting to a child and adolescent psychiatric emergency service // Frontiers in Psychiatry. 2021. Vol. 12. P. 634346.
32. Shidhay R. Parenting and adolescent suicidal behavior // EClinicalMedicine. 2021. Vol. 32. P. 100728.
33. Jaini P.A. 1.78 Evaluation of resilience in an adolescent suicide prevention intensive outpatient program// Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry. 2023. Vol. 62. № 10. P. S180.
34. Won G.H. Subcortical volume analysis in non-suicidal self-injury adolescents: a pilot study // Psychiatry Research: Neuroimaging. 2023. Vol. 331. P. 111617.
35. Liu X.Q., Wang X. Adolescent suicide risk factors and the integration of social-emotional skills in school-based prevention programs // World Journal of Psychiatry. 2024. Vol. 14. № 4. P. 494 – 506.

References

1. UN Convention on the Rights of the Child (Articles 6, 8, 16, 27, 28, 29, 30): adopted by General Assembly resolution 44/25 of 20 November 1989. Official Records of the General Assembly, Forty-fourth Session, Supplement No. 49 (A/44/49). P. 230 – 239.
2. Order of the Government of the Russian Federation of 26 April 2021 No. 1058-r "On a set of measures until 2025 to improve the system of suicide prevention among minors" [Electronic resource]. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021 No. 19. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383385/ (date accessed: 25.02.2025)
3. Tkach E.N. Actual issues of psychology of adolescence. Khabarovsk: TSU, 2023. 94 p.
4. Bonkalo T.I., Polyakova O.B. Psychological risk factors of suicidal states and suicidal behavior of the individual. Moscow, 2024. 204 p.
5. Vasyagina N.N. Features of intra-family relationships in adolescents with self-destructive behavior. Pedagogical education in Russia. 2023. No. 6. P. 249 – 255.
6. Vygotsky L.S. Thinking and speech: psychological research. edited and with an introduction by V. Kolbanovsky. M.; L.: Sotsekgiz, 1934. 324 p.
7. Grigorieva S.I. Strategies for teaching and upbringing in different types of families. M.: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "State University of Education", 2024. 133 p.
8. Zhuravleva T.V. Suicide is a conscious choice of death: philosophical and psychological aspects of the problem. Psychology and Law. 2018. Vol. 8. No. 2. P. 35 – 49.
9. Batueva N.G. Completed suicides in children and adolescents: clinical and psychological analysis. Living Psychology. 2022. Vol. 9. No. 4 (36). P. 11 – 19.
10. Zinoviev S.V. Suicide. An attempt at a systems analysis. SPb: Sotiv, 2002. 135 p.
11. Zotov P.B., Umansky S.M. Clinical forms and dynamics of suicidal behavior. Suicidology. 2013. Vol. 4. No. 1. P. 55 – 69.
12. Kalashnikov I.Zh., Patrusheva E.A., Khalturina D.E. Legal liability of parents for suicidal behavior of adolescents in the counseling process. Problems of psychological counseling and mediation in modern conditions of Russian society. 2023. P. 179.
13. Kasyanov V.V., Nechipurenko V.V. Suicidal behavior. Moscow: Yurait, 2024. 330s.
14. Korotkova A.V. Factors of adolescent suicidal tendencies and their psychological prevention in the family. Petrovsky educational readings. Spiritual and moral values in modern Russian society: Collection of scientific papers of the XII International scientific and practical conference. 2024. P. 121 – 125.
15. Latysheva A.A., Maltseva S.M. "Unnecessary children": causes of teenage suicide in modern Russia. Education and science in the modern world. Innovations. 2023. No. 3 (46). P. 20 – 26.
16. Leontiev D.A. Existential meaning of suicide: life as a choice. Counseling psychology and psychotherapy. 2008. Vol. 16. No. 4. P. 58 – 82.
17. Lukashuk A.V., Baykova M.A. A modern look at the problem of teenage suicides. Healthcare of Yugra: experience and innovation. 2016. No. 2. P. 48 – 52.
18. Mikhailova I.V. The role of family relationships in the manifestation of anxiety and suicidal risk in adolescents. Problems of psychological well-being: International scientific and practical online conference. Ekaterinburg, 2023. P. 112 – 116.
19. Mishina S.S. Teenage suicide: analysis of mechanisms and psychological prevention. St. Petersburg: Skifia-print, 2024. 167 p.
20. Morozova E.A., Belova A.D. Specifics of the manifestation of suicide risks among adolescents. The creative legacy of E.V. Ilyenkov and modernity. 2020. No. 6. P. 109 – 116.
21. Nelyubova, Ya.K. Prevention of suicidal behavior in minors: a teaching aid. Saratov: GAU DPO "SOIRO", 2021. 136 p.
22. Nigmanova A.E. Prevention of suicide in children and adolescents at school. Social Science and Social Psychology. 2022. No. 5-2 (35). P. 69 – 72.
23. Nikitina D.I., Galimova R.Z. The relationship between violations of parent-child relationships and suicidal tendencies in adolescents. Facets of safety pedagogy: Materials of the All-Russian student scientific and practical conference with international participation. 2018. P. 188 – 194.
24. Pavlova T.S., Bannikov G.S. Modern theories of suicidal behavior of adolescents and young people. Psychological science and education psyedu.ru. 2013. Vol. 5. No. 4. P. 59 – 69.
25. Popov Yu.V., Brug A.V. Addictive suicidal behavior of adolescents. Review of Psychiatry and Medical Psychology named after V.M. Bekhterev. 2005. No. 1. P. 24 – 26.

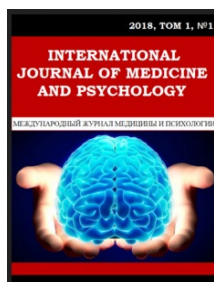
26. Romanova I.V., Lvovskaya E.I. Dynamics of lipid oxidation indicators and the sympathoadrenal system in schoolchildren of grades 9-11 as a criterion for the formation of the risk of suicidal behavior. Bulletin of MANEB. SPb. 2011. No. 23. P. 180.
27. Aleeva S.S. Family in modern society: legal and psychological aspects: monograph. SPb.: State Research Institute "NatSrazvitie", 2023. 80 p.
28. Freud Z. Introductory and final remarks to the discussion about suicide... Suicides among students: Discussions of the Vienna Psychoanalytic Verein: trans. from Germ. M. Bikerman. edited by Dr. M.V. Wolf. Odessa, Publishing House: "Life and Soul", 1912. 54 p.
29. Tsareva E.V. Study of the risk of suicidal behavior in adolescents. Integration of science and education in the 21st century: psychology, pedagogy, defectology. Collection of scientific papers based on the materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. 2024. P. 162 – 166.
30. Erdyneeva K.G., Filippova V.P. Suicidal behavior: essence, factors and causes (cross-cultural analysis). Moscow: Acad. Natural Sciences, 2011. 147 p.
31. Kandsperger S. Emotional reactivity and family-related factors associated with self-injurious behavior in adolescents presenting to a child and adolescent psychiatric emergency service. *Frontiers in Psychiatry*. 2021. Vol. 12. P. 634346.
32. Shidhaye R. Parenting and adolescent suicidal behavior. *EClinicalMedicine*. 2021. Vol. 32. P. 100728.
33. Jaini P.A. 1.78 Evaluation of resilience in an adolescent suicide prevention intensive outpatient program. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. 2023. Vol. 62. No. 10. P. S180.
34. Won G.H. Subcortical volume analysis in non-suicidal self-injury adolescents: a pilot study. *Psychiatry Research: Neuroimaging*. 2023. Vol. 331. P. 111617.
35. Liu X.Q., Wang X. Adolescent suicide risk factors and the integration of social-emotional skills in school-based prevention programs. *World Journal of Psychiatry*. 2024. Vol. 14. No. 4. P. 494 – 506.

Информация об авторах

Романова И.В., кандидат биологических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, vir-futurum@mail.ru

Гаврилова Н.В., педагог-психолог, Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи, gnv1983@inbox.ru

© Романова И.В., Гаврилова Н.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.9.072

¹ Бедниченко Е.Р.,

¹ Аристова И.Л.,

¹ Дальневосточный федеральный университет

Возможности использования арт-терапевтических техник в коррекции профессионального стресса у педагогов дошкольного образования

Аннотация: в условиях возрастания профессиональной нагрузки на педагогов актуализируется проблема профилактики и коррекции стрессовых состояний у воспитателей дошкольных образовательных учреждений. Целью настоящего исследования стало изучение возможностей арт-терапевтических техник в качестве психологической коррекции профессионального стресса у педагогов дошкольного образования. Экспериментальная группа включала 15 воспитателей, у которых зафиксирован высокий уровень профессионального стресса. Участники демонстрировали выраженные признаки эмоционального и физического переутомления, снижение адаптационных возможностей, а также трудности в управлении собственным психоэмоциональным состоянием. Подобное состояние рассматривается как фактор риска профессионального выгорания и требует целенаправленного психологического сопровождения. В этой группе было реализовано комплексное психологическое вмешательство, направленное на снижение уровня стресса и развитие навыков саморегуляции. Для проведения формирующего эксперимента был разработан арт-терапевтический тренинг, направленный на снижение уровня стресса у воспитателей. Программа включала серию занятий с использованием методов арт-терапии, способствующих выражению и осознанию эмоций, снижению внутреннего напряжения и актуализации личностных ресурсов. Полученные данные свидетельствуют об эффективности арт-терапевтического вмешательства и подтверждают целесообразность его применения в практике психологической поддержки педагогических работников.

Ключевые слова: арт-терапия, профессиональный стресс, педагоги дошкольного образования, коррекция, арт-терапевтический тренинг

Для цитирования: Бедниченко Е.Р., Аристова И.Л. Возможности использования арт-терапевтических техник в коррекции профессионального стресса у педагогов дошкольного образования // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 136 – 141.

Поступила в редакцию: 11 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Bednichenko E.R.,

¹ Aristova I.L.,

¹ Far Eastern Federal University

Possibilities of using art-therapeutic techniques for the correction of professional stress in pre-school education teachers

Abstract: the increasing professional workload for teachers is making it more important to prevent and correct stress conditions in pre-school educational institutions. Our objective was to investigate the possibilities of art-therapeutic techniques as a psychological remedy for professional stress in pre-school teachers. The experimental group included 15 educators with a high level of professional stress. The participants demonstrated marked signs of emotional and physical overexertion, reduced adaptive capacity, as well as difficulties in managing their own

psycho-emotional state. Such a condition is considered as a risk factor for professional burnout and requires targeted psychological support. In this group, a comprehensive psychological intervention aimed at reducing the level of stress and developing self-regulatory skills was implemented. To conduct the formative experiment, an art-therapeutic training aimed at reducing the level of stress in educators was developed. The program included a series of classes using art-therapy methods that promote expression and awareness of emotions, reduce internal tension and actualize personal resources. The data obtained show the effectiveness of art-therapeutic intervention and confirm its usefulness in the practice of psychological support of pedagogical workers.

Keywords: art therapy, professional stress, pre-school education teachers, correction

For citation: Bednichenko E.R., Aristova I.L. Possibilities of using art-therapeutic techniques for the correction of professional stress in pre-school education teachers. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 136 – 141.

The article was submitted: March 11, 2025; Approved after reviewing: May 14, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Современные тенденции развития системы дошкольного образования характеризуются усложнением профессиональной деятельности воспитателей: повышаются требования к качеству образовательных услуг, усиливается регламентация труда, возрастает объем отчетной документации, внедряются инновационные технологии. Воспитатель становится центральной фигурой в процессе воспитания и социализации дошкольников, что требует от него высокой степени эмоциональной вовлеченности, гибкости, терпения и умения взаимодействовать с детьми, их родителями, коллегами и администрацией [2]. Так, профессиональный стресс в сфере дошкольного образования представляет собой серьезную психологическую и социальную проблему [9, 11]. В связи с этим возрастает значимость поиска и внедрения эффективных психологических практик, направленных на профилактику и коррекцию стрессовых состояний педагогов. Одним из таких подходов является арт-терапия [5, 7, 12].

Материалы и методы исследований

Методы исследования: психодиагностический метод; формирующий эксперимент; методы математико-статистической обработки данных (программа IBM SPSS Statistics (version 27) Т-критерий Вилкоксона.

Проведенный обзор современных методик исследования стресса позволил выделить оптимальный диагностический инструментарий для изучения эффективности арт-терапии в коррекции стрессовых состояний. Выбор конкретных методик осуществлялся на основе следующих критериев: надежность, валидность, соответствие целям исследования, практическая применимость. В данной работе использованы такие методики как «Оценка профессионального стресса» (опросник К. Ваймана), опросник трудового стресса Ч. Спил-

бергера (JSS) в адаптации А.Б. Леоновой и С.Б. Величковой и «Диагностика состояния стресса» К. Шрайнер в адаптации А.О. Прохорова [1, 3, 10].

Эмпирическое исследование проходило на базе Муниципального автономного дошкольного образовательного учреждения «Детский сад №7» пгт Серышево Амурской области с 26.04.2025 по 11.05.2025. В исследовании участвовало 33 педагога дошкольного образования в возрасте от 22 до 65 лет с педагогическим стажем от 2 месяцев до 45 лет.

Результаты и обсуждения

Рассмотрим результаты констатирующего этапа. Так, высокий уровень профессионального стресса характерен для 45,5% воспитателей. У испытуемых организм близок уже к предельным возможностям сопротивляться стрессу. Это может быть следствием неблагоприятных условий труда: высокая нагрузка, недостаток ресурсов, несоответствие ожиданий и реальности, а также отсутствие систем поддержки. 21,2% воспитателей отмечают низкий уровень саморегуляционных способностей, что выражается в трудностях контроля эмоций, недостаточной устойчивости к фрустрации, склонности к импульсивным реакциям и сниженной способности к конструктивному поведению в стрессовых ситуациях. Также было выявлено, что 15,2% воспитателей испытывают высокий уровень стрессовой нагрузки, что является тревожным индикатором. Находясь в состоянии хронического напряжения, эти сотрудники подвержены риску профессиональной дезадаптации, эмоционального выгорания и снижения продуктивности.

В ходе организации эмпирического исследования было принято решение о формировании двух групп испытуемых: контрольной и экспериментальной. Контрольную группу составили 18 воспитателей. По результатам предварительного диагностического этапа среди них 7 участников про-

демонстрировали низкий уровень профессионального стресса, а у 11 выявлен средний уровень стрессовой нагрузки. В целом, психоэмоциональное состояние представителей этой группы можно охарактеризовать как стабильное, без выраженных признаков напряжения, что позволяет использовать их показатели в качестве сравнительного ориентира.

Экспериментальная группа включает 15 воспитателей, у которых зафиксирован высокий уровень профессионального стресса. Участники демонстрировали выраженные признаки эмоционального и физического переутомления, снижение адаптационных возможностей, а также трудности в управлении собственным психоэмоциональным состоянием. Подобное состояние рассматривается как фактор риска профессионального выгорания и требует целенаправленного психологического сопровождения. В этой группе было реализовано комплексное психологическое вмешательство, направленное на снижение уровня стресса и развитие навыков саморегуляции.

Для проведения формирующего эксперимента был разработан арт-терапевтический тренинг, направленный на снижение уровня стресса у воспитателей МАДОУ № 7 Серышевского района. Занятия проводились с периодичностью 2 раза в неделю, объем программы составлял 30 часов. Арт-терапевтический тренинг включает упражнения, разработанные на основе работ российских специалистов: М.В. Киселёва, Л.П. Жуйковой, А.И. Копытина, Л.Д. Лебедевой, С. Шмелевой [4,

6, 8]. Программа включала в себя занятия с использованием арт-терапевтических методик, направленных на самовыражение, осознание чувств, снятие внутреннего напряжения и активацию ресурсов личности.

Контрольный срез представлял собой завершающий этап исследования, посвященного изучению эффективности арт-терапевтического тренинга в снижении профессионального стресса у воспитателей ДООУ. На данном этапе было проведено повторное диагностическое обследование участников с использованием тех же методик, что и на констатирующем этапе исследования.

Результаты контрольного среза свидетельствуют о том, что в контрольной группе показатели до и после проведения тренинга остались на прежнем уровне. В экспериментальной группе количество воспитателей, у которых наблюдался до тренинга высокий уровень стресса, сократилось с 15 до 7 человек. Значительно улучшились показатели саморегуляции: если до тренинга низкий уровень наблюдался у 7 воспитателей, то после – лишь у 1, при этом у 6 участников уровень саморегуляции повысился до умеренного. Также произошли позитивные изменения в восприятии интенсивности стрессовых факторов: если до начала тренинга высокая выраженность стрессоров отмечалась у 5 воспитателей, то после завершения тренинга такие показатели отсутствуют. Более того, у одного участника зафиксирована низкая степень выраженности стрессоров, что ранее не наблюдалось.

Таблица 1

Результаты опросника «Оценка профессионального стресса».

Table 1

Results of the questionnaire «Assessment of professional stress».

Контрольная группа			Экспериментальная группа		
Уровень профессионального стресса	Количество, чел.	Количество человек, %	Уровень профессионального стресса	Количество, чел.	Количество человек, %
Низкий	7	38,9%	Низкий	-	-
Средний	11	61,1%	Средний	8	53,3%
Высокий	-	-	Высокий	7	46,7%

Таблица 2

Результаты методики «Диагностика состояния стресса».

Table 2

Results of «Diagnosis of stress status».

Контрольная группа			Экспериментальная группа		
Уровень регуляции в стрессовых ситуациях	Количество, чел.	Количество человек, %	Уровень регуляции в стрессовых ситуациях	Количество, чел.	Количество человек, %
Низкий	-		Низкий	1	6,7%
Умеренный	9	50%	Умеренный	14	93,3%
Высокий	9	50%	Высокий	-	-

Таблица 3

Результаты опросника трудового стресса.

Table 3

Results of "Job Stress Survey".

Контрольная группа□			Экспериментальная группа□		
Сила выраженности стрессоров в работе□	Количество, чел.□	Количество человек, %□	Сила выраженности стрессоров в работе□	Количество, чел.□	Количество человек, %□
Низкая□	7□	38,9%□	Низкая□	1□	6,7%□
Умеренная□	11□	61,1%□	Умеренная□	14□	93,3%□
Высокая□	-□	-□	Высокая□	-□	-□

С целью определения влияния проведенной тренинговой работы на наблюдаемые различия между контрольным и экспериментальным этапами исследования, проведено математико-статистическое исследование, в рамках которого использовался Т-критерий Вилкоксона. Данный

критерий применяется для сопоставления показателей, измеренных в двух разных условиях на одной и той же выборке испытуемых. Он позволяет установить не только направленность изменений, но и их выраженность. Данные были просчитаны программой IBM SPSS Statistics version 27.

Таблица 4

Результаты Т-критерия Вилкоксона педагогов ДОУ после прохождения тренинга.

Table 4

Wilcoxon signed-rank test results after training.

Показатель	Средний ранг (отрицательный)	Средний ранг (положительный)	Значение критерия р	Уровень значимости
Саморегуляция	7.00	8.25	0.016	$p < 0.05$
Уровень стресса	13.90	3.75	0.001	$p < 0.01$
Сила стресса	9.00	1.50	0.001	$p < 0.01$

Примечание: уровни статистической значимости: $*p* < 0.05$ – статистически значимо; $*p* < 0.01$ – высоко значимо.

Note: statistical significance levels: $*p* < 0.05$ – statistically significant; $*p* < 0.01$ – highly significant.

По результатам статистического анализа видно, что произошло статистически значимое улучшение саморегуляции после тренинга. Это подтверждается значением $p < 0.05$, что свидетельствует о существенных изменениях в восприятии участников и их способности контролировать свои эмоции и реакции на стресс. Уровень стресса значительно снизился, что также является статистически значимым ($p < 0.01$). Это говорит о том, что арт-терапевтический тренинг успешно снизил воспринимаемый стресс у участников, и они стали более устойчивыми к стрессовым факторам. Сила стресса также значительно снизилась. Показатель $p < 0.01$ подтверждает, что изменения в восприятии силы стресса являются значительными и подтверждают эффективность тренинга в снижении интенсивности стрессовых реакций.

Таким образом, можно сделать вывод о положительном влиянии проведенной программы на психоэмоциональное состояние участников. Полученные данные подтверждают эффективность вмешательства и могут служить основанием для его дальнейшего применения в практике.

Выводы

Профессиональная деятельность воспитателя в современных условиях характеризуется высоким уровнем стрессовой нагрузки. Эмоциональное вовлечение, работа в условиях многозадачности и взаимодействие с детьми и их родителями требуют от педагога устойчивости, гибкости и высокой психологической выносливости. Однако накопление усталости с увеличением стажа, недостаточная поддержка со стороны администрации, отсутствие четких карьерных перспектив, а также размытые границы между личным и рабочим временем способствуют снижению уровня стрессоустойчивости и развитию эмоционального выгорания. В совокупности эти факторы подчеркивают необходимость внедрения в практику эффективных психологических инструментов, направленных на профилактику и коррекцию профессионального стресса у педагогов.

Учитывая выявленные трудности, была разработана и реализована арт-терапевтическая программа «Арт-аптечка: экстренная помощь при стрессе», ориентированная на снижение уровня профессионального стресса и повышение эмоцио-

нальной устойчивости. Программа включала в себя занятия с использованием арт-терапевтических методик, направленных на самовыражение, осознание чувств, снятие внутреннего напряжения и активацию ресурсов личности. Формирующий эксперимент проводился в группе воспитателей с высоким уровнем стресса и низкой саморегуляцией.

После реализации программы была проведена повторная диагностика, результаты которой продемонстрировали положительную динамику психоэмоционального состояния участников. Согласно статистическому анализу с использованием

критерия Вилкоксона, были зафиксированы следующие значимые изменения:

– значимо повысился уровень саморегуляции, что свидетельствует о развитии навыков эмоционального самоконтроля и устойчивости к стрессу ($p = 0.014$, $p < 0.05$);

– значимо снизился уровень стресса, что говорит о снижении субъективной оценки напряжённости жизненной ситуации ($p = 0.001$, $p < 0.01$);

– значимо снизилась сила выраженности стресса, то есть участники стали воспринимать стрессовые события менее деструктивно ($p = 0.001$, $p < 0.01$).

Список источников

1. Vagg P.R. The Job Stress Survey: Assessing perceived severity and frequency of occurrence of generic sources of stress in the workplace // *Spielberger Journal of Occupational Health Psychology*. 1999. № 4 (3). P. 288 – 292.
2. Балык А.С., Макаренко И.П. Факторы стресса в профессиональной деятельности сотрудников дошкольной образовательной организации // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2019. С. 5.
3. Гринберг Дж. Управление стрессом. СПб.: Питер. 2002. 496 с.
4. Киселева М.В. Арт-терапия в практической психологии и социальной работе. СПб.: Речь, 2007. 334 с.
5. Киселева М.В. Арт-терапия как технология работы со стрессом в педагогическом коллективе образовательных учреждений // *Непрерывное образование*. 2022. № 4 (42). С. 72 – 80.
6. Копытин А.И. Применение фотографии в психотерапии // *Фототерапия: использование фотографии в психологической практике* / под ред. А.И. Копытина. М.: Когито-Центр, 2006. 192 с.
7. Кравченко С.А., Вьюшкова И.В. Использование средств арт-терапии в формировании стрессоустойчивости у педагогических работников дошкольного образования // *Провинциальные научные записки*. 2022. № 2 (16). С. 17 – 20.
8. Лебедева Л.Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. СПб.: Речь, 2003. 256 с.
9. Луконенко С.С., Иванова Н.Г. Теоретический обзор изучения феномена стресса в психологии // *Наука в жизни человека*. 2023. № 2. С. 97 – 104.
10. Прохоров А.О. Методики диагностики и измерения психических состояний личности. Москва: ПЕР СЭ, 2004. 176 с.
11. Сизова И.Ю. Взаимосвязь профессионального стресса и некоторых аспектов психологического здоровья на примере воспитателей дошкольных учреждений // *Вестник магистратуры*. 2021. № 7 (118). С. 60 – 67.
12. Сусанина И.В., Смирнова А.В. Актуальные направления арт-терапии (библиометрический анализ) // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2022. Т. 10. № 2 (37). С. 179 – 190.

References

1. Vagg P.R. The Job Stress Survey: Assessing perceived severity and frequency of occurrence of generic sources of stress in the workplace. *Spielberger Journal of Occupational Health Psychology*. 1999. No. 4 (3). P. 288 – 292.
2. Balyk A.S., Makarenko I.P. Stress factors in the professional activities of employees of a preschool educational organization. *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2019. P. 5.
3. Greenberg J. Stress management. St. Petersburg: Piter. 2002. 496 p.
4. Kiseleva M.V. Art therapy in practical psychology and social work. St. Petersburg: Rech, 2007. 334 p.
5. Kiseleva M.V. Art therapy as a technology for working with stress in the teaching staff of educational institutions. *Continuous education*. 2022. No. 4 (42). P. 72 – 80.
6. Kopytin A.I. The use of photography in psychotherapy. *Phototherapy: the use of photography in psychological practice*. edited by A.I. Kopytin. Moscow: Kogito-Center, 2006. 192 p.
7. Kravchenko S.A., Vyushkova I.V. The use of art therapy in the formation of stress resistance in preschool teachers. *Provincial scientific notes*. 2022. No. 2 (16). P. 17 – 20.

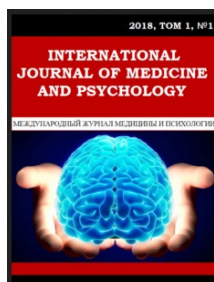
8. Lebedeva L.D. Art therapy practice: approaches, diagnostics, system of classes. St. Petersburg: Rech, 2003. 256 p.
9. Lukonenko S.S., Ivanova N.G. Theoretical review of the study of the phenomenon of stress in psychology. Science in human life. 2023. No. 2. P. 97 – 104.
10. Prokhorov A.O. Methods of diagnostics and measurement of mental states of the individual. Moscow: PER SE, 2004. 176 p.
11. Sizova I.Yu. The relationship between professional stress and some aspects of psychological health on the example of preschool teachers. Bulletin of the Magistracy. 2021. No. 7 (118). P. 60 – 67.
12. Susanina I.V., Smirnova A.V. Actual directions of art therapy (bibliometric analysis). Personality in a changing world: health, adaptation, development. 2022. Vol. 10. No. 2 (37). P. 179 – 190.

Информация об авторах

Бедниченко Е.Р., Дальневосточный федеральный университет, bednichenko.er@dvfu.ru

Аристова И.Л., кандидат психологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, aristova.il@dvfu.ru

© Бедниченко Е.Р., Аристова И.Л., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9.075

¹ *Бараева Л.М.,*

¹ *Гашумова Р.А.,*

¹ *Яковлева Е.В.,*

¹ *Литонова С.С.,*

¹ *Кубанский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации*

Оценка психологических особенностей студентов Кубанского государственного медицинского университета на основе методики «Локус контроля» и «Мотиваторы социально-психологической активности личности»

Аннотация: в статье изучены психологические особенности и их влияние на выбор профессии студентов Кубанского государственного медицинского университета (КубГМУ). Проведено тестирование среди 200 юношей и девушек педиатрического, лечебного, стоматологического и медико-профилактического факультетов. В ходе исследования была применена методика определения локуса контроля по Дж. Роттеру, а также методика «Мотиваторы социально-психологической активности личности» Д. Макклелланда. С их помощью была выявлена склонность студентов опираться на внутренние или внешние факторы при принятии решений, определен ведущий тип мотивации. Установлено, что большинство учащихся всех факультетов относится к смешанному типу личности, который сочетает в себе экстернальные и интернальные признаки. Базовой мотивацией «Достижение» в большей мере обладают студенты лечебного факультета, а ведущие типы «Власть» и «Связь» наиболее характерны для стоматологов. Гендерных различий по локусу контроля и мотивационным аспектам среди опрошенных не обнаружено.

Ключевые слова: психологические особенности, локус контроля, мотивация, мотиваторы, социально-психологическая активность, личность, психологическая диагностика

Для цитирования: Бараева Л.М., Гашумова Р.А., Яковлева Е.В., Литонова С.С. Оценка психологических особенностей студентов Кубанского государственного медицинского университета на основе методики «Локус контроля» и «Мотиваторы социально-психологической активности личности» // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 142 – 150.

Поступила в редакцию: 11 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Baraeva L.M.,
¹ Gashumova R.A.,
¹ Yakovleva E.V.,
¹ Litonova S.S.,

¹ Kuban State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Assessment of psychological characteristics of students of Kuban State Medical University on the basis of the "Locus of control" and "Motivators of socio-psychological activity of personality" methodology

Abstract: the article examines the psychological characteristics and their impact on the choice of profession of students of Kuban State Medical University (KubSMU). Testing was conducted among 200 boys and girls of the pediatric, therapeutic, dental and preventive medicine faculties. In the course of the study, the method of determining the locus of control according to J. As well as the methodology "Motivators of socio-psychological activity of personality" by D. McClelland. With their help, the tendency of students to rely on internal or external factors in decision-making was revealed, and the leading type of motivation was determined. It has been established that the majority of students at all faculties belong to a mixed personality type that combines external and internal characteristics. Students of the Faculty of Medicine have the basic motivation of "Achievement" to a greater extent, and the leading types of "Power" and "Connection" are most typical for dentists. There were no gender differences in the locus of control and motivational aspects among the respondents.

Keywords: psychological features, locus of control, motivation, motivators, socio-psychological activity, personality, psychological diagnostics

For citation: Baraeva L.M., Gashumova R.A., Yakovleva E.V., Litonova S.S. Assessment of psychological characteristics of students of Kuban State Medical University on the basis of the "Locus of control" and "Motivators of socio-psychological activity of personality" methodology. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 142 – 150.

The article was submitted: March 11, 2025; Approved after reviewing: May 14, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Выбор профессии – это не только вопрос профессиональных интересов и навыков, но и отражение личностных особенностей. Это особенно актуально для медицины, требующей высокой эмоциональной устойчивости и ответственности. Студенты медицинских вузов часто обладают такими чертами, как эмпатия, высокая степень ответственности, самостоятельность и готовность действовать в сложных ситуациях.

На ранних этапах обучения можно выделить личностные качества, отличающие будущих врачей от студентов других направлений, включая гуманитарные. Эти различия могут проявляться даже внутри одной специальности. Психологическая оценка личностных характеристик студентов играет ключевую роль в образовательном процессе, позволяя адаптировать программы для подготовки квалифицированных специалистов [1].

Существует множество методик для определения личностных качеств, которые помогают сопоставить их с профессиональной деятельностью. Одним из значимых тестов является методика определения локуса контроля по Дж. Роттеру. Локус контроля – это свойство индивида оценивать

свои успехи или неудачи как результат внутренних или внешних факторов. Роттер выделяет две категории: интерналы, уверенные в своих силах и контроле над ситуацией, и экстерналы, полагающиеся на случайности и внешние обстоятельства [2, 3].

Другой метод основан на оценке мотивации студентов, которой они руководствуются при принятии тех или иных решений на своем профессиональном пути. Предположительно, данная черта личности во многом формируется именно во время учебы в университете [4, 5].

Целью данной работы является исследование психологических особенностей студентов медицинского университета и их влияние на выбор профессионального пути. В ходе работы были выдвинуты следующие **задачи исследования**:

- 1) Осуществить отбор и анализ современной научной литературы, отражающей все особенности выбранных нами методик для исследования.
- 2) Осуществить отбор современной научной литературы, содержащей результаты других авторов в данной области и провести с ними сравнительного анализа.
- 3) Провести психологическое тестирование на основе двух упомянутых методик среди сту-

дентов Кубанского государственного медицинского университета

4) Провести статистический анализ и сделать выводы по полученным результатам

Материалы и методы исследований

В рамках научной работы было проведено психологическое тестирование на основе двух методик: «Локус контроля» Дж. Роттера, введенной в 1954 году. Данная методика отражает отношение человека к окружающей среде и определяет причинно-следственные связи между ним и его действиями [6] И методика «Мотиваторы социально-психологической активности личности», в основе лежит теория Д. Макклелланда. Согласно ей в аспекте личности можно выделить три мотивации, которыми руководствуется каждый человек: достижение, власть, связь.

В качестве респондентов выступило 200 студентов КубГМУ. Среди них с лечебного факультета – 75, со стоматологического – 39, педиатрического – 54, с медико-профилактического – 32. В тестировании приняли участие 62 юноши и 138 девушек. Группировка полученных данных осуществлялась в программе «Мой Офис Таблицы». Статистический анализ проведен в соответствии с критерием t-критерия Стьюдента достоверными принимались различия при уровне значимости $p \leq 0,05$, с установлением максимальных (max) и минимальных (min) значений данных, с учётом относительной ошибки (m) и средней арифметической величины (M).

Результаты и обсуждения

Статистический анализ данных, полученных в ходе проведения тестирования, позволил выделить определённые личностные особенности, характерные для студентов различных факультетов. Результаты этого анализа представлены в табл. 1 и 2, отражающих как распределение типов локуса контроля, так и преобладающих мотиваторов социально-психологической активности.

В рамках применения методики «Локус контроля» было выявлено, что среди студентов медицинских факультетов не обнаружено респондентов, относящихся к интернальному типу личности. Это означает, что среди опрошенных не нашлось таких личностей, которые в полной мере уверены исключительно в своих собственных силах, полностью полагаются только на себя и не принимают в расчет влияние внешней среды и окружающих факторов. Таким образом, интернальный тип, согласно классификации Дж. Роттера, не представлен ни на одном из исследуемых факультетов.

Согласно результатам анализа, к экстернальному типу личности, по определению Дж. Роттера – то есть к тем лицам, которые в большей степени

ориентируются на внешние обстоятельства, объясняют происходящее вокруг воздействием внешних сил и принимают решения, опираясь преимущественно на окружающие условия, – отнесены следующие доли студентов: 33,33% обучающихся на педиатрическом факультете, 31,25% студентов медико-профилактического факультета, а также 29,33% учащихся лечебного факультета. Наибольшее же число студентов, демонстрирующих экстернальные черты, наблюдается на стоматологическом факультете – этот показатель составил 41,03%, что делает его лидирующим по данному критерию.

В то же время большинство студентов всех исследуемых факультетов отнесены к смешанному типу личности по классификации Дж. Роттера. Данный тип объединяет в себе черты как интернального, так и экстернального подходов к восприятию действительности, проявляясь в гибком подходе к принятию решений и интерпретации событий. Наибольший процент студентов со смешанным типом отмечен на лечебном факультете – 70,67%. Несколько меньшие показатели зафиксированы на других факультетах: 66,67% среди педиатров, 68,75% у студентов медико-профилактического факультета и наименьшее значение среди стоматологов – 58,97%. Кроме того, анализ гендерных различий показал, что среди лиц женского пола доля экстерналов превышает мужскую на 5,75%, в то время как мужчины в большей степени склонны к смешанному типу личности. Визуальное представление результатов по методике «Локус контроля» приведено на диаграмме, представленной на рис. 1.

Результаты тестирования, проведенного с использованием методики «Мотиваторы социально-психологической активности личности», позволили выявить ведущие мотивационные установки студентов разных факультетов. Среди респондентов, чья базовая мотивация связана с достижением успеха, постановкой целей и стремлением к их реализации, наибольшую долю составляют студенты лечебного факультета – 46,67%. Минимальное значение по данной категории показали студенты стоматологического факультета – 38,46%. Показатели для студентов педиатрического и медико-профилактического факультетов составляют соответственно 44,44% и 40,62%.

Что касается мотивационной категории «Власть», связанной с потребностью влиять на окружающих, занимать лидерские позиции и управлять ситуациями, то наибольшая доля студентов с данной доминирующей мотивацией зафиксирована среди обучающихся стоматологического факультета – 25,64%. Наименьшее значение

отмечено у студентов лечебного факультета – 20,00%. У студентов педиатрического и медико-профилактического направлений показатели составили 24,07% и 25,00% соответственно.

В категорию «Связь», включающую мотивацию к социальной активности, стремление к ком-

муникации, групповому признанию и принадлежности, были отнесены следующие доли студентов: 31,49% среди педиатров, 33,33% у студентов лечебного факультета, 35,90% у стоматологов и 34,38% у представителей медико-профилактического направления.

Таблица 1

Методика Локус контроля Дж. Роттер.

Table 1

The method of Locus control of J. Rotter.

Исследуемая шкала	Статистические показатели																	
	Факультеты												Пол					
	Педиатрический			Лечебный			Стоматологический			Медико-профилактический			Юноши			Девушки		
	M ± m	Mi n	Ma x	M ± m	Mi n	Ma x	M ± m	Min	Max	M ± m	Mi n	Max	M ± m	Mi n	Ma x	M ± m	Mi n	Ma x
Локус контроля	13,8 ± 0,5	4	22	13,5 ± 0,4	4	21	12,9 ± 0,6	5	22	13,3 ± 0,7	7	21	13,8 ± 0,5	4	21	13,2 ± 0,3	4	22

Таблица 2

Мотиваторы социально-психологической активности личности.

Table 2

Motivators of socio-psychological activity of a personality.

Исследуемая шкала	Статистические показатели																	
	Факультеты												Пол					
	Педиатрический			Лечебный			Стоматологический			Медико-профилактический			Юноши			Девушки		
	M ± m	Mi n	Ma x	M ± m	Mi n	Ma x	M ± m	Min	Max	M ± m	Mi n	Max	M ± m	Mi n	Ma x	M ± m	Mi n	Max
Достижение успеха в целом	21,5 ± 0,5	7	25	21,8 ± 0,3	15	25	20,5 ± 0,7	11	25	19,9 ± 0,5	13	25	20,7 ± 0,4	11	25	21,4 ± 0,3	7	25
Стремление к власти	18 ± 0,5	10	25	17,5 ± 0,4	10	25	18,5 ± 0,5	14	25	18 ± 0,6	11	25	18,4 ± 0,4	10	25	17,7 ± 0,3	10	25
Групповое признание и уважение	19,2 ± 0,4	10	25	18,9 ± 0,4	9	25	19,1 ± 0,4	12	25	19,5 ± 0,6	11	25	19,1 ± 0,4	11	25	19,1 ± 0,3	9	25

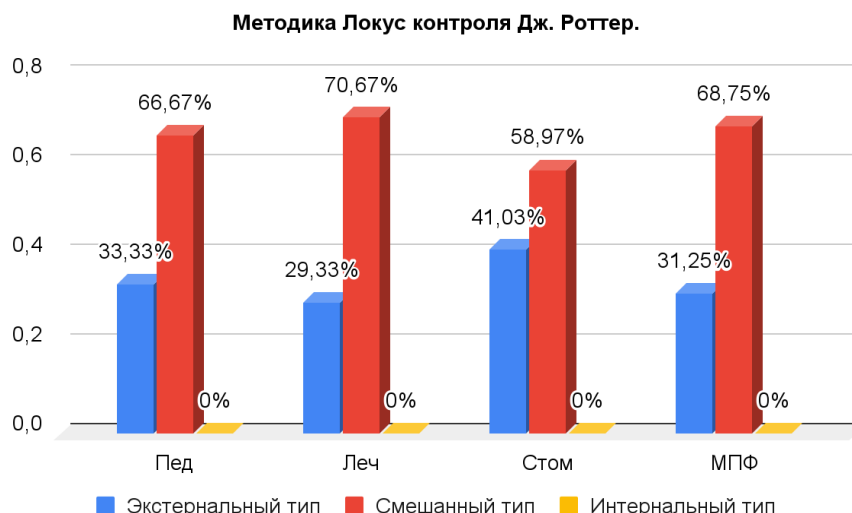

Рис. 1. Методика Локус контроля Дж. Роттер.
Fig. 1. The method of Locus control of J. Rotter.

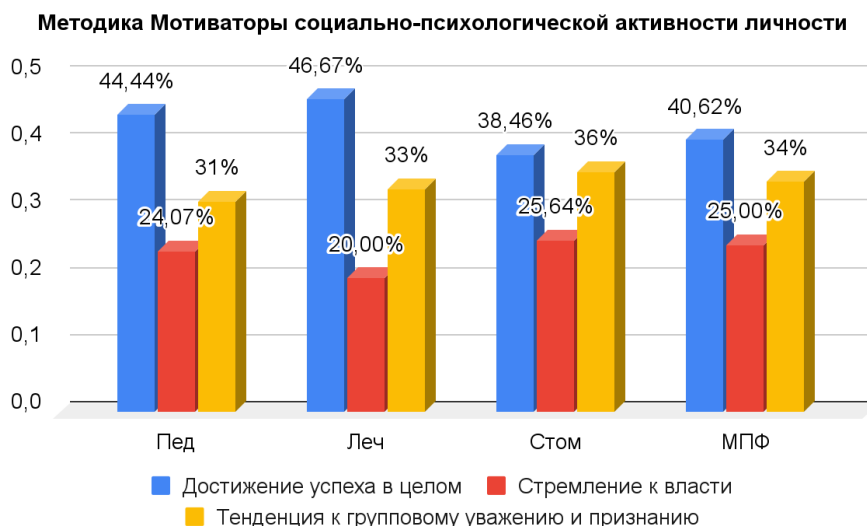

Рис. 2. Мотиваторы социально-психологической активности личности.
Fig. 2. Motivators of socio-psychological activity of a personality.

В ходе нашего исследования были подтверждены различия в личностных характеристиках студентов не только различных университетов, но и различных направлений внутри одного медицинского вуза. Полученные данные позволяют провести сопоставление с результатами других авторов.

Так, согласно исследованиям, проведенным в Полесском государственном университете, среди 125 студентов 59,2% опрошенных относятся к группе экстерналов [7]. В то же время, наши результаты показывают, что большинство студентов Кубанского государственного медицинского университета, независимо от факультета, имеют смешанный тип личности. Это может быть связано с тем, что студенты технических специальностей более склонны верить во влияние внешних факто-

ров на свою судьбу, тогда как будущие врачи акцентируют внимание как на внешних воздействиях, так и на собственных возможностях.

Сравнивая наши результаты с данными студентов Тувинского государственного университета, мы обнаружили явное преобладание интерналов среди студентов этого учебного заведения, причем этот показатель выше среди девушек, чем среди юношей. В то же время среди студентов КубГМУ не было выявлено чистых интерналов; большинство из них демонстрируют смешанный тип личности. В ТГУ же процент интерналов составляет около 60%, что подчеркивает различия в личностных характеристиках между этими образовательными учреждениями [8].

Схожие результаты были получены в Волго-

градском государственном медицинском университете, где процент экстерналов составил 59,6%, что несколько превышает показатели нашего исследования. Однако в ВолгГМУ не выделялась группа смешанного типа личности и не проводилась корреляция между студентами различных факультетов. Наше исследование было более углубленным и позволило подтвердить, что медики стремятся оценивать ситуации как с точки зрения своих возможностей, так и внешних факторов [9].

В исследовании Гомельского государственного медицинского университета также наблюдается более высокий процент студентов со смешанным типом локуса контроля по сравнению с экстерналами и интерналами [10].

Что касается студентов Новосибирского профессионально-педагогического колледжа №1, то их личностные качества показывают большую склонность к интернальному типу. Это может быть обусловлено спецификой их будущей профессии, связанной с обучением других людей, где необходимо принимать решения на основе собственных знаний и опыта [11].

Сравнительные данные, полученные в других вузах, показывают более высокую выраженность интернального типа. Например, в исследовании, проведенном в Арзамасском филиале ННГУ им. Лобачевского, интернальный тип встречается у 56,3% студентов, в том числе с явным преобладанием среди девушек [12].

В Пензенском государственном университете, по результатам исследования Мельниковой (2022), отмечена тенденция роста интернальности от младших к старшим курсам, что связывается с формированием профессиональной ответственности. В Саратовском ГМУ установлена положительная корреляция между интернальностью и профессиональной направленностью, а также отрицательная связь с уровнем тревожности [13].

Что касается мотиваторов социально-психологической активности личности, в КубГМУ доминирует мотивация «Достижение» (до 46,67% на лечебном факультете), несколько уступающая по частоте мотивации «Связь» на стоматологическом факультете (35,90%). Мотивация «Власть» в наибольшей степени проявляется у студентов стоматологического и медико-профилактического факультетов. При этом у женщин ведущим мотивом чаще становится «Достижение», а у мужчин – «Связь».

В ряде других российских вузов выявлены сходные и отличные тенденции. Так, в Тюменском государственном медицинском университете среди студентов преобладают профессиональные мо-

тивы (37%), в том числе достижение успеха и карьерного роста, а также престиж профессии [14].

Исследование в Саратовском ГМУ указывает на выраженную мотивацию «Достижение», однако отмечается ориентация студентов на внешние атрибуты успеха (материальное благополучие, признание), а не только на внутренние стремления. В данных, полученных в Ивановском ГМУ, мотивация «Связь» преобладала у студентов младших курсов, тогда как мотивация «Власть» возрастала по мере продвижения по образовательной траектории [15, 16].

При оценке методики «Мотиваторы социально-психологической активности личности» на базе ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» было установлено, что среди студентов данного учебного заведения высокий процент мотивации «Достижение» (48,2%) и «Связь» (41,7%) [17]. Для будущих медиков также характерен высокий уровень стремления к достижению знаний, успеха и карьерного роста. В то же время мотивации «Связь» и «Власть» выражены в меньшей степени.

Таким образом, сопоставление результатов нашего исследования с другими работами подчеркивает необходимость дальнейшего изучения личностных характеристик студентов медицинских вузов и их мотивации. Эти данные могут стать основой для разработки программ, направленных на оптимизацию образовательного процесса и профессиональной подготовки будущих специалистов.

Выводы

В ходе проведенного исследования, охватывающего студентов различных факультетов ФГБОУ ВО Кубанского государственного медицинского университета Минздрава России, были выявлены характерные психологические особенности, оказывающие влияние на выбор профессионального пути и формирование карьерных ориентаций. Полученные данные позволили установить определенные различия в личностных характеристиках и мотивационных установках будущих медицинских специалистов, что имеет значительное значение в контексте профессиональной подготовки.

Применение методики «Локус контроля» Дж. Роттера позволило выявить, что между студентами различных факультетов существуют отчетливо выраженные различия в преобладающем типе локуса контроля. Так, было установлено, что наибольшая доля студентов с экстернальным типом локуса контроля, то есть с ориентацией на внешние обстоятельства при объяснении причин событий и при принятии решений, наблюдается на стоматологическом факультете. В то же время

среди студентов лечебного факультета преобладает смешанный тип локуса контроля, объединяющий в себе элементы как экстернального, так и интернального восприятия ответственности за происходящее. Что касается студентов педиатрического и медико-профилактического факультетов, то они также преимущественно демонстрируют смешанный тип локуса контроля, однако степень его выраженности в этих группах несколько ниже по сравнению с показателями, зафиксированными на лечебном факультете.

Анализ мотивационных установок студентов, выполненный с использованием методики «Мотиваторы социально-психологической активности личности», также выявил межфакультетские различия. В частности, было установлено, что студенты лечебного факультета чаще демонстрируют доминирование мотивации достижения, отражающей стремление к успеху, самореализации и профессиональному росту. В то же время среди студентов стоматологического и медико-профилактического факультетов в большей степени выражены мотивации власти и социальной связи. Это указывает на наличие стремления к лидер-

ству, влиянию на других, а также на важность для них социального взаимодействия, признания со стороны группы и формирования устойчивых межличностных связей.

Гендерные различия также нашли отражение в структуре мотивации студентов: у девушек в большей степени выражена мотивация достижения, тогда как юноши чаще демонстрируют ориентированность на мотивацию социальной связи, что подчеркивает необходимость учитывать половые различия при анализе личностных факторов, влияющих на профессиональное развитие.

Таким образом, выявленные особенности личностного профиля студентов различных факультетов, а также зафиксированные различия в мотивационных структурах, включая гендерные аспекты, подчеркивают важность индивидуализированного подхода в образовательном процессе. Это особенно актуально для повышения эффективности профессиональной подготовки будущих медицинских специалистов, что предполагает адаптацию образовательных стратегий с учетом личностных характеристик и мотивационных приоритетов обучающихся.

Список источников

1. Волкова Н.В. Психологические особенности студентов вуза в контексте развития их профессиональной мотивации // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 2 (93). С. 132 – 135.
2. Катаева В.И. Локус контроля и его значение в формировании профессиональной идентичности студентов медицинских вузов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 2. С. 156 – 170.
3. Мещерякова С.Ю. Психологические аспекты локуса контроля личности: современные исследования // Вестник Тюменского государственного университета. 2023. Т. 9. № 1. С. 85 – 97.
4. Соловьёва О.В., Ромаева Н.Б. Мотивация достижения у студентов медицинских специальностей: сравнительный анализ // Перспективы науки и образования. 2021. № 2 (50). С. 311 – 324. DOI: 10.32744/pse.2021.2.21
5. Прокопенко А.В. Социально-психологические факторы мотивации студентов медицинских факультетов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2023. Т. 16. № 2. С. 52 – 61.
6. Марихин С.В., Колготина Г.К. Локус контроля как предиктор тревожности и склонности к риску // Вопросы педагогики. 2022. № 10. С. 51 – 54.
7. Грицук Е.Д. Внутренняя социально значимая мотивация у студентов с разными типами локуса контроля. 2024.
8. Будук-оол Л.К., Ховалыг А.М. Некоторые личностные характеристики тувинских студентов // Жаратылыстану ғылымдарының өзекті мәселелері. 2021. С. 23 – 25.
9. Сычева А.И. Исследование аддиктивного поведения у студентов Волгоградского государственного медицинского университета // Актуальные проблемы науки: взгляд студентов. 2023. С. 397 – 400.
10. Корсакова В.И., Марковский В.О. Оценка локуса контроля у студентов Гомельского государственного медицинского университета. 2022.
11. Ганпанцурова О.Б., Вастаева Л.Ш., Жданова А.Д. Особенности локуса контроля и мотивации достижения у старшеклассников и учащихся профессионального колледжа // Актуальные экспериментальные исследования психологии и смежных наук. 2022.
12. Волкова И.Н. Особенности локуса контроля и эмоционального выгорания у студентов медицинского вуза // Вестник Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 2 (36). С. 45 – 50.

13. Тихонова О.А. Локус контроля и тревожность у студентов медицинского университета // Научно-образовательный альманах «Психология и педагогика». 2021. № 1. С. 79 – 84.
14. Герасимова Н.М., Рогова Т.В., Мясникова Т.С. Структура учебной мотивации студентов медицинского университета // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2022. Т. 13. № 3. С. 24 – 29.
15. Волкова И.Н. Мотивационные установки студентов медицинского вуза: связь с успеваемостью и самооценкой // Молодой ученый. 2021. № 19 (363). С. 223 – 226.
16. Синицына Л.А. Исследование доминирующих мотиваторов у студентов медицинского вуза на разных курсах обучения // Актуальные вопросы психологии и педагогики. 2023. № 5 (42). С. 92 – 96.
17. Соловьева О.В., Ромаева Н.Б., Сальникова О.Д. Мотивационный ресурс личности как условие развития компетенции самообразования студентов вуза // Перспективы науки и образования. 2021. № 2 (50). С. 311 – 324. DOI 10.32744/pse.2021.2.21

References

1. Volkova N.V. Psychological characteristics of university students in the context of the development of their professional motivation. The world of science, culture, education. 2022. No. 2 (93). P. 132 – 135.
2. Kataeva V.I. Locus of control and its importance in the formation of professional identity of medical students. Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2021. Vol. 18. No. 2. P. 156 – 170.
3. Meshcheryakova S.Yu. Psychological aspects of the locus of control of the personality: modern research. Bulletin of Tyumen State University. 2023. Vol. 9. No. 1. P. 85 – 97.
4. Solovieva O.V., Romaeva N.B. Achievement motivation in students of medical specialties: a comparative analysis. Prospects of science and education. 2021. No. 2 (50). P. 311 – 324. DOI: 10.32744/pse.2021.2.21
5. Prokopenko A.V. Social and psychological factors of motivation of students of medical faculties. Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology. 2023. Vol. 16. No. 2. P. 52 – 61.
6. Marikhin S.V., Kolgotina G.K. Locus of control as a predictor of anxiety and risk propensity. Issues of pedagogy. 2022. No. 10. P. 51 – 54.
7. Gritsuk E.D. Internal socially significant motivation in students with different types of locus of control. 2024.
8. Buduk-ool L.K., Khovalyg A.M. Some personal characteristics of Tuvan students. The main characteristics of the students of the Volgograd State Medical University. 2021. P. 23 – 25.
9. Sycheva A.I. Study of addictive behavior in students of the Volgograd State Medical University. Actual problems of science: students' view. 2023. P. 397 – 400.
10. Korsakova V.I., Markovsky V.O. Assessment of locus of control in students of the Gomel State Medical University. 2022.
11. Ganpanturova O.B., Vastaeva L.Sh., Zhdanova A.D. Features of the locus of control and achievement motivation in high school students and students of a professional college. Current experimental research in psychology and related sciences. 2022.
12. Volkova I.N. Features of the locus of control and emotional burnout in medical university students. Bulletin of the Arzamas branch of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2023. No. 2 (36). P. 45 – 50.
13. Tikhonova O.A. Locus of control and anxiety in medical university students. Scientific and educational almanac "Psychology and pedagogy". 2021. No. 1. P. 79 – 84.
14. Gerasimova N.M., Rogova T.V., Myasnikova T.S. The structure of educational motivation of medical university students. Medical education and professional development. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 24 – 29.
15. Volkova I.N. Motivational attitudes of medical students: relationship with academic performance and self-esteem. Young scientist. 2021. No. 19 (363). P. 223 – 226.
16. Sinitsyna L.A. Study of dominant motivators of medical students in different years of study. Actual issues of psychology and pedagogy. 2023. No. 5 (42). P. 92 – 96.
17. Solovieva O.V., Romaeva N.B., Salsnikova O.D. Motivational resource of the individual as a condition for the development of self-education competence of university students. Prospects of science and education. 2021. No. 2 (50). P. 311 – 324. DOI 10.32744/pse.2021.2.21

Информация об авторах

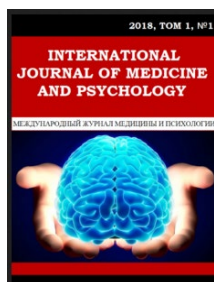
Бараева Л.М., Кубанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации

Гашумова Р.А., Кубанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации

Яковлева Е.В., Кубанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации

Литонова С.С., Кубанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации

© Бараева Л.М., Гашумова Р.А., Яковлева Е.В., Литонова С.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9

¹ Лукашенко Д.В.,

¹ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России

Психолого-педагогическое сопровождение инклюзивного образования: ключевые факторы успешной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья

Аннотация: статья посвящена анализу современных исследований в области психолого-педагогического сопровождения инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Цель исследования – выявить ключевые психологические факторы, влияющие на успешность инклюзивного образования, и разработать рекомендации для оптимизации психолого-педагогического сопровождения. Задачи включают анализ современных подходов к инклюзии, изучение психоэмоционального состояния учащихся с ОВЗ и их сверстников, а также оценку эффективности психолого-педагогических интервенций. В статье рассматриваются методы эмпирических исследований, включая опросы, психологическое тестирование и наблюдение, проведенные на выборке школьников и педагогов. Результаты показывают, что успешность инклюзии зависит от уровня подготовленности педагогов, психологической готовности учащихся и наличия адаптированных образовательных программ. Особое внимание уделено роли социально-психологической адаптации и эмоционального интеллекта в формировании благоприятной образовательной среды. Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций для педагогов и психологов, направленных на повышение эффективности инклюзивного образования, а также в создании условий для социальной интеграции детей с ОВЗ. Полученные данные могут быть использованы в образовательных учреждениях для совершенствования программ сопровождения и подготовки специалистов.

Ключевые слова: инклюзивное образование, психолого-педагогическое сопровождение, дети с ОВЗ, социально-психологическая адаптация, эмоциональный интеллект, образовательная среда

Для цитирования: Лукашенко Д.В. Психолого-педагогическое сопровождение инклюзивного образования: ключевые факторы успешной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 151 – 155.

Поступила в редакцию: 12 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Lukashenko D.V.,

¹ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Psychological and pedagogical support of inclusive education: key factors of successful adaptation of children with disabilities

Abstract: the article is devoted to the analysis of contemporary research in the field of psychological and pedagogical support for inclusive education of children with special health needs (SHN). The study aims to identify key psychological factors influencing the success of inclusive education and to develop recommendations for optimizing psychological and pedagogical support. The objectives include analyzing modern approaches to inclusion, studying the psycho-emotional state of students with SHN and their peers, and evaluating the effectiveness of psychological and pedagogical interventions. The article examines empirical research methods, including surveys, psychological testing, and observation, conducted on a sample of students and teachers. The results indicate that the

success of inclusion depends on teachers' preparedness, students' psychological readiness, and the availability of adapted educational programs. Particular attention is paid to the role of socio-psychological adaptation and emotional intelligence in creating a favorable educational environment. The practical significance of the study lies in the development of recommendations for educators and psychologists to enhance the effectiveness of inclusive education and foster social integration of children with SHN. The findings can be applied in educational institutions to improve support programs and specialist training.

Keywords: inclusive education, psychological and pedagogical support, children with special health needs, socio-psychological adaptation, emotional intelligence, educational environment

For citation: Lukashenko D.V. Psychological and pedagogical support of inclusive education: key factors of successful adaptation of children with disabilities. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 151 – 155.

The article was submitted: March 12, 2025; Approved after reviewing: May 15, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Инклюзивное образование, обеспечивающее равные возможности для обучения детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), является важным направлением современной образовательной политики. Согласно Федеральному закону № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (2012), инклюзия предполагает создание условий для совместного обучения детей с ОВЗ и их сверстников в общеобразовательных учреждениях. Однако реализация этого подхода сталкивается с рядом вызовов, включая недостаточную подготовленность педагогов, стигматизацию детей с ОВЗ и отсутствие адаптированных образовательных программ [1].

Особое внимание уделяется психологическим механизмам, обеспечивающим успешное обучение и развитие личности в образовательной среде. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки научно обоснованных подходов к психолого-педагогическому сопровождению, способствующих социальной и психологической адаптации детей с ОВЗ. Современные исследования подчеркивают значимость таких факторов, как эмоциональный интеллект, социально-психологическая адаптация и профессиональная компетентность педагогов [2, 3].

Целью исследования является глубокий анализ психологических факторов, влияющих на эффективность инклюзивного образования, и разработка рекомендаций для оптимизации психолого-педагогического сопровождения. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать современные подходы к инклюзивному образованию.
2. Изучить психоэмоциональное состояние учащихся с ОВЗ и их сверстников.
3. Оценить эффективность психолого-педагогических интервенций.

4. Разработать рекомендации для образовательных учреждений.

Данное исследование опирается на междисциплинарный подход, объединяющий педагогическую психологию, психологию развития и психологию здоровья, что позволяет комплексно рассмотреть проблему инклюзии и предложить практические решения. Переходя к методологической базе, важно отметить, что исследование опирается на эмпирические и теоретические методы, обеспечивающие надежность и достоверность полученных данных.

Материалы и методы исследований

Методы исследования. Для достижения поставленных целей были использованы следующие методы:

1. **Теоретический анализ литературы:** изучены научные публикации за 2020–2025 годы, соответствующие ГОСТ Р 7.0.100-2018, посвященные инклюзивному образованию и психолого-педагогическому сопровождению [2, 4, 6].

2. **Эмпирические методы:**

Опрос: проведено анкетирование педагогов (n=120) и родителей (n=150) с использованием авторской анкеты, включающей 25 вопросов о готовности к инклюзии, уровне осведомленности и барьерах.

Психологическое тестирование: применена методика «Шкала эмоционального интеллекта» (Д.В. Люсин, 2006) для оценки уровня эмоционального интеллекта учащихся с ОВЗ (n=60) и их сверстников (n=60).

Наблюдение: структурированное наблюдение за поведением учащихся в классе (n=30 уроков) с использованием чек-листа, оценивающего социальные взаимодействия и уровень вовлеченности.

3. **Качественный анализ:** организованы фокус-группы с педагогами (3 группы по 8 человек) для выявления барьеров в реализации инклюзии.

4. **Статистический анализ:** данные обработаны с использованием SPSS Statistics 26. Применялись методы описательной статистики, корреляционный анализ (критерий Пирсона) и t-тест для независимых выборок [4].

Выборка исследования. Исследование проводилось в 2024 году в 10 общеобразовательных школах г. Москвы, реализующих инклюзивные программы. Общая выборка составила 390 участников:

- 60 учащихся с ОВЗ (возраст 7-12 лет, диагнозы: расстройства аутистического спектра, ДЦП, нарушения слуха);
- 60 учащихся без ОВЗ того же возраста;
- 120 педагогов (средний стаж работы – 12 лет);
- 150 родителей (из них 80 – родители детей с ОВЗ).

Процедура исследования. На первом этапе проведен теоретический анализ литературы для выявления ключевых факторов успешной инклюзии. На втором этапе осуществлялся сбор эмпирических данных через анкетирование, тестирование и наблюдение. На третьем этапе данные обрабатывались статистически, а результаты фокус-групп кодировались для качественного анализа.

Переходя к результатам, следует отметить, что собранные данные позволили выявить ключевые психологические факторы, влияющие на эффективность инклюзии, и оценить роль психолого-педагогического сопровождения в образовательном процессе.

Результаты и обсуждения

Результаты эмпирического исследования

Эмпирическое исследование позволило получить данные о психологических аспектах инклюзивного образования, включая психоэмоциональное состояние учащихся, готовность педагогов, социально-психологическую адаптацию и роль родителей. Рассмотрим ключевые результаты исследования последовательно, чтобы выявить взаимосвязи между этими факторами.

Прежде всего, исследование психоэмоционального состояния учащихся выявило значимые различия в уровне эмоционального интеллекта. По данным тестирования с использованием методики «Шкала эмоционального интеллекта» (Д.В. Люсин, 2006), средний показатель эмоционального интеллекта у учащихся с ОВЗ составил 62.4 ($SD=8.1$), тогда как у их сверстников без ОВЗ он был значительно выше – 78.2 ($SD=7.3$; $t(118)=11.2$, $p<0.001$). Эти результаты указывают на трудности детей с ОВЗ в распознавании и регуляции эмоций, что может ограничивать их социальные взаимодействия. Более того, корреляционный анализ по-

казал положительную связь между уровнем эмоционального интеллекта и успешностью социальных контактов ($r=0.67$, $p<0.01$) [3]. Это подчеркивает важность развития эмоциональной компетентности как одного из факторов успешной адаптации.

На следующем этапе исследования внимание было уделено готовности педагогов к реализации инклюзивных программ. Анкетирование показало, что лишь 42% педагогов прошли специализированную подготовку по работе с детьми с ОВЗ. Среди основных барьеров респонденты выделили недостаток знаний (68%), отсутствие методических материалов (54%) и перегруженность (47%). Эти данные дополняются результатами фокус-групп, где педагоги отметили, что недостаток ресурсов и поддержки вызывает у них тревогу и снижает уверенность в работе с инклюзивными классами [7]. Таким образом, профессиональная подготовка педагогов является критически важным фактором, напрямую влияющим на качество образовательного процесса.

Далее, исследование социально-психологической адаптации выявило различия в уровне социальных взаимодействий. Наблюдение показало, что дети с ОВЗ реже иницируют контакты с одноклассниками ($M=2.3$ контакта за урок, $SD=1.1$) по сравнению с их сверстниками без ОВЗ ($M=5.8$, $SD=1.4$; $t(58)=9.8$, $p<0.001$). Однако в классах с высоким уровнем психолого-педагогического сопровождения, включающего тьюторство и адаптированные программы, этот разрыв сокращался ($M=4.1$, $SD=1.2$) [2]. Эти данные свидетельствуют о том, что структурированная поддержка играет ключевую роль в преодолении социальной изоляции и способствует интеграции детей с ОВЗ.

Наконец, важным аспектом исследования стала роль родителей в процессе инклюзии. Анкетирование выявило, что 76% родителей детей с ОВЗ обеспокоены социальной стигматизацией, в то время как только 54% родителей детей без ОВЗ выразили готовность к совместному обучению. Эти результаты подчеркивают необходимость работы с родительским сообществом для формирования толерантного отношения и снижения предубеждений, что является важным условием создания благоприятной образовательной среды [1].

Полученные данные о психоэмоциональном состоянии учащихся подтверждают выводы современных исследований о значимости эмоционального интеллекта в процессе социальной адаптации [3]. Низкий уровень эмоциональной компетентности у детей с ОВЗ, вероятно, связан с особенностями их психического развития, что под-

черкивает необходимость внедрения программ развития эмоционального интеллекта [5].

Переходя к вопросу готовности педагогов, следует отметить, что недостаточная профессиональная подготовка является ключевым барьером для инклюзии, что согласуется с выводами Артемьевой [7]. Отсутствие методических материалов и перегруженность педагогов также упоминаются в исследованиях Леоновой [6] как факторы, препятствующие эффективной реализации инклюзивных программ.

Социально-психологическая адаптация детей с ОВЗ, как показало исследование, во многом зависит от качества психолого-педагогического сопровождения. Наличие тьюторов и адаптированных программ способствует снижению социальной изоляции, что подтверждается данными Бусыгиной [2]. В то же время, роль родителей в формировании толерантной образовательной среды остается недооцененной. Исследования Аптикиевой [1] показывают, что установки родителей напрямую влияют на восприятие инклюзии детьми, что требует включения семейного компонента в программы сопровождения.

Таким образом, результаты подчеркивают необходимость комплексного подхода, объединяющего усилия педагогов, психологов и родителей. Данные исследования позволяют перейти к разработке практических рекомендаций, которые будут представлены в выводах.

Выводы

Проведенное исследование выявило, что успешность инклюзивного образования детей с ОВЗ определяется рядом психологических факторов, включая уровень эмоционального интеллекта,

социально-психологическую адаптацию и профессиональную подготовленность педагогов. Низкий уровень эмоционального интеллекта у детей с ОВЗ, подтвержденный эмпирическими данными, указывает на необходимость внедрения программ, направленных на развитие эмоциональной компетентности. Кроме того, недостаточная подготовка педагогов и отсутствие методических ресурсов остаются ключевыми барьерами, что требует систематического повышения квалификации и разработки адаптированных образовательных материалов [2, 6, 7].

Качественное психолого-педагогическое сопровождение, включающее тьюторство и адаптированные программы, способствует сокращению социальной изоляции и улучшению взаимодействия детей с ОВЗ со сверстниками. Важным аспектом является работа с родителями, направленная на снижение стигматизации и формирование толерантного отношения к инклюзии [1]. Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций, включающих внедрение тренингов по эмоциональному интеллекту, курсов повышения квалификации для педагогов и программ работы с родителями.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением долгосрочных эффектов предложенных интервенций и разработкой стандартизированных программ психолого-педагогического сопровождения. Комплексный подход, объединяющий усилия всех участников образовательного процесса, позволит повысить эффективность инклюзивного образования и обеспечить успешную социальную интеграцию детей с ОВЗ.

Список источников

1. Аптикиева Л.Р. Последствия психологического насилия для разных возрастных категорий // Вестник Оренбургского государственного университета. 2020. № 1. С. 6 – 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posledstviya-psiologicheskogo-nasiliya-dlya-raznyh-voznrastnyh-kategoriy> (дата обращения: 10.02.2025)
2. Бусыгина Н.П. Качественные и количественные методы исследований в психологии: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2024. 423 с. ISBN 978-5-534-03063-1. URL: <https://urait.ru/bcode/535923> (дата обращения: 10.02.2025)
3. Быховец Ю.В., Падун М.А. Личностная тревожность и регуляция эмоций в контексте изучения посттравматического стресса // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 1. С. 78 – 89. URL: https://psyjournals.ru/files/98463/Bykhovets_Padun.pdf (дата обращения: 10.02.2025)
4. Высоков И.Е. Математические методы в психологии: учебник и практикум для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2024. 413 с. ISBN 978-5-534-15974-5.
5. Глозман Ж.М., Наумова В.А. Особенности переживания и отношения к одиночеству на этапе геронтогенеза // Сибирский психологический журнал. 2020. № 75. С. 160 – 174. URL: <https://sibpsychj.ru> (дата обращения: 10.02.2025)
6. Леонова Е.В. Эмпирические методы психологического исследования: учебное пособие для вузов. 2-е изд. Москва: Юрайт, 2024. 339 с. ISBN 978-5-534-17112-9. URL: <https://urait.ru/bcode/517446> (дата обращения: 10.02.2025)

7. Артемьева О.А. Качественные и количественные методы исследования в психологии: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Юрайт, 2024. 152 с. ISBN 978-5-534-03063-1.
8. Крулехт М.В. Методология и методы психолого-педагогических исследований: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2024. 164 с. ISBN 978-5-534-17112-9
9. Рупчев Г.Е., Морозова М.А. Результаты пилотного исследования нутрицевтика «Антистресс Стандарт Здоровья» при повседневном дистрессе // Русский медицинский журнал. 2021. Т. 4. № 7. С. 67 – 73.
10. Глоzman Ж.М., Плотникова А.В. Возможности сочетания нейропсихологической диагностики с гештальт тестом Бендер при исследовании трудностей школьного обучения первоклассников // Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во Foundation, 2018. С. 63 – 79.
11. Базаров Т.Ю., Аксеновская Л.Н. Социально-психологическая технология формирования предпринимательской культуры населения региона // Московский экономический журнал. 2016. № 4. С. 32 – 56. URL: <https://mesjournal.ru> (дата обращения: 10.02.2025)
12. Наумова В.А., Глоzman Ж.М. Представления старости в детском возрасте // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 160 – 174. URL: <https://npsyj.ru> (дата обращения: 10.02.2025)

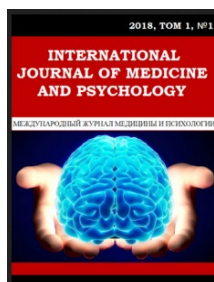
References

1. Aptikieva L.R. Consequences of psychological violence for different age categories. Bulletin of the Orenburg State University. 2020. No. 1. P. 6 – 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posledstviya-psiologicheskogo-nasiliya-dlya-raznyh-vozrastnyh-kategoriy> (accessed: 10.02.2025)
2. Busygina N.P. Qualitative and quantitative research methods in psychology: a textbook for universities. Moscow: Yurait, 2024. 423 p. ISBN 978-5-534-03063-1. URL: <https://urait.ru/bcode/535923> (accessed: 10.02.2025)
3. Bykhovets Yu.V., Padun M.A. Personal anxiety and emotion regulation in the context of studying post-traumatic stress. Clinical and Special Psychology. 2019. Vol. 8. No. 1. P. 78 – 89. URL: https://psyjournals.ru/files/98463/Bykhovets_Padun.pdf (date of access: 10.02.2025)
4. Vysokov I.E. Mathematical methods in psychology: textbook and workshop for universities. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait, 2024. 413 p. ISBN 978-5-534-15974-5.
5. Glozman Zh.M., Naumova V.A. Features of experiencing and attitude towards loneliness at the stage of gerontogenesis. Siberian Psychological Journal. 2020. No. 75. P. 160 – 174. URL: <https://sibpsychj.ru> (date of access: 10.02.2025)
6. Leonova E.V. Empirical methods of psychological research: a textbook for universities. 2nd ed. Moscow: Yurait, 2024. 339 p. ISBN 978-5-534-17112-9. URL: <https://urait.ru/bcode/517446> (date of access: 10.04.2025)
7. Artemyeva O.A. Qualitative and quantitative research methods in psychology: a textbook for universities. 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: Yurait, 2024. 152 p. ISBN 978-5-534-03063-1.
8. Krulekht M.V. Methodology and methods of psychological and pedagogical research: a textbook for universities. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait, 2024. 164 p. ISBN 978-5-534-17112-9
9. Rupchev G.E., Morozova M.A. Results of a pilot study of the nutraceutical "Antistress Health Standard" for everyday distress. Russian Medical Journal. 2021. Vol. 4. No. 7. P. 67 – 73.
10. Glozman Zh.M., Plotnikova A.V. Possibilities of Combining Neuropsychological Diagnostics with the Bender Gestalt Test in the Study of Difficulties in School Learning of First-graders. Personality in Culture and Education: Psychological Support, Development, Socialization: Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don: Foundation Publishing House, 2018. P. 63 – 79.
11. Bazarov T.Yu., Aksenovskaya L.N. Social and Psychological Technology of Forming the Entrepreneurial Culture of the Regional Population. Moscow Economic Journal. 2016. No. 4. P. 32 – 56. URL: <https://mesjournal.ru> (accessed: 10.02.2025)
12. Naumova V.A., Glozman Zh.M. Representations of Old Age in Childhood. National Psychological Journal. 2021. No. 1 (41). P. 160 – 174. URL: <https://npsyj.ru> (date of access: 10.02.2025)

Информация об авторе

Лукашенко Д.В., доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России

© Лукашенко Д.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.99

¹ Павлишак А.И.,

¹ Дальневосточный федеральный университет

Копинг-стратегии и прокрастинация в профессиональной деятельности медицинского персонала

Аннотация: работники медицинской сферы, чаще других профессий могут испытывать стресс, так как они ответственны не только за здоровье, но и за жизнь других людей, которая может выражаться в виде предрасположенности к неконструктивным типам копинг-поведения, это может быть связано с тем, что на фоне большой хронической перегрузки и эмоциональным истощением, вместо конструктивного решения проблем медицинские работники уходят от проблем, откладывая их решение, что может привести их в замкнутый круг откладывания дел, или по-другому к прокрастинации. Что чаще всего приводит к снижению работоспособности в профессиональной деятельности, поэтому целью нашей работы является выявление взаимосвязи уровня и характера прокрастинации с ведущими копинг-стратегиями у работников здравоохранения. Задачи исследования: анализ преобладающих копинг-стратегий у работников здравоохранения и их связь с прокрастинацией; эмпирическое исследование взаимосвязи между уровнем, характером прокрастинации и предпочитаемыми копинг-стратегиями у медицинских работников.

Результатам эмпирического исследования указывают на то, что существует устойчивая положительная связь между уровнем прокрастинации и выбором таких копинг-стратегий как конфронтация, дистанцирование, бегство-избегание, это говорит нам о том, что с ростом уровня прокрастинации в исследуемой выборке, увеличивается интенсивность использования неэффективных копинг-стратегий. И обратная связь с такими показателями, как самоконтроль и отчасти с положительной переоценкой. Данное исследование в будущем может послужить основой для разработки программы тренингов по снижению прокрастинации, за счет развития эффективных копинг-стратегий у медицинских работников.

Ключевые слова: прокрастинация, личностно обусловленная, ситуационно обусловленная, копинг-стратегии, неэффективные копинг-стратегии, медицинские работники

Для цитирования: Павлишак А.И. Копинг-стратегии и прокрастинация в профессиональной деятельности медицинского персонала // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 156 – 163.

Поступила в редакцию: 13 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Pavlishak A.I.,

¹ Far Eastern Federal University

Coping strategies and procrastination in professional activities of medical personnel

Abstract: medical workers, more often than other professions can experience stress, as they are responsible not only for health, but also for the lives of other people, which can be expressed as a predisposition to non-constructive types of coping behavior, it may be due to the fact that against the background of a large chronic overload and emotional exhaustion, instead of constructive problem solving medical workers go away from problems, postponing their solution, which can lead them into a vicious circle of postponing things, or in another way to procrastination. That most often leads to a decrease in performance in professional activity, so the purpose of our work

is to identify the relationship between the level and nature of procrastination with the leading coping strategies of health care workers. Research objectives are: to analyze the prevailing coping strategies among health care workers and their relationship with procrastination; empirical study of the relationship between the level and nature of procrastination and preferred coping strategies among health care workers.

The results of the empirical study indicate that there is a stable positive relationship between the level of procrastination and the choice of coping strategies such as confrontation, distancing, escape-avoidance, it tells us that with the increase in the level of procrastination in the study sample, the intensity of using ineffective coping strategies increases. And the inverse relationship with measures such as self-control and partly with positive reappraisal. This study can serve as a basis for developing a training program to reduce procrastination by developing effective coping strategies in health care providers in the future.

Keywords: procrastination, personality-driven, situation-driven, coping strategies, noeffective coping strategies, medical workers

For citation: Pavlishak A.I. Coping strategies and procrastination in professional activities of medical personnel. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 156 – 163.

The article was submitted: March 13, 2025; Approved after reviewing: May 15, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Прокрастинацию можно назвать одним из самых изучаемых феноменов последних десятилетий. Это явление привлекает пристальное внимание ученых разных направлений и подходов. Прокрастинация достаточно подробно исследована в работах, посвященных студенческой и школьной среде. Многочисленные исследования демонстрируют, как procrastination влияет на академическую успеваемость, эмоциональное состояние и мотивацию. Однако в доступной литературе практически отсутствуют исследования, посвященные изучению этого феномена среди медицинских работников. Это проблема представляется особенно важным, поскольку профессиональная деятельность медиков связана с высокой ответственностью, стрессом и необходимостью принимать оперативные решения. Прокрастинация в такой среде может приводить к серьезным последствиям от эмоционального выгорания до снижения качества оказания медицинской помощи.

Важно рассмотреть теоретические основы procrastination и копинг-стратегий. Термин procrastination берет свои корни от двух латинских слов, объединяя значение «вперед» и «завтрашний», то есть буквально означает «откладывание на завтра». Н. Мильграм, известный профессор психологии, внес значительный вклад в изучение этого феномена, определив procrastination как последовательное поведение по откладыванию выполнения какой-либо задачи, субъективно воспринимаемой как важной, которое приводит как к ухудшению итогового результата, так и к ухудшению эмоционального состояния [4]. Согласно его исследованиям, такая модель поведения часто сопровождается чувством вины, тревожности, сни-

жением самооценки и другими негативными переживаниями.

Причины procrastination могут быть обусловлены множественными факторами. Среди наиболее распространенных выделяют страх неудачи, перфекционизм, недостаточную уверенность в себе, низкую мотивацию, проблемы с организацией времени и отсутствием интереса к задаче или ее неприятие [8]. На данный момент точных причин procrastination выявлено не было, что еще больше подогревает интерес к теме.

В своих работах Н. Мильграм прежде всего, акцентировал внимание на когнитивных и эмоциональных причинах procrastination. Когнитивные причины связаны с особенностями мыслительных процессов человека, к примеру – неспособность самостоятельно принимать решения, низкая самооценка или убеждение, что задача слишком сложна. Эмоциональные причины включают в себя эмоциональное выгорание, страх оценки со стороны, а также желание избежать негативных переживаний.

Переходя к типологии procrastination, предложенную Н. Милграмом, Дж. Батори, Д. Моурером и другими, ее можно разделить на академическую, бытовую, профессиональную и принятия решений [5]. Академическая procrastination, часто наблюдается у студентов, проявляется в откладывании учебных заданий [7]. Бытовая проявляется в обыденной жизни на протяжении длительного промежутка. А принятие решений характеризуется откладыванием принятия своевременно какого-либо решения, даже незначительного. В профессиональной (или трудовой) procrastination люди откладывают выполнение своих рабочих обязанностей. Крупнейшие исследователи про-

блемы прокрастинации отмечают, что этот феномен распространен во многих профессиях, но особенно остро проявляется в сфере здравоохранения, где стресс, ответственность, нехватка времени и переутомляемость способствуют развитию прокрастинации. Постоянное обучение и необходимость оперативного реагирования на новую информацию усугубляет эту тенденцию.

Рассматривая феномен копинг-стратегии, мы определяем его как способ совладания личности со стрессом, напряжением и внешними или внутренними требованиями. Одно из фундаментальных определений дали Р. Лазарус и С. Фолкман. Они определяют копинг, как постоянно меняющиеся когнитивные и поведенческие усилия, направленные на управление специфическими внутренними или внешними требованиями, которые оцениваются как чрезмерно нагружающие или превышающие ресурсы индивидуума [9]. Выбор копинг-стратегий зависит от индивидуальных особенностей, опыта, темперамента, осмысленности жизни, эмоционального интеллекта и характера стрессовой ситуации [10].

Для классификации копинг-стратегий исследователи выделяют две основные группы: конструктивные (адаптивные) и неконструктивные (деадаптивные) виды копинга [6].

К эффективным (конструктивным) копинг-стратегиям относим:

- Решение проблемы (прямая активность по изменению сложной ситуации);

- Поиск социальной поддержки;
- Позитивная переоценка;
- Самоконтроль;
- Принятие.

И наоборот, неэффективные (неконструктивные) копинг-стратегии включают:

- Уход в избегание (отрицание проблемы, бегство в развлечения);

- Дистанцирование;
- Эмоциональную разрядку через агрессию;
- Самообвинение.

Разные авторы уделяли внимание специфике копинга в разных профессиональных группах. Важно особо подчеркнуть, что у медицинских работников “выгорание”, хроническая усталость, межличностные конфликты и высокая социальная ответственность приводят к необходимости постоянного использования копинг механизмов. Однако, высокий стресс и социокультурные установки приводят к преобладанию дезадаптивных форм копинга, что влияет на профессиональную устойчивость и увеличивает риск эмоциональных нарушений.

Таким образом, анализ литературных данных показывает, что и прокрастинация, и копинг-стратегии связаны с особенностями реагирования человека на стрессовые ситуации. В условиях постоянного профессионального давления, типичного для медицинской среды, данные феномены начинают тесно переплетаться. Научные исследования свидетельствуют, что неэффективные копинг-стратегии могут усиливать прокрастинацию, а она, в свою очередь, снижает удовлетворённость работой и увеличивать уровень профессионального стресса. Если медицинский работник часто будет обращаться к избеганию и откладыванию выполнения рабочих обязанностей, то это может привести к ухудшению качества оказания медицинской помощи и эмоциональному выгоранию. И наоборот, развитие конструктивных копинг-стратегий (активное решение проблем, поиск поддержки, самоконтроль) способствует снижению прокрастинации, повышению личной эффективности и профессионального благополучия. Всё это подтверждает, что комплексное исследование взаимосвязи копинг-стратегий и прокрастинации у медицинских работников позволит выявить скрытые механизмы профессионального дистресса, разработать эффективные профилактические и коррекционные мероприятия, а значит — повысить качество профессиональной жизни и уровень помощи пациентам. Поэтому главной целью нашего исследования является выявление взаимосвязи между копинг-стратегиями и прокрастинацией у медицинских работников, для дальнейшего составления более комплексной программы по профилактике стресса на рабочем месте.

Материалы и методы исследований

Для решения поставленной цели и задач были использованы следующие методы исследования: психодиагностические: шкала общей прокрастинации Б. Тукмана (Tuckman Procrastination Scale, TGPS); опросник General «Стратегии совладающего поведения» (ССП) Р. Лазаруса и С. Фолкмана в адаптации Л.И. Вассерман, Е.А. Трифонова; опросник для изучения склонности личности к прокрастинации О. А. Ширвари, Е. Е. Чёрная, В. А. Панов.

Методы математико-статистического анализа данных: расчёт коэффициента ранговой корреляции Спирмена, показатель взаимосвязи между распределениями любых признаков.

Эмпирическое исследование проводилось на базе медицинских организаций г. Сургута в 2025 г. Выборку составили 45 медсестер, в возрасте 18-40 лет. Выборка формировалась на произвольной основе.

Результаты и обсуждения

Для выявления ведущих копинг-стратегий у медсестер нами была выбрана методика «Стратегии совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана (адаптация Л.И. Вассерман, Е.А. Три-

фонова).

Распределение предпочитаемых копинг-стратегий по выборке в целом представлены на рис. 1.

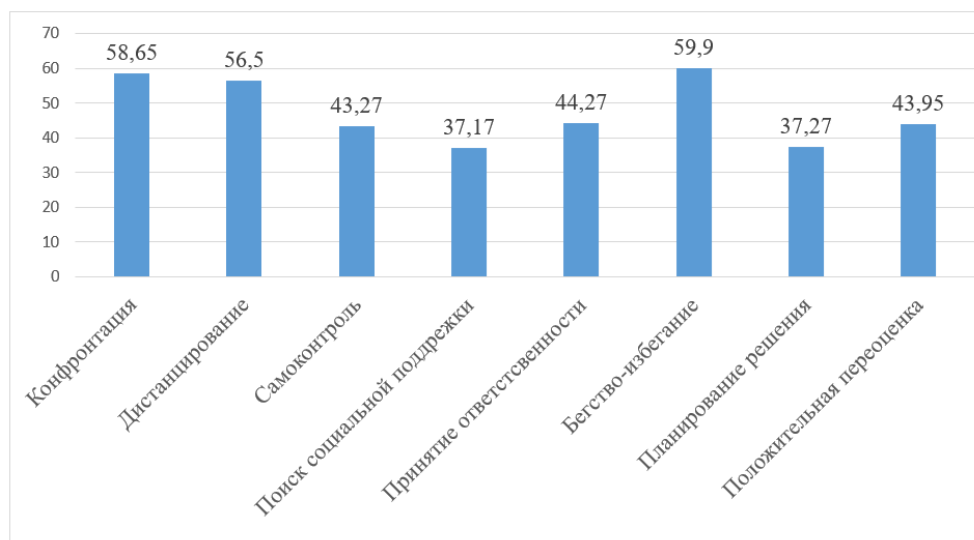

Рис. 1. Распределение предпочитаемых копинг-стратегий по выборке в целом, n=45 (ср.знач).

Fig. 1. Distribution of preferred coping strategies for the sample as a whole, n=45 (m.value).

Анализ результатов показывает, что наиболее предпочтительными копинг-стратегиями для испытуемых следующие: бегство-избегание (59,9), конфронтация (58,65), дистанцирование (56,5). Высокие показатели шкалы бегства-избегания говорят нам о том, что медсестры при попытке справиться со стрессовой ситуацией предпочитают избегать её, это может выражаться в отрицании или полном игнорировании проблемы, уклонение от ответственности по разрешению возникших трудностей, использования пассивных методов, например, жаловаться, но не действовать.

Вторая по предпочтению это шкала конфронтация, использование данной стратегии может выражаться в импульсивности в поведении, иногда сопровождаться агрессией и конфликтностью. У медсестер данный копинг может выражаться в эмоциональном всплеске, спорами и конфликтами с коллегами или пациентами, в раздражительности

и обвинение других в сложных ситуациях.

Копинг-стратегия дистанцирование, выражается в эмоциональном отстранении от проблем, минимизирование значимости стрессовых событий, за счет обесценивания, отстранение от пациентов, сохраняя профессиональную холодность, также использование юмора или переключения для снижения стресса.

Данные копинг-стратегии являются крайне неэффективными, это может быть связано с тем, что на фоне большой хронической перегрузки и эмоциональным истощением, вместо конструктивного решения проблем медицинские работники уходят от проблем, откладывая их решение, впадая в замкнутый круг прокрастинации.

Результаты диагностики по выявлению уровня общей прокрастинации по методике Тукмана в целом по всей выборке представлены на рис. 2.

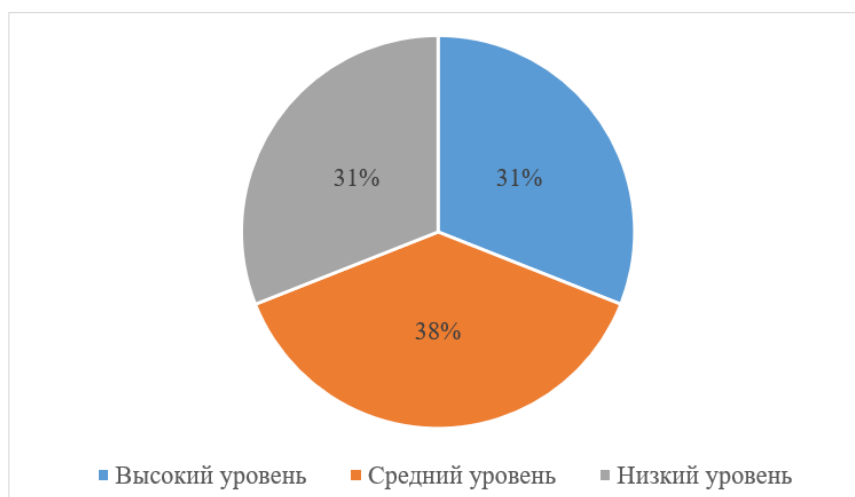

Рис. 2. Процентное распределение испытуемых с разным уровнем прокрастинации, n=45.
Fig. 2. Percentage distribution of subjects with different levels of procrastination, n=45.

Как видим, на рис. 2, чуть больше одной трети (38%) имеют средние показатели прокрастинации, мы можем предположить, что менее важные или интересные дела, могут откладываться на неопределенный срок, но при этом они всегда достигают результата вовремя, либо не значительно задерживают его, при этом качество не страдает. Однако периодические откладывания дел способствуют накоплению стресса в будущем, особенно если к окончанию рабочего дня становится очевидным, что некоторые задачи остались невыполненными. У медсестер откладывание может быть связано с работой с документами, систематическими опозданиями, так как работа может вызывать стресс.

Высокие показатели имеют 31% испытуемых для таких людей прокрастинация становится обычным рабочим состоянием, любые дела откладываются на потом, а когда сроки подходят к концу, они пытаются все выполнить за нереальный короткий срок, в результате может страдать качество обслуживания пациентов, что может привести к серьезным последствиям для здоровья. Чув-

ство вины и тревоги из-за невыполненных задач может ещё больше усугубить ситуацию, что может негативно сказываться на физическом и психическом состоянии медсестер. Прокрастинация может проявляться в бессмысленной работе, без реального прогресса, частых перерывах или разговорах с коллегами.

Низкий уровень прокрастинации имеет также 31% испытуемых, для них свойственно эффективно управлять своим временем и задачами. Такие специалисты чаще всего демонстрируют инициативу и проактивный подход к работе, что позволяет им активно участвовать в уходе за пациентами и поддерживать высокий уровень профессионализма.

Для подтверждения предыдущих результатов о распространённости прокрастинации среди медицинских работников, нами дополнительно была взята методика «Шкала общей прокрастинации» разработанная О. А. Ширвари и др..

Результаты диагностики уровня прокрастинации в группе медицинских работников представлены в табл. 1.

Таблица 1
Распределение показателей по уровню прокрастинации в группе медицинских работников (в %).

Table 1

Distribution of indicators by level of procrastination in the group of medical workers (in %).

Шкалы	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Общая прокрастинация	31%	38%	31%
Личностно обусловленная прокрастинация	33%	27%	40%
Ситуативно обусловленная прокрастинация	31%	38%	31%

В табл. 1 по шкале общий показатель прокрастинации можно увидеть, что 31% из числа исследуемых обладают высоким уровнем прокрастинации, такой же процент и те же испытуемые, были обнаружены в предыдущей методике Б. Тукмана, это может нам говорить о закономерности прибегания к откладыванию дел в повседневной жизни.

Высокий показатель личностно обусловленной прокрастинации обнаружено у 40% из общего числа испытуемых, из них 31% также имеют высокий показатель общей прокрастинации, тем самым мы можем предположить, что люди с высокими общим показателем откладывания дел на потом, больше других осознают наличие данной черты в себе, и видят негативные последствия оттягивания дел на последний момент, но ничего не делаю для улучшения своего состояния, это может быть связано с тем, что они не понимают, какими способами можно снизить прокрастинацию, так как она распространилась на все сферы жизни, что затрудняет борьбу с ней.

Анализируя шкалу ситуативно обусловленной прокрастинации, мы заметили отсутствие какой-либо закономерности с уровнем общей прокрастинации, так как в высокие показатели по данной шкале вошли всего 2 % из общего высокого уровня прокрастинации, остальные распределились в среднем (22%) и низком (7%) уровне соответ-

ственно. Мы можем сделать предположение, что откладывание дел является осознанным выбором, они эмоционально не страдают от этого, это может быть связано с тем, что им острые ощущения от приближающихся дедлайнов.

Таким образом, использование прокрастинации и данных неадаптивных копинг-стратегий на рабочем месте, может привести к накоплению стресса, и в дальнейшем к профессиональному выгоранию, что сопровождается эмоциональным истощением, также это может привести к проблемам в коммуникации, коллеги и пациенты могут воспринимать таких медсестер как равнодушных, также это может привести к формальному подходу в работе, и снижению мотивации. Все выше перечисленное может, пагубно влиять не только на самого человека, но привести к профессиональной деформации и снижению качества медицинской помощи. Поэтому для нас является важным исследовать взаимосвязь уровня прокрастинации и предпочитаемых копинг-стратегий у работников здравоохранения, для дальнейшего развития у них эффективных копинг-стратегий.

Для подтверждения взаимосвязи между прокрастинацией и предпочитаемыми копинг-стратегиями у медицинских работников, мы применили коэффициент ранговой корреляции Спирмена (rs). Результаты можно увидеть в табл. 2.

Таблица 2

Результаты выявления взаимосвязи прокрастинации с предпочитаемыми копинг-стратегиями.

Table 2

The results of the identification of the relationship between procrastination and preferred coping strategies.

Сопоставляемые характеристики	Шкала общей прокрастинации Тукмана	Шкала общей прокрастинации О.А. Ширвари и др	Личностно обусловленная прокрастинация	Ситуационно обусловленная прокрастинация
Конфронтация	0.482**	0.544**	0.501**	-0.135
Дистанцирование	0.424**	0.610**	0.465**	-0.001
Самоконтроль	-0,451**	-0,359*	-0,348*	0.055
Поиск социальной поддержки	0.039	0.066	0.025	-0.208
Принятие Ответственности	0.136	0.097	0.060	-0.126
Бегство-избегание	0.603**	0.496**	0.557**	-0.072
Планирование решения проблемы	-0.198	-0.083	-0.182	-0.093
Положительная переоценка	-0,384**	-0.283	-0.254	0.222

Примечание: пороговые значения при $p < 0,05 = 0,29^*$, при $p < 0,01 = 0,37^{**}$.

Note: threshold values at $p < 0.05 = 0.29^*$, at $p < 0.01 = 0.37^{**}$.

Из табл. 2 мы можем увидеть, что существует статистически достоверная прямая взаимосвязь между общей прокрастинацией по методике Тукмана, с такими копинг-стратегиями как, конфронтация ($rs = 0,482^{**}$, $p < 0,01$), дистанцирова-

ние ($rs = 0.424^{**}$, $p < 0,01$), бегство-избегание ($rs = 0.603^{**}$, $p < 0,01$). Это говорит нам о том, что с ростом уровня прокрастинации в исследуемой выборке, увеличивается интенсивность использования выше указанных копинг-стратегий, взаимо-

связь с конфронтацией говорит о том, что медицинские работники, чаще выбирают импульсивность, грубость, агрессию, чтобы уйти от стрессовых ситуаций; взаимосвязь с дистанцированием, говорит об отсутствии вовлеченности, снижении значимости проблемы; взаимосвязь с бегство-избеганием, говорит о частом уходе от решения сложных ситуаций или её отрицании. Такие же данные были получены по шкале общей прокрастинации О.А. Ширвари, конфронтация ($r_s=0.544^{**}$, $p < 0,01$), дистанцирование ($r_s=0.610^{**}$, $p < 0,01$) и бегство-избегание ($r_s=0.496^{**}$, $p < 0,01$), соответственно.

Обратив внимание на шкалу личностно обусловленной прокрастинации, мы можем заметить также прямую связь с такими показателями как конфронтация ($r_s=0.501^{**}$, $p < 0,01$), дистанцирование ($r_s=0.465^{**}$, $p < 0,01$), бегство-избегание ($r_s=0.557^{**}$, $p < 0,01$). Это может быть связано с тем, что чем больше человек начинает принимать данную черту в себе и привыкать к ней, тем больше он пытается отстраниться от решения проблемы прибегая к знакомым копинг-стратегиям, которые могут в моменте снизить тревожность и стресс, но не решить ситуацию. С этим также может быть связана обнаруженная нами обратная связь личностно обусловленной прокрастинации с копинг-стратегией самоконтроль ($r_s=-0,348^{*}$, $p < 0,05$), при возникновении стрессовой ситуации, человек с высоким уровнем данной прокрастинации, не может контролировать поток своих негативных мыслей, что может привести к импульсивному поведению, которое может повлиять на окружающих.

Также была обнаружена обратная взаимосвязь общей прокрастинации с самоконтролем по методике Тукмана ($r_s=-0,451^{**}$, $p < 0,01$) и методике О. А. Ширвари ($r_s=-0,359^{*}$, $p < 0,05$). Это указывает на то, что с ростом значений уровня прокрастинации склонность индивидов к использованию механизма психологической защиты самоконтроля снижается. Чем дольше, длится прокрастинация, тем слабее становится способность к самоконтролю, это может быть связано с внутренней борьбой,

с сопротивлением своим краткосрочным желаниям и долгосрочным целям, что может приводить к порочному кругу откладывания. Такая же по методике Тукмана была обнаружена обратная взаимосвязь общей прокрастинации с копинг-стратегией положительная переоценка ($r_s=-0,384^{**}$, $p < 0,01$). Нередко прокрастинация сопровождается чувством вины, тревоги и стресса, что в большинстве случаев снимает способность человека увидеть ситуацию с более оптимистичном свете, вместо того чтобы искать позитивные стороны или решения, прокрастинатор фокусируется на избегании дискомфорта, что усугубляет проблему.

Выводы

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что для медицинских работников с высоким уровнем прокрастинации характерно использование таких копинг-стратегий как конфронтация, дистанцирование, бегство-избегание. Согласно Р. Лазарусу, данные копинг-стратегии являются менее адаптивными, которые могут привести не к устранению стрессовой ситуации, а напротив способствуют её усилению. У работников с низким уровнем прокрастинации распространены самоконтроль и положительная переоценка, данные копинг-стратегии помогают работникам преодолеть возникшие трудности без дальнейшего нарастания ещё большего стресса и тревожности. Следует отметить, что полученные нами данные частично согласуются с результатами других исследований (И.С. Крутько [3], Ю.С. Вуколова [1], О.В. Голубь, Т.С. Тимофеева и С.В. Скрябина [2]), это на наш взгляд доказывает валидность проведенного исследования.

На основании этих данных в дальнейшем нами, будет создана более целенаправленная программа для профилактики профессиональной прокрастинации и обучения специалистов с медицинским образованием продуктивным способам совладания со стрессом, направленных на повышение адапционного потенциала и сохранение копинг-ресурсов личности.

Список источников

1. Вуколова Ю.С. Особенности защитного и совладающего поведения лиц с разным уровнем трудоголизма и прокрастинации // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2020. № 1. С. 82 – 92.
2. Голубь О.В., Тимофеева Т.С., Скрябина С.В. Прокрастинация и ее влияние на совладающее поведение // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2023. № 4 (65). С. 6 – 13.

3. Крутько И.С. Профессиональная прокрастинация менеджера как копинг-стратегия обеспечения психологической безопасности // Стратегии обеспечения психологической безопасности в условиях неопределенности: Материалы V Международного симпозиума, Екатеринбург, 10-11 июля 2014 года / Научное рук-во: Ю.П. Зинченко, А.И. Донцов, Е.Б. Перелыгина. Екатеринбург: Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Гуманитарный университет, 2014. С. 65 – 74.

4. Марьина М.Н., Гурова О.П. Особенности прокрастинации у подростков с разным уровнем мотивации достижения и избегания неудач // Вестник науки. 2022. № 11 (56). С. 146 – 151.

5. Milgram N.A., Batori G., Mowrer D. Correlates of academic procrastination // Journal of School Psychology. 1993. № 31. P. 487 – 500.

6. Останина Н.В. Подходы к классификации копинг-поведения в научной литературе // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 70-2. С. 127 – 131.

7. Попова Д.И., Беликова М.Е. Академическая прокрастинация: аспекты откладывания выполнения учебных заданий студентами // Северо-Кавказский психологический вестник. 2021. № 1. С. 61 – 77.

8. Тронь Т.М. Феномен прокрастинации: причины возникновения // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6. № 2А. С. 88 – 95.

9. Хачатурова М.Р. Совладающий репертуар личности: обзор зарубежных исследований // Психология. Журнал ВШЭ. 2013. № 3. С. 160 – 169.

10. Цветкова М.В., Марихин С.В. Влияние личностных характеристик на выбор успешных копинг-стратегии в условиях стресса // Символ науки. 2022. № 10-1. С. 47 – 50.

References

1. Vukolova Yu.S. Features of defensive and coping behavior of individuals with different levels of workaholism and procrastination. Psychology and pedagogy in Crimea: development paths. 2020. No. 1. P. 82 – 92.

2. Golub O.V., Timofeeva T.S., Skryabina S.V. Procrastination and its influence on coping behavior. Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology. 2023. No. 4 (65). P. 6 – 13.

3. Krutko I.S. Professional procrastination of a manager as a coping strategy for ensuring psychological safety. Strategies for ensuring psychological safety in conditions of uncertainty: Proceedings of the V International Symposium, Yekaterinburg, July 10-11, 2014. Scientific supervision: Yu.P. Zinchenko, A.I. Dontsov, E.B. Perelygina. Yekaterinburg: Non-governmental educational institution of higher professional education Humanitarian University, 2014. P. 65 – 74.

4. Maryina M.N., Gurova O.P. Features of procrastination in adolescents with different levels of motivation to achieve and avoid failures. Science Bulletin. 2022. No. 11 (56). P. 146 – 151.

5. Milgram N.A., Batori G., Mowrer D. Correlates of academic procrastination. Journal of School Psychology. 1993. No. 31. P. 487 – 500.

6. Ostanina N.V. Approaches to the classification of coping behavior in the scientific literature. Bulletin of the Herzen State Pedagogical University. 2008. No. 70-2. P. 127 – 131.

7. Popova D.I., Belikova M.E. Academic procrastination: aspects of students' postponing academic assignments. North Caucasian Psychological Bulletin. 2021. No. 1. P. 61 – 77.

8. Tron T.M. The phenomenon of procrastination: causes of occurrence. Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2017. Vol. 6. No. 2А. P. 88 – 95.

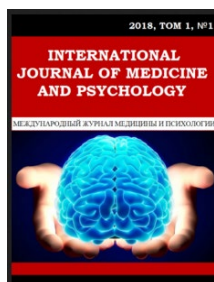
9. Khachaturova M.R. Coping repertoire of personality: a review of foreign studies. Psychology. HSE Journal. 2013. No. 3. P. 160 – 169.

10. Tsvetkova M.V., Marikhin S.V. The influence of personality characteristics on the choice of successful coping strategies under stress. Symbol of Science. 2022. No. 10-1. P. 47 – 50.

Информация об авторе

Павлишак А.И., Дальневосточный федеральный университет, alexandrapavlishak2001@yandex.ru

© Павлишак А.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.99

¹ **Бабичев И.В.,**

¹ **Войтикова М.А.,**

² **Рыжов О.Н.,**

¹ *Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, г. Москва,*

² *Сочинский государственный университет*

Основные факторы стресса в деятельности актеров ледовых шоу

Аннотация: основная задача, решаемая в рамках настоящего исследования – определение основных факторов стресса в деятельности актеров ледовых шоу. Реализация данной задачи позволяет оптимизировать психические нагрузки на основных субъектов, набирающей популярность деятельности, связанной с организацией и проведением балета на льду, которая характеризуется высокой сложностью, с точки зрения физических и психических нагрузок, риском для здоровья выступающих и т.п. Исследование проводилось с помощью теоретического анализа существующих представлений современных ученых о проблеме стресса в спорте и артистической деятельности.

В результате проведенного исследования определены основные факторы стресса, возникающие в деятельности актеров ледовых шоу, а именно: высокий уровень физического и психического напряжения в профессиональной деятельности актеров ледовых шоу, высокий уровень риска получить травму, сценическое волнение, индивидуальные особенности актеров-фигуристов, связанные со слабыми возможностями их психической саморегуляции, повышенным уровнем личностной тревожности, пониженной самооценкой и т.п.

Ключевые слова: актеры ледовых шоу, факторы стресса, профессиональный спорт, фигурное катание, артистическая деятельность, физические нагрузки, высокая интенсивность труда, профессиональное здоровье

Для цитирования: Бабичев И.В., Войтикова М.А., Рыжов О.Н. Основные факторы стресса в деятельности актеров ледовых шоу // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 164 – 169.

Поступила в редакцию: 14 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ **Babichev I.V.,**

¹ **Voytikova M.A.,**

² **Ryzhov O.N.,**

¹ *Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow,*

² *Sochi State University*

The main stress factors in the activities of actors of ice shows

Abstract: the main task to be solved in the framework of this study is to identify the main stress factors in the activities of actors of ice shows. The implementation of this task makes it possible to optimize the mental load on the main subjects of the increasingly popular activity related to the organization and conduct of ballet on ice, which is characterized by high complexity in terms of physical and mental stress, risk to the health of the speakers, etc. The study was conducted using a theoretical analysis of the existing ideas of modern scientists about the problem of stress in sports and artistic activities. As a result of the conducted research, the main stress factors that arise in the

activities of ice show actors have been identified, namely: a high level of physical and mental stress in the professional activities of ice show actors, a high risk of injury, stage excitement, and individual characteristics of figure skating actors associated with poor performance.

Keywords: actors of ice shows, stress factors, professional sports, figure skating, artistic activity, physical activity, high intensity of work, professional health

For citation: Babichev I.V., Voytikova M.A., Ryzhov O.N. The main stress factors in the activities of actors of ice shows. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 164 – 169.

The article was submitted: March 14, 2025; Approved after reviewing: May 16, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

В настоящее время в нашей стране набирает популярность достаточно новый вид профессиональной деятельности, связанный с постановкой и проведением ледовых шоу, основными участниками которых становятся бывшие фигуристы, по большей части очень высокого уровня – олимпийские чемпионы и призеры, чемпионы и призеры чемпионатов мира, Европы, Российской Федерации и т.п. по фигурному катанию.

Данная деятельность объективно сопряжена с высоким уровнем стрессогенности, в связи с чем возникает реальная необходимость решения проблемы сохранения психического здоровья и психологического благополучия артистов, выступающих в ледовых шоу, а также, поддержания качества их профессиональной деятельности, важным условием которого является успешное преодоление тех или иных стрессовых воздействий, неизбежно возникающих, как в рамках сложного подготовительного (тренировочного) процесса, так и непосредственно в ходе представлений.

В настоящее время проблеме преодоления стрессов в различных видах профессиональной деятельности уделяется значительное внимание в рамках современной психологии труда, вместе с тем, вопросы о факторах стресса в деятельности актеров ледовых шоу практически не нашли отражения в работах современных исследователей, что обуславливает актуальность темы настоящего исследования.

Цель исследования состоит в определении основных факторов стресса в профессиональной деятельности актеров ледовых шоу, а также основных направлений работы по их успешному преодолению.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось на основе теоретического анализа, интеграции знаний о деятельности фигуристов в спорте высших достижений и представителей различных актерских профессий.

Результаты и обсуждения

В современной науке под стрессом в самом общем виде понимается сложное функциональное состояние организма, характеризующееся сдвигами в деятельности нейрофизиологических систем всех уровней: от психических процессов до гормоносекреции, вызванное чрезмерно сильными воздействиями на организм, которые принято называть стрессорами. К числу стрессоров относятся сильные физические и нервно-психические нагрузки, в том числе чрезвычайно тяжелая и напряженная работа, охлаждение и перегрев, недостаток кислорода, гипогликемия, заболевания, операции, раны, шумовое воздействие, физическая боль, сильные негативные эмоции и пр. [12].

По мнению Е.И. Николаевой, многие деструктивные эффекты сверхсильного воздействия обусловлены не самим стрессором, а реакцией человека на него [9].

Соответственно, мы можем говорить, с одной стороны, о глубоко индивидуальной природе стресса – одна и та же ситуация может нести разный уровень воздействия на конкретного индивида, с другой – о возможности коррекции отношения человека к тем или иным стрессующим факторам, как о пути преодоления стрессовых воздействий.

В современной психологии труда в качестве основных факторов стресса выделяют факторы, связанные непосредственно с особенностями профессиональной деятельности, среди которых: высокая интенсивность труда, ограниченность времени на выполнение поставленных задач, возникновение различных внештатных ситуаций, многозадачность и сложность работы, отсутствие ее четких регламентов и инструкций, нехватка ресурсов, недостаточная безопасность условий труда и т.п. Кроме того, влияние имеют и личностные факторы – те или иные индивидуальные особенности субъекта труда, а именно: повышенная личностная тревожность, пониженная самооценка, выраженная эмоциональная лабильность, слабая профессиональная подготовка, наружный локус

контроля, пассивность и избегающие стратегии выхода из сложных ситуаций, и т.п. [8].

Выделение значимых особенностей и характеристик конкретной профессиональной деятельности во многом позволяет определить генезис основных стрессоров, возникающих в ходе ее осуществления.

Рассмотрим более подробно психологические особенности профессиональной деятельности актеров ледовых шоу.

Современные ледовые шоу представляет собой массовое публичное театрализованное представление, в котором принимает участие множество актеров-фигуристов, объединенное определенной общей темой (например, новогоднее представление). Постановка ледового шоу подразумевает использование различных средств современного искусства – хореографии, музыки, драмы, изобразительного искусства, светотехники, а также, мастерства катания на коньках.

В этом смысле, деятельность актеров ледовых шоу находится на стыке профессионального спорта (фигурного катания) и артистической деятельности, синтезируя в себе элементы обоих этих профессий, отличающихся особой сложностью и подразумевающих изначально высокий уровень способностей.

Соответственно, для деятельности актеров-фигуристов характерны признаки, как актерского труда, так и спорта, что в рамках темы настоящего исследования позволяет опираться на исследования различных авторов, посвященных проблеме стресса в спорте (фигурном катании) и вопросам факторов стресса в деятельности театральных актеров, артистов балета и пр.

Фигурное катание является сложнокоординационным видом спорта, который имеет большие риски получения серьезных травм. Частые падения на лед, сопровождающие тренировочный процесс, сильно нагружают позвоночник. Фигурист, как правило, приземляется на одну ногу, поэтому происходит разрушение тазобедренного сустава. Ассиметричная нагрузка действует на весь опорно-двигательный аппарат, и этот процесс продолжается годами. В фигурном катании травмы и их последствия могут иметь накопительный эффект, что в дальнейшем может привести к серьезным последствиям [3].

В этом смысле ледовое шоу подразумевают не меньшие риски для здоровья участников, что обуславливает отдельный значимый фактор стресса для них.

Исследования, проведенные Л.М. Довжиком и С.К. Нартовой-Бочавер [6] показали, что физическая травма всегда представляет собой трудную

жизненную ситуацию, требующую мобилизации ресурсов личности, сопровождающуюся негативными переживаниями, чувством неопределенности и т.п. Для спортсменов, в отличие от представителей большинства других профессий, физические травмы не являются неожиданностью и какой-то степени являются неотъемлемой частью их профессиональной деятельности. Вместе с тем, травмированный спортсмен в большинстве случаев испытывает повышенный стресс, так как травма влияет на привычный образ жизни, а также способна кардинально повлиять на результаты его профессиональной деятельности, а в некоторых случаях лишить возможности продолжать спортивную карьеру. В свою очередь, у спортсмена, успешно прошедшего процесс реабилитации, может наблюдаться страх рецидива травмы. В таком случае спортсмен начинает беречь травмированную область и работает с чрезмерной осторожностью, что в свою очередь, приводит к потере концентрации внимания и снижению результативности.

Таким образом, мы можем говорить о том, что риск получения физической травмы является важным фактором стресса в деятельности актеров ледовых шоу.

Среди возможных направлений работы, связанных с этим фактором, могут быть дополнительные меры профилактики травматизма актеров ледовых шоу. Например, минимизация использования в программе катания технических элементов, несущих наибольшие риски травмирования, в ситуациях неоптимальной физической формы актеров-фигуристов, а также, организация необходимого медицинского сопровождения и контроля, аналогичного такому же сопровождению в спорте.

Кроме того, возможна дополнительная психокоррекционная работа с актерами, чьи тревожные ожидания, связанные с риском возможного травмирования носят чрезмерный характер, уже в рамках психологического сопровождения их деятельности.

Помимо реальных рисков для здоровья актеров ледовых шоу, важным фактором стресса является высокая физическая и психическая напряженность, как подготовительного (тренировочного) процесса, так и самих представлений, для которых характерна «высокая цена» возможных падений, технических ошибок, помарок и пр. В отличие от соревнований в фигурном катании, технические ошибки в ледовых шоу не носят столь критический характер. Вместе с тем, очевидные ошибки актеров-фигуристов, как свидетельство недостаточного качества их деятельности, могут не лучшим образом отражаться на впечатлениях зрите-

лей и как следствие, формировать негативные отзывы о постановке и снижение спроса на данное представление.

С нашей точки зрения, чрезмерная ответственность за конечный результат в деятельности, которая имеет крайне высокий уровень сложности, и, соответственно, высокую вероятность, несмотря на уровень подготовленности фигуриста, возникновения у него той или иной технической ошибки, является важным фактором стресса, усиливающимся на фоне интенсивных трудозатрат при подготовке шоу и эмоционального и психического перенапряжения во время представления.

Таким образом, одним из наиболее важных факторов стресса актеров ледовых шоу является высокая интенсивность и сложность их труда, а также высокая цена возможных технических ошибок, которые могут, что называется, «перечеркнуть» проделанную в течение длительного времени подготовительную работу.

В этом смысле, в качестве профилактики стресса может выступать оптимизация рабочего графика актеров ледовых шоу, снижение ее интенсивности. Кроме того, здесь также могут использоваться методы психокоррекции, направленные на устранение излишнего беспокойства актеров-фигуристов, связанного с возможностью возникновения технических помарок во время представления.

В различных исследованиях, посвященных проблемам артистической деятельности, к которой, как мы говорили выше, относится и участие в ледовых шоу, в качестве факторов стресса достаточно часто упоминается «сценическое волнение».

Здесь необходимо отметить, что для многих людей публичное выступление при большом количестве публики само по себе является важной причиной возникновения психического состояния, определяемое как стрессовое. Вопрос в том, что стресс этот может иметь как конструктивный, так и деструктивный характер.

Так, в исследованиях проблемы сценического волнения, обычно выделяются две основные формы его проявления: конструктивная – «волнение-подъем» и деструктивные – «волнение-паника» и «волнение-апатия» [5]. Это во многом аналогично характеристике основных предстартовых состояний в спорте: конструктивное – «состояние боевой готовности (воодушевление)», деструктивные – «предстартовая лихорадка» и «предстартовая апатия» [7]. В этом смысле эмоциональные состояния актеров и спортсменов во время своей профессиональной деятельности имеют во многом сходный характер.

По мнению Д.Н. Сосниной [11], значимую роль

в преодолении стрессов в артистической деятельности играют индивидуальные особенности актеров, которые обеспечивают противостояние различного рода неблагоприятно действующих факторов во время исполнительской деятельности.

С ее точки зрения, «стрессоустойчивые» артисты в условиях сценического стресса существенно не снижают качества своей деятельности, а в некоторых случаях могут улучшать его, в то время как «стрессонеустойчивые» артисты в этих условиях значимым образом ухудшают качественные особенности исполнительской деятельности, и прежде всего в таких ее компонентах, как музыкальность, техничность и актерское мастерство [10].

Этим же автором выделяются два основных вида причин, приводящих к сценическому волнению: внешние – это причины, действующие на человека извне: постоянная критика, психологическое давление, недовольство со стороны родных или педагогов, непривычная обстановка и т.п. Внутренние – причины, связаны с самой натурой человека с его внутренним миром, возможными внутренними комплексами, неуверенностью.

Ключевую роль в индивидуальном характере реакции на стресс конкретного человека, как субъекта труда, определяют его возможности по саморегуляции психических состояний. В этом смысле навыки психической саморегуляции выступают важным профессиональным качеством во многих видах профессиональной деятельности, а в спорте их роль особенно важна [2].

С нашей точки зрения, способность к психической саморегуляции является необходимым и некомпенсируемым условием успешного преодоления стресса в деятельности актеров ледовых шоу, что позволяет выделить ее в качестве одного из наиболее важных факторов стресса. Для актера-фигуриста с низким уровнем психической саморегуляции постоянные стрессовые воздействия могут стать причиной снижения качества профессиональной деятельности и ухудшения профессионального здоровья.

Основным направлением работы по преодолению сценического стресса аналогично стрессу, связанному с соревновательной деятельностью в профессиональном спорте, с нашей точки зрения, является дополнительное развитие навыков психической саморегуляции, особенно у артистов, чьи возможности саморегуляции определяются как недостаточные.

Мы априорно полагаем, что фигуристы мирового уровня в момент достижения высоких спортивных достижений имели достаточный уровень психологической подготовленности, а соответственно, и психической саморегуляции. При этом

нельзя исключать, что со временем в условиях возрастных изменений, а также характера деятельности, этот уровень может снижаться и требовать необходимой коррекции.

Таким образом, важным направлением работы по преодолению стресса в деятельности актеров ледовых шоу может быть целенаправленное развитие навыков психической саморегуляции, с использованием значительного инструментария, наработанного, в первую очередь, современной психологией спорта.

Среди основных методов психической саморегуляции обычно выделяют аутогенную тренировку, нервно-мышечную релаксацию, имаготренинг, самогипноз, различные медитативные практики, БОС-тренинги и т.п. [4].

Эти техники могут быть использованы на различных этапах профессиональной деятельности актеров ледовых шоу, как в подготовительный период, так и непосредственно в ходе представлений. Здесь наиболее применимыми могут быть такие методы как дыхательные техники, самовнушение, элементы идеомоторной тренировки, управление вниманием и пр. [1].

Развитие навыков психической саморегуляции, также как и психокоррекционная работа, возможно в рамках психологического сопровождения деятельности актеров ледовых шоу.

Выводы

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что основными факторами стресса в деятельности актеров ледового шоу являются следующими:

- высокий уровень физического и психического напряжения актеров ледовых шоу, связанный с особой сложностью и интенсивностью их профес-

сиональной деятельности, а также «высокая цена» возможных технических ошибок;

- высокий уровень риска получить травму в ходе подготовительного процесса и самого представления;

- сценическое волнение, характерное для большинства субъектов труда в артистической деятельности;

- индивидуальные особенности актеров-фигуристов, связанные со слабыми возможностями их психической саморегуляции, повышенным уровнем личностной тревожности, пониженной самооценкой и т.п.

В свою очередь, в качестве основных направлений работы по преодолению стрессовых воздействий в деятельности актеров ледовых шоу могут быть следующие:

- оптимизация тренировочных нагрузок и графика выступлений, выделение необходимого времени для отдыха и восстановления;

- реализация комплекса мер по профилактике травматизма и медицинского сопровождения;

- психологическое сопровождение, включающее психокоррекционную работу и развитие навыков психической саморегуляции.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении представлений современной психологии труда об особенностях профессиональной деятельности актеров ледовых шоу и факторах стресса, возникающих в ходе ее осуществления.

В свою очередь, практическая значимость состоит в определении мер, направленных на поддержание психического здоровья и психологического благополучия субъектов труда этой профессиональной деятельности.

Список источников

1. Бабичев И.В., Жихарева О.И., Ильченко И.Б. Развитие навыков психической саморегуляции у юных теннисистов: учебно-методическое пособие / Печатается по рекомендации учебно-научного методического совета ФГБОУ ВО «Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма». Казань, 2020. 92 с.
2. Бабичев И.В. Психологическое сопровождение в детско-юношеском спорте: учебное пособие. Москва: КНОРУС, 2025. 160 с.
3. Бумарскова Н.Н., Никишкин В.А. Травматизм в фигурном катании // Ученые записки университета Лесгафта. 2020. № 2 (180). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/travmatizm-v-figurnom-katanii> (дата обращения: 23.02.2025)
4. Габдреева Г.Ш., Юсупов М.Г. Саморегуляция психических состояний: психологические технологии и диагностика: учебное пособие. Казань: Отечество, 2013. 154 с.
5. Готсдинер А.Л. Музыкальная психология. М.: NB Магистр, 1993. 190 с.
6. Довжик Л.М., Нартова-Бочавер С.К. Совладание с травмой у профессиональных спортсменов [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2015. Т. 4 № 2. С. 25 – 38. URL: http://psyjournals.ru/psyclin/2015/n2/Dovzhik_Nartova-Bochaver.shtml
7. Ильин Е.П. Психология спорта. Москва и др.: Питер, 2008. 351 с.

8. Леонова А.Б., Кузнецова А.С. Глава 13. Функциональные состояния и работоспособность человека в профессиональной деятельности / Психология труда, инженерная психология и эргономика. Учебник для академического бакалавриата / под ред. Е.А. Климова, О.Г. Носковой и Г.Н. Солнцевой. М.: Юрайт, 2015. С. 328 – 330.

9. Николаева Е.И. Психофизиология. Психофизиологическая физиология с основами физиологической психологии. М.: ПЭР СЭ; Логос, 2003. 464 с.

10. Соснина Д.Н. Устойчивость к психическому стрессу и исполнительская деятельность артиста балета // Вестник МГУКИ. 2011. № 1. С. 196 – 200. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivost-k-psihiicheskomu-stressu-i-ispolnitelskaya-deyatelnost-artista-baleta> (дата обращения: 23.01.2025)

11. Соснина Д.Н. Стрессоустойчивость в художественно-творческой деятельности в интегральном исследовании индивидуальности (на примере артистов балета): автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2013.

12. Юнусова С.Г., Розенталь А.Н., Балтина Т.В. Стресс. Биологический и психологический аспекты // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2008. № 3. С. 139 – 150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stress-biologicheskij-i-psihiologicheskij-aspekty> (дата обращения: 21.02.2025)

References

1. Babichev I.V., Zhikhareva O.I., Ilchenko I.B. Development of mental self-regulation skills in young tennis players: a teaching aid. Published on the recommendation of the educational and scientific methodological council of the Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism. Kazan, 2020. 92 p.

2. Babichev I.V. Psychological support in children's and youth sports: a teaching aid. Moscow: KNORUS, 2025. 160 p.

3. Bumarskova N.N., Nikishkin V.A. Injuries in figure skating. Scientific notes of Lesgaft University. 2020. No. 2 (180). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/travmatizm-v-figurnom-katanii> (date accessed: 23.02.2025)

4. Gabdreeva G.Sh., Yusupov M.G. Self-regulation of mental states: psychological technologies and diagnostics: a tutorial. Kazan: Otechestvo, 2013. 154 p.

5. Gotsdiner A.L. Musical psychology. Moscow: NB Magistr, 1993. 190 p.

6. Dovzhik L.M., Nartova-Bochaver S.K. Coping with trauma in professional athletes [Electronic resource]. Clinical and special psychology. 2015. Vol. 4, No. 2. P. 25 – 38. URL: http://psyjournals.ru/psyclin/2015/n2/Dovzhik_Nartova-Bochaver.shtml

7. Ilyin E.P. Psychology of Sport. Moscow, etc.: Piter, 2008. 351 p.

8. Leonova A.B., Kuznetsova A.S. Chapter 13. Functional States and Human Performance in Professional Activity. Psychology of Labor, Engineering Psychology, and Ergonomics. Textbook for the Academic Bachelor's Degree. edited by E.A. Klimov, O.G. Noskova, and G.N. Solntseva. Moscow: Yurait, 2015. P. 328 – 330.

9. Nikolaeva, E.I. Psychophysiology. Psychophysiological physiology with the basics of physiological psychology. Moscow: PER SE; Logos, 2003. 464 p.

10. Sosnina D.N. Resistance to mental stress and performing activity of a ballet dancer. Bulletin of MGUKI. 2011. No. 1. P. 196 – 200. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivost-k-psihiicheskomu-stressu-i-ispolnitelskaya-deyatelnost-artista-baleta> (date of access: 23.01.2025)

11. Sosnina D. N. Stress resistance in artistic and creative activity in the integral study of individuality (on the example of ballet dancers): author's abstract. dis. ... cand. psychological sciences. Yaroslavl, 2013.

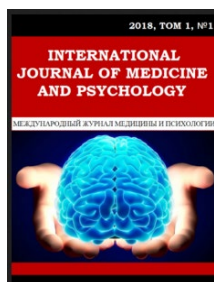
12. Yunusova S.G., Rosenthal A.N., Baltina T.V. Stress. Biological and psychological aspects. Scien. not. Kazan University. Series. Humanitarian sciences. 2008. No. 3. P. 139 – 150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stress-biologicheskij-i-psihiologicheskij-aspekty> (date of access: 21.02.2025)

Информация об авторах

Бабичев И.В., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 4377760@mail.ru

Войтикова М.А., кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, г. Москва, ул. Моховая, д.9, стр. 4, Marina.voytikova@yandex.ru

Рыжов О.Н., аспирант, Сочинский государственный университет, г. Сочи, ул. Пластунская, д. 94, Ryzhov-24@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.09.07

¹ Ильичёв И.В.,

¹ Аксенов А.А.,

¹ Мерзликин А.А.,

¹ Краев Ю.В.,

¹ Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

Особенности адаптации и подготовки студентов к стрессоустойчивым ситуациям в высшем учебном заведении

Аннотация: актуальность темы обусловлена необходимостью анализа адаптации к стрессоустойчивым ситуациям студентов высшего учебного заведения, когда на различных этапах обучения, им приходится сталкиваться с большими психологическими нагрузками. Значимость проблемы обусловлена в отсутствии единого понимания особенностей стрессоустойчивости на разных этапах обучения в вузе. В публикации акцент делается на изучении динамики стрессоустойчивости групп, находящихся в одном диалектическом поле, в процессе начального и завершающего этапа обучения. Итоги данного исследования актуализируют выявление у студентов аспектов стрессоустойчивости на различных этапах обучения, что способствует nivelировать на практике результативные меры по повышению их психологической устойчивости и адаптации к образовательному процессу в высшем учебном заведении.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, начальный и завершающий этапы обучения, студенты, высшее учебное заведение, адаптация

Для цитирования: Ильичёв И.В., Аксенов А.А., Мерзликин А.А., Краев Ю.В. Особенности адаптации и подготовки студентов к стрессоустойчивым ситуациям в высшем учебном заведении // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 170 – 176.

Поступила в редакцию: 15 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Ilyichev I.V.,

¹ Aksenov A.A.,

¹ Merzlikin A.A.,

¹ Kraev Yu.V.,

¹ Moscow Aviation Institute (National Research University)

Features of adaptation and preparation of students to stress-resistant situations in higher education institutions

Abstract: the relevance of the topic is due to the need to analyze the adaptation to stress-resistant situations of students of higher education institutions, when at various stages of their studies, they have to face heavy psychological stress. The significance of the problem is due to the lack of a common understanding of the features of stress tolerance at different stages of university studies. The publication focuses on studying the dynamics of stress tolerance of groups in the same dialectical field during the initial and final stages of learning. The results of this study actualize the identification of stress tolerance aspects in students at various stages of education, which helps to eliminate in practice effective measures to increase their psychological stability and adaptation to the educational process in higher education.

Keywords: stress tolerance, initial and final stages of education, students, higher education institution, adaptation

For citation: Ilyichev I.V., Aksenov A.A., Merzlikin A.A., Kraev Yu.V. Features of adaptation and preparation of students to stress-resistant situations in higher education institutions. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 170 – 176.

The article was submitted: March 15, 2025; Approved after reviewing: May 16, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

В настоящее время первоначально выдвигается проблема социальной значимости человека, также при этом здоровье является ключевым объективным условием жизнедеятельности.

Основная цель данной работы заключается в выявлении способности у студентов справляться со стрессом в повседневной образовательной среде и выявлению факторов приводящих к подобным ситуациям.

В современном обществе присущи стрессовые ситуации, которые могут дестабилизировать внутреннее познание личности и снизить ее эффективность на различных этапах обучения. Данные этапы затрагивают людей массового обучения и способны охватывать различные социальные структуры, не являясь и исключением система высшего образования. Отрицательным образом сказывается проявление стрессовых ситуаций у студентов на взаимоотношении с окружающими, а также на общей успеваемости. Планомерное повторение стресса, может отрицательно проявиться на здоровье.

Обучаясь в вузе, студентов, как будущих высококвалифицированных специалистов, готовят к реальности их профессии, которая в последующем предполагает возникновение различных стрессовых ситуаций, требующие решительного действия и обязательства за их последствия.

Исследование стрессоустойчивости у студентов высшего учебного заведения на разных этапах обучения является актуальным, в следствии возрастающей роли стрессовых ситуаций в жизни современного общества. В условиях напряженной борьбы, интенсивного обучения, и регулярного давления со стороны общества и семьи, приводит студентов к высоким эмоциональным нагрузкам.

Осознание того, как уровень стрессоустойчивости претерпевает изменения в зависимости на каком этапе обучения находится личность, позволяет выделить наиболее незащищенные периоды и разработать методику рациональной программы поддержки обучающимся. Собранные информация может быть использована для оптимизации учебных программ, разработки и создания методик повышения стрессоустойчивости, а также для создания более комфортной и эффективной образовательной среды.

В общих чертах, исследование уровня стрессо-

устойчивости у студентов высшего учебного заведения на разных этапах обучения, является важным шагом в направлении создания более комфортной и результативной учебной среды, а также для улучшения качества образования в целом.

Для того, чтобы цель исследования была достигнута, нами поставлен ряд задач:

1. Определить факторы возникновения стрессовых ситуаций у студентов на различных этапах обучения в вуз

2. Выявить психологическую специфику поведения личности в образовательной среде;

3. Конкретизировать содержание и формы психологической подготовки студентов как будущих высококвалифицированных специалистов в современном обществе.

Данные задачи помогут нам более плотно раскрыть динамику исследования и наметить пути дальнейшего изучения данных аспектов.

Материалы и методы исследований

В современных исследованиях рассматриваются несколько этапов развития стрессоустойчивости:

1. Оценка ситуации: первоначально мы оцениваем ситуацию, чтобы понять ее значимость и потенциальную угрозу.

2. Самоанализ: затем мы анализируем свои физические и эмоциональные реакции на стресс, чтобы лучше понять, как он влияет на нас

3. Адаптация: наконец, мы приспосабливаемся к стрессору, используя различные механизмы преодоления, чтобы справиться с ним и восстановить равновесие

Результаты и обсуждения

Выполненный теоретический анализ проблемы исследования показал, что в научной среде стрессоустойчивость в психологических исследованиях рассматривается многими авторами, Б.Х. Вардьян, Б.В. Суслов, Е.А. Волковой, О.В. Стукаловой и другими.

Согласно исследованиям Б.В. Суслова[3], стрессоустойчивость интерпретируется как уникальная психологическая характеристика, представляющая собой специфическую взаимосвязь различных уровней личностных свойств, которая способствует поддержанию биологического, физиологического и психологического равновесия в системе, а также обеспечивает оптимальное взаимодействие индивидуума с окружающей средой в

разных жизненных ситуациях

В трудах П.Б. Зильберман [5] стрессоустойчивость определяется как отражение более динамичной и комплексной картины. Он подчеркивает, что стрессоустойчивость – это не просто черта характера, а результат гармоничного взаимодействия различных психических функций: эмоций, воли, интеллекта и мотивации. Именно это взаимодействие позволяет человеку успешно справляться с трудностями и достигать своих целей даже в стрессовых ситуациях.

Опираясь на работу О.В. Стукаловой и Е.А. Волковой [8], необходимо отметить специфику коммуникации и выполнения учебных функций у студентов в образовательном процессе. Данные авторы раскрывают мнение по поводу особенности личности, усиления их нравственного воспитания и психологической подготовки. В качестве основных компонентов профессиональной компетентности данные авторы выделяют следующие компоненты:

- возможность рассчитать свои силы и степень риска, который может возникнуть в процессе профессиональной деятельности;
- способность критично мыслить, развитие аналитического мышления, выявление причинно-следственных связей между личностью и обществом;
- «работа над собой», преодоление своих психоэмоциональных слабостей, умение ставить цели и идти к их достижению;
- развитие интуиции, умения предвидеть и прогнозировать результаты;
- умение работать в команде, сотрудничать и принимать правила и роли, которые определены спецификой общества;
- становление лидерских качеств, развитие целеустремленности, воли к победе, развитие здоровой конкуренции.

Все рассмотренные авторы едины во мнении о том, что стрессоустойчивость – это личностная черта, связанная с адаптацией к стрессовым ситуациям в различной общественной среде и включающая эмоциональные и волевые качества каждого индивидуума. Однако существуют и различия в акцентах. Субботин выделяет комплексный характер стрессоустойчивости, Варданын подчеркивает интеграцию умственной деятельности, О.В. Стукаловой и Е.А. Волковой сосредотачиваются на взаимодействии эмоций и воли, а Зильберман выделяет гармонию психических функций.

В данном исследовании, опираясь на работы С.В. Суботина, под стрессоустойчивостью мы будем понимать психологическую особенность личности, возникшую в особом взаимодействии с об-

ществом. Данное взаимодействие способствует поддержанию на необходимом уровне биологического, физиологического состояния, а также психологической уравновешенности системы в целом, оказывая содействие оптимальному взаимодействию субъекта с окружающей средой в различных жизненных ситуациях.

Опираясь на работу С.В. Субботина просматривается идея о двойственном этапе стрессоустойчивости. Она проявляется в рассмотрении стрессоустойчивости и как свойства, влияющего на результат деятельности в достижении в успешности и неуспешности, так и характеристики, обеспечивающей равновесие личности как системы [3].

В исследованиях Е.А. Махрина [7] отмечаются несколько значимых факторов, оказывающих воздействие на стрессоустойчивость личности. К данным факторам относятся: мотивация и цели: целеустремленность личности на достижение определенных задач и ценностей; уровень тревожности: как в обычных ситуациях, так и в определенных стрессовых ситуациях, самоконтроль: убедительность в собственных силах и преобразование событий в своей жизни; самоанализ: способность к критическому осмыслению собственных действий и эмоций; самооценка: оценка собственных достоинств и недостатков; стиль мышления: привычные паттерны восприятия и обработки информации; нейротизм: склонность к тревожным и эмоциональным реакциям. Эти компоненты взаимосвязаны и влияют на то, как человек реагирует на стрессовые ситуации.

Стрессоустойчивость каждого студента во время обучения в высшем учебном заведении, зависит от внешних факторов (умении взаимодействия с преподавателями и однокурсниками, организация учебного процесса, мотивация) и внутренних факторов (физиологические, психологические, образовательные особенности личности)

Студенты, благодаря своему юному возрасту физиологически устойчивы к физическим и эмоциональным нагрузкам. Между тем нехватка жизненных знаний способна привести к более низкой способности справляться со стрессами, связанными с ограниченным бюджетом, поступками или самоопределением. Необходимо отметить, что у студентов с более низким уровнем самооценки или идеализма может проследиваться более высокая незащищенность к стрессу.

В целях подтверждения вышесказанного, было проведено экспериментальное исследование у студентов 1-4 курс обучения ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)» различных направлений в количестве 50 человек в возрастной

группе 18-23 лет. В исследовании применяется тест И.А. Усатова «Тест на определение уровня стрессоустойчивости личности» [10]. Данная методика позволяет определить уровень стрессоустойчивости личности, учитывает ресурсы (фак-

торы) стрессоустойчивости, которые обеспечивают способность эффективно справляться со стрессовым воздействием.

В ходе экспериментального исследования были получены следующие результаты (рис. 1).

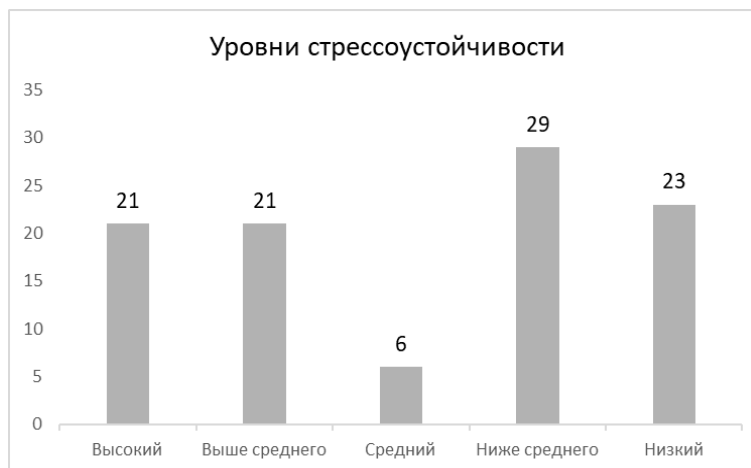

Рис. 1. Результаты уровней стрессоустойчивости студентов 1-4 курса обучения.

Fig. 1. Results of stress resistance levels of 1st-4th year students.

Анализ результатов показал, что у обследуемой группы превалирует уровень стрессоустойчивости выше среднего (29%). Такие студенты отличаются уверенностью в себе, сталкиваясь с различными стрессовыми ситуациями, извлекают из этого жизненные уроки, успешно используя механизмы самоуверенности и самоконтроля. В большинстве случаев они способны проявлять свои сильные качества и в короткие сроки реабилитироваться после оказанного психологического давления или эмоциональных потрясений. Высокие статистические данные, преобладающего уровня стрессоустойчивости у студентов, могут быть связаны с повышенным уровнем адаптации к требованиям предъявляемых в вузе и с хорошими навыками самоорганизации. Также на результаты могли оказать влияние наличие социальной поддержки и помощи от одноклассников и педагогов, отсутствием ряда факторов жизненного пути или определенных событий.

У 23% опрошенных средний уровень стрессоустойчивости преобладает у личности, которая ведет умеренно напряженный жизненный цикл, в тоже время проявляя активную позицию в обществе. Личность, которая чувственно переживает возникшие сложности, но при этом сохраняет самообладание, способна трезво оценить ситуацию и выбрать подходящий путь для ее реализации. Различные ситуации, с которыми им приходится сталкиваться, непосредственным образом влияют на их повседневную жизнь и свое место в обществе. Стрессо-

устойчивость способна снижаться, ввиду увеличения количества стрессовых ситуаций. Средний стрессоустойчивости у студентов вуза объясняется взаимодействием различных факторов, включая академические нагрузки и тревожность, относительно дальнейшего становления в жизненном пути. Преобладание этих обстоятельств создает постоянный риск, который способен ослабить адаптивные ресурсы студентов, но так как у студентов обусловлен средний уровень, данные студенты обладают достаточными умениями управления стрессом, самообладанием и механизмом преодоления трудностей, что в последующем способствует им не понизить свой уровень до низких показателей.

Идентично у обучающихся проявляется низкий уровень стрессоустойчивости и уровень ниже среднего (21%). Студенты, имеющие низкий уровень стрессоустойчивости, испытывают высокую уязвимость к стрессу и динамично реагируют на различные нагрузки, что заставляет их тратить существенные резервы на его преодоление. У данных студентов имеются стремления к конкуренции и преодолению целей, и они часто не удовлетворены достигнутыми результатами, что стимулирует их к поиску новых перспектив. Они предрасположены к проявлению агрессии, нежеланию терпеть и отстраненности. Чтобы восстановить самоконтроль, решительность и продуктивность, обучающимся стоит предпринять целесообразные шаги в борьбе с нарастающим стрессом. Данные исследования могут указывать на то, что студенты

не справляются со стрессовыми барьерами в рамках учебной деятельности. К данным факторам можно отнести: зачёты, экзамены, сдача сессии, курсовые и дипломные работы, неуспеваемость.

У студентов, обладающих уровнем стрессоустойчивости ниже среднего, прослеживаются созидательные реакции физических и психических нарушений, в последующем на преодоление которых им приходится использовать часть своих ресурсов.

Именно данные личности, как правило, более чувствительны к стрессовым ситуациям и могут испытывать определенные затруднения в их преодолении. Они легче склонны поддаваться амбициям, эмоциональнее реагируют на стресс, неблагоприятные события или оказанное давление, могут испытывать страх, волнение и раздражительность. Также остро ощущают хроническую усталость, способны чувствовать нервное истощение ввиду постоянных стрессовых ситуаций и эмоционального напряжения. Данный уровень стрессоустойчивости может, например, объясняться сложной обстановкой с финансовыми трудностями и сложностями в совмещении учебы, личной жизни и работы. В современных реалиях финансовые затруднения способны стать источником беспокойства и стать причиной плохой успеваемости студентов, в тоже время совмещение учебы с работой и личной жизнью, не исключено, что приведет к перерасходу времени и энергии, оставляя студентов истощенными и уязвимыми для стресса.

В процессе научного исследования был выявлен высокий уровень стрессоустойчивости только

у 6% студентов. Обучающиеся, имеющие высокий уровень наиболее устойчивы к психологическим заболеваниям, у них нерасположенность к излишнему усугублению патовых ситуаций. Они ясно выражают свой вектор направления и находят способы их завершения, владеют эффективностью управлять своим временем, восприимчивы длительное время выполнять работу, связанную с необходимостью преодоления высоких нагрузок. Непредвиденные обстоятельства, как правило, не способны нарушить их планы. Высокий уровень стрессоустойчивости может быть связан с тем, что студенты, которые показали такой уровень стрессоустойчивости, ведут правильный образ жизни, что не может не сказаться на их положительном психическом и физическом состоянии, которое способно повлиять на появление стресса, а в данном случае на его отсутствие. Также необходимо не исключать тот фактор, что студенты используют надежный подход в преодолении трудностей. Обучающиеся, которые обладают рациональными стратегиями преодоления трудностей, такие как креативное мышление, своевременное решение задач и проблем, самоконтроль, с большой степенью вероятности способны справиться со сложными стрессовыми ситуациями.

Согласно целям и задачам исследования на втором этапе мы разделили выборку студентов, находящихся на первом курсе обучения и на четвертом курсе обучения.

В результате исследования были получены следующие данные (рис. 2).

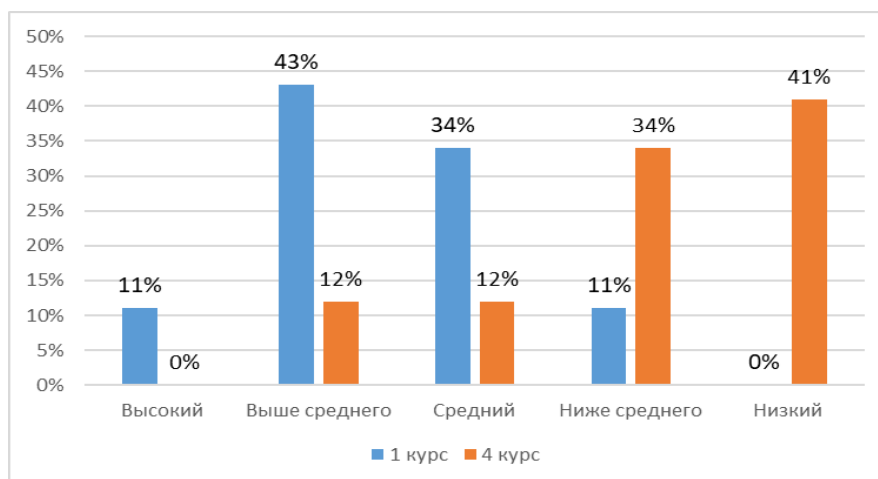

Рис. 2. Результаты исследования у студентов высшего учебного заведения уровней устойчивости на первом и четвертом курсе обучения.

Fig. 2. Results of the study of the levels of sustainability in students of a higher educational institution in the first and fourth years of study.

Согласно анализу данных, было установлено, что у студентов первого курса обучения, превалирует уровень стрессоустойчивости выше среднего (43%), 34% обучающихся имеют средний уровень. Из этого следует, что на начальном этапе, обучающиеся хорошо интегрируются к стрессовым ситуациям, что подтверждает их хорошую подготовленность и психологическую устойчивость. Равнозначному числу студентов первого курса присущий высокий уровень стрессоустойчивости и уровень ниже среднего (11%). У первокурсников с высоким уровнем, прослеживается хорошая динамика преодолевать стрессовые ситуации, активно адаптироваться в обществе, а у студентов с уровнем стрессоустойчивости ниже среднего преобладает ограниченная способность справляться со стрессом, они более склонны к волнениям и физическим проявлениям стресса.

У студентов 4 курса, в отличие от первого, преобладает низкий уровень стрессоустойчивости (43%). Данные результаты могут сигнализировать о высоком накоплении стресса в течение длительного учебного процесса и увеличении физической и моральной усталости к завершению теоретических и практических занятий. Идентичное количество студентов четвертого курса, по результатам показали уровень стрессоустойчивости выше среднего и средний уровень (12%), что может определять студентов как устойчивых к стрессовым ситуациям в обществе.

Мы считаем немаловажным обозначить тот факт, что у студентов первого курса не был определен низкий уровень стрессоустойчивости, в то же время как у обучающихся на четвертом курсе наоборот. Вполне возможно эти факторы связаны с тем, что студенты первого курса только начинают адаптироваться к обучению в вузе, они подвержены стрессовым ситуациям в основном с познанием чего-то нового, изменением среды пребывания и формированием общества. В то время как студенты четвертого курса уже завершили этот этап адаптации и могут соприкасаться с более

сложными стрессорами, такими как подготовка к курсовой и выпускной квалификационной работе.

Выводы

Подводя итоги, результаты нашего исследования показали, что студенты на завершающем этапе обучения более подвержены стрессу, чем обучающиеся первого курса. Полученные результаты могут быть связаны с тем, что студенты на четвертом курсе обучения с большей долей вероятности подвержены стрессовым ситуациям, из-за накопленной нагрузки в течение всего учебного процесса, стресса от предстоящих курсовых работ, сдачи экзаменов, защиты выпускной квалификационной работы, также неопределенности будущей карьеры. Высокие текущие требования к успеваемости в вузе, способность рационально оценивать и принимать важные жизненные решения, способны приводить к эмоциональному выгоранию, что способствует снижению общего уровня стрессоустойчивости. Необходимо обусловить тот факт, что студенты первого курса находятся на этапе адаптации к новой среде окружения, изучают основы и принципы своей специальности и способны испытывать естественные волнения, которые, однако, не являются чрезмерным. Данная стрессовая ситуация может быть расценена как нормальная, в рамках учебного процесса и социальной адаптации личности. Студентам высшего учебного заведения, для снижения психоэмоционального напряжения, рекомендуется следить за правильным образом жизни и заниматься спортом для выработки гормонов стресса. Также полезным образом сказываются дыхательные упражнения и психологические разгрузки, например, музыка, рисование или медитация. Важным фактором остается умение подчеркнуть свои успехи и понимать, какие качества помогают их добиваться. Понимание способов адаптации после стрессовых ситуаций будь то одиночество или активный жизненный отдых, также способствует улучшению стрессоустойчивости и интенсивности пути развития личности.

Список источников

1. Агарков В.А. Дисфункциональные убеждения и стратегии, связанные с психотравмирующим переживанием // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2011. № 3. С. 2 – 11.
2. Чернова А.Д. Изучение понятия «стрессоустойчивость» // Молодой учёный. 2020. № 34. С. 125 – 127.
3. Сулов Б.В. Некоторые особенности креативных личностей // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 101 – 105.
4. Митрофанова Т.Н. Стресс в нашей жизни и как с ним справиться // Студенческий форум. 2023. № 16. С. 19 – 20.
5. Зильберман П.Б. Эмоциональная устойчивость оператора // Очерки психологии труда оператора. М., 1974. С. 138 – 172.

6. Реан А.А. Психология изучения личности: учебное пособие А.А. Реан. СПб.: Издательство В.А. Михайлова, 1999. С. 288.
7. Махрина Е.А., Василенко А.В. Особенности стрессоустойчивости студентов первокурсников // E-Scio. 2022. № 6. С. 105 – 115.
8. Стукалова О.В., Волкова Е.А. Психология личности спортивного тренера // Теория и практика современной науки. 2024. № 3 (105). С. 70 – 76.
9. Ткач Е.Н., Рябова И.И., Шлыкова М.А. Особенности самочувствия и стрессоустойчивости студентов с разным содержанием самоотношения // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. № 11. С. 244 – 251.
10. Усатов И.А. Авторская методика «Тест на определение уровня стрессоустойчивости личности» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 11. С. 681 – 685.

References

1. Agarkov V.A. Dysfunctional beliefs and strategies associated with psychotraumatic experiences. Questions of Psychology of Extreme Situations. 2011. No. 3. P. 2 – 11.
2. Chernova A.D. Studying the concept of "stress resistance". Young scientist. 2020. No. 34. P. 125 – 127.
3. Suslov B.V. Some features of creative personalities. Questions of Psychology. 1999. No. 2. P. 101 – 105.
4. Mitrofanova T.N. Stress in our lives and how to cope with it. Student forum. 2023. No. 16. P. 19 – 20.
5. Zilberman P.B. Emotional stability of the operator. Essays on the psychology of the operator's work. M., 1974. P. 138 – 172.
6. Rean A.A. Psychology of personality study: a tutorial by A.A. Rean. SPb.: Publishing house of V.A. Mikhailov, 1999. P. 288.
7. Makhrina E.A., Vasilenko A.V. Features of stress resistance of first-year students. E-Scio. 2022. No. 6. P. 105 – 115.
8. Stukalova O.V., Volkova E.A. Psychology of the personality of a sports coach. Theory and practice of modern science. 2024. No. 3 (105). P. 70 – 76.
9. Tkach E.N., Ryabova I.I., Shlykova M.A. Features of well-being and stress resistance of students with different content of self-attitude. Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2022. No. 11. P. 244 – 251.
10. Usatov I.A. Author's technique "Test for determining the level of personality stress resistance". Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2016. No. 11. P. 681 – 685.

Информация об авторах

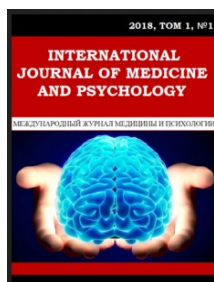
Ильичёв И.В., старший преподаватель, SPIN-код 9658-3950, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), ewan.tennis@yandex.ru

Аксенов А.А., старший преподаватель, a.axenoff2018@yandex.ru, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

Мерзликин А.А., старший преподаватель, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Amerzlikin85@gmail.com

Краев Ю.В., кандидат психологических наук, доцент, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), yury.kraev@mail.ru

© Ильичёв И.В., Аксенов А.А., Мерзликин А.А., Краев Ю.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 373.2

¹ Ольшевская Д.А.,

¹ Киреева Т.И.,

¹ Самарский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Характеристика тревожности у детей в младшем школьном возрасте: современный психологический аспект

Аннотация: среди негативных переживаний тревожность занимает особое место, приводя к снижению работоспособности, эффективности деятельности, к трудностям в коммуникации. Резкая смена социальной ситуации развития и ведущей деятельности ребенка требуют адаптации в новой социальной среде.

Тревожность включает в себя различные аспекты устойчивого школьного эмоционального неблагополучия. Она выражается в волнении, повышенном беспокойстве в учебных ситуациях, в классе, в ожидании плохого отношения к себе, отрицательной оценки со стороны педагогов, сверстников. Ребёнок не уверен в правильности своего поведения.

Важность изучения данного вопроса объясняется необходимостью своевременно предотвращать возникновение негативных эмоциональных состояний, выявлять и устранять их причины, так как в условиях обучения в школе эти состояния могут стать более выраженными.

В статье представлены результаты исследования определения различий в выраженность и структуре тревожности у мальчиков и девочек в младшем школьном возрасте.

Данные могут быть использованы психологами образовательных организаций для разработки программ по профилактике и преодолению тревожности, для составления рекомендаций для учителей и родителей; при разработке спецкурсов по общей, возрастной и педагогической психологии.

Ключевые слова: тревожность, младший школьный возраст, психологическое здоровье школьника, начальная школа, общение, личность, страх, эмоциональный опыт

Для цитирования: Ольшевская Д.А., Киреева Т.И. Характеристика тревожности у детей в младшем школьном возрасте: современный психологический аспект // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 177 – 183.

Поступила в редакцию: 17 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Olshevskaya D.A.,

¹ Kireeva T.I.,

¹ Samara State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Characteristics of anxiety in children at primary school age: the modern psychological aspect

Abstract: anxiety occupies a special place among negative experiences, leading to a decrease in working capacity, efficiency, and communication difficulties. An abrupt change in the social situation of the child's development and leading activity requires adaptation to a new social environment. Anxiety includes various aspects of persistent school emotional distress. It is expressed in excitement, increased anxiety in educational situations, in the classroom, in anticipation of a bad attitude towards oneself, negative assessment from teachers, peers. The child is not sure of the correctness of his behavior. The importance of studying this issue is explained by the need to prevent

the occurrence of negative emotional states in a timely manner, to identify and eliminate their causes, as these conditions may become more pronounced in school. The article presents the results of a study to determine the differences in the severity and structure of anxiety in boys and girls at primary school age. The data can be used by psychologists of educational organizations to develop programs for the prevention and overcoming of anxiety, to make recommendations for teachers and parents, and to develop special courses in general, age, and educational psychology.

Keywords: anxiety, primary school age, student's psychological health, elementary school, communication, personality, fear, emotional experience

For citation: Olshevskaya D.A., Kireeva T.I. Characteristics of anxiety in children at primary school age: the modern psychological aspect. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 177 – 183.

The article was submitted: March 17, 2025; Approved after reviewing: May 16, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Поступление ребенка в школу, смена ведущего вида деятельности, освоение новой социальной роли, возникновение новых обязанностей и межличностных отношений могут стать источником тревожности. Вступление ребёнка в школьную жизнь связано с рядом значимых перемен, каждая из которых способна спровоцировать повышенную тревожность. Нарастание тревожности происходит по механизму «замкнутого психологического круга» [6]. Постоянное пребывание в состоянии тревоги истощает ресурсы организма, ухудшая качество жизни и способность эффективно решать проблемы, ограничивает возможности социального взаимодействия и препятствует полноценному обучению.

Определение тревожности, предложенное А. М. Прихожан, точно отражает её суть как эмоционального состояния, обусловленного ощущением потенциальной угрозы или неприятностей [9].

Тревожность как свойство человека может приобретать некоторые формы, отражающие уникальные способы реагирования на потенциально угрожающие ситуации [7].

Материалы и методы исследований

Целью нашей работы является определение различий в выраженности и структуре тревожности у мальчиков и девочек в младшем школьном возрасте.

Эмпирическое исследование было проведено на базе муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа №9» г. Нурлат Республики Та-

тарстан.

Выборку исследования составили 60 обследуемых. В клиническую группу вошли 31 мальчик и 30 девочек в возрасте 8-12 лет.

Для оценки тревожности у детей младшего школьного возраста были подобраны методики:

- шкала личностной тревожности (А.М. Прихожан);
- тест школьной тревожности (Б.Н. Филлипс);
- многофакторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла, Р.В. Коана (детский вариант).

Результаты и обсуждения

Данные, полученные по результатам методики «Шкала личностной тревожности» (А.М. Прихожан), указывают, у мальчиков младшего школьного возраста зафиксированы более высокие уровни тревожности, связанной с учебой и общением с учителями. Подобный вывод заслуживает детального рассмотрения и последующего анализа, так как учебный процесс является одним из ключевых факторов, влияющих на развитие и адаптацию ребенка в образовательном пространстве.

Значительное снижение уровня тревожности по шкале «Межличностная» у девочек подтверждает важную закономерность: эффективное вмешательство способно существенно уменьшить негативные эмоциональные переживания, связанные с межличностными взаимодействиями. Результаты представлены в табл. 1.

При исследовании личностной тревожности были выявлены статистически достоверные различия по шкале «самооценочная».

Таблица 1
Результаты исследования по методике «Шкала личностной тревожности» (А.М. Прихожан).

Table 1

Results of the study using the "Personal Anxiety Scale" method (A.M. Prikhozhan).

Показатели	Группа девочек	Группа мальчиков	U-критерий	p
Учебная	15,1	16,5	442	0,738
Самооценочная	14,4	11,6	324,5	0,042*
Межличностная	12,8	13,9	451,5	0,845

- статистически значимые различия: * – данные значимые при $p < 0,05$; ** – данные значимые при $p < 0,01$.
- statistically significant differences: * – data significant at $p < 0.05$; ** – data significant at $p < 0.1$.

Для изучения школьной тревожности была использована методика «Тест школьной тревожно-

сти» Б.Н.Филлипса. Результаты исследований по данной методике представлены в табл. 2.

Таблица 2
Результаты исследования по методике «Тест школьной тревожности» Б.Н. Филлипса.

Table 2

Results of the study using the method "School Anxiety Test" by B.N. Phillips.

Показатели	Группа девочек	Группа мальчиков	U-критерий	p
Общая школьная тревожность в школе	10,4	8,9	417	0,487
Переживание социального стресса	6,1	6	454	0,871
Фрустрация потребности в достижении успеха	8,6	7,1	242,5	0,001**
Страх самовыражения	2,4	3,4	306	0,02*
Страх ситуации проверки знаний	2,3	1,4	347	0,082
Страх соответствовать ожиданиям окружающих	2,1	1,8	431,5	0,62
Низкая физиологическая сопротивляемость	1,8	3,4	243,5	0,001**
Программы и страхи в отношении с учебой	4,2	4,1	440	0,711

- статистически значимые различия: * – данные значимые при $p < 0,05$; ** – данные значимые при $p < 0,01$.
- statistically significant differences: * – data significant at $p < 0.05$; ** – data significant at $p < 0.1$.

При исследовании личностной и школьной тревожности были выявлены статистически достоверные различия по шкалам «Фрустрация потребности в достижении успеха», «Страх самовыражения», «Низкая физиологическая сопротивляемость».

Полученные данные свидетельствуют о существенном снижении уровня тревожности по шкале «Страх самовыражения» у девочек. Такие результаты говорят о негативных эмоциональных переживаниях ситуаций, сопряженных с необходимостью самораскрытия, предъявления себя другим, демонстрации своих возможностей.

Показатели по шкале «Фрустрация потребности в достижении успеха» выше у девочек, чем у мальчиков, по шкале «Низкая физиологическая сопротивляемость», наоборот, у мальчиков выше. Полученные вами результаты позволяют сделать важные выводы о различиях в уровнях фрустри-

рованности потребностей в успехе и физиологической сопротивляемости у мальчиков и девочек.

Психофизиологические особенности мальчиков делают их более подверженными стрессу и увеличивают вероятность проявления неадекватных реакций на тревожные факторы внешней среды.

Проведённое исследование подтвердило наличие существенных различий в характере тревожности у детей младшего школьного возраста.

Для исследования личностных качеств был использован модифицированный вариант детского личностного опросника, разработанного Р.Б. Кеттеллом и Р.В. Коаном, для детей 8-12 лет.

При исследовании личностных качеств детей были получены статистически достоверно значимые различия: уверенность в себе, склонность к самоутверждению, склонность к риску, социальная смелость, тревожность, нервное напряжение (табл. 3).

Таблица 3
Результаты исследования по методике «Многофакторный личностный опросник» (Р. Кеттелл, Р.В. Коан).
Table 3

Results of the study using the “Multifactorial Personality Inventory” method (R. Cattell, R.V. Coan).

Показатели	Группа девочек	Группа мальчиков	U-критерий	p
Общительность	4,5	4,2	380	0,211
Вербальный интеллект	5,5	4,9	352,5	0,093
Уверенность в себе	6	4,8	275	0,005**
Возбудимость	5,4	5,5	455	0,882
Склонность к самоутверждению	5,1	6,1	296	0,014*
Склонность к риску	6,8	4,8	192	0**
Ответственность	4,5	4,3	432	0,62
Социальная смелость	4,8	4	308	0,019*
Чувствительность	6	8,8	344	0,072
Тревожность	6,1	8	208	0**
Самоконтроль	4,8	4	328	0,41
Нервное напряжение	6	7,2	314,5	0,027*

- статистически значимые различия: * – данные значимые при $p < 0,05$; ** – данные значимые при $p < 0,01$.
- statistically significant differences: * – data significant at $p < 0.05$; ** – data significant at $p < 0.1$.

Значимое снижение по шкале «Уверенность в себе» наблюдается у мальчиков, что указывает на

определенный дисбаланс в восприятии самих себя и своей позиции в социуме (рис. 1).

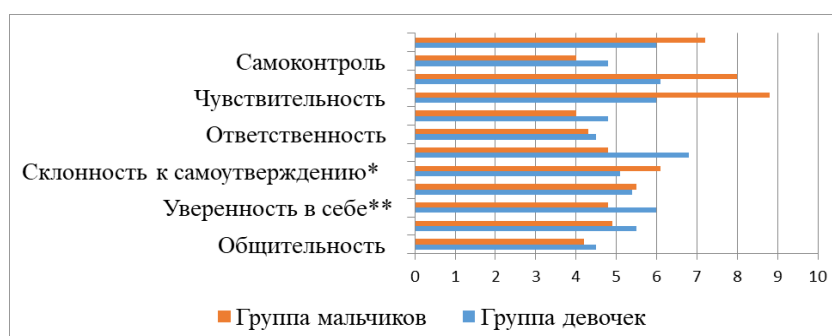

Рис. 1. Результаты исследования по методике «Многофакторный личностный опросник» (Р. Кеттелл, Р.В. Коан).

Fig. 1. Results of the study using the “Multifactorial Personality Questionnaire” method (R. Cattell, R.V. Coan).

Высокие показатели по шкале «Склонность к риску» у девочек могут свидетельствовать о наличии определенных личностных черт, положительно сказывающихся на их жизненных перспективах.

Приведённые данные по шкале «Склонность к самоутверждению» позволяют сформулировать интересные выводы о мальчиках, участвующих в исследовании. Более высокие показатели у мальчиков могут означать наличие сильных лидерских качеств, решительности и настойчивости в отстаивании своих интересов.

Результаты корреляционного анализа показали наличие значимых различий между исследуемыми группами по ряду ключевых показателей. Анализ данных позволил выделить параметры, которые имеют статистически значимые различия на

уровне уверенности, характерном для выбранного метода (U Манна-Уитни). Наибольшая значимость различий была выявлена в таких показателях, как фрустрация потребности в достижении успеха, страх самовыражения, склонность к риску и социальная смелость. Это свидетельствует о том, что гендерные особенности влияют на выраженность указанных характеристик, что подтверждается низкими значениями статистики U. Результаты корреляционного анализа действительно выявили значительные различия между группами испытуемых по нескольким ключевым параметрам, связанным с личностными характеристиками и реакциями на внешние стимулы.

Особое внимание стоит обратить на показатели, связанные с эмоциональной устойчивостью, такие как спокойствие/тревожность и расслаблен-

ность/напряженность. Динамика показателей эмоциональной устойчивости иллюстрирует существенные различия в способах эмоциональной регуляции у детей младшего школьного возраста (рис. 1). Кроме того, такие показатели, как подчиненность/доминантность и уверенность в себе,

также демонстрируют отличия, хотя их уровень статистической значимости ниже. Это указывает на то, что проявления тревожности у детей тесно связаны не только с эмоциональной сферой, но и с их социальным поведением и навыками взаимодействия в коллективе.

Таблица 4

Значения статистики U Манна-Уитни для показателей тревожности у детей младшего школьного возраста.

Table 4

Mann-Whitney U statistics values for anxiety indicators in primary school children.

Показатель	Значение статистики U Манна-Уитни
Фрустрация потребности в достижении успеха	242,5
Страх самовыражения	242,5
Склонность к риску	192,0
Социальная смелость	208,0
Спокойствие/тревога	344,0
Расслабленность/напряженность	328,0

В табл. 4 отражены показатели, по которым были зафиксированы наиболее значимые различия между исследуемыми группами. Полученные данные подчеркивают сложную взаимосвязь между уровнем тревожности и рядом других личностных

характеристик, таких как подчиненность/доминантность и уверенность в себе. Подобные выводы согласуются с современными теориями психологии, подчеркивающими интегративный характер человеческой личности.

Таблица 5

Средние значения показателей тревожности у девочек и мальчиков.

Table 5

Average values of anxiety indicators in girls and boys.

Переменные	Корреляция
Учебная тревожность и межличностная тревожность	0.492**
Переживание социального интереса и низкая физиологическая сопротивляемость	0.591**
Фрустрация потребности в достижении успеха и страх самовыражения	0.517**
Общая школьная тревожность и переживание социального интереса	0.364*
Самооценка и переживание социального интереса	-0.069
Самоконтроль и страх самовыражения	-0.311
Уверенность в себе и спокойствие/тревога	-0.375*
Замкнутость/общительность и межличностная тревожность	0.411*

В табл. 5 описаны результаты корреляционного анализа, проведенного для выявления взаимосвязей между различными переменными, такими как учебная тревожность, самооценка, фрустрация, страхи и другие личностные характеристики. Эти переменные имеют различную степень взаимосвязи, которая измеряется с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Корреляция может быть как положительной, так и отрицательной, и значения могут быть значимыми на разных уровнях значимости (0.01 и 0.05).

Выводы

1. Представленные значения подтверждают факт о том, что девочки младшего школьного

возраста в целом демонстрируют более высокий уровень тревожности по сравнению с мальчиками.

2. Дети с высоким уровнем тревожности часто сталкиваются с фрустрацией, вызванной нереализованными ожиданиями. Желание преуспевать сочетается с тревогой по поводу возможной неудачи. Например, показатель страха самовыражения у девочек равен 8,6, тогда как у мальчиков этот показатель ниже – 7,1.

3. Приведённые данные подчеркивают важную особенность психофизиологического реагирования мальчиков и девочек на стрессовые ситуации.

4. Переживание социального интереса и низкая физиологическая сопротивляемость имеют высо-

кую положительную корреляцию (0.591**), что может свидетельствовать о том, что высокая тревожность в социальных ситуациях связана с низкой физической устойчивостью. Низкая физиологическая сопротивляемость и страх самовыражения также показывают положительную корреляцию (0.385*), что может свидетельствовать о взаимосвязи между чувствительностью организма и переживаниями, связанными с выражением себя.

5. Самоконтроль и страх самовыражения показали отрицательную зависимость (-0.311), что может говорить о том, что развитие самоконтроля связано с меньшим страхом перед самовыражением. Значимые корреляции ($p < 0.05$ и $p < 0.01$) подтверждают существование определенных связей между переменными.

6. Учебная тревожность и переживание социального интереса (0.364*) показывают, что дети, испытывающие тревожность в учебной среде, могут быть более склонны к переживаниям по поводу социального интереса. Фрустрация потребности в достижении успеха и страх самовыражения (0.517**) подтверждают, что дети, испытывающие фрустрацию, могут быть более подвержены стра-

хам, связанным с самовыражением.

7. Самооценка имеет отрицательные корреляции с различными показателями, такими как переживание социального интереса (-0.069), фрустрация потребности в достижении успеха (-0.249), что может указывать на то, что низкая самооценка может повышать восприимчивость к стрессовым ситуациям.

8. Корреляция 0.411* между межличностной тревожностью и замкнутостью/общительностью показывает, что высокая тревожность в межличностных ситуациях может приводить к большей социальной изоляции или, наоборот, к большому числу социальных взаимодействий.

Полученные данные подчеркивают необходимость разработки дифференцированных программ психологической поддержки для детей младшего школьного возраста, которые учитывали бы гендерные различия в проявлении тревожности, в том числе в особенностях типа реагирования на стрессовые ситуации. Эти программы должны включать элементы, направленные на снижение страха самовыражения, формирование устойчивой самооценки и развитие уверенности в себе.

Список источников

1. Алимйрзаева Э.А. Проблема тревожности у младших школьников и пути коррекции // Вестник Социально педагогического института. 2021. № 1 (37). С. 83 – 88.
2. Астапов В.М., Вакнин Е.Е. Эмоциональные нарушения в детском и подростковом возрасте. Тревожные расстройства. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 273 с.
3. Гут Ю.Н., Ланских М.В., Доронина Н.Н. Влияние типа семьи на развитие тревожности у детей младшего школьного возраста // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 3 (137). С. 136 – 145.
4. Донскова Е.С. Взаимосвязь самооценки и уровня тревожности у детей младшего школьного возраста // Психология человека в образовании, 2022. Т 4. № 1. С. 41 – 52.
5. Кабанец С.В. Тревожность младших школьников и программа ее коррекции педагогом-психологом в общеобразовательном учреждении // Синергия Наук. 2022. № 74. С. 7 – 19.
6. Лебедева Е.И. Современные предикторы школьной тревожности младших школьников // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2020. № 2. С. 347 – 359.
7. Мурзина Н.П., Ожогова Е.Г. Переживания тревожности младших школьников на этапе окончания начальной школы // Вестник практической психологии образования 2024. Т. 21. № 4. С. 176 – 184.
8. Полякова И.В. Психологические особенности коррекции тревожности и агрессивности младших школьников // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2021. Т. 21. № 2. С. 58 – 65.
9. Прихожан А.М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. М.: Московский психолого-социальный институт, 2020. 304 с.
10. Симатова О.Б. Школьная тревожность как значимый фактор формирования стиля учебной деятельности младших школьников // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 17. № 4. С. 104 – 115.

References

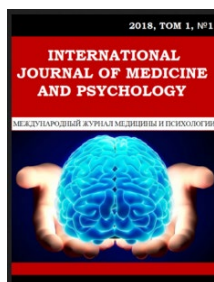
1. Alimirzaeva E.A. The problem of anxiety in primary school students and ways of correction. Bulletin of the Social and Pedagogical Institute. 2021. No. 1 (37). P. 83 – 88.
2. Astapov V.M., Vaknin E.E. Emotional disorders in childhood and adolescence. Anxiety disorders. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 273 p.
3. Gut Yu.N., Lanskikh M.V., Doronina N.N. The influence of family type on the development of anxiety in primary school children. Bulletin of the Vyatka State University. 2020. No. 3 (137). P. 136 – 145.
4. Donskova E.S. The relationship between self-esteem and anxiety levels in primary school children. Human Psychology in Education, 2022. Vol. 4. No. 1. P. 41 – 52.
5. Kabanets S.V. Anxiety in primary school children and a program for its correction by a teacher-psychologist in a general education institution. Synergy of Sciences. 2022. No. 74. P. 7 – 19.
6. Lebedeva E.I. Modern predictors of school anxiety in primary school children. Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2020. No. 2. P. 347 – 359.
7. Murzina N.P., Ozhogova E.G. Experiences of anxiety in younger students at the end of primary school. Bulletin of practical psychology of education. 2024. Vol. 21. No. 4. P. 176 – 184.
8. Polyakova I.V. Psychological features of correction of anxiety and aggression of younger students. Issues of mental health of children and adolescents. 2021. Vol. 21. No. 2. P. 58 – 65.
9. Prikhodzhan A.M. Psychology of anxiety: preschool and school age. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute, 2020. 304 p.
10. Simatova O.B. School anxiety as a significant factor in the formation of the style of educational activity of younger students. Scientific notes of the Zabaikalsky State University. 2022. T. 17. No. 4. P. 104 – 115.

Информация об авторах

Ольшевская Д.А., кандидат педагогических наук, ассистент, Самарский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, d.a.olshevskaya@samsmu.ru

Киреева Т.И., кандидат медицинских наук, доцент, Самарский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, t.i.kireeva@samsmu.ru

© Ольшевская Д.А., Киреева Т.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9

¹ *Соболевская Т.В.,*

¹ *Тихоокеанский государственный университет*

Салютогенный подход в образовательной среде университета: теоретические основы и практическое применение

Аннотация: современная образовательная система сталкивается с вызовами, связанными с ростом стресса, снижением мотивации и ухудшением психического здоровья студентов, обусловленными цифровизацией, социально-экономической неопределённостью и последствиями пандемии COVID-19. В этом контексте актуален салютогенный подход А. Антоновского, фокусирующийся на укреплении здоровья через развитие чувства когерентности (понятность, управляемость, осмысленность) и генерализованных ресурсов сопротивления. Статья рассматривает применение данного подхода в образовательной среде университета, подчёркивая его эффективность в создании здоровьесберегающей образовательной среды. Примером служит научно-образовательный психологический клуб ТОГУ, где через интеграцию теории и практики, коллаборативное обучение и рефлекссию студенты развивают профессиональные и личностные ресурсы, повышающие психологическую устойчивость. Салютогенез предлагает смещение акцента с устранения проблем на развитие сильных сторон студентов, что способствует снижению тревожности и повышению благополучия.

Ключевые слова: образовательная среда, салютогенный подход, студенты, генерализованные ресурсы сопротивления, чувство когерентности, здоровьесберегающая среда

Для цитирования: Соболевская Т.В. Салютогенный подход в образовательной среде университета: теоретические основы и практическое применение // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 184 – 190.

Поступила в редакцию: 19 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ *Sobolevskaya T.V.,*

¹ *Pacific National University*

The salutogenic approach in the university educational environment: theoretical foundations and practical application

Abstract: the modern educational system faces challenges related to increasing stress, declining motivation, and deteriorating mental health among students, driven by digitalization, socioeconomic uncertainty, and the aftermath of the COVID-19 pandemic. In this context, Aaron Antonovsky's salutogenic approach, which focuses on promoting health through the development of a sense of coherence (comprehensibility, manageability, meaningfulness) and generalized resistance resources, is highly relevant. The article examines the application of this approach in the university educational environment, highlighting its effectiveness in creating a health-promoting setting. An example is the Scientific and Educational Psychological Club at PNU, where, through the integration of theory and practice, collaborative learning, and reflection, students develop professional and personal resources that enhance psychological resilience. Salutogenesis advocates shifting the focus from problem elimination to strengthening students' assets, thereby reducing anxiety and improving well-being.

Keywords: educational environment, salutogenic approach, students, generalized resistance resources, sense of coherence, health-promoting environment

For citation: Sobolevskaya T.V. The salutogenic approach in the university educational environment: theoretical foundations and practical application. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 184 – 190.

The article was submitted: March 19, 2025; Approved after reviewing: May 15, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Современная образовательная система сталкивается с множественными вызовами, связанными с возрастающим уровнем стресса среди студентов, снижением мотивации к обучению и ухудшением показателей психического здоровья молодёжи. Принципиальное отличие современной ситуации от предыдущих поколений заключается в нескольких ключевых факторах. Во-первых, цифровизация образования и повсеместное использование технологий создали новые формы стресса: информационную перегрузку, страх упустить важное, постоянную связь с онлайн-средой. Во-вторых, изменились социально-экономические условия: усилилась конкуренция на рынке труда, возросла неопределённость будущего, что приводит к хроническому стрессу и тревожности. В-третьих, пандемия COVID-19 2020-2022 годов кардинально изменила образовательную среду, усилив социальную изоляцию и психологическое напряжение среди учащихся.

В этом контексте особую актуальность приобретает салютогенный подход, предложенный социологом Аароном Антоновским в 1970-х годах. Салютогенез – концепция, изучающая факторы, способствующие сохранению и укреплению здоровья и психологического благополучия человека в условиях стресса [1]. В основе этой концепции – представление о здоровье не как дихотомии «здоров/болен», а как континууме (непрерывной шкале).

Цель данной работы – рассмотреть теоретические основы салютогенного подхода и его практическое применение в образовательной среде университета на примере научно-образовательного психологического клуба.

Материалы и методы исследований

Теоретической основой исследования послужили работы А. Антоновского по салютогенному подходу, современные исследования его применения в образовательной среде. Проведён анализ литературы по следующим направлениям: основы салютогенного подхода и концепция чувства когерентности; генерализованные ресурсы сопротивления в образовательном контексте; современные исследования салютогенного подхода в образова-

нии; практические аспекты внедрения салютогенных принципов.

В качестве эмпирического материала использован опыт работы научно-образовательного психологического клуба при высшей школе психологии Тихоокеанского государственного университета. Анализировались структура деятельности клуба, применяемые методы и подходы, наблюдаемые результаты работы с участниками.

Методы исследования включали: теоретический анализ литературы; описательный анализ практического опыта; наблюдение за деятельностью научно-образовательного клуба; анализ обратной связи от участников.

Результаты и обсуждения

А. Антоновский предложил искать источники здоровья, а не только причины болезней. Он отмечал, что даже в экстремальных условиях некоторые люди способны сохранить здоровье и добиться успеха [1]. Вывод А. Антоновского был в том, что ключевую роль здесь играет чувство когерентности – убеждённость человека в том, что происходящее с ним внешнее и внутреннее понятно, управляемо и значимо. Выделяются три взаимосвязанных компонента:

1. Понятность – когнитивный компонент, отражающий степень восприятия внутренних и внешних стимулов как упорядоченных, последовательных и структурированных информационных потоков, а не как хаотичных, случайных и необъяснимых явлений.

2. Управляемость – поведенческий компонент, характеризующий убеждённость индивида в наличии достаточных ресурсов для успешного преодоления жизненных трудностей и решения возникающих проблем.

3. Осмысленность – мотивационный компонент, отражающий степень восприятия жизненных вызовов как заслуживающих эмоциональных инвестиций и усилий для их преодоления. Это степень внутренней мотивации вовлекаться в происходящее.

Важно подчеркнуть, что салютогенная модель рассматривает стресс и трудности как неизбежную часть жизни, но подчёркивает, что при высоком чувстве когерентности они могут стать развитием

ресурсов личности.

Ключевым понятием салютогенеза являются генерализованные ресурсы сопротивления. А. Антоновский определил генерализованные ресурсы сопротивления как любые ресурсы человека, группы или сообщества, которые облегчают эффективное противостояние стрессам и усиливают чувство когерентности [2]. Это могут быть материальные, социальные, психические и культурные ресурсы, – всё, что даёт устойчивость к нагрузкам. Классический перечень генерализованных ресурсов сопротивления у А. Антоновского включает: материальные блага (деньги, жильё), знания и интеллект (понимание реального мира, профессиональные умения), самоидентификацию (устойчивое, гибкое чувство «Я»), стратегии преодоления (способы совладания), социальную поддержку, культурную сплочённость, стабильные ритуалы и философию, ориентацию на профилактику здоровья [2].

Таким образом, генерализованные ресурсы сопротивления – это не единичные объекты, а совокупность жизненного опыта, характеризующегося последовательностью, участием в формировании результатов и балансом нагрузки. Чем более выражены эти ресурсы, тем сильнее чувство когерентности у личности. В салютогенной модели считается, что за годы взросления формируются три типа жизненного опыта, способствующего развитию чувства когерентности: последовательность и структура (обеспечивающие понятность), баланс нагрузок (связанные с управляемостью) и участие в принятии решений (усиливающие осмысленность) [2]. Позднее к ним добавлено эмоциональное отношение («эмоциональная близость»), то есть то в какой степени человек ощущает устойчивые эмоциональные связи и чувство принадлежности к социальным группам, членом которых он является. Как и в случае с участием в формировании результатов, ресурс эмоциональной близости считается важным для компонента осмысленности [2].

Салютогенный подход в образовательной среде университета становится особенно релевантным именно сейчас по нескольким причинам. Во-первых, традиционные модели образования показали свою ограниченность в условиях снижения психологического благополучия студентов [3, 4]. Во-вторых, современные исследования подтверждают эффективность салютогенных принципов для развития резилиентности и адаптационных способностей [5, 6]. В-третьих, цифровая трансформация образования требует новых подходов к созданию здоровьесберегающей образовательной

среды, что делает салютогенную парадигму крайне актуальной.

Как было указано, существенным фактором, усиливающим психологическую нагрузку студентов, стала стремительная цифровизация образования. С одной стороны, она открыла доступ к онлайн-курсам, интерактивным платформам и другим образовательным возможностям. С другой – привнесла новые формы так называемого «техно-стресса»: информационную перегрузку, размытые границы между учёбой и отдыхом, постоянное сравнение себя с другими в социальных сетях. Эти явления усиливают тревожность и эмоциональное напряжение. Также пандемия COVID-19 лишь обострила эти процессы: дистанционное обучение, ограничение живого общения и высокая неопределённость будущего значительно повысили уровень тревоги среди студентов. Так, по данным ВШЭ, у значительной части студентов во время изоляции уровень тревожности удвоился по сравнению с довирусным периодом [7]. Именно в таких условиях актуализируется необходимость поиска подходов, поддерживающих психологическое благополучие обучающихся – таких как салютогенный подход.

Современные исследования подтверждают значимость салютогенной парадигмы в образовательной среде, особенно в условиях цифровизации и постпандемийного восстановления. Исследование D. Klein, T. Vogt акцентирует внимание на применении салютогенного подхода в физическом воспитании, подчеркивая его роль в развитии физических, социальных и психологических ресурсов студентов [8]. В работе Е.В. Удовиченко и соавторов рассматривается применение салютогенного подхода к физическому воспитанию студентов в условиях пандемии COVID-19. Авторы подчеркивают, что данный подход способствует формированию чувства когерентности, что помогает студентам справляться с психоэмоциональным стрессом и дефицитом двигательной активности, вызванными дистанционным обучением [9]. Исследование, опубликованное на сайте Университета Саскачевана, подчеркивает, что салютогенный подход способствует эффективной командной работе через развитие позитивной культуры, резилиентности и сотрудничества [10]. Таким образом, подчеркивается актуальность салютогенной модели для создания здоровьесберегающей образовательной среды, способствующей целостному развитию студентов.

В образовательной среде, где учащиеся сталкиваются с бесконечным потоком информации, неопределённостью задач и социальной нагрузкой, салютогенный подход помогает сместить акцент с

борьбы с проблемами на развитие внутренних ресурсов личности и среды. Концепция салютогенеза предлагает создавать образовательные условия, в которых студенты получают доступ к ресурсам и опыту, повышающим их чувство когерентности и способность адаптироваться [8]. Например, в условиях образовательной среды университета это означает внедрение практик, делающих обучение прозрачным и предсказуемым (компонент: понятность), контролируемым и доступным (компонент: управляемость), а также значимым для личных целей студентов (компонент: осмысленность). Отмечается, что сильное чувство когерентности связано с лучшим психологическим благополучием и здоровьем: оно противоположно тревожности и депрессии и положительно коррелирует с уровнем субъективного здоровья [1, 8].

Если адаптировать три компонента чувства когерентности к образовательной среде, их можно описать следующим образом:

- Понятность: студент ясно осознаёт цели и структуру учебного процесса, понимает, что от него ожидается и почему это важно.

- Управляемость: студент ощущает наличие ресурсов (знаний, поддержки, инструментов), которые позволяют ему справляться с учебными задачами.

- Осмысленность: студент воспринимает учебную деятельность как значимую и соответствующую его личным и профессиональным целям, готов прилагать усилия ради её достижения.

Также для студентов особенно важны генерализованные ресурсы сопротивления такие, как социальная поддержка (друзья, коллеги, наставники), профессиональные знания и умения (предметные и метапредметные компетенции), внутренняя мотивация и идентификация (профессиональная самоидентификация, идентичность студента). Имея эти ресурсы, учащийся более уверенно воспринимает вызовы учёбы как посильные и значимые, что усиливает его психологическую устойчивость.

В образовательном контексте салютогенный подход интерпретируется как ориентация не на устранение патологий (плохих оценок, выгорания), а на создание среды и практик, способствующих здоровью и развитию студентов. Это близко к идее «университета, способствующего здоровью» (Health Promoting University) [8]. Переход к салютогенезу означает активный поиск способов сделать образовательную среду поддерживающей: «салютогенный подход обеспечивает студентам доступ к конкретным ресурсам, укрепляющим их чувство когерентности» [8]. То есть учебное про-

странство наполняется факторами, повышающими понятность (например, прозрачность учебных целей и обратной связи), управляемость (вовлечённость студентов в учебный процесс, развитие навыков саморегуляции) и значимость (актуальность тем, осмысленность задач для личных профессиональных целей). Такая среда способствует накоплению генерализованных ресурсов сопротивления – знаний, социальных связей, навыков преодоления, что повышает общий уровень здоровья и устойчивости студентов. Цель – не только снизить стресс, но и усилить способность студентов воспринимать вызовы как посильные и осмысленные. Для учебного заведения это означает разработку программ и сообществ, которые обеспечивают студентов знаниями, навыками и поддержкой.

Как примером внедрения салютогенного подхода в образовательную среду является научно-образовательный психологический клуб (НОК) при высшей школе психологии Тихоокеанского государственного университета [11]. Деятельность НОК организована таким образом, чтобы интегрировать основные принципы салютогенеза в повседневную работу с участниками.

Во-первых, НОК сочетает теорию и практику. Участники получают систематические знания (лекции, чтение и обсуждение профильной литературы), затем сразу применяют их в практических упражнениях, тренингах и играх. Такой подход повышает понятность: студенты ясно видят, как теоретические конструкции соотносятся с реальными задачами. Кроме того, освоение практических навыков даёт ощущение контроля и управляемости учебного процесса – они чувствуют, что способны влиять на ситуацию, используя новые умения (поскольку генерализованные ресурсы сопротивления включают «знания и навыки» как источник ресурса).

Во-вторых, НОК поддерживает активное и проблемно-ориентированное обучение. Участникам предлагаются кейсы и задачи из реальной психологической практики, которые нужно решать в группе. Это развивает не только профессиональные компетенции, но и навыки совместного поиска решений, взаимопомощи и рефлексии. Для участников это важно: решение актуальных проблем повышает значимость учебного опыта, а работа в группе – даёт дополнительные генерализованные ресурсы сопротивления в виде социальной поддержки и участия в «сплочённости коллектива». Например, на встречах НОК проводятся групповые тренинги и деловые игры, где студенты учатся конструктивно взаимодействовать и поддерживать друг друга. Это укрепляет социальные

связи – один из ключевых ресурсов в модели А. Антоновского.

В-третьих, НОК делает упор на обратную связь и рефлексию. После каждого мероприятия проводится обсуждение проделанной работы, ведущие помогают студентам осознать, что именно они узнали и чему научились. Рефлексия усиливает осмысленность опыта: участники связывают результаты занятия со своими личными и профессиональными целями, тем самым укрепляя мотивацию («зачем мне это нужно?»). Также здесь проявляется персонализация – опыт каждого учитывается индивидуально, что соответствует принципу индивидуализации обучения. Такое внимание к личному опыту студентов даёт им дополнительное чувство причастности и значимости, это по А. Антоновскому, прямо влияет на уровень мотивации и готовности преодолевать трудности.

Кроме того, НОК активно использует современные технологии и форматы: мини-лекции, дискуссии на основе книг и фильмов, интерактивные онлайн-платформы. Это отвечает вызовам цифровой эпохи – например, просмотр научно-популярного фильма с последующим обсуждением помогает видеть обучение в привычном мультимедийном формате и осознавать его практическую ценность. Различные форматы мероприятий подчёркивают интерактивный, практико-ориентированный характер НОК. Участие в таких разноформатных встречах способствует развитию множества генерализованных ресурсов сопротивления: профессиональных знаний (через лекции и чтение), саморегуляции и стрессоустойчивости (через тренинги), коммуникационных навыков и уверенности в себе (через публичные выступления и групповые активности). Иными словами, НОК создает благоприятную среду, в которой студенты получают «набор» ресурсов – социальных, когнитивных, личностных – необходимых для укрепления их чувства когерентности.

Наблюдения показывают, что участие в работе НОК способствует развитию ранних профессиональных навыков и личностных компетенций, а также укреплению психологической устойчивости студентов. Регулярные занятия в неформальной атмосфере повышают уверенность участников в собственных силах и снижают страх перед новыми задачами. Так, по итогам деятельности НОК фиксируется рост чувства уверенности при применении теории на практике и улучшение навыков самоорганизации – то, что А. Антоновский относил бы к развитию стратегий преодоления и самоидентификации (компонентов генерализованных ресурсов сопротивления). Участники отмечают, что благодаря НОК они чувствуют себя более подго-

товленными к профессиональной деятельности, а учеба и общение приобрели для них новый смысл.

Эти наблюдения согласуются с общей теорией: среда, богатая генерализованными ресурсами сопротивления, повышает чувство когерентности и тем самым улучшает адаптацию и благополучие. Как показывают исследования, сильное чувство когерентности обратно коррелирует с тревожностью и депрессией, и положительно связано с субъективным здоровьем и психологическим благополучием [1]. Иными словами, создание образовательной среды, обогащённой ресурсами (знаниями, поддержкой, практикой) действительно должно приводить к снижению стрессорных реакций у студентов. К примеру, опыт работы описанного научно-образовательного психологического клуба свидетельствует о значительном потенциале подобных инициатив в обогащении образовательной среды и поддержке профессиональной подготовки студентов.

Выводы

Таким образом, научно-образовательный психологический клуб иллюстрирует применение салютогенного подхода на практике. Через интеграцию теории и практики, активные коллаборативные форматы и рефлексию он повышает понятность и управляемость обучения, усиливает значимость познавательных задач и развивает ключевые ресурсы сопротивления студентов (социальную поддержку, профессиональные умения, навыки саморегуляции и другое). Это помогает обучающимся не только приобрести новые знания, но и повысить свою психологическую устойчивость в условиях современных образовательных вызовов.

Салютогенный подход в образовании предлагает переориентировать внимание с преодоления «слабостей» на развитие «сил» обучающихся. В условиях цифровизации и последствий пандемии такая концепция особенно актуальна: укрепление чувства когерентности и ресурсов студентов помогает им эффективнее справляться с неопределённостью и стрессами учёбы. На примере научно-образовательного психологического клуба ТОГУ показано, как интеграция салютогенных принципов – доступность знаний, активное вовлечение, социальная поддержка и рефлексия – формирует благоприятную образовательную среду. В результате у студентов развивается совокупность генерализованных ресурсов сопротивления, что усиливает их психологическую устойчивость и мотивацию. Перенос этих практик в широкую образовательную практику может способствовать снижению тревожности и выгорания среди студентов, повышению их благополучия и успешности обучения.

Список источников

1. Варенов М.А. Чувство согласованности [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия: научно-образоват. портал [сайт]. URL: <https://bigenc.ru/c/chuvstvo-soglasovannosti-1cf682/?v=7385866> (дата обращения: 12.02.2025)
2. Idan, O. Generalized Resistance Resources in the Salutogenic Model of Health [Электронный ресурс] // National Library of Medicine [сайт]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK584114/> (дата обращения: 12.02.2025)
3. Кабахидзе Е.Л. Системный кризис высшего образования в мире: причины, последствия и решения для университетов // *Primo Aspectu*. 2020. № 4 (44). С. 19 – 28.
4. Костенко В.Ю. Чем дальше – тем тревожнее: как меняется чувство благополучия студентов за время учебы [Электронный ресурс] // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» [сайт]. URL: <https://ioe.hse.ru/news/799743986.html> (дата обращения: 12.02.2025)
5. Гараджаев М.А., Нияздурдыева О.Д. Нейробиологические корреляты резилентности: понимание механизмов мозга, лежащих в основе адаптивных стратегий совладания // *Молодой ученый*. 2024. № 14 (513). С. 309 – 311.
6. Твилле П.С., Севанян Л.Г., Трункова К.С. От теории к практике: историческое развитие понятия «салутогенез» и внедрение салютогенного дизайна в медицинские организации в контексте повышения пациентоориентированности // *Здоровье мегаполиса*. 2025. № 1. С. 108 – 118.
7. Буркова В.Н. Студенты после пандемии: больше тревоги, меньше агрессии [Электронный ресурс] // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» [сайт]. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/450426035.html> (дата обращения: 12.02.2025)
8. Klein D.A., Vogt T. Salutogenic Approach to Physical Education in Schools // *Advances in Physical Education*. 2019. № 9. С. 188 – 196.
9. Удовиченко Е.В., Малютина М.В., Горбань И.Г., Гребенникова В.А. Салутогенный подход к физическому воспитанию как перспективная модель двигательной активности студентов и их здоровья // *Вестник Оренб. гос. ун-та*. 2022. № 1. С. 59 – 66.
10. Mantesso J. Salutogenics Series Post 2: Taking a Salutogenic Approach for Effective Teamwork [Электронный ресурс] // University of Saskatchewan [сайт]. URL: <https://healthsciences.usask.ca/education-and-research/collaborative-practices-blog/2023-blog-posts/taking-a-salutogenic-approach-for-effective-teamwork.php> (дата обращения: 12.02.2025)
11. Соболевская Т.В. Научно-образовательный психологический клуб как пространство профессиональной подготовки обучающихся университета // *Тихоокеанский вестн. психологии*. 2025. № 1 (1). С. 71 – 76.

References

1. Varenov M.A. Sense of Coherence [Electronic resource]. Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal [website]. URL: <https://bigenc.ru/c/chuvstvo-soglasovannosti-1cf682/?v=7385866> (accessed: 12.02.2025)
2. Idan, O. Generalized Resistance Resources in the Salutogenic Model of Health [Electronic resource]. National Library of Medicine [website]. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK584114/> (accessed: 12.04.2025)
3. Kabahidze E.L. Systemic crisis of higher education in the world: causes, consequences and solutions for universities. *Primo Aspectu*. 2020. No. 4 (44). P. 19 – 28.
4. Kostenko V.Yu. The further – the more alarming: how students' sense of well-being changes during their studies [Electronic resource]. National Research University "Higher School of Economics" [website]. URL: <https://ioe.hse.ru/news/799743986.html> (accessed: 12.02.2025)
5. Garajaeв M.A., Niyazdurdyeva O.D. Neurobiological correlates of resilience: understanding the brain mechanisms underlying adaptive coping strategies. *Young scientist*. 2024. No. 14 (513). P. 309 – 311.
6. Tville P.S., Sevanyan L.G., Trunkova K.S. From Theory to Practice: Historical Development of the Concept of "Salutogenesis" and the Introduction of Salutogenic Design in Medical Organizations in the Context of Improving Patient-Centeredness. *Health of the Metropolis*. 2025. No. 1. P. 108 – 118.
7. Burkova V.N. Students after the Pandemic: More Anxiety, Less Aggression [Electronic Resource]. National Research University "Higher School of Economics" [website]. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/450426035.html> (accessed: 12.02.2025)
8. Klein D.A., Vogt T. Salutogenic Approach to Physical Education in Schools. *Advances in Physical Education*. 2019. No. 9. P. 188 – 196.

9. Udovichenko E.V., Malyutina M.V., Gorban I.G., Grebennikova V.A. Salutogenic approach to physical education as a promising model of students' motor activity and their health. Bulletin of the Orenburg state University. 2022. No. 1. P. 59 – 66.

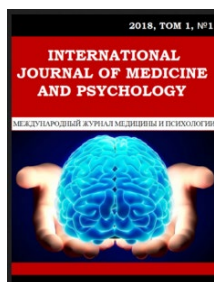
10. Mantesso J. Salutogenics Series Post 2: Taking a Salutogenic Approach for Effective Teamwork [Electronic resource]. University of Saskatchewan [website]. URL: <https://healthsciences.usask.ca/education-and-research/collaborative-practices-blog/2023-blog-posts/taking-a-salutogenic-approach-for-effective-teamwork.php> (accessed: 12.02.2025)

11. Sobolevskaya T.V. Scientific and educational psychological club as a space for professional training of university students. Pacific Bulletin of Psychology. 2025. No. 1 (1). P. 71 – 76.

Информация об авторе

Соболевская Т.В., ассистент, SPIN-код 3275-3920, Высшая школа психологии, Тихоокеанский государственный университет, 012748@togudv.ru

© Соболевская Т.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.072

¹ *Филоненко Е.В.,*

¹ *Шестакова Е.С.,*

¹ *Ситникова Э.О.,*

¹ *Новосибирский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации*

Взаимосвязь посттравматической, диссоциативной и психопатологической симптоматики у пациентов шизофренического спектра

Аннотация: в работе рассматривается взаимосвязь неблагоприятного детского опыта в виде пережитого сексуального насилия и насилия в семье у пациентов с расстройствами шизофренического спектра с механизмом перитравматической диссоциации при психологической травме и образованием посттравматических психопатологических симптомов. Выявленные корреляции демонстрируют, что при определенном эндотипе психотравмирующее воздействие в детском возрасте может проявить себя в виде диссоциативных и посттравматических явлений, позже становящихся психопатологией. Отличие психотравматического подхода к рассмотрению шизофренического спектра заключается в том, что оно подразумевает наличие пускового фактора в виде психотравмирующей ситуации, а не только симптома, с которым специалисты работают в клинике. Работа с травмой-мишенью и симптомом-следствием в совокупности позволит достигнуть лучшего качества жизни для пациентов за счет долгосрочных ремиссий и снижения стигматизации своего расстройства.

Ключевые слова: шизофренический спектр, шизофрения, психологическая травма, диссоциация, насилие, посттравматическое стрессовое расстройство, психотические симптомы, SCL-90-R

Для цитирования: Филоненко Е.В., Шестакова Е.С., Ситникова Э.О. Взаимосвязь посттравматической, диссоциативной и психопатологической симптоматики у пациентов шизофренического спектра // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 191 – 196.

Поступила в редакцию: 20 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ *Filonenko E.V.,*

¹ *Shestakova E.S.,*

¹ *Sitnikova E.O.,*

¹ *Novosibirsk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation*

The relationship between post-traumatic, dissociative, and psychopathological symptoms in patients with schizophrenia spectrum disorders

Abstract: the study examines the relationship between adverse childhood experiences, specifically experienced sexual abuse and family violence, in patients with schizophrenia spectrum disorders, focusing on the mechanism of peritraumatic dissociation during psychological trauma and the development of posttraumatic psychopathological symptoms. The identified correlations demonstrate that, in a certain endophenotype, childhood psychological trauma can manifest as dissociative and posttraumatic phenomena, which later develop into psychopathology. The difference between the psychotraumatic approach to understanding schizophrenia spectrum disorders lies in its implication of a triggering factor – a traumatic situation – rather than merely addressing symptoms, which is the

usual focus of clinical practice. Working with both the target trauma and the resulting symptoms together will lead to a better quality of life for patients through long-term remission and reduced self-stigmatization of their disorder.

Keywords: schizophrenic spectrum, schizophrenia, psychological trauma, dissociation, violence, PTSD, psychotic symptoms, SCL-90-R

For citation: Filonenko E.V., Shestakova E.S., Sitnikova E.O. The relationship between post-traumatic, dissociative, and psychopathological symptoms in patients with schizophrenia spectrum disorders. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 191 – 196.

The article was submitted: March 20, 2025; Approved after reviewing: May 16, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Биопсихосоциальная модель шизофренического спектра рассматривает не только генетически обусловленные факторы возникновения расстройств, но и приобретенные в процессе развития особенности. При особой биологической уязвимости индивидуума и стечении жизненных обстоятельств, например, влияющих на развитие психотравмирующих ситуаций, могут проявиться защитные психотические включения, трудноразличимые в их начальных формах, но имеющие тенденцию разворачиваться в полноценный психотический опыт, а далее – в расстройство [1, 2]. Среди таких механизмов защиты психики от психотравматических ситуаций часто упоминается диссоциация, которая, распространяясь на всю познавательную деятельность, буквально отщепляет друг от друга стороны психического содержания, вследствие чего переживаемый опыт не консолидируется, а в дальнейшем, под действием других механизмов психики, дополняется чувственным или образным бредом [3]. Таким образом, диссоциация занимает важную роль в запуске эндогенного процесса расстройств шизофренического спектра, сохраняя психику в моменте, но обуславливая последствия в долгосрочной перспективе. Стоит учитывать, что выбор психикой диссоциации в качестве защиты в момент психотравмирующего воздействия предположительно обоснован его значимостью для личности. В таком случае важно разобраться, какой неблагоприятный личностный опыт будет психотравмирующим и актуализировать работу диссоциации, закономерно

приводя к психотическим симптомам, как при посттравматическом расстройстве. Таким образом, целью настоящего исследования являлся анализ взаимосвязи между посттравматическими, диссоциативными и психотическими переживаниями у пациентов с расстройствами шизофренического спектра.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось на базе 3 и 13 отделений ГБУЗ НСО «Государственная Новосибирская клиническая психиатрическая больница №3». Выборка составила 40 пациентов, из которых 28 мужчин и 12 женщин. Возраст респондентов варьировался от 18 до 63 лет, средний возраст – $30,86 \pm 9,74$ лет. Критерий включения в выборку – установленный диагноз «шизофрения» – 65%, «шизотипическое расстройство» – 12,5%, «шизоаффективное расстройство» – 22,5% респондентов. Всеми респондентами было подписано добровольное информированное согласие. В качестве инструментов психодиагностики были выбраны методики: «Международный опросник определения неблагоприятного детского опыта»; «Шкала перитравматической диссоциации»; «Миссисипская шкала посттравматического стрессового расстройства» (гражданский вариант); «Симптоматический опросник SCL-90-R». Использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена в комплексе StatSoft «Statistica 12.6».

Результаты и обсуждения

Анализ результатов позволил установить ряд взаимосвязей (рис. 1).

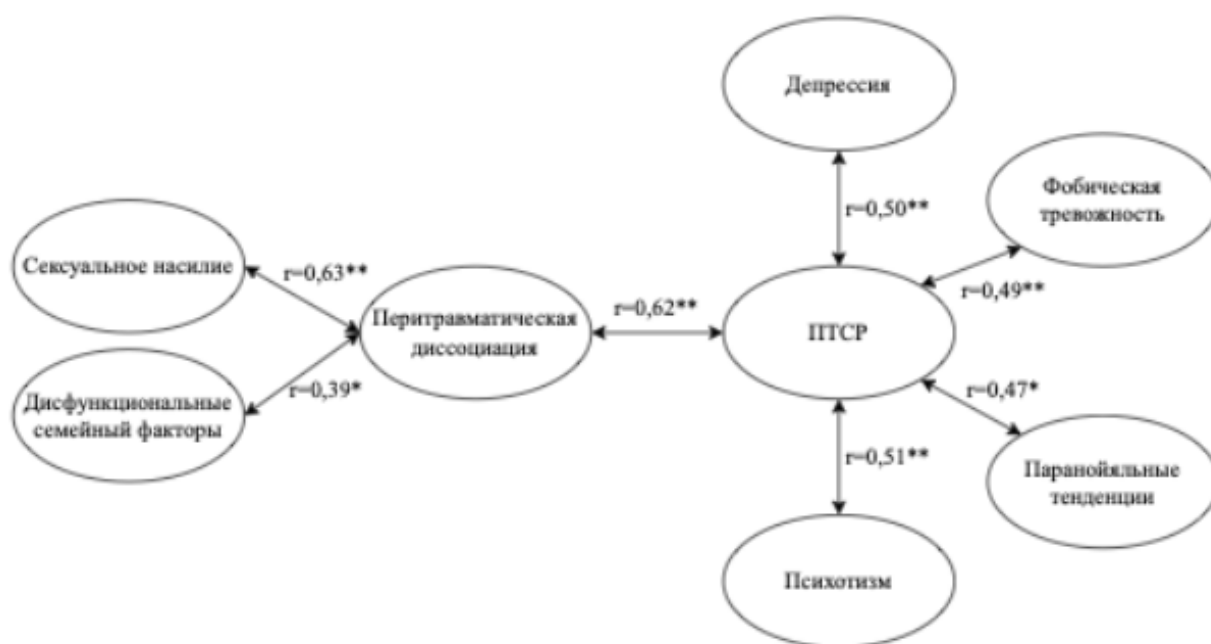

Рис. 1. Взаимосвязь посттравматических, диссоциативных и психопатологических симптомов у пациентов шизофренического спектра (* – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$).

Fig. 1. The relationship between post-traumatic, dissociative and psychopathological symptoms in patients with schizophrenia spectrum disorders (* – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$).

Отправной точкой, которая в детской психике может запустить диссоциативные механизмы, является психотравма. Воспитание в дисфункциональной семье, внесемейное насилие могут стать невыносимым испытанием для ребенка. Неблагоприятный детский опыт напрямую связан с тяжестью психопатологии у пациентов шизофренического спектра. Опыт сексуального насилия и дисфункциональных семейных отношений связан с действием перитравматической диссоциации ($r=0,63$ при $p \leq 0,01$ и $r=0,39$ при $p \leq 0,05$, соответственно). Это указывает на вероятную приверженность пациентов к использованию диссоциации в качестве механизма защиты от разрушительного опыта насилия. Перитравматическая диссоциация, как известно, является феноменом, при котором имеют место быть отсроченные последствия. Тогда открывается перспектива рассмотрения негативных детских переживаний, от которых психика «обороняется» в момент травматизации по принципу сохранения гомеостаза, но отдаленные последствия все еще могут иметь отклик. Интересно, что переживание психотической травмы насилия пропорционально может отражаться в тяжести проявления симптома у взрослого человека. Исследователи освещали тему сексуального насилия и симптомов шизофренического спектра и демонстрировали, что акцент в подобных переживаниях закономерно смещается, прежде всего, на аффективную сторону произошедшего, поскольку физические переживания, выражающиеся в болях в

различных частях тела, истощении и другие психосоматические жалобы, возникают вследствие своего функционального происхождения. Перевозбуждение детского организма после перенесенного насилия подавляется ребенком, после чего травматический опыт сопровождает его всю жизнь [4]. При этом вероятность развития симптомов и их откликов во взрослом возрасте возрастает по мере увеличения размеров нанесенной ребенку травмы [5].

Любое психотравмирующее действие, вытесненное или нет, распространяется на собственное Я ребенка. Оно трансформируется в негативное самовосприятие, ожидание неудач в общении, дискомфорт от самого себя и чувство неполноценности, которые являются частыми жалобами при наличии жестокого обращения в анамнезе детских лет у пациентов с расстройствами шизофренического спектра [6]. В особенности отклик психотравмирующего воздействия находят эпизоды насилия внутри семейной системы – частая история анамнеза пациентов шизофренического спектра. Наибольшее влияние на ребенка оказывают его родители или опекуны как первые и главные фигуры, образцы всех людей в окружении. Именно родители закладывают основы взаимоотношений между людьми, демонстрируют отношение к ребенку и формируют отношение самого ребенка к другим, благодаря чему он научается доверять или не доверять миру [7]. Поэтому жестокое обращение довольно часто патологизирует в ребенке

тревожное начало, последствиями которого может быть и дисфункциональная привязанность, и нарушения внутри личности и личности с социумом, и психопатология, которую пациенты часто демонстрируют в клинике расстройств шизофренического спектра. При этом насилие вне семьи, многократно описываемое в контексте буллинга среди сверстников, оказывает на ребенка иное воздействие. Поскольку в определенный момент взросления дети, которых называют мечтательными, неловкими, «не такими», а именно проявляющими черты шизоидного стиля, стремятся к общению, они могут испытывать трудности в социализации, в некоторых случаях доходящие до неприятия их референтной группой. Издевательства и травля затрудняют процесс коммуникации для детей, которые по тем или иным причинам не могут реализовывать поведенческие стратегии эффективного общения или имеют нарушения, недостаточность социального и эмоционального интеллекта [8]

Также удалось выявить, что защита диссоциацией имела отсроченные последствия в виде связи с выявленными посттравматическими переживаниями ($r=0,62$ при $p \leq 0,01$). Посттравматические симптомы, характерные и для структуры психопатологических переживаний пациентов с шизофренией, представляют собой материал для дальнейших исследований, поскольку в них скрыты символические значения психотравмы, вследствие которой психика трансформировалась. Таким образом, сохранение психики ребенка в момент нанесения ей «повреждений» имеет последствия для ее деятельности уже во взрослом возрасте в виде характерных для посттравматического стрессового расстройства симптомов.

Симптомы посттравматических переживаний в контексте шизофренического спектра, которые удалось выявить: депрессия ($r=0,50$ при $p \leq 0,01$), фобическая тревожность ($r=0,49$ при $p \leq 0,01$), паранойяльные тенденции ($r=0,47$ при $p \leq 0,05$), психотизм ($r=0,51$ при $p \leq 0,01$). Депрессия как симптом снижения настроения, дефект аффективной и эмоциональной сферы, также не раз указывался как особенность шизофренического спектра. Характерно для детей, депрессивные симптомы, возникающие на фоне психотравмирующей обстановки, в которой находится ребенок, часто коррелируют с буллингом, а последствиями имеют манифестацию психических расстройств, в том числе с симптоматикой самоповреждения и суицида [9]. При этом в контексте расстройств шизофренического спектра негативные эмоциональные переживания детства провоцируют депрессию как ответ на чувство неприятия окружением. Идеи самоуничтожения, не-

достойности являются, в таком случае, прямым следствием переживаемого детьми чувства брошенности и покинутости, ответом на которые, как было показано ранее, является самоизоляция.

Помимо этого, развитие получает еще один симптом, связанный с неблагоприятным детским опытом. В некоторых случаях издевательства и травля в семье или вне семейной обстановки отнимают у ребенка чувство безопасности и доверие к миру. В ответ на это психика заполняет пространство паранойяльными тенденциями, которые также учат травмированного ребенка не допускать повторения печального опыта. Так проявляется взаимосвязь неблагоприятного опыта с паранойей и, в крайней степени, психотизмом. Одним из основных симптомов психотизма является бредовая картина, благодаря которой в мировосприятие пациента встраиваются и различные варианты патологии чувственного познания, иллюзии и галлюцинации, которые могут иметь природу происхождения от психотравмирующего воздействия. Тогда когнитивные процессы пациента с подобными психопатологическими проявлениями находят объяснение происходящему, вследствие чего изменяется мышление. Изменяется отношение к действительности, разрушительное действие переработанной психикой психотравмирующей ситуации, которая наложила отпечаток на весь процесс развития и взросления ребенка и беспокоит взрослого все оставшееся время, становится нормативным, симптом принимается в жизнь как естественное явление. Однако это несет за собой губительные последствия, как и все влияние психотравмы. Происходит искажение картины мира ребенка и в дальнейшем формируется искаженная личность, об устойчивости идентичности которой не может быть и речи. Человек смиряется с позицией жертвы, перенимает на себя роль изгоя, с которым можно поступать так, как когда-то с ним поступили в детском возрасте. Это приводит к посттравматической депрессии и повышению риска суицида, но, как показывают результаты исследования, субъективно не воспринимается пострадавшими от насилия как обреченность и безнадежность.

Враждебность, подозрительность и нередко собственные искаженные объяснения, почему происходили и продолжают происходить те или иные события в жизни пациента, связаны с когда-то нанесенными ему психотравмами. Для психики пациента подобные психопатологические вкрапления являются защитными, но в то же время они затрудняют осознание им действительных механизмов их возникновения, запуская уже известный замкнутый круг. В таком случае психика пациен-

та, пережившего травму, как правило, отделяет ее содержание, чтобы уберечь его от психических и существующих в реальности, окружающих его последствий. Последние проявляются в повторном столкновении с травмой, которого пациент будет сторониться и опасаться, чтобы не провоцировать и без того беспокоящие его приступы тревоги и паники, волнений и страхов, о которых говорилось ранее в контексте тревожно-депрессивных и фобических переживаний. Избегание повторения психотравматического опыта искажает повседневную жизнь человека вплоть до возникновения в нем параноидальных наклонностей [10]. Боязнь оказаться не в том месте и не в то время и, тем самым, снова обречь себя на страдание доходит до развития бредовой картины мира, в которой окружение может навредить, а единственным решением будет разрушение межличностных связей и изоляция [11].

Предполагается, что долгосрочные последствия психической травмы детского возраста с помощью диссоциации трансформируются в отдельные психопатологические симптомы. Таким образом, дей-

ствует защита ребенка от «коллапса» психики при непереносимых угрозах. Она буквально отгораживается от травматического опыта, что в будущем позволяет облегчить состояние взрослому с помощью объяснения происходившего с ним в детстве языком психотических явлений, а именно бреда, паранойи, соответствующих опыту фобий, которые в реальном времени также имеют символическую защитную функцию.

Выводы

Выявленные в исследовании взаимосвязи позволяют утверждать, что неблагоприятный детский опыт пациентов с расстройствами шизофренического спектра может быть диссоциирован и далее – обращен в вид психопатологических симптомов, как при посттравматическом стрессовом расстройстве. Это позволяет рассматривать данную категорию пациентов психиатрического стационара как потенциальных «травматиков», что открывает новые возможности проведения с ними психотерапии по модели работы с психологической травмой.

Список источников

1. Еричев А.Н., Шмолкина О.Д., Клайман В.О. Шизофрения: современные представления об этиопатогенезе и возможности когнитивно-поведенческой психотерапии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. № 16 (3). С. 385 – 391.
2. Жданок Д.Н., Овчинников А.А. Травматическое пространство психотического опыта у пациентов с шизофренией // Российский психиатрический журнал. 2019. № 5. С. 18 – 21.
3. Сапогова Е.Е. Жизненный и экзистенциальный опыт в автобиографических нарративах личности // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 68 – 79.
4. Баркова В.Л., Сорокопуд Ю.В., Уварова Н.Н. Особенности посттравматического расстройства и его проявления // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76 (1). С. 1 – 10.
5. Лолаева А.С., Худалова М.З. Влияние детской психологической травмы на взрослую жизнь // Психолог. 2024. № 2. С. 33 – 48.
6. Hofer A., Biedermann F., Kaufmann A., Kemmler G., Pfaffenberger N.M., Yalcin-Siedentopf N. Self-esteem in stabilized individuals with chronic schizophrenia: association with residual symptoms and cognitive functioning // Eur Arch Psychiatry Clin Neurosci. 2023. № 273 (8). P. 1737 – 1746.
7. Якунин К.А., Новикова М.В. Аспекты психотерапевтической помощи детям, пережившим тяжелую психологическую травму // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2014. № 3 (13). С. 88 – 96.
8. Туровская Н.Г., Тимофеев А.В. Психические расстройства в детском возрасте. Возможности психологического сопровождения // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2012. № 2 (42). С. 112 – 116.
9. John A., Glendenning A.C., Marchant A., Montgomery P., Stewart A., Wood S., Lloyd K., Hawton K. Self-Harm, Suicidal Behaviours, and Cyberbullying in Children and Young People: Systematic Review // J Med Internet Res. 2018. № 20 (4). P. 129.
10. Бостанова Л.Ш., Богатырева А.С., Акбаева Д.Д. Психологические особенности посттравматических стрессовых расстройств // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2019. №11 (177). С. 494-499.
11. Contractor A.A., Greene T., Dolan M., Elhai J.D. Relations between PTSD and depression symptom clusters in samples differentiated by PTSD diagnostic status // J Anxiety Disord. 2018. № 59. P. 17 – 26.

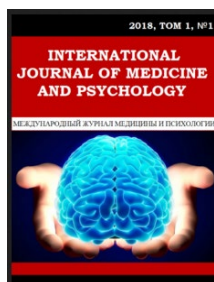
References

1. Elichev A.N., Shmonina O.D., Klayman V.O. Schizophrenia: modern ideas about etiopathogenesis and possibilities of cognitive-behavioral psychotherapy. Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2015. No. 16 (3). P. 385 – 391.
2. Zhdanok D.N., Ovchinnikov A.A. Traumatic space of psychotic experience in patients with schizophrenia. Russian Psychiatric Journal. 2019. No. 5. P. 18 – 21.
3. Sapogova E.E. Life and existential experience in autobiographical narratives of personality. Questions of Psychology. 2014. No. 1. P. 68 – 79.
4. Barkova V.L., Sorokopud Yu.V., Uvarova N.N. Features of post-traumatic disorder and its manifestations. Problems of modern pedagogical education. 2022. No. 76 (1). P. 1 – 10.
5. Lolaeva A.S., Khudalova M.Z. The impact of childhood psychological trauma on adult life. Psychologist. 2024. No. 2. P. 33 – 48.
6. Hofer A., Biedermann F., Kaufmann A., Kemmler G., Pfaffenberger N.M., Yalcin-Siedentopf N. Self-esteem in stabilized individuals with chronic schizophrenia: association with residual symptoms and cognitive functioning. Eur Arch Psychiatry Clin Neurosci. 2023. No. 273 (8). P. 1737 – 1746.
7. Yakunin K.A., Novikova M.V. Aspects of psychotherapeutic assistance to children who have experienced severe psychological trauma. Bulletin of the Smolensk State Medical Academy. 2014. No. 3 (13). P. 88 – 96.
8. Turovskaya N.G., Timofeev A.V. Mental disorders in childhood. Possibilities of psychological support. Bulletin of the Volgograd State Medical University. 2012. No. 2 (42). P. 112 – 116.
9. John A., Glendenning A.C., Marchant A., Montgomery P., Stewart A., Wood S., Lloyd K., Hawton K. Self-Harm, Suicidal Behaviours, and Cyberbullying in Children and Young People: Systematic Review. J Med Internet Res. 2018. No. 20 (4). P. 129.
10. Bostanova L.Sh., Bogatyreva A.S., Akbaeva D.D. Psychological Features of Post-Traumatic Stress Disorders. Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2019. No. 11 (177). P. 494 – 499.
11. Contractor A.A., Greene T., Dolan M., Elhai J.D. Relations between PTSD and depression symptom clusters in samples differentiated by PTSD diagnostic status. J Anxiety Disord. 2018. No. 59. P. 17 – 26.

Информация об авторах

Филоненко Е.В., кандидат медицинских наук, доцент, SPIN-код 6101-0102, Новосибирский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, ulixes@yandex.ru
Шестакова Е.С., SPIN-код 6878-1835, Новосибирский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, beautifulpinkfridge@gmail.com
Ситникова Э.О., Новосибирский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, sitnikova-elina@yandex.ru

© Филоненко Е.В., Шестакова Е.С., Ситникова Э.О., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.955.5

^{1, 2} Шавлохова Е.С.,

¹ Кирячкова В.А.,

¹ Корнаухов С.А.,

¹ Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина,

² Кубанский институт профессионального образования,

Нарушение критического восприятия в обществе: проблемы и перспективы

Аннотация: в статье исследуется феномен нарушения критического восприятия в современном обществе. Целью является определение ключевых факторов, снижающих способность индивидов к критическому осмыслению информации, а также разработка перспективных мер по его восстановлению. Методологическую основу составили сравнительный контент-анализ медиадискурса 2019-2024 гг., социологический опрос ($n = 1\,784$, 8 регионов РФ) и корреляционный анализ (Spearman ρ). Выявлено три взаимосвязанных кластера факторов: когнитивная перегрузка, алгоритмическая персонализация и эрозия образовательных фильтров. Индекс критического восприятия в выборке снизился с 0,67 до 0,42 (2005 - 2024; $p < 0,01$). Установлена сильная отрицательная корреляция ($\rho = -0,71$) между уровнем персонализации медийной ленты и способностью респондентов распознавать манипулятивные сообщения. Научная новизна заключается в комплексной модели взаимодействия цифровой среды и когнитивных искажений, уточняющей динамику их влияния. Практическая значимость состоит в разработанной многоуровневой стратегии: институциональные регулятивы (факт-чекинг, прозрачность алгоритмов), образовательные программы медиа- и инфограмотности, а также индивидуальные техники когнитивной саморегуляции. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической валидацией модели в межкультурном контексте и оценкой эффективности предложенных мер. Данное исследование важно тем, что существующие работы преимущественно описывают отдельные аспекты проблемы (например, фейковые новости или когнитивные искажения), оставляя без внимания их комплексное взаимодействие в динамике цифровой среды. Необходимо отметить то, что совокупный эффект когнитивной перегрузки, алгоритмической персонализации и эрозии образовательных фильтров статистически значимо ($p < 0,05$) снижает способность индивидов к критическому анализу информации.

Ключевые слова: критическое восприятие, медийная среда, когнитивные искажения, алгоритмическая персонализация, цифровая культура, информационная безопасность, медиаобразование, социальное влияние

Для цитирования: Шавлохова Е.С., Кирячкова В.А., Корнаухов С.А. Нарушение критического восприятия в обществе: проблемы и перспективы // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 197 – 205.

Поступила в редакцию: 20 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

^{1, 2} *Shavlokhova E.S.,*

¹ *Kiryachkova V.A.,*

¹ *Kornaukhov S.A.,*

¹ *Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin,*

² *Kuban Institute of Professional Education,*

Violation of critical perception in society: problems and prospects

Abstract: the article examines the phenomenon of declining critical perception in contemporary society. The purpose is to identify key factors that undermine individuals' ability to assess information critically and to outline prospective measures for its recovery. The methodological framework combines a comparative content analysis of media discourse (2019-2024), a sociological survey ($n = 1,784$ across eight Russian regions) and Spearman correlation analysis. Three interrelated clusters of factors were found: cognitive overload, algorithmic personalization, and erosion of educational filters. The sample's Critical Perception Index deteriorated from 0.67 to 0.42 (2005–2024; $p < 0.01$). A strong negative correlation ($\rho = -0.71$) emerged between feed personalization intensity and respondents' ability to detect manipulative messages. Scientific novelty lies in an integrated model describing the interaction between digital environments and cognitive biases and refining the dynamics of their influence. Practical significance is provided by a multi-level strategy: institutional regulations (fact-checking, algorithmic transparency), media- and infoliteracy educational programs, and individual cognitive self-regulation techniques. Future research should validate the model in cross-cultural settings and assess the effectiveness of the proposed measures. This study is important because existing works mainly describe individual aspects of the problem (for example, fake news or cognitive biases), leaving out their complex interaction in the dynamics of the digital environment. It should be noted that the combined effect of cognitive overload, algorithmic personalization and the erosion of educational filters statistically significantly ($p < 0.05$) reduces individuals' ability to critically analyze information.

Keywords: critical perception, media environment, cognitive biases, algorithmic personalization, digital culture, information security, media literacy, social influence

For citation: Shavlokhova E.S., Kiryachkova V.A., Kornaukhov S.A. Violation of critical perception in society: problems and prospects. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 197 – 205.

The article was submitted: March 20, 2025; Approved after reviewing: May 17, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

В начале XXI в. масштабное распространение цифровых медиа коренным образом изменило информационный ландшафт, сделав любой контент доступным «по щелчку» и многократно ускорив циркуляцию сообщений. Одновременно усилились процессы алгоритмической персонализации, которые формируют для каждого пользователя уникальный «фильтр-пузырь», минимизируя столкновение с альтернативными точками зрения [1]. На этом фоне фиксируется устойчивая тенденция к снижению способности аудитории различать факты и интерпретации, критически оценивать источники и обнаруживать манипулятивные практики [2, 3]. Нарушение критического восприятия ведёт к росту доверия к дезинформации, радикализации общественных настроений и ослаблению демократических институтов [4].

Актуальность исследования обусловлена тем, что существующие работы преимущественно описывают отдельные аспекты проблемы (например, фейковые новости или когнитивные искажения),

оставляя без внимания их комплексное взаимодействие в динамике цифровой среды.

При рассмотрении данного вопроса необходимо выявить совокупность факторов, ответственных за деградацию критического восприятия в российском обществе, и определить перспективные меры его восстановления. Для достижения цели необходимо выполнить некоторые задачи: проанализировать научную литературу и медийный дискурс 2019-2024 гг. с точки зрения концепции критического восприятия; эмпирически измерить уровень критического восприятия и его изменение за период 2005-2024 гг.; определить статистически значимые связи между алгоритмической персонализацией, когнитивной перегрузкой и критическим восприятием; разработать многоуровневую стратегию повышения критического восприятия на институциональном, образовательном и индивидуальном уровнях.

Гипотеза исследования состоит в том, что совокупный эффект когнитивной перегрузки, алгоритмической персонализации и эрозии образова-

тельных фильтров статистически значимо ($p < 0,05$) снижает способность индивидов к критическому анализу информации.

Материалы и методы исследований

Статья стремится восполнить теоретический и эмпирический пробел, предложив комплексную модель причин-и-следствий и практические рекомендации для федеральной и региональной политики медиабезопасности.

За последние два десятилетия проблема утраты критического восприятия стала предметом междисциплинарных исследований на стыке медиалогии, психологии и социологии. В англоязычном сегменте доминируют работы, описывающие ролевое влияние цифровых платформ и «фильтров-пузырей» [5, 6]. Ключевым выводом данных исследований является сужение информационного репертуара пользователя за счёт языкового и идеологического таргетинга, что ведёт к эффекту «камеры эхо».

Российские авторы акцентируют внимание на когнитивных искажениях и медиаграмотности.

Так, Левин и др. [7] эмпирически показали рост доверия к непроверенным источникам у молодёжи (18-25 лет). Петров ([8] связывает ослабление критического фильтра с дефицитом систематического медиаобразования в средней школе.

Недостаток существующих работ – их фрагментарность:

1. блок исследований по фейк-ньюс фокусируется на контент-факторах [9],

2. психологическая ветвь – на индивидуальных особенностях когниции [10],

3. социотехническая – на алгоритмических механизмах [11].

4. Комплексные попытки взаимосвязать эти измерения единичны [12].

Концептуальные основы критического восприятия

Мы опираемся на три теоретические линии, каждая из которых описывает отдельный уровень анализа:

Таблица 1

Теоретические уровни анализа критического восприятия.

Table 1

Theoretical levels of critical perception analysis.

Уровень	Теоретический фокус	Ключевые авторы	Актуализация для настоящего исследования
Микро-	Когнитивные процессы двойного кодирования (System 1 / System 2)	D. Kahneman (2011) [13]	Объясняет, почему «быстрые» эвристики доминируют над аналитическим мышлением при информационной перегрузке.
Мезо-	Алгоритмическое «gatekeeping» платформ	N. Helberger, B. Bodó (2019) [14]	Показывает, как персонализация снижает вероятностную встречаемость контраргументов.
Макро-	Социальный конструктивизм медийной реальности	P. Berger & T. Luckmann (1966) [15]	Подчёркивает институциональное закрепление норм, препятствующих критической рефлексии.

Интеграция этих линий позволяет рассматривать критическое восприятие как многоуровневый метапроцесс, зависящий от когнитивных ограничений индивида, архитектуры цифровой среды и нормативного контекста.

Интегративная теоретическая модель. На основе синтеза представленных подходов предлагается трёхкластерная модель деградации критического восприятия:

1. Когнитивная перегрузка (overload)

Количество входящих стимулов – пропускной способности рабочей памяти – сдвиг к эвристической обработке [13].

2. Алгоритмическая персонализация

Сужение множественности точек зрения - усиление конформации и подтверждающего уклона [14].

3. Эрозия образовательных фильтров

Снижение систематического обучения навыкам критического анализа текста, данных и визуальных сообщений [8].

Модель предполагает синергетический эффект: каждый кластер усиливает другие, образуя позитивную обратную связь, которая постепенно снижает общий Индекс критического восприятия (ИКВ). Из предыдущих исследований известно, что аналогичные петли возрастания наблюдаются в процессах политической поляризации [6].

Исследовательский пробел и рабочие гипотезы. Обзор литературы выявил, что отсутствуют долгосрочные замеры ИКВ в объединённом дизайне «2005 - 2024». Кроме того, мало работ, где факторы когнитивной перегрузки и персонализации тестируются совместно на одной выборке. Настоя-

щее исследование устраняет данные лакуны и формулирует две рабочие гипотезы:

- Н1. Интенсификация алгоритмической персонализации статистически значимо ($p < 0,05$) отрицательно коррелирует с ИКВ.

- Н2. Образовательные интервенции (медиа-/инфо-грамотность) медируют связь между когнитивной перегрузкой и ИКВ, сглаживая негативный эффект не менее чем на 15 %.

Исследовательский дизайн. Работа сочетает квази-лонгитюдное измерение динамики критического восприятия (2005-2024) с кросс-секционным

тестированием влияния трёх кластеров факторов. Использованы два взаимно дополняющих массива:

1. Контент-анализ медийного дискурса ($N = 122$ 400 публикаций).

2. Социологический опрос ($n = 1\,784$ респондента, 8 регионов РФ).

Комбинирование массивов позволило сопоставить макро-тенденции в медиапотоке с микро-оценками аудитории и проверить рабочие гипотезы Н1–Н2.

Контент-анализ

Таблица 2

Основные параметры контент-анализа медийного дискурса (2019-2024 гг.).

Table 2

Main parameters of content analysis of media discourse (2019-2024).

Параметр	Описание
Совокупность	6 федеральных онлайн-порталов, 3 региональных издания, 4 telegram-канала (> 250 тыс. подписчиков)
Период	Январь 2019 — Декабрь 2024
Отбор	систематическая случайная выборка (каждый 10-й материал в хронологической ленте)
Единица кодирования	отдельная публикация
Категории	1. фактологичность/верифицируемость, 2. тональность, 3. наличие манипулятивных приёмов (эмоциональная апелляция, ложная дихотомия, избирательная статистика), 4. формат (новость, колонка, репост)
Надёжность	коэффициент Каппа Флисса = 0,79 для 12 % повторно закодированных материалов

На основе частот упомянутых приёмов вычислен Индекс медийной манипуляции (ИММ), послуживший внешним валидатором для Индекса

критического восприятия (ИКВ) опросной выборки.

Опрос населения

Таблица 3

Выборочные характеристики социологического опроса населения ($n = 1\,784$).

Table 3

Sample characteristics of the sociological survey of the population ($n = 1,784$).

Характеристика	Параметры выборки
География	Санкт-Петербург, Москва, Нижний Новгород, Екатеринбург, Казань, Новосибирск, Краснодар, Хабаровск
Метод	CAWI (Computer-Assisted Web Interview) на панели ResearchMe
Квоты	пол (50/50), возраст (18–24 = 23 %; 25–44 = 46 %; 45+ = 31 %), уровень образования
Инструмент	24-пунктовая шкала Critical Perception Index-24 (англ. оригинал CPI-24; $\alpha = 0,86$ в рус. адаптации), 8 вопросов о паттернах медиапотребления и персонализации

ИКВ рассчитывался как среднее обратное значение к ошибочным ответам в CPI-24, нормиро-

ванное в диапазоне 0 – 1 (1 = максимальное критическое восприятие).

Операционализация ключевых переменных

Таблица 4

Операционализация ключевых переменных исследования.

Table 4

Operationalization of key study variables.

Концепт	Операциональный индикатор	Источник данных
Когнитивная перегрузка	среднее количество медиачасов в сутки + субъективная оценка «чувства потока» (Likert 1–5)	опрос
Алгоритмическая персонализация	доля «рекомендованного» контента в ленте (%) + самооценка «замкнутости» круга контактов	опрос

Продолжение таблицы 4
Continuation of Table 4

Эрозия образовательных фильтров	отсутствие формальных занятий по медиаграмотности (binary), последний уровень образования	опрос
Критическое восприятие	Индекс CPI-24	опрос
Медийная манипуляция	IMM (см. 3.2)	контент-анализ

Статистические процедуры

- Дескриптивная статистика – среднее, SD, 95% CI.

- Проверка H1 – коэффициент Спирмена ρ между персонализацией и ИКВ.

- Проверка H2 – множественная регрессия с медиатором (PROCESS Model 4); оценка косвенного эффекта методом bootstrap (5 000 повторов).

- Кластер-анализ (Ward's method) – группировка респондентов по совокупности трёх факторов; визуализация дендрограммы (рис. 1).

- Долгосрочная динамика – сравнение средних ИКВ 2005, 2012, 2018, 2024 гг. (данные РосИндекс-Медиа) через ANOVA с пост-hoc Tukey.

Все вычисления выполнены в R 4.3.2 (пакеты psych, lavaan, ggplot2).

3.6. Этические аспекты

Исследование одобрено локальным этическим комитетом НИУ ВШЭ (протокол № 02-2024). Респонденты предоставили информированное согласие; данные анонимизированы и хранятся согласно ФЗ № 152-ФЗ «О персональных данных».

Ограничения:

- дизайн CAWI ограничивает репрезентативность старших возрастных групп с низкой интернет-пенетрацией;

- IMM охватывает лишь открытые источники, что может занижать долю манипулятивного контента в закрытых мессенджерах;

- валидность CPI-24 в подростковой выборке (<18 лет) не проверялась.

Тем не менее комбинация методов обеспечивает надёжную базу для анализа связей, обсуждаемых в § 4-5.

4.1. Дескриптивная статистика выборки

Среднее значение Индекса критического восприятия (ИКВ) по всей выборке составило $0,46 \pm 0,12$ (95 % CI = 0,45–0,47). Распределение показателя близко к нормальному (Shapiro-Wilk = 0,981; $p = 0,07$). Женщины демонстрировали несколько более высокие значения (0,48) по сравнению с мужчинами (0,45), however различие не достигло статистической значимости ($t = 1,64$; $p = 0,10$).

Долгосрочная динамика ИКВ (2005-2024)

Табл. 5 фиксирует устойчивое снижение критического восприятия за последние два десятилетия. Однофакторный ANOVA показал значимый эффект времени ($F(3, 7812) = 61,3$; $p < 0,001$). Пост-hoc проверка Tukey выявила, что разница между каждым соседним срезом статистически значима ($p < 0,01$).

Таблица 5

Изменение Индекса критического восприятия во времени.

Table 5

Changes in the Critical Perception Index over time.

Год	2005	2012	2018	2024
ИКВ (M \pm SD)	$0,67 \pm 0,09$	$0,58 \pm 0,11$	$0,49 \pm 0,10$	$0,42 \pm 0,12$

Корреляционный анализ. Матрица Спирмена ($n = 1784$) представлена в табл. 6. Наиболее сильная отрицательная связь обнаружена между уровнем алгоритмической персонализации и ИКВ ($\rho = -0,71$; $p < 0,001$), что подтверждает гипотезу H1. Когнитивная перегрузка также негативно ассоцииро-

вана с критическим восприятием ($\rho = -0,54$; $p < 0,001$). Эрозия образовательных фильтров показывает умеренную положительную корреляцию с персонализацией ($\rho = 0,33$; $p < 0,001$), что указывает на потенциальный кумулятивный эффект факторов.

Таблица 6

Спирменовские коэффициенты между ключевыми переменными.

Table 6

Spearman coefficients between key variables.

Переменные	1 – ИКВ	2 – Персонализация	3 – Перегрузка	4 – Образоват. фильтры
1. ИКВ	—	-0,71	-0,54	0,29
2. Персонализация	-0,71	—	0,49	0,33
3. Перегрузка	-0,54	0,49	—	0,18
4. Образоват. фильтры	0,29	0,33	0,18	—

Примечание: $p < 0,01$; $p < 0,001$.

Note: $p < 0,01$; $p < 0,001$.

Регрессионная и медиаторная модели. Множественная линейная регрессия (Adjusted $R^2 = 0,49$; $F(3, 1780) = 580,8$; $p < 0,001$) показала, что:

Таблица 7

Результаты множественной линейной регрессии предикторов Индекса критического восприятия.

Table 7

Results of multiple linear regression of predictors of the Critical Perception Index.				
Предиктор	B (β)	SE	t	p
Персонализация	-0,38 (-0,52)	0,02	-19,3	<0,001
Перегрузка	-0,21 (-0,28)	0,02	-10,1	<0,001
Образоват. фильтры	0,15 (0,14)	0,02	6,3	<0,001

Анализ медиаторного эффекта (PROCESS Model 4) установил, что образовательные фильтры частично смягчают влияние когнитивной перегрузки на ИКВ: непрямой эффект = -0,05 (Boot 95

% CI = -0,07; -0,03), что сократило прямое воздействие на 17 %, поддерживая гипотезу H2.

Кластерный анализ

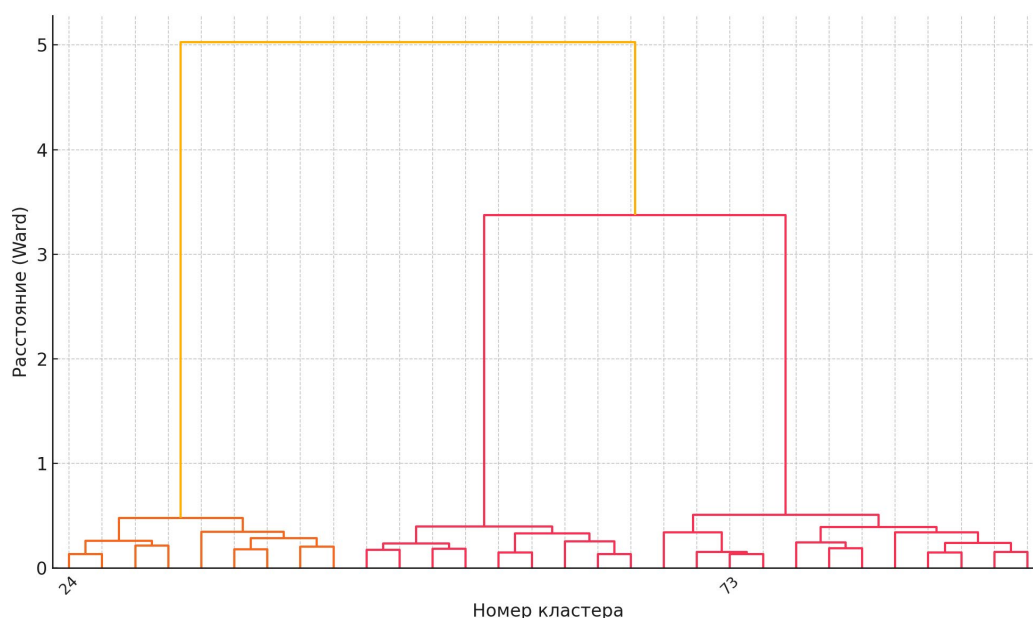

Рис. 1. Дендрограмма кластеров факторов деградации критического восприятия.

Fig. 1. Dendrogram of clusters of factors of degradation of critical perception.

Иерархическая кластеризация Ward'ом (рис. 1) выделила три устойчивых группы:

1. Кластер А (34%) – низкая персонализация, умеренная перегрузка, высокий ИКВ ($M = 0,58$).
2. Кластер В (46%) – средние значения по всем факторам, «переходная» зона, ИКВ ($M = 0,45$).
3. Кластер С (20%) – высокая персонализация + перегрузка, минимальные образовательные фильтры, низкий ИКВ ($M = 0,31$).

Контент-анализ подтвердил, что медиапоток, потребляемый Кластером С, отличается самым высоким Индексом медийной манипуляции (IMM = 0,64) против 0,38 у Кластера А (U-тест Манна-Уитни = 459 120; $p < 0,001$).

Ключевые выводы раздела

- К 2024 г. критическое восприятие аудитории упало на 37% по сравнению с 2005 г.

- Алгоритмическая персонализация – главный отрицательный предиктор ИКВ ($\beta = -0,52$).

- Образовательные программы медиаграмотности способны компенсировать до 17% негативного эффекта когнитивной перегрузки.

- Самая уязвимая группа (20% выборки) соединяет высокую персонализацию и медийную манипуляцию, формируя приоритетную целевую аудиторию для регулятивных и образовательных интервенций.

Результаты и обсуждения

Полученные результаты служат эмпирической основой для обсуждения причинно-следственных механизмов и разработки многоуровневой стратегии повышения критического восприятия.

Полученные результаты очерчивают несколько направлений для дальнейшей работы, каждое из

которых способно уточнить как теорию, так и прикладные решения по восстановлению критического восприятия.

1. Межкультурная валидация модели.

Наши выводы опираются на российскую выборку; требуется проверить воспроизводимость трёхкластерной схемы (персонализация – перегрузка – образовательные фильтры) в странах с иной медийной экосистемой и уровнем цифрового неравенства. Планируется сравнительное исследование (Россия / Германия / Южная Корея) с идентичным инструментарием CPI-24 и IMM, что позволит установить культурно-специфические и универсальные предикторы деградации критического восприятия.

2. Лонгитюдная панель «пользователь – платформа».

Кросс-секционные данные фиксируют лишь срез; для обнаружения причинно-следственных траекторий необходима 3-летняя панель с квартальными волнами. В неё включатся метрики реальной персонализации (API-логи рекомендательных систем) и объективный счёт времени экранного взаимодействия (screen-time capture), что устранил погрешность самоотчётов.

3. Экспериментальные образовательные интервенции.

Выявленный медиаторный эффект образовательных фильтров (-17%) следует проверить в контролируемом полевом RCT: половина старших школьников проходит 12-часовой курс медиаграмотности, другая – нет; изменение ИКВ измеряется до/после и через шесть месяцев. Это позволит количественно оценить эффективность конкретных модулей (факт-чекинг, когнитивная саморегуляция, алгоритмическая грамотность).

4. Анализ алгоритмической прозрачности.

Необходимо дополнить опрос прикладным аудитом платформ: на основе методики «system-audit» сравнить вес персонализирующих сигналов (клики, доля просмотра, социальные связи) в рекомендательных моделях. Публичная метрика «Коэффициент прозрачности фида» (Feed Transparency Ratio, FTR) поможет институциональным регуляторам количественно отслеживать риски снижения критического восприятия.

5. Нейрокогнитивные индикаторы.

Для углубления микро-уровня возможно подключение методов fNIRS/EEG: измерение изменения активности префронтальной коры при экспозиции манипулятивного контента выявит биомаркеры переключения с аналитической на эвристическую обработку информации.

6. Интеграция цифровых следов (digital trace data).

Совмещение опросных данных с телеметрией браузерных расширений или мобильных приложений позволит построить точный профиль «информационного рациона» и соотнести его с ИКВ, сокращая субъективное смещение в отчётах.

7. Мета-анализ образовательных вмешательств.

Систематическое агрегирование RCT, посвящённых медиаграмотности (2000-2025), поможет выявить наиболее действенные педагогические методы и создать evidence-based рекомендации для федеральных стандартов обучения.

Реализация указанных направлений позволит не только уточнить предложенную модель, но и разработать масштабируемые политики, адресующие деградацию критического восприятия с учётом культурных и технологических факторов.

Выводы

Исследование подтвердило, что за 2005–2024 гг. критическое восприятие аудитории снизилось на 37 %, а главным негативным фактором выступает алгоритмическая персонализация медиапотока. Когнитивная перегрузка усиливает эффект персонализации, тогда как образовательные практики медиаграмотности способны частично ($\approx 17\%$) смягчать этот удар. Предложенная трёхкластерная модель (персонализация – перегрузка – образовательные фильтры) объясняет динамику деградации ИКВ и выделяет приоритетную группу риска (20% населения). Практическая значимость работы состоит в многоуровневой стратегии повышения критического восприятия: прозрачность алгоритмов, институционализированный факт-чекинг, интеграция медиаграмотности в образовательные стандарты и индивидуальные техники когнитивной саморегуляции. Полученные данные формируют основу для межкультурных и лонгитюдных исследований, необходимой доработки регулятивных мер и разработки доказательных образовательных программ.

Список источников

1. Левин Д.В., Смирнова А.П., Козлов А.В. Когнитивные искажения и медиапотребление молодёжи: эмпирический анализ // Вестник Московского университета. Сер. 18, Социология и политология. 2021. № 2. С. 73 – 92.
2. Петров И.С. Эрозия критического восприятия в цифровой среде: роль школьного медиаобразования // Медиаобразование. 2023. № 1. С. 21 – 34.

3. Паризер И. «Фильтр-пузырь»: Как интернет скрывает от вас важную информацию: пер. с англ. 2-е изд. Москва: Альпина Паблишер, 2015. 318 с.
4. Суворов А. Н. Фейковые новости в российском медиадискурсе: тактики манипуляции и защита аудитории // Вопросы журналистики. 2020. № 5. С. 102 – 118.
5. РосИндекс-Медиа. Панельные данные медиапотребления 2005-2024 гг. URL: [<https://rosindexmedia.ru/data>] (<https://rosindexmedia.ru/data>) (дата обращения: 01.03.2025)
6. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. London: Penguin Press, 2011. 294 p.
7. Sunstein C.R. Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017. 376 p.
8. Lewandowsky S., Ecker U.K.H., Cook J. Beyond misinformation: understanding and coping with the “post-truth” era // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. 2017. Vol. 6. No. 4. P. 353 – 369.
9. Pennycook G., Rand D.G. Lazy, not biased: susceptibility to partisan fake news is better explained by lack of reasoning than by motivated reasoning // Cognition. 2019. Vol. 188. P. 39 – 50.
10. Allcott H., Gentzkow M. Social media and fake news in the 2016 election // Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31. No. 2. P. 211 – 236.
11. Tandoc E.C.Jr., Lim Z.W., Ling R. Defining “fake news”: a typology of scholarly definitions // Digital Journalism. 2018. Vol. 6. No. 2. P. 137 – 153.
12. Tversky A., Kahneman D. Judgment under uncertainty: heuristics and biases // Science. 1974. Vol. 185. No. 4157. P. 1124 – 1131.
13. Bakshy E., Messing S., Adamic L.A. Exposure to ideologically diverse news and opinion on Facebook // Science. 2015. Vol. 348. No. 6239. P. 1130 – 1132.
14. Bodó B. Personalised news: merging preferences and reputation // Digital Journalism. 2022. Vol. 10. No. 5. P. 687 – 707.
15. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011. 499 p.
16. Helberger N., Bodó B., de Vreese C. Political personalisation, politics and democracy on Facebook // Internet Policy Review. 2019. Vol. 8. No. 4. P. 1 – 22.
17. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. New York: Anchor Books, 1966. 219 p.

References

1. Levin D.V., Smirnova A.P., Kozlov A.V. Cognitive distortions and media consumption of young people: an empirical analysis. Bulletin of Moscow University. Series 18, Sociology and political science. 2021. No. 2. P. 73 – 92.
2. Petrov I.S. Erosion of critical perception in the digital environment: the role of school media education. Media education. 2023. No. 1. P. 21 – 34.
3. Pariser I. "Filter bubble": How the Internet hides important information from you: trans. from English. 2nd ed. Moscow: Alpina Publisher, 2015. 318 p.
4. Suvorov A.N. Fake news in Russian media discourse: manipulation tactics and audience protection. Journalism issues. 2020. No. 5. P. 102 – 118.
5. RosIndex-Media. Panel data on media consumption 2005-2024. URL: [<https://rosindexmedia.ru/data>] (<https://rosindexmedia.ru/data>) (date of access: 01.03.2025)
6. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. London: Penguin Press, 2011. 294 p.
7. Sunstein C.R. Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017. 376 p.
8. Lewandowsky S., Ecker U.K.H., Cook J. Beyond misinformation: understanding and coping with the “post-truth” era. Journal of Applied Research in Memory and Cognition. 2017. Vol. 6.No. 4. P. 353 – 369.
9. Pennycook G., Rand D.G. Lazy, not biased: susceptibility to partisan fake news is better explained by lack of reasoning than by motivated reasoning. Cognition. 2019. Vol. 188. P. 39 – 50.
10. Allcott H., Gentzkow M. Social media and fake news in the 2016 election. Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31.No. 2. P. 211 – 236.
11. Tandoc E.C.Jr., Lim Z.W., Ling R. Defining “fake news”: a typology of scholarly definitions. Digital Journalism. 2018. Vol. 6.No. 2. P. 137 – 153.
12. Tversky A., Kahneman D. Judgment under uncertainty: heuristics and biases. Science. 1974. Vol. 185.No. 4157. P. 1124 – 1131.

13. Bakshy E., Messing S., Adamic L.A. Exposure to intellectually diverse news and opinion on Facebook. *Science*. 2015. Vol. 348.No. 6239. P. 1130 – 1132.
14. Bodó B. Personalized news: merging preferences and reputation. *Digital Journalism*. 2022. Vol. 10.No. 5. P. 687 – 707.
15. Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011. 499 p.
16. Helberger N., Bodó B., de Vreese C. Political personalisation, politics and democracy on Facebook. *Internet Policy Review*. 2019. Vol. 8.No. 4. P. 1 – 22.
17. Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York: Anchor Books, 1966. 219 p.

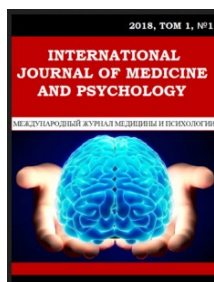
Информация об авторах

Шавлохова Е.С., доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина; Кубанский институт профессионального образования

Кирычкова В.А., Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

Корнаухова С.А., Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

© Шавлохова Е.С., Кирычкова В.А., Корнаухова С.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.01

¹ Демьяненко К.С.,

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Предсказательные модели сознания в современной психологии

Аннотация: в статье представлен систематический анализ современных предсказательных моделей сознания в психологической науке. Автором данной статьи рассматриваются основные теоретические подходы, включая теорию предсказательной обработки, модель активного вывода и интегрированную теорию информации. Так же в данной статье автором анализируются эмпирические данные, подтверждающие предсказательную природу сознательных процессов, а также обсуждаются методологические вызовы и перспективы развития данного направления исследований.

В процессе исследования, автором настоящей статьи было установлено, что предсказательные модели сознания представляют собой динамично развивающуюся область, которая обещает революционизировать наше понимание природы сознания. Центральная идея заключается в том, что мозг постоянно генерирует предсказания о входящей сенсорной информации и обновляет свои модели на основе ошибок предсказания. Несмотря на существующие вызовы, эти теории открывают новые горизонты для исследований и практических применений в психологии, нейронауке и искусственном интеллекте.

Ключевые слова: развитие психологии, современная психология, сознание, модели сознания, предсказательная обработка, активный вывод, байесовский мозг, нейрокогнитивные модели

Для цитирования: Демьяненко К.С. Предсказательные модели сознания в современной психологии // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 206 – 213.

Поступила в редакцию: 21 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Demyanenko K.S.,

¹ Saint Petersburg State University

Predictive models of consciousness in modern psychology

Abstract: this article presents a systematic analysis of modern predictive models of consciousness in psychological science. The author of this article reviews the main theoretical approaches, including predictive processing theory, the active inference model, and integrated information theory. In this article, the author also analyzes empirical data confirming the predictive nature of conscious processes, and discusses methodological challenges and prospects for the development of this area of research.

In the course of the study, the author of this article found that predictive models of consciousness represent a dynamically developing field that promises to revolutionize our understanding of the nature of consciousness. The central idea is that the brain constantly generates predictions about incoming sensory information and updates its models based on prediction errors. Despite the existing challenges, these theories open new horizons for research and practical applications in psychology, neuroscience, and artificial intelligence.

Keywords: development of psychology, modern psychology, consciousness, models of consciousness, predictive processing, active inference, Bayesian brain, neurocognitive models

For citation: Demyanenko K.S. Predictive models of consciousness in modern psychology. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 206 – 213.

The article was submitted: March 21, 2025; Approved after reviewing: May 18, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Проблема сознания остается одной из наиболее фундаментальных в современной психологии и нейронауке. За последние два десятилетия произошел значительный сдвиг в понимании механизмов работы сознания – от реактивных моделей к предсказательным парадигмам. По мнению автора настоящей статьи, предсказательные модели сознания предполагают, что мозг функционирует как сложная система генерации и проверки гипотез о состоянии внешнего мира и собственного организма.

Актуальность настоящего исследования предсказательных моделей сознания обусловлена несколькими факторами. Во-первых, эти модели предлагают объединяющую теоретическую рамку для понимания различных аспектов сознательного опыта. Во-вторых, они имеют значительный потенциал для объяснения патологических состояний сознания и разработки новых терапевтических подходов. В-третьих, предсказательные модели открывают новые перспективы для создания искусственных систем с сознательно-подобными свойствами.

Материалы и методы исследований

Методы исследования, применявшиеся автором в процессе написания данной статьи: концепция структуры сознания; теория деятельности и концепция развития сознания; теория сознания как отражения действительности через отношение; культурно-историческая теория развития высших психических функций. Так же в процессе написания статьи применялись экспериментально-психологические методы исследования сознания.

Результаты и обсуждения

Отметим, что, по мнению автора настоящей статьи, предсказательные модели сознания в современной психологии заключаются в том, что мозг постоянно генерирует предсказания о входящей сенсорной информации и обновляет свои модели на основе ошибок предсказания.

Ключевыми принципами, являются следующие: мозг как "машина предсказаний", иерархическая обработка информации, минимизация ошибки предсказания, байесовский вывод в нейронных сетях [10, с. 43]

Ведущими теориями предсказательных моделей сознания в современной психологии, являются следующие (рассмотрим их в табл. 1).

Таблица 1

Ведущие теории предсказательных моделей сознания в современной психологии.

Table 1

Leading theories of predictive models of consciousness in modern psychology.

Теория	Описание
Теория интегрированной информации (ИТ) Автор: Джулио Тонони	1. Сознание = интегрированная информация (Φ); 2. Предсказание состояний системы через информационную геометрию; [2, с. 71] 3. Количественная оценка уровня сознания.
Теория глобального рабочего пространства (GWT) Автор: Бернард Баарс	1. Сознание как глобальная трансляция информации; 2. Предсказание доступности информации для различных когнитивных процессов.
Теория внимания и сознания (AST) Автор: Майкл Грациано	1. Сознание как модель внимания; 2. Предсказание фокуса внимания и его влияния на поведение.

Далее рассмотрим современные теории предсказательных моделей сознания в современной психологии:

1. Теория предсказательной обработки.

В процессе исследования установлено, что теория предсказательной обработки представляет мозг как иерархическую систему, которая постоянно генерирует предсказания о входящей сенсорной информации. Согласно этой теории, высшие

уровни иерархии посылают предсказания на низшие уровни, которые, в свою очередь, передают сигналы ошибок предсказания обратно вверх по иерархии [5, с. 128].

Ключевым аспектом теории является концепция точности, которая определяет, насколько система доверяет своим предсказаниям по сравнению с входящими сенсорными данными. Модуляция точности может объяснить различные состоя-

ния сознания, включая внимание, эмоции и патологические состояния.

2. Модель активного вывода.

Модель активного вывода, разработанная Карлом Фристом, расширяет принципы предсказательной обработки, включая в рассмотрение не только восприятие, но и действие. Согласно этой модели, организмы минимизируют свободную энергию (free energy) системы, что эквивалентно максимизации байесовской модельной очевидности.

Минимизация свободной энергии может происходить двумя способами: через перцептивный вывод (обновление убеждений) и через активный вывод (изменение сенсорных входов посредством действия). Эта дуальность объясняет единство восприятия и действия в рамках единой теоретической схемы.

3. Интегрированная теория информации.

Интегрированная теория информации, предложенная Джулио Тонони, предлагает количественную меру сознания через концепт интегрированной информации Φ . Согласно ИТ, система сознательна в той степени, в которой она интегрирует информацию сверх суммы своих частей.

ИТ предсказывает, что сознательный опыт соответствует максимуму интегрированной информации в системе, что позволяет делать конкретные предсказания о нейронных коррелятах сознания.

Рассмотрим современные эмпирические исследования предсказательных моделей сознания в современной психологии.

1. Нейровизуализационные исследования. Современные нейровизуализационные исследования предоставляют убедительные доказательства предсказательной природы сознательных процессов. Исследования с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ) демонстрируют иерархическую организацию предсказательных сигналов в коре головного мозга [8, с. 24].

Мета-анализ 65 исследований предсказательной обработки выявил консистентную активацию сетей, включающих префронтальную кору, переднюю поясную кору и теменную кору, что согласуется с теоретическими предсказаниями о локали-

зации высокоуровневых предсказательных процессов.

Исследования с использованием электроэнцефалографии (ЭЭГ) и магнитоэнцефалографии (МЭГ) показывают временную динамику предсказательных процессов. Компонент вызванных потенциалов mismatch negativity (MMN) интерпретируется как нейронный маркер автоматического обнаружения нарушений предсказаний в слуховой системе.

2. Исследования перцептивных иллюзий. Перцептивные иллюзии представляют особый интерес для изучения предсказательных механизмов сознания, поскольку они демонстрируют случаи, когда предсказания мозга доминируют над сенсорными входами. Исследования бинокулярного соперничества показывают, что предсказания высокого уровня могут влиять на то, какое изображение становится сознательно воспринимаемым [12, с. 78].

Как было установлено зарубежными учеными в ходе экспериментов с маской обратной связи, были получены данные, которые демонстрируют роль рекуррентной обработки в формировании сознательного восприятия. Сознательное восприятие требует не только прямой передачи информации, но и обратной связи, что согласуется с предсказательными моделями.

3. Клинические исследования. Предсказательные модели сознания получают поддержку из клинических исследований различных психических расстройств. Исследования шизофрении показывают нарушения в предсказательном кодировании, проявляющиеся в аномальных реакциях на нарушение ожиданий.

При депрессии наблюдаются характерные паттерны негативных предсказаний и пессимистических априорных убеждений, что может объяснить когнитивные искажения, характерные для этого расстройства. Тревожные расстройства ассоциируются с гиперактивацией систем предсказания угроз и повышенной точностью негативных предсказаний [6, с. 19].

Далее рассмотрим методологические вызовы и ограничения исследования предсказательных моделей сознания в современной психологии. И оформим полученный результат в виде табл. 2.

Таблица 2

Методологические вызовы и ограничения исследования предсказательных моделей сознания в современной психологии.

Table 2

Methodological challenges and limitations of the study of predictive models of consciousness in modern psychology.

Вызовы и ограничения	Описание
Проблема верификации.	Одним из основных методологических вызовов является проблема эмпирической верификации предсказательных моделей сознания. Многие теоретические предсказания этих моделей трудно отличить от альтернативных объяснений. Необходима разработка критических экспериментов, которые могли бы однозначно подтвердить или опровергнуть ключевые положения теории. [3, с. 37]
Вычислительная сложность.	Полная реализация предсказательных моделей сознания требует решения вычислительно сложных задач байесовского вывода в реальном времени. Остается неясным, как биологические системы могут эффективно реализовывать эти вычисления.
Индивидуальные различия	Предсказательные модели должны учитывать значительные индивидуальные различия в когнитивных процессах и сознательном опыте. Необходимы исследования того, как генетические, развитийные и культурные факторы влияют на формирование предсказательных моделей.

Рассмотрим основы практического применения предсказательных моделей сознания в современной психологии. Возможность клинического применения заключаются в том, что предсказательные модели сознания открывают новые перспективы для понимания и лечения психических расстройств. Разработка терапевтических подходов, направленных на коррекцию дисфункциональных предсказательных моделей, представляет перспективное направление. Кроме того, по мнению автора данной статьи, техники когнитивно-поведенческой терапии могут быть переосмыслены в терминах модификации априорных убеждений и обучения более адаптивным предсказательным моделям. Медитативные практики и техники майндфулнесс могут рассматриваться как способы модуляции точности предсказаний и развития метакогнитивных навыков. В области современного образования предсказательные модели предлагают новое понимание процессов обучения как обновления предсказательных моделей. По мнению автора, эффективные образовательные стратегии должны создавать оптимальный уровень ошибки предсказания – достаточный для обучения, но не настолько высокий, чтобы вызывать тревогу или отвержение [7, с. 65].

Так же, по мнению автора статьи, предсказательные модели сознания влияют на развитие искусственного интеллекта, особенно в области создания систем, способных к адаптивному поведению в неопределенной среде. Архитектуры глубокого обучения, основанные на принципах предсказательного кодирования, показывают многообещающие результаты.

Отметим перспективы развития предсказательных моделей сознания в современной психологии.

Развитие новых технологий нейровизуализации и нейроинтерфейсов открывает возможности для более детального изучения предсказательных процессов в мозге. Техники оптогенетики позволяют непосредственно манипулировать предсказательными цепями и проверять каузальные гипотезы. Так же, по мнению автора данной статьи, интеграция предсказательных моделей с другими теориями сознания, такими как теория глобального рабочего пространства и теория внимания-схемы, может привести к более полному пониманию сознательных процессов. Кроме того, развитие квантовых теорий сознания и их интеграция с предсказательными моделями представляет интригующую, хотя и спорную перспективу [1, с. 174].

Необходимо так же обратить внимание на то, что предсказательные модели сознания требуют междисциплинарного подхода, объединяющего достижения психологии, нейронауки, философии, математики и информатики. Развитие общего языка и методологии для этих дисциплин является важной задачей.

Отметим, что переход от теоретического понимания предсказательных моделей сознания к их практическому применению представляет собой один из наиболее динамично развивающихся аспектов современной психологии. За последнее десятилетие накопился значительный опыт использования принципов предсказательной обработки в различных прикладных областях, что требует систематического анализа и обобщения.

Практическая значимость предсказательных моделей обусловлена их способностью предоста-

вить единую теоретическую рамку для понимания широкого спектра психологических явлений и разработки эффективных интервенций. Эти модели не только объясняют механизмы нормального функционирования психики, но и предлагают но-

вые подходы к пониманию и коррекции различных нарушений. Далее рассмотрим практические аспекты применения предсказательных моделей сознания в современной психологии и оформим полученный результат в виде табл. 3.

Таблица 3

Клинические применения (диагностика психических расстройств) предсказательных моделей сознания в современной психологии.

Table 3

Clinical applications (diagnosis of mental disorders) of predictive models of consciousness in modern psychology.

Клиническое применение	Характеристика
Шизофрения и психотические расстройства	Предсказательные модели революционизируют подходы к диагностике психических расстройств, предлагая объективные биомаркеры, основанные на особенностях предсказательной обработки информации. Исследования показывают, что при шизофрении наблюдаются характерные нарушения в системах предсказательного кодирования. Практические диагностические инструменты включают: 1. Тест на подавление сенсорного стробирования (P50) – измеряет способность мозга подавлять повторяющиеся стимулы на основе предсказаний. У пациентов с шизофренией наблюдается нарушение этого механизма [11, с. 99]; 2. Парадигма oddball – оценивает реакцию на неожиданные стимулы через компонент P300. Снижение амплитуды P300 коррелирует с тяжестью позитивных симптомов; 3. Тест на обнаружение изменений в последовательности (MMN) – измеряет автоматическое обнаружение нарушений в слуховых паттернах. Снижение MMN является надежным биомаркером психотического риска.
Депрессивные расстройства	При депрессии наблюдаются специфические паттерны негативных предсказаний и пессимистических априорных убеждений. Диагностические подходы включают [9, с. 104]: 1. Тест на обучение вероятностям – оценивает способность обновлять предсказания на основе новой информации; 2. Парадигма эмоционального прайминга – измеряет влияние негативных предсказаний на обработку эмоциональной информации; 3. Оценка метакогнитивных убеждений – анализирует точность самооценки когнитивных способностей.
Тревожные расстройства	Тревожные расстройства характеризуются гиперактивацией систем предсказания угроз: 1. Тест на предвосхищение угрозы – измеряет физиологические реакции на предсказуемые и непредсказуемые угрозы; 2. Парадигма внимания к угрозе – оценивает автоматическое направление внимания на потенциально опасные стимулы; 3. Тест на толерантность к неопределенности – измеряет способность справляться с ситуациями неопределенности.

Таблица 4

Психотерапевтические подходы применения предсказательных моделей сознания в современной психологии.

Table 4

Psychotherapeutic approaches to the application of predictive models of consciousness in modern psychology.

Подход	Описание
Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) нового поколения.	Традиционная КПТ переосмысливается в терминах модификации дисфункциональных предсказательных моделей: 1. Терапия, основанная на обновлении ожиданий – фокусируется на создании ситуаций, которые нарушают патологические предсказания и способствуют обучению новым, более адаптивным моделям. 2. Экспозиционная терапия с элементами предсказательного обучения – включает специальные техники для максимизации ошибки предсказания и ускорения обновления страховых ассоциаций. 3. Метакогнитивная терапия – направлена на изменение убеждений о собственных мыслительных процессах и повышение точности метакогнитивных предсказаний.

Продолжение таблицы 4
Continuation of Table 4

Практический протокол КПТ на основе предсказательных моделей.	<p>Этап 1: Идентификация дисфункциональных предсказаний:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Психообразование о роли предсказаний в формировании эмоций; 2. Ведение дневника предсказаний и их проверка; 3. Анализ точности различных типов предсказаний. <p>Этап 2: Экспериментальная проверка предсказаний [4, с. 109]:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Разработка поведенческих экспериментов; 2. Систематическое нарушение негативных предсказаний; 3. Сбор данных о реальных исходах. <p>Этап 3: Обновление предсказательных моделей:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Интеграция новой информации в существующие схемы; 2. Развитие более гибких и точных предсказаний; 3. Тренировка метакогнитивных навыков.
Терапия принятия и ответственности (АСТ).	<p>АСТ интегрирует принципы предсказательного кодирования через концепцию психологической гибкости:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Тренировка осознанности – развитие способности наблюдать предсказания без автоматического реагирования; 2. Дефузия от мыслей – снижение влияния негативных предсказаний на поведение; 3. Ценностно-ориентированные действия – формирование новых предсказательных моделей, основанных на личных ценностях.
Терапия, основанная на сострадании (СФТ).	<p>СФТ использует принципы предсказательной обработки для работы с системами эмоциональной регуляции:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Активация системы заботы – формирование позитивных предсказаний о социальной поддержке; 2. Работа с критическим внутренним голосом – модификация негативных самопредсказаний; 3. Развитие сострадательного образа мышления – создание альтернативных предсказательных моделей.

На основе данных предложенных в таблице, необходимо отметить, что практические применения предсказательных моделей сознания в современной психологии демонстрируют значительный потенциал для улучшения человеческого благополучия и повышения эффективности психологических интервенций. От клинической диагностики и терапии до образовательных технологий и организационного развития, эти модели предоставляют мощные инструменты для понимания и оптимизации человеческого поведения.

По мнению автора, ключевые достижения включают разработку эффективных диагностических инструментов, создание инновационных терапевтических подходов, внедрение персонализированных образовательных технологий и развитие новых методов оценки и развития человеческого потенциала.

Выводы

В заключение настоящей статьи, сделаем выводы по проведенному исследованию:

В процессе исследования было установлено, что предсказательные модели сознания представляют собой перспективную теоретическую парадигму, которая предлагает объединяющую рамку для понимания различных аспектов сознательного опыта. Несмотря на существующие методологиче-

ские вызовы и ограничения, эмпирические данные все больше поддерживают основные положения этих теорий.

По мнению автора настоящей статьи, ключевые достижения включают разработку математически строгих моделей сознательных процессов, получение нейровизуализационных данных, подтверждающих иерархическую организацию предсказательных процессов, и демонстрацию клинической релевантности этих моделей.

Отметим, что будущие исследования должны сосредоточиться на разработке более точных экспериментальных парадигм для проверки теоретических предсказаний, изучении индивидуальных различий в предсказательных процессах и практическом применении этих знаний в клинической практике и образовании.

Таким образом, предсказательные модели сознания не только углубляют наше понимание природы сознания, но и открывают новые возможности для решения практических задач в области психического здоровья, образования и искусственного интеллекта. Продолжение исследований в этом направлении обещает значительные теоретические прорывы и практические достижения в ближайшие десятилетия.

Список источников

1. Акопов Г.В. Новое объяснение сознания: подход М. Грациано // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19. № 1. С. 169 – 182.
2. Болдырев Д.В., Беловол Е.В. Роль прогнозирования в процессах психики // Вестник Московской международной академии. 2024. № 1. С. 69 – 72.
3. Дуйсенбеков Д.Д. Проблема сознания в психологии – методологические аспекты анализа // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2022. № 44 (44). С. 32 – 39.
4. Заркуа В.Т. Понимание сознания в когнитивно-психологических и физикалистских психологических теориях // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2024. № 2 (66). С. 106 – 111.
5. Знаков В.В. Теоретические основания психологии возможного // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12. № 2. С. 122 – 131.
6. Куприянова М.И. Феномен измененных состояний сознания в психологии // Ессе Homo. 2023. № 2 (8). С. 17 – 20.
7. Кускова С.М. Феноменологическое обоснование информационной модели сознания // Технологии в инфосфере. 2023. Т. 4. № 4 (13). С. 58 – 74.
8. Миронов О.С. Современные аспекты формирования метаязыка описания сознания // Ноосферные исследования. 2022. № 2. С. 18 – 29.
9. Михайлов И.Ф. Предметы и методы эмпирических исследований сознания // Философский журнал. 2024. Т. 17. № 2. С. 92 – 109.
10. Кузнецов Н.А., Сошин Д.А., Пономаренко А.В., Д.А. Коровянский Сознание и подсознание как феномен // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2022. № 2 (85). С. 42 – 44.
11. Чиглаков А.Ю. Психоделики и проблема сознания // Вестник молодых учёных и специалистов Самарского университета. 2023. № 1 (22). С. 96 – 103.
12. Шумаров А.П., Бухарова А.Е. К вопросу о соотношении сознания и бессознательного в рамках психоаналитической парадигмы // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 1 (8). С. 74 – 79.

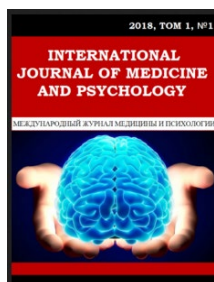
References

1. Akopov G.V. A New Explanation of Consciousness: M. Graziano's Approach. Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2022. Vol. 19. No. 1. P. 169 – 182.
2. Boldyrev D.V., Belovol E.V. The Role of Forecasting in Mental Processes. Bulletin of the Moscow International Academy. 2024. No. 1. P. 69 – 72.
3. Duisenbekov D.D. The Problem of Consciousness in Psychology: Methodological Aspects of Analysis. Bulletin of the East Siberian Open Academy. 2022. No. 44 (44). P. 32 – 39.
4. Zarkua V.T. Understanding Consciousness in Cognitive-Psychological and Physicalistic Psychological Theories. Humanities (Yalta). 2024. No. 2 (66). P. 106 – 111.
5. Znakov V.V. Theoretical Foundations of the Psychology of the Possible. Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. 2022. Vol. 12. No. 2. P. 122 – 131.
6. Kupriyanova M.I. The Phenomenon of Altered States of Consciousness in Psychology. Ecce Homo. 2023. No. 2 (8). P. 17 – 20.
7. Kuskova S.M. Phenomenological Substantiation of the Information Model of Consciousness. Technologies in the Infosphere. 2023. Vol. 4. No. 4 (13). P. 58 – 74.
8. Mironov O.S. Modern Aspects of the Formation of the Metalanguage for the Description of Consciousness. Noospheric Research. 2022. No. 2. P. 18 – 29.
9. Mikhailov I.F. Subjects and Methods of Empirical Studies of Consciousness. Philosophical Journal. 2024. Vol. 17. No. 2. P. 92 – 109.
10. Kuznetsov N.A., Soshin D.A., Ponomarenko A.V., D.A. Korovyansky Consciousness and Subconsciousness as a Phenomenon. Actual Problems of Humanities and Socio-Economic Sciences. 2022. No. 2 (85). P. 42 – 44.
11. Chiglakov A.Yu. Psychedelics and the Problem of Consciousness. Bulletin of Young Scientists and Specialists of Samara University. 2023. No. 1 (22). P. 96 – 103.
12. Shumarov A.P., Bukharova A.E. On the relationship between consciousness and the unconscious within the framework of the psychoanalytic paradigm. All-Russian scientific and practical journal of social and humanitarian research. 2023. No. 1 (8). P. 74 – 79.

Информация об авторе

Демьяненко К.С., Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет,
st120527@student.spbu.ru

© Демьяненко К.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.9.07

¹ Исакова Н.В.,

^{1, 2} Филиппченкова С.И.,

¹ Тверской государственный медицинский университет Минздрава РФ,

² Тверской государственный технический университет

Психодиагностика уровня профессиональной готовности студентов медицинского университета

Аннотация: в условиях активной модернизации образовательного процесса в медицинских вузах к качеству подготовки студентов, как к будущим медицинским специалистам предъявляются достаточно высокие требования. В статье анализируются результаты психодиагностического исследования уровня развития готовности студентов к профессиональной медицинской деятельности. В ходе исследования были выявлены факторы, снижающие степень готовности студентов первого курса медицинского университета к профессиональной деятельности. Целью исследования является изучение уровня развития профессиональной готовности студентов первого курса медицинского университета к профессиональной деятельности. Психодиагностическое исследование проводилось с использованием методики СИО-В (самооценка индивидуальных особенностей студентов первого курса), разработанной Л.Н. Кабардовой и В.К. Оше и адаптированной специалистами кафедры философии и психологии с курсами биоэтики. При адаптации тестового материала учитывались личностные качества современных студентов первого курса. Опрос проводился в формате анонимного анкетирования. Группу выборки составили 100 студентов первого курса медицинского университета, обучающиеся на стоматологическом, лечебном, фармацевтическом, педиатрическом факультетах, а так же на факультете клинической психологии. Полученные результаты могут быть использованы при распределении студентов-первокурсников по факультетам, а затем и по специальностям, с учетом их личностных особенностей, потребностей и мотивов. В ходе психодиагностического исследования выявлен ряд факторов, тормозящих развитие устойчивой готовности студентов первого курса медицинского университета к профессиональной врачебной деятельности. Авторами статьи отмечается роль Центра психологической поддержки (ЦПП) осуществляющего свою деятельность на базе ФГБОУ ВО Тверской ГМУ Минздрава России. ЦПП играет важную роль в профессиональном становлении обучающихся и выполняет целый ряд задач, направленных на повышения уровня мотивационной активности студентов, а так же на их профессиональную готовность.

Ключевые слова: профессиональная готовность, нанотехнологии, мультипсихометр, коммуникативная сфера, амбивалентность, самоопределение

Для цитирования: Исакова Н.В., Филиппченкова С.И. Психодиагностика уровня профессиональной готовности студентов медицинского университета // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 214 – 220.

Поступила в редакцию: 22 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Isakova N.V.,
^{1,2} Filippchenkova S.I.,

¹ Tver State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,
² Tver State Technical University

Psychodiagnostics of the level of sustainable formation of professional readiness of first-year medical university students

Abstract: in the context of the active modernization of the educational process in medical universities, rather high requirements are placed on the quality of students' training as future medical specialists. The article analyzes the results of a psychodiagnostic study of the level of development of students' readiness for professional medical activity. The study identified factors that reduce the degree of readiness of first-year medical university students for professional activity. The purpose of the study is to study the level of development of professional readiness of first-year medical university students for professional activity. The psychodiagnostic study was conducted using the SIOB methodology (self-assessment of the individual characteristics of first-year students), developed by L. N. Kabardova and V. K. Oshe and adapted by specialists from the Department of Philosophy and Psychology with bioethics courses. When adapting the test material, the personal qualities of modern first-year students were taken into account. The survey was conducted in an anonymous questionnaire format. The sample group consisted of 100 first-year students of the medical University studying at the dental, medical, pharmaceutical, pediatric faculties, as well as at the Faculty of Clinical Psychology. The results obtained can be used in the distribution of first-year students by faculties, and then by specialties, taking into account their personal characteristics, needs and motives. In the course of a psychodiagnostic study, a number of factors have been identified that hinder the development of stable readiness of first-year medical university students for professional medical practice. The authors of the article note the role of the Psychological Support Center (PSC), which operates on the basis of the Tver State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation. The PSC plays an important role in the professional development of students and performs a number of tasks aimed at increasing the level of students' motivational activity, as well as their professional readiness.

Keywords: professional readiness, nanotechnology, multipysychometer, communicative sphere, ambivalence, self-determination

For citation: Isakova N.V., Filippchenkova S.I. Psychodiagnostics of the level of sustainable formation of professional readiness of first-year medical university students. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 214 – 220.

The article was submitted: March 22, 2025; Approved after reviewing: May 19, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Эффективность жизнедеятельности современной молодежи определяется их профессиональным самоопределением. Однако профессиональные успехи во многом зависят от способности индивида адаптироваться в быстро изменяющихся реалиях современного общества. С развитием нанотехнологий предъявляются повышенные требования к уровню подготовки молодых медицинских специалистов, а так же к их нравственным и психологическим характеристикам [1]. Специалисты в области психологии отмечают, что в современных реалиях на развитие профессиональной готовности студентов-первокурсников влияет хорошая подготовка в социальном и психологическом плане. Несомненно быстрая социально-психологическая адаптация способствует выработке индивидуального стиля поведения у обуча-

ющихся вуза, изменяет отношение студентов к организации учебно-воспитательного процесса, формирует готовность индивида к приобретению опыта самостоятельной деятельности, самоорганизации и к умению проявлять свою активную позицию. В настоящее время психологи выявляют целый ряд закономерностей профессионального самоопределения личности в связи с чем необходимо отметить детерминирующую роль выполняемой субъектом деятельности, ее предметного и функционального содержания, что имеет большое значение для профессии врача [2-3].

Материалы и методы исследований

На базе Тверского медицинского университета проведено психодиагностическое исследование с использованием методики «Самооценка индивидуальных особенностей» (СИО-В), которая является модифицированным вариантом тестового

опросника СИО, разработанного Л.Н. Кабардовой и В.К. Оше и адаптированной специалистами кафедры Философии и психологии с курсами биоэтики с учетом личностных эмоциональных особенностей студентов [4-5].

Объектом исследования выступают студенты Тверского государственного медицинского университета (ФГБОУ ВО Тверской ГМУ Минздрава России). Всего в психодиагностическом исследовании приняли участие 100 человек обучающихся на стоматологическом, лечебном, педиатрическом, фармацевтическом факультетах и факультете клинической психологии. Группа выборки состояла из девушек (83 человека) и юношей (17 человек). Возраст респондентов варьируется от 18 до 20 лет.

Выбранная методика Л.Н. Кабардовой и В.К. Оше позволяет специалистам выявить общую направленность студентов первого курса на профессиональную медицинскую деятельность, которая в современных реалиях предъявляет к личностно-индивидуальным особенностям будущих медицинских специалистов определенные требования.

Данные для количественного и качественного анализа по результатам тестирования были получены при использовании аппаратно-программного психодиагностического комплекса «Мультипсихометр».

Стимульный материал состоит из 26 утверждений, касающихся предпочтений и навыков студентов первого курса. Обучающимся было пред-

ложено выбрать один из семи вариантов ответа (выразить либо полное согласие, либо полное отрицание), обозначенных в регистрационном бланке буквами (А, Б, В, Г, Д, Е, Ж). В процессе индивидуальной работы с тестовым материалом респонденты в течение неограниченного времени оценивали направленность личностно-индивидуальных особенностей. То есть определяли личностно-характерологические качества, протекание таких психических процессов как речь, память, тип мышления, общую направленность на предметную деятельность, которая ориентирована на 3 укрупненные сферы, принципиально отличающиеся по профессионально важным требованиям, предъявляемым профессией к человеку. Среди выделенных сфер две являются основными и представлены в опроснике каждая 10 пунктами – это предметная сфера (работа с конкретным предметом, вещественным или информационным) и сфера профессиональных контактов или коммуникативная (работа с людьми). Третья сфера – художественная (работа по созданию или воспроизведению художественных изделий, произведений, образов). Эта сфера представлена в опроснике 6 пунктами.

Результаты и обсуждения

Анализ полученных результатов, представленных на рис. 1 показывает, что большая часть опрошенных студентов демонстрирует значения равные среднему уровню, что составляет 68 % (68 человек) от всей выборки.

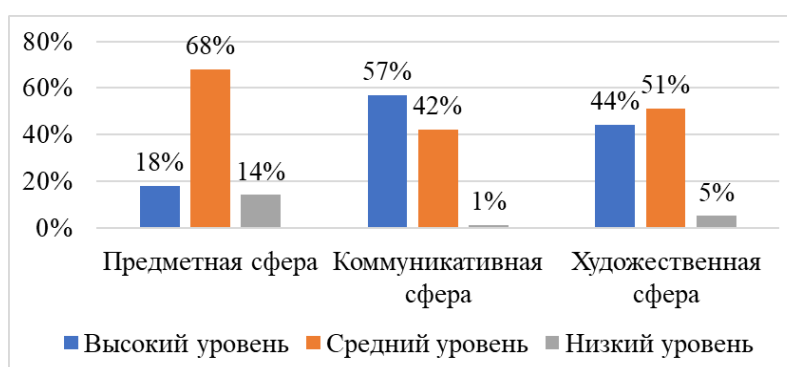

Рис. 1. Методика диагностики уровня развития профессиональной готовности студентов первого курса медицинского университета.

Fig. 1. Methodology for diagnosing the level of professional development of first-year medical university students.

Шкала «Предметная сфера» предполагает работу с конкретным предметом, вещественным или информационным. Это может быть работа в области «человек-знак» или «человек-техника». Студенты, имеющие средние показатели не ориентированы на работу с предметом при этом они не испытывают безразличия к предметной области. Средние значения свидетельствуют больше о недостаточно развитом уровне профессионального

самоопределения, как правило перечень планируемых к освоению видов профессиональной медицинской деятельности у таких студентов ограничивается только одним, максимум двумя пунктами. Тем не менее характерными особенностями обучающихся со средними показателями по шкале являются способность разбираться в условных обозначениях, умение ориентироваться в схемах, наличие пространственного воображения, облада-

ние широким кругозором в области естественных наук.

Высокие значения по уровню отмечаются у 18% (18 человек) респондентов. Студенты демонстрирующие высокие значения обладают способностью к саморегуляции, умеют работать в условиях внешних помех, осуществляют контроль за ходом и правильностью своих действий, способны проявлять решительность в сложных клинических ситуациях и стремиться к постоянному самообразованию, обладают высоким уровнем рефлексивности. Респонденты обладающие высокими показателями достаточно скупчивы, аккуратны, терпеливы и строго следуют установленным законам и правилам.

Низкий уровень отмечается у 14% (14 человек) опрошенных студентов от общего числа выборки. Притязания этих респондентов выходят за пределы одной сферы на профессии и занимают промежуточное положение между различными областями. Следовательно можно предположить, что эта группа студентов еще сомневается в правильности сделанного выбора.

По шкале «Коммуникативная сфера» преобладают показатели высокого уровня, что составляет 57% (57 человек) от всей группы опрошенных. Главным, ведущим предметом труда этой сферы являются люди, в основном это профессии типа «человек-человек», связанные с управлением людьми, с проведением групповых, коллективных мероприятий, с обучением и воспитанием людей, с медицинским и социальным обслуживанием.

Индивиды с подобными значениями ориентированы на работу с людьми. У них преобладает творческий тип мышления, студенты способны анализировать и предвидеть последствия своих действий, обладают стремлением к постоянному совершенствованию полученных ранее знаний, умений и навыков, обладают высоким уровнем выносливости, что связано с ненормированным характером медицинской деятельности.

Средний уровень демонстрируют 42% (42 человека) от всех участников тестирования. Для этой группы выборки характерной чертой является умение слушать и слышать, способность выделять общекультурные, научные и оперативные знания.

На низкий уровень приходится всего 1% (1 человек) от всей выборки. Этот респондент еще недостаточно определился в выборе своей будущей профессии, испытывает стойкую неуверенность в правильности своего выбора. Индивиды с такими значениями по уровню могут проявлять равнодушие к людям, что не допустимо для медицинского работника, несколько замкнуты, медлительны, не

обладают свойствами бескорыстного отношения к людям.

Возможно низкий показатель имеет человек, испытывающий социально-психологическую дезадаптацию, а так же низкий уровень развития социальной и коммуникативной компетентности. Можно предположить, что студент поступил в высшую медицинскую школу по настоянию родителей, что в последнее время случается достаточно часто и провоцирует развитие серьезных психоэмоциональных нарушений, требующих вмешательства специалистов. В связи с неосознанным профессиональным выбором у респондента может фиксироваться состояние повышенной тревожности и стрессогенности, отмечаются депрессивные расстройства крайним проявлением которых иногда является парасуицид (причинение осознанного вреда своему здоровью).

По шкале «Художественная сфера» доминируют значения среднего уровня, что составляет 51% (51 человек) от общего числа участников тестирования. Личности с подобными значениями в своей деятельности заинтересованы в художественной реализации себя, но не возводят её как главную составляющую. Высокий уровень приходится на 44% (44 человека) интервьюируемых. Эти студенты обладают способностью непредвзято оценивать происходящие события, для них характерен не ограниченный усвоенными шаблонами тип мышления. Обучающиеся отличаются способностью к саморегуляции, то есть умеют подчинять собственные творческие идеи общественным целям, способны испытывать длительные нервные нагрузки.

Низкий уровень демонстрируют только 5% (5 человек) респондентов. Эта группа студентов не обладает стремлением к самостоятельному нестандартному решению сложных задач, что необходимо для профессии врача. У респондентов этой группы отсутствует способность преодолевать длительные статические нагрузки определенных групп мышц и справляться с длительным нервным напряжением.

Выводы

На успешную подготовку в условиях модернизации медицинского образования высококвалифицированных врачей оказывают влияние различные факторы. Важное значение отводится степени сформированности мотивационных установок, являющихся основной составляющей при выборе абитуриентом образовательного учреждения медицинской направленности [11-12].

Однако, результаты психодиагностического исследования выявили ряд факторов, тормозящих развитие устойчивой готовности студентов перво-

го курса медицинского университета к профессиональной врачебной деятельности [6]. Доминирующим фактором является недостаточная сформированность профессионально важных для будущего врача качеств и мотивационно-смысловых установок, а так же амбивалентное отношение к профессии врача. Современные студенты не достаточно мотивированы на изучение доклинических и клинических дисциплин. Немаловажную роль в недостаточном формировании готовности играет низкий уровень развития рефлексивности, который свидетельствует об отсутствии способности субъекта к осуществлению самоконтроля, координации своих действий в соответствии с изменяющимися условиями и собственным состоянием [8].

Таким образом для достижения педагогической эффективности при подготовке студентов первого курса высшей медицинской школы к осознанному выбору профессии врача необходимо создать условия для развития профессионально важных личностных качеств и компетенций. Способствовать развитию интереса к выбранной специальности и представления о потребностях практического здравоохранения в высококвалифицированных медицинских кадрах. Распределение студентов по факультетам а затем и по специальностям необходимо осуществлять учитывая их личностные и деловые качеств [11].

Результаты проведенных авторами статьи исследований с использованием таких методик как диагностика уровня развития рефлексивности у студентов А.В. Карповой, методика оценки степени формирования коммуникативных и организаторских склонностей обучающихся первого курса В.В. Синявского, В.А. Федорошина, пятифакторный опросник личности (5-ФЛО-4) Раймонда Кеттелла показывают, что современные студенты, поступившие на первый курс медицинского вуза совершенно не представляют себе специфику обуче-

ния в высшей школе, не осознают трудности, с которыми им придется столкнуться, имеют иллюзорные представления в отношении своих учебных и личностных достижений, что впоследствии негативно сказывается на их профессиональном самоопределении. У обучающихся, поступивших на первый курс слабо развита способность к рефлексивной деятельности, что свидетельствует о том, что студенты не могут предвидеть последствий своих действий и поступков и не прогнозируют результаты своей деятельности [7]. Стремительное развитие информационного поля значительно снизило способность молодых людей мысленно концентрироваться, оценивать и подвергать анализу, полученную на практических занятиях информацию, усваивать большой объем текстового материала. Все перечисленные выше факторы значительно снижают уровень образования студентов и приводят к быстрому снижению интереса к выбранной профессии врача [9-10]. В результате некоторые студенты осознав к концу первого курса неправильность своего профессионального выбора уходят из профессии. Резюмируя вышесказанное необходимо отметить работу Центра психологической поддержки (ЦПП) осуществляющего свою деятельность на базе ФГБОУ ВО Тверской ГМУ Минздрава России. ЦПП играет важную роль в профессиональном становлении обучающихся и выполняет целый ряд задач:

- 1) оказание своевременной психологической помощи, способствующей социально-профессиональному самоопределению студентов первого курса высшей медицинской школы;
- 2) проводит мероприятия направленные на развитие и повышение мотивационной активности;
- 3) занимается коррекцией уровня тревожности у студентов первого курса;
- 4) осуществляет психопрофилактические тренинги, направленные на снятие состояния психического дискомфорта.

Список источников

1. Агранович Н., Ходжаян А. Мотивация повышения психолого-педагогических компетенций преподавателя для обеспечения инновационного подхода непрерывного медицинского образования на современном этапе // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. С. 289.
2. Абдулгалимов Р.Д. Образовательный процесс в формировании мировоззрения будущего врача в медицинском вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2018. С. 46 – 49.
3. Бодалев А.А. Психология межличностного общения / М-во внутр. дел Рос. Федерации, Рязань, высшая школа. Рязань: РВШ МВД РФ, 1994. 89.[1] С. 89.
4. Беляева А.В., Аксененко И.А. Цифровая платформа как педагогическая технология формирования готовности к профессиональной деятельности студентов медицинского вуза // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2022. № 1 (январь). С. 28 – 44. URL: <http://e-koncept.ru/2022/221003.htm>
5. Бородулина Т.В., Носкова М.В., Корякина О.В., Шкиндрер Н.Л. Анализ мотивации и готовности выпускников к профессиональной деятельности // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2016. № 3 (25). С. 80 – 86.

6. Драчук П.Э. Экономические аспекты профессиональной деятельности врача // Педиатрический вестник Южного Урала. 2018. № 1. С. 54 – 59.
7. Дони́ка А.Д. Интериоризация профессиональной роли врача: социальные, психологические и соматические детерминанты: дис. ... докт. социол. наук / Волгогр. гос. мед. ун-т. Волгоград, 2010. С.368: ил.
8. Исаева Е.Р. Новое поколение студентов: психологические особенности, учебная мотивация и трудности в процессе обучения первого курса // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. № 4. С. 15. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 7.02.2025)
9. П Исакова Н.В., Харитоновна Е.А., Филиппченкова С.И., Павлова Н.В. психологический портрет студентов нового поколения, обучающихся на первом курсе медицинского вуза // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 26 марта 2025 года. Чебоксары: «Издательский дом «Среда», 2025. С. 120 – 125. DOI 10.31483/r-127053
10. Климов Е.А., Носкова О.Г. Психология труда: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Изд-во Юрайт, 2025. С. 308. ISBN 978-5-534-16233-2. URL: <https://urait.ru/bcode/562756> (дата обращения: 29.01.2025)
11. Кром И.Л., Еругина М.В., Еремина М.Г., Власова М.В. Современные трансформации пространства медицины от медицинской помощи к медицинской услуге // Биоэтика. 2019. № 1 (23). С. 27 – 29.

References

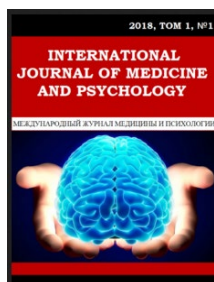
1. Agranovich N., Khodzhayan A. Motivation for improving the psychological and pedagogical competencies of a teacher to ensure an innovative approach to continuous medical education at the present stage. Modern problems of science and education. 2013. No. 2. P. 289.
2. Abdulgalimov R.D. Educational process in shaping the worldview of a future doctor in a medical university. Problems of modern pedagogical education. 2018. P. 46 – 49.
3. Bodalev A.A. Psychology of interpersonal communication. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ryazan, higher school. Ryazan: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1994. 89, [1] P. 89.
4. Belyaeva A.V., Aksenenko I.A. Digital platform as a pedagogical technology for developing readiness for professional activity of medical university students. Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2022. No. 1 (January). P. 28 – 44. URL: <http://e-koncept.ru/2022/221003.htm>
5. Borodulina T.V., Noskova M.V., Koryakina O.V., Shkinder N.L. Analysis of motivation and readiness of graduates for professional activity. Medical education and professional development. 2016. No. 3 (25). P. 80 – 86.
6. Drachuk P.E. Economic aspects of the professional activity of a doctor. Pediatric Bulletin of the Southern Urals. 2018. No. 1. P. 54 – 59.
7. Donika A.D. Interiorization of the professional role of a doctor: social, psychological and somatic determinants: dis. ... Doctor of Sociological Sciences. Volgograd state medical university. Volgograd, 2010. P. 368: ill.
8. Isaeva E.R. New generation of students: psychological characteristics, academic motivation and difficulties in the first year of study. Medical psychology in Russia: electronic scientific journal. 2012. No. 4. P. 15. URL: <http://medpsy.ru> (date of access: 02.07.2025)
9. Isakova N.V., Kharitonova E.A., Filippchenkova S.I., Pavlova N.V. Psychological portrait of new generation students studying in the first year of a medical university. Education, innovations, research as a resource for community development: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Cheboksary, March 26, 2025. Cheboksary: "Publishing house" Sreda ", 2025. P. 120 – 125. DOI 10.31483.r-127053
10. Klimov E.A., Noskova O.G. Psychology of labor: a textbook for universities. 2nd ed., revised. and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. P. 308. ISBN 978-5-534-16233-2. URL: <https://urait.ru/bcode/562756> (date of access: 01.29.2025)
11. Krom I.L., Erugina M.V., Eremina M.G., Vlasova M.V. Modern transformations of the medical space from medical care to medical service. Bioethics. 2019. No. 1 (23). P. 27 – 29.

Информация об авторах

Исакова Н.В., старший преподаватель, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-0383-7052>, Тверской государственный медицинский университет Минздрава РФ, 170100, г.Тверь, ул. Советская, 4, isakova-77@bk.ru

Филиппченкова С.И., доктор психологических наук, профессор, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4928-277X>, Тверской государственный технический университет, 170100, г. Тверь, ул. Аф. Никитина, 22; профессор, Тверской государственный медицинский университет Минздрава РФ, 170100, г.Тверь, ул. Советская, 4, sfilippchenkova@mail.ru

© Филиппченкова С.И., Исакова Н.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.07

¹ **Величко Н.Н.,**

² **Величко М.В.,**

¹ Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
² Филиал Федерального казенного учреждения «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Тверской области Минтруда России», г. Тверь

Проблемы психического здоровья у лиц, принимавших участие в вооруженных конфликтах, и пути их решения

Аннотация: статья посвящена анализу проблем психического здоровья, в первую очередь посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и его комплексных форм, у участников вооруженных конфликтов (УВК). Рассматриваются этиология, клинические проявления, диагностические сложности и отдаленные последствия боевой психической травмы. Особое внимание уделяется социальной дезадаптации и коморбидным состояниям. На основе анализа современных исследований и классификаций (МКБ-11) предлагается комплексный подход к решению проблем, включающий усовершенствование системы психиатрической помощи, методы фармако- и психотерапии, социальную реадaptацию, инновационные подходы и меры государственной политики. Подчеркивается необходимость персонализированного лечения и непрерывных исследований в данной области.

Ключевые слова: боевая психическая травма, государственная политика, комплексное ПТСР, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), психическое здоровье, социальная дезадаптация, социальная реабилитация, участники вооруженных конфликтов (УВК)

Для цитирования: Величко Н.Н., Величко М.В. Проблемы психического здоровья у лиц, принимавших участие в вооруженных конфликтах, и пути их решения // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 221 – 226.

Поступила в редакцию: 23 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ **Velichko N.N.,**

² **Velichko M.V.,**

¹ Tver Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
² Branch of Main Bureau of Medical and Social Expertise
in the Tver region of the Ministry of Labor of the Russian Federation, Tver

Mental health problems in individuals, who took part in armed conflicts, and ways to solve them

Abstract: the article is devoted to the analysis of mental health problems, primarily post-traumatic stress disorder (PTSD) and its complex forms, among participants in armed conflicts (PAC). The etiology, clinical manifestations, diagnostic difficulties and long-term consequences of combat mental trauma are considered. Special attention is paid to social maladaptation and comorbid conditions. Based on the analysis of modern research and classifications (ICD-11), a comprehensive approach to solving problems is proposed, including improving the psychiatric care system, pharmacotherapy and psychotherapy methods, social rehabilitation, innovative approaches and public policy measures. The need for personalized treatment and continuous research in this area is emphasized.

Keywords: combat mental trauma, public policy, complex PTSD, post-traumatic stress disorder (PTSD), mental health, social maladjustment, social rehabilitation, participants in armed conflicts

For citation: Velichko N.N., Velichko M.V. Mental health problems in individuals, who took part in armed conflicts, and ways to solve them. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 221 – 226.

The article was submitted: March 23, 2025; Approved after reviewing: May 20, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Вооруженные конфликты, независимо от их масштаба, представляют собой экстремальную травмирующую ситуацию, оказывающую глубокое и долгосрочное воздействие на психическое здоровье их участников [2]. Специфика боевой обстановки как сверхинтенсивного стрессора приводит к тому, что практически все участники военных конфликтов (УВК) в той или иной степени переживают нарушения адаптации, наиболее типичным и тяжелым из которых является посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР). Актуальность проблемы обусловлена не только масштабами распространенности ПТСР среди УВК, но и его тяжелыми личностными, социальными и экономическими последствиями для самих ветеранов и общества в целом.

Согласно исследованиям Н.А. Попковой, значительная часть УВК (около 58%) страдает от низкой адаптированности как к самой боевой обстановке, так и к жизни после нее, а у 12% наблюдаются признаки полной социальной дезадаптации, сопровождающейся реакциями протеста (с учетом факторов объективного и субъективного свойства). Нарушения эмоционально-волевой сферы фиксируются у 68% обследованных ветеранов. Эти нарушения часто проявляются неуверенностью в себе, тревожностью, пессимизмом и нерешительностью [7, 8].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что психическая травматизация в результате боевых действий является особо тяжелой, так как травма от пребывания на передовой характеризуется отдаленными (от 6 месяцев и более) осложнениями.

Пролонгированность и тяжесть вышеуказанных последствий связана как с одновременным воздействием на психику УВК травмирующих факторов при выполнении служебно-боевых задач, так и осознание того, что после их завершения возникнут проблемы социально-экономического и межличностного характера. Все это подчеркивает актуальность выбранной нами темы и необходимость детального анализа способов и методов реабилитации УВК.

Материалы и методы исследований

Основным методом исследования выступает теоретико- методологический анализ источников, которые затрагивают различные аспекты изучаемой темы. Наиболее важными нам представляются работы О.Б. Поляковой, Н.А. Попковой, иллюстрирующие основные проявления ПТСР у участников боевых действий, раскрывающих личностные проявления и внешнюю симптоматику.

Также значимы публикации Г.Ю. Авдиенко и А.Г. Караяни, исследующие процессы коррекции и реабилитации участников боевых действий. На их основе был проведен сравнительный анализ способов и методов реабилитации, определены наиболее эффективные технологии работы с УВК.

Результаты и обсуждения

В настоящее время возникает множество вопросов связанных с вооруженными конфликтами, боевыми действиями и проблема реабилитации участников- военнослужащих максимально актуальна. Те стрессовые ситуации, которые возникают в подобных случаях, безусловно, не проходят бесследно и важно говорить о том, что для возвращения в жизнь социума военным необходим курс специальной реабилитации.

Необходимо сразу отметить, что прямая причинно-следственная связь между стрессом и личностными изменениями возникает не всегда: она зависит от субъективно-психологических характеристик УВК в виде эмоциональной неустойчивости, повышенной тревожности, незрелости личности и пр. Более того, современная психиатрия рассматривает ПТСР как синдром комплексного характера. Представляется значимым в этой связи указать, что в МКБ-11 диагностические критерии комплексного ПТСР (К-ПТСР) определены однозначно: специалистам предлагают учитывать не только фактор длительного пребывания в травматической ситуации, но считается целесообразным выделить ключевой список травматических ситуаций пролонгированного характера. В документе акцентировано внимание на наличие стойких нарушений в трех ключевых личностных сферах [6]:

- Аффективная регуляция (стойкие трудности в контроле эмоций: вспышки гнева, дисфория, эмоциональное оцепенение).

- Идентичность (негативное самовосприятие: чувство никчемности, вины, стыда, поражения).

- Система отношений (трудности в установлении и поддержании близких, доверительных отношений).

Основные симптомы ПТСР, требующие оценки, включают:

- постоянное чувство угрозы (гипербдительность);

- навязчивые повторные переживания травмы (флэшбэки, кошмары);

- избегание мыслей, чувств, мест или людей, напоминающих о травме.

Ниже приводим варианты клинического развития ПТСР:

- тревожный или астенический (преобладают общая слабость, утомляемость, тревога, нарушения сна);

- дисфорический (характеризуется раздражительностью, гневливостью, агрессивностью);

- соматоформный (проявляется ипохондрическими переживаниями, фиксацией на соматических симптомах (часто вегетативных), частыми обращениями за медицинской помощью по поводу не подтвержденных объективно заболеваний (соматизация);

- истерический (сопровождается демонстративным поведением, стремлением привлечь внимание, возможны диссоциативные симптомы).

Течение ПТСР часто волнообразное, с чередованием периодов обострения (с яркой симптоматикой, диссоциативными эпизодами, кошмарами, избеганием) и неполной ремиссии. Сложности диагностики связаны как с полиморфизмом клинической картины, так и со склонностью пациентов к соматизации переживаний.

Полагаем, что именно вариативность проявлений ПТСР и разные степени его переживания создают сложности для диагностики выше указанного синдрома, что в свете происходящих геополитических событий (в данном случае речь идет о прогнозируемом масштабе последствий) исследования в обозначенном ключе необходимо активно продолжать: для эффективной помощи УВК специалисты нуждаются в новейших методиках медикаментозной помощи и психотерапии. В противном случае, общество столкнется с массовым приемом алкоголя и психоактивных веществ бывшими комбатантами, причинением вреда себе данными категориями лиц, вплоть до суицидальных проявлений, игровой зависимостью, агрессией в сторону окружающих и пр. Решение пробле-

мы усложняется спецификой травматического опыта, что требует от медицинского работника дополнительных усилий в виде максимально персонализированного лечения с подбором соотношения фармакотерапии и психотерапии.

Решение проблем психического здоровья УВК требует комплексного, многоуровневого подхода.

Мы считаем, что фармакотерапию на сегодняшний день рекомендуется использовать только для тех лиц, подвергшихся травматизации, ассоциированной с психотравмой. Считаем, что лекарственные средства необходимо назначать лишь в острый период для купирования следующих симптомов: возбуждение, депрессия, бессонница, тревога. Основой лечения остается психотерапия, где применяются:

- кризисное вмешательство и психологическое «вентиляция»;

- когнитивно-поведенческая терапия (индивидуальная и групповая) с фокусом на травме;

- экспозиционная терапия (в том числе с использованием VR), EMDR, терапия принятия и ответственности (АСТ), экзистенциальная терапия, арт-терапия, телесно-ориентированные практики и другие психотерапевтические методики.

Неоспоримо, что при выраженных расстройствах наблюдаемый пациент не сможет обойтись без периода социально-психологической реабилитации. Поэтому нам представляется значимым следующую часть статьи посвятить целесообразности реабилитационных мероприятий.

УВК, пережившие травматический стресс, необходимо нуждаются, в то числе, в социально-психологической реабилитации [3]; ниже мы предлагаем перечень видов помощи такого рода:

1. *Совершенствование системы психиатрической помощи*: внедрение программ скрининга для раннего выявления ПТСР и депрессии среди ветеранов; подготовка специалистов, владеющих методами когнитивно-поведенческой терапии (КПТ), EMDR-терапии и групповой психотерапии; создание мобильных клиник и телепсихологии для удаленных регионов.

2. *Социально-психологическая реабилитация и реинтеграция*: критически важный этап, особенно при выраженных формах ПТСР/К-ПТСР и социальной дезадаптации:

- *социальная реадaptация* (развитие программ профессиональной переподготовки и трудоустройства. Индивидуальная профориентация);

- *семейное вовлечение* (образовательные программы для семей УВК для понимания природы ПТСР и улучшения поддержки);

- *сообщества взаимопомощи (peer-to-peer)*. Создание и поддержка групп ветеранов для

обмена опытом и взаимоподдержки.

- *решение социальных проблем* (активная помощь в решении вопросов жилья, медицинского обслуживания (включая специализированное), оформления льгот и пенсионного обеспечения. Необходимо наладить эффективное взаимодействие между учреждениями соцзащиты, службы занятости и соцстраха для разработки индивидуальных программ реабилитации) [9].

3. *Государственная политика и общественные инициативы:*

- разработка и реализация национальных стратегий по охране психического здоровья ветеранов;
- увеличение финансирования исследований в области военной психотравматологии, этиопатогенеза и терапии ПТСР/К-ПТСР;

- проведение масштабных медиакампаний и образовательных программ для борьбы со стигматизацией психических расстройств у ветеранов и формирования их позитивного образа в обществе [10].

Цель реабилитации: снижение нервно-психического напряжения, формирование адаптивных установок и уверенности в будущем, коррекция иждивенческих форм поведения, фокусировка на социально-активном образе жизни.

4. *Инновационные подходы:*

- изучение и внедрение новых технологий: виртуальная реальность (VR) для безопасной экспозиционной терапии, биофидбек;

- исследование роли нейропластичности и разработка методов, способствующих восстановлению мозга после травмы;

- адаптация и валидация доказательных психотерапевтических методов (АСТ, DBT, схематерапия) для работы с К-ПТСР у УВК.

Отдельно подчеркиваем значение социальной реадaptации, и в этом аспекте мы не одиноки: например, по мнению Г.В. Гнездилова и Г.Ю. Авдиенко, особенно при выраженных ПТСР, индивидуальная работа по профориентации и трудоустройству данных граждан требуется неукоснительно [1, 4].

Представляется важным указать на востребованность отдельной психологической помощи тем участникам боевых действий, которые имеют определенные иные социальные проблемы. Заметим, что такая работа должна проводиться высококвалифицированными специалистами и быть обязательной, как в рамках комплексной программы, так и посредством проведения индивидуальных профильных консультаций, бесед с больными и инвалидами. Подчеркнем фактор установления тесного, неформального контакта между учреждениями социальной защиты населения, государ-

ственной службы занятости и фондом социального страхования, с целью индивидуализировать программу реабилитационных мероприятий каждого участника боевых действий. Подобный подход позволит индивиду стать открытым для информационно-правового поля в вопросах, касающихся болезни и инвалидности, быть включенным в различные социальные взаимодействия на фоне существующих реабилитационных мероприятий. С другой стороны, не стоит забывать о работе всего государственных информационных подразделений (СМИ, блогосфера и др.), ответственных за формирование положительного образа участника боевых действий. Именно поэтому усилия государства направлены на создание единой системы помощи участникам вооруженных конфликтов, точную диагностику всех нарушений и определить комплекс реабилитационных мер.

Выводы

Проблема психического здоровья участников вооруженных конфликтов, прежде всего в форме ПТСР и комплексного ПТСР, представляет собой серьезную медико-социальную проблему с далеко идущими последствиями. Высокая распространенность нарушений адаптации, эмоционально-волевой сферы и риск тяжелых коморбидных состояний (алкоголизм, наркомания, суицидальное поведение, агрессия) требуют системного подхода к ее решению.

Успешное оказание помощи УВК возможно только при интеграции усилий психиатрической службы, психотерапевтической помощи, системы социальной реабилитации и государственной политики.

В данном случае необходимо объединить усилия учреждений социального обслуживания, специальных реабилитационных центров либо центров психолого-педагогической помощи населению и организаций здравоохранения, которые, применяя отраслевые методики, медикаментозное и терапевтическое лечение обеспечивают непрерывность и комплексность, которые являются основой успеха подобной работы. Терапию и реабилитацию прерывать нельзя, т.к. именно пролонгированность и объединение различных методов позволяют разработать интегрированную технологию работы с УВК.

Проанализировав используемые источники, мы определили, что ключевыми направлениями являются:

- Раннее выявление и точная диагностика (с учетом критериев МКБ-11 для К-ПТСР).

- Обеспечение доступности современных, научно-обоснованных методов терапии (фармакология, психотерапия).

- Реализация комплексных, индивидуализированных программ социально-психологической реабилитации, направленных на восстановление личностных ресурсов, профессиональную реинтеграцию и решение насущных социальных проблем.

- Проведение активной государственной политики, включающей финансирование исследований, борьбу со стигмой и формирование эффективной системы поддержки ветеранов на всех уровнях.

- Внедрение и изучение инновационных терапевтических и реабилитационных методик. Подобные методики сочетают в себе различные комплексы психотренинговых упражнений, реабилитационных практик и вмешательство медицинских специалистов.

Непрерывное исследование проявлений ПТСР, его динамики и отдаленных последствий, а также разработка и внедрение новых подходов к лечению и реабилитации, являются залогом улучшения качества жизни УВК, снижения уровня инва-

ливности и преждевременной смертности в этой уязвимой группе населения.

Проанализировав источники по данной теме, возможно прийти к выводу о необходимости интеграции различных методик восстановления психического здоровья участников вооруженных конфликтов. Подобная терапия должна сочетать в себе медикаментозные и психологические методы, аккумулируя медицинские и личностные результаты. Данный процесс комплексный и быстрым не является и поэтому особое внимание необходимо уделять промежуточным результатам, чтобы корректировать реабилитационный процесс и достичь максимального эффекта.

Психическое здоровье – феномен необходимый для личности, но динамичный и подвержен негативному воздействию различных факторов. Учитывая стрессовость вооруженных конфликтов и военизированных действий, необходимо разработать комплексную технологию, которая позволяет не только устранять симптомы, но и минимизировать личностные нарушения.

Список источников

1. Авдиенко Г.Ю. Психологическая коррекция и реабилитация участников боевых действий: учебник и практикум для вузов. 2023. 256 с.
2. Васильева А.В. Посттравматическое стрессовое расстройство в центре международных исследований: от «солдатского сердца» к МКБ-11 // Журнал неврологии и психиатрии им. Корсакова. 2022. Т. 122. № 10. С. 72 – 81.
3. Всемирная организация здравоохранения. 77 сессия Всемирной Ассамблеи здравоохранения. П.11.2 повестки дня от 1 июня 2024 г. Укрепление психического здоровья и усиление психосоциальной поддержки до, во время и после вооруженных конфликтов, стихийных бедствий и техногенных катастроф, а также чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения и других чрезвычайных ситуаций. Доклад о психическом здоровье в мире. Охрана психического здоровья: преобразования в интересах всех людей, 2024. 158 с.
4. Гнездилов Г.В, Киселев В.В. К вопросу о совершенствовании организации профилактики ПТСР и психореабилитационных мероприятий в работе психолога с участниками СВО // Экстремальная психология и безопасность личности, 2025. № 2 (1). С. 26 – 39.
5. Караяни А.Г. Военная психология: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2023. 593 с.
6. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, одиннадцатого пересмотра (МКБ-11), «Расстройства, непосредственно связанные со стрессом». «ПТСР» – 6B40, «Расстройство адаптации» – 6B43, 2023. 128 с.
7. Попкова Н.А. Психологические особенности проявления посттравматического стрессового расстройства у участников боевых действий // Молодой ученый. 2023. № 48 (495). С. 286 – 288.
8. Полякова О.Б., Бонкало Т.И. Психология посттравматического стресса. Издательство: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. 294 с.
9. Пузин С.Н. Реабилитация участников боевых действий: Посттравматический стрессовый синдром // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2016. № 2. С. 6 – 9.
10. Пушкарев А.Л. Посттравматическое стрессовое расстройство: диагностика, психофармакотерапия, психотерапия. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2000. 112 с.

References

1. Avdienko G.Yu. Psychological correction and rehabilitation of combat veterans: a textbook and practical training for universities. 2023. 256 p.
2. Vasilyeva A.V. Post-traumatic stress disorder in the center of international research: from the "soldier's heart" to ICD-11. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry. 2022. Vol. 122. No. 10. P. 72 – 81.

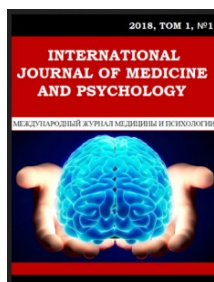
3. World Health Organization. 77th session of the World Health Assembly. Agenda item 11.2 of 1 June 2024 Strengthening mental health and psychosocial support before, during and after armed conflicts, natural and man-made disasters, and health and other emergencies. World mental health report. Mental Health Care: Transformations for the Benefit of All, 2024. 158 p.
4. Gnezdilov G.V., Kiselev V.V. On the Issue of Improving the Organization of PTSD Prevention and Psychorehabilitation Measures in the Work of a Psychologist with Participants of the Second Military Military Unit. Extreme Psychology and Personal Safety, 2025. No. 2 (1). P. 26 – 39.
5. Karayani A.G. Military Psychology: Textbook and Workshop for Universities. Moscow: Yurait, 2023. 593 p.
6. International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems, Eleventh Revision (ICD-11), "Disorders Specifically Associated with Stress". "PTSD" – 6B40, "Adaptation Disorder" – 6B43, 2023. 128 p.
7. Popkova N.A. Psychological features of the manifestation of post-traumatic stress disorder in combat veterans. Young scientist. 2023. No. 48 (495). P. 286 – 288.
8. Polyakova O.B., Bonkalo T.I. Psychology of post-traumatic stress. Publisher: State Budgetary Institution "Research Institute of Health Protection of the Moscow City Department of Health", 2023. 294 p.
9. Puzin S.N. Rehabilitation of combat veterans: Post-traumatic stress syndrome. Medical and social examination and rehabilitation. 2016. No. 2. P. 6 – 9.
10. Pushkarev A.L. Post-traumatic stress disorder: diagnostics, psychopharmacotherapy, psychotherapy. Moscow: Publishing house of the Institute of Psychotherapy, 2000. 112 p.

Информация об авторах

Величко Н.Н., старший преподаватель, SPIN-код: 9800-7932, AuthorID: 959728, Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, VelichNN@mail.ru

Величко М.В., руководитель бюро № 8, врач-психиатр по медико-социальной экспертизе, Филиал Федерального казенного учреждения «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Тверской области Минтруда России», г. Тверь, mvvelichko@mail.ru

© Величко Н.Н., Величко М.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

¹ Кушкин С.А.,

^{1, 2} Козьяков Р.В.,

¹ Московский инновационный университет,

² Институт психологии Российской Академии наук

Креативное мышление как способ преодоления психологического стресса в актерской профессии

Аннотация: данная статья посвящена исследованию психологического давления и стресса, с которыми сталкиваются актеры в своей профессии. Актерская деятельность сопровождается высоким уровнем эмоциональных и интеллектуальных нагрузок, нестабильностью занятости, что может привести к повышенному уровню тревожности и депрессии. Цель данной статьи – проанализировать основные причины стресса у актеров, предложить методы преодоления и формирования психологической устойчивости. В ходе исследования будут затронуты как внутренние, так и внешние факторы, оказывающие влияние на психоэмоциональное состояние актеров, что является актуальным для профессионального сообщества. Провести анализ факторов, способствующих стрессу у актеров. Изучить влияние профессиональной деятельности на психическое здоровье. Разработать рекомендации по улучшению психологического состояния актеров. Использование креативного подхода в ситуации стрессового воздействия показывает достаточную эффективность.

Ключевые слова: психологический стресс, актерская профессия, факторы стресса, психологическое состояние, методы и способы решений, программы поддержки, креативность

Для цитирования: Кушкин С.А., Козьяков Р.В. Креативное мышление как способ преодоления психологического стресса в актерской профессии // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 227 – 234.

Поступила в редакцию: 24 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 22 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Kushkin S.A.,

^{1, 2} Kozyakov R.V.,

¹ Moscow Innovation University,

² Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

Creative thinking as a way to overcome psychological stress in the acting profession

Abstract: this article is devoted to the study of psychological pressure and stress faced by actors in their profession. Acting is accompanied by a high level of emotional and intellectual stress, job instability, which can lead to increased levels of anxiety and depression. The purpose of this article is to analyze the main causes of stress in actors, to propose methods of overcoming and forming psychological stability. During the research, both internal and external factors affecting the psycho-emotional state of actors will be touched upon, which is relevant for the professional community. To analyze the factors contributing to stress in actors. To study the impact of professional activity on mental health. To develop recommendations for improving the psychological state of the actors. The use of a creative approach in a stressful situation shows sufficient effectiveness.

Keywords: psychological stress, acting profession, stress factors, psychological state, methods and solutions, support programs, creativity

For citation: Kushkin S.A., Kozyakov R.V. Creative thinking as a way to overcome psychological stress in the acting profession. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 227 – 234.

The article was submitted: March 24, 2025; Approved after reviewing: May 22, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Многие в детстве и не только, мечтают о сцене, представляя, как можно легко перевоплощаться в разных героев и относительно актерской профессии сложилось довольно романтизированное представление о том, что быть актером легко, профессия «актер» ассоциируется с постоянным праздником и успехом [5]. Однако за внешним блеском профессии скрывается сложный внутренний процесс, в котором личность актера балансирует между собственным «Я» и ролью [8]. Известно достаточно много примеров печальных судеб представителей данной профессии, разрушенных бедностью, алкоголем, наркотиками и одиночеством. Подобные ситуации могут быть связаны со спецификой профессии и образом жизни актеров, что определяет актуальность изучения факторов стресса и реагирования на них у представителей этой профессии.

Материалы и методы исследований

В качестве материала исследования выступили работы посвященные стрессу у актеров, позволяющие условно выделить внешние и внутренние причины, определяющие стрессогенность этой профессии. К внешним факторам стресса относятся специфические для актеров условия труда: высокая конкуренция, продолжительное время работы в состоянии высокого напряжения, нестабильная профессиональная занятость и как следствие, нестабильный доход. К.Н. Шестакова [23] отмечает, что переживания нереализованности, опустошенности, бесперспективности в связи с профессией способствуют профессиональному выгоранию у актеров [23]. Что касается внутренних стрессогенных факторов, то тут картина выглядит гораздо сложнее. С одной стороны, принято считать, что профессиональный стресс у актеров в основном определяется многократным процессом перевоплощения, в чем и заключается основная суть их профессиональной деятельности. Как отмечал Л.С. Выготский [3], актерское творчество – это «своеобразное творчество психофизиологических состояний» [3], которое по материалам (А.В. Петракова, М.В. Сиян, Т.А. Лыкова [19]) эмоций сопровождается выраженной соматизацией: «задыхаюсь, сбито дыхание, замираю физически, теряю зрение, пелена перед глазами», «не хватает воздуха, начинается тревога внутри биться, как будто сердце разобьется». Добавим, что описание ак-

терами своих переживаний часто проявляет их художественное восприятие.

Теоретико-методологические основы организации исследования составили работы следующих исследователей: Е.Н. Амелиной, С.Ю. Завалишиной, Р.В. Козьякова, Н.А. Белоножкиной [1]; А.А. Зимаревой, Р.В. Козьякова [6]; А.Д. Калинина, В.Ю. Карпова, В.И. Шарагина, Р.В. Козьякова [7]; М.Е. Квасова, А.И. Квасовой, Р.В. Козьякова [8]; Р.В. Козьякова, М.Р. Захаркива, А.В. Губанова [9]; В.Ю. Карпова, А.В. Завалишиной, А.В. Романовой, И.Р. Поздяковой, Р.В. Козьякова, В.И. Шарагина [24]; В.Ю. Карпова, С.Ю. Завалишиной, А.В. Доронцова, А.А. Светличкиной, Р.В. Козьякова, Е.А. Ямпольского [25]; Р.В. Козьякова, А.И. Минина [10]; Р.В. Козьякова [11; 12; 13; 14]; М.Н. Комарова, И.И. Файзуллиной, А.В. Доронцева, Р.В. Козьякова [15]; И.А. Кречетова, Р.В. Козьякова [17]; А.И. Минина, Р.В. Козьякова [18]; Н.Г. Пучковой, О.Н. Макуриной, Е.С. Куманцовой, Р.В. Козьякова [20].

Результаты и обсуждения

Чтобы быть успешным в профессии, актеру необходимо в процессе игры «задействовать» чувства, связанные с личными переживаниями. Но важно не потерять в этом процессе самого себя. Такое смешение личной внутренней жизни и профессиональной деятельности ставит актеров в уязвимое положение. Любой проживаемый опыт потенциально может влиять на психику.

Знаменитая система – теория сценического искусства от К.С. Станиславского (Алексеева) [22] предполагает, что актер должен четко понимать обстоятельства жизни, логику своего героя, его мысли и чувства. Такое погружение во внутренний мир персонажа возможно благодаря умению находить подходящие события и случаи в собственном опыте. Эта способность – буквально «откликнуться» собой – помогает глубже проживать роль. Когда в психологическом плане происходит встреча героя и актера, тогда и внешнем уровне появляется энергия и та самая подлинность исполнения.

Режиссер Борис Захава [5] писал, что внутренняя жизнь актера и персонажа образуют единство, где ведущую роль играет творческое «Я» исполнителя. Всякий раз на сцене сосуществуют два «героя» внутри одного человека, один из которых занимает позицию наблюдателя и позволяет

предотвратить ситуацию полного растворения актера в роли [5]. Подобный процесс можно назвать «переключением», когда играющий воплощает одновременно двух разных персонажей. Эта способность позволяет ему оценивать свое исполнение – видеть себя как-будто со стороны, а также учитывать реакции зрителей.

Спецификой актерской игры интересуются не только психологи, но и ученые из области нейронаук. Так, в ходе одного из исследований обнаружилось, что по мере того, как актеры вживаются в роль, у них снижается активность зон мозга, ответственных за самосознание, а области, связанные с вниманием, остаются активными. Исследователи назвали данный феномен «раздвоенным сознанием» – разделением внутренних ресурсов на игру и ощущение себя. В момент игры происходит в каком-то смысле «стирание» базовой личности, она реорганизуется в новую целостность – актер полностью вовлекается в жизнь другого персонажа, переживает как другой человек.

Вживание в роль может быть настолько глубоким, что иногда даже приводит к клиническим случаям – развитию психических расстройств, нарушениям здоровья и т.п. Исполняя сложные драматические роли, которые предполагают нахождение героя в тяжелых условиях или переживание психотравмирующих событий, актеры сами могут испытывать длительный и сильный стресс [4], что не проходит бесследно для психики.

Научные данные говорят о том, что актерам нужны эффективные методы переключения и «отключения» от ролей. Но при обучении этой профессии психологическому благополучию уделяется немного внимания. На фоне множества тренингов, посвященных пониманию роли и соединению с ней, не хватает практики, направленной на возвращение в реальность – в собственный внутренний мир.

Вопрос благополучия актеров в контексте формирования новой идентичности, связанной с ролью – «слепая зона» и в науке. И, следовательно, требует отдельного изучения. В ходе исследования, которое проводится в данный момент на базе Департамента психологии НИУ ВШЭ, рассматривается процесс «выхода из роли», а именно – границы понимания момента, когда и каким образом происходит возвращение актера к себе как к личности [2]. На данный момент исследование показывает, что важным инструментом в этом процессе служит тело актера, которое помогает не только вжиться в персонажа, но и «вытряхнуть» его из себя – через физические действия: потряхивания, удары по рукам и ногам.

Опыт «выхода из роли» актуален не только для профессиональных актеров. Каждый человек в той или иной степени играет разные роли в жизни – профессиональные, социальные, семейные, дружеские и т.п. Иногда не так просто вернуться к себе, например, – после проживания тяжелого рабочего дня.

Рассмотрим основные способы преодоления психологических стрессов.

1. Осознанность и работа над установками

Первый шаг к тому, чтобы справиться с любым психологическим барьером, – это осознать, что он есть, и увидеть, откуда он берётся. Полезно разобрать свои страхи и тревоги. Можно вести дневник самонаблюдения, где записывать ситуации, в которых проявлялась тревога или зажим, и анализировать, какие мысли сопровождали эти моменты. Поняв, какие именно иррациональные убеждения мешают (например, “Я никогда не буду хорошим актёром” или “Все ждут, что я облажаюсь”), можно начать их оспаривать и заменять на более здоровые установки. Для многих актёров ценно работать с психологом или коучем, который может помочь сформировать позитивный внутренний диалог.

2. Техники релаксации и дыхания

Когда мы говорим о психологическом стрессе, речь обычно идёт не только о мыслях, но и о проявлениях в теле: ком в горле, напряжённость в мышцах, дрожь в конечностях. Поэтому крайне важно уметь расслабляться. Техники дыхания – один из самых простых и доступных методов:

2.1. Глубокое диафрагмальное дыхание: поместить руки на живот, сделать спокойный вдох через нос, ощущая, как воздух наполняет нижнюю часть лёгких, а живот плавно поднимается. На выдохе живот возвращается в исходное положение.

2.2. Счёт дыхания: вдох на четыре счёта, задержка дыхания на четыре счёта, выдох на четыре счёта, снова задержка на четыре счёта. Этот простой цикл успокаивает ум и снижает тревогу.

Помимо дыхания, актёрам полезно изучать техники прогрессивной мышечной релаксации, йогу, медитацию – всё, что помогает снять физический зажим. Выходить на сцену с уже напряжёнными мышцами – верный способ усилить страх и сделать игру неестественной.

3. Телесно-ориентированные упражнения

Актёр – это не только голос, но и тело, причём во многих методиках актёрского мастерства тело является одним из ключевых инструментов выражения. Если у актёра зажаты плечи, шея, челюсть, или движения выглядят скованными, это мешает

правдоподобной игре. Регулярные упражнения на пластику, растяжку, телесный контакт с пространством помогают «отпустить» напряжение.

Хорошо помогают различные практики:

3.1. Танцевальные импровизации: свободно двигаться под музыку, без заранее установленного сценария движений.

3.2. Контактная импровизация: взаимодействие с партнёром через прикосновения, изучение баланса, веса, опоры.

4. Плейбэк-театр или физический театр: использование тела как первичного выразительного инструмента, когда речь ставится на второй план.

Такие упражнения учат актёра доверять своему телу, действовать спонтанно, не контролируя каждое движение мыслью «а правильно ли я сейчас выгляжу?».

4. Голосовые тренировки.

Голос – мощный носитель эмоционального состояния. Если голос зажат и звучит неестественно, зритель чувствует, что актёр «не живёт» в предлагаемых обстоятельствах. Тренировки дикции, тембра, громкости, умение модулировать голосом под разные эмоции напрямую связаны с преодолением внутренних барьеров. Практические упражнения могут включать:

4.1. Артикуляционные разминки (скороговорки, смена ритма и тональности).

4.2. Речевые этюды на разные настроения (радость, гнев, страх, тоска).

4.3. Работа с резонаторами (дыхательные практики, пение звуков «м», «н», «р» и т.д.).

Регулярная практика улучшает не только технический аспект речи, но и снимает психологическую скованность, позволяя чувствовать свой голос как инструмент, который можно смело использовать.

5. Методики партнёрского взаимодействия

Часто психологические блоки актёров усиливаются, когда они чувствуют себя в одиночестве на сцене. Однако театр – это искусство взаимодействия. Работа с партнёром помогает снять фокус с себя и переключить внимание на задачу сцены:

5.1. Упражнения на «обмен импульсами»: один партнёр даёт эмоциональный импульс (жест, слово, интонацию), второй его принимает и развивает.

5.2. Импровизации в парах: когда актёры «кидают» друг другу реплики, жесты, реакции, быстро подхватывая их, не размышляя слишком долго, «как это будет выглядеть».

5.3. Задания по типу «зеркало», когда один воспроизводит движение другого, учатся синхронизировать темпоритм, ощущать совместное творчество.

Когда у актёра есть ощущение надёжной поддержки партнёра, психологический барьер ослабевает, потому что внимание переключается с внутренних страхов на взаимодействие, на выполнение совместной сценической задачи.

7. Проявление креативности. Не стоит останавливаться в своём развитии, постоянно совершенствовать свои креативные компетенции, не уподобляясь автомату (механически совершать профессиональные актерские операции). Креативный взгляд на проблему позволяет увидеть ее с различных сторон, в том числе и те аспекты, где все сложности проблемы креативный субъект может увидеть новые возможности.

Пошаговая экспозиция к стрессовым ситуациям.

Если у актёра панический страх перед сценой или публичными выступлениями, можно использовать принцип постепенной экспозиции к пугающим ситуациям. Суть в том, чтобы поэтапно приучать себя к стрессу:

1. Сначала – небольшие выступления в знакомом кругу, где присутствуют только однокурсники или друзья, которые поддерживают.

2. Затем – участие в читках, малых формах, когда есть хоть немного аудитории.

3. Позже – игра в камерном спектакле с небольшим количеством зрителей.

4. И наконец, выход на более крупную сцену.

Важно оценивать прогресс после каждого шага и делать выводы: что сработало, что пошло не так, какие ощущения помогли преодолеть страх. Постепенно мозг перестраивается и перестаёт воспринимать сцену как «только источник опасности».

7. Поиск вдохновения и примеров.

Многие актёры признаются, что вдохновляются, наблюдая за коллегами, которые мастерски преодолели собственные барьеры. Иногда услышать историю другого человека, сумевшего пройти через схожие трудности, – уже само по себе сильный мотиватор. Помимо живого общения, можно смотреть интервью актёров, рассматривать биографии культовых личностей театра и кино, чтобы понять, через какие этапы они проходили в своём творчестве.

Поддержка со стороны и работа с профессионалами

Борьба с психологическими блоками – это долгий путь, требующий осознанных усилий и времени. Иногда самым эффективным решением может быть обращение к узким специалистам:

– *Психолог или психотерапевт*: если блоки сильно укоренились и связаны с серьёзными внутренними конфликтами, профессиональная помощь

помогает выявить глубинные причины и методично работать над их преодолением.

– *Актёрский коуч*: человек, знающий специфику именно актёрской профессии, может дать конкретные упражнения и задания, которые «прокачают» требуемые навыки и одновременно снизят напряжение.

– *Педагог по сценической речи*: проработка дыхания, дикции, голосовых зажимов под руководством опытного преподавателя даёт ощутимый прорыв.

– *Хореограф или пластический тренер*: поможет научиться «говорить» телом, устранить мышечные зажимы, улучшить координацию и пластику.

Нередко актёрам полезно работать в группах психологической поддержки, где коллеги делятся своими страхами, переживаниями, вместе выполняют упражнения на раскрепощение. Общая атмосфера принятия и взаимопомощи способна дать мощный толчок для освобождения от блоков.

8. Профилактика возвращения блоков.

Преодолеть внутренние зажимы – это лишь часть задачи. Важно сформировать для себя такую систему, при которой вероятность повторного возникновения тех же блоков минимальна. Полезно:

– *Выстраивать режим дня*: качественный сон, правильное питание, физическая активность – всё это непосредственно влияет на психику и способность сопротивляться стрессу.

– *Продолжать самонаблюдение*: вести дневник или хотя бы периодически отслеживать, не появились ли вновь старые мыслительные ловушки (например, перфекционизм, страх осуждения).

– *Оценивать себя реалистично*: учиться замечать свои успехи и фиксировать, в чём вы стали сильнее. Любой, даже маленький прогресс заслуживает признания.

– *Регулярно практиковать актёрские упражнения*: это не только разогрев перед выходом на сцену, но и ежедневная «тренировка» психики и тела: речевые разминки, пластические этюды, чтение текстов вслух, работа с воображением.

– *Создавать поддерживающее окружение*: по возможности выбирайте для общения людей, которые уважают вашу профессиональную дея-

тельность, дают конструктивную обратную связь и не стремятся подавить вашу уверенность.

Когда такие привычки становятся рутиной, многое в психике стабилизируется. Актёр начинает ощущать, что он – хозяин собственной игры, собственного голоса и тела, а не заложник чужой оценки или случайных неудач.

Выводы

Психологический стресс – проблема, с которой сталкивается большинство актёров на том или ином этапе карьеры. Однако это вовсе не приговор к творческому застою. Важно помнить, что корни страхов и зажимов часто идут гораздо глубже, чем кажется. Поэтому эффективная работа над ними должна включать: осознанный анализ собственных установок; овладение техниками расслабления и саморегуляции; телесно-ориентированные и голосовые практики, снимающие мышечные зажимы; активное взаимодействие с партнёрами и постепенное расширение зоны комфорта; профессиональную поддержку (психологов, коучей, педагогов) в случае необходимости.

Преодолевая барьеры, актёр обретает большую свободу самовыражения. И, что не менее важно, параллельно идёт не только процесс технической отработки актёрских инструментов, но и становление внутренней уверенности, которая отражается на всём образе жизни. Когда снимаются психологические блоки, а с ними и стресс, появляется возможность глубже погружаться в роль, ярче раскрывать характер персонажа, убедительнее передавать эмоции. А самое главное – возникает чувство радости и вдохновения от того, что ты делаешь, ведь искусство актёрства становится настоящим живым и подлинным.

Таким образом, борьба с психологическими стрессами – это комплексная задача, которая требует терпения, внимания к своим ощущениям и мыслям, а также постоянной практики. Каждый шаг на этом пути, будь то небольшая победа над собственным страхом или полноценный выход на большую сцену без внутренней паники, приближает актёра к свободе творчества. А свобода творчества – это то, что позволяет максимально убедительно, искренне и глубоко воплощать любую роль и эффективно (оптимального) реагирования на стрессовую ситуацию.

Список источников

1. Амелина Е.Н., Завалишина С.Ю., Козьяков Р.В., Белоножкина Н.А. Функциональные возможности студентов-первокурсников, начавших регулярные занятия спортивными танцами // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2024. № 9 (235). С. 17 – 20.
2. Борьба со стрессом и заботами психического здоровья в актерской индустрии/nacasting.ru>statii/borba-so-stressom-i-zabotami-(дата обращения: 11.02.2025)

3. Выготский Л.С. К вопросу о психологии творчества актера // Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. Научное наследство. М.: Педагогика, 1984. С. 319 – 328.
4. Галкина Ю.И. Психологические детерминанты личностно-профессионального становления будущих актеров: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: РУДН, 2011. 22 с.
5. Захава Б.Е. Мастерство актера и режиссера». М.: Просвещение, 1973. С. 17.
6. Зимарева А.А., Козьяков Р.В. Профилактика профессионального выгорания студентов // Вестник Академии управления и производства. 2023. № 2. С. 350 – 357.
7. Калинин А.Д., Карпов В.Ю., Шарагин В.И., Козьяков Р.В. Развитие дыхательной системы борцов греко-римского стиля // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2024. № 4. С. 18 – 20.
8. Квасов М.Е., Квасова А.И., Козьяков Р.В. Психологические факторы успешности спортсменов разного уровня мастерства в киберспорте: стрессоустойчивость и мотивация // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-3. С. 332 – 336.
9. Козьяков Р.В., Захаркив М.Р., Губанов А.В. Профилактика эмоционального выгорания посредством организации продуктивной креативной деятельности // Восточно-Европейский научный вестник. 2024. Т. 20. № 1. С. 60 – 62.
10. Козьяков Р.В., Минин А.И. Непосредственные методы развития креативности, для решения сложных управленческих задач // International Journal of Medicine and Psychology. 2024. Т. 7. № 8. С. 67 – 78.
11. Козьяков Р.В. Исторические аспекты продуктивности профессионального креативного мышления // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 4-1. С. 59 – 70.
12. Козьяков Р.В. Профессиональное креативное мышление как фактор повышения стрессоустойчивости личности // Человеческий капитал. 2022. № 11 (167). С. 119 – 127.
13. Козьяков Р.В. Психология профессионального креативного мышления. Москва, 2024.
14. Козьяков Р.В. Ресурсы и ресурсность профессионального креативного мышления субъекта // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-1. С. 468 – 470.
15. Комаров М.Н., Файзуллина И.И., Доронцев А.В., Козьяков Р.В. Выраженность реакции сердечно-сосудистой системы на вестибулярное раздражение у студентов-рукопашников с разной длительностью спортивного стажа // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2024. № 4. С. 27 – 29.
16. Комерова Н.Е., Гришина А.В. Образ артиста у представителей профессии и любителей сценического искусства: анализ стереотипных представлений // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2021. Т. 4. № 5. С. 37 – 47.
17. Кречетов И.А., Козьяков Р.В. Социальная среда семьи как фактор профилактики тревожности и страхов ребенка // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Т. 8. № 1. С. 167 – 173.
18. Минин А.И., Козьяков Р.В. Психологический гомеостаз группы, в корпоративной среде при адаптации к ситуации креативной деятельности // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-1. С. 485 – 489.
19. Петракова А.В., Сиян М.В., Лыкова Т.А. Факторы стресса у актеров: качественное исследование // Вопросы психологии. 2024. Т. 70. № 2. С. 88 – 98.
20. Пучкова Н.Г., Макурина О.Н., Куманцова Е.С., Козьяков Р.В. Развитие выносливости в условиях длительных занятий легкой атлетикой или волейболом // Культура физическая и здоровье. 2024. № 3 (91). С. 317 – 320.
21. Селина М. (Редактор портала IQ Media НИУ ВШЭ, магистр психологии). Психологические издержки актерской профессии/ <https://iq-media.ru/career/psikhologicheskie-izderzhki-akterskoy-professii>(дата обращения: 30.01.2025)
22. Станиславский К.С. Работа актера над собой. М.: АСТ, 2017. 704 с.
23. Шестакова К.Н. Факторы профессионального выгорания актеров // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 25. С. 7.
24. Karpov V.Y., Zavalishina S.Y., Romanova A.V., Pozdnyakova I.R., Kozjakov R.V., Sharagin V.I. Effects of regular exercise on functional activity of cardio-vascular system // International Journal of Pharmaceutical Research. 2021. Vol. 13. № 1. P. 408 – 412.
25. Karpov V.Yu., Zavalishina S.Yu., Dorontsev A.V., Svetlichkina A.A., Kozjakov R.V., Yanpolsky E.A. Physiological response of the physical capabilities of adolescents with sensorineural hearing loss to regular adaptive handball // Biomedical and Pharmacology Journal. 2021. Vol. 14. № 1. P. 99 – 103.

References

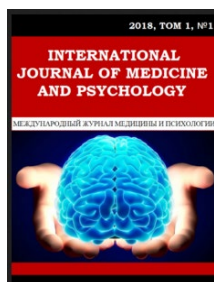
1. Amelin E.N., Zavalishina S.Yu., Kozyakov R.V., Belonozhkina N.A. Functional capabilities of first-year students who started regular sports dancing classes. *Scientific notes of P.F. Lesgaft University*. 2024. No. 9 (235). P. 17 – 20.
2. Coping with stress and mental health concerns in the acting industry/nacasting.ru/statii/borba-so-stressom-i-zabotami-(date accessed: 11.02.2025)
3. Vygotsky L.S. On the issue of the psychology of an actor's creativity. *Collected works: in 6 vols. Vol. 6. Scientific heritage*. M.: Pedagogika, 1984. P. 319 – 328.
4. Galkina Yu.I. Psychological determinants of personal and professional development of future actors: author's abstract. dis. ... candidate of psychological sciences. M.: RUDN, 2011. 22 p.
5. Zakhava B.E. *Mastery of an actor and director*. M.: Education, 1973. P. 17.
6. Zimareva A.A., Kozyakov R.V. Prevention of professional burnout of students. *Bulletin of the Academy of Management and Production*. 2023. No. 2. Pp. 350 – 357.
7. Kalinin A.D., Karpov V.Yu., Sharagin V.I., Kozyakov R.V. Development of the respiratory system of Greco-Roman wrestlers. *Physical education: upbringing, education, training*. 2024. No. 4. P. 18 – 20.
8. Kvasov ME, Kvasova AI, Kozyakov RV Psychological factors of success of athletes of different skill levels in eSports: stress resistance and motivation. *Problems of modern pedagogical education*. 2025. No. 86-3. P. 332 – 336.
9. Kozyakov RV, Zakharkiv MR, Gubanov AV Prevention of emotional burnout through the organization of productive creative activity. *East European Scientific Bulletin*. 2024. Vol. 20. No. 1. P. 60 – 62.
10. Kozyakov R.V., Minin A.I. Non-directive methods of creativity development for solving complex management problems. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2024. Vol. 7. No. 8. P. 67 – 78.
11. Kozyakov R.V. Historical aspects of the productivity of professional creative thinking/ *Psychology. Historical and critical reviews and modern research*. 2024. Vol. 13. No. 4-1. P. 59 – 70.
12. Kozyakov R.V. Professional creative thinking as a factor in increasing the individual's stress resistance. *Human capital*. 2022. No. 11 (167). P. 119 – 127.
13. Kozyakov R.V. *Psychology of professional creative thinking*. Moscow, 2024.
14. Kozyakov R.V. Resources and resourcefulness of professional creative thinking of the subject. *Problems of modern pedagogical education*. 2025. No. 86-1. P. 468 – 470.
15. Komarov M.N., Fayzullina I.I., Dorontsev A.V., Kozyakov R.V. Severity of the reaction of the cardiovascular system to vestibular irritation in hand-to-hand students with different duration of sports experience. *Physical education: upbringing, education, training*. 2024. No. 4. P. 27 – 29.
16. Komerova N.E., Grishina A.V. The image of an artist among representatives of the profession and amateurs of the performing arts: analysis of stereotypical ideas. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*. 2021. Vol. 4. No. 5. P. 37 – 47.
17. Krechetov I.A., Kozyakov R.V. Social environment of the family as a factor in the prevention of anxiety and fears in a child. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2025. Vol. 8. No. 1. P. 167 – 173.
18. Minin A.I., Kozyakov R.V. Psychological homeostasis of a group in a corporate environment during adaptation to a situation of creative activity. *Problems of modern pedagogical education*. 2025. No. 86-1. P. 485 – 489.
19. Petrakova A.V., Siyan M.V., Lykova T.A. Stress factors in actors: a qualitative study. *Questions of Psychology*. 2024. Vol. 70. No. 2. P. 88 – 98.
20. Puchkova N.G., Makurina O.N., Kumantsova E.S., Kozyakov R.V. Development of endurance in conditions of long-term athletics or volleyball training. *Physical Culture and Health*. 2024. No. 3 (91). P. 317 – 320.
21. Selina M. (Editor of the IQ Media portal of the National Research University Higher School of Economics, Master of Psychology). Psychological costs of the acting profession/ <https://iq-media.ru/career/psikhologicheskie-izderzhki-akterskoy-professii>(date of access: 30.01.2025)
22. Stanislavsky K.S. *Actor's work on himself*. Moscow: AST, 2017. 704 p.
23. Shestakova K.N. Factors of professional burnout of actors. *Psychological studies*. 2012. Vol. 5. No. 25. P. 7.
24. Karpov V.Y., Zavalishina S.Y., Romanova A.V., Pozdnyakova I.R., Kozjakov R.V., Sharagin V.I. Effects of regular exercise on the functional activity of the cardio-vascular system. *International Journal of Pharmaceutical Research*. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 408 – 412.
25. Karpov V.Yu., Zavalishina S.Yu., Dorontsev A.V., Svetlichkina A.A., Kozjakov R.V., Yanpolsky E.A. Physiological response of the physical capabilities of adolescents with sensorineural hearing loss to regular adaptive handball. *Biomedical and Pharmacology Journal*. 2021. Vol. 14. No. 1. P. 99 – 103.

Информация об авторах

Кушкин С.А., аспирант, Московский инновационный университет, kozyakovroman@yandex.ru

Козьяков Р.В., кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, Московский инновационный университет; докторант лаборатории психологии и психофизиологии творчества, Институт психологии Российской Академии наук, kozyakovroman@yandex.ru

© Кушкин С.А., Козьяков Р.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.99

¹ Пугачева Е.В.,

² Тымчиков А.Ю.,

¹ Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований,

² Сочинский государственный университет

Практические рекомендации по повышению психологической готовности к соревнованиям (чемпионатам) по профессиональному мастерству

Аннотация: в статье представлен обзор исследований по решению в психологии задачи повышения психологической готовности к определённому виду деятельности, что возможно при использовании нескольких подходов, в частности подхода по формированию внутреннего позитивного настроения на предстоящую деятельность, психологическое программирование успешности и подхода, связанного с саморегулируемым обучением, а также шести ступенчатой программой Х.Циммермана. Описано содержание рекомендаций по подготовке к соревнованиям (чемпионатам) по профессиональному мастерству «Профессионалы», проведена апробация предложенных рекомендаций, описан проведённый формирующий эксперимент по подтверждению эффективности предложенных рекомендаций по подготовке к соревнованиям (чемпионатам) по профессиональному мастерству «Профессионалы».

Ключевые слова: психологические детерминанты готовности участников к соревновательной деятельности и победе, основные (главные) психологические детерминанты готовности к соревновательной деятельности по профессиональному мастерству, рекомендации по подготовке к соревнованиям (чемпионатам) по профессиональному мастерству «Профессионалы»

Для цитирования: Пугачева Е.В., Тымчиков А.Ю. Практические рекомендации по повышению психологической готовности к соревнованиям (чемпионатам) по профессиональному мастерству // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 235 – 242.

Поступила в редакцию: 26 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 28 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Pugacheva E.V.,

² Tymchikov A.Yu.,

¹ Federal Research Center for Psychological and Interdisciplinary Research,

² Sochi State University

Practical recommendations for improving psychological readiness for professional skills competitions (championships)

Abstract: the article provides an overview of research on solving the problem of increasing psychological readiness for a certain type of activity in psychology, which is possible using several approaches, in particular the approach to forming an internal positive attitude towards upcoming activities, psychological programming of success and the approach associated with self-regulated learning, as well as the six-step program of H. Zimmerman. The content of recommendations on preparation for competitions (championships) in professional skills «Professionals» is described, the proposed recommendations are tested, and the formative experiment conducted to confirm the effectiveness of the proposed recommendations on preparation for competitions (championships) in professional skills «Professionals» is described.

Keywords: psychological determinants of participants' readiness for competitive activity and victory, the basic (main) psychological determinants of readiness for competitive activity in professional skills, recommendations for preparing for competitions (championships) in professional skills «Professionals»

For citation: Pugacheva E.V., Tymchikov A.Yu. Practical recommendations for improving psychological readiness for professional skills competitions (championships). International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 235 – 242.

The article was submitted: March 26, 2025; Approved after reviewing: May 28, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Ранее проведённые нами исследования личностно-профессиональных характеристик победителей и призёров профессиональных конкурсов дали возможность выделить психологические детерминанты, определяющие готовность участников к соревновательному процессу и достижению победы:

- высокий уровень самостоятельности в процессе подготовки к профессиональному конкурсу;
- использование психологических установок;
- формирование образа «Я-победитель» для укрепления уверенности в своих действиях и успехе;
- активное применение анализа действий и стратегий соперников;
- самоанализ своих поступков и качеств;
- поддержка и одобрение наставников;
- техническая и инструментальная готовность;
- способность к рефлексии [9, с. 170].

Материалы и методы исследований

Продолжая экспериментальные исследования, мы выделили ключевые психологические детерминанты, влияющие на готовность участников к конкурсам профессионального мастерства и их потенциальный успех:

- сила личности;
- уверенность в себе;
- выраженная потребность в достижениях и победах;
- адекватная самооценка;
- высокий уровень рефлексии;
- умелое применение психологических методов самовоздействия;
- высокий уровень развития личностно-профессиональных характеристик;
- рациональная самостоятельность при подготовке [10, с. 216].

Определение основных (главных, ключевых) психологических детерминантов готовности к соревновательной деятельности по профессиональному мастерству позволяет решить важную научно-практическую задачу продуктивного повышения готовности за счёт развития выявленных пси-

хологических детерминантов. Что, в том числе необходимо для развития профессионализма субъектов соревновательной деятельности [1].

Традиционно, в психологии задача повышения психологической готовности к конкретному виду деятельности решалась несколькими подходами, один из таких подходов – формирование внутреннего позитивного настроя на предстоящую деятельность, психологическое программирование успешности [6, 11]. Создание подобного внутреннего позитивного отношения становится возможным при значительном развитии инструментальной подготовки, а именно при наличии нужных знаний, умений и навыков, а также при соответствующем уровне развития личностно-профессиональных качеств и характеристик.

Следующий подход в повышении психологической готовности к деятельности это саморегулируемое обучение которое определяется как процесс, в рамках которого учащиеся в процессе обучения ставят перед собой цели обучения, а затем отслеживают, регулируют и контролируют свои познания, намерения и поведение, руководствуясь не только своими целями, но и особенностями окружающей среды [12], таким образом, по мнению Х.Циммермана во время учёбы возникает взаимодействие между тремя переменными: когнитивными (представлениями об успешности деятельности), поведенческими (вовлечённость в процесс решения задачи) и средовыми (оценка деятельности наставником) факторами [2, с. 124].

Результаты и обсуждения

Распространение получила шести ступенчатая программа Х.Циммермана. Она включает:

- формирование положительного отношения к себе, своим способностям и возможностям эффективно выполнять предстоящую деятельность;
- чёткую постановку целей и задач будущей деятельности;
- общее и детальное планирование;
- определение главных приоритетов в будущей деятельности;
- реализация поставленных целей;
- контроль и подведение итогов [13].

Реализация данной программы применительно к рассматриваемой проблеме возможна в случае, когда у участников соревнований по профессиональному мастерству сформировано адекватное, чёткое и непротиворечивое представление о будущей соревновательной деятельности. Такое представление формируется с опытом, на основе исчерпывающей информации относительно соревновательной деятельности по профессиональному мастерству, а также в результате психологического моделирования соревновательной ситуации. Психологическое моделирование позволяет обоснованно повысить самостоятельность, инициативность, дисциплинированность, организованность, ответственность, настойчивость, познавательную активность и, в конечном счёте, уверенность субъектов соревновательной деятельности по профессиональному мастерству.

Опыт прикладных психологических исследований свидетельствует, что для успешного развития психологических детерминантов, влияющих на готовность к соревновательной деятельности в профессиональном мастерстве, целесообразно создание специальных рекомендаций по подготовке к таким соревнованиям.

Эти рекомендации формировались с учётом взглядов и оценок группы приглашённых экспертов – опытных наставников (тренеров) и судей, которые работают с участниками чемпионатов профессиональных навыков «Профессионалы», высоко квалифицированных специалистов (экспертов) в областях психологии труда, психологии обучения. Рабочие варианты рекомендаций обсуждались на заседаниях кафедры общей психологии и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет», заседаниях лаборатории управления человеческим капиталом и организационного поведения ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», по итогам полученных замечаний в рекомендации вносились корректировки и уточнения.

Апробация рекомендаций была осуществлена в рамках подготовки студентов колледжей г. Сочи к чемпионатам профессионального мастерства «Профессионалы».

Содержание рекомендаций

1. Отработка навыков при подготовке к чемпионатам профессионального мастерства «Профессионалы».

Под навыком мы понимаем умение выполнять определённую комбинацию операций, целью которой является создание ценного результата (продукт, услуга).

Любой навык, как двигательный, так и связанный с мышлением – это комбинация нейронных связей. Как при выполнении движений, так и при мыслительной деятельности в мозге протекают одни и те же физико-химические процессы: генерация электрического импульса нервной клеткой, передача сигнала другой нервной клетке сначала электрическим сигналом, а затем с помощью химических посредников – нейромедиаторов, захват нейромедиаторов рецепторами следующей нервной клетки, генерация импульса и передача к следующей нервной клетке либо к непосредственно исполнительному органу.

Любые активности в мозге – инициация движения мышц, мысль, эмоции, представление образов – протекают по этому алгоритму и отличаются друг от друга только участвующими в передаче информации нейромедиаторами, а также составом и количеством вовлечённых в передачу сигнала нейронов.

Чем чаще задействуются одни и те же нейронные связи, тем они эффективнее начинают передавать сигналы. Со временем формируется автоматизм.

На закрепление сложных навыков до состояния автоматизма уходит в среднем около 3-4 месяцев.

Основным принципом эффективной отработки навыков является *многократное повторение правильных действий и избегание неправильных.*

2. Творческие задания.

Можно считать, что с точки зрения функций мозга, творческий процесс – это составление новых картин, но из старых имеющихся в запасе образов. То есть, человек может комбинировать образы по новой схеме, набирая их из опыта взаимодействия с окружающим миром. Фактически, *способность к творчеству* можно рассматривать как комбинацию накопленного опыта, способности мозга разбирать этот опыт на элементарные составляющие и склеивать их по новой схеме.

Без накопленного опыта феномена творчества не существует. Понимая это, на тренировках отработывают огромное количество разнообразных вариантов элементарных модулей, которые могут быть включены в конкурсное задание чемпионата. Смысл этой технологии в идеальной наработке огромного количества готовых решений. Такая наработка полезна не только для выступления на чемпионатах профессионального мастерства «Профессионалы», она полезна и для работы в индустрии. При отработке навыков по составлению готовых решений попутно тренируются навыки выполнения составляющих элементов – нарабатывается коллекция образов, которая будет исполь-

зоваться специалистом при решении реальных рабочих задач.

3. Особенности тренировки операций.

Каждое произвольное движение – это определённая схема нейронных связей в мозге. Сотни мышц, которые напрягаются и расслабляются, чтобы выполнить сложное движение, управляются сигналами из мозга, которые передаются через тысячи нервных клеток.

Например, если стоит задача положить на полку перед собой какой-то предмет, то его можно положить по разной траектории и разными руками. С точки зрения результата – он будет одинаковый, независимо от выбранной траектории или того, какой рукой вы это сделали. Но с точки зрения нейронных связей – они будут разные для каждого из вариантов. Таким образом, если использовать разные комбинации движений, то навык будет формироваться значительно дольше.

Оптимальный способ отработки навыков для чемпионата: 1) запишите на видео выполнение конкурсного задания, 2) просмотрите видеозапись вместе с участником, 3) проанализируйте, насколько операции выполняются оптимально с точки зрения зарабатывания баллов и скорости, и все ли они нужны, исключите лишние, 4) отрабатывайте до автоматизма только правильные движения, включая позу, положение рук и ног, 5) увеличивайте скорость выполнения операций только после того, как достигнута безошибочность.

4. Содержание тренировочного курса.

Оптимальный тренировочный курс, придерживаясь которого, можно обеспечить высокие результаты в компетенциях. включает в себя следующие этапы: первичная оценка и анализ навыков, первая установочная тренировка, основная тренировка, вторичная оценка и анализ навыков, вторая установочная тренировка. Каждый из перечисленных этапов имеет присущую ему цель.

4.1. Первичная оценка и анализ навыков.

Такая оценка необходима для определения слабых и сильных сторон в подготовке конкурсанта. Для правильного проведения оценки конкурсант должен выполнить примерное конкурсное задание в условиях, максимально приближенных к тем, что создаются на чемпионате, то есть в установленное время, при отсутствии помощи от тренеров и экспертов, условия на тренировочной площадке должны максимально соответствовать условиям площадки, где будет проходить чемпионат и оценка должна осуществляться по тем же критериям, что и на чемпионате.

Важно, чтобы на этом этапе среди оценивающих присутствовал эксперт-ментор, который будет проводить следующий этап тренировочного

курса – *Установочную тренировку*. Как правило, для этой роли приглашают эксперта с опытом системной подготовки победителей конкурсов.

Оценка работы конкурсанта на этом этапе должна быть максимально жёсткой. Если есть малейшая причина для вычета баллов, оценку нужно снижать. Лучше получить более низкие результаты на этапах, чтобы подтянуть слабые места, чем на чемпионате возмущаться по поводу «несправедливого судейства» и уехать ни с чем.

Ментор должен помочь экспертно-тренерской команде понять, за какие недостатки могут вычитаться баллы.

4.2. Первая установочная тренировка.

По результатам предыдущего этапа возникает понимание в каких аспектах схемы оценки у участника происходит провал в навыках, а какие навыки отработаны достаточно хорошо. На установочной тренировке ментор даёт рекомендации и показывает практические приёмы отработки выявленных слабых мест.

4.3. Основная тренировка.

На этом этапе конкурсант под контролем своих тренеров отрабатывает навыки, сформированные на первой установочной тренировке. В период основной тренировки рекомендуется придерживаться следующей последовательности: сначала отработка деталей операций и отдельных навыков, а затем выполнение модулей конкурсного задания.

Тренировка должна сниматься на видео для её последующего анализа.

4.4. Вторичная оценка и анализ навыков.

Эта оценка проводится после завершения основной тренировки, для участия в ней приглашается ментор. Эксперты оценивают динамику результатов конкурсанта относительно первой оценки навыков. Задача – выявить навыки, которые по-прежнему недостаточно проработаны.

4.5. Вторая установочная тренировка.

В ходе этого этапа, необходимо обеспечить понимание самим конкурсантом причин недоработки отдельных навыков, которые не удалось правильно сформировать в процессе основной тренировки, и помочь ему их скорректировать.

После этого этапа у конкурсанта, его тренеров и экспертов должна появиться полная информация по методам правильной тренировки навыков, необходимых для успешного результата.

5. Ежедневные отчёты конкурсантов.

Система ежедневных отчётов конкурсантов по итогам тренировок позволяет достигать нескольких важных целей. Во-первых, формальная фиксация на бумаге или в электронном документе закрепляет знания. Во-вторых, участник сможет впоследствии при повторении проблемы восста-

новить исходную информацию, зафиксированную в отчёте. В-третьих, у эксперта и тренера появляется возможность дополнительного контроля за действиями и выводами конкурсантов, чтобы, при необходимости, своевременно корректировать их.

Важно сразу отметить, что в системе подготовки чемпионов лежит принцип: инициатива тренироваться должна исходить от конкурсанта. Тренеры и эксперты – это всего лишь ресурсы конкурсанта, но не погонялы, которые принуждают его что-то изучать.

Например, тренер в начале тренировки ставит перед конкурсантом задачу. Конкурсант самостоятельно ищет её решение. К тренеру он может обратиться только за советом или в случае, если сам не может найти решение за разумное время. В такой системе тренер выполняет роль наставника, который помогает конкурсанту получить знания и навыки, а не заставляет его.

6. Визуализация важной информации.

Полезный инструмент для лучшего усвоения материала - это доска визуализации. Обычно, это белая магнитная доска, на которой можно фиксировать важную визуальную и текстовую информацию. На такой доске могут висеть инструкции с необходимыми фотографиями о причинах и способах решения последних выявленных проблем, а также «*Таблица приращения результатов*».

7. Таблица приращения результатов.

Это инструмент мониторинга динамики изменения результатов тренировок. Он позволяет понимать, как текущий результат конкурсанта отличается от целевого, под которым понимаем количество баллов, необходимое для победы в чемпионате. После каждого этапа оценки необходимо размещать результаты конкурсанта на информационных досках тренировочного центра, чтобы конкурсант регулярно видел своё текущее положение.

8. Непрерывный тренировочный процесс.

Тренировочный процесс должен быть непрерывным с момента начала подготовки к чемпионату. Непрерывность не означает отсутствие отдыха или переключений на другую деятельность. Непрерывность означает, что даже если участник отдыхает от тренировок или периодически занимается деятельностью, не связанной с прямой подготовкой к чемпионату (например, учится), он должен придумать, как сделать так, чтобы эта деятельность приближала его к результату. Иначе вероятность результата будет снижаться и зависеть от того, как будут готовиться его конкуренты, и смогут ли они обеспечить непрерывность процесса. У каждого конкурсанта свой оптимальный цикл «нагрузка-расслабление», его важно пра-

вильно определить, для рационального использования ресурсов организма, что бы избежать перегрузки организма и состояния его перетренированности, что может привести к физической усталости, и эмоциональному выгоранию.

9. Самооценка.

Тренировки в режиме профессионального спортсмена достаточно быстро могут развить некоторые навыки конкурсанта до уровня, превышающего уровень навыков профессионалов из индустрии. Это не делает конкурсанта профессионалом, но может вызвать иллюзию «высокого уровня подготовки» и «готовности к победе», что приведёт к расслаблению и снижению интенсивности тренировок. Эффективная подготовка невозможна без объективного критического самоанализа. Если сам конкурсант не способен адекватно оценивать свой уровень и склонен к его переоценке, рекомендуется устраивать спарринги с профессионалами из индустрии и бывшими чемпионами. Условия такого спарринга должны быть *сложнее для конкурсанта*. Проще всего установить ему более жёсткие временные рамки.

Бывает, что и такие спарринги недостаточно ясно показывают конкурсанту его реальный уровень, оставляя в иллюзиях. В таком случае остаётся уповать на здравый смысл самого конкурсанта и попробовать донести до него, что ощущение собственной «100% готовности» к победе - большая торпеда в корабль его надежд. «Корона на голове» создаёт проблемы для карьерного роста, так как люди не любят «звёзд» рядом с собой. Но и культивировать в себе самоуничижение не нужно. Это две разрушительные крайности. Причём, вторая значительно хуже, чем звёздность. Звёздность сильно мешает эффективной карьере и нормальными отношениями, но неверие в себя убивает и карьеру, и отношения. Будьте уверены в себе, но комбинируйте это с уважением к людям.

10. Имитация чемпионата.

Нами уже упоминалась имитации чемпионата как эффективный инструмент подготовки. Сейчас более подробно разберём, как они должны проводиться.

Имитации чемпионата обычно проводятся с учётом основных условий настоящего чемпионата, таких как ограничение по времени, отсутствие консультативной поддержки от экспертов и тренеров, а также наличие стрессовых факторов в виде различных внешних отвлечений.

Имитации бывают двух видов: полными, включающими все модули конкурсного задания чемпионата, и неполными – охватывающими лишь те модули, которые вызывают у участника наибольшие сложности.

Время, отведённое на выполнение модулей конкурсного задания в ходе имитации, должно составлять примерно на 30% меньше, чем время, за которое эти модули выполняются непосредственно на чемпионате.

Сокращённое время считается важным условием для корректного проведения имитации.

Учитывайте, что на чемпионате всегда возникают непредвиденные обстоятельства: то инструмент сломается, то участник не сразу поймёт нюансы, то сделает лишнюю работу, то эксперты задержат. Поэтому, если вы хотите успеть выполнить конкурсное задание на чемпионате за отведённое время, то на имитациях должны быть способны выполнить его на 30% быстрее.

11. Привлечение к тренировкам победителей и призёров прошлых чемпионатов.

Победители и призёры прошлых чемпионатов обладают двумя ключевыми компетенциями: они прекрасно знакомы со всеми деталями чемпионата с точки зрения участника, а также обладают высоким уровнем многих навыков, необходимых для выполнения конкурсных заданий.

Из бывших призёров могут выйти отличные тренеры, если у них есть дар к преподаванию.

При отсутствии такого дара они становятся великолепными спарринг-партнерами.

В любом случае, прошлые участники представляют собой важный ресурс для подготовки новых чемпионов.

Апробация рекомендаций была осуществлена в рамках подготовки студентов колледжей Краснодарского края к чемпионатам профессионального мастерства «Профессионалы».

Выборку составили 52 учащихся профессиональных образовательных организаций (колледжей) Краснодарского края: 28 мальчиков и 24 девушки, все респонденты в возрасте до 22 лет. Участниками данного исследования стали обучающиеся в профессиональных образовательных организациях Краснодарского края, в возрасте от 16 до 22 лет, принимавших участие в региональных и всероссийских чемпионатах профессионального мастерства «Профессионалы», с разным уровнем опыта практической деятельности и стрессоустойчивости. Уровень профессиональной подготовки оценивался до начала исследования.

Для измерения психологической готовности учащихся к чемпионатам по профессиональному опросник. Первый замер проводился после отбора кандидатов для участия в региональном этапе

чемпионата профессионального мастерства «Профессионалы», второй замер – после завершения подготовки кандидатов непосредственно перед началом регионального этапа чемпионата профессионального мастерства «Профессионалы», что можно трактовать, по сути, как формирующий эксперимент [4], в рамках которого с помощью специально организованных воздействий формировали определённое желаемое качество конкурсантов.

Данные двух замеров сравнивались с помощью непараметрического критерия Вилкоксона для двух связанных выборок [7]. В результате применения рекомендаций увеличились показатели искомой психологической готовности, в целом полученные результаты подтвердили эффективность предложенных практических рекомендаций.

Ещё одно, дополнительное подтверждение было получено с помощью субъективной оценки самих конкурсантов. Такую оценку мы получали в ходе анкетирования непосредственно перед началом регионального этапа чемпионата профессионального мастерства «Профессионалы», респондентов просили ответить на следующий вопрос: «Как Вы считаете, проведённые мероприятия привели к повышению Вашей психологической готовности к чемпионату профессионального мастерства «Профессионалы»?». Субъективные оценки респондентов проставлялись по 4-балльной шкале с градациями: 1 – Нет, 2 – Скорее нет, 3 – Скорее да, 4 – Да, чётное количество градаций было выбрано для исключения неопределённых ответов. Полученные результаты приведены в таблице (табл. 1) из которой видно, что большинство респондентов (свыше 75%) признали эффективность проведённых мероприятий в соответствии с рекомендациями (ответы «Скорее да» и «Да»). В то же время, довольно большой процент (почти 25%) респондентов остался недоволен эффективностью проведённых мероприятий (ответы «Скорее нет» и «Нет»). Этот факт может объясняться наличием завышенных ожиданий: некоторые респонденты считали, что после проведённых мероприятий, будут готовы к победе на региональном конкурсе профессионального мастерства «Профессионалы». Понимание же того факта, что проблема психологической готовности сложна, многогранна и требует от них значительных усилий, вызвало у таких респондентов субъективную неудовлетворённость и, соответственно, недовольство.

Таблица 1

Распределение субъективных оценок эффективности рекомендаций.

Table 1

Distribution of subjective assessments of the effectiveness of recommendations.

Оценка	Количество респондентов	
	Число	Процент
1 Нет	4	7,7%
2 Скорее нет	9	17,3%
3 Скорее да	29	55,8%
4 Однозначно да	10	19,2%
Всего ответов	52	100,0%

Выводы

В целом проведённая апробация продемонстрировала определённую эффективность успешного развития психологических детерминантов, влияющих на готовность к соревновательной деятельности в профессиональном мастерстве, в результате применения разработанных практических рекомендаций.

Установлено, что применение рекомендаций

сформированных с учётом взглядов и оценок группы приглашённых экспертов – опытных наставников (тренеров) и судей, которые работают с участниками чемпионатов профессиональных навыков «Профессионалы», высоко квалифицированных специалистов (экспертов) в областях психологии труда, психологии обучения, увеличивает показатели искомой психологической готовности.

Список источников

1. Бодров В.А. Профессиогенетический подход к проблеме формирования профессионала // Психология субъекта профессиональной деятельности/ под ред. А.В. Брушлинского и А.В. Карпова. М.-Ярославль: ДИА-пресс, 2001. С. 54 – 72.
2. Вилкова К.А. Измерение саморегулируемого обучения: обзор инструментов // Электронный журнал «Современная зарубежная психология». 2020. Т. 9. № 2. С. 123 – 132.
3. Гайдамашко И.В., Бабичев И.В. Модель психологического сопровождения подготовки юных спортсменов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (94). С. 203 – 209.
4. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология: учебник для вузов. 2-е изд., доп. М.: Юрайт, 2025. 386 с.
5. Зазыкин В.Г., Посохова А.В. Сделай свою карьеру. Карьерный потенциал личности: самоанализ и саморазвитие. М.: ДеЛибри, 2021. 272 с.
6. Караваева Л.П. Акмеологический подход к исследованию социально-психических факторов успешности профессиональной деятельности // Акмеология. 2007. № 4. С. 26 – 33.
7. Наследов А. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013. 416 с.
8. Тымчиков А.Ю., Шабельников С.Н. Пособие по подготовке к соревнованиям по стандартам WorldSkills. URL: <http://worldskills.ru> (дата обращения 15.02.2022). 89 с.
9. Пугачева Е.В., Тымчиков А.Ю. Психологические детерминанты готовности к соревновательной деятельности в конкурсах по профессиональному мастерству // Человеческий капитал 2022. № 8 (164). С. 166 – 171.
10. Тымчиков А.Ю., Пугачева Е.В. Основные психологические детерминанты готовности участников конкурсов по профессиональному мастерству к успешному выступлению // Вестник университета. 2023. № 3. С. 211 – 217.
11. Черепкова Е.В. Формирование психологической готовности к профессиональной деятельности курсантов военных вузов: автореф. дисс. канд. психол. наук. М., 2002. 23 с.
12. Pintrich P.R. The Role of Goal Orientation in Self-Regulated Learning // Handbook of Self-Regulation. Academic Press, 2000 P. 451 – 502. DOI:10.1016/B978-012109890-2/50043-3
13. Zimmerman B.J. Self – Regulated Learning and Academic Achievement: an Overview // Educational Psychologist. 1990 Vol. 25 № 1. P. 3 – 17. DOI:10.1207/s15326985ep2501_2

References

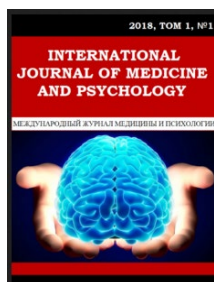
1. Bodrov V.A. Profession-genetic approach to the problem of professional formation. Psychology of the subject of professional activity. edited by A.V. Brushlinsky and A.V. Karpov. M.-Yaroslavl: DIA-press, 2001. P. 54 – 72.
2. Vilkova K.A. Measuring self-regulated learning: a review of tools. Electronic journal "Modern Foreign Psychology". 2020. Vol. 9. No. 2. P. 123 – 132.
3. Gaidamashko I.V., Babichev I.V. Model of psychological support for the training of young athletes. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (94). P. 203 – 209.
4. Druzhinin V.N. Experimental Psychology: a textbook for universities. 2nd ed., suppl. M.: Yurait, 2025. 386 p.
5. Zazykin V.G., Posokhova A.V. Make your career. Career potential of the individual: self-analysis and self-development. M.: DeLibri, 2021. 272 p.
6. Karavaeva L.P. Acmeological approach to the study of socio-psychological factors of success in professional activity. Acmeology. 2007. No. 4. P. 26 – 33.
7. Nasledov A. IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: professional statistical data analysis. SPb.: Piter, 2013. 416 p.
8. A.Yu. Tymchikov, S.N. Sha-bel'nikov Manual for preparation for competitions according to WorldSkills standards. URL: <http://worldskills.ru> (date of access 15.02.2022). 89 p.
9. Pugacheva E.V., Tymchikov A.Yu. Psychological determinants of readiness for competitive activity in professional skills competitions. Human capital 2022. No. 8 (164). P. 166 – 171.
10. Tymchikov A.Yu., Pugacheva E.V. The main psychological determinants of the readiness of participants in professional skills competitions for successful performance. Bulletin of the University. 2023. No. 3. P. 211 – 217.
11. Cherepkova E.V. Formation of psychological readiness for professional activity of cadets of military universities: author's abstract. diss. candidate of psychological sciences. M., 2002. 23 p.
12. Pintrich P.R. The Role of Goal Orientation in Self-Regulated Learning. Handbook of Self-Regulation. Academic Press, 2000 R. 451 – 502. DOI:10.1016/B978-012109890-2/50043-3
13. Zimmerman B.J. Self – Regulated Learning and Academic Achievement: an Overview. Educational Psychologist. 1990 Vol. 25 No. 1. P. 3 – 17. DOI:10.1207/s15326985ep2501_2

Информация об авторах

Пугачева Е.В., кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, pugacheva.elena@mail.ru

Тымчиков А.Ю., аспирант, Сочинский государственный университет, katorse@yandex.ru

© Пугачева Е.В., Тымчиков А.Ю., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.9.075

¹Дерягина Л.Е.,

¹Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя

Взаимосвязь структуры интеллекта и особенностей темперамента, как базовых характеристик личности

Аннотация: актуальность исследования определяется тем, что существующие исследования часто рассматривают интеллект и темперамент отдельно, что ограничивает возможность комплексного анализа и применения полученных знаний в практике. Целью работы было установить взаимосвязь структуры интеллекта и характеристик нервной системы у молодых людей, обучающихся в высшем учебном заведении гуманитарной направленности. В исследовании приняли участие 34 человека (16 человек – 1 курс ($17,94 \pm 0,93$ лет), 18 человек – 4 курс ($20,56 \pm 0,98$ лет)) студентов гуманитарного вуза. Все обследованные дали информированное согласие на проведения исследования, на момент обследования были практически здоровы, не имели хронических заболеваний. Используемые методики: тест структуры интеллекта Р.Амтхауэра; опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ) В.М. Русалова; методика изучения свойств нервной системы Я. Стрелая (адаптация Н.Н. Даниловой, А.Г. Шмелева). Анализ полученных результатов не выявил статистически значимых различий между юношами и девушками. Сравнение по принципу принадлежности к курсу обучения продемонстрировало статистически значимую разницу по всем параметрам интеллекта, части параметров темперамента (эргичность интеллектуальная, пластичность психомоторная и скорость психомоторная) и свойств нервной системы (торможение) между студентами 1 и 4 курсов. Установлена взаимосвязь структуры интеллекта и характеристик нервной системы у молодых людей, обучающихся в высшем учебном заведении гуманитарной направленности. Доминирование в структуре корреляционных связей пространственных способностей указывает на адаптивный характер взаимодействия в континууме «интеллект – темперамент».

Ключевые слова: интеллект, темперамент, свойства нервной системы

Для цитирования: Дерягина Л.Е. Взаимосвязь структуры интеллекта и особенностей темперамента, как базовых характеристик личности // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 243 – 250.

Поступила в редакцию: 26 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 28 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹Deryagina L.E.,

¹Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

The relationship between the structure of intelligence and temperament characteristics, as basic personality characteristics

Abstract: the relevance of the study is determined by the fact that existing studies often consider intelligence and temperament separately, which limits the possibility of a comprehensive analysis and application of the acquired knowledge in practice. The aim of the work was to establish the relationship between the structure of intelligence and the characteristics of the nervous system in young people studying at a higher educational institution with a humanitarian focus. The study involved 34 people (16 people - 1st year (17.94 ± 0.93 years old), 18 people - 4th year (20.56 ± 0.98 years) of students of a humanitarian university. All subjects gave informed consent for the

study, were practically healthy at the time of the examination, had no chronic diseases. The methods used: R. Amthauer's intelligence structure test; questionnaire of formal-dynamic properties of individuality (QFDPI) by V.M. Rusalov; technique for studying the properties of the nervous system by Ya. Strelyau (adapted by N.N. Danilova, A.G. Shmelev). The analysis of the obtained results did not reveal statistically significant differences between boys and girls. Comparison based on the principle of belonging to the course of study demonstrated a statistically significant difference in all parameters of intelligence, some parameters of temperament (intellectual ergicity, psychomotor plasticity and psychomotor speed) and properties of the nervous system (inhibition) between 1st and 4th year students. A relationship was established between the structure of intelligence and the characteristics of the nervous system in young people studying at a higher educational institution with a humanitarian focus. The dominance of spatial abilities in the structure of correlations indicates the adaptive nature of interaction in the continuum "intelligence – temperament".

Keywords: intelligence, temperament, properties of the nervous system

For citation: Deryagina L.E. The relationship between the structure of intelligence and temperament characteristics, as basic personality characteristics. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 243 – 250.

The article was submitted: March 26, 2025; Approved after reviewing: May 28, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Основным критерием выделения интеллекта как самостоятельной реальности является его функция в регуляции поведения. Когда говорят об интеллекте как некоторой способности, то в первую очередь опираются на его адаптационное значение. Интеллект, как полагал В. Штерн, есть некоторая общая способность приспособления к новым жизненным условиям [12]. Согласно Л. Полани, интеллект относится к одному из способов приобретения знаний. Но, на взгляд большинства других авторов, приобретение знаний (ассимиляция, по Ж. Пиаже) выступает лишь побочной стороной процесса применения знаний при решении жизненной задачи [8].

Темперамент определялся В.М. Русаловым, как наследственно обусловленная структура формально-динамических характеристик поведения, которые устойчивы в течение длительного периода жизни и сформировались в деятельности под влиянием биологических детерминант [10]. Б.М. Теплов дает следующее определение темперамента: «Темпераментом называется характерная для данного человека совокупность психических особенностей, связанных с эмоциональной возбудимостью, т.е. быстротой возникновения чувств, с одной стороны, и силой их – с другой» [11]. Свойства нервной системы – устойчивые особенности нервной системы, влияющие (при прочих равных условиях) на индивидуальные психологические особенности человека. Не предопределяя его социальную ценность, не обуславливая непосредственно содержательную сторону психики, свойства нервной системы являются физиологической основой формально динамической стороны пове-

дения, образуя почву, на которой легче формируются одни формы поведения, труднее – другие [2]. Существующие исследования часто рассматривают эти аспекты отдельно, что ограничивает возможность комплексного анализа и применения полученных знаний в практике. Важно определить, как различные составляющие темперамента и свойства нервной системы могут влиять на проявление интеллектуальных способностей и, наоборот, как уровень интеллекта может оказывать влияние на темпераментные характеристики личности.

Целью работы было установить взаимосвязь структуры интеллекта и характеристик нервной системы у молодых людей, обучающихся в высшем учебном заведении гуманитарной направленности.

Материалы и методы исследований

В исследовании приняли участие 34 человека (16 человек – 1 курс ($17,94 \pm 0,93$ лет), 18 человек – 4 курс ($20,56 \pm 0,98$ лет)) студентов гуманитарного вуза (9 юношей и 25 девушек). Все обследованные дали информированное согласие на проведения исследования, на момент обследования были практически здоровы, не имели хронических заболеваний.

Тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра разрабатывался, в первую очередь, для диагностики уровня общих способностей в парадигме профессиональной психодиагностики [4]. При его создании Р. Амтхауэр исходил из концепции, согласно которой интеллект является специализированной подструктурой в целостной структуре личности и тесно связан с другими компонентами личности, такими, как волевая и эмоциональная сферы, ин-

тересы и потребности. Методика состоит из 9 разделов по 16-20 заданий в каждом. Описание заданий и образцы решений даются в инструкциях, помещенных перед каждым разделом. При начале с каждым разделом испытуемый должен хорошо разобраться с образцом решения заданий. На решение каждого субтеста отводится строго определенное время: 1 субтест – 6 минут, 2 = 6, 3 = 7; 4 = 8; 5 = 10; 6 = 7; 7 = 7; 8 = 9 и 9 субтест = 3 минуты на запоминание и 6 минут на воспроизведение. Благодаря субтестовой структуре тест позволяет дифференцированно оценивать уровень развития различных сторон интеллекта. Отдельные субтесты можно определить в следующие группы:

1. Комплекс вербальных субтестов (субтесты 1-4), предполагающий общую способность оперировать словами как сигналами и символами.

2. Комплекс математических субтестов (5, 6), предполагающий способности в области практической математики и программирования.

3. Комплекс конструктивных субтестов (7, 8), предполагающий развитые конструктивные (пространственные) способности теоретического и практического плана.

4. Комплексы теоретических (2, 4) и практических планов способностей (1, 3). Результативность по этим тестам следует сравнить попарно, чтобы более определенно высказать заключение о возможной профессиональной подготовке и успешности в обучении.

Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ) В.М. Русалова предназначен для диагностики свойств «предметно-деятельностного» (психомоторная и интеллектуальная сферы) и «коммуникативного» аспектов темперамента [7]. В.М. Русалов выделял четыре базовых свойства нервной системы: эргичность – выносливость человека, как в умственном, так и в физическом плане; пластичность – способность психики легко приспосабливаться к изменяющимся, новым условиям (в поведении, в познавательных процессах), в противоположность ему – ригидность; скорость – темп реакций и поведения, в котором протекают психические процессы; эмоциональность – впечатлительность, импульсивность, чуткость к эмоциональным воздействиям и возможному несовпадению осуществляемого действия с запланированным образцом. Опросник состоит из 150 утверждений касающихся обычного

способа поведения исследуемого. Испытуемый должен дать оценку каждому утверждению, выразив, что характерно для его поведения, и что не характерно.

Методика изучения свойств нервной системы Я. Стрелю (адаптация Н.Н. Даниловой, А.Г. Шмелева). Текст опросника включает 134 суждения, описывающие различные формы поведения. Он позволяет выявить такие свойства нервной системы, как сила процессов возбуждения и торможения, а также подвижность и уравновешенность нервных процессов [7].

Для описания полученных в ходе исследования результатов была проведена статистическая обработка полученных данных с использованием программы Statistica for Windows v.10. Нормальность распределения проверяли по тесту Shapiro-Wilk для малых выборок. Распределение практически всех показателей отличалось от нормального, для сравнения групп использовались методы непараметрической статистики (для сравнения межгрупповых данных использовался критерий Манн-Уитни для независимых выборок). Для описаний показателей в группах в качестве характеристик положения и рассеяния использовались медиана и квартили (25 и 75%). Выявление взаимосвязи показателей проводилось с помощью рангового корреляционного анализа r-Спирмена. Критический уровень значимости (p) принимался равным 0,05.

Результаты и обсуждения

В нашей работе использовалась стратифицированная выборка по полу, возрасту и принадлежности к определенному курсу обучения. Анализ полученных данных по всем тестовым методикам не выявил статистически значимых различий между группами юношей и девушек. При этом все параметры находились в пределах нормативных значений для использованных методик (рис. 1, 2, 3).

Согласно исследованиям, половые различия в уровне интеллекта являются незначительными, но с большим разбросом баллов у мужчин [15, 16]. Тем не менее имеются данные, что мужчины показывают более высокие значения самооценки интеллекта, чем женщины в разных культурах [18]. В нашем случае наблюдалась тенденция к более высоким значениям по всем шкалам теста у девушек. Отсутствие статистически значимых различий объясняется высоким индивидуальным разбросом полученных данных [13].

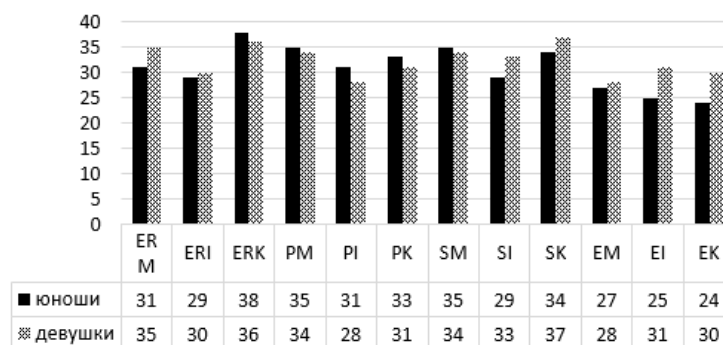

Рис. 1. Параметры темперамента по В.М. Русалову.
Fig. 1. Temperament parameters according to V.M. Rusalov.

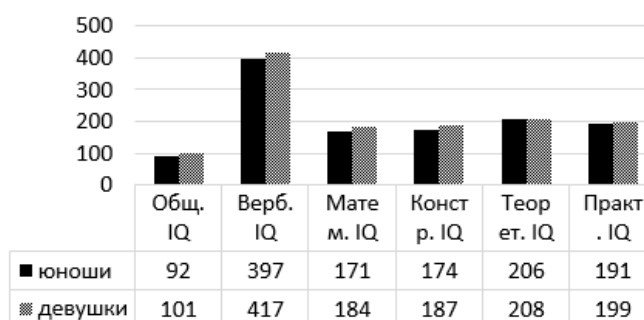

Рис. 2. Структура интеллекта по Р. Амтхауэру.
Fig. 2. The structure of intelligence according to R. Amthauer.

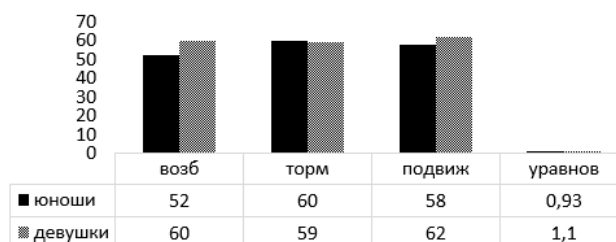

Рис. 3. Свойства нервной системы.
Fig. 3. Properties of the nervous system.

В отношении половых различий в темпераменте существуют различные мнения [3], однако, В.М. Русалов, проведя исследование на выборке 18-25 летних, пришел к выводу, что мужской пол оказывает значимое влияние на эргичность, пластичность, индивидуальный темп и эмоциональность [9]. По данным нашего исследования, статистически значимых различий параметров темперамента между юношами и девушками не обнаружено. В работе [1], проведенной на сопоставимой с нашей выборкой студентов, было обнаружено преобладание процессов торможения у девушек.

По полученным нами результатам, выявлена противоположная тенденция – преобладание процессов возбуждения и подвижности нервных процессов у девушек.

Второй принцип ранжирования включал возраст и принадлежность к определенному курсу обучения. Поскольку статистически значимых различий по половому признаку не было выявлено, группы 1 и 4 курсов рассматривались как однородные. Анализ полученных данных при таком принципе ранжирования выявил статистически значимые различия (рис. 4, 5, 6).

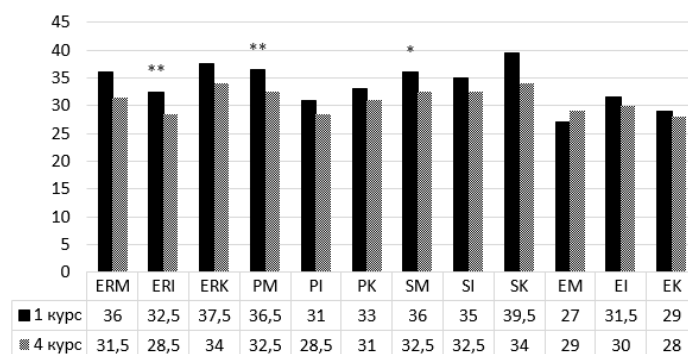

Рис. 4. Параметры темперамента по В.М. Русалову и зависимость от курса обучения.
Fig. 4. Temperament parameters according to V.M. Rusalov and dependence on the course of study.

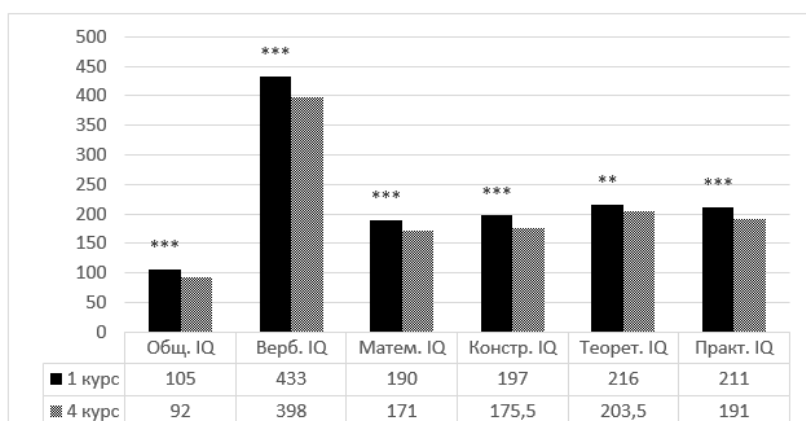

Рис. 5. Структура интеллекта по В.М. Русалову и зависимость от курса обучения.
Fig. 5. The structure of intelligence according to V.M. Rusalov and its dependence on the course of study.

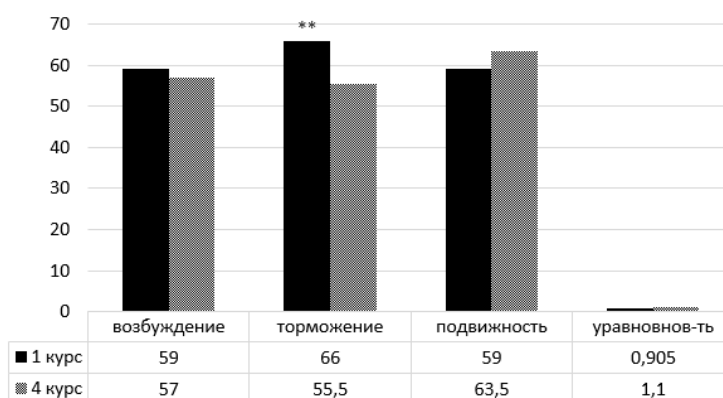

Рис. 6. Свойства нервной системы в зависимости от курса обучения.
Fig. 6. Properties of the nervous system depending on the course of study.

Обращают на себя внимание статистически значимые различия между группами 1 и 4 курсов по всем составляющим структуры интеллекта (общий IQ – $p=0,000005$; вербальные способности – $p=0,000043$; математические способности – $p=0,000058$; конструктивные (пространственные) способности – $p=0,00005$; теоретические способности – $p=0,020794$; практические способности – $p=0,000405$) (табл. 5). Причем, уровень всех составляющих был выше у группы 1 курса. Возмож-

но, полученные различия связаны с разницей в мотивации получении знаний и новизне получаемой информации: на первом курсе студенты старались получить как можно больше новой для них информации, на четвертом курсе – уже преобладали адаптационные процессы, позволяющие распределять когнитивные ресурсы. Многие исследования обнаружили достаточно сильную связь между интеллектом и показателями торможения. Бьёрклунд и Харнишфегер [14], в частности, при-

дают большое значение развитию торможения как общего двигателя изменений в процессе развития. В нашем исследовании у студентов первого курса на фоне более высоких показателей интеллекта выявлены более высокие значения силы процессов торможения ($p=0,025612$) (табл. 6). Параметры темперамента по тесту В.М. Русалова (рис. 4) также показали различия либо статистически значимо

(эргичность интеллектуальная – $p=0,006759$, пластичность психомоторная – $p=0,040079$ и скорость психомоторная – $p=0,022774$), либо на уровне тенденции (остальные параметры). Таким образом, даже при анализе медианных значений выявились различия, которые диктовали необходимость проведения корреляционного анализа (табл. 1).

Таблица 1

Корреляционные связи между параметрами структуры интеллекта, темперамента и свойств нервной системы ($p \leq 0,05$).

Table 1

Correlation relationships between the parameters of the structure of intelligence, temperament and properties of the nervous system ($p \leq 0.05$).

Интеллект	Темперамент					
	ЭРИ	ПМ	СМ	ЭМ	Сила возбуждения	Уравновешенность
Общий	0,42	0,43	-	-	-	-
Вербальный	0,34	0,35	-	-	-	-0,37
Математический	-	-	0,35	-	-	-
Пространственный	0,35	0,45	0,37	-0,37	-	-
Теоретический	-	-	-	-	-0,35	-0,35
Практический	-	0,39	0,34	-	-	-

Корреляционный анализ (табл. 1) показал наличие прямых связей средней силы между интеллектуальной эргичностью и параметрами общего, вербального и пространственного интеллекта, психомоторной пластичностью и параметрами общего, вербального, пространственного и практического интеллекта, психомоторной скоростью и параметрами математического, пространственного и практического интеллекта. При этом уровень психомоторной эмоциональности и пространственных способностей имели отрицательную связь, аналогичные отрицательные связи наблюдаются между уровнем возбуждения, уравновешенностью нервных процессов и теоретическими способностями, уравновешенностью и вербальными способностями. В целом, наибольшее количество связей приходится на пространственные (конструктивные) способности теоретического и практического плана. В работе [5] показано, что иерархическая структура пространственного интеллекта выстраивается от процессов восприятия пространственной информации об объектах окружающего мира (первый уровень) к когнитивным процессам (второй уровень) и затем – к

сложным символическим формам обобщения (третий уровень). Пространственные способности – это способности к генерированию, обработке, хранению, воспроизведению и преобразованию пространственной информации, структурированных визуальных образов, которые помогают в адаптивном существовании в окружающем мире [17].

Выводы

Полученные результаты позволяют утверждать, что цель работы достигнута, установлена взаимосвязь структуры интеллекта и характеристик нервной системы у молодых людей, обучающихся в высшем учебном заведении гуманитарной направленности. Доминирование в структуре корреляционных связей пространственных способностей указывает на адаптивный характер взаимодействия в континууме «интеллект – темперамент». Поскольку исследование проводилось методом поперечных срезов, а не лонгитюдно, полученные различия в уровне интеллекта и темперамента между учебными курсами нельзя переносить на всю генеральную совокупность без проведения дополнительных исследований.

Список источников

1. Багель Д., Аринчина Н.Г. Психологическая структура темперамента студентов с учётом половых различий // В сборнике: WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS. сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. 2018. С. 214 – 217.
2. Булаева К.Б. Генетические основы психофизиологии человека / АН СССР. Ин-т общ. генетики им. Н.И. Вавилова. М.: Наука, 1991. 207, [1] с. ил.; 22. ISBN 5-02-005847-5
3. Грошев И.В. Половые различия в проявлениях свойств темперамента // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2004. № 2. С. 170 – 177.
4. Кинякина О.Н. Мозг на 100%. Интеллект. Память. Креатив. Интуиция. М.: Эксмо, 2014. С. 56 – 57.
5. Круглик А.В. Структура пространственного интеллекта у обучающихся подросткового возраста // Личность в пространстве и времени. 2017. № 6. С. 97 – 103.
6. Ливанова И.А., Гумерова О.В. Связь серотониновой системы со свойствами нервных процессов // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2020. № 2 (55).
7. Практикум по психодиагностике личности. Дидактические материалы / Отв. ред. Н.К. Ракович. Мн.: БГПУ им. М. Танка, 2002. 248 с.
8. Полани М. Личностное знание: пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина. М.: «Прогресс», 1985. 344 с.
9. Русалов В.М. Пол и темперамент // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 6. С. 55 – 64.
10. Русалов В.М. О природе темперамента и его места в структуре индивидуальных свойств человека // Вопросы психологии. 2005. № 1. С. 43 – 48.
11. Теплов Б.М., Небылицын В.Д. Изучение основ свойств высшей нервной системы и их значение для психологии индивидуальных различий // Вопросы психологии. 2004. № 5. С. 24 – 31.
12. Штерн В. Умственная одаренность: Психологические методы испытания умственной одаренности в их применении к детям школьного возраста: пер. с нем. Изд-во: Перспектива, 2020. 128 с.
13. Anderson M. Binet's Error: Developmental Change and Individual Differences in Intelligence Are Related to Different Mechanisms // J Intell. 2017 Jun 9. № 5 (2). P. 24. doi: 10.3390/jintelligence5020024
14. Bjorklund D.F., Harnishfeger K.K. The resources construct in cognitive development: Diverse sources of evidence and a theory of inefficient inhibition // Dev. Rev. 1990. № 10. P. 48 – 71. doi: 10.1016/0273-2297(90)90004-N
15. Deary I.J., Irwing P., Der G., Bates T.C. Brother-sister differences in the g factor in intelligence: analysis of full, opposite-sex siblings from the NLSY1979 // Intelligence. 2007. Vol. 35. P. 451 – 456.
16. Neto F, Furnham A. Sex differences in parents' estimations of their own and their children's multiple intelligences: a Portuguese replication // Span J Psychol. 2011 May. № 14 (1). P. 99 – 110. doi: 10.5209/rev_sjop.2011.v14.n1.8.
17. Ramirez G., Gunderson E.A., Levine S.C., Beilock S.L. Spatial anxiety relates to spatial abilities as a function of working memory in children // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2012. Vol. 65 (3). P. 474 – 487. DOI: 10.1080/17470218.2011.616214.
18. Von Stumm S., Chamorro-Premuzic T., Furnham A. Decomposing self-estimates of intelligence: structure and sex differences across 12 nations // Br. J. Psychol. 2009. Vol. 100. P. 429 – 442.

References

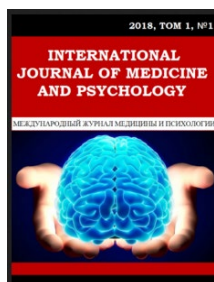
1. Bagel D., Arinchina N.G. Psychological structure of students' temperament taking into account gender differences. In the collection: WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS. collection of articles of the XVIII International scientific and practical conference: in 2 parts. 2018. P. 214 – 217.
2. Bulaeva K.B. Genetic foundations of human psychophysiology. USSR Academy of Sciences. Vavilov Institute of General Genetics. Moscow: Nauka, 1991. 207, [1] p. ill.; 22. ISBN 5-02-005847-5
3. Groshev I.V. Gender differences in the manifestations of temperament properties. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy. 2004. No. 2. P. 170 – 177.
4. Kinyakina O.N. Brain at 100%. Intelligence. Memory. Creativity. Intuition. Moscow: Eksmo, 2014. P. 56 – 57.
5. Kruglik A.V. Structure of spatial intelligence in adolescent students. Personality in space and time. 2017. No. 6. P. 97 – 103.
6. Livanova I.A., Gumerova O.V. The relationship between the serotonin system and the properties of nervous processes. Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmuulla. 2020. No. 2 (55).

7. Workshop on personality psychodiagnostics. Didactic materials. Ed. N.K. Rakovich. Mn.: BSPU im. M. Tanka, 2002. 248 p.
8. Polanyi M. Personal knowledge: trans. from English by M.B. Gnedovsky, N.M. Smirnova, B.A. Starostin. Moscow: "Progress", 1985. 344 p.
9. Rusalov V.M. Gender and temperament. Psychological journal. 1993. Vol. 14. No. 6. P. 55 – 64.
10. Rusalov V.M. On the nature of temperament and its place in the structure of individual human properties. Questions of psychology. 2005. No. 1. P. 43 – 48.
11. Teplov B.M., Nebylitsyn V.D. Study of the basics of the properties of the higher nervous system and their significance for the psychology of individual differences. Questions of psychology. 2004. No. 5. P. 24 – 31.
12. Stern V. Mental giftedness: Psychological methods of testing mental giftedness in their application to school-age children: trans. from Germ. Publisher: Perspektiva, 2020. 128 p.
13. Anderson M. Binet's Error: Developmental Change and Individual Differences in Intelligence Are Related to Different Mechanisms. J Intell. 2017 Jun 9. No. 5 (2). P. 24. doi: 10.3390/jintelligence5020024
14. Bjorklund D.F., Harnishfeger K.K. The resources construct in cognitive development: Diverse sources of evidence and a theory of inefficient inhibition. Dev. Rev. 1990. No. 10. P. 48 – 71. doi: 10.1016/0273-2297(90)90004-N
15. Deary I.J., Irwing P., Der G., Bates T.C. Brother-sister differences in the g factor in intelligence: analysis of full, opposite-sex siblings from the NLSY1979. Intelligence. 2007. Vol. 35. P. 451 – 456.
16. Neto F, Furnham A. Sex differences in parents' estimations of their own and their children's multiple intelligences: a Portuguese replication. Span J Psychol. May 2011 No. 14 (1). P. 99 – 110. doi: 10.5209/rev_sjop.2011.v14.n1.8.
17. Ramirez G., Gunderson E.A., Levine S.C., Beilock S.L. Spatial anxiety relates to spatial abilities as a function of working memory in children. The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2012. Vol. 65 (3). P. 474 – 487. DOI: 10.1080/17470218.2011.616214.
18. Von Stumm S., Chamorro-Premuzic T., Furnham A. Decomposing self-estimates of intelligence: structure and sex differences across 12 nations. Br. J. Psychol. 2009. Vol. 100. P. 429 – 442.

Информация об авторе

Дерягина Л.Е., ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5522-5950>, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, lderyagina@mail.ru

© Дерягина Л.Е., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 616.89-008.454

¹ *Ольшевская Н.С.,*

¹ *Боровая О.К.,*

¹ *Егорова Е.Н.,*

¹ *Морговка Д.Д.,*

¹ *Сивак И.Н.,*

¹ *Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Ордена Трудового Красного Знамени Медицинский*

Анализ клинических проявлений синдрома патологического накопительства, его диагностики и принципов лечения

Аннотация: в данной статье рассматривается синдром патологического накопительства (СПН), также известный как синдром Плюшкина или hoarding disorder (HD), включённый в классификации DSM-5 и МКБ-11 (код 6B24). Это психическое расстройство характеризуется навязчивым стремлением к собиранию предметов и выраженными трудностями в расставании с ними, вне зависимости от их реальной ценности. СПН сопровождается социальными, бытовыми и личностными нарушениями, а также может приводить к значительной дезорганизации жизненного пространства. В рамках этой работы акцентируется внимание на отличии СПН от синдрома Диогена, проявляющегося в социальной изоляции, пренебрежении собой и антисанитарии, что чаще наблюдается у пожилых одиноких людей. В то время как при СПН пациенты зачастую сохраняют элементарную опрятность, но проявляют компульсивное накопительство.

Статья содержит анализ этиологии, клинических проявлений и классификаций СПН, исследует его особенности с позиций психологии личности и психопатологии. Также рассматриваются современные диагностические критерии и сложности идентификации данного расстройства в клинической практике. Целью исследования является систематизация научных данных и разработка рекомендаций по эффективной диагностике и лечению СПН с учетом международных подходов и классификаций.

Ключевые слова: синдром патологического накопительства, синдром Плюшкина, синдром Диогена, хоардинг

Для цитирования: Ольшевская Н.С., Боровая О.К., Егорова Е.Н., Морговка Д.Д., Сивак И.Н. Анализ клинических проявлений синдрома патологического накопительства, его диагностики и принципов лечения // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 251 – 258.

Поступила в редакцию: 27 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 29 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Olshevskaya N.S.,

¹ Borovaya O.K.,

¹ Egorova E.N.,

¹ Morgovka D.D.,

¹ Sivak I.N.,

¹ Vernadsky Crimean Federal University,
Order of the Red Banner of Labor Medical

Analysis of clinical manifestations of pathological hoarding syndrome, its diagnosis and treatment principles

Abstract: this article discusses the syndrome of pathological hoarding (SPH), also known as Plyushkin syndrome or hoarding disorder (HD), included in the classification of DSM-5 and ICD-11 (code 6B24). This mental disorder is characterized by an obsessive desire to collect objects and pronounced difficulties in parting with them, regardless of their real value. SPH is accompanied by social, domestic and personal disorders, and can also lead to significant disorganization of the living space. Within the framework of this work, attention is focused on the difference between SPN and Diogenes syndrome, which manifests itself in social isolation, self-neglect and unsanitary conditions, which are more often observed in elderly single people. While with SPH, patients often maintain basic neatness, but exhibit compulsive hoarding.

The article contains an analysis of the etiology, clinical manifestations and classifications of SPN, examines its features from the standpoint of personality psychology and psychopathology. Modern diagnostic criteria and the difficulties of identifying this disorder in clinical practice are also considered. The aim of the study is to systematize scientific data and develop recommendations for effective diagnosis and treatment of SPH, taking into account international approaches and classifications.

Keywords: pathological hoarding syndrome, Plyushkin syndrome, Diogenes syndrome, hoarding

For citation: Olshevskaya N.S., Borovaya O.K., Egorova E.N., Morgovka D.D., Sivak I.N. Analysis of clinical manifestations of pathological hoarding syndrome, its diagnosis and treatment principles. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 251 – 258.

The article was submitted: March 27, 2025; Approved after reviewing: May 29, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Синдром Плюшкина (СП), известный также как синдром патологического накопительства (СПН) или хоардинг, представляет собой расстройство, характеризующееся навязчивым стремлением к собиранию и неспособностью расстаться с вещами, независимо от их ценности или функциональности.

Международная классификация болезней последнего пересмотра (МКБ-11) внесла новое расстройство – компульсивное накопительство. В МКБ-11 синдром компульсивного накопительства, именуемый как синдром Плюшкина, обозначен кодом 6B24.

Согласно МКБ-11, патологическое накопительство характеризуется склонностью к накоплению различных предметов, что приводит к захламлению жилого пространства вплоть до того, что им становится небезопасно пользоваться. Накопление происходит вследствие как повторяющихся побуждений и действий, имеющих отношение к со-

бирательству или накоплению различных вещей, так и трудностей

избавления от накопленного имущества из-за чувства необходимости его сохранения и дистресса в случае расставания с ним [4].

Слово hoarding (хоардинг) означает хранение или накопление, отсылающей к древней форме поведения, которое нацелено на выживание и адаптацию к условиям среды [3].

Данное состояние сопровождается выраженными нарушениями повседневного функционирования, социальной изоляцией, антисанитарными условиями проживания и часто с нарушением критики. В отличие от людей, которые целенаправленно занимаются коллекционированием, пациенты с патологическим накопительством собирают множество предметов домашнего обихода: старую одежду, журналы, диски, письма и т.д.

Важно отличать СП от синдрома Диогена (СД), с которым его часто путают. Согласно данным современных исследований [1, 2], (СД) –

симптомокомплекс, развивающийся у одиноких пожилых людей, не способных ухаживать за собой. Впервые (СД) был описан в медицине в 1975 году Кларком, Мейншиком и Греем [1]. Он проявляется пренебрежением к себе и антисоциальным поведением. При синдроме патологического накопительства (СПН), напротив, люди могут быть чистоплотны, аккуратны, но фанатично привязаны к вещам.

Цель статьи – проанализировать клинические проявления СПН, рассмотреть феномен этого симптомокомплекса в контексте психологии личности и психопатологии, обобщить современные научные данные по теме патологического накопительства.

Задачи данного исследования: изучение современных подходов к диагностике патологического накопительства с использованием международных классификаций болезней (DSM-5 и МКБ-11); проанализировать клинические проявления СПН; рассмотреть методы лечения пациентов с этим синдромом.

Материалы и методы исследований

При подготовке исследования были использованы данные теоретические методы: анализ, сравнение и обобщение научных знаний по этиологии, клиники, диагностике и лечению СПН.

Результаты и обсуждения

Этиология

Этиология данного синдрома до конца остается не изученной, но выделяют различные факторы, такие как биологические, психологические и социально-культурные в развитии данного синдрома.

При исследовании когнитивных процессов у пациентов, страдающих патологическим накопительством, была установлена дезорганизация ряда психических функций, таких как дефицит устойчивости внимания, оперативной памяти, зрительно-пространственной координации, процессов постановки и решения задач [14].

Факторами риска и прогноза данного синдрома, согласно DSM-5, являются: темперамент, а именно - нерешительность является одной из характерных черт людей, страдающих СПН, а также их близких родственников. Играет роль и психогенный компонент: лица с данным расстройством часто указывают, что его возникновению или обострению предшествовали стрессовые или психотравмирующие события в жизни. Генетический (наследственный) фактор является основным: примерно половина страдающих этим расстройством сообщает о наличии родственников с подобным поведением. Исследования близнецов показывают, что около 50% вариативности в

накопительном поведении можно объяснить генетическими факторами [5].

Клиническая картина и коморбидные состояния

Современное представление о СПН отражает его многогранную клиническую картину. Пациенты, страдающие этим расстройством, демонстрируют устойчивое стремление к собиранию и сохранению различных предметов – как потенциально ценных, так и явно бесполезных (газеты, упаковки, изношенная одежда, бытовые мелочи). К ключевым проявлениям СПН относят стойкое собирание вещей – у пациентов наблюдается тенденция к накоплению большого количества самых разнообразных предметов, а также затруднение избавления от них. Главной проблемой становится невозможность расстаться с вещами, что обычно сопровождается выраженной тревогой и психическим дискомфортом [6].

Люди с СПН могут накапливать вещи по одной из следующих причин: 1) верят, что предмет будет полезен или ценен в будущем; 2) считают, что предмет имеет сентиментальную ценность, является уникальным и/или незаменимым; 3) думают, что предмет поможет им запомнить важного человека или событие; 4) не могут решить, куда положить вещь, поэтому оставляют её вместо того, чтобы выбросить [13].

СПН редко существует изолированно; для него характерен широкий спектр психических и личностных сопутствующих расстройств. Он может сочетаться с тревожными и депрессивными расстройствами, обсессивно-компульсивным расстройством (ОКР), расстройствами личности, синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) и др. [6].

Современные подходы к диагностике

Диагностика синдрома патологического накопительства основана на использовании международных классификаций болезней (DSM-5 и МКБ-11).

В классификации DSM-5 СПН относится к ОКР и связанным с ними расстройствами (235), кодируется 300.3 (F42) – «Hoarding Disorder» (247) и определен как: «Расстройство накопительства характеризуется стойкими трудностями с избавлением от вещей или расставанием с ними, независимо от их реальной ценности, что обусловлено сильной субъективной потребностью сохранить эти предметы и переживаниями, связанными с их выбрасыванием. Расстройство накопительства отличается от обычного коллекционирования. Например, симптомы расстройства накопительства приводят к накоплению большого количества предметов, которые загромождают и захламляют жилое пространство в такой степени, что оно теряет свою

функциональность. Форма расстройства накопительства, связанная с чрезмерным приобретением, которая характерна для большинства, но не всех страдающих данным расстройством, проявляется в чрезмерном собирании, покупке или краже предметов, которые не нужны или для которых нет свободного места» [5].

В классификации DSM-5 выделен ряд критериев, характерных для СПН, к которым относятся:

А. Стойкие трудности с избавлением от вещей или расставанием с ними, независимо от их реальной ценности.

В. Эти трудности обусловлены субъективной необходимостью сохранять вещи и испытываемым дискомфортом при мысли об избавлении от них.

С. Трудности с избавлением от имущества приводят к накоплению предметов, которые загромождают и захламляют жилое пространство, существенно ограничивая его использование по назначению. Если жилые зоны не захламлены, это лишь благодаря вмешательству третьих лиц (например, членов семьи, уборщиков, властей).

Д. Накопительство вызывает клинически значимый дистресс или нарушение функционирования в социальной, профессиональной или других важных сферах (включая поддержание безопасной среды для себя и других).

Е. Накопительство не объясняется другим медицинским состоянием (например, черепно-мозговой травмой, сосудистыми заболеваниями головного мозга, синдромом Прадера–Вилли).

Ф. Накопительство не объясняется лучше симптомами другого психического расстройства (например, навязчивыми мыслями при ОКР, снижением энергии при депрессии, бредовыми идеями при шизофрении или других психотических расстройствах, когнитивными нарушениями при нейрокогнитивных расстройствах, ограниченными интересами при расстройствах аутистического спектра) [5].

В классификации МКБ-11 синдром патологического накопительства входит в блок L1-6B6 (Обсессивно-компульсивные и сходные расстройства) и кодируется как 6B24. Согласно МКБ-11, выделяются следующие формы:

1) 6B24.0 Патологическое накопительство с удовлетворительной или сохранной критичностью: Выполняются все требования, соответствующие определению Патологического накопительства. Большую часть времени человек способен допустить возможность, что его убеждения по поводу накопления различных вещей и соответствующее поведение (приводящее к избыточному приобретению, отказу избавляться от лишнего, захламленности помещения) являются проблемны-

ми. Использование этого указателя также допустимо, даже если в определенных условиях (например, при принуждении к избавлению от вещей) критичность не наблюдается.

2) 6B24.1 Патологическое накопительство со снижением или отсутствием критичности: Все требования также выполняются. Большую часть времени человек уверен, что его убеждения по поводу накопления предметов и соответствующее поведение (приводящее к избыточному приобретению, отказу избавляться от лишнего, захламленности помещения) не являются проблемными, несмотря на очевидность обратного. Отсутствие критичности в данном случае существенно не меняется в зависимости от уровня тревоги.

3) 6B24.Z Патологическое накопительство, неуточненное [4].

Также, для диагностики СПН можно использовать иллюстрированную шкалу захламленности (Clutter Image Rating Scale), которая была разработана группой американских авторов

(Frost R.O., Steketee G., Tolin D.F., Renaud S., 2008) [21], которая является наиболее простым инструментом для первичной диагностики патологического накопительства. Методика представляет собой набор иллюстраций, изображающих последовательно нарастающую захламленность в ванной, гостиной, спальне и кухне. Респондентам предлагается выбрать из четырех серий картинок номера тех, которые ближе

всего, пусть даже и не один в один, описывают их ситуацию с захламленностью жилого пространства. Выбор картинок указывает на тенденцию к патологическому накопительству, а также нарастающую степень его выраженности [3].

На сегодняшний день нейробиологические механизмы синдрома патологического накопительства (НД) остаются недостаточно изученными. Некоторые работы указывают на связь между отдельными симптомами накопительства и функциональной активностью определенных зон головного мозга. Например, исследования с применением позитронно-эмиссионной томографии выявили снижение потребления глюкозы в задней поясной извилине и клинья у пациентов с (ОКР) и выраженными проявлениями накопительства. По данным функциональной МРТ, при провокации тревоги у пациентов с ОКР и выраженными симптомами накопительства наблюдалась повышенная активация обеих передних вентромедиальных областей префронтальной коры по сравнению с группами без симптомов накопительства и здоровыми испытуемыми [7].

Структурные нейровизуализационные исследования методом воксельной морфометрии выявили

связь между выраженностью симптомов накопительства и объемом серого вещества в ряде зон, включая левое хвостатое ядро, левую область Бродмана 6, левую латеральную орбитофронтальную кору и правую парагиппокаммальную извилину. Однако данные по этим изменениям остаются неоднозначными: большинство работ рассматривали патологическое накопительство как подтип ОКР, что затрудняет интерпретацию полученных результатов. В то же время единичные исследования с использованием фМРТ с выделением пациентов согласно критериям HD по DSM-5 показали, что у таких пациентов отмечается значительное усиление активности в передней поясной и правой дорсолатеральной префронтальной коре при выполнении задачи «Иди/ не иди», отражающей процессы контроля конфликтов и подавления ответов [20]. Стоит отметить, что на сегодняшний день практически отсутствуют работы, оценивающие структурные изменения головного мозга у пациентов с HD, диагностированным на основании критериев DSM-5. Недавно было проведено исследование с применением воксельной морфометрии, в котором группа пациентов с HD продемонстрировала статистически значимое увеличение объема серого вещества в орбитофронтальной коре (в обеих областях Бродмана 10 и 11) по сравнению как с пациентами с ОКР, так и со здоровыми участниками. Эти результаты позволяют предположить, что увеличение объема серого вещества в префронтальных структурах может быть характерной особенностью при HD, в отличие от ОКР без симптомов накопительства [7].

Методы лечения пациентов с синдромом патологического накопительства

Лечение пациентов с синдромом патологического накопительства требует комплексного подхода, направленного на достижение длительных результатов и стойкой ремиссии. Эти подходы включают в себя когнитивно-поведенческую терапию (КПТ), экспозицию с предотвращением реакции, тренировку организационных навыков, а также фармакотерапию.

КПТ является наиболее эффективным методом лечения СП. Основные компоненты данной терапии включают в себя когнитивную реструктуризацию, т.е. коррекцию дисфункциональных убеждений, таких как: «Эта вещь может когда-нибудь пригодиться», «Если я выброшу это, случится что-то плохое», «Эта вещь – часть моей личности». [8] Согласно мета-анализу опубликованному в журнале «Обсессивно-компульсивных и связанных с ними расстройств», 2014, – КПТ приводит к снижению симптомов на 30–50% у пациентов с хоардингом [9].

Терапия экспозиции с предотвращением реакции (ERP) включает в себя постепенное обучение пациента расставанию с накопленными предметами. [10] Тренировка организационных навыков представляет собой обучение систематизации, сортировке и поддержанию порядка, что также является важным компонентом в лечении СПН [11].

Фармакотерапия синдрома Плюшкина включает в себя применение селективных ингибиторов обратного захвата серотонина (СИОЗС), селективные ингибиторы обратного захвата серотонина и норадреналина (СИОЗСН), атипичные антипсихотики (АА).

Исследования медикаментозного лечения СПН были в первую очередь посвящены СИОЗС, поскольку эти препараты продемонстрировали эффективность при ОКР, с которым СП объединён в одну категорию в DSM-5. Однако существует неоднозначное мнение относительно того, действительно ли серотонинергические средства уменьшают проявления накопительства. Согласно ряду недавних исследований, СИОЗС могут оказывать аналогичное воздействие на симптомы СПН и на классические симптомы ОКР.[15]

Испытание пароксетина (СИОЗС), (торговое название- Паксил®) показали, что как у пациентов с СПН, так и у лиц без него отмечались схожие результаты [16]. 28% пациентов с СП и 32% пациентов с ОКР, но без СПН, полностью отреагировали на лечение пароксетином. Примерно у половины пациентов из каждой группы наблюдалась хотя бы частичная положительная динамика. Однако у некоторых пациентов были трудности с переносимостью пароксетина. Чтобы протестировать препарат, который лучше переносится, 24 пациента, соответствующих критериям DSM-5 для расстройства накопительства, получали препарат СИОЗСН – венлафаксин пролонгированного действия (дозировкой от 37,5 мг до 225 мг в день) в течение 12 недель. Венлафаксин хорошо переносился; симптомы улучшились в среднем на 36% по шкале UHSS и на 32% по шкале Inventory-Revised (SI-R) (17-18). Из числа пациентов 70% ответили, что у них минимизировались симптомы накопительства, такие как трудности с избавлением от ненужных вещей, чрезмерное накопление, беспорядок и функционирование [12].

Фармакологические методы лечения синдрома накопительства направлены на устранение конкретных симптомов, которые приводят к инвалидности. Например, 12-недельное открытое исследование с применением препарата селективного ингибитора обратного захвата норадреналина – атомоксетина в дозировке 40–80 мг/день (в среднем

62,72 мг) (препарат, используемый для лечения синдрома дефицита внимания и гиперактивности) привело к снижению тяжести компульсивного накопительства на 41,3% по шкале UHSS (на 39,9% по шкале SI-R) у участников с компульсивным накопительством, у которых наблюдались симптомы невнимательности и импульсивности, которые, как предполагается, лежат в основе компульсивного накопительства [19].

Выводы

Синдром патологического накопительства является актуальной и все более широко признанной проблемой современной психиатрии и психологии. Это расстройство, вошедшее в последние международные классификации как самостоятельная нозологическая единица, сопровождается патологическим накоплением предметов, трудностями с их выбрасыванием вне зависимости от их реальной ценности и разрушительными последствиями для социальной, бытовой и личной сферы жизни пациента, а также окружающих лиц.

Анализ современных исследований свидетельствует о комплексной многофакторной природе данного синдрома. В его развитии сочетаются генетические, нейробиологические, когнитивные, а также социальные и семейные факторы. Одной из ключевых особенностей пациентов с синдромом накопительства является значительно сниженная способность к критической самооценке своего состояния и выраженное сопротивление лечению, что требует особого подхода как в диагностике, так и в организации помощи. Диагностика синдрома осложняется высокой коморбидностью с депрессивными, тревожными расстройствами, ОКР и расстройствами личности, что затрудняет раннее выявление и своевременное начало терапии. Тем не менее, внедрение структурированных опросников, клинических шкал и стандартизированных диагностических критериев значительно облегчает распознавание СП, а дифференцировать его помогают оценка мотивации к накопительству, уровня контроля и выраженности межличностных и функциональных нарушений.

Патологическое накопительство оказывает существенное негативное влияние на качество жизни, социальную интеграцию и эмоциональное со-

стояние пациентов, нередко приводит к изоляции, семейным и социальным конфликтам, снижает работоспособность и может представлять угрозу для здоровья и жизни как самих больных, так и окружающих, вплоть до вспышек опасных инфекций.

Современные подходы к лечению СПН предполагают преимущественно использование КПТ, направленной на формирование навыков сортировки и расставания с вещами, повышение критичности и преодоление тревоги. Однако достижение стойкого терапевтического результата требует длительной и многокомпонентной работы, часто с привлечением близких родственников и социальных служб. Фармакотерапия применяется в основном для коррекции сопутствующих расстройств, поскольку эффективность препаратов в отношении собственно накопительства весьма ограничена.

К числу сложностей относятся низкая мотивация пациентов обращаться за психиатрической помощью, выраженный стыд и стигматизация данного расстройства в обществе, недостаточная информированность специалистов и отсутствие специализированных программ поддержки лиц, страдающих СПН. В связи с этим остро стоит задача просвещения населения, повышения квалификации медицинских и социальных работников, налаживания междисциплинарного взаимодействия.

Таким образом, синдром патологического накопительства – сложное, хроническое и текущее с тяжелыми последствиями психическое расстройство, требующее ранней диагностики, комплексного индивидуализированного подхода к лечению, долгосрочного наблюдения и межведомственного сотрудничества. Для повышения эффективности профилактики и реабилитации необходимы дальнейшие фундаментальные и прикладные исследования, совершенствование методик психотерапии, а также создание целевых программ поддержки пациентов и их семей. Лишь совместные усилия специалистов, семьи и общества способны существенно улучшить прогноз при данном расстройстве и качество жизни затронутых им людей.

Список источников

1. Иванова И.Г., Самадова М.С. Образы античной мифологии в психиатрических терминах // Студент года 2020: сб. ст. Междунар. науч.-исслед. конкурса, Петрозаводск, 11 мая 2020 г. Петрозаводск: Междунар. центр науч. партнёрства «Новая Наука», 2020. С. 295 – 301.
2. Королева Е.Г. Редкие заболевания: синдром Диогена // Журнал Гродненского гос. мед. ун-та. 2012. № 2 (38). С. 86 – 88.
3. Толкачева О.Н. Психология патологического накопительства: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2024. С. 178 – 180.

4. Международная классификация болезней 11-го пересмотра (МКБ-11). Гл. 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития: статист. классификация. 2-е изд., перераб. и доп. М.: КДУ, Университетская книга, 2022. С. 432 – 445. DOI: 10.31453/kdu.ru.91304.0172. ISBN 978-5-91304-985-8
5. Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-5. 5th ed. Arlington, VA: American Psychiatric Association, 2022. P. 624 – 632.
6. Frost R.O., Steketee G., Tolin D.F. Comorbidity in hoarding disorder // *Depression and Anxiety*. 2021. Vol. 28. № 10. P. 876 – 884.
7. Nakao T., Kanba S. Pathophysiology and treatment of hoarding disorder // *CNS Drugs*. 2020. Vol. 33. № 6. P. 553 – 563. DOI: 10.1007/s40263-019-00642-0
8. Frost R.O., Steketee G. *Stuff: Compulsive hoarding and the meaning of things*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2010. P. 115 – 120.
9. Ayers C.R., Saxena S., Golshan S., Wetherell J.L. Age at onset and clinical features of late-life compulsive hoarding // *Journal of Obsessive-Compulsive and Related Disorders*. 2014. Vol. 3. № 3. P. 303 – 308.
10. Tolin D.F., Frost R. O., Steketee G. An open trial of cognitive-behavioral therapy for compulsive hoarding // *Behaviour Research and Therapy*. 2020. Vol. 45. № 7. P. 1461 – 1470.
11. Saxena S., Brody A.L., Maidment K.M., Baxter L.R. Paroxetine treatment of compulsive hoarding // *Journal of Psychiatric Research*. 2007. Vol. 41. № 6. P. 481 – 487.
12. Park J., Sohn J.H., Yoon H., Lee S.M., Kim M.D. Hoarding symptoms are not exclusive to hoarding disorder – A longitudinal study on symptom profiles and prognosis in a clinical sample // *Psychiatry Investigation*. 2022. Vol. 19. № 5. P. 343 – 352. DOI: 10.30773/pi.2021.0385
13. Takahashi T., Nakayama K. Hoarding disorder: Current understanding and future directions // *Psychiatry and Clinical Neurosciences*. 2019. Vol. 73. № 9. P. 493 – 500. DOI: 10.1111/pcn.12853
14. Woody S.R., Kellman K. Review of cognitive performance in hoarding disorder // *Clinical Psychology Review*. 2014. Vol. 34. № 4. P. 324 – 336.
15. International OCD Foundation. Treatment of HD – Medication [Электронный ресурс]. URL: <https://hoarding.iocdf.org/professionals/treatment-of-hoarding-disorder/>
16. Saxena S., Brody A.L., Maidment K.M., Baxter L.R. Paroxetine treatment of compulsive hoarding // *Journal of Psychiatric Research*. 2007. Vol. 41. № 6. P. 481 – 487.
17. Frost R.O., Steketee G., Grisham J. Measurement of compulsive hoarding: Saving Inventory-Revised // *Behaviour Research and Therapy*. 2004. Vol. 42. P. 1163 – 1182. DOI: 10.1016/j.brat.2013.07.006
18. Ayers C.R., Dozier M.E., Mayes T.L. Psychometric evaluation of the Saving Inventory-Revised in older adults // *Clinical Gerontologist*. 2017. Vol. 40. P. 191 – 196. DOI: 10.1080/07317115.2016.1267056
19. Grassi G., Micheli L., Di Cesare Mannelli L., et al. Atomoxetine for hoarding disorder: a pre-clinical and clinical investigation // *Journal of Psychiatric Research*. 2020. Vol. 83. P. 240 – 248. DOI: 10.1016/j.jpsychires.2020.09.012
20. Hough C.M., Luks T.L., Lai K. et al. Comparison of brain activation patterns during executive function tasks in hoarding disorder and non-hoarding OCD // *Psychiatry Research*. 2016. Vol. 255. P. 50 – 59.
21. Frost R.O., Steketee G., Tolin D.F., Renaud S. Development and validation of the Clutter Image Rating // *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2008. Vol. 30. № 3. P. 193 – 203. DOI: 10.1007/s10862-007-9068-7

References

1. Ivanova I.G., Samadova M.S. Images of ancient mythology in psychiatric terms. Student of the Year 2020: Coll. Art. of the International Research Competition, Petrozavodsk, May 11, 2020. Petrozavodsk: International Scientific Partnership Center "New Science", 2020. P. 295 – 301.
2. Koroleva E.G. Rare diseases: Diogenes syndrome. *Journal of the Grodno State Medical University*. 2012. No. 2 (38). P. 86 – 88.
3. Tolkacheva O.N. *Psychology of pathological hoarding: textbook for universities*. M.: Yurait, 2024. P. 178 – 180.
4. International Classification of Diseases, 11th revision (ICD-11). Ch. 06. Mental and behavioral disorders and disorders of neuropsychic development: statistical. classification. 2nd ed., revised and enlarged. M.: KDU, University Book, 2022. P. 432 – 445. DOI: 10.31453/kdu.ru.91304.0172. ISBN 978-5-91304-985-8
5. Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-5. 5th ed. Arlington, VA: American Psychiatric Association, 2022. P. 624 – 632.

6. Frost R.O., Steketee G., Tolin D.F. Comorbidity in hoarding disorder. *Depression and Anxiety*. 2021. Vol. 28. No. 10. P. 876 – 884.
7. Nakao T., Kanba S. Pathophysiology and treatment of hoarding disorder. *CNS Drugs*. 2020. Vol. 33. No. 6. P. 553 – 563. DOI: 10.1007/s40263-019-00642-0
8. Frost R.O., Steketee G. *Stuff: Compulsive hoarding and the meaning of things*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2010. P. 115 – 120.
9. Ayers C.R., Saxena S., Golshan S., Wetherell J.L. Age at onset and clinical features of late-life compulsive hoarding. *Journal of Obsessive-Compulsive and Related Disorders*. 2014. Vol. 3. No. 3. P. 303 – 308.
10. Tolin D.F., Frost R.O., Steketee G. An open trial of cognitive-behavioral therapy for compulsive hoarding. *Behavior Research and Therapy*. 2020. Vol. 45. No. 7. P. 1461 – 1470.
11. Saxena S., Brody A.L., Maidment K.M., Baxter L.R. Paroxetine treatment of compulsive hoarding. *Journal of Psychiatric Research*. 2007. Vol. 41. No. 6. P. 481 – 487.
12. Park J., Sohn J.H., Yoon H., Lee S.M., Kim M.D. Hoarding symptoms are not exclusive to hoarding disorder – A longitudinal study on symptom profiles and prognosis in a clinical sample. *Psychiatry Investigation*. 2022. Vol. 19. No. 5. P. 343 – 352. DOI: 10.30773/pi.2021.0385
13. Takahashi T., Nakayama K. Hoarding disorder: Current understanding and future directions. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*. 2019. Vol. 73. No. 9. P. 493 – 500. DOI: 10.1111/pcn.12853
14. Woody S.R., Kellman K. Review of cognitive performance in hoarding disorder. *Clinical Psychology Review*. 2014. Vol. 34. No. 4. P. 324 – 336.
15. International OCD Foundation. Treatment of HD – Medication [Electronic resource]. URL: <https://hoarding.iocdf.org/professionals/treatment-of-hoarding-disorder/>
16. Saxena S., Brody A.L., Maidment K.M., Baxter L.R. Paroxetine treatment of compulsive hoarding. *Journal of Psychiatric Research*. 2007. Vol. 41. No. 6. P. 481 – 487.
17. Frost R.O., Steketee G., Grisham J. Measurement of compulsive hoarding: Saving Inventory-Revised. *Behavior Research and Therapy*. 2004. Vol. 42. P. 1163 – 1182. DOI: 10.1016/j.brat.2013.07.006
18. Ayers C.R., Dozier M.E., Mayes T.L. Psychometric evaluation of the Saving Inventory-Revised in older adults. *Clinical Gerontologist*. 2017. Vol. 40. P. 191 – 196. DOI: 10.1080/07317115.2016.1267056
19. Grassi G., Micheli L., Di Cesare Mannelli L., et al. Atomoxetine for hoarding disorder: a preclinical and clinical investigation. *Journal of Psychiatric Research*. 2020. Vol. 83. P. 240 – 248. DOI: 10.1016/j.jpsychires.2020.09.012
20. Hough C.M., Luks T.L., Lai K. et al. Comparison of brain activation patterns during executive function tasks in hoarding disorder and non-hoarding OCD. *Psychiatry Research*. 2016. Vol. 255. P. 50 – 59.
21. Frost R.O., Steketee G., Tolin D.F., Renaud S. Development and validation of the Clutter Image Rating. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2008. Vol. 30. No. 3. P. 193 – 203. DOI: 10.1007/s10862-007-9068-7

Информация об авторах

Ольшевская Н.С., кандидат медицинских наук, доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Ордена Трудового Красного Знамени Медицинский институт имени С.И. Георгиевского, mi-office@cfuv.ru, olshevskaya.natalya@gmail.com

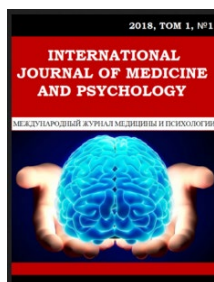
Боровая О.К., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Ордена трудового красного знамени Медицинский институт имени С.И. Георгиевского, borovaya03@list.ru

Егорова Е.Н., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Ордена трудового красного знамени Медицинский институт имени С.И. Георгиевского, eegorova200@mail.ru

Морговка Д.Д., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Ордена трудового красного знамени Медицинский институт имени С.И. Георгиевского, morgovka@bk.ru

Сивак И.Н., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Ордена трудового красного знамени Медицинский институт имени С.И. Георгиевского, 0707b0707b@gmail.com

© Ольшевская Н.С., Боровая О.К., Морговка Д.Д., Сивак И.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 070.1

¹ Суриков К.О.,

¹ Московский гуманитарно-технологический университет –
Московский архитектурно-строительный институт

Восприятие времени в медиапространстве

Аннотация: статья посвящена исследованию восприятия времени в современном медиапространстве, рассматриваемому как интегрированная структура массовых коммуникационных каналов. Автор анализирует влияние темпорального фактора на восприятие информации аудиторией, акцентируя внимание на его роли в трансформации поведенческих моделей, маркетинговых стратегий и социального взаимодействия. Особое внимание уделяется тому, как скорость жизни, технологические нововведения и культурные особенности формируют индивидуальное и коллективное восприятие времени в условиях информационного изобилия. Методологическая база исследования включает качественный анализ медиаконтента, интервьюирование специалистов и целевых групп, а также компаративный подход к изучению культурных различий в темпоральном восприятии. Результаты показали, что реклама и контент становятся более эффективными при учете временных ожиданий аудитории. Краткие форматы оказываются предпочтительнее в условиях дефицита времени, однако полноформатные материалы сохраняют востребованность, если отличаются высоким качеством исполнения. В статье раскрываются различные формы временных структур в медиа: хронологическое, ритмическое, метафорическое, параллельное и конденсированное время. Анализируются феномены ускоренного восприятия жизни, фрагментации внимания и синхронизации аудитории. Автор приходит к выводу, что для успешной медиастратегии необходимо учитывать темпоральные установки потребителей, адаптируя содержание под динамичные условия цифровой среды. Понимание особенностей восприятия времени становится ключевым инструментом в разработке эффективного медиаконтента и коммуникационной политики в условиях глобальной медиатрансформации. Исследование подчеркивает необходимость многоуровневого понимания времени как категории, определяющей не только потребление информации, но и характер взаимодействия человека с медийной реальностью.

Ключевые слова: время, медиапространство, восприятие, технологии, потребление медиаконтента

Для цитирования: Суриков К.О. Восприятие времени в медиапространстве // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 259 – 264.

Поступила в редакцию: 28 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 30 мая 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Surikov K.O.,

¹ Moscow University of Humanities and Technology –
Moscow Institute of Architecture and Construction

Perception of time in the media space

Abstract: the article is devoted to the study of time perception in modern media space, considered as an integrated structure of mass communication channels. The author analyzes the impact of the temporal factor on the audience's perception of information, focusing on its role in the transformation of behavioral patterns, marketing strategies and social interaction. Special attention is paid to how the speed of life, technological innovations and cultural features shape individual and collective perception of time in the conditions of information abundance. The

methodological basis of the study includes qualitative analysis of media content, interviewing of specialists and target groups, and a comparative approach to the study of cultural differences in temporal perception. The results show that advertising and content become more effective when the audience's temporal expectations are taken into account. Short formats are preferable under time constraints, but full-format materials remain in demand if they are characterized by high quality performance. The article reveals various forms of temporal structures in media: chronological, rhythmic, metaphorical, parallel and condensed time. The phenomena of accelerated perception of life, fragmentation of attention and audience synchronization are analyzed. The author concludes that for a successful media strategy it is necessary to take into account the temporal attitudes of consumers, adapting the content to the dynamic conditions of the digital environment. Understanding the peculiarities of time perception becomes a key tool in the development of effective media content and communication policy in the conditions of global media transformation. The study emphasizes the need for a multilevel understanding of time as a category that determines not only the consumption of information, but also the nature of human interaction with media reality.

Keywords: time, media space, perception, technology, media content consumption

For citation: Surikov K.O. Perception of time in the media space. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 259 – 264.

The article was submitted: March 28, 2025; Approved after reviewing: May 30, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

В современную эпоху взаимодействие между культурами и государствами во многом опирается на информационную среду. Формирование стереотипов, культурных паттернов и общественных взглядов неразрывно связано с влиянием медиасферы. Поведенческие модели, мировоззренческие установки и мыслительные процессы людей трансформируются под воздействием информационных потоков. Рекламная индустрия и маркетинговые стратегии находят в медиапространстве ключевой инструмент своего воплощения. Информационное поле становится не просто источником развлекательного и культурного контента, но и фундаментальной платформой для распространения сведений о глобальных тенденциях, проблемах и событиях, обеспечивая тем самым коммуникационную основу современного общества.

Медиапространство в контексте данного исследования представляет собой интегрированную структуру массовых коммуникационных каналов. Эта система объединяет разнообразные информационные платформы – от традиционных газет и журналов до современного телевидения, радиовещания и интернет-ресурсов. Характерной особенностью такого пространства является его всеохватывающий характер, обеспечивающий доступность информационных потоков для масштабной аудитории во всех сегментах информационной среды.

Материалы и методы исследований

Использован комплексный подход, сочетающий теоретический анализ и обобщение существующих исследований. Методологической основой работы является анализ научной литературы,

посвященной психологии восприятия времени, особенностям медиапотребления и влиянию технологий на формирование временных ощущений в цифровой среде. В качестве материалов исследования использованы научные статьи, монографии и отчеты об исследованиях, посвященные медиакommunikациям, психологии восприятия и социологии. Проанализированы работы, посвященные феномену синхронизации аудитории, влиянию современных медиа на ощущение ускоренного течения времени, а также роли различных временных форматов в медиаконтенте. Особое внимание уделено изучению влияния технологических инноваций и культурных особенностей на восприятие времени в медиасфере.

Результаты и обсуждения

Понимание восприятия времени признается ключевым фактором успешной работы в медиапространстве, определяющим выбор оптимальных форматов и длительности контента. Отмечается важность разнообразия контента и использования интерактивных форматов для удержания внимания аудитории. В конечном итоге, учет восприятия времени позволяет разрабатывать более эффективные медиастратегии, что является важным для профессионалов в этой сфере.

Выделяются различные временные форматы, используемые в медиа, такие как хронологическое, параллельное, ритмическое, конденсированное и метафорическое время, каждый из которых выполняет определенную функцию в создании медиапродукта. Обсуждается влияние технологических инноваций и культурных особенностей на темпоральное восприятие в медиасфере, подчеркивается необходимость адаптации контента к изменяющимся ожиданиям аудитории. Оптимальное

взаимодействие с аудиторией становится возможным благодаря глубокому пониманию временных аспектов медиапотребления. Создание удобных форматов и контента, соответствующего интересам пользователей, напрямую зависит от осознания особенностей восприятия времени целевой группой [10, с. 2]. Эффективность рекламных стратегий и планирования медиаресурсов значительно повышается, когда учитываются временные ожидания аудитории, что в конечном итоге способствует лучшему удовлетворению ее потребностей.

Многообразное воздействие временного фактора на медийную сферу заслуживает особого внимания. Современные коммуникационные платформы – от телевидения до интернет-ресурсов и социальных сетей – обеспечивают мгновенный доступ к актуальной информации. Эта стремительность информационного обмена трансформирует наше мировосприятие, создавая иллюзию ускоренного течения времени [7, с. 7-8].

Не менее значимым аспектом выступает феномен синхронизации аудитории. Масштабные трансляции, будь то спортивные состязания, премьеры телешоу или экстренные новостные выпуски, формируют у разрозненных зрителей ощущение единовременного соприсутствия – своеобразного коллективного переживания одного временного отрезка.

Ощущение ускоренного течения времени часто формируется под влиянием современных медиа. Создается иллюзия, что жизнь проносится стремительнее желаемого, а возможности для вдумчивого анализа ситуаций практически отсутствуют. Средства массовой информации подталкивают к спонтанным решениям, минимизируя пространство для глубокой рефлексии [9, с. 226].

Линейная структура времени размывается благодаря способности медиасреды хранить информацию бесконечно долго. Эта функция архивирования стирает четкие границы между прошедшими событиями, текущими процессами и будущими перспективами. Временные пласты накладываются друг на друга, создавая многомерное информационное пространство, где хронологическая последовательность утрачивает свою значимость.

Медиасреда способна фрагментировать концентрацию человека, заставляя его постоянно перемещать фокус между различными информационными стимулами, что представляет собой феномен дисперсии внимания.

Медиапространство сегодня функционирует в различных временных измерениях, оказывающих существенное воздействие на аудиторию. Восприятие информации формируется под влиянием вре-

мени, которое определяет такие параметры как оперативность, одновременность, актуальность, сохранение данных и распределение фокуса внимания.

Одним из ключевых временных форматов выступает хронологическое время, представляющее события в их естественной последовательности, как они разворачиваются в действительности. Этот формат особенно характерен для новостных сводок, журналистских репортажей и документалистики, где сохранение реальной хронологии критически важно для корректного понимания контекста происходящего.

В кинематографе и литературе временные прыжки – флешфорварды и флешбэки – служат инструментами для демонстрации событий будущего или прошлого, которые значимы для основного повествования. Эти приемы широко применяются в различных медиа-форматах [1, с. 144].

Одновременно с этим существует концепция параллельного времени – феномен, характерный для историй с множественными сюжетными линиями. В таких произведениях показываются события, происходящие синхронно в разных локациях параллельной действительности [2, с. 21-22]. Подобный подход часто используется в картинах, где группы персонажей действуют в различных пространственных и временных координатах.

Когда нужно выразить энергию и движение, режиссеры обращаются к ритмическому времени, структурирующему события через определенный темп и динамику. Этот прием особенно заметен в танцевальных постановках, спортивных трансляциях и музыкальных видео.

В мире рекламы и новостей широко применяется конденсированное время – технический прием, позволяющий уплотнить значительные объемы информации в ограниченные временные рамки. Благодаря этому методу видеобзоры и промо-ролики эффективно доносят сложные идеи за считанные секунды.

Аллегории и образные сравнения формируют метафорическое восприятие времени в кинематографе. Романтические картины часто визуализируют течение времени через символические образы – распускающиеся бутоны или опадающие лепестки, что усиливает эмоциональное воздействие на зрителя.

В цифровую эпоху скорость существования значительно трансформирует то, как мы воспринимаем временные рамки в информационной среде. Современный ритм жизни, отличающийся стремительностью и непрерывной сменой событий, формирует двойственное отношение к медиаконтенту. Потребители информации стремятся к

мгновенному получению данных и быстрому переклещению между различными источниками, однако такая спешка часто лишает их возможности глубоко погрузиться в содержание и полноценно его прочувствовать.

Как отмечается в исследованиях, временная перцепция в медиасфере представляет собой комплексное явление, обусловленное множеством взаимосвязанных элементов. Разнообразные темпоральные конструкции интегрируются в медиапродукты для формирования определенной атмосферы, транслирования смыслов и вызова эмоционального отклика у аудитории [8, с. 432].

Скорость потребления контента напрямую связана с технологическими инструментами, которые мы используем при взаимодействии с медиасредой. Технологические инновации существенно трансформируют наше ощущение темпоральности в информационном пространстве.

Интересно, что разные общества демонстрируют уникальные паттерны восприятия времени в медиасфере. В культурах, ориентированных на размеренный образ жизни, наблюдается тенденция к вдумчивому, неспешному освоению медиаматериалов. Напротив, в динамичных социумах преобладает стремление к быстрому информационному обмену и мгновенному медиапотреблению.

Таким образом, темпоральное восприятие в цифровой среде формируется на пересечении культурных традиций и технологического прогресса, создавая многомерную картину взаимодействия человека с информационным пространством.

Восприятие времени может ускоряться, когда мы имеем мгновенный доступ к данным и легко переходим между разными форматами медиа. Напротив, когда технологии применяются для производства развёрнутого контента – многосерийных шоу или документалистики – зрители нередко тратят значительно больше времени на их просмотр.

Медийный контент и его потребление напрямую связаны с временным восприятием аудитории. Короткие форматы – видеоролики, подкасты – пользуются популярностью, поскольку люди стремятся экономить время. Часто потребители игнорируют отдельные фрагменты из-за временных ограничений или субъективной оценки их значимости.

Технологии, культурная специфика и темп жизни – ключевые элементы, формирующие восприятие времени в современном медиaprостранстве [4, с. 8]. Создателям контента необходимо адаптироваться к этим переменным факторам, которые трансформируются в зависимости от эпохи и локации. Только так можно удовлетворить ожи-

дания целевой аудитории, учитывая особенности её отношения ко времени.

Медийное пространство трансформируется под влиянием временных ощущений пользователей [3, с. 54]. Когда человек испытывает дефицит времени, рекламные сообщения часто остаются незамеченными или намеренно пропускаются. Предпочтения аудитории в этом случае смещаются в сторону лаконичных, запоминающихся рекламных материалов, способных моментально передать ключевую информацию.

Временной фактор существенно корректирует и социальное взаимодействие в цифровой среде [5, с. 3]. Ощущение неэффективности или временных ограничений побуждает пользователей минимизировать время онлайн-общения и пребывания в социальных сетях. Интересно отметить, что даже выбор конкретных социальных платформ часто определяется субъективным восприятием доступного времени и его ценности для конкретного человека.

Понимание восприятия времени является ключевым фактором для успешной работы в медиaprостранстве [6, с. 33]. Знание о восприятии времени помогает в медиапланировании, определении оптимальных форматов и длительности рекламы, а также выборе времени показа рекламных роликов. Учитывая, что люди могут быстро утомляться от однотипного контента, важно выбирать разные форматы и чередовать рекламные ролики.

Короткие видеоролики и подкасты могут быть более эффективными при ограниченном времени у аудитории. Контент должен быть интересным и разнообразным, чтобы удерживать внимание зрителей. Успешные примеры использования восприятия времени включают короткие рекламные ролики (например, на YouTube) и интерактивные форматы (онлайн-игры, опросы). В конечном итоге, учет восприятия времени позволяет разрабатывать более эффективные медиастратегии и планировать медиаконтент, что важно для профессионалов в этой сфере.

Выводы

Результаты анализа представленного текста подчеркивают ключевую роль временного фактора в медиaprостранстве, влияющего на восприятие информации аудиторией и определяющего эффективность медиастратегий. Обсуждение фокусируется на многоаспектности воздействия времени, проявляющейся в оперативности, одновременно, актуальности, сохранении данных и распределении внимания. Важным моментом является трансформация восприятия времени под влиянием современных медиа, создающих иллюзию ускоренного течения времени и фрагментирующих концентрацию.

Список источников

1. Киршин Б.Н. Эволюция новостей в цифровой технологической среде // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. №1 (47). С. 142 – 146.
2. Головин Юрий Алексеевич Современные тенденции в сфере медиа // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2022. № 1. С. 20 – 24.
3. Градюшко А.А. Короткие новостные ролики в социальных медиа как инструмент вовлечения аудитории // Актуальные проблемы медиаисследований – 2022: Сборник материалов конференции XII Международной научно-практической конференции НАММИ, Москва, 09-10 декабря 2022 года. Москва: Факультет журналистики Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», 2022. С. 54 – 55.
4. Дарчинов Эдгар Вадимович Электронные кочевники в эфире: медиапространство как пространство коммуникации // Культурный код. 2022. № 1. С. 7 – 21.
5. Дмитриев М.С., Чернышева Е.В., Богданов А.В. Интернет – важнейшая информационная и коммуникационная составляющая новейшего времени: специфика платформы Youtube // Национальная безопасность и молодежная политика: киберсоциализация и трансформация ценностей в VUCA-мире: материалы Международной научно-практической конференции, Челябинск, 21-22 апреля 2021 года. Челябинск: Издательство Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2021. С. 476 – 481.
6. Избаева Нодира, Гафурова Умида Особенности функционирования языка медиа // Вестник науки и творчества. 2021. № 6 (66). С. 31 – 34.
7. Ларионов В.В. Современные медиа как инструмент стратегии не прямых действий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. № 1. С. 1 – 14.
8. Мартыанов Д.С., Лукьянова Г.В. Платформа как фактор цифрового империализма в российском информационном пространстве // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2024. № 2. С. 425 – 435.
9. Сарна А.Я. Технологии воздействия на аудиторию в современном медиапространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. № 2. С. 218 – 235. DOI 10.21638/spbu12.2020.207
10. Симакова С.И., Щукина М.Ю., Т.Б. Исакова Короткие видео как форма визуального контента социальных медиа // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2024. Т. 1. № 4 (45). С. 221 – 229. DOI 10.51965/2076-7919_2024_1_4_221

References

1. Kirshin B.N. Evolution of news in the digital technological environment. Sign: problematic field of media education. 2023. No. 1 (47). P. 142 – 146.
2. Golovin Yuri Alekseevich Modern trends in the media. Scientific works of Moscow Humanitarian University. 2022. No. 1. P. 20 – 24.
3. Gradyushko A.A. Short news clips in social media as a tool for audience engagement. Actual problems of media studies – 2022: Collection of conference materials of the XII International scientific and practical conference NAMMI, Moscow, December 09-10, 2022. Moscow: Faculty of Journalism, Federal State Educational Institution of Higher Education "Moscow State University named after M.V. Lomonosov", 2022. P. 54 – 55.
4. Darchinov Edgar Vadimovich Electronic nomads on the air: media space as a communication space. Cultural code. 2022. No. 1. P. 7 – 21.
5. Dmitriev M.S., Chernysheva E.V., Bogdanov A.V. The Internet is the most important information and communication component of modern times: the specifics of the YouTube platform. National security and youth policy: cybersocialization and transformation of values in the VUCA world: materials of the International scientific and practical conference, Chelyabinsk, April 21-22, 2021. Chelyabinsk: Publishing House of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, 2021. P. 476 – 481.
6. Izbaeva Nodira, Gafurova Umida Features of the functioning of the media language. Bulletin of Science and Creativity. 2021. No. 6 (66). P. 31 – 34.
7. Larionov V.V. Modern media as an instrument of indirect action strategy. Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2023. No. 1. P. 1 – 14.
8. Martyanov D.S., Lukyanova G.V. Platform as a factor of digital imperialism in the Russian information space. Bulletin of RUDN University. Series: Political Science. 2024. No. 2. P. 425 – 435.

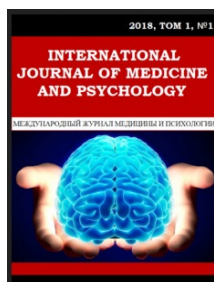
9. Sarna A.Ya. Technologies of influencing the audience in the modern media space. Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 218 – 235. DOI 10.21638/spbu12.2020.207

10. Simakova S.I., Shchukina M.Yu., T.B. Isakova Short videos as a form of visual content of social media. Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2024. Vol. 1. No. 4 (45). P. 221 – 229. DOI 10.51965/2076-7919_2024_1_4_221

Информация об авторе

Суриков К.О., аспирант, Московский гуманитарно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, 109316, г. Москва, Волгоградский ипроспект, 32, корп. 11, kirillsu-rikov3@gmail.com

© Суриков К.О., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

¹ *Погонцева Д.В.,*

¹ *Южный федеральный университет*

Шутки про пищевое поведение: отношение к полноте и пропаганда орторексии

Аннотация: в статье рассматривается феномен интернет шуток, высмеивающих полноту и пищевое поведение, связанное с лишним весом. Приводится анализ 200 шуток, выделяется 6 групп: «календарные» шутки (похудение к определенному сезону, чаще «Новый год» и «отпуск»; связь еды и настроения (правильное питание снижает, а вредные продукты улучшают настроение), «рецепты» и способы похудения, причины неудачи (почему не удастся похудеть, что мешает), пропаганда бодипозитивных установок и констатация факта соблюдения диеты. Также приводятся данные, которые указывают, что в большинстве шуток объектом высмеивания становится женщина, а также на уровне текста и визуального оформления формируется установка о «полезной» и «вредной» пищи, которая является своеобразной пропагандой орторексии.

Ключевые слова: пищевое поведение, юмор, интернет-дискурс, полнота, диета, орторексия

Для цитирования: Погонцева Д.В. Шутки про пищевое поведение: отношение к полноте и пропаганда орторексии // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 265 – 271.

Поступила в редакцию: 1 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ *Pogontseva D.V.,*

¹ *Southern Federal University*

Jokes about eating behavior: attitudes towards obesity and propaganda of orthorexia

Abstract: the article examines the phenomenon of Internet jokes ridiculing obesity and eating behavior associated with excess weight. An analysis of 200 jokes is provided, 6 groups are distinguished: "calendar" jokes (losing weight for a certain season, most often "New Year" and "vacation"); the connection between food and mood (proper nutrition reduces, and unhealthy foods improve mood), "recipes" and methods of losing weight, reasons for failure (why you can't lose weight, what prevents you), propaganda of body-positive attitudes and a statement of the fact of dieting. Data are also provided indicating that in most jokes the object of ridicule is a woman, and at the level of text and visual design, an attitude is formed about "healthy" and "unhealthy" food, which is a kind of propaganda of orthorexia.

Keywords: eating behavior, humor, Internet discourse, obesity, diet, orthorexia

For citation: Pogontseva D.V. Jokes about eating behavior: attitudes towards obesity and propaganda of orthorexia. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 265 – 271.

The article was submitted: April 1, 2025; Approved after reviewing: June 2, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

В прошлых наших работах, мы рассматривали анализ шуток и мемов высмеивающих внешний облик как возможный пусковой механизм киберлукизма [5], однако в отдельную категорию можно отнести шутки, высмеивающие пищевое поведение в целом, а также стремление похудеть и диетическое поведение.

Как отмечают П.Р. Гуляев и его коллеги [1] «основанием обидной шутки становятся (стигматизация отличий), которые «проявляются» лишь в определенном контексте, то есть внутри какой-то социальной группы». Одним из таких контекстов является соблюдение диетического питания с целью похудеть. Надо также отметить, что лишний вес является одним из наиболее частых объектов высмеивания во внешнем облике другого человека [4, 5]. Как подчеркивают Е.Д. Федорова, Н.А. Хохлов [8] диета предполагает «соблюдение графика приёма пищи со специально подобранным по количеству, химическому составу, калорийности и кулинарной обработке рационом». Авторы также подчеркивают, что за «строгим питанием должен стоять очень значимый мотив», который в некоторых случаях может трансформироваться в сверхценное образование, превращая, в свою очередь, здоровое питание в патологическое. Можно также отметить, что одним из частых мотивов придерживаться диеты является похудение, то есть достижение эталона физической привлекательности.

Рассматривая тексты интернет дискурса посвященного ЗОЖ С. В. Шевякина [9] отмечает, что их основной целью является не только «информировать реципиентов о положительном или отрицательном воздействии различных форм поведения на здоровье человека, но и убедить их в возможности трансформировать его для укрепления здоровья». Таким образом интернет дискурс формирует определенное отношение к правильному питанию и оценки его результативности, формируя представления о правильном питании. Важно понимать, что «правильное питание» может трансформироваться в орторексию, которая, хотя и не включена в МКБ-10, все же относится к пограничным состояниям. Важно отметить, что термин орторексия довольно новый (понятие ввел С.Брэтмэн в начале 2000-х гг.). В настоящее время данное нарушение связывают с чрезмерной фиксацией на «здоровых» продуктах питания, сопряженной соответственно с избеганием «вредных». Д.Е. Жданова [2] подтверждает значимость выделения орторексии в отдельную форму расстройства пищевого поведения, акцентируя свое внимание на неконтролируемости стремления придерживаться

максимально здорового рациона питания. В целом, в ряде исследований [6, 7, 10] отмечается взаимосвязь пищевого поведения и интернет дискурса. Объединяя вышесказанное, можно определить орторексию как жесткое, ригидное следование определенной стратегии питания, с характерной чрезмерной избирательностью рациона, фиксацией на качестве продуктов или же их соответствии выбранной диете и/или в целом здоровому образу жизни, с разделением еды на «полезную» и «вредную».

Таким образом, целью данной работы является изучение, систематизация и классификация шуток про пищевое поведение и похудение, как источник возможных стереотипов питания.

Материалы и методы исследований

На первом этапе нами были проанализированы шутки и мемы посвященные диетическому поведению которые были размещены в пабликах содержащих «женский юмор» (<https://t.me/femalememes>, <https://t.me/humordame>; <https://t.me/+Mf7fu3zll9szOTk6>), в группах посвященных спорту, здоровому питанию и здоровому образу жизни (<https://t.me/StretchLab>), а также телеграм-каналах, которые посвящены в целом высмеиванию пищевого поведения (<https://t.me/kushotc>) и группах в вконтакте (<https://m.vk.com/club154280732>).

Для анализа нами были выбраны 200 шуток в которых упоминается диета, правильное питание или желание похудеть при помощи еды.

Также на одном из этапов в качестве экспертной группы, были приглашены 10 женщин с лишним весом (ИМТ 29+, что говорит об ожирении), в возрасте от 26 до 44 лет (средний возраст 36), оценить предложенные шутки как «мотивирующие к похудению» или «бодипозитивные».

Результаты и обсуждения

На первом этапе мы проанализировали гендерное обращение к субъекту шутки (на кого направлена шутка), следует отметить, что 52% шуток высмеивают женщин: «Решила похудеть, попросила родителей поддержать меня. Прихожу домой, на холодильнике записка: «Жирная дочь – позор для семьи!»; Вся проблема у нас у женщин в том, что желание похудеть и печь пироги возникают одновременно; 1% (2 шутки) где объектом является однозначно мужчина: «Если бы конфеты уменьшали вес, я б наверно к лету – полностью исчез»; «-Я боец KFC! – UFC может? – НЕТ!». Все остальные шутки (47 %) можно назвать условно гендерно-нейтральными: «Весна не наступает, потому что не все еще похудели»; «Готовимся к лету! Перед

приемом пищи отжимаемся от пола 30 раз. Эффект потрясающий! Руки трясутся, до рта много не донесешь». Однако, следует отметить, что так как почти все шутки существуют в нескольких вариантах исполнения (различные авторы добавляют картинки к тексту, которые конкретизируют шутку), почти у каждой «нейтральной» шутки есть вариант с картинкой, изображающей полную женщину, реже животные, в то время как мужчины чаще изображены в паре с полной женщиной, и только на 2 мемах – изображен один мужчина (шутки представлены выше). Полученные данные соотносятся с результатами анализа роликов в сети Tiktok [10] авторы отмечают, что тема похудения связана с женскими образами в первую очередь (средний показатель использования женских образов – 71%).

Таким образом, мы можем говорить о том, что объектом высмеивания чаще является женщина, которая, как мы отмечали ранее [5] является объектом большинства шуток про внешний облик. Кроме того, часть шуток высмеивающих непродуктивное диетическое поведение женщин описывается как взаимодействие в семейной паре (муж-жена), это такие шутки как: «Ролевые игры закончились ссорой, даже не начавшись. Муж переоделся в доктора и спросил: «Диетолога вызывали?»; «Поспорила с мужем на золотую цепочку, что похудею на 5 кг. Неделью на диете... Подошла к зеркалу, посмотрела на себя... Ну, не идет мне золото! Не идет!!!»; «Дорогая, давай пиццу закажем? – Мы же худеем! Давай пешком за ней сходим!»; «Решила похудеть, попросила семью поддержать меня. Прихожу домой, на холодильнике записка: «Жирная мать – позор для семьи!»; «Я женщина, а значит я актриса, во мне сто лиц и тысяча ролей! – Сто килограмм в тебе, Лариса! Ты жрешь как тысяча чертей»; «Дорогой, если бы ты платил мне по 100 долларов за каждый килограмм сброшенного веса, это бы меня очень мотивировало!! -Милая, побойся Бога, таких цен на сало нет ни в одной стране мира!»; «Супруга ест бутерброд, решил напомнить ей: - Ты же на диете и не ешь после шести!! -Это шестой, после него не буду...»; (видео) Женщина ест листья салата и вес прибавляется, мужчина ест пиццу и бургер и худеет; «22-00 сижу на кухне пью чай, забегает жена и к холодильнику. Набрав две руки еды и уходит. Я ей вслед: «Скоро лето!». Вернулась, положила все обратно».

Также мы выделили шесть основных тем, связанных с пищевым поведением, и диетическим поведением как борьба с лишним весом или недобором веса.

Так в первую группу мы включили те шутки, которые мы условно назвали «календарными». Анализ контента юмористических пабликов указывает на то, что в декабре появляется ряд шуток посвященных «похудению к новому году», а весной «похудение к лету», при этом часто это одни те же шутки, но с измененным указанием периода. К весенне-летним шуткам относятся: «Чтобы хорошо выглядеть летом на пляже, Юля уже сейчас начала откармливать свою лучшую подругу – Наташу»; «Готовимся к лету! Перед приемом пищи отжимаемся от пола 30 раз. Эффект потрясающий! Руки трясутся, до рта много не донесешь»; «Возлюби салат и обезжиренный творог как саму себя, да возрадуйся сырой моркови, ибо нужно готовится к лету! Во имя огурцов, капусты и святой минералки! Кефир!»; «Шел мой третий год как я худею к лету»; «Не буду худеть к лету, решила – возьму обаянием»; «22-00 сижу на кухне пью чай, забегает жена и к холодильнику. Набрав две руки и бежать. Я ей вслед: «скоро лето!». Вернулась, положила все обратно». К новогодним: «Обожаю новогодние праздники, весь год худеешь, что бы потом за 9 дней на майонезных салатах и конфетах отрастить попу размером с Рязань...»; «Вины нет Дедушки Мороза что Яна жиром заплывла Да просто слишком много Яна жрала»; «- Дорогой дед мороз! Напишу коротко. Мне нужны деньги и похудеть на 10 кг. – Я тоже коротко! Иди работай и меньше жри!» и др. Подобные сезонные шутки представляют 8% от общего проанализированного числа.

Во вторую группу мы включили шутки, которые формируют установку, что еда – это возможный триггер настроения (9%). При этом в подобных шутках отмечается, что вредная еда поднимает настроение, а соблюдение диеты наоборот: «Я ем вкусняшку, чтобы поднять себе настроение, после того, как весы меня расстроили» (на картинке персонаж ест пломбир); «Я заметила, что если не кушать хлеб, сахар, жирное, не пить пиво с рыбкой – морда становится меньше, но грустнее»; «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о сидящем на диете»; «Бывает, чувствуешь себя такой несчастенькой, а потом покушаешь и сразу норм»; «Обожрись и буду ненавидеть себя до вечера... а вечером снова обожрись»; «И тут как бы 2 пути: либо ты получаешь удовольствие, когда жрешь, либо, когда стоишь голая перед зеркалом»; «Может нафиг эту диету? Умрем толстыми, н счастливыми?»; «Купила шорты торт скалку вино кросовки и икру, Теперь то прыгаю то плачу то жру»; «Я всегда ем, когда нервничают – Т.е. спокойная жизнь тебе не свойственна?»; «Не

унять тревогу, как не колобродь! А пожрешь в час ночи и отпустит вродь...» и др.

В третью группу мы включили шутки в которых есть «рекомендации», описание действий и поступков которые направлены на коррекцию веса. В эту группу были включены такие шутки, как «Быстро втянутый живот не считается пузом! – А есть еще какая-нибудь диета для быстрого похудения?»; «Единственный способ не жрать после шести – сожрать все до шести»; «Читаю в интернете: «Хотите похудеть – пейте перед едой...» дальше читать не стала!»; «Я пожевала лист салата, что бы умерить аппетит, но аппетит без чая с тортом... не спит!»; «Расскажите про методы похудения, но меня не интересует «меньше есть и заниматься спортом». Меня интересует «Стрижешь прядь волос на растущую луну, читаешь заговор и худеешь на 5 кг!» – что-то такое!»; «Наврали, что размер тарелок поможет мне не переесть, как будто я не догадаюсь себе добавки положить»; «Кто-то: корица способствует похудению. Я черз 2 минуты в булочной: мне 5 булочек с корицей»; «К вашему сведенью, женщина из Италии сказала мне, что есть макароны каждый день полезно. В настоящее время меня больше не интересуют какие-то дополнительные рекомендации по питанию»; «Что бы похудеть не обязательно сидеть на диетах. Просто надо есть фрукты. Неважно какие! Главное – немытые!»; «Девочки, нашла шикарную диету! Можно есть до 20 раз в день!! Кефир. Вилкой!»; «Да, я практикую интервальное голодание. Интервал между голоданием – минимальный»; «Диетологи зараба-тывают на хлеб тем, что учат клиентов не есть мучное»; «Хотите похудеть? Новейшее изобретение – чудо пластырь «Стройняшка». Чудо пластырь «Стройняшка» – лепится на рот!»; «Единственный шанс похудеть с помощью зеленого чая – это лазить в горы и собирать его» и др. Данные шутки составляют 20% от общего проанализированного количества.

В четвертую группу факторы «мешающие» похудению. В данной категории мы учитывали такие шутки как: «-Что тебе мешает похудеть? Чувство голода!»; «Следить стараюсь за фигурой, чуть отвлекусь – она жует»; «Надежда на стройное тело покидает меня, потому что я поняла, что впереди еще куличи и шашлыки... вкусные...»; «Никак не могу похудеть из-за постоянных форс-нажоров»; «Вот объясните, как можно похудеть, если лучшая часть моей жизни – еда!»; «Иногда думаешь: не мешало бы похудеть. Но, поразмыслив, приходишь к выводу: раз уж не мешало, то и впредь мешать не будет»; «Она хотела плоский живот, красивую талию и расстояние

между ляжками, но палка колбасы быстро развеяла мечты»; «Оказывается, недостаточно просто скачать упражнения для похудения. Их еще и делать надо! Такого я не ожидала» и др. В этой группе было 20% проанализированных мемов.

В пятую группу вошли те шутки, которые условно были обозначены нами как «пропаганда бодипозитива» и отказ от похудения, также в эту группу мы включили те шутки, в которых игнорируют правильное питание их было -24%, в эту группу мы включили такие шутки как: «Я статью про фитнес обвела в кружок, доедая с мясом пятый пирожок»; «Нынче в моде похуденье, все как куры – синие! А я кушаю пельмени – потому красивая»; «Поспорила с мужем на золотую цепочку, что похудею на 5 кг. Неделю на диете... Подошла к зеркалу, посмотрела на себя... Ну, не идет мне золото! Не идет!!»; «Щас делаю процедуру увеличение объема ягодиц шоколадным чизкейком»; «Специально не худею, чтобы мужики видели, что перед ними состоятельная женщина и у нее есть деньги на еду»; «Съем еще пожалуй торта три куска, Лучше жир на попе, чем в душе тоска»; «Новогодние обещания: 2020: скинуть 5 кг; 2021: скинуть 10 кг; 2022: скинуть 15 кг; 2023: скинуть 20 кг; 2024: бороться со стандартами красоты навязанными этим капиталистическим, материалистическим и угнетающим обществом»; «Бороться с лишним весом бесполезно, пока в списке покупок есть «что-то к чаю»; «Живу по принципу ППП – почти правильно питаюсь. Днем ЗОЖ, ночью жареный картош»; «Чудо диета: жрем все подряд и надеемся на чудо»; «С одной стороны мне нужно худеть, но с другой у меня пончик»; «Проснулась в 5 утра, что бы начать новую жизнь.... Сделала три прыжка на скакалке и поняла, что старая жизнь в принципе ничего...»; «В битве с лишним весом чтобы победить нужно больше кушать чтобы сильным быть»; «Устав от философских споров и сложных жизненных дилемм я просто мажу булку маслом и ем...»; «Я могу есть все что угодно и не худеть»; «Наташ, давай с тобой устроим ночь пожирателей борща, а то уж больно ты «мисс Портман» - тоща» и др.

В шестую группу мы включили шутки, которые констатируют факт лишнего веса или диеты, при этом без фотоизображения данные шутки являются максимально нейтральные, в эту группу мы также включили шутки, которые представлены в виде неких утверждений о правильном питании, диетах ит.д.. Пример шуток данной группы являются: «Нужно что-то прекращать. Или жрать, или взвешиваться»; «Диета всегда начинается завтра»; «Одна девочка каждый день садилась на диету... и каждый раз мимо!»; «Моя жена стала хо-

дить к диетологу и за 2 месяца сбросила 300 долларов»; «Сижу на диете, сбросила дня 2 кг, голова перестала соображать, видимо это был мозг»; «С головой что-то не так, в последнее время много ест»; «Тюлень! – подумала акула, завидев на волнах меня! А я худела между прочим – три дня»; «Я вечно маюсь лишним весом, а он не мается совсем, стоит и нагло смотрит, как ем!»; «Когда я ем шоколад, я думаю, что у меня будет мега-мозг, а про мега-зад я стараюсь не думать»; «День прошел жря» - в данной группе 19% шуток.

Таким образом, мы можем сделать выводы о том, что примерно в равной степени представлены такие темы как «рецепты» похудения, в том числе высмеивающие различные способы («Чему нас научили бегемоты? Что нельзя похудеть, питаюсь травой и салатами...»); шулки в которых высмеивается невозможность похудеть («Год диеты она встретила в узком кругу... Хулахупа...»), а также пропаганда бодипозитива («Похудеть до лета мне не суждено, я свои два платья перешибу в одно!»). Исходя из этого мы видим, что хотя лишний вес осуждается, а формируется установка о необходимости похудения («Мне похудеть бы надо кстати, форчала Ира за столом. Она сегодня днем с кровати упала сразу с двух сторон»), но в целом юмористический контент высмеивает неудачные попытки похудеть и пытается формировать бодипозитивные представления о своем теле и лишнем весе. Мы также предложили 10 женщинам с лишним весом (ИМТ 29+, что говорит об ожирении), в возрасте от 26 до 44 лет (средний возраст 36), оценить данные шулки как «мотивирующие к похудению» или «бодипозитивные», и все участницы данной группы отметили, что подобные шулки снимают напряжение в случае если не удастся соблюдать режим питания.

Мы также рассмотрели проблему пропаганды орторексии в анализируемых шутках. Следует отметить, что в шутках четко делятся продукты на «вредные» и «полезные». К полезным продуктам относят овощные салаты- 6 упоминаний; гречневая каша – 5, кефир – 5; яблоко 3, зеленый чай – 2, йогурт – 2, стакан воды с лимоном – 1 упоминание. К вредным продуктам относят: торт, пирожное, мучное – 30 упоминаний; майонез – 6; шоколад 5; колбаса и сосиски 5; жаренная картошка 4; пельмени – 3; Фастфуд 3; Котлеты 2 упоминания. Однако и тут следует отметить, что даже в тех

шутках, в тексте которых не упоминается название еды – торты, мучное и сладкое часто присутствует на картинках, которые сопровождают текстовую шутку. Исходя из этого мы видим, что на уровне текста, а также визуального образа формируется стереотип о вредных и «не правильных» продуктах, которые приводят к полноте. По словам Кан К.Д., Макаричевой Э.В. (2024), «изучение эпидемиологического аспекта показало, что нервной орторексии более подвержены женщины, а возраст распространенности находится в промежутке от 15 до 35 лет», учитывая что эта возрастная группа является основными подписчиками проанализированных пабликов и телеграм-каналов, то мы можем предполагать, что подобные посты будут оказывать негативное воздействие, формируя искаженное понимание пищевого поведения.

Выводы

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в интернет-дискурсе посвященном проблемам полноты, похудения и демонстрации пищевого поведения (в том числе – диетического), формируется ряд стереотипных установок. Так основным объектом высмеивания является женщина, что подчеркивается на текстовом уровне в 52%, а в категории гендерно-нейтральных шуток, в которых пол не выражен, часто используются изображения полных женщин, которые также смещают акцент на женщину как объект высмеивания.

Мы также можем говорить о том, что хотя существует достаточно большой процент шуток, которые формируют установку на восприятие полного тела как нормы (бодипозитивистские установки), с другой стороны в шутках высмеивающих полноту и соблюдение диет часто подчеркивается деление на «полезные» и «опасные» продукты. В категорию опасных для фигуры включены торты, хлебо-булочные изделия, майонез и пельмени (как наиболее часто упоминаемые), в то время как овощи и овощные салаты, гречневая каша и кефир – являются наиболее часто встречающимися «полезными» продуктами. Такое деление, на наш взгляд может формировать неправильное отношение к питанию, что в свою очередь будет являться своеобразным триггером орторексии. С целью проверки данной гипотезы мы планируем оценить воздействие подобных шуток на формирование установок о правильном питании.

Список источников

1. Гуляев П.Р., Титкова В.В., Ходоренко Д.К., Тищенко Д.Р. "Это всего лишь шутка!" Что такое обидная шутка для подростков? // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3. С. 112 – 129. DOI 10.19181/inter.2021.13.3.5
2. Жданова Д.Е. Отношение к здоровью и нервная орторексия у девушек молодого возраста с разными видами расстройств пищевого поведения // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 11. С. 487 – 493.
3. Кан К.Д., Макаричева Э.В. Исследование распространенности и специфики проявления нервной орторексии у обучающихся (Казанский (Приволжский) федеральный университет) // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2024. № 1. С. 5 – 15.
4. Погонцева Д.В. Устойчивые параметры внешнего облика как объект лукизма // Личность и вызовы современности: интерпретация проблем различными научными школами: Статьи Международной научной конференции, Майкоп, 25-26 сентября 2020 года. Майкоп – Краснодар: Адыгейский государственный университет, Кубанский государственный университет, 2020. С. 258 – 261.
5. Погонцева Д.В. Шутки про внешний облик в соцсетях: к вопросу классификации // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12. № 1. 9 с.
6. Свиткевич Ю.В. Информационное воздействие на личность в сети Интернет как один из предикторов частоты рецидивов расстройств пищевого поведения // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2021. Т. 4. № 2. С. 32 – 47. DOI 10.23947/2658-7165-2021-4-2-32-47
7. Сунгурова Н.Л., Хонина С.Ю. Особенности взаимосвязи самопредъявления и образа физической привлекательности у участников онлайн-сообществ, идеализирующих культ внешности // Психолог. 2024. № 4. С. 45 – 59. DOI 10.25136/2409-8701.2024.4.71408
8. Федорова Е.Д., Хохлов Н.А. Проблематика адаптивного пищевого поведения и его видов в психологии // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2021. № 2. С. 51 – 65. DOI 10.24412/2303-9744-2021-2-51-65
9. Шевякина С.В. Лингвостилистические параметры интернет-дискурса психологии ЗОЖ // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 3. С. 191 – 196. DOI 10.5281/zenodo.3770803
10. Webb J.B., Tran T., Bauert L., Pringle S., Body- and Fitness-Related Shame Helps Explain the Association Between Internalized Weight Bias and Orthorexia Symptoms Among North American Female Yoga Professionals, Journal of the Academy of Nutrition and Dietetics, 2025, <https://doi.org/10.1016/j.jand.2025.04.013>. Электронный ресурс URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212267225001522> (дата обращения: 15.02.2025)

References

1. Gulyaev P.R., Titkova V.V., Khodorenko D.K., Tishchenko D.R. "It's Just a Joke!" What is an Offensive Joke for Teens? Interaction. Interview. Interpretation. 2021. Vol. 13. No. 3. P. 112 – 129. DOI 10.19181/inter.2021.13.3.5
2. Zhdanova D.E. Attitude to Health and Nervous Orthorexia in Young Girls with Different Types of Eating Disorders. Innovations. Science. Education. 2020. No. 11. P. 487 – 493.
3. Kan K.D., Makaricheva E.V. Study of prevalence and specificity of manifestation of nervous orthorexia in students (Kazan (Volga Region) Federal University). Bulletin of Omsk University. Series "Psychology". 2024. No. 1. P. 5 – 15.
4. Pogontseva D.V. Stable parameters of appearance as an object of lookism. Personality and challenges of our time: interpretation of problems by various scientific schools: Articles of the International Scientific Conference, Maykop, September 25-26, 2020. Maykop – Krasnodar: Adyghe State University, Kuban State University, 2020. P. 258 – 261.
5. Pogontseva D.V. Jokes about appearance in social networks: on the issue of classification. World of science. Pedagogy and psychology. 2024. Vol. 12. No. 1. 9 p.
6. Svitkevich Yu.V. Information impact on personality on the Internet as one of the predictors of the frequency of relapses of eating disorders. Innovative science: psychology, pedagogy, defectology. 2021. Vol. 4. No. 2. P. 32 – 47. DOI 10.23947/2658-7165-2021-4-2-32-47
7. Sungurova N.L., Khonina S.Yu. Features of the relationship between self-presentation and the image of physical attractiveness among participants in online communities idealizing the cult of appearance. Psychologist. 2024. No. 4. P. 45 – 59. DOI 10.25136/2409-8701.2024.4.71408. Fedorova E.D., Khokhlov N.A. Problems of adaptive eating behavior and its types in psychology. Bulletin of pedagogy and psychology of Southern Siberia. 2021. № 2. P. 51 – 65. DOI 10.24412/2303-9744-2021-2-51-65

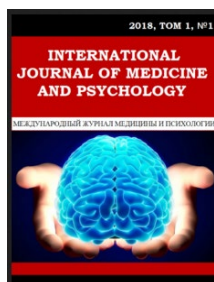
9. Shevyakina S.V. Lingvostylistic parameters of the Internet discourse of the psychology of a healthy lifestyle. Humanitarian Scientific Bulletin. 2020. No. 3. P. 191 – 196. DOI 10.5281/zenodo.3770803

10. Webb J.B., Tran T., Bauert L., Pringle S., Body- and Fitness-Related Shame Helps Explain the Association Between Internalized Weight Bias and Orthorexia Symptoms Among North American Female Yoga Professionals, Journal of the Academy of Nutrition and Dietetics, 2025, <https://doi.org/10.1016/j.jand.2025.04.013>. Electronic resource URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212267225001522> (access date: 02/15/2025)

Информация об авторах

Погонцева Д.В., кандидат психологических наук, доцент, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет, 344013, г. Ростов-на-Дону, Нагибина 13, pogoncevad@sfedu.ru

© Погонцева Д.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.07

¹ Александров Д.В.,

¹ Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Чувство вины как моральный регулятор поведения

Аннотация: в статье анализируются формы внешнего и внутреннего регулятора поведения человека (чувство вины), который выступает мотиватором к его развитию, самоотношению, принятию и воплощению в жизнь принятых в обществе норм и правил. Рассмотрен процесс преобразования внешнего регулирования социального поведения ко внутреннему управлению потребностями и противоречиями, как способ развития внутриличностных убеждений и морально-нравственных ценностей принятых в обществе как свои собственные. Автор указывает на конструктивные и деструктивные особенности проявления феномена вины как источника возникновения внутриличностного конфликта, на борьбу желаний и моральных требований внешней среды.

Автор ставит задачу привлечь внимание к проблематике возникающего чувства вины как превентивной формы самосознания позволяющей усваивать ценности общества и снижать уровень девиантного поведения.

Ключевые слова: моральное поведение, совесть, стыд, чувство вины, внутриличностный конфликт, интериоризация

Для цитирования: Александров Д.В. Чувство вины как моральный регулятор поведения // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 272 – 276.

Поступила в редакцию: 3 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Alexandrov D.V.,

¹ Tver branch of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

Guilt as a moral regulator of behavior

Abstract: the article analyzes the forms of external and internal regulator of human behavior (guilt), which acts as a motivator for its development, self-relationship, acceptance and implementation of the norms and rules accepted in society. The process of transforming external regulation of social behavior into internal management of needs and contradictions is considered as a way of developing intrapersonal beliefs and moral values accepted in society as one's own. The author points out the constructive and destructive features of the manifestation of the phenomenon of guilt as a source of the emergence of intrapersonal conflict, the struggle of desires and moral demands of the external environment.

The author sets the task of drawing attention to the problem of the emerging feeling of guilt as a preventive form of self-awareness that allows one to assimilate the values of society and reduce the level of deviant behavior.

Keywords: moral behavior, conscience, shame, guilt, intrapersonal conflict, internalization

For citation: Alexandrov D.V. Guilt as a moral regulator of behavior. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 272 – 276.

The article was submitted: April 3, 2025; Approved after reviewing: June 2, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Взаимодействие человека и общества осуществляется через создание и распределение культурных ценностей, норм, знаний и традиций, что, в свою очередь, сказывается на поведение индивида через проживаемое им чувство вины.

Вина, по мнению ряда ученых, есть регулятор социального поведения, помогающий соотнести индивидуального поведения личности высшим моральным предписаниям, соблюдать абсолютные моральные запреты, требующие при всех обстоятельствах избегать некоторых действий, не смотря на их кажущуюся разумность и целесообразность.

Феномен вины подразумевает процесс перехода регулирования внешнего социального поведения к внутреннему, как способа развития у личности убеждений и ценностей, а также возникновения внутренних противоречий в виде борьбы мотивов, желаний и требований.

Чувство вины может являться моральным регулятором поведения только тогда, когда нормы и правила общества становятся правилами индивида и их нарушение становится нарушением собственных установок. Сформированные в обществе правила должны пройти интериоризацию внутри личности, что формирует превентивную форму самосознания о недопустимости совершения девиаций.

Материалы и методы исследований

В ходе исследования был проведен сравнительный анализ различных точек зрения и характеристик понятия чувства вины (из различных научных источников отечественных и зарубежных) и раскрыто его влияние как регулятора морального поведения на индивида. Основываясь на полученных знаниях проведено обобщение и систематизация информации где чувство вины выступает как превентивная форма совершения преступления.

Результаты и обсуждения

Обратим внимание на авторов, раскрывающих понятие вины, как на одну из составляющих совести, которая рассматривается как многокомпонентная структура, включающая в себя не только вину, но и долг, и стыд. С.В. Стекланникова в своих работах пишет, что «по

*«Первое условие исправления — сознание своей вины»
(Сенека Луций Анней)*

мере социального взросления человека – и развития общества в целом – стыд, основанный на страхе гласности проступка, уступает место чувству стыда как вины, возникающей даже в тех случаях, когда человек абсолютно уверен в анонимности своего проступка. Переход от стыда-страха к стыду-вине происходит как процесс замещения страха чувством долга, усиления волевого компонента» [1, с. 20].

В.Н. Мясичев исследовал вину и стыд в рамках изучения самосознания и самоотношения, как оценку своих переживаний, мотивов и поступков с нормами и ценностями, принятыми в обществе, для того что бы являться частью этого общества. В свою очередь Г.Г. Матюшин отмечал социальную природу стыда и его проявление возникает у человека, когда есть люди, которые видят не правильность его поступка.

Если ориентироваться на психологический анализ совести, проведенный М. Хайдеггером, становится ясно, что ее первым проявлением является переживание чувства вины. З. Фрейд считал, что вина есть внутренний конфликт, который проявляется как разрыв между врожденными желаниями и моральным сознанием, главной целью которого является самонаказание.

Апресян Р.Г. в своих работах понимает вину как «состояние человека, обусловленное нарушением им долга, требований авторитета, обязанностей, накладываемых законом или соглашением» [4, с. 67-68]. Е.П. Ильин заключил, что «переживание вины вызывается самоосуждением, сопровождается раскаянием и снижением самооценки» [5, с. 159]. П. Экман справедливо утверждает, что «ощущение человеком вины сходно с чувством стыда, которое выступает как публичное явление и возникает только когда у совершенного поступка были свидетели, в то время вина – как личное, может возникать независимо от того, были ли у поступка, из-за которого человек испытывает данную эмоцию, свидетели или нет». В связи с чем, вина возникает как следствие осознания и внутренней оценки неправильности совершенного поступка, повлекшего за собой наступление негативных последствий.

Чувство вины по своей природе имеет не только конструктивную функцию, но и деструктивную. Эта негативная сторона вины ощущается человеком как угнетающее переживание, направленное на недовольство собственным – «Я». Как утверждает Н.В. Гришина, «людям с низким уровнем самоактуализации свойственен более высокий уровень самообвинения, чувство вины они испытывают чаще, и это чувство вызывает у них недовольство собой» [7, с. 81-87].

Отметим, что опасность переживания чувства вины состоит в ее социальной одобряемости и саморазрушающем отношении к себе, при этом человек может считать это чувство вполне заслуженным и не принимать мер к решению данного вопроса.

Не имея под собой логической и аргументированной основы, негативные эмоциональные переживания наносят вред психике и вводят человека в тревожно-депрессивные состояния, с потерей целей, планов на будущее и самоуважения. Происходит заикливание на негативных чувствах. Подобные переживания приводят к социальной пассивности, большой потере адаптационных ресурсов организма, инициативы, мотивации и низкой сопротивляемости к преодолению трудностей повседневной деятельности, формируя беспомощность как модель социального поведения.

Невротическая вина, возникающая из-за угрызения совести, ощущается человеком как внутреннее напряжение, проявляющееся в результате реально совершенных запретных действий или в качестве возникновения недопустимых мыслей, столкновении противоречащих убеждений или желаний, которые человек сам же считает недопустимыми по отношению к себе или окружающим.

Например, потеря близкого человека, переживание его утраты, может вызвать реакции самообвинения из-за воспоминаний о том, что когда-то испытывал гнев, не достаточно уделял внимания по отношению к умершему. В целях искупления вины, человеком могут приниматься неосознанные попытки искупить свою вину через страдания, которые подталкивают человека как различным опасным ситуациям. Вина сподвигает человека к совершению нравственных поступков только до тех пор, пока не переходит в иррациональный характер.

Поиск своего предназначения, ответственность за выбранный жизненный путь, обесценивание или потеря смысла жизни, осознание себя не состоявшимся переходят в переживание чувства экзистенциальной вины.

Вина есть ни что иное как социальный контроль над поведением человека в обществе, необходимый для соблюдения социальных норм и законов. Люди, стремящиеся к власти, могут использовать ее как инструмент для манипуляций, усиливая воздействие через религиозные и моральные установки. Манипуляторы навязывают чувство вины за мысли, желания, мировоззрение или поступки человека, которые тот может интерпретировать как «не правильные», вызывая у них чувство страха угрозой общественного порицания или наказания, а в широком понимании возможность быть отвергнутыми обществом, что заставляет объект манипуляций концентрировать внимание на регулировании собственного поведения. Такие манипулятивные действия могут подавлять волю человека и формировать зависимую модель поведения.

Необходимо отметить, что желание и стремление к власти может быть источником внутриличностного конфликта человека если они не совпадают с моральными ценностями человека, которые могут стать поводом, останавливающим развитие личности. Для снятия напряжения вызванного внутриличностным конфликтом и чувства вины люди могут прибегать к жестокости и коррупции.

У каждого человека есть жизненный этап, когда не определены основы морально-нравственного поведения, принятые в обществе и основным направляющим фактором на формирование социальных норм выступает страх. Желание соблюдать установленные правила возникает из-за страха получить физическое наказание от общества за не правильное поведение, что заставляет человека вести себя в соответствии с установленными требованиями и общественными ожиданиями. Вторым фактором является стыд, в основе которого так же лежит страх, но только не перед физическим наказанием от общества, а от общественного осуждения, боязни потерять авторитет, социальный статус или доброжелательные отношения с другими людьми.

У человека в процессе интериоризации общественные нормы принимаются как свои собственные убеждения, при отступлении от которых возникает чувство вины представляющая собой результат нарушения уже внутриличностных норм, установок и правил поведения.

В первых двух случаях влияние на поведение человека оказывает общество, в третьем случае человек сам регулирует свое социальное поведение и поступая тем или иным образом ориентируется на свои собственные принципы,

при возникновении расхождений с которыми, появляется чувство вины. Вина отличается от стыда продолжительностью переживания и не связана с ожидаемой оценкой людей несоответствующего поведения, а проявляется в несовпадении поведения или мыслей человека с сформированными внутриличностными стандартами или идеалами поведения.

Чувство вины является одним из видов внутреннего конфликта личности, где происходит столкновение понимания о совершенных действиях и идеализированных представлениях от том, как должно быть, сопровождающаяся сильными эмоциональными переживаниями, дискомфортом и напряженностью. Человек осознает, как удовлетворяются его потребности, чувство вины сигнализирует, о том, что он совершил ошибку, нарушил моральные принципы и необходимо принимать меры к исправлению.

Совесть является четвертым фактором, влияющим на регуляцию поведения человека имеющий упреждающее свойство с помощью морально-нравственного самоконтроля. Не дожидаясь совершения действия, возможных негативных последствий и появления вины происходит самоанализ поступков на предмет соответствия внутриличностным нормам и убеждений принятых и сформированных на основе общественных принципов.

По мнению С.В. Горнаева развитие регуляции поведения можно представить в виде схемы:

«отсутствие морально-нравственных основ поведения – страх – стыд – вина – совесть» [8, с. 48], показывающий нам переход от социального контроля поведения к внутриличностному.

Выводы

Таким образом, вина является частью жизненного опыта человека, возникающего в результате внутриличностного конфликта между собственными желаниями, переживаниями и побуждениями передавать свою лояльность обществу в соответствии с морально-нравственными ценностями, устоями, традициями, правилами и нормами в котором он социализировался. Выступая триггером внешнего морального поведения, вина мотивирует человека к проявлению таких чувств как справедливость и ответственность, при внутреннем контроле выступает эмоцией отношения человека к самому себе, выражая заботу о благополучии других людей.

Чувство вины может срабатывать как защитный механизм перед страхом осуждения и наказания со стороны общества, демонстрация которого является мерой самонаказания, а может играть упреждающую роль, направленную на предотвращение возможных негативных последствий через самоосознание совершаемых индивидом поступков, тем самым, не допуская его к совершению девиантных форм поведения.

Список источников

1. Стекланникова С.В. Совесть как социокультурный регулятив : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 23 с.
2. Апресян Р.Г. Этика: энциклопедический словарь. М., 2001. 449 с.
3. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2009. 576 с.
4. Гришина Н.В. Введение в экзистенциальную психологию: учеб. Пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2015. 120 с.
5. Горнаева С.В. Вина и стыд в контексте психологической регуляции социального поведения личности // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2. С. 47 – 49.
6. Корниенко А.Ф. Возникновение и развитие допсихических, психических и социальных форм регуляции поведения организма, субъекта, личности. Казань: Изд-во «Печать Сервис – XXI век», 2010. 185 с.
7. Матюшин Г.Г. Стыд и совесть как формы моральной оценки. М., 1998. 233 с.
8. Мясищев В.Н. Психология отношений. М.: МПСИ. 2004. 400 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время: пер. с нем. Бибихина В.В. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.
10. Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб : Питер, 2010. 304 с.

References

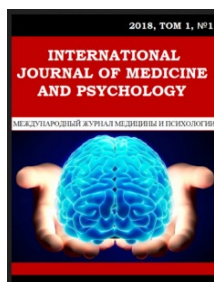
1. Steklyannikova S.V. Conscience as a Sociocultural Regulator: Abstract of a Cand. Sci. (Philos.) Dissertation. Rostov-on-Don, 2001. 23 p.
2. Apresyan R.G. Ethics: Encyclopedic Dictionary. Moscow, 2001. 449 p.
3. Ilyin E.P. Psychology of Communication and Interpersonal Relations. St. Petersburg: Piter, 2009. 576 p.
4. Grishina N.V. Introduction to Existential Psychology: Textbook. Manual. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2015. 120 p.

5. Gornaeva S.V. Guilt and shame in the context of psychological regulation of social behavior of an individual. The world of science, culture, education. 2012. No. 2. P. 47 – 49.
6. Kornienko A.F. The emergence and development of prepsychic, mental and social forms of regulation of behavior of an organism, subject, personality. Kazan: Publishing house “Pechat Service – XXI century”, 2010. 185 p.
7. Matyushin G.G. Shame and conscience as forms of moral assessment. Moscow, 1998. 233 p.
8. Myasishchev V.N. Psychology of relations. Moscow: MPSI. 2004. 400 p.
9. Heidegger M. Being and time: trans. from German by Bibikhina V.V. Kharkov: Folio, 2003. 503 p.
10. Ekman P. Psychology of lying. Lie to me if you can. St. Petersburg: Piter, 2010. 304 p.

Информация об авторе

Александров Д.В., старший преподаватель, Spin-код 8164-1056, Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 170040, Россия, Тверь, ул. Кривичская 12, dim.alexand2016@yandex.ru

© Александров Д.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 002.304

¹ Антонов А.К.,

¹ Московский инновационный университет

Взаимосвязь личного пространства и успешности социальной адаптации мигрантов

Аннотация: в данной статье рассматривается важная, но малоизученная проблема влияния личного пространства на процесс социальной адаптации трудовых мигрантов из Средней Азии в России.

Результаты исследования показали, что 70% опрошенных – проживают в условиях, не соответствующих санитарным нормам, при этом 85% респондентов испытывают постоянный дискомфорт из-за невозможности уединения. Были выявлены три основные стратегии адаптации: создание условных личных зон в общем пространстве, использование общественных мест для уединения и сознательное ограничение социальных контактов. Особый интерес представляют данные о том, что мигранты, имеющие возможность жить в менее стесненных условиях, демонстрируют значительно более высокие показатели психологического благополучия и социальной интеграции.

Ключевые слова: миграция, адаптация, личное пространство, жилищные условия, трудовые мигранты, социальная интеграция, качественное исследование, психологический комфорт

Для цитирования: Антонов А.К. Взаимосвязь личного пространства и успешности социальной адаптации мигрантов // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 277 – 281.

Поступила в редакцию: 4 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июня 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Antonov A.K.,

¹ Moscow Innovation University

The relationship between personal space and the success of social adaptation of migrants

Abstract: this article examines an important but little-studied problem of the impact of personal space on the process of social adaptation of labor migrants from Central Asia in Russia.

The results of the study showed that 70% of the respondents live in conditions that do not meet sanitary standards, while 85% of the respondents experience constant discomfort due to the impossibility of privacy. Three main adaptation strategies were identified: the creation of conditional personal zones in a common space, the use of public places for privacy, and the conscious restriction of social contacts. Of particular interest is the data that migrants who have the opportunity to live in less cramped conditions demonstrate significantly higher indicators of psychological well-being and social integration.

Keywords: migration, adaptation, personal space, living conditions, labor migrants, social integration, qualitative research, psychological comfort

For citation: Antonov A.K. The relationship between personal space and the success of social adaptation of migrants. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 277 – 281.

The article was submitted: April 4, 2025; Approved after reviewing: June 4, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена растущим числом трудовых мигрантов из стран Средней Азии в России и сложностями их социальной адаптации. В последние годы проблема интеграции приезжих работников становится все более значимой, однако один из ключевых аспектов (влияние личного пространства на процесс адаптации) – остается недостаточно изученным. В ходе предварительных наблюдений и бесед с мигрантами я обратил внимание, что многие из них испытывают серьезный дискомфорт из-за стесненных жилищных условий, что негативно сказывается на их психологическом состоянии и способности адаптироваться к жизни в новой среде. Особенно остро эта проблема проявляется в Москве, где высокая стоимость жилья вынуждает мигрантов селиться в перенаселенных комнатах и общежитиях [2, 8].

Целью моей работы стало изучение того, как параметры личного пространства влияют на успешность социальной адаптации трудовых мигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. Мне было важно понять, какие именно аспекты жилищных условий наиболее значимы для процесса интеграции, как мигранты справляются с недостатком личного пространства и какие стратегии адаптации они вырабатывают. В исследовании приняли участие 20 трудовых мигрантов, работающих в различных сферах – строительстве, торговле, сфере услуг [5].

Теоретической основой исследования стали работы Э. Холла о проксемике, рассматривающие культурные особенности восприятия пространства, а также теория аккультурации Дж. Берри [1, 6]. Эти подходы помогли мне разработать методику изучения проблемы и проанализировать полученные данные. Особое внимание я уделил сравнению культурных норм, связанных с личным пространством, в странах исхода мигрантов и в России, так как именно это несоответствие часто становится источником трудностей адаптации.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть полезны для центров адаптации мигрантов, общественных организаций и работодателей, которые сталкиваются с проблемами интеграции приезжих работников.

Моя работа основана на качественных методах исследования – глубинных интервью и наблюдениях, что позволило получить детальную картину повседневной жизни мигрантов и их реальных проблем.

Материалы и методы исследований

В рамках данного исследования был проведен качественный анализ влияния личного пространства на процесс адаптации трудовых мигрантов из стран Средней Азии в условиях Москвы. В исследовании приняли участие 20 респондентов – 12 мужчин и 8 женщин в возрасте от 25 до 45 лет. Отбор участников осуществлялся через личные контакты и рекомендации, что позволило сформировать репрезентативную выборку.

Основным методом сбора данных стали глубинные структурированные интервью продолжительностью от 30 до 60 минут. Всего было проведено 20 интервью, в ходе которых обсуждались такие ключевые темы, как условия проживания, опыт взаимодействия с местным населением и основные проблемы адаптации [7]. Дополнительно проводилось включенное наблюдение в местах проживания мигрантов – было посещено 5 общежитий и 3 съемные квартиры, где фиксировались особенности организации жилого пространства и повседневные практики использования территории. В качестве третьего метода использовался анализ документов, включавший изучение 5 нормативных актов, регулирующих права мигрантов, и 3 отчетов общественных организаций, работающих с данной категорией населения.

Обработка полученных данных осуществлялась в несколько этапов. После транскрипции интервью проводилось ручное тематическое кодирование текстов с выделением основных категорий анализа. На следующем этапе выявлялись повторяющиеся темы и поведенческие паттерны, после чего осуществлялся сравнительный анализ отдельных кейсов. Особое внимание уделялось соблюдению этических норм исследования – все участники давали добровольное согласие, гарантировалась полная анонимность, сохранялось право на отказ от участия на любом этапе работы.

Следует отметить ряд ограничений проведенного исследования. Небольшой объем выборки (20 человек) и ее локальный характер (только Москва) не позволяют экстраполировать полученные результаты на всю популяцию трудовых мигрантов в России [9]. Кроме того, качественная методология предполагает определенную степень субъективности в интерпретации данных. Тем не менее, данное исследование носит поисковый характер и позволяет выявить ключевые проблемные точки, требующие дальнейшего, более масштабного изучения. Полученные результаты создают основу

для разработки более детальных количественных исследований по данной проблематике.

Результаты и обсуждения

Проведенное исследование выявило ряд важных закономерностей, касающихся условий проживания и адаптации трудовых мигрантов в Москве. Анализ данных показал, что 70% опрошенных (14 человек из 20) проживают в стесненных условиях, где на одну комнату приходится более трех человек. Средняя площадь на одного человека составила всего 3,2 м², что значительно ниже рекомендуемой нормы в 4,5 м². Особенно тревожным является тот факт, что каждый четвертый участник исследования (5 человек) не имеет даже собственного спального места, вынужден делить кровать с соседями по комнате [3].

Проблема личного пространства оказалась крайне значимой для большинства респондентов. 85% опрошенных (17 человек) отметили постоянный дискомфорт из-за невозможности уединиться, а 60% (12 человек) сталкивались с конфликтами, вызванными нарушением личных границ. При этом лишь 40% участников (8 человек) смогли в той или иной степени адаптироваться к сложившейся ситуации, изменив свои привычки и поведение.

В ходе исследования были выявлены различные стратегии, которые используют мигранты для создания иллюзии личного пространства в стесненных условиях. Наиболее распространенными оказались: организация условных "личных зон" с помощью полок, занавесок или других подручных средств; использование общественных мест (парков, библиотек) для временного уединения; сознательное ограничение контактов с соседями в свободное время. Эти адаптационные механизмы свидетельствуют о том, что потребность в личном пространстве является базовой для большинства людей, независимо от их культурных особенностей [4, 10].

Основные проблемы, с которыми сталкиваются мигранты в условиях ограниченного личного пространства, можно разделить на три категории. На первом месте стоит невозможность полноценного отдыха (эту проблему отмечали 18 респондентов), что негативно сказывается на работоспособности и общем самочувствии. Второй по значимости проблемой являются трудности с хранением личных вещей (15 упоминаний), что приводит к постоянному ощущению незащищенности. Третья важная проблема – хроническое психологическое напряжение (12 упоминаний), вызванное

необходимостью постоянно находиться в тесном контакте с другими людьми.

Обсуждение полученных результатов подтверждает первоначальную гипотезу о ключевой роли личного пространства в процессе адаптации. Особенно показательными оказались примеры тех мигрантов, которым удалось улучшить свои жилищные условия (достичь нормы в 4,5 м² на человека). Эти респонденты демонстрировали значительно более высокий уровень удовлетворенности жизнью, лучшее психологическое состояние и более успешную социальную интеграцию по сравнению с теми, кто продолжал жить в стесненных условиях.

Интересным аспектом исследования стало наблюдение за культурными различиями в восприятии личного пространства. Многие респонденты, особенно выходцы из сельских районов Средней Азии, изначально не придавали особого значения личным границам, будучи привычными к тесным контактам и совместному проживанию. Однако со временем большинство из них были вынуждены пересмотреть свои привычки и выработать новые стратегии поведения, соответствующие московским реалиям.

Необходимо отметить ряд ограничений данного исследования. Небольшой объем выборки (20 человек) не позволяет экстраполировать полученные результаты на всю популяцию трудовых мигрантов. Локализация исследования только в Москве также ограничивает возможности обобщения, так как в других городах России ситуация может существенно отличаться. Кроме того, следует учитывать определенную субъективность оценок, данных самими респондентами.

Перспективы дальнейших исследований в этом направлении видятся в следующих аспектах: расширение выборки за счет включения большего числа участников из разных регионов; проведение сравнительного анализа условий адаптации в различных городах России; разработка конкретных практических рекомендаций по оптимизации жилищных условий для трудовых мигрантов.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, личное пространство действительно является важным фактором успешной адаптации мигрантов. Во-вторых, его недостаток приводит к хроническому стрессу, межличностным конфликтам и снижению общего качества жизни. В-третьих, существует острая необходимость в разработке специальных

программ, направленных на улучшение жилищных условий трудовых мигрантов и помощь в их социальной адаптации.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить ключевые закономерности взаимосвязи личного пространства и успешности социальной адаптации трудовых мигрантов из стран Средней Азии в Москве. Анализ интервью и наблюдений за 20 респондентами показал, что проблема личного пространства действительно является значимым фактором, влияющим на весь процесс интеграции в новое общество. Полученные данные подтвердили первоначальную гипотезу о том, что соблюдение минимальных норм личного пространства (не менее 4,5 м² на человека) способствует более успешной адаптации мигрантов.

Особенно показательными оказались различия в восприятии личных границ между мигрантами и принимающим обществом. Культурные особенности выходцев из Средней Азии, где традиционно приняты более тесные контакты и совместное проживание, вступают в противоречие с российскими нормами поведения, предполагающими соблюдение дистанции и ценность приватности. Это несоответствие становится источником постоянного стресса и межличностных конфликтов, что существенно затрудняет процесс адаптации.

Важным результатом исследования стало выявление конкретных стратегий, которые вырабатывают мигранты для компенсации недостатка личного пространства. Создание условных границ в общих помещениях, использование общественных мест для уединения, изменение привычных моделей поведения – все эти адаптационные механизмы свидетельствуют о

значимости пространственного фактора в процессе интеграции. Особенно тревожным представляется тот факт, что большинство респондентов (85%) испытывают постоянный дискомфорт от невозможности уединения, что негативно сказывается на их психологическом состоянии и работоспособности.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для разработки конкретных мер по улучшению условий проживания трудовых мигрантов. В частности, представляется необходимым:

- 1) пересмотр нормативов размещения мигрантов с учетом выявленных потребностей в личном пространстве;
- 2) разработка специальных программ психологической поддержки;
- 3) создание информационных материалов, помогающих мигрантам быстрее адаптироваться к новым пространственным нормам.

Несмотря на ограничения, связанные с небольшим объемом выборки и локальным характером исследования (только Москва), полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на проблему адаптации мигрантов. Они свидетельствуют о том, что вопросы личного пространства не являются второстепенными и требуют серьезного внимания со стороны как государственных структур, так и общественных организаций, работающих с мигрантами. Дальнейшие исследования в этом направлении могли бы охватить более широкие группы мигрантов в разных регионах России, что позволило бы выявить общие закономерности и разработать комплексные решения этой важной социальной проблемы.

Список источников

1. Берри Дж.У. Аккультурация и психологическая адаптация: теория и приложения. Москва: Изд-во МГУ, 2018. 342 с.
2. Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация мигрантов в современной России // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 3. С. 45 – 56.
3. Закон Российской Федерации "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации": федер. закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 01.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
4. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. Москва: Ключ-С, 2019. 224 с.
5. Методика исследования социальной адаптации мигрантов: методич. пособие / под ред. А. Р. Мухиной. Москва: Ин-т социологии РАН, 2021. 156 с.
6. Холл Э.Т. Молчаливый язык: пер. с англ. В.В. Знаменского. Санкт-Петербург: Питер, 2017. 298 с.
7. Chen S. Cross-cultural adaptation: Current approaches // International Journal of Intercultural Relations. 2022. Vol. 86. P. 109 – 125. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2021.11.003

8. Gelfand M.J. Rule makers, rule breakers: How tight and loose cultures wire our world. New York: Scribner, 2018. 368 p.
9. Migration and Integration in Moscow: Statistical Yearbook 2023 / Moscow Government. Moscow: Department of Social Development, 2023. 214 p.
10. Ward C., Bochner S., Furnham A. The psychology of culture shock. 2nd ed. London: Routledge, 2020. 368 p.

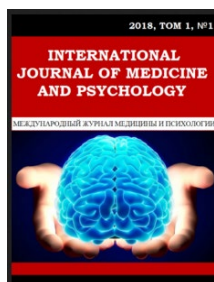
References

1. Berry J.W. Acculturation and psychological adaptation: theory and applications. Moscow: Moscow State University Press, 2018. 342 p.
2. Gritsenko V.V. Social and psychological adaptation of migrants in modern Russia. Psychological journal. 2020. Vol. 41. No. 3. P. 45 – 56.
3. Law of the Russian Federation "On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation": federal law of 25.07.2002 No. 115-FZ (as amended on 01.07.2023). Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3032.
4. Lebedeva N.M. Introduction to ethnic and cross-cultural psychology. Moscow: Klyuch-S, 2019. 224 p.
5. Methodology for studying the social adaptation of migrants: a methodological manual. edited by A.R. Mukhina. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2021. 156 p.
6. Hall E.T. The Silent Language: trans. from English by V.V. Znamensky. St. Petersburg: Piter, 2017. 298 p.
7. Chen S. Cross-cultural adaptation: Current approaches. International Journal of Intercultural Relations. 2022. Vol. 86. P. 109 – 125. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2021.11.003
8. Gelfand M.J. Rule makers, rule breakers: How tight and loose cultures wire our world. New York: Scribner, 2018. 368 p.
9. Migration and Integration in Moscow: Statistical Yearbook 2023. Moscow Government. Moscow: Department of Social Development, 2023. 214 p.
10. Ward C., Bochner S., Furnham A. The psychology of cultural shock. 2nd ed. London: Routledge, 2020. 368 p.

Информация об авторе

Антонов А.К., Московский инновационный университет, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 7, antonow.arsenij2015@yandex.ru

© Антонов А.К., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.923.2

¹ *Процукович Е.П.,*

¹ *Благовещенский государственный педагогический университет*

Дифференциация субъективного благополучия: анализ содержательных характеристик в полярных группах

Аннотация: субъективное благополучие личности рассматривается как психическое состояние. С учётом выделения в его структуре когнитивного и эмоционально-оценочного компонентов в статье описываются результаты эмпирического исследования, направленного на выявление особенностей содержательных характеристик данного психического состояния с учетом полярности (в данном случае: «благополучие – неблагополучие»). По данным диагностики и статистической обработки были установлены различия практически по всем составляющим, кроме образа самого себя и активного отношения к жизни личности (респонденты обеих групп демонстрируют принятие себя и умеренную активность). Личность в состоянии благополучия характеризуется повышенным, устойчивым настроением и тонусом. Отмечается наличие ожидания перспектив будущего. Субъект может распределять свое время достаточно эффективно. Отмечается успокоенность, в каком-то роде даже безразличие. Низкий уровень субъективного благополучия обуславливает сужение интересов личности и возрастания уровня опасений насчет будущего. Выявлена тенденция к обособленности. При этом нежелание субъекта находиться на людях сочетается с тенденцией нормативности, зависимости от окружающих. Уровень немотивированной тревоги – невысокий. Настроение достаточно устойчиво и характеризуется ровным умеренно положительным тоном с адекватностью психической регуляции.

Ключевые слова: психическое состояние, полярность, когнитивный и эмоционально-оценочные компоненты субъективного благополучия

Для цитирования: Процукович Е.П. Дифференциация субъективного благополучия: анализ содержательных характеристик в полярных группах // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 282 – 286.

Поступила в редакцию: 5 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июня 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ *Protsukovich E.P.,*

¹ *Blagoveshchensk State Pedagogical University*

Differentiation of subjective well-being: analysis of meaningful characteristics in polar groups

Abstract: the subjective well-being of a person is considered as a mental state. Taking into account the allocation of cognitive and emotional-evaluative components in its structure, the article describes the results of an empirical study aimed at identifying the features of the meaningful characteristics of this mental state, taking into account the polarity (in this case: "well-being – disadvantage"). According to diagnostic and statistical data, differences were found in almost all components, except for self-image and an active attitude to personal life (respondents in both groups demonstrate self-acceptance and moderate activity). A person in a state of well-being is characterized by an elevated, stable mood and tone. There is an expectation of future prospects. The subject can allocate his time efficiently enough. There is a calmness, even a kind of indifference. A low level of subjective well-being causes a narrowing of personal interests and an increasing level of fears about the future. The tendency towards isolation is

revealed. At the same time, the subject's unwillingness to be in public is combined with a tendency to normality, dependence on others. The level of unmotivated anxiety is not high. The mood is quite stable and is characterized by an even, moderately positive tone with adequate mental regulation.

Keywords: mental state, polarity, cognitive and emotional-evaluative components of subjective well-being

For citation: Protsukovich E.P. Differentiation of subjective well-being: analysis of meaningful characteristics in polar groups. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 282 – 286.

The article was submitted: April 5, 2025; Approved after reviewing: June 4, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Изучение феномена благополучия субъекта продолжает быть актуальным в связи ориентацией общества на повышение качества жизни человека и помощи людям в условиях нестабильного мира. Субъективное благополучие личности представляет собой реакцию на внешние и внутренние стимулы, в его основе лежит оценочно-отношенческая категоризация субъекта, выстроенная на представлениях о самом себе и окружающей действительности. Основная структура определений понятия субъективного благополучия может быть выстроена на следующих характеристиках: активное субъективное интегральное отношение к внешней и внутренней среде, соотносимое не только с удовлетворением потребностей, но и с возможностью их удовлетворения; прологированность во времени; направленность на позитивное функционирование; не тождественность отсутствию патологии и нарушению здоровья; обобщенность и значимость переживаний [1, 2, 3, 4, 5].

Являясь относительно продолжительным психическим состоянием, субъективное благополучие характеризуется ощущением удовлетворённости и обладает такой характеристикой, как полярность [6, 7]. В зависимости от нахождения в крайних «точках» данной полярности меняются и содержательные характеристики данного состояния [6, 8, 9]. С учётом выделения в структуре субъективного благополучия когнитивного и эмоционально-оценочного компонентов в статье описываются результаты исследования, направленного на выявление особенностей содержательных характеристик таких параметров данного психического состояния, как: образа самого себя, эмоциональный фон, удовлетворенность жизнью в целом и активность отношения к жизненной ситуации – в различных «полярностях» благополучия.

Материалы и методы исследований

При подготовке статьи использовались следующие методы и методики: теоретический анализ; тестирование (методика «Шкала субъективного благополучия» («ШСБ») в адаптации М.В. Соко-

ловой, опросник «Методика определения доминирующего состояния» Л.В. Куликова); U-критерий Манна-Уитни. Поскольку гипотеза исследования была связана с предположением о наличии особенностей содержательных характеристик субъективного благополучия с учетом его полярности, на первом этапе была использована методика «ШСБ». На основании ее результатов были сформированы две группы: «благополучные» (30 человек) и «неблагополучные» (30 человек). Средний уровень состояния не учитывался. В целом, выборка составила 60 респондентов в возрасте от 25 до 45 лет (из них 38 женщин и 28 мужчин).

Результаты и обсуждения

При изучении образа самого себя у личности с разным уровнем благополучия при помощи методики Л.В. Куликова было установлено, что субъективно благополучные испытуемые имеют сниженную критичность в самооценивании, больше ориентированы на принятие себя со своими достоинствами и недостатками (средний балл – 61,2). Интересен тот факт, что у 20 % испытуемых обнаружена тенденция к социальной желательности (большую часть из них составили женщины: 16 % из 20), тем самым они стремятся быть более привлекательными и социально одобряемыми.

Стоит отметить, что вопросы, входящие в данную шкалу методики, связаны по большей части с ориентацией на широкую общественность и с морально одобряемым образом субъекта, отражают умение взаимодействовать с людьми в рамках вежливости.

В группе с полярностью «неблагополучие» показатель образа себя составляет 52,4 баллов. Это свидетельствует о принятии личностью себя, однако в этой группе в большей степени проявляется критичность к собственным чертам и состоянию. У 14 % респондентов данной выборки отмечается склонность к большей искренности в самооценивании и негативное отношение к себе. В тоже время статистически достоверных различий между группами по шкале «образ самого себя» не обнаружено ($U_{эмп}=340$, $p \geq 0,05$).

Применение Манна-Уитни в отношении конкретных вопросов, входящих в нее, позволило заключить, что по вопросу «Мне часто приходят в голову мысли, о которых лучше не рассказывать» существуют достоверные различия между группами ($p \leq 0,05$). При этом, это в большей степени свойственно субъективно неблагополучным испытуемым, что отражает некое чувство вины.

С целью изучения особенностей содержания субъективного благополучия у испытуемых с разным его уровнем исследовался его эмоционально-оценочный компонент. В компонент «эмоциональный фон» были включены следующие шкалы

опросника Куликова: «бодрость - уныние» («Бо»), «тонус: высокий - низкий» («То»), «раскованность-напряженность» («Ра»), «спокойствие-тревога» («Сп»), «устойчивость-неустойчивость эмоционального фона» («Ус»). Остальные два компонента соответствуют выделяемым шкалам: «удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом» («Уд»), «активное – пассивное отношение к жизненной ситуации» («Ак»).

Применение U – критерия позволило заключить наличие достоверно значимых различий между группами респондентов (табл. 1) по всем шкалам кроме «Ак».

Таблица 1

Показатели эмоционально-оценочного компонента субъективного благополучия.

Table 1

Indicators of the emotional-evaluative component of subjective well-being.

Шкала опросника	Средние баллы		Уровень значимости
	Высокий уровень благополучия	Низкий уровень благополучия	
«Ак»	48,5	37,2	$p \geq 0,05$
«То»	53,2	38,8	$p \leq ,01$
«Бо»	56,1	35,6	$p \leq ,01$
«Ра»	54	38,2	$p \leq ,01$
«Сп»	58,75	39,4	$p \leq ,05$
«Ус»	59,75	42,8	$p \leq ,01$
«Уд»	62,5	43	$p \leq ,01$

Следует отметить, что при сравнении групповых результатов по «Ак» в группе респондентов с высоким уровнем благополучия всё же проявляется активное, оптимистичное отношение к жизненной ситуации. Ощущается наличие сил для достижения целей, тогда как в группе респондентов с низким уровнем отмечаются пассивное отношение к жизненной ситуации, неверие в возможности преодоления препятствий, но эти результаты не могут считаться достоверными.

Как отмечает Л.В. Куликов, «...шкала позволяет составить представление о характеристике состояния, в большинстве случаев сильнее зависящей от соответствующего свойства личности – активности, чем от других факторов» [10, с. 36]. Можно предположить, что меньшая репрезентация активности у респондентов с низким его уровнем обуславливает и меньшую активность в отношении жизненной позиции. В реальной же ситуации это не всегда возможно, т.к. наличие неблагополучия часто связано с какой-либо стрессовой ситуацией, которая запускает механизм активизации, т.е. ситуация в отношении состояния благополучия предстает как бы детерминирующей.

Что касается компонента «эмоциональный фон», то группы с различной полярностью благополучия отличаются следующим образом. У ре-

спондентов с высоким уровнем благополучия преобладает приподнятое, энергичное настроение, отмечаются достаточно широкий круг интересов, ощущение предвкушения радостных событий; они характеризуются желанием действовать. На возникающие проблемы респонденты проявляют стеническую реакцию, отмечается наличие субъективного чувства внутренней собранности. В текущем моменте субъект не усматривает вызова, имеющиеся проблемы для него в значительной степени проработаны или имеется план их разрешения. Настоящее и будущее воспринимается как комфортное. Субъект может распределять и организовывать свое время. Отмечаются низкий уровень эмоциональной напряженности, успокоенность, в каком-то роде даже безразличие. Вегетативные проявления беспокойства – минимальны. Уровень генерализованной («немотивированной») тревоги низкий. Устойчивость эмоционального фона высокая (средний балл по группе практически идентичен максимальному).

Эмоциональный фон у респондентов с низким уровнем субъективного благополучия характеризуется пониженным настроением, сужением интересов, разочарованием в ходе событий и самом себе, опасениями насчет будущего хода жизни. По сравнению с остальными по шкале «То» отмеча-

ются самые низкие показатели (35,6). Хотя они и не сводятся к минимальной выраженности (24 балла), можно заключить о том, что для личности с низким уровнем благополучия характерна усталость, в том числе на физиологическом уровне (затруднения при засыпании и пробуждении, чувствительность к изменениям погоды и прочее), а также отмечаются недостаток собранности и склонность к вялости в поведении.

Тенденция к обособленности, нежелание находится на людях, сочетаются с тенденцией к нормативности и долженствованию. Отмечается переживание значимости осуществляемого поведения, свойственно увеличенное вовлечение ресурсов. Уровень немотивированной тревоги средний, тревога в большинстве своем соотносится с реальными причинами. Среди видов тревоги для генерализованной в наибольшей степени характерны длительные, долго незатухающие эмоциональные переживания. В связи с этим можно предположить, что либо длительность и / или интенсивность испытываемых респондентами переживаний невысока, либо большие компенсаторные механизмы определяют полученные результаты. Настроение испытуемых достаточно устойчиво и характеризуется ровным умеренно положительным тоном с адекватностью психической регуляции.

Личность, обладающая высоким уровнем субъективного благополучия, испытывает чувство удовлетворения жизнью в целом, её развитием и возможностями для самореализации. Достаточно высокая оценка личностной успешности.

В то же время, личность с низким уровнем благополучия характеризуется нормативной удовлетворенностью жизнью и уровнем самореализации. Невысокая удовлетворенность проявляется в том, как именно в настоящем времени разворачиваются основные жизненные события.

Выводы

Таким образом, активное отношение к жизни не взаимосвязано с уровнем субъективного благополучия. Образ самого себя при разной полярированности благополучия говорит о принятии субъектов и той, и другой группы самих себя, при низком уровне благополучия отмечается тенденция к большему стремлению к искренности и более негативное отношение к себе. Личность в состоянии благополучия характеризуется повышенным настроением, ожиданием радостных событий, повышенным тонусом и устойчивостью эмоционального фона в общем. Субъект может распределять и организовывать свое время. Отмечается успокоенность, в каком-то роде даже безразличие.

Низкий уровень благополучия обуславливает пониженное настроение и сниженный тонус, сужение интересов и опасения насчет будущего. Тенденция к обособленности, нежелание находится на людях сочетается с тенденцией нормативности, зависимости от окружающих. Свойственно увеличенное вовлечение ресурсов. Уровень немотивированной тревоги – невысокий. Настроение достаточно устойчиво и характеризуется ровным умеренно положительным тоном с адекватностью психической регуляции.

Список источников

1. Лебедева М.В., Вербина Г.Г. Субъективное и психологическое благополучие как категории современной психологии // International Journal of Medicine and Psychology. 2021. Т. 4. № 5. С. 48 – 52.
2. Процукович Е.П., Афонасенко Е.В. Исследование копинг-стратегий педагогов высшей школы с разным уровнем субъективного благополучия // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 9 (211). С. 545 – 550. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2022.9. p545-551
3. Процукович Е.П. Субъективное благополучие как психическое состояние // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 1 (32). С. 202 – 204.
4. Скачков Л.С., Герасимова О.Я., Кривошеева-Медянцева Д.Д. Индексы субъективного благополучия в оценке уровня счастья россиян // Управленец. 2024. Т. 15. № 5. С. 2 – 21. DOI 10.29141/2218-5003-2024-15-5-1
5. Haybron D.M. The Pursuit of Unhappiness: The Elusive Psychology of Well-Being. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008; Subjective Well-Being and Life Satisfaction / Ed. by J.E.Maddux. New York; London: 2018. 369 p. ISBN 978-0-19-954598-8
6. Куликов Л.В. Психология настроения личности: специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии»: дис. ... докт. психол. наук. Санкт-Петербург, 1997. 429 с.
7. Куликов Л.В., Донцов Д.А. Психология эмоций и чувств : учебное пособие. Москва: ООО «Русайнс», 2021. 248 с. ISBN 978-5-4365-8276-4
8. Прохоров А.О. Смысловая регуляция психических состояний: монография. Москва: Институт психологии РАН, 2009. 346 с. ISBN 978-5-9270-0142-2.

9. Прохоров А.О. Структурно-функциональная организация ментальной регуляции психических состояний // Методология, теория, история психологии личности: Сборник статей / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Никитина, Н.Е. Харламенкова. Москва: Институт психологии РАН, 2019. С. 69 – 77.

10. Прохоров А.О., Валиуллина М.Е., Габдреева В.Ш. и др. Психология состояний. Москва: ООО «Когито-Центр», 2011. 624 с. ISBN 978-5-89353-337-8

References

1. Lebedeva M.V., Verbina G.G. Subjective and psychological well-being as categories of modern psychology. International Journal of Medicine and Psychology. 2021. Vol. 4. No. 5. P. 48 – 52.

2. Protsukovich E.P., Afanasenko E.V. Study of coping strategies of higher education teachers with different levels of subjective well-being. Scientific notes of P.F. Lesgaft University. 2022. No. 9 (211). P. 545 – 550. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2022.9. p545-551

3. Protsukovich E.P. Subjective well-being as a mental state. The world of science, culture, education. 2012. No. 1 (32). P. 202 – 204.

4. Skachkov L.S., Gerasimova O.Ya., Krivosheeva-Medyantseva D.D. Subjective Well-Being Indices in Assessing the Level of Happiness of Russians. Manager. 2024. Vol. 15. No. 5. P. 2 – 21. DOI 10.29141/2218-5003-2024-15-5-1

5. Haybron D.M. The Pursuit of Unhappiness: The Elusive Psychology of Well-Being. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008; Subjective Well-Being and Life Satisfaction. Ed. by J.E.Maddux. New York; London: 2018. 369 p. ISBN 978-0-19-954598-8

6. Kulikov L.V. Psychology of personality mood: specialty 19.00.01 "General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology": dis. ... doctor of psychological sciences. St. Petersburg, 1997. 429 p.

7. Kulikov L.V., Dontsov D.A. Psychology of emotions and feelings: a textbook. Moscow: ООО "Ruscience", 2021. 248 p. ISBN 978-5-4365-8276-4

8. Prokhorov A.O. Semantic regulation of mental states: monograph. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2009. 346 p. ISBN 978-5-9270-0142-2.

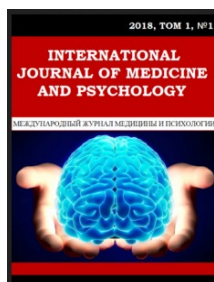
9. Prokhorov A.O. Structural and functional organization of mental regulation of mental states. Methodology, theory, history of personality psychology: Collection of articles. Ed. A.L. Zhuravlev, E.A. Nikitina, N.E. Kharlamenkova. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2019. Pp. 69 – 77.

10. Prokhorov A.O., Valiullina M.E., Gabdreeva V.Sh., et al. Psychology of states. Moscow: ООО Kogito-Center, 2011. 624 p. ISBN 978-5-89353-337-8

Информация об авторе

Процукович Е.П., старший преподаватель, Благовещенский государственный педагогический университет, protsukovich@bgpu.ru

© Процукович Е.П., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9.072

¹ Турнаева Е.Д.,

¹ Авдеева О.В.,

¹ Институт международных экономических связей

Выявление страхов детей в период кризиса 7 лет и коррекция с помощью арт-терапии: изотерапии и сказкотерапии

Аннотация: цель исследования заключалась в выявлении страхов детей и их гендерных особенностей, а также тестировании методов работы с этими страхами. Основные задачи включали изучение природы страхов у детей в возрасте около 7 лет, анализ литературы, проведение дискуссий в классах и сравнение двух методик работы со страхами. Гипотеза исследователей предполагала, что страхи детей будут связаны с окружающим миром, и, возможно, мальчики будут испытывать больше страхов, хотя среди детей без страхов большинство также будет мужского пола. В исследовании приняли участие 120 учеников 1 классов в возрасте 6,5-7,5 лет, разделенных на две группы. Каждому ребенку предложили оценить уровень страха. Обе группы послушали сказку перед работой со страхами. В первой группе дети рисовали свои страхи и дорисовывали что-то веселое, во второй группе менялись рисунками и создали самолетики для прощания со страхами. Результаты показали, что тревожность у детей первой группы снизилась на 70%, а у второй группы – на 93%. Эффект от рисования был менее заметен в случае недавних травмирующих событий. Методика первой группы оказалась более эффективной благодаря использованию различных техник. В итоге, мальчики имели больше страхов, большинство из которых связано с окружающим миром и медиа. Однако, среди детей без страхов было больше мальчиков, указывая на влияние воспитания на восприятие страха.

Ключевые слова: страхи, арт-терапия, изотерапия, сказкотерапия, методика, школьники, кризис 7 лет

Для цитирования: Турнаева Е.Д., Авдеева О.В. Выявление страхов детей в период кризиса 7 лет и коррекция с помощью арт-терапии: изотерапии и сказкотерапии // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 5. С. 287 – 292.

Поступила в редакцию: 5 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2025 г.; Принята к публикации: 4 июля 2025 г.

¹ Turnaeva E.D.,

¹ Avdeeva O.V.,

¹ Institute of International Economic Relations

Identification of fears of children during the crisis of 7 years and correction with the help of art therapy: isotherapy and fairy tale therapy

Abstract: the aim of the study was to identify children's fears and their gender characteristics, as well as to test methods of working with these fears. The main objectives included studying the nature of fears in children around 7 years old, analyzing literature, holding discussions in classes, and comparing two methods of working with fears. The researchers' hypothesis suggested that children's fears would be related to the world around them, and perhaps boys would experience more fears, although among children without fears, the majority would also be male. The study involved 120 first-graders aged 6.5-7.5 years, divided into two groups. Each child was asked to assess the level of fear. Both groups listened to a fairy tale before working with fears. In the first group, the children drew their fears and finished drawing something funny, in the second group they exchanged drawings and created air-

planes to say goodbye to fears. The results showed that anxiety in children in the first group decreased by 70%, and in the second group – by 93%. The effect of drawing was less noticeable in the case of recent traumatic events. The first group's method was more effective due to the use of different techniques. As a result, boys had more fears, most of which were related to the surrounding world and media. However, among children without fears, there were more boys, indicating the influence of upbringing on the perception of fear.

Keywords: fears, art therapy, isotherapy, fairy tale therapy, methodology, pupils, crisis of 7 years

For citation: Turnaeva E.D., Avdeeva O.V. Identification of fears of children during the crisis of 7 years and correction with the help of art therapy: isotherapy and fairy tale therapy. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (5). P. 287 – 292.

The article was submitted: April 5, 2025; Approved after reviewing: June 6, 2025; Accepted for publication: July 4, 2025.

Введение

Актуальность: одним из лучших способов избавить ребенка от страхов являются арт-терапевтические методики. Арт-терапия – лечение искусством [2]. Суть арт-терапии заключается в том, что все эмоциональные переживания и страхи ребенок может выразить через творчество (рисунок). Эффективность такого рисования заключается в следующем: детские страхи обычно беспредметны, этой беспредметностью они пугают еще больше. Ребенок боится, сам толком не понимая, от чего конкретно он испытывает страх. Страх, который ребенок нарисовал визуализируется и материализуется, он сразу же теряет свою таинственность и неизвестность. Вместе с этим в небытие уходит и «ужасность» страха [10]. В.С. Мухина и Д.Н. Узнадзе считают, что в процессе рисования координируется конкретно-образное мышление, связанное с работой правого полушария [3], эмоциональная значимость страха для психики ребенка снижается и понемногу становится незначительной [4]. Мало того, что страх рисуется на бумаге, так потом еще ребенок (напарник ребенка) может делать с ним все, что захочет, но обычно происходит дорисовка страха во что-то не столь пугающее. Можно добавить в рисунок долю юмора, тогда образ, который ранее вызывал у ребенка страх, из страшного превратится в смешной, необычный, даже в нелепый. А бояться того, что вызывает смех просто невозможно. Р. Гудман и Д. Джонсон говорили, что работа фантазии проявляется в визуальных образах, а потом – в словах [9]. Арт-терапия – безопасный и естественный для ребенка вид деятельности, который служит для него “транзитным пространством” [6].

Сказки могут удовлетворить у детей очень важные потребности:

1. Быть самостоятельным – сказки учат детей при помощи своих героев принимать самостоятельно решения, делать выбор, полагаться на себя.

2. Быть активным – персонаж сказки всегда в поиске действий и решений: он куда-то идет, что-то ищет, кому-то помогает, с кем-то борется, с кем-то дружит, а с кем-то враждует. То есть герой учит ребенка проявлять свою активность в любой ситуации.

3. Потребность в социализации – сказки учат находить общий язык с другими людьми, проявлять внимание, сочувствие и сострадание, сказка, на примере своих героев, учит выбирать адекватные способы общения, с учетом и уважением интересов других персонажей.

В период кризиса 7 лет переживания ребенка приводят к формированию аффективного комплекса – чувства неполноценности и унижения. Благодаря обобщению переживаний в 7 лет появляется логика чувств, эти переживания приобретают новый смысл для ребенка, появляется возможность борьбы переживаний [7].

Цель исследования: выявить страхи детей и их гендерные особенности, протестировать методики по проработке страхов.

Задачи исследования:

1. Разобраться в природе страхов в период кризиса 7 лет.

2. Проанализировать литературу по данному вопросу, составить дизайн исследования.

3. Провести дискуссию в классах.

4. Сравнить результаты 2 методик проработки страхов, одна из которых является авторской разработкой.

5. Отрисовать страхи детей и проработать их.

Гипотеза: основываясь на изречения Л.С. Выготского о возрастании страхов в кризисный период, можно предположить, что большее количество страхов детей будет связано с окружающим миром (змеи, насекомые, страшилки из игр и фильмов). Также можно предположить, что больше страхов будет у испытуемых мужского пола, однако, из

детей без страхов большая часть будет мужского пола.

Выборка: в исследовании приняло участие 120 учеников 1 классов в возрасте 6,5-7,5 лет, разделенные на 2 равные группы.

Материалы и методы исследований

Ход исследования:

Участники были рандомно разделены на 2 группы.

В самом начале урока детям было предложено поднять то количество пальцев, которое бы соответствовало их уровню страха, где:

1 палец – не боюсь вообще

2 пальца – немного боюсь

3 пальца – средне боюсь

4 пальца – боюсь

5 пальцев – очень боюсь

110 учеников 1 классов подняли больше одного пальца.

Обеим группам до начала проработки страхов была прочитана сказка про зайку Ушастика [1].

Респондентам из 1 группы была дана следующая инструкция: после отрисовки своих страхов они должны были сами дорисовать что-либо на своих рисунках, чтобы превратить их в нечто смешное или милое, чтобы отвлечь мысли от переживания страхов.

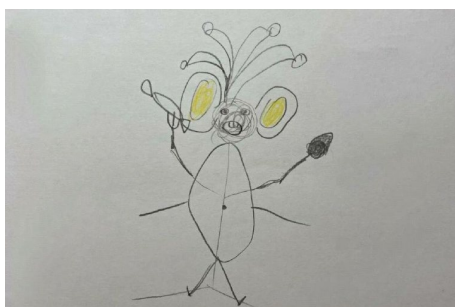

Рис. 1. Страх пауков, респондент дорисовал уши, “фейерверк”, конфеты в руках.

Fig. 1. Fear of spiders, the respondent added ears, “fireworks”, candy in hands.

Рис. 2. Страх темноты, респондент дорисовал стебель и лепестки подсолнуха.

Fig. 2. Fear of spiders, the respondent added ears, “fireworks”, candy in hands.

Тем временем, как респондентам из 2 группы была предложена другая инструкция работы: дети должны были поменяться рисунками с соседями по парте, чтобы по той же схеме дорисовать что-либо на свое усмотрение, потом ученики 1 классов делали из своих рисунков самолетик и запускали их за дверь кабинета в коридор, тем самым они прощались со своими страхами.

На рис. 3 изображен страх хаги ваги. Были дорисованы цветы и подарок. Комментарий: “Представь, что он придет к тебе с коробкой твоих любимых конфет, с подарками и самой интересной книжкой, он будет рассказывать тебе шутки и читать сказки”. Девочка засмеялась и сказала, что теперь совсем не боится.

Рис. 3. Страх хаги ваги.
Fig. 3. Fear of hagi waga.

На рис. 4 изображен страх пауков. Была дорисована улыбка и банка, в которую помещен паук.

Рис. 4. Страх пауков, была дорисована улыбка и банка, в которую помещен паук.
Fig. 4. Fear of spiders, a smile and a jar in which a spider is placed were added.

В конце урока по проработки страхов ученикам 1 классов снова было предложено поднять то количество пальцев, которое бы соответствовало их уровню страха на данный момент.

Результаты и обсуждения

Тревожность от страхов у респондентов 1 группы снизилась на 70% (42 ребенка из 60), в то время как тревожность у респондентов 2 группы снизилась на 93% (56 детей из 60).

Недостаточный эффект от рисования страхов наблюдается, когда то или иное пугающее событие, например, застревание в лифте, укус собаки, избиение, пожар и т.д. были недавно, что не ис-

ключает возможность такого исхода диагностики. (М.В. Киселева, 2022).

Это дает возможность утверждать, что авторская методика проработки страхов оказалась более действенной, ее уникальность состоит в использовании нескольких техник сразу: арт-терапия: изотерапия, сказкотерапия; дискуссия; оригами и “обмен чувствами” (обмен рисунками с соседями по парте).

Таким образом, были получены следующие результаты:

Страх у детей мужского пола: 60, из них 48 связаны с окружающим миром.

Рис. 5. Страх пауков.
Fig. 5. Fear of spiders.

Рис. 6. Страх монстров из игр.
Fig. 6. Fear of monsters from games.

Страхи у детей женского пола: 50, из них 36 связаны с окружающим миром.

Рис. 7. Страх пауков.
Fig. 7. Fear of spiders.

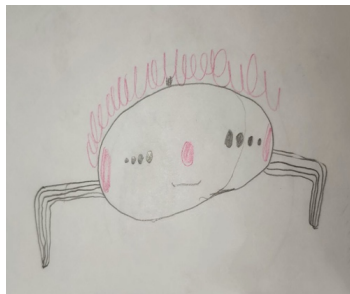

Рис. 8. Страх пауков.
Fig. 8. Fear of spiders.

Дети без страхов: 6 мальчиков и 4 девочки.

Выводы

Основываясь на полученные результаты, можно сделать следующие выводы:

- Больше количество страхов у детей в возрасте 6,5-7,5 лет связаны с окружающим их миром: они знают от взрослых, что змеи могут укусить, поэтому они опасны; насекомые (пауки и тараканы) мерзкие и противные создания; на пчел и ос бывает аллергия; страх страшилок говорит сам за себя.

- У детей мужского пола страхов больше, при этом почти все мальчики боятся страшилок из фильмов и игр, подтверждая тот факт, что они любят компьютерные игры и фильмы ужасов.

- Однако, большая часть детей без страхов именно мальчики, поскольку мужская фигура транслируется как храбрая, бесстрашная, тем самым ставя запрет на проявление чувства страха. Но все они сказали, что бесстрашны они только благодаря своим семьям, которые воспитывают в них данные качества.

Список источников

1. Вечерняя сказка. О том, как зайчик стал смелым и сильным // Редакция UAUA.INFO. URL: <https://health.telegraf.com.ua/semya/detskiy-dosug/news-37350-vechernyaya-skazka-o-tom-kak-zaychik-stal-smelym-i-silnym> (дата обращения: 10.03.2022)
2. Арт-терапия в работе со страхами: техники для детей и взрослых // Институт прикладной психологии URL: <https://ippss.ru/blog/art-terapiya-v-rabote-so-strahami-tehniki-dlya-detej-i-vzroslyh> (дата обращения: 17.03.2022)
3. Мухина В.С. Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта. Москва, М.: Издательство: «Академия», 2000. 240 с.
4. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. Москва: Издательство «Наука», 1966. 452 с.
5. Лебедева Л.Д., Никонорова Ю.В., Тараканова Н.А. Энциклопедия признаков и интерпретаций в проективном рисовании и арт-терапии. Москва: Издательство «Речь», 2022. 336 с.
6. Лебедева Л.Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. Москва: Издательство «Речь», 2021. 192 с.
7. Выготский Л.С. Психология развития человека. Москва: Издательство «Эксмо», 2005. 1136 с.
8. Киселева М.В. Арт-терапия в работе с детьми. Москва: Издательство «Речь», 2022. 160 с.
9. Гудман Р. Обсуждение и создание детских рисунков. Санкт-Петербург: Издательство «Питер», 2000. 448 с.
10. Устранение страхов с помощью арт-терапии // Психологическая газета URL: <https://psy.su/feed/1974/> (дата обращения: 09.03.2022)

References

1. Evening Tale. About How the Bunny Became Brave and Strong. Editorial Board of UAUA.INFO. URL: <https://health.telegraf.com.ua/semya/detskiy-dosug/news-37350-vechernyaya-skazka-o-tom-kak-zaychik-stal-smelym-i-silnym> (date of access: 03.10.2022)
2. Art Therapy in Working with Fears: Techniques for Children and Adults. Institute of Applied Psychology URL: <https://ippss.ru/blog/art-terapiya-v-rabote-so-strahami-tehniki-dlya-detej-i-vzroslyh> (date of access: 03.17.2022)
3. Mukhina V.S. Visual activity of a child as a form of assimilation of social experience. Moscow, M.: Publishing house: "Academy", 2000. 240 p.
4. Uznadze D.N. Psychological Research". Moscow: Nauka Publishing House, 1966. 452 p.
5. Lebedeva L.D., Nikonorova Yu.V., Tarakanova NA Encyclopedia of Signs and Interpretations in Projective Drawing and Art Therapy. Moscow: Rech Publishing House, 2022. 336 p.
6. Lebedeva L.D. Art Therapy Practice: Approaches, Diagnostics, System of Classes. Moscow: Rech Publishing House, 2021. 192 p.
7. Vygotsky L.S. Psychology of Human Development. Moscow: Eksmo Publishing House, 2005. 1136 p.
8. Kiseleva M.V. Art Therapy in Working with Children. Moscow: Rech Publishing House, 2022. 160 p.
9. Goodman R. Discussion and Creation of Children's drawings. St. Petersburg: Piter Publishing House, 2000. 448 p.
10. Eliminating fears with the help of art therapy. Psychological newspaper URL: <https://psy.su/feed/1974/> (date of access: 03.09.2022)

Информация об авторах

Турнаева Е.Д., ассистент психолога Психологической службы, Институт международных экономических связей, elizavetaturnaeva@yandex.ru

Авдеева О.В., кандидат психологических наук, доцент, руководитель образовательных программ по направлению подготовки 37.03.01 Психология профиль «Психологическое консультирование», и по направлению подготовки 37.03.01 Психология профиль «Конфликтология» Институт международных экономических связей izumsud@mail.ru

© Турнаева Е.Д., Авдеева О.В., 2025